М. К. КАРГЕР

ДРЕВНИЙ КИЕВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

М. К. КАРГЕР

ДРЕВНИЙ КИЕВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ДРЕВНЕРУССКОГО
ГОРОДА

ТОМ
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1958

АННОТАЦИЯ

Монография представляет обобщающий труд, подводящий итоги полуторавековых археологических исследований столицы Древнерусского государства — города Киева. Значительная часть книги основана на материалах многолетних раскопок, проводившихся самим автором. Монография обильно иллюстрирована фотографиями, чертежами и рисунками. Книга рассчитана на научных работников и подготовленных читателей, интересующихся вопросами истории культуры.

Ответственный редактор

А. Л. МОНГАЙТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография «Древний Киев» представляет опыт историко-археологического исследования древнейшей столицы Русского государства, по имени которой начальный период истории этого государства принято называть «Киевской Русью». Задача исследования, как это видно из подзаголовка монографии, ограничена проблемами истории материальной культуры древнерусского города. Вопросы политической истории Древнерусского государства, важнейшие события которой нередко разыгрывались на улицах и площадях его стольного города, автор затрагивает лишь в той мере, в какой они необходимы для понимания проблем истории материальной культуры. В числе этих проблем важнейшее значение автор придает вопросам градостроительства, включающим историю формирования городской территории и ее планировки, строительство оборонительных сооружений города, возникновение и развитие феодальных княжеских и боярских внутригородских и загородных дворов-вотчин с их жилыми и хозяйственными постройками, строительство разнообразных монументальных сооружений и особенно массовых жилищ и хозяйственных построек горожан.

Важнейшей проблемой истории древнерусского города и истории Киева, в частности, является проблема городского ремесла. Ремесленное производство составляло основу экономической жизни города, являлось важнейшей определяющей чертой, отличающей феодальный город от других видов поселений. «Разделение труда в пределах той или иной нации, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — прежде всего приводит к отделению промышленного и торгового труда от труда земледельческого и, тем самым, к отделению города от деревни и к противоположности их интересов».[1]

Лишь очень немногие из перечисленных вопросов освещены письменными источниками, в первую очередь древними летописями и некоторыми литературными произведениями Киевской Руси. Тем более ценными и к тому же неисся-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, М., 1933, стр. 12.

каемыми источниками для изучения проблем истории древнерусского города являются многообразные памятники материальной культуры, добываемые археологическими раскопками. Значение памятников материальной культуры долгое время недооценивалось историками, игнорировавшими эту разновидность исторических источников. Даже те из них, которые считали возможным и необходимым прибегать к помощи этой категории источников, обычно использовали их в качестве иллюстративного материала для подтверждения теорий и взглядов, сложившихся на основе изучения письменных источников.

Лишь совсем недавно в этом вопросе наступил решительный перелом. Он наглядно отражен в последних работах акад. Б. Д. Грекова [1] и в еще большей мере в трудах акад. М. Н. Тихомирова, где наряду с тонким анализом письменных источников широко и равноправно используются и археологические материалы.[2] Изучая предпосылки образования городов на Руси, Б. Д. Греков писал: «Теоретически здесь все ясно. Но решить задачу применительно к древней Руси на прочном основании источников совсем не просто. Письменные источники дают нам слишком мало. Разрешить задачу может только археология. Нужно отдать справедливость, наши археологи уже сделали немало. С каждым годом наша наука обогащается новыми ценными материалами. Но, самое главное, археологи с полной очевидностью показали, что они в данном вопросе могут вывести историческую науку из трудного положения. Весь вопрос во времени. Ждать осталось немного. В свете новых археологических открытий по-новому начинают звучать и наши скудные письменные источники».[3]

Перечисленными выше вопросами, связанными с историей Киева X—XIII вв., круг задач предлагаемого исследования не исчерпывается. Археологические источники позволяют «углубиться» в значительно более отдаленные времена с целью изучения более древних поселений, существовавших на территории будущего города уже в первые века нашей эры, а вероятно, и несколько ранее. Археологические источники в настоящее время далеко не с одинаковой степенью полноты раскрывают разные этапы исторического развития поселений, предшествовавших сложению древнерусской столицы. В отношении некоторых исторических этапов археологические источники являются пока лишь первыми, не всегда до конца понятными сигналами, направляющими дальнейшие поиски.

Археологические исследования древнего Киева, начавшиеся почти полтора века назад и особенно широко развернувшиеся в последние десятилетия, обогатили историческую науку множеством новых, бесспорно установленных фактов. Многие вопросы древней истории города, не разрешимые на основе письменных источников, получили серьезное, глубокое истолкование на основе археологических источников. Однако не следует преувеличивать степень изу-

---

[1] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949.

[2] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Ученые записки МГУ, вып. 99, М., 1946; 2-е испр. и доп. изд., М., 1956.

[3] Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 100—101.

ченности Киева в этом отношении. Следует помнить, что площадь города, подвергшаяся археологическим исследованиям, ничтожна по отношению к территории, остающейся недоступной для раскопок, так как последние ведутся в обстановке современного благоустроенного города с асфальтированными улицами и площадями, замощеными дворами, города со сложным подземным хозяйством (водопроводом, канализацией, электросетью, газопроводом и пр.). Археологические раскопки в Киеве с каждым годом становятся более затрудненными, хотя можно с уверенностью сказать, что дальнейшие исследования дадут новые и разнообразные материалы, которые позволят осветить многие, до сих пор не решенные вопросы.

Несмотря на незавершенность археологических исследований Киева, автор считает своевременной попытку подвести итоги почти полуторавековых исследований. Отдельные попытки обобщений делались и раньше, но они или безнадежно устарели, или же имеют слишком частный характер.

Автору выпало счастье в течение ряда лет (1938—1952 гг.) руководить Киевской археологической экспедицией, организованной Институтом археологии АН УССР совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР. Возможности, которыми располагала эта экспедиция, были в разные годы неравнозначны, но общие результаты ее работ не только обогатили нашу науку огромным количеством новых разнообразных памятников, но и позволили поднять, а отчасти и решить немало различных проблем истории древнего Киева. Вновь открытые и исследованные Киевской экспедицией памятники позволили по-новому понять и интерпретировать результаты более ранних исследований.

Автор пользуется случаем отметить, что всеми основными научными результатами Киевская археологическая экспедиция обязана в первую очередь безграничной энергии, энтузиазму и самоотверженному труду личного состава названной экспедиции, в которой основную роль во все годы играли студенческая молодежь и аспиранты Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова, Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР и Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Неоценимо участие в полевых исследованиях и в камеральной обработке материалов научных сотрудников и лаборантов Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР, Института археологии АН УССР и Киевского исторического музея.

Монография «Древний Киев» состоит из двух томов. Главы первого тома посвящены изучению древнейших поселений и могильников на территории Киева, проблемам градостроительства X—XIII вв. (оборонительные сооружения, княжеские и боярские дворы, массовые жилища горожан) и городского ремесла. Этим главам предпосылается вводная историографическая глава, посвященная истории археологических исследований Киева. Завершающая глава «Киев и монгольское нашествие» не только служит обоснованием «верх-

ней» хронологической границы исследования, но и объясняет многие особенности археологических источников, на которых воссоздаются отдельные этапы истории материальной культуры Киева.

Второй том целиком посвящен вопросам истории каменного зодчества Киева X—XIII вв. и тем проблемам градостроительства, которые неразрывно связаны со строительством монументальных сооружений. Приложением ко второму тому служит обширная библиография по разнообразным вопросам истории материальной культуры Киева, отражающая полуторавековую историю археологического изучения Киева.

И КТО УБО НЕ ВОЗЛЮБИТ КИЕВЪСКАГО КНЯЖЕНИА, ПОНЕЖЕ ВСЯ ЧЕСТЬ И СЛАВА, И ВЕЛИЧЕСТВО, И ГЛАВА ВСЕМ ЗЕМЛЯМ РУССКИИМ — КИЕВ.

Никоновская летопись 6663(1155) г.

Глава I

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНЕГО КИЕВА

> . . .Нет места, где бы до известной глубины была целая земля; везде щебень, кирпичи, камни, части фундаментов, кости и другие остатки долговечного города.
>
> М. Берлинский. Краткое описание Киева 1820.

1. НИКОН ПЕЧЕРСКИЙ (XI в.) — ПЕРВЫЙ ИСТОРИК И АРХЕОЛОГ ДРЕВНЕГО КИЕВА

Разнообразные памятники Киева — величественные свидетели многовековой истории древнейшей столицы Русского государства — еще в далекой древности привлекали к себе внимание народа. Пытливый ум народа искал у этих молчаливых свидетелей его далекого прошлого ответы на многие волновавшие вопросы. Глубокий интерес к памятникам седой старины возрастал по мере роста народного самосознания.

Когда во второй половине XI в. в Киеве первые русские летописцы приступили к созданию истории Русского государства, среди разнообразных исторических источников, к которым они обратились, были и различные памятники материальной культуры.

На территории Киева, в различных его концах, в XI—XII вв. возвышалось немало огромных курганов, которые для киевлян той поры были уже памятниками далекого прошлого. Вблизи Печерского монастыря, в урочище, которое и во времена летописца называлось Угорским, находился курган, по-видимому, издавна слывший «Аскольдовой могилой», а в самом центре Ярославова города, за церковью Ирины, выстроенной кн. Ярославом Владимировичем невдалеке от Софийского собора, был расположен другой курган, называвшийся «Диро-

вой могилой». Как известно, урочище Аскольдова могила сохранилось в Киеве вплоть до наших дней, а поисками Дировой могилы с увлечением, хотя и безуспешно, занимались киевские археологи 30—40-х годов прошлого века.

Под 882 г. в Повесть временных лет занесен рассказ, с помощью которого летописец пытался связать древнейшую новгородскую историю с киевской. Предприняв в 882 г. большой поход на юг, Олег захватил Смоленск и Любеч и подошел «к горам Киевьским». Узнав о том, что в Киеве княжат Аскольд и Дир, Олег решил хитростью завладеть городом. Притворившись купцом, идущим «в Греки» от Олега и Игоря-княжича, он заманил Аскольда и Дира на берег, и там находившиеся в засаде воины Олега убили их.[1]

Передавая эту устную киевскую легенду о гибели Аскольда и Дира и о захвате города Олегом, пришедшим из далекого северного Новгорода, или Ладоги, летописец стремится подкрепить легендарный рассказ ссылкой на вещественные памятники, хорошо известные его современникам-киевлянам. По рассказу летописца, убитых князей «несоша на гору и погребоша и́ на горе, еже ся ныне зовет Угорьское, кде ныне Олъмин двор; на той могиле поставил [Олма] церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною».[2]

Языческие курганы, напоминавшие о далеких страницах древнейшей истории родины, привлекали киевского летописца не раз. Рассказав о смерти князя Олега и о погребении его на горе Щековице, летописец и в этом случае не преминул добавить: «Есть же м о г и л а е г о и д о с е г о д н и, словеть могыла Ольгова».[3]

Для подкрепления полулегендарных рассказов о деятельности первых русских князей IX—X вв. летописец ссылался на языческие курганы, сохранившиеся не только в самом Киеве. На протяжении ста тридцати семи лет летописного повествования (с 882 по 1019 г.) он шесть раз ссылается на старые языческие курганы, связанные народным преданием с историческими лицами, каждый раз отмечая при этом, что могила (т. е. курган, насыпь), о которой идет речь, сохранилась «и д о с е г о д н е», т. е. до того времени, когда писал летописец.

Не только древние курганы привлекает летописец в качестве вещественных исторических источников для подтверждения своего рассказа. Широко пользуется он ссылками на древние городища и особенно часто на различные архитектурные памятники: укрепления, дворцы, храмы, привлекая их для подтверждения своего рассказа о различных событиях.

Повествуя под 980 г. о борьбе Владимира Святославича с Ярополком, летописец писал: «И приде Володимер Киеву с вои многи, и не може Ярополк стати противу, и затворися Киеве с людми своими и с Блудом; и стояше Володимер, обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичем и Капичем, и е с т ь

[1] Лавр. лет. 6390 (882) г.

[2] Там же. Ср. Ипатьевскую летопись под тем же годом. Имя Олмы — строителя церкви Николы — упомянуто только в Ипатьевской летописи.

[3] Лавр. лет. 6420 (912) г.

ров и до сего дне».[1] Необходимо подчеркнуть, что речь идет не о крепостных сооружениях, окружавших Киевский Подол в XI—XII вв., а об остатках заброшенных уже временных укреплений, сооруженных дружиной Владимира, подготовлявшейся к штурму Киева.

Повествуя под 945 г. о прибытии в Киев послов византийского императора для заключения договора, летописец сообщает о клятве, которую сам Игорь с языческой частью дружины давал на Перуновом холме, положив на землю оружие, щиты и золото, а христианская часть дружины — в соборной церкви св. Ильи, по поводу которой летописец добавил: «яже есть над ручаем, конець Пасынъче беседы и Козаре».[2]

Под 988 г. в Повести временных лет читается большой рассказ о Корсунском походе Владимира Святославича, о крещении князя в Корсуни и о вывозе из города различных трофеев. Стараясь различными аргументами подтвердить версию о крещении князя в Корсуни, в противовес другим известиям о его крещении в Киеве, летописец, для вящей убедительности развиваемой им концепции, трижды обращается к архитектурным памятникам Корсуни: «Крести же ся в церкви святаго Василья и есть церки та стоящи в Корсуне граде, на месте посреди града, идеже торг доють Корсуняне». Однако ссылку на сохранившийся до времени летописца храм он счел, по-видимому, недостаточной, решив добавить и сведения о дворце, в котором жил Владимир в это время: «Полата же Володимеря с края церкве стоить и до сего дне, а царицына полата за олтарем».[3] С именем Владимира Святославича в Корсуни были связаны не только «полата», где он жил, и храм, в котором он крестился. Памятью о событиях, развернувшихся в Корсуни, был еще храм, выстроенный самим Владимиром: «Постави же церковь в Корсуни на горе, идеже съсыпаша среде града, крадуще присну, яже церкви стоить и до сего дне».[4]

Памятники, увековечивавшие Корсунский поход, были воздвигнуты и в Киеве, на центральной площади столицы. Летописец не преминул привлечь их для подкрепления рассказа о разгроме Корсуни. Возвращаясь из похода домой, Владимир захватил из Корсуни не только «съсуды церковныя и иконы на благословенье себе». По средневековой традиции, он забрал с собой в качестве трофеев различные монументы, стоявшие на площадях и улицах покоренного города, и украсил ими свою столицу: «Взя же ида [иды] медяне две капищи и 4 кони медяны, иже и ныне стоять за святою Богородицею (т. е. за Десятинной церковью, — *М. К.*), якоже неведуще мнять я мрамаряны суща».[5] Таким образом, весь ход событий Корсунского похода и крещения князя, изложенный на основе легенд, записанных летопис-

[1] Лавр. лет. 6488 (980) г.
[2] Лавр. лет. 6453 (945) г.
[3] Лавр. лет. 6496 (988) г.
[4] Там же.
[5] Там же.

цем, подтверждается им ссылкой на целый ряд памятников, сохранившихся до XI—XII вв. как в Корсуни, так и в самом Киеве.

Наиболее поздним примером подобных ссылок на архитектурные памятники является сообщение о торжественном перенесении в 1072 г. тел Бориса и Глеба в новую церковь, выстроенную Изяславом в Вышгороде. Летописец добавил о ней: «яже стоить и ныне».[1]

Наряду со ссылками на археологические памятники в прямом смысле этого слова излюбленным приемом летописца являются также попытки установить древнюю топографию частей города, его урочищ, сооружений, мест, где происходили те или иные события, с помощью сопоставления с современной для летописца топографией города, что для читателей XI—XII вв. делало места тех или иных исторических событий конкретными, а самые события более понятными. Так, местоположение древнего города Кия на горе летописец определял словами: «Седяше Кий на горе, идеже есть ныне увоз Боричев».[2]

Определяя территорию Киева времен Ольги, летописец говорит о нем: «Град же бе Киев, идеже ныне двор Гордятин и Никифоров»,[3] а говоря о княжеском дворе в это же время, определяет его местоположение словами: «А двор княж бяше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин».[4] Другой княжеский двор, расположенный «вне града», по словам летописца, находился «идеже есть двор Демьстиков за святою Богородицею».[5] Говоря о многоженстве Владимира, в рассказе о Рогнеде, посаженной на Лыбеди, летописец указывает, что место это находилось там «идеже ныне стоить сельце Предъславино».[6]

Повествуя под 983 г. о варяге-христианине, сына которого язычники-киевляне хотели принести в жертву богам, летописец отмечает, что двор его находился там, «идеже есть церкви святая Богородица, юже сдела Володимер».[7]

Описывая битву с печенегами в 1036 г., летописец определяет место битвы там, «идеже стоить ныне святая Софья, митрополья Русьская; бе бо тогда поле вне града».[8]

Приведенные выше отрывки летописного текста свидетельствуют о том, что начиная с первых страниц Повести временных лет и вплоть до начала 70-х годов XI в. через летописное повествование красной нитью проходит устойчиво применяющийся прием своеобразной «научной аргументации»,

[1] Лавр. лет. 6580 (1072) г.
[2] Лавр. лет., стр. 8
Лавр. лет. 6453 (945) г.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Лавр. лет. 6488 (980) г.
[7] Лавр. лет. 6491 (983) г.
[8] Лавр. лет. 6544 (1036) г.

как бы подтверждающей историческое или полулегендарное повествование ссылкой на разнообразные вещественные памятники далекого для времени самого летописца прошлого.

Сам по себе этот факт, не отмечавшийся, насколько нам известно, исследователями древнерусского летописания с необходимой полнотой, представляет значительный интерес как для характеристики работы древнерусского летописца, с одной стороны, так и для уяснения предыстории русской археологической науки, с другой. Необходимо отметить, что исследователи древнерусского летописания, характеризуя отдельные этапы его развития, указывали среди источников, откуда летописцы того или иного времени могли черпать свои материалы, фольклорные источники, упоминая иногда в числе последних и овеянные легендами «мемориальные урочища или предметы», в частности древние курганы, связанные с именами исторических деятелей.[1] Однако эти упоминания имели обычно несколько случайный, эпизодический характер, в результате чего и самый прием летописной работы, привлекающий наш интерес, оставался невыясненным и терялся среди многих других особенностей труда летописца, которым исследователи древнерусских летописей уделяли основное внимание.

Если до настоящего времени оставалась невыполненной даже первичная задача систематизации интересующих нас «археологических экскурсов» древнерусского летописца, то вовсе неясным оставался вопрос о том, является ли прием аргументации с помощью привлечения вещественных памятников приемом, характеризующим какого-либо определенного летописца, или же это черта, свойственная древнерусскому летописанию вообще или хотя бы какому-нибудь его периоду.

Как установлено крупнейшими исследователями древнерусского летописания А. А. Шахматовым, М. Д. Приселковым, Д. С. Лихачевым и другими, Повесть временных лет — один из замечательнейших памятников высокой культуры Киевской Руси — является памятником, далеко не однослойным.

В составе Повести временных лет, прошедшей после ее создания печерским летописцем Нестором около 1113 г. еще две дополнительные редакции (в 1116 и 1118 гг.), достаточно отчетливо прослеживается три более ранних этапа летописной работы в Киеве. Древнейший пласт, вскрытый А. А. Шахматовым,[2] названный им условно «Древнейшим киевским сводом», составленным в конце 30-х годов XI в., является, по признанию более поздних исследователей, наиболее слабым звеном всей концепции Шахматова. Именно этот древнейший пласт киевского летописания получил несколько позже глубоко ошибочную историческую трактовку в трудах М. Д. Приселкова, пытавшегося доказать, что Древнейший киевский свод 1037—1039 гг. представлял собой нечто вроде

[1] История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 262; ср.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 41.

[2] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

докладной записки, составленной киевской митрополией, находившейся в руках греков, в Константинополь.[1]

Совершенно новое понимание, решительно отличавшееся и от концепции А. А. Шахматова, и тем более от трактовки М. Д. Приселкова, выдвинул в ряде своих работ по летописанию Д. С. Лихачев. Утверждая, что он лишь «продолжил наблюдения А. А. Шахматова», внося в них «некоторые поправки»,[2] Д. С. Лихачев, в сущности, разрушил как фикцию реконструированный А. А. Шахматовым Древнейший свод, показав, что воссозданный трудами А. А. Шахматова Свод 1037—1039 гг. «отличается не большей цельностью, чем и сама Повесть временных лет».[3] Трудами Д. С. Лихачева было установлено, что не только вставки, переделки и дополнения, но и соединение идейно и стилистически разнородного материала характеризуют Древнейший летописный свод, реконструированный А. А. Шахматовым.

Расслоив Древнейший свод А. А. Шахматова, Д. С. Лихачев доказал, что древнейшим пластом киевского летописания, «первым произведением по русской истории» (как называл его сам автор, заменив термин А. А. Шахматова «Древнейший летописный свод») было составленное при Ярославе «Сказание о распространении христианства на Руси». Д. С. Лихачевым была глубоко раскрыта идейная и стилистическая основа этого произведения, вызванного подъемом политического самосознания русского народа и тесно связанного с другими явлениями литературы и всей культуры эпохи Ярослава Мудрого.[4]

Этот «первый труд по русской истории», понимавшейся как церковная история по преимуществу, получил дальнейшее продолжение и развитие в деятельности печерских монахов-летописцев с начала 60-х годов XI в. После водворения в Киеве митрополита-грека, сменившего митрополита Илариона, летописная работа была продолжена в Киево-Печерском монастыре. Здесь первоначальное «Сказание о распространении христианства на Руси» получает дополнения, касающиеся светской, по преимуществу военной истории Руси. Здесь были введены в летопись народные сказания о первых русских князьях, о победах русского оружия и в значительной мере — события из жизни самого Печерского монастыря; здесь же в летописание был введен впервые хронологический принцип изложения по годовым статьям. По словам Д. С. Лихачева, «первое русское историческое произведение, созданное при Ярославе Мудром, разрастаясь добавлениями, сделанными к нему в Печерском монастыре, постепенно становится тем, что мы привыкли называть летописью».[5] Характеризуя этот начальный период русского летописания, связанный с Киево-Печерским

---

[1] М. Д. Приселков. История. . ., стр. 26—27; ср.: М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 82.

[2] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 75.

[3] Там же, стр. 62.

[4] Там же, стр. 62—76.

[5] Там же, стр. 77.

монастырем, Д. С. Лихачев справедливо утверждал, что не только идейные черты древнейшего русского летописания — его публицистические тенденции, его учительный по отношению к князьям характер, его рассудительность и принципиальность, но и, по существу, все внешние особенности русского летописания — его связь с фольклором, с деловой речью, хронологический принцип изложения и т. д. — все это определилось уже здесь, в Киево-Печерском монастыре.[1]

Трудами А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова было неоспоримо установлено участие в печерском летописании сподвижника Антония и Феодосия Печерских — Никона, которого Нестор в житии Феодосия называет «великим», изображая за неустанной работой, «сидящу и строащу книгы». М. Д. Приселков выдвигал остроумную гипотезу о том, что под монашеским именем Никона в Печерском монастыре продолжал свою глубоко патриотическую деятельность смещенный с митрополичьей кафедры Иларион.[2] Яркая личная биография Никона позволяет раскрыть и объяснить многие черты киевского летописания той поры, когда последнее было сосредоточено в Печерском монастыре.

Взяв за основу «Сказание о распространении христианства на Руси», Никон Печерский ввел в него устные предания киевского, новгородского, тмутороканского и северночерноморского происхождения, создав, по словам Д. С. Лихачева, «первую систематическую историю русского народа».[3] Именно Никон придал своему произведению ту форму летописи, которая легла в основу последующего развития древнерусского летописания.

К первоначальным годам княжения Святополка, отмеченным резкими конфликтами с ним Печерского монастыря, относится составление нового печерского летописного свода, названного А. А. Шахматовым «Начальным сводом»,[4] а М. Д. Приселковым — «Сводом Ивана 1093 г.».[5] Составитель Свода 1093 г. ставил себе публицистические задачи — на примерах древних русских князей он стремился исправить новых. Русская история рассматривалась теперь как назидательное прежде всего и воспитывающее патриотизм чтение.[6]

Наконец, около 1113 г. в Печерском же монастыре был создан новый памятник русского летописания — Повесть временных лет, написанная печерским монахом Нестором, дошедшая до нас в переработках двух последующих редакторов, работавших в 1116 и 1118 гг.[7] Несмотря на некоторые изменения, внесенные этими редакторами, Повесть временных лет, как это прочно установлено исследователями древнерусского летописания, может считаться созданием печерских летописцев. Нестор соединил в своем произведении материал и осо-

[1] Там же, стр. 82.

[2] М. Д. Приселков. 1) Очерки. . ., стр. 181—184; 2) Нестор летописец. Пгр., 1923, стр. 22.

[3] Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 90.

[4] А. А. Шахматов. Разыскания . . ., стр. 12 и сл.

[5] М. Д. Приселков. История . . ., стр. 34—36.

[6] Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 97.

[7] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916, стр. I—XI.

бенности более старых печерских сводов с их агрессивной антигреческой и общерусской направленностью и вместе с тем придал новому летописному своду «черты официальной сдержанности нового княжеского летописания».[1]

К которому из перечисленных выше исторических пластов Повести временных лет, отражающих весьма различные этапы летописной работы в Киеве с середины XI до начала XII столетия, относятся приведенные выше экскурсы летописца в область вещественных, археологических памятников?

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что приведенные выше ссылки летописца на различные древние памятники характеризуются чрезвычайной устойчивостью формулировок. Из восемнадцати ссылок на различные древние памятники в шестнадцати случаях летописец пользуется почти трафаретной формулой. Рассказ о смерти и погребении Олега заканчивается словами: «Есть же могила его и до сего дни»; рассказ о смерти и погребении Игоря — словами: «Есть могила его у Искоростеня града в Деревех и до сего дне»; рассказ о смерти и погребении кн. Олега Святославича — словами: «И есть могила его и до сего дне у Вручего»; рассказ о смерти кн. Святополка Окаянного — словами: «Есть же могыла его в пустыни и до сего дне, исходит же от нее смрад зол»; рассказ о разгроме Святославом городов на Балканах — «яже стоять и до днешнего дне пусты»; рассказ о городах уличей и тиверцев на Днестре — «и суть гради их и до сего дне»; рассказ об укреплениях, созданных Владимиром под Киевом, — «и есть ров и до сего дне»; рассказ о церкви Ильи, в которой клялись дружинники Игоря, — «яже есть над ручаем конець Пасынъче беседы и Козаре»; рассказ о Корсунской церкви Василия, в которой крестился Владимир, — «и есть церки та стоящи в Корсуне граде, на месте посреди града, идеже торг деють Корсуняне»; рассказ о корсунской палате, в которой жил Владимир, — «полата же Володимеря с края церкве стоить и до сего дне, а царицына полата за олтарем»; подразумевается также: «стоить и до сего дне»; рассказ о церкви, построенной Владимиром в Корсуни, — «яже церкви стоить и до сего дне»; рассказ о постановке в Киеве капищ и четырех коней — «иже и ныне стоять за святою Богородицею»; рассказ о церкви в Тмуторокани, выстроенной Мстиславом, — «яже стоить и до сего дне Тьмуторокани»; рассказ о церкви Бориса и Глеба в Вышгороде, выстроенной Изяславом в 1072 г., — «яже стоить и ныне»; и, наконец, рассказ о санях кн. Ольги, сохранившихся в Пскове, — «и сани ее стоять в Плескове и до сего дне». Незначительно отличающийся с литературной стороны рассказ о погребении Аскольда и Дира вызван контекстом — «на той могиле (Аскольда, — *М. К.*) поставил (Олма, — *М. К.*) церковь святаго Николу (перед этим место могилы определялось словами: «кде ныне Олъмин двор», — *М. К.*), а Дирова могила за святою Ориною».

Повторяющийся неоднократно прием обращения к вопросам «исторической топографии» характеризуется также почти стандартной формулировкой. Древ-

[1] Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 171.

нее местоположение «города Кия» летописец определяет словами: «и д е ж е н ы н е увоз Боричев»; местоположение Угорского — «к д е н ы н е Олмин двор»; местоположение города Киева времен Ольги — «и д е ж е н ы н е двор Гордятин и Никифоров»; местоположение княжеского двора — «и д е ж е е с т ь н ы н е двор Воротиславль и Чюдин»; местоположение другого княжеского двора — «и д е ж е е с т ь двор Демьстиков за святою Богородицею»; местоположение двора варяга — «и д е ж е е с т ь церкви святая Богородица»; место битвы с печенегами в 1036 г. — «и д е ж е с т о и т ь н ы н е святая Софья митрополья Русьская, бе бо тогда поле вне града»; местоположение села Рогнеды — «и д е ж е н ы н е стоить сельце Предъславино»; местоположение сельца Берестова (времени Владимира) — «е ж е з о в у т ь н ы н е Берестовое».

Общность обоих приемов доказательства, со ссылкой на источники, объективная убедительность которых была столь привлекательна для летописца XI в., дополняемая к тому же тождественностью литературного оформления этих ссылок, склоняет нас к мысли о принадлежности интересующих нас «археологических экскурсов» в тексте Повести временных лет какому-то одному из авторов, работавших над созданием этого сложного летописного свода.

Для того чтобы вывести это предположение из категории историко-литературных догадок, необходимо обратиться к содержанию тех летописных статей, для которых характерны интересующие нас «археологические экскурсы».

Работами А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова было неоспоримо установлено, что ряд тмутороканских событий, случившихся в те годы, когда в Тмуторокани в добровольном изгнании проживал Никон, был внесен в киевскую летопись несомненно им. Никон же внес в летописный рассказ и ряд местных преданий, связанных с более ранними событиями в Тмуторокани, как например фольклорное сказание о поединке тмутороканского князя Мстислава Владимировича с косожским князем Редедею.[1] Таким образом, ссылка на сохранившуюся «и до сего дне» тмутороканскую церковь Богородицы, выстроенную Мстиславом, несомненно принадлежит Никону.

Использование фольклора Причерноморья привело Никона и к переработке более раннего рассказа «Сказания» о крещении Руси на основе так называемой «Корсунской легенды».[2] Как справедливо отметил Д. С. Лихачев, ряд фольклорных мотивов, свидетельствующих об устном происхождении легенды, которой воспользовался Никон, своей топографической точностью указывают на ее причерноморское происхождение.[3]

Действительно, в рассказе о корсунских событиях мы находим и описание деталей устройства водопровода в Корсуни из колодца, расположенного вне

---

[1] А. А. Ш а х м а т о в. Разыскания. . ., стр. 424 и сл. — М. Д. П р и с е л к о в. История. . ., стр. 33. — Д. С. Л и х а ч е в, ук. соч., стр. 87.

[2] Д. С. Л и х а ч е в, ук. соч., стр. 87. — Повесть временных лет, ч. 2. Комментарии Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950, стр. 336; ср.: История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 271.

[3] Д. С. Л и х а ч е в, ук. соч., стр. 87.

города, и точное указание, где стоят «до сего дне» церковь Василия, в которой крестился Владимир, палата, в которой он жил, и палата царицы. Упомянут как памятник корсунских событий и храм, выстроенный в Корсуни самим Владимиром, который также, по летописному рассказу, «стоить и до сего дне».

Рассказ о корсунских событиях завершается сообщением о том, как в самом Киеве по средневековой традиции были установлены увезенные из Корсуни в качестве трофеев «иды медяне, два капища и четыре кони медяны», о которых летописец не преминул сказать своей привычной формулой «иже и ныне стоять за святою Богородицею», добавив при этом, что «неведуще» считают их мраморными.

Таким образом, все четыре ссылки Повести временных лет на архитектурные и скульптурные памятники, стоящие «и до сего дне», приводимые в подтверждение рассказа об исторических событиях Корсунского похода относятся к тому пласту Повести, который несомненно восходит к Никоновскому своду 1073 г.

По мнению М. Д. Приселкова, Никон, располагая какой-то болгарской летописью, извлек из нее героические подробности войны Святослава с болгарами и греками.[1] Таким образом, летописная ссылка на опустошенные Святославом греческие города, стоящие «до днешнего дне пусты», т. е. превратившиеся в городища, также несомненно принадлежит Никону.

Небезынтересно отметить, что в летописном рассказе о болгарском походе 971 г. есть еще одно место, и по литературной манере и, что важнее, по политической направленности выдающее авторство Никона. Рассказывая о притворстве греков, пытавшихся обмануть Святослава при переговорах, летописец добавляет: «Се же реша Грьци, льстяче под Русью, суть бо Греци лстивы и до сего дни».[2] Один из последующих редакторов Свода 1073 г., настроенный более грекофильски, заменил слово «лстивы» словом «мудри»,[3] явно нарушив смысл довольно ядовитой никоновской реплики.

Политически заостренные ссылки на современность (на «сей день») были, по-видимому, излюбленным литературным приемом Никона. Так, услышав в Тмуторокани хазарское предание о том, что хазары когда-то брали дань с полян, но позже от нее отказались, Никон включил это предание в летопись, заметив при этом: «владеють Козары Русьстии князи и до дьнешнего дне» (вероятно, в Тмуторокани).[4]

Рассказы, повествующие о древнейших страницах истории самого города Киева, связанные с событиями военной и политической истории Руси, с повествованием о деятельности первых князей, принадлежат несомненно Никону. По мнению А. А. Шахматова, рассказом о происхождении Киева начинался «Древнейший Киевский свод 1039 г.». В действительности этот рассказ был введен в состав летописи, по-видимому, Никоном Печерским, который, взяв

[1] М. Д. Приселков. История. . ., стр. 33.
[2] Лавр. лет. 6479 (971) г.
[3] Ипат. лет. 6479 (971) г.
[4] М. Д. Приселков. История. . ., стр. 33.

за основу своего труда «Сказание о первых русских христианах», составленное в 30-х годах XI в. митрополитом Иларионом, добавил к этому «первому произведению по русской истории» рассказы, касавшиеся светской истории Руси. Никон приступил к собиранию материала для своего труда еще в начале 60-х годов XI в., продолжая эту работу и в Тмуторокани, куда он вынужден был уехать в результате конфликта с киевским князем, и закончил его по возвращении в Киев. Как в обработке текста древнейшего «Сказания», так и в своем продолжении к нему Никон настойчиво проводит патриотическую мысль, что Русская земля, имеющая за собой немалую военную славу в прошлом, могущественная в настоящем, не нуждается ни в чьей опеке и прежде всего в опеке константинопольской церкви.[1]

Никон, по-видимому, и внес в летопись все рассказы о событиях древнейшей военной и политической истории Киевского государства, прочно вошедшие потом в последующую русскую историографию. Полагаю, что Никону Печерскому и принадлежат те страницы Повести временных лет, которые посвящены исторической топографии самого города Киева и некоторых других городов Киевской земли, со ссылками на различные памятники и исторические урочища, о которых была речь выше.

Только один летописный отрывок из числа приведенных выше как будто бы противоречит высказанному нами предположению. Еще А. А. Шахматов, а за ним М. Д. Приселков, расчленяя разновременные пласты Повести временных лет, обратили внимание на рассказ, читающийся под 1044 г. во всех редакциях Повести временных лет, о том, что в этом году были выкопаны из могил останки («кости») Ярополка и Олега Святославичей и после совершения над ними обряда крещения положены в киевской церкви Богородицы (Десятинной).[2]

По мнению названных исследователей, это известие оказывается несогласованным с известием под 907 г., в котором после описания гибели Олега Святославича было сказано, что его похоронили у города Вручего и «есть могила его и до сего дне у Вручего». Из этой кажущейся несогласованности известий 1044 и 907 гг. делался вывод о том, что летописатель, который излагал предание о смерти Олега Святославича, работал до 1044 г., так как он не знал еще, что останки Олега были выкопаны.[3] К этому мнению присоединился позже и Д. С. Лихачев. Он полагал, что «летописец, писавший о том, что Олег Святославич был похоронен у Вручего, где могила его есть „и до сего дне", работал до 1044 г., иначе он оговорил бы такое важное обстоятельство, как отсутствие в могиле погребенного в ней тела Олега».[4]

Действительно ли отмеченная тремя маститыми исследователями Повести временных лет «несогласованность» записей 907 и 1044 гг. свидетельствует

---

[1] Там же. — Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 90.

[2] «Выгребоша 2 князя Ярополка и Ольга, сына Святославля и крестиша кости ею, и положиша я в церкви святыя Богородица» [Лавр. лет. 6552 (1044) г.].

[3] М. Д. Приселков. История. . ., стр. 17.

[4] Повесть временных лет, ч. 2, стр. 56.

о том, что запись о погребении Олега и о могиле его у Вручего была сделана автором Древнейшего свода и не может быть отнесена к числу дополнений, внесенных Никоном?

Полагаем, что никакой «несогласованности» между летописными записями 907 и 1044 гг. в действительности нет. Не следует забывать, что древнерусское слово «могила» означает холм, курган, насыпь, а отнюдь не «захоронение». Поэтому, описывая события, связанные со смертью и погребением кн. Олега. Никон совершенно резонно мог вспомнить существовавшую и в его дни высокую курганную насыпь у Овруча, народным преданием связываемую и в это время с именем Олега Святославича, хотя курган был уже разрыт и кости погребенного покоились в Десятинной церкви. Добавим к этому, что известны достаточно многочисленные древние могилы (курганы) — кенотафы (без захоронений), которые насыпались в память погибших на чужбине. Несомненно они также назывались «могилами». Из сказанного следует, что известие об Овручском кургане Олега нет особых оснований относить к древнейшему пласту киевского летописания и более правдоподобно рассматривать его в связи с другими летописными экскурсами в область археологических памятников, усматривая в них характерный прием летописной работы составителя Свода 1073 г.

Разумеется, предположение о связи этого приема с летописным творчеством Никона не исключает возможности того, что последующие составители и редакторы Повести временных лет, в частности Нестор Печерский, под прямым влиянием Свода 1073 г., игравшего огромную роль в формировании последующего киевского летописания, могли в отдельных случаях прибегнуть к аналогичным «археологическим экскурсам». Несомненно Нестору, в частности, принадлежит ссылка на опустевшие «гради» уличей и тиверцев, сохранившиеся «до сего дне» по Днестру «оли до моря».

Современный исследователь, решающий задачи историко-археологического изучения древнего Киева, не может забыть огромного вклада, внесенного в дело изучения древнейшего долетописного периода истории города киевским летописцем второй половины XI в. Пытливый и ясный ум, глубокое сознание важности и ответственности задачи создания связной и правдивой истории своего народа, разносторонняя образованность и заостренная патриотическая направленность, умение связать славное прошлое своего народа с его блестящим настоящим — все это выдвигает Никона Печерского в разряд наиболее ярких и замечательных деятелей культуры Киевской Руси.

Нельзя не заметить ряда черт, тесно сближающих идейно-политическое содержание литературной деятельности Никона с основными идеями, за осуществление которых боролся несколькими годами ранее митрополит Иларион. Недаром возникала мысль о том, что Никон — это и есть удалившийся в монастырь Иларион.

Прославленный митрополитом Иларионом, как «град величьством сияющь», древний Киев нашел своего первого историка и археолога в лице Никона. Ему — скромному печерскому летописцу — наша историческая наука обязана

замечательной по своей целостности и правдивости реконструкцией облика древнейшего города, который для самого летописца был далеким историческим прошлым.

2. ДРЕВНОСТИ КИЕВА В ОПИСАНИЯХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI—XVII вв.

Величественные руины древних киевских храмов и монастырей, сохранившиеся среди мощных, хотя уже давно заброшенных земляных валов Верхнего города, не раз привлекали к себе внимание любознательных путешественников, с различными целями посещавших Киев в XVI—XVII вв.

Еще Сигизмунд Герберштейн, не бывавший лично в Киеве, но много слышавший о нем во время своих двух посещений Московии в 1517 и 1526 гг., писал: «Киев — древняя столица Руссии. Великолепие и истинно царственное величие этого города доказывается самыми его развалинами и памятниками, которые видны в обломках. И поныне еще на с о с е д н и х г о р а х (разрядка наша, — *М. К.*) заметны следы разоренных церквей и монастырей».[1]

Чтобы понять это известие и некоторые последующие, нужно иметь в виду, что в литовский и польский периоды жизнь города была сосредоточена в основном на Подоле. Киевский Подол после монгольского разгрома Верхнего города в декабре 1240 г. стал главным центром Киева, — вот почему руины Старого (Верхнего) Киева, его церквей и монастырей описываются как находящиеся «на соседних горах».

Почти в тех же выражениях описывал руины Верхнего Киева Александр Гваньини, веронец, долгое время служивший в польском войске. В своем «Описании Сарматии», опубликованном в 1581 г. А. Гваньини писал: «Киев — древнейший и обширнейший город, обнесенный деревянными оградами, некогда столица всей России, расположенная у славнейшей реки Борисфена, отстоит от Вильны на сто двадцать миль польских. О прежнем великолепии и истинно царственном виде города свидетельствуют самые развалины и памятники, расположенные на пространстве шести миль. Доселе н а с о с е д н и х х о л м а х виднеются следы церквей, монастырей и опустевших зданий».[2]

С большой любознательностью к киевским древностям отнесся Эрих Ляссота, ездивший в 1594 г. по поручению императора Рудольфа к запорожским казакам и по пути побывавший в Киеве. Значительная часть «Дневника Э. Ляссоты» посвящена описанию Киева и его памятников.

---

[1] С. Г е р б е р ш т е й н. Записка о московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. 165.

[2] Sarmatiae Europae descriptio, quae regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Moschoviae Tartariaeque partem complecitur. Alexandri Guagnini Veronensis, Equitis aurati Bernardum. Albinium, 1581. Русский перевод отрывка о Киевском палатинате см.: Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874, отд. II, стр. 12.

«Киев, — писал Э. Ляссота, — с древних времен был знаменитой столицей особого княжества и имел собственных князей, которые назывались царями, или князьями, из роду нынешних великих князей русских или московских. Киев был очень укреплен на обширном пространстве и украшен великолепными церквами и зданиями, общественными и частными, как можно судить об этом по древним развалинам, равно и по валу, охватывающему город и простирающемуся, говорят, на девять миль в окружности».[1] Э. Ляссота считал, что древний город некогда был расположен «там, где видны развалины», отличая его от «нынешнего города, построенного внизу, в долине на берегу Днепра». Этому древнему городу на горе Э. Ляссота уделил основное внимание. В «Дневнике» подробно описан сильно обветшавший, по словам Э. Ляссоты, Софийский собор, собор Михайловского Златоверхого монастыря, Золотые ворота и руины храма неподалеку от Софии, названного Ляссотой церковью Екатерины. Э. Ляссота записал много различных легенд, связанных с древними памятниками Киева.[2]

Официальные польские историки XVI—XVII вв. также уделяли некоторое внимание Киеву, вспоминая его блистательное прошлое и подчеркивая незначительную роль города в ряду городов Речи Посполитой. Так, королевский секретарь, дипломат и историк Рейнольд Гейденштейн в сочинении о современной ему польской истории, упомянув при описании событий 1596 г. о Киеве, сопроводил это упоминание описанием руин древнего города. «За несколько веков, — писал Р. Гейденштейн, — князья киевские были владыками всех России, как той, которая теперь зовется Москвою, так и той, которая доселе зовется Русью. Властвовали князья до моря Черного и Дуная. Столицею их был Киев. Когда он был построен, как давно существует, не достигает ли, быть может, времен Колхиды и Енея, неизвестно; закрыла все дальняя старина и равнодушие историков. Остались, однако, памятники прежнего величия: стена кругом города, а в ней ворота старинной архитектуры и столь высокие, что две повозки, поставленные одна на другую, не достигают их вершины».[3]

Описывая развалины древних храмов Верхнего города, Р. Гейденштейн с особым восхищением говорит о руинах св. Софии, сожалея о ее жалком состоянии. «В самом городе, — писал он, — немало уничтоженных храмов, которые все были греческого обряда. Остался доселе один из них — св. Софии, но и то в таком жалком виде, что богослужение в нем не совершается. Должно быть, он стоил огромных сумм. Еще и теперь видны следы огромности и пышности.[4]

---

[1] Tagebuch der Erich Lassota von Stellau. Halle, 1866. Русский перевод см.: Сборник материалов. . ., стр. 16.

[2] Там же, стр. 16—21.

[3] Rajnolda Heidenstejna, secretarża krilewskiego, Dźieje Polski od smierci Żygmunda Augusta. Ksiag XII, z lacinskiego przetlomaczyl Michal Gliszczynski, zyciorysem ozupelnil Włodzimierz Spasowitz. Petersburg, 1857. Русский перевод см.: Сборник материалов. . ., стр. 23.

[4] Сборник материалов. . ., стр. 23—24.

Р. Гейденштейн, как и Ляссота, считал древним лишь Верхний город, огромные валы и стены которого, по его мнению, свидетельствовали, «что город, должно быть, когда-нибудь был очень многолюден и велик».[1] Деревянный замок на Киселевке, господствовавшей в XVI в. над Подолом, по мнению Р. Гейденштейна, даже не стоит названия замка.[2]

Автор «Описания Украины», опубликованного во Франции в 1640 г., военный инженер польской армии В. Боплан также посвятил несколько страниц древностям Киева. Автор называет Киев «одним из древнейших городов европейских», доказательством чего считает «следы прежних окопов его, развалины церквей и древние гробницы государей».[3] Как и его предшественники, Боплан признает древним лишь город на горе. «Между горой и Днепром (т. е. на Подоле, — *М. К.*) лежит, — по его словам, — новый Киев — город малолюдный, заключающий в себе от 5 до 6 тысяч жителей. . . обнесенный деревянными стенами с башнями и окопанный ничтожным рвом в 25 футов шириною».[4]

В. Боплан имел, по-видимому, весьма приблизительные сведения о времени древних памятников Киева. Так, описывая развалины Десятинной церкви (ошибочно названные храмом св. Василия), Боплан сообщал о греческой надписи, вырезанной на полуразрушенных стенах храма, по его мнению, «более нежели за 1400 лет», т. е. в первых веках нашей эры.[5]

С восхищением Боплан описывал храм Софии. «Вид его, — по словам автора, — прекрасен, с которой стороны на него ни посмотришь; стены его украшены мозаическими изображениями и картинами, составленными из разноцветных, блестящих подобно стеклу камешков, столь искусно подобранных, что эти картины трудно отличить от живописных».[6]

Подробнейшие описания древних киевских храмов и монастырей, сопровожденные наивными и достаточно невежественными экскурсами в область древней истории города, оставил Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария в его путешествии по России и Украине.[7] Как и другие путешественники, посещавшие Киев в XVII в., Павел Алеппский считал древним только Верхний город. По его мнению, «в долину, на низменность на берегу великой реки Днепра» город был перенесен лишь тогда, когда покоренный врагами Верхний Киев «с течением времени разрушился».[8]

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royame de Pologne. . . par le Sieur de Beauplan. A Rouen, 1660. Русский перевод см.: Сборник материалов. . ., стр. 44.

[4] Там же, стр. 45.

[5] Там же, стр. 44.

[6] Там же, стр. 44—45.

[7] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перев. с арабского Г. Муркоса, вып. II. М., 1897, стр. 42—80.

[8] Там же, стр. 74.

Не менее, чем величественные руины древних киевских храмов, путешественников XVI—XVII вв. привлекали лаврские пещеры. Наслушавшись рассказов печерских монахов-проводников по пещерам, некоторые посетители пытались и от себя добавить различные догадки в объяснение чудесных подземелий. Польский ученый Андрей Целларий, ссылаясь на советника курляндского герцога Лаврентия Мюллера, в своем обширном «Описании Польши», опубликованном в Амстердаме в 1659 г., сообщал, что «подземные проходы» идут от Киева до. . . Смоленска и что «та их часть, которая проходит под самым течением Днепра во всю его ширину, имеет литые своды, из чего можно заключить, сколько труда и сколько издержек потребовалось для подобного сооружения и сколь велико было прежнее великолепие Киева».[1] Главными строителями этих переходов Целларий считал итальянских купцов.

Другой поляк, Станислав Сарницкий (1585 г.), скептически пересказывал слышанные им рассказы русских людей о «героях, которых зовут богатырями, т. е. полубогами», погребенных «по русскому обычаю в горных пещерах, как подземные корридоры тянущихся на огромное пространство, даже до Новгорода Великого».[2] А. Гваньини, упоминающий наряду с древними руинами Верхнего города также и «обширнейшие подземные пещеры», считал, опираясь на слышанные им рассказы, что пещеры тянутся на 80 миль.[3]

В 1675 г. виленский пастор Иоанн Гербиний, получив от киево-печерского архимандрита Иннокентия Гизеля чертежи пещер и книгу Патерик Печерский (изд. в 1661 г.), опубликовал специальное исследование, посвященное киевским пещерам, — «Religiosae Kyovenses cryptae sive Kyovia subterranea».[4] Повествуя о происхождении Киева и его пещер, Гербиний защищал свой основной тезис, что Киев не есть древняя Троя и что равно несправедливо думать, что в пещерах киевских лежат неповрежденные тела Гектора, Приама, Ахилла и других троянских героев.

Гербиний опровергал распространенное мнение о том, что пещеры тянутся под руслом Днепра и простираются до Чернигова, Смоленска, Москвы и Печоры. Невероятным считал он и уверения некоторых своих предшественников о том, что пещеры русских выложены медью. «Где взять столько меди, — восклицает он, — чтобы выложить ею пещеры, простирающиеся на 100 немецких миль. Удивляюсь ученым мужам!».

Много внимания уделяли лаврским пещерам и киевские ученые монахи XVII в. В 1638 г. в Печерской типографии была напечатана на польском языке книга Афанасия Кальнофойского «Τερατούργημα».

В книге приведено много исторических данных о Печерском монастыре, в частности, дано топографическое описание ближних и дальних пещер с при-

---

[1] Сборник материалов. . ., стр. 95.

[2] Там же, стр. 14.

[3] Там же, стр. 12.

[4] Там же, стр. 107—113.

ложением их планов. Приведены также надписи с надгробий, существовавших в то время.[1]

По вопросу о времени возникновения лаврских пещер высказывались различные мнения.

Боплан (1640 г.), например, утверждал, что тела, подобные египетским мумиям, сохраняются в лаврских пещерах около 1500 лет.[2] Если принять во внимание, что тот же автор относил постройку Десятинной церкви ко времени «более нежели 1400 лет» до своего посещения Киева, то указанное им время возникновения пещер не покажется слишком ранним.

3. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ КИЕВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

В первой половине XVIII в. древности Киева, как и вообще культура древней Руси, не вызывали особого интереса. Найденный в 1706 г. при постройке новой крепости на Печерске клад, состоявший из огромного количества серебряных диргемов, доставленный в следующем, 1707 г. Мазепой в Петербург, в приходных книгах Малороссийского приказа вплоть до 1712 г. числился под именем «мешка с ассирийской монетой».[3]

В 1760 г. по предложению Академии наук Правительствующий сенат разослал во все губернии империи указы, коими предписывал «для сочинения нового исправнейшего российского атласа собрать изо всех губерний и провинций верные географические известия, на которые бы в сочинении оного атласа надежно положиться можно было». При указе были приложены вопросы с требованием, «чтобы изо всех городов через губернские канцелярии по тем запросам прислать в Академию наук требуемые известия с крайнею исправностью и с возможным поспешением, дабы полезное и нужное сие произведение не имело ни малейшей остановки».[4]

Вопросы, на которые по требованию Сената должны быть присланы ответы, были весьма разнообразны, охватывая не только природные условия, экономику, этнографию, но и историю городов и районов. Так, например, Сенат предписывал: «26. Назначить, где есть старых городов развалины, или городища, в каких состоят остатках и признаках и как их называют; . . .29. В городах, где есть летописи, прислать с них верные копии при географических известиях для исто-

[1] Τερατούργημα, lubo czuda, ktora była tak w samym swiętoczudotwornym monastyru Pieczarskim Kijowskim, jako y w obudwu swiętych Pieczarach, w ktorych po woli Bożey blogosłowieni oycowie Pièczarscy pożywszy, y ciężary ciał swoich złożyli. Wiernie y pilnie teraz pirwszy raz zebrano y swiątu podane przez w. oyca Athanasiusa Kalnofoyskièga, zakonnika tegoż S. monastyra Pieczarskiego. Z drukarni Kijowo—Pieczarskiey. Roku P. 1638.

[2] Сборник материалов . . , стр. 46.

[3] Е. Б. Барсов. О кладе, найденном в Киеве при Петре Великом. ДТМАО, IX, вып. II—III, М., 1883, Протоколы, стр. 22—23.

[4] Описание г. Киева, составленное Киевской губернской канцелярией в 1760 г. В кн.: А. А[ндриевский]. Исторические материалы из Архива Киевского губернского правления, вып. 3. Киев, 1888, стр. 111.

рии российской».[1] Предлагалось также ответить, «город чем огражден — каменною стеною или земляным валом, полисадником или рвами; причем показать меру их окружности, вышины, глубины; цело ли оное ограждение или нет».[2]

Сохранившееся в Архиве Киевского губернского правления «Описание Киева», составленное в 1760 г., свидетельствует о том, с какими трудностями столкнулись городские власти при выполнении сенатского указа. О крепостных сооружениях ответ гласил: «Старый город Киев огражден земляным же валом и рвами и называется старым потому, что оной заведением своим старее Киево-печерской крепости; а нижний город Киев же называется нижним по положению, яко на нижнем и раздолистом месте; и оной нижний город Киев огражден палисадником; и то ограждение около помянутых городов состоит в целости. А в котором году, от кого и для чего оные городы построены, о том в Киевской губернской канцелярии известия не имеется»[3] (разрядка наша, — *М. К.*).

Невсдение в вопросах истории города простиралось до того, что губернская канцелярия откровенно признавалась: «А что оной город верхний давно был от татар и других народов осаждаем и разоряем, о том с происходимого в народе слуху известно; но когда именно и от кого те разорения чинимы были, неизвестно»[4] (разрядка наша, — *М. К.*).

Немудрено, что на вопрос о наличии развалин старых городов или городищ канцелярия сообщала, что «при Киеве старых городов оставшихся развалин и городищ и никаких признаков ныне почти не видно, кроме что по народной молве над рекою Лыбедью было не малое жилье, также близ Киевомежигорского монастыря на горе был князя Владимира двор, которое место называется и поныне Вышгород».[5]

В 80-х годах XVIII в. в связи с подготовкой путешествия Екатерины II «в полуденный край России» были предприняты разыскания о древностях Киева, через который императрица должна была проследовать в Новороссию и Крым.

В 1785 г. для Екатерины была составлена краткая записка о киевских древностях, а в книге «Путешествие ея императорского величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 г.», напечатанной в Петербурге в 1786 г., перед отправлением в путешествие, истории и достопримечательностям Киева было уделено несколько страниц. Кроме истории города, изложенной по Татищеву, здесь дано краткое описание города и его укреплений. Как и путешественники XVII в., автор считает древним лишь Верхний Киев. Из древних

---

[1] Описание г. Киева. . ., стр. 113—114.
[2] Там же, стр. 112.
[3] Там же, стр. 117.
[4] Там же, стр. 117—118.
[5] Там же, стр. 140.

архитектурных памятников города упомянуты собор Софии, Михайловский Златоверхий, Выдубицкий и Печерский монастыри.[1]

Удовлетворить интерес к историческому прошлому древнерусской столицы, проявленный императрицей во время пребывания в Киеве, было, по-видимому, нелегко. «С тех пор, как я здесь, — писала Екатерина из Киева в Петербург, — я все ищу: где город; но до сих пор ничего не обрела, кроме двух крепостей и предместий; все эти разрозненные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы».[2]

В 1791 г. в Киево-Печерской типографии было издано «Краткое описание Киево-Печерской лавры», составленное митрополитом Самуилом Мисланским, впоследствии неоднократно переиздававшееся.

В 1795 г. в той же типографии были опубликованы одновременно три брошюры, посвященные киевским древностям: «Краткое историческое известие о Киеве (почерпнутое из высочайшего путешествия в полуденный край России, напечатанного в 1786 г.)», «Известие о погребенных в Киеве князьях и княгинях рода Рурикова» и «Достопамятнейшие древности в Киеве».[3]

Наибольший интерес представляет последняя из них: здесь впервые не только перечислены, но и кратко описаны все основные архитектурные памятники Киева, столь привлекавшие когда-то внимание многочисленных путешественников XVI—XVII вв.; порой делаются попытки установить или аргументировать их древность и историческое значение. «О древности сей церкви, — читаем мы по поводу храма Василия, — удостовериться можно по старым оставшимся стенам кирпичным, необыкновенным в нынешние времена; но, к сожалению, сии стены так подмазаны известию, что ныне оных древних достойных примечания кирпичей видеть не можно».[4] Отмечается как «примечания достойная» «мусия, или мозаик, толико лет в целости пребывающий» на стенах и сводах собора Софии,[5] и «истребленная долготою времени» «мусия» Михайловского Златоверхого монастыря.[6]

В 1809 г. «по высочайшему повелению» отправился в ученое путешествие по России К. М. Бороздин, которого сопровождал А. И. Ермолаев, архитектор Максютин и художник-рисовальщик Иванов. Бороздин посетил ряд городов северной России — Старую Ладогу, Тихвин, Белозерск, Вологду и др., а затем (в 1810 г.) проехал на юг, где провел длительный срок в Киеве, Чернигове

---

[1] Путешествие ея императорского величества в полуденный край России, предпринемлемое в 1787 г. Печатано при Горном училище 1786 года, стр. 33—39.

[2] Императрица Екатерина II. Письма и документы, хранящиеся в архиве дворца г. Павловска. Письмо вел. князю Павлу Петровичу от 6 II 1787. Русская старина, т. VIII, 1873, ноябрь, стр. 671—672.

[3] Две последних были переизданы в 1805 г.

[4] Достопамятнейшие древности в Киеве. Киев, 1795 (цит. по 2-му изд., Киев, 1805, стр. 159—160).

[5] Там же, стр. 162.

[6] Там же, стр. 165.

и в других городах Украины. Плодом этого длительного путешествия было собрание великолепных акварелей и чертежей, составивших четыре огромных альбома, хранящихся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Впервые на это собрание рисунков обратил внимание Д. В. Поленов, письмо которого к М. П. Погодину с биографическими сведениями о сочинителе атласа К. М. Бороздине и описание рисунков, составляющих атлас его путешествия по России в 1809—1810 гг., были опубликованы в «Трудах» I археологического съезда в Москве.[1]

К. М. Бороздин и его спутники уделили серьезное внимание древностям Киева, в ту пору еще очень мало известным. Несколько таблиц первой части альбома заняты очень тщательно исполненными чертежами (планы, разрезы, фасады) наиболее прославленных памятников древнего зодчества Киева (Десятинная церковь, Софийский собор, Печерская лавра, церковь Спаса на Берестове), акварелями мозаик киевских храмов, а также планами города и его окрестностей.[2]

Особого внимания заслуживает первая попытка создания плана-реконструкции древнего Киева, предпринятая К. Бороздиным на основе изучения летописей и некоторых других документов. Вот что писал в объяснение своей задачи сам составитель плана: «Здесь сделано в первый еще раз покушение представить чертеж древнего Киева с окружностями; сей знаменитый город столь важное занимает место в древнем нашем бытописании, что давно уже нужно было издание подобного чертежа, без которого описание многих произшествий кажется не довольно ясным, а некоторых и совсем непонятным.

Свидетельство летописей, также бумаги, находившиеся в архиве Киевского магистрата, изустные предания тамошних жителей, соображенные с местным положением города, служили основанием к сочинению сего чертежа и к определению многих мест, теперь уже под прежними именами неизвестных. Тут означены, сколько возможно было, все почти места древнего Киева, встречающиеся в летописях, и при каждом из них поставлен тот год, в котором оно упоминается. Сомнительные же и определенные по одному только предположению отмечены от прочих вопросительным знаком (?). Для лучшей же ясности и сравнения к сему древнему чертежу приложен также чертеж и нынешних окружностей Киева».[3]

К сожалению, кропотливая и достаточно тщательная работа К. Бороздина над планом-реконструкцией древнего Киева, как и весь альбом его ученого путешествия по России, остались неизданными и потому почти неизвестными для последующих исследователей исторической топографии Киева.

---

[1] Тр. I АС в Москве (1869), М., 1871, I, стр. 62—74.

[2] Рисунки и чертежи к Путешествию по России по высочайшему повелению ст. сов. К. Бороздина в 1810 г. Рукопись ГПБ, F. IV, 204/3, ч. I, табл. I—XVII.

[3] Там же, текст к табл. II.

В самом конце XVIII в. началась научная деятельность Максима Федоровича Берлинского (1764—1848), по праву признаваемого первым киевским археологом. Будучи с 1788 г. преподавателем естественной и политической истории и географии в Киевском главном народном училище, М. Ф. Берлинский заинтересовался изучением истории и археологии Киева. По свидетельству официальных документов, еще до 1802 г. им была написана «Пространная история города Киева с топографическим его описаньем, собранная из разных киевских книгохранилищ и старинных рукописей», а также «Историческое обозрение Малороссии и города Киева».

В 1815 г. на деятельность М. Ф. Берлинского обратил внимание гр. Н. П. Румянцев. С 1815 до 1825 г. между государственным канцлером-меценатом и провинциальным учителем — знатоком Киева шла непрерывная переписка. Получив в 1815 г. от Берлинского рукопись его исследования о киевских древностях, Румянцев восторженно одобрил начинания Берлинского. «Сей первый Ваш труд, — писал он автору, — подает мне много надежд, прошу вас наиубедительнейше продолжать оный. . . Я с Вами весьма в том согласен, что откроется истинная от того польза, если сличим план существующего Киева с разными первобытными его описаниями. Объясните, где какое здание стояло, какие были между ними улицы или сообщения, и старайтесь исследовать, где могли существовать те монастыри, церкви, терема, дворцы, дома, площади и урочища близ города, о которых только и памятников осталось, что они в летописях упомянуты».[1]

Румянцев постоянно обращался к Берлинскому с различными просьбами и научными поручениями, которые последний с рвением выполнял. Увлеченный собиранием разнообразных источников по древней отечественной истории, Румянцев просил разыскивать, «нет ли у кого в Киеве какой-нибудь древней монеты или вещи первобытных наших времен, а особливо если священная древняя грамота или летопись на пергаменте, хотя бы список с Несторовой или другой летописи, лишь бы он был точно времен древних».[2] Берлинский высылал Румянцеву то «списки с разных относящихся до древностей российских статей», то «медную монету, считавшуюся за владимирову», то «план Киева с обозначением древних урочищ», то «копию греческой надписи на своде Софийского собора», то древние синодики, среди которых был синодик Вышгородской церкви Бориса и Глеба, то рисунки только что открытых киевских древностей.[3]

Получив от Берлинского план Киева, Румянцев писал ему: «Сей труд Вам честь сделает и меня много утешит; но не теряйте из виду, что самые первобытные времена историй наших суть те, которые я бы желал видеть объясненными и дополненными; отыскивайте, пожалуйста, надгробные надписи вокруг и внутри развалин уничтоженных, самых древнейших, забытых церквей и монастырей,

---

[1] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. Киев, 1891, стр. 186

[2] Там же, стр. 187.

[3] Там же.

коих Вы так удачно в своей записке память возстановляете. Не пренебрегайте также самых древнейших диптиков и синодиков; в них могут находиться имена великих князей, супруг, детей и сродников, о которых, статься может, дошедшие до нас летописцы и вовсе умолчали».[1]

Через Румянцева Берлинский познакомился с приезжавшими в Киев П. М. Строевым и П. Н. Кеппеном, живо интересовавшимися киевскими древностями.

Главный труд М. Ф. Берлинского — «Пространная история города Киева с топографическим его описанием», — законченный им еще до 1802 г., не был напечатан и судьба его неизвестна. Значительно позже, в 1820 г., в Петербурге было опубликовано «Краткое описание Киева, содержащее историческую перечень сего города, также показание достопамятностей и древностей оного», представляющее, по-видимому, сокращенный вариант первого труда Берлинского.[2]

Первая часть книги, названная автором «исторической переченью», представляет беглый очерк истории Киевской земли и города Киева, составленный по Стрыйковскому и Татищеву и дополненный самостоятельными, достаточно курьезными филологическими домыслами автора.

Значительно больший интерес представляет вторая часть книги — «показание достопамятностей». Это подробное историко-топографическое описание трех существовавших в ту пору частей города: Печерска, Старого Киева и Подола. Автор интересуется вопросами о времени заселения этих частей города, их последующей судьбой и описывает замечательные здания, урочища, укрепления. Описания и топографические данные отличаются тщательностью и подкреплены ссылками на различные источники.

Особенную ценность представляет приложенный к книге план Киева, на котором отмечены различные урочища и здания, относящиеся к древнейшему периоду истории города. План Берлинского и поныне является серьезным подспорьем для изучения исторической топографии Киева.

М. Ф. Берлинский, с энтузиазмом изучавший древнюю историю Киева, отнюдь не ограничивался только письменными источниками; его внимание привлекали и разнообразные археологические памятники, открывавшиеся в ту пору. Отдельные археологические наблюдения, разбросанные в его «Кратком описании Киева», свидетельствуют о серьезном внимании автора к этой категории источников. Характеризуя Андреевскую часть Киева, Берлинский писал: «Сие отделение, меньшее прочих, занимающее возвышенную северную часть нагорной равнины, было первое жилище предков Киева, колыбель Российского княжения и древнейшая их резиденция. Нет места, где бы до известной глубины была целая земля; везде щебень, кирпичи, камни, части фундаментов, кости и другие остатки долговечного города».[3]

[1] В. С. Иконников, ук. соч., стр. 187.

[2] Отдельные отрывки из этого труда печатались до этого в журналах.

[3] М. Ф. Берлинский. Краткое описание Киева. СПб., 1820, стр. 62.

Из письма М. Ф. Берлинского к гр. Н. П. Румянцеву известно, что в 1816 г. по просьбе Румянцева им, совместно с помещицей А. Турчаниновой и на ее средства были произведены раскопки в Вышгороде. «План разработки около церкви Вышгородской с объяснением М. Берлинского» был выслан Румянцеву.[1]

4. КИЕВСКИЕ АРХЕОЛОГИ 20—30-х годов XIX в.

До начала 20-х годов деятельность М. Ф. Берлинского, по-видимому, не встречала особенного сочувствия и интереса со стороны киевского общества. Н. П. Румянцев, посетивший Киев в 1821 г., писал: «В Киеве сердце сокрушается, видя, каковое там господствует нерадение к древностям нашим, никто ими не занят и всякий почти убегает об них разговора».[2]

К концу первой четверти XIX в. положение кардинально изменилось. Подъем национального самосознания, вызванный победоносным окончанием Отечественной войны 1812 г., пробудил в широких кругах русской интеллигенции повышенный интерес к славному историческому прошлому России. Вышедшие в свет в 1816 г. первые тома «Истории Государства Российского» Н. Карамзина, несмотря на значительный в те времена тираж издания в 3000 экземпляров, были распроданы в 25 дней.[3] По словам А. С. Пушкина, «все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. . . Древняя Русь, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом».[4] Поэт Вяземский недвусмысленно связывал труд Карамзина с величественными событиями 1812 г., хотя в своих сопоставлениях был весьма далек от истины. «Карамзин, — писал поэт, — наш Кутузов 12-го года, — он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в 12 годе».[5]

Реакционная по своей идеологии «История Государства Российского» все же в какой-то мере удовлетворяла возросший интерес широких кругов русского общества к многовековой истории родины. Привлекая в изобилии документы различного характера — летописи, акты, свидетельства современников и пр., Карамзин, даже говоря о древнейших страницах русской истории, почти не обращался к вещественным, археологическим памятникам. Посвятив немалое

---

[1] А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 220. О Турчаниновой, стяжавшей печальную известность ее «сокрушительными» раскопками на территории Михайловского Златоверхого монастыря, Берлинский писал как о «девице, с самых молодых лет единственно занимавшейся ученостью, имеющей вкус к познаниям древностей и искусств, упражняющейся в чтении отборных сочинений и всю жизнь свою (по смерти родителей) посвящающей на полезные изыскания» (В. Щербина. Первый киевский археолог М. Ф. Берлинский. КС, т. LV, Киев, 1896, декабрь, стр. 405).

[2] ЧОИДР, 1882, I, стр. 191.

[3] Ю. В. Готье. Памяти Карамзина как историка. Исторические известия, изд. Исторического общества при Московском университете, I, М., 1917, стр. 11.

[4] Там же, стр. 12—13.

[5] Там же.

количество страниц политической истории Киевского государства, повествуя нередко о событиях, развертывавшихся на площадях и улицах Киева, на княжих и боярских дворах древнерусской столицы, Карамзин почти не пытался привлечь, не только в роли полноценных источников, но хотя бы в качестве иллюстраций, древние памятники Киева. Тем не менее «История Государства Российского», удовлетворяя возросший интерес русского общества к прошлому России, в известной мере послужила толчком к более широкому и углубленному изучению древностей Киева.

С конца первой четверти XIX в. в Киеве развертывается активная археологическая деятельность, результаты которой становятся достоянием отнюдь не только ограниченного круга ученых историков и археологов, но и привлекают внимание широких кругов русской интеллигенции. О возраставшем интересе к древностям Киева ярко свидетельствует письмо А. С. Грибоедова. Проведя в Киеве в июне 1825 г. (по дороге на Кавказ) несколько дней, Грибоедов писал В. Ф. Одоевскому: «. . .Сам я в древнем Киеве; надышался здешним воздухом и скоро еду далее. Здесь я пожил с умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладели моим воображением; за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение: как они мыслят и что творят русские чиновники и польские помещики, бог их ведает».[1]

Стремясь захватить пробудившийся в обществе интерес к историческому прошлому и направить его по желательному для самодержавия руслу, царское правительство пыталось взять инициативу по части археологических разысканий в свои руки. 20 июля 1824 г. через Министерство внутренних дел начальникам губерний было объявлено «высочайшее повеление об отыскании, раскрытии и возобновлении местных древностей». Отныне если не непосредственное участие, то хотя бы содействие и поощрение археологическим изысканиям надолго входит в круг почти официальных обязанностей высшей администрации Киевской губернии.

Возлагая руководство и направление археологическими разысканиями на органы высшей губернской администрации, бремя расходов, связанных с этими разысканиями, правительство Николая I охотно возлагало на плечи доброхотов — любителей старины. «О раскрытии древностей достопримечательнейших и о поддержании их, — говорилось в «высочайшем повелении», — войти в сношение с частными лицами и приличным образом просить их о содействии в сих полезных открытиях, поставляя в обязанность губернского и городового архитекторов, чтоб по мере открытия сих древностей, планы их и фасады аккуратно были составляемы».[2]

В 1822 г. на киевскую митрополичью кафедру был назначен Евгений Болховитинов, еще в 1806 г. за труды в области филологии, археологии и церковной истории избранный по предложению Г. Р. Державина действительным

[1] Из бумаг В. Ф. Одоевского. Русский архив, 1864, вып. 7—8, стр. 810—811.

[2] «Киевлянин», 1865, № 145 (9 XII).

членом Российской Академии. Евгений Болховитинов, проработавший до своего назначения в Киев много лет в Воронеже, Новгороде, Вологде, Калуге, Пскове, во всех этих древнерусских городах проявил себя как неутомимый собиратель и издатель различных исторических документов. В малоизвестных в ту пору монастырских и епархиальных архивах и хранилищах Киева Е. Болховитинов энергично разыскивал разнообразные документы, на основе которых были написаны им и вскоре опубликованы «Описание Киево-Софийского собора» (1825 г.) и «Описание Киево-Печерской лавры» (1826 г.).

Н. П. Румянцев, говоря об этих трудах, называл Болховитинова «единственным путеводителем» при исследованиях киевских древностей. Эта оценка была явно завышена, ибо никакой попытки мало-мальски целостного исследования киевских древностей Болховитинов даже не пытался сделать. Оба упомянутых труда, как и его другие мелкие статьи, посвященные некоторым киевским памятникам, представляли не более, чем элементарные описания разнохарактерных документов, без какой-либо серьезной попытки раскрыть историческое содержание тех фактов, о которых сообщали эти документы. Еще М. П. Погодин, давая оценку ученой деятельности Болховитинова, справедливо называл его «статистиком истории». По словам Погодина, Болховитинов, «кажется, даже не жалел, если где чего ему не доставало в истории; для него было это как будто все равно. Что есть — хорошо, а чего нет — нечего о том и думать. Никаких рассуждений, заключений».[1]

Гораздо большее значение имела другая сторона деятельности Е. Болховитинова. Увлеченный поисками различных письменных источников по древнейшей истории, он естественно не мог не обратить внимания и на руины прославленных архитектурных памятников Киева, которые пребывали в ту пору в полном забвении, если не считать дилетантских попыток помещицы Турчаниновой произвести раскопки на территории Михайловского Златоверхого монастыря. Посетивший Киев в 1810 г. путешественник писал о развалинах Десятинной церкви: «Никогда бы я не подумал, что она так брошена и презрена, как я ее нашел. Чудно ли, что храм Владимира в таком низверженном состоянии, когда сам он без пощады растерзан? Голова его в Лавре, часть его мощей в соборе, а весь он где? Никто не знает, не искал, не любопытствовал. Мы скорее пустимся добывать кусок лавы из-под Римских развалин, нежели похлопочем о славе собственной нашей древности».[2]

По инициативе Е. Болховитинова были предприняты археологические раскопки Десятинной церкви, руины которой в ту пору в основной их части не были еще застроены.

Практическое осуществление этих раскопок Болховитинов поручил отставному чиновнику 5-го класса Кондрату Лохвицкому, для которого это поруче-

---

[1] «Москвитянин», 1842, № 8, стр. 255—256.

[2] Н. М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 г. ЧОИДР, 1869, кн. 3, стр. 282—283.

ние было началом многолетней, весьма энергичной раскопочной деятельности в Киеве.

К. Лохвицкий, как, по-видимому, и сам Е. Болховитинов, не имел ни малейших представлений о задачах и методике археологических раскопок вообще и раскопок архитектурных памятников в частности. Приступив к раскопкам в октябре 1824 г., Лохвицкий менее чем за два месяца полностью открыл фундаменты древнего храма. «Снятый с натуры» план Десятинной церкви, опубликованный в начале следующего года Е. Болховитиновым, представлял чудовищную по своему невежеству и неправдоподобию фантазию, не дававшую даже приблизительного представления о памятнике.

О методической стороне раскопок 1824 г. свидетельствует распоряжение Болховитинова, согласно которому «весь снимаемый щебень складывался бережно вблизи фундаментов, чтобы после через просеивание убедиться, не отыщутся ли какие вещи». Однако и впоследствии этого «просеивания» осуществить не удалось. По рассказам современников, «народ, многочисленными толпами стекавшийся к раскопке, хватал мозаику, обломки мрамора, яшмы и разные мелкие камни, серебряники оправляли эту мозаику и камешки в золотые и серебряные крестики и продавали народу».[1]

Окрыленный успехами своих первых археологических открытий, К. Лохвицкий развернул энергичную раскопочную деятельность, охватывавшую все новые и новые районы древнего Киева, где, по его смелым, но порой совершенно необоснованным предположениям, должны были находиться руины различных памятников, упоминаемых в древних летописях.

Ссылаясь на «высочайшее повеление об открытии древностей», К Лохвицкий в 1832 г. заявил киевскому генерал-губернатору Левашеву о своем желании «раскрывать киевские древности из недр земли» и получил на это официальное разрешение. Для материального обеспечения раскопок, которые Лохвицкий предполагал осуществить в широких масштабах, он объявил подписку, сам подписавшись первым на 100 руб. Собрав за несколько дней 1325 руб., К. Лохвицкий приступил к раскопкам, начав с того места, где, по его предположению, апостол Андрей, посетив горы киевские, водрузил крест, предсказав великое будущее города. К. Лохвицкий открыл вблизи Андреевской церкви каменные фундаменты какого-то древнего храма, а подле развалин — обширную, углубленную на 3 саж. хлебную яму с обожженными стенками, наполненную пшеницей. В этой же яме были найдены кое-какие остатки церковной утвари и три куска толстой сосновой жерди, которые Лохвицкий не преминул объявить остатками креста, водруженного апостолом Андреем. Фундаменты каменной церкви были объявлены остатком Крестовоздвиженской церкви, выстроенной в 1212 г. на месте водружения креста. Крест из сосновой жерди, вероятно, был бы записан в разряд первостепенных реликвий, если бы не Болховитинов,

---

[1] Отечественные записки, 1825, март (№ 59), стр. 380.

указавший, что «по признакам вещей мирских, найденных в яме, сие место было не священное, а хозяйственное».[1]

Получив в том же 1832 г. разрешение киевского военного губернатора на раскопки Золотых ворот, засыпанных землей при перестройке земляных укреплений Киева в XVIII в., Лохвицкий, собрав средства на раскопки по частной подписке, в течение 1832—1833 гг. полностью раскрыл этот памятник древнего крепостного зодчества.[2]

В 1833 г. К. Лохвицкий ходатайствовал о разрешении раскопать руины древнего храма, расположенные неподалеку от ограды Софийского собора. Вопреки мнению других киевских археологов, в частности вопреки мнению Болховитинова, Лохвицкий заверял, что этими раскопками будет открыт известный по летописи храм монастыря Ирины, выстроенный кн. Ярославом Мудрым. Разрешение на раскопки было получено, однако ввиду высказанных Болховитиновым сомнений изыскания было предложено произвести за собственный счет просителя.

Вскоре К. Лохвицкий раскопал почти полностью руины большого древнего храма, за которыми, с легкой руки исследователя, доныне закрепилось ничем не обоснованное наименование «Ининской церкви». План этой постройки, опубликованный вскоре, по фантастичности и полнейшей безграмотности не уступает плану Десятинной церкви, «снятому с натуры» тем же исследователем.

Еще в 1834 г., заметив на Андреевской горе в крепостном валу ряд свай, К. Лохвицкий утверждал, что здесь должны находиться древние крепостные ворота, построенные при Святославе. Так как участок этот предназначался для устройства дороги, исследования сделать тогда не пришлось. К тому же, М. Берлинский доказывал, что древний Киев имел несколько ворот, из коих известные по летописям, по его мнению, никак не подходили к названному участку. По мнению М. Берлинского, виденные Лохвицким сваи в земле можно с большей вероятностью принять за остаток литовско-польских укреплений, так как из актов Киевского магистрата известно, что замок киевский был окружен отовсюду высокими двойными срубами с башнями.[3] Упорствуя на своем, Лохвицкий в 1837 г. все же раскопал названный участок и в сентябре того же года рапортовал Комитету по изысканию древностей, что он действительно открыл под крепостным валом древние ворота, стены которых состоят из деревянных, сгнивших уже бревен.[4]

В августе 1834 г. Лохвицкий просил разрешения на поиски упоминаемой в летописи «Дировой могилы», расположенной, по свидетельству летописца,

[1] О ходе открытия древности в Киеве до начала 1836 г. ЖМНП, ч. XII, 1836, ноябрь, стр. 272; ср : ЖМВД, ч. VII, 1832; «Киевлянин», 1865, № 145 (9 XII).

[2] О ходе открытия древности в Киеве до начала 1836 г. ЖМНП, ч. XII, 1836, ноябрь, стр. 264—266.

[3] Там же, стр. 275.

[4] Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1837 г. ЖМНП, ч. XVIII, 1838, апрель, стр. 81.

«за святою Ориною». Получив разрешение на раскопки, К. Лохвицкий уже через несколько дней доносил об открытии шиферных надгробных досок, подобных тем гробницам, которые были им обнаружены в развалинах «церкви Ирины».[1]

Открывая руины различных построек, в атрибуциях их К. Лохвицкий не утруждал себя скрупулезными доказательствами, безоговорочно отожествляя их с теми или иными известными по летописному рассказу памятниками.

В июле 1835 г. К. Лохвицкий сообщил киевскому губернатору об открытии им над Иорданским ручьем развалин древнейшего киевского храма Ильи, того самого, в котором в 945 г. приносила клятву христианская часть дружины Игоря. В действительности раскопками были обнаружены руины неизвестной церкви XI или XII в.

Несмотря на то, что методический уровень раскопок К. Лохвицкого был крайне низок, несмотря на поспешность, необоснованность и очевидный дилетантизм его заключений по вопросам атрибуции тех или иных обнаруженных раскопками памятников, деятельность К. Лохвицкого все же сыграла несомненно положительную роль в деле изучения киевских древностей. Значение раскопок К. Лохвицкого заключалось не только в том, что результаты их пробуждали интерес в достаточно широких общественных кругах к древнейшему прошлому России, но и в том, что они, несмотря на увлечения самого исследователя, к которым, кстати сказать, весьма скептически относились уже его более образованные современники (Е. Болховитинов, М. Берлинский), все же воочию показывали, какие огромные, до той поры совершенно не использованные возможности для изучения древнейшей столицы Руси скрывали в себе мощные культурные пласты киевской почвы, о чем предшественники Лохвицкого, в частности М. Ф. Берлинский, могли высказывать только предположения и догадки.

Сам Лохвицкий чрезвычайно высоко ценил свои археологические открытия и весьма раздражительно относился ко всякой попытке критического отношения к его работе. Когда в рецензии на книгу «Краткое историческое описание Десятинной церкви» опубликованный там план развалин храма по обмерам архитектора Ефимова был справедливо признан более точным, чем план Лохвицкого, последний разразился гневным ответом, в котором не только утверждал, что план Ефимова есть «мечтательный, выдуманный», но и всячески пытался дискредитировать раскопки Ефимова.[2]

В черновых бумагах Лохвицкого сохранилось его письмо, адресованное одному из членов царствующей фамилии, в котором он просил исходатайствовать высочайшее повеление, которым раскрытие древностей в Киеве было бы «отдано непосредственно в полное его распоряжение».[3]

---

[1] Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1837 г., стр. 273—275.

[2] К. Лохвицкий. О плане древней Десятинной церкви. Галерея киевских достопримечательных видов и древностей, тетр. VI. 1857, стр. 40—42.

[3] «Киевлянин», 1865, № 145 (9 XII).

5. КИЕВСКИЕ АРХЕОЛОГИ 30—40-х ГОДОВ XIX в.

В конце 1835 г. по «высочайшему повелению» при Киевском учебном округе был учрежден Временный комитет изыскания древностей в Киеве с ассигнованием из казны ежегодного денежного пособия на производство археологических раскопок и исследований. В состав его вошли ректор только что организованного Киевского университета М. А. Максимович, ряд университетских профессоров и местные любители-археологи М. Ф. Берлинский, К. А. Лохвицкий и А. С. Анненков. Комитет в первую очередь ставил перед собой задачу приведения в известность памятников древности, открытых в Киеве до начала 1836 г. В ноябрьской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» за 1836 г. был опубликован обзор «О ходе открытия древностей в Киеве до начала 1836 г.». Вслед за тем Комитет предпринял меры к открытию первого государственного исторического музея в Киеве. 17 марта 1837 г. при Киевском университете был учрежден Музей древностей.[1] В состав музея первоначально поступили все древние вещи, пожертвованные университету разными частными лицами и в первую очередь Лохвицким, на которого было возложено первоначальное устройство и заведование музеем. Для обеспечения дальнейшего роста музея были разосланы печатные объявления об открытии музея и «приглашение всем любителям отечественных древностей к пожертвованию в музей древних вещей, владеемых ими или вновь открываемых».

О начальной стадии деятельности Временного комитета современники отзывались скептически. Так, Е. Болховитинов писал Н. Н. Мурзакевичу: «Наша комиссия об отыскании древностей спит беспробудным сном, да и не умеет приняться».[2] Несколько позже, в письме тому же адресату Болховитинов жаловался: «Комитет древностей описал, что прежде его открыто, а сам ничего не открыл».[3] Однако позднее, уже после смерти Е. Болховитинова (23 II 1837), Временный комитет все же начал проявлять некоторые признаки жизни.

В конце 30-х и в 40-х годах XIX в. активную раскопочную деятельность в Киеве развивал А. С. Анненков. Богатый орловско-курский помещик, отставной гвардии поручик А. С. Анненков за жестокое обращение со своими крестьянами «по высочайшему повелению» был выслан на жительство в Киев, где, по словам его биографов, решил заняться «делами благочестия». Приобретя огромную усадьбу на территории Владимирова города, в непосредственном соседстве с усадьбой Десятинной церкви, Анненков возымел желание «реставрировать» древний храм, т. е., по тогдашним понятиям, выстроить новую церковь на развалинах древней. Занимаясь строительством новой церкви, Анненков проявлял в то же время далеко не бескорыстный интерес к богатейшей, в ту пору еще почти совсем девственной почве Киевского акрополя, на которой распо-

---

[1] Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1837 г., стр. 78—79.

[2] Н. Н. Мурзакевич. Автобиография. СПб., 1886, стр. 120—121.

[3] Там же, стр. 121.

лагался не только вновь строящийся храм, но и огромная по площади усадьба Анненкова. Многочисленные находки золотых и серебряных вещей, обнаруженные при строительных работах 20—30-х годов, поступали в большей части самому ктитору строящегося храма, но поскольку в строительстве церкви принимала активное участие и киевская митрополия и, в частности, глубокий интерес к работам проявлял сам митрополит Евгений (Болховитинов), кладоискательская деятельность Анненкова все же была под известным контролем. Находки, сделанные за этот период, стали, хотя и далеко не полностью, достоянием науки.

В 1842 г. строительные работы были закончены. Надзор, установленный митрополитом на время постройки, был снят, а ктитору храма предстояла еще чреватая большими возможностями «планировка» окружающей церковь площади и постройка ограды. При производстве названных работ землекопы Анненкова, по-видимому, в непосредственном соседстве с храмом наткнулись на какой-то древний тайник, подобный тому, что был открыт нашими раскопками в 1939 г. в среднем нефе Десятинной церкви.[1] В этом тайнике Анненков нашел колоссальный клад золотых и отчасти серебряных ювелирных изделий, по количеству вещей не имеющий себе равных среди киевских кладов XI—XIII вв. По словам очевидцев, клад занял два больших мешка. Завладев кладом, Анненков держал в строжайшем секрете самый факт его открытия. Впоследствии золотые изделия из клада были частью перелиты на металл, частью превратились в детские игрушки, а частью даже в собачьи ошейники.[2]

Откровенно хищнический характер поисков в собственной усадьбе и усадьбе Десятинной церкви Анненков маскировал «наукоподобными» раскопками на других территориях старого города, где хозяйничать с той же степенью бесцеремонности к тому же было и невозможно. В 1837 г. по приглашению Комитета изыскания древностей А. Анненков произвел на собственный счет поиски в ограде Трехсвятительской церкви, окончившиеся совершенно безрезультатно. «По раскопании им земли в разных местах, — по словам отчета, — обнаружилось, что земля уже прежде была изрыта глубокими рвами в разных направлениях».[3] Несколько мелких древних вещей, найденных им, были переданы в Музей древностей.[4]

В том же 1837 г. Анненков начал «собственным иждивением» раскопки на Михайловской горе, над Крещатицким оврагом. Скопление обломков кирпича и строительного мусора на этом участке горы послужили основанием к поискам здесь остатков Дмитриевского монастыря. Раскопки также не увенчались успе-

---

[1] М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. КСИИМК, X, 1941, стр. 75—85.

[2] Подробнее о судьбе этого исключительного по богатству клада см. в главе IX настоящего исследования.

[3] Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1837 г. стр. 81—82.

[4] Там же.

хом. Сам Анненков объяснял свою неудачу тем, что остатки древних развалин Дмитриевского монастыря были «истреблены во время прежних поисков г. Турчаниновой».

Неудача первой попытки не разочаровала Анненкова, и в следующем, 1838 г. он продолжил поиски в верхней части той же горы, в монастырском саду, вблизи так называемого Боричева взвоза. На этот раз Анненкову удалось обнаружить руины древнего храма, которые он и объявил остатками собора Дмитриевского монастыря. В действительности это была, по-видимому, упоминаемая в летописи под 1087 г. церковь Петра. Несмотря на то, что раскопками были обнаружены не только фундаменты здания, но и сохранившиеся на достаточную высоту два столба с остатками фресковой росписи, никаких заключений о характере и типе постройки сделано не было.

О масштабе и характере более ранних раскопок Анненкова, произведенных им в его собственной усадьбе, а также в усадьбе Десятинной церкви, известно из его ходатайства, направленного в 1845 г. киевскому генерал-губернатору Д. Г. Бибикову. Ходатайство это было вызвано слухами о новых раскопках возле Десятинной церкви и в усадьбе самого Анненкова, которые предполагала провести Киевская комиссия для разбора древних актов. Протестуя против этих новых научно организованных раскопок, Анненков сообщал о том, что после раскопок Лохвицкого и Ефимова, которыми были обнаружены фундаменты Десятинной церкви, «к окончанию открытия остатков древностей Десятинной церкви» был по «высочайшему повелению» допущен и сам Анненков. Всеми этими «поисками и прорезами», по словам Анненкова, «изрыто было почти все место церковное», вследствие чего он считал совершенно бесполезным начинать «новые поиски и разрытия». Особенно решительно протестовал Анненков против «домогательств разрывать сад для мнимых открытий» в его собственной усадьбе, аргументируя этот протест тем, что, «производивши в 1830 г. по всему пространству сада глубокие прорезы на всех бывших тогда местах без дерев, также и между деревьями», он якобы «открывал землю, давно рытую, и по слоям оной следы в разных направлениях глубоких рвов и ям, а весьма много и мест погребов засыпанных, но ничего при всех тщательных поисках и усилиях не нашел из остатков древностей, кроме нескольких кусков красного гранита и древнего колокола коринфской меди, найденного в саду, против церкви Василия».[1]

Наряду с откровенно кладоискательскими раскопками Анненкова, производившимися «иждивением» самого раскопщика, Временный комитет пытался, по-видимому, организовать и более серьезные в научном отношении раскопки. В 1838 г. Комитет поручил профессору Киевского университета А. И. Ставровскому провести раскопки в саду усадьбы Королева (ныне усадьба Старо-Киевской аптеки на углу Б. Владимирской и Б. Житомирской улиц). Раскопками

[1] Письмо А. С. Анненкова киевскому генерал-губернатору Д. Г. Бибикову. КС, т. XLV, Киев, 1894, апрель, стр. 152—155.

была открыта незначительная часть развалин древнего здания, по-видимому, остатки Федоровского Вотча монастыря. Невразумительный план открытой части здания, обнаруженный нами в Архиве Института археологии АН УССР, не дает представления даже в самых общих чертах о характере постройки, свидетельствуя о крайне низком методическом уровне и этих раскопок. Найденные при раскопках различные древние вещи, среди которых были драгоценные ювелирные изделия, поступили в Музей древностей при Киевском университете.[1]

В 1843 г. начала свою деятельность Киевская комиссия по разбору древних актов. Учрежденная при канцелярии генерал-губернатора, эта вторая в России Археографическая комиссия должна была стать важным подспорьем другим правительственным органам в осуществлении политической задачи русификации края, в ту пору в значительной степени находившегося под идеологическим влиянием остатков польского дворянства. Политическую линию Комиссии направлял генерал-губернатор Бибиков, непосредственно вмешивавшийся в ее дела и всемерно содействовавший ее начинаниям. По крылатому выражению современника, «при Бибикове история с археологией поистине были модными науками в Киеве: ими увлекались и киевское чиновничество и киевский beau mond; ими волею-неволею увлекалось и польское дворянство. Бросились в запуски на поиски в крае памятников старины».[2]

Несмотря на существование Временного комитета для изыскания древностей в Киеве, Бибиков решил передать в ведение вновь организованной Археографической комиссии и археологические исследования в крае, которые должны были охватить все правобережные губернии, а также Полтавскую и Черниговскую. Уже в 1844 г., посылая чиновника своей канцелярии графа Олизара в Радомысльский и Махновский уезды для собирания исторических материалов в помещичьх архивах, Бибиков поручил ему наряду с этим «собрать сведения и составить описание курганов в окрестностях Коростышева, и если владельцы оных пожелают доставить к тому средства, то некоторые из них раскопать».[3]

В состав Комиссии вводятся археологи и знатоки монументальных памятников. Так, в 1844 г. почетным членом Комиссии был избран акад. Ф. Г. Солнцев, в 1845 г. в состав действительных членов Комиссии был приглашен А. И. Ставровский, уже в конце 30-х годов принимавший участие в археологических работах Временного комитета для изыскания древностей, а в это время заведовавший Музеем древностей при университете. Для «делания снимков с археологических

---

[1] Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1838 г. ЖМНП, ч. XXI, 1839, стр. 67—71.

[2] А. В. Романович-Славитинский. Жизнь Н. Д. Иванишева. СПб., 1876, стр. 209—210.

[3] О. И. Левицкий. Пятидесятилетие Киевской комиссии для разбора древних актов (1843—1893). Историческая записка о ее деятельности. Киев, 1893, стр. 53—54.

памятников» (т. е. для зарисовки их) к работе в Комиссии был привлечен Т. Г. Шевченко. Ему же позже была поручена подготовка графической части издания первого выпуска «Древностей».

В 1845 г., воспользовавшись приездом в Киев Николая I, Бибиков добился «высочайшего соизволения» на закрытие Временного комитета для изыскания древностей с передачей его функций и средств Археографической комиссии.[1] Вскоре А. И. Ставровский разработал обширную программу археологических исследований, согласно которой только в Киеве и его окрестностях намечалось более тридцати возможных участков для раскопок.[2] Рассмотрев программу Ставровского, Комиссия утвердила в качестве работ первой очереди: а) продолжение раскопок фундаментов церкви Ирины и двух курганов в Вышгороде, начатых еще Временным комитетом; б) обследование памятников древности вокруг Киева на пространстве 30 верст и особенно города Василькова и его окрестностей; в) исследование руин церкви Василия в Овруче, для чего решено было послать туда акад. Солнцева и проф. Ставровского, которым поручалось обмерить церковь и сделать зарисовки.[3] По просьбе Комитета губернаторам и предводителям дворянства Киевской, Подольской и Волынской губерний были разосланы циркуляры и инструкции по собиранию материалов о курганах и остатках древних памятников и преданий и о доставке их в Комиссию.

Реализуя свои широкие планы, Комиссия осуществила ряд достаточно важных археологических исследований, в частности раскопки скифского кургана в окрестностях Киева, известного под именем «Перепетихи», отчет о которых был опубликован в роскошно изданном первом выпуске «Древностей».[4]

Что касается самого Киева, то намеченная Ставровским программа исследований была выполнена лишь в незначительной части. Сам А. И. Ставровский завершил начатые еще Лохвицким раскопки развалин так называемой «церкви Ирины», а проф. Н. Д. Иванишев произвел в 1845 г. какие-то раскопки в трех частных усадьбах в Киеве, отчет о которых не был опубликован.[5]

Комиссия намеревалась в 1846 г. приступить к подготовке описания монументальных памятников южной России и прежде всего к изданию описания «древнейших» церквей Василия в Овруче, постройку которой тогда относили ко времени Владимира Святославича, и Десятинной церкви в Киеве. Как

---

[1] Там же, стр. 54.

[2] Там же, стр. 55.

[3] Там же, стр. 55—56.

[4] По-видимому, по настоянию Бибикова или из желания угодить ему в этом же выпуске, в виде дополнения к скифским древностям из «Перепетихи», было издано несколько предметов, найденных в подмосковном имении Бибикова — селе Успенском.

[5] А. В. Романович-Славитинский, ук. соч., стр. 210. Н. Д. Иванишев производил раскопки в усадьбах Савицкого, Самохвалова и Тецнера, местоположение которых установить не удалось. В первом выпуске «Древностей», опубликованном Комиссией по разбору древних актов, посвященном в основной части материалам из раскопок кургана «Перепетихи», были изданы и отдельные предметы, найденные в Киеве, по-видимому, при упомянутых раскопках Иванишева.

показывает план этого предприятия, разработанный, по-видимому, Ставровским и Иванишевым, задача понималась очень широко и серьезно. При описании этих памятников, предполагалось «изображать их историю, рассматривать их в архитектурном отношении, описывать развалины в настоящем их виде и находимые в них вещи, остатки древней живописи, древнюю церковную утварь и, наконец, строительные материалы».[1]

Наряду с изучением монументальных памятников Комиссия рекомендовала обращать преимущественное внимание «на изыскание древностей, объясняющих доисторическое существование народов, каковы курганы и другие остатки языческой древности».

К сожалению, все эти благие намерения, свидетельствовавшие о серьезном и глубоком понимании задач, стоявших перед археологами в деле изучения Киева и его окрестностей, в большей части остались невыполненными или же не доведенными до конца. Нельзя не пожалеть об этом прежде всего потому, что в 40-х годах XIX в. территория Верхнего Киева подверглась коренной перепланировке и новой застройке. «Быстро обновляющийся Старый Киев, — писал об этом времени М. А. Максимович, — выравнивается прямыми улицами, выстраивается новыми домами, на место ветхих лачужек и узеньких кривых переулков, которыми, как лабиринтом, покрылись древние развалины Старого Киева в века его бедности. Под этими очередными слоями заселений Старого города скоро нельзя будет распознать и тех немногих мест, на которых еще в 17 веке стояли обнаженные развалины русской древности. При тогдашнем обновлении Старого города обломки зданий разошлись на новое жилье, а остальная часть их покрылась новыми слоями земли — под садами, на них выросшими, и под домами, на них водворившимися».[2] Киевские археологи 30—40-х годов прошлого века располагали такими возможностями в изучении древних памятников Киева, которыми уже никогда не располагали позже их продолжатели.

6. КИЕВСКИЕ АРХЕОЛОГИ 60—90-х ГОДОВ XIX в.

Археологические увлечения 40-х годов были недолговременны. Деятельность Киевской комиссии по разбору древних актов в дальнейшем сосредоточилась на археографических разысканиях, а археологические раскопки в 50-х годах XIX в. в Киеве совсем прекратились.

Некоторая активизация археологических работ в 60-х годах была связана не столько с деятельностью Комиссии, сколько с Музеем древностей и Минц-кабинетом при Киевском университете. В начале 60-х годов археологические исследования в Киеве производил хранитель Минц-кабинета Я. Волошинский. Его внимание привлекли сохранившиеся в большом количестве на территории самого города и его ближайших окрестностей древние курганы. К задаче изуче-

[1] О. И. Левицкий, ук. соч., стр. 59.

[2] М. А. Максимович. Обозрение Старого Киева. Собр. соч., т. II, Киев, 1877, стр. 120.

ния киевского некрополя Я. Волошинский относился серьезно, справедливо полагая, что господствовавшее до той поры невнимание к киевским курганам объясняется тем, что «вопросы о важности курганографических выводов для археологии и истории вообще лишь только в последнее время вошли осязательно на план науки».[1]

В ответ на составленный Я. Волошинским план раскопок курганов в Киеве и его окрестностях, гр. Перовский, ведавший тогда археологическими раскопками в России, официально предупредил, что «раскопки эти должны иметь главнейшей целью отыскание примечательных предметов древности для подведомственных ему музеев и что поэтому желательно, чтобы ассигнуемые для сего суммы употреблялись предпочтительно на разыскания, доставляющие не одни факты для ученых выводов, но и самые предметы древности».[2] «С подобною задачей,— сокрушенно писал Я. Волошинский,— никак невозможно было совместить возбужденный в предположениях моих вопрос о систематическом исследовании курганов».[3] Ограничительные задачи, поставленные гр. Перовским, при раскопках славянских курганов вызывали особые трудности и огорчения. «Каков бы ни был успех раскопок,— жаловался Я. Волошинский,— уже ввиду самой программы, при оказавшейся бедности племени, населявшего затронутые мною местности, археологические поиски в них с подобною целью не могли достаточно вознаграждать ни трудов исследователя, ни самых скромных издержек. Скажу кратко: мне ни разу не довелось попасть на могильные остатки из благородного металла».[4]

Летом 1862 г. Я. Волошинский на средства, полученные от Комиссии для разбора древних актов, произвел раскопки курганов на западной окраине Киева в урочище «Батыева могила».[5] Так как Комиссия не ставила в качестве главной задачи драгоценные находки, исследователь мог быть более независим в своих планах. На территории Киева Волошинскому удалось раскопать свыше полсотни курганов.[6]

В середине 60-х годов прошлого века Киевским университетом были ассигнованы значительные средства на археологические исследования в Киеве. Об этом свидетельствует рапорт проф. Ставровского, направленный в 1864 г. в Совет университета.[7] Совет университета, рассмотрев рапорт Ставровского,

---

[1] Об археологических занятиях хранителя Минц-кабинета Волошинского. Краткий отчет по Университету св. Владимира за 1861—1862 уч. год. Университетские известия, Киев, 1862, № 9, стр. 59.

[2] Я. Волошинский. Киевские курганы. ИОЛЕАЭ, т. XX, кн. 2, вып. 1, М., 1876, стр. 19 (протокол заседания 22 XII 1865).

[3] Там же, стр. 19.

[4] Там же.

[5] Университетские известия, Киев, 1862, № 9, стр. 20.

[6] Там же, стр. 19.

[7] Протоколы заседаний Совета Университета св. Владимира. Университетские известия, Киев, 1864, № 10, стр. 7—10.

поручил ему составить план археологических работ в г. Киеве, для предварительного рассмотрения которого был назначен комитет под председательством ректора университета. Дальнейшая судьба этого важного решения нам неизвестна; из истории археологического изучения Киева известно, что никаких значительных исследований Киевский университет во второй половине 60-х годов не произвел.

Начиная со второй половины 60-х годов и вплоть до конца XIX в. специально организованных археологических раскопок на территории Киева не проводилось. Лишь в связи с теми или иными земляными работами, связанными с постройкой домов, прокладкой водопроводных магистралей, работами по городскому благоустройству, то тут, то там неожиданно открывались археологические комплексы или различные случайные предметы. Нередко об этих открытиях любители и знатоки киевских древностей узнавали слишком поздно, когда памятник был уже частично поврежден, а то и полностью уничтожен. Иногда удавалось организовать более или менее систематическое наблюдение за производством земляных работ, тем самым случайные земляные работы превращались до известной степени в археологические раскопки.[1]

Отдельные любители киевских древностей и особенно коллекционеры-собиратели зорко следили за всеми земляными работами в городе, появляясь немедленно там, где насыщенная древностями киевская почва обещала какую-нибудь поживу. Так, в 70-х годах прошлого века за случайными находками охотился коллекционер Т. В. Кибальчич, иногда и сам производивший хищнического характера «раскопки» киевских курганов.[2]

В 80—90-х годах весьма энергичную собирательскую деятельность развивал И. А. Хойновский, пытавшийся даже наивно обобщать результаты своих поисков в достаточно объемистых трудах.[3]

В августе 1874 г. в Киеве состоялся III археологический съезд. Среди многих вопросов, предложенных к обсуждению на съезде, лишь четыре касались проблем, связанных с изучением Киева.[4] Вопросы эти относились в первую

---

[1] В. Б. Антонович. 1) Археологические находки и раскопки в Киеве и в Киевской губернии в течение 1876 г. ЧИОНЛ, кн. I, Киев, 1879, стр. 250—251; 2) О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве. Тр. IV АС в Казани (1877), т. I, Казань, 1884, отд. 1, стр. 42—43; 3) Раскопки у Трехсвятительской церкви в г. Киеве. КС, XII, 1885, май, Изв. и зам., стр. 163—167; 4) О раскопках у Трехсвятительской церкви в марте 1885 г. ЧИОНЛ, кн. II, Киев, 1888, отд. 1, стр. 247—248; 5) О раскопках в Обсерваторном переулке. АИЗ, М., 1895, № 11, стр. 380—382. — П. Г. Лебединцев. О раскопке на Софийском дворе в мае 1878 г. ЧИОНЛ, кн. II, Киев, 1888, отд. 1, стр. 64. — Раскопки на Верхней Юрковице в г. Киеве. АЛЮР, т. I, Киев, 1899, июнь, стр. 75—79. — Н. Ф. Беляшевский. Курган-могикан на территории Киева. АЛЮР, 1905, № 6, стр. 357—361.

[2] Антропологическая выставка, т. II. М., 1878, Протоколы, стр. 97—98.

[3] И. А. Хойновский. 1) Краткие археологические сведения о предках славян и Руси, вып. I. Киев, 1896; 2) Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весною 1892 г. Киев, 1893.

[4] Тр. III АС в Киеве (1874), т. I, Киев, 1878, стр. IV—V.

очередь к архитектурным памятникам, многие из них свидетельствовали о полной неизученности основных проблем истории древнерусского зодчества и зодчества Киева, в частности.

Доклады, прочитанные на заседаниях съезда, посвященные отдельным вопросам исторической топографии города и отдельным архитектурным памятникам Киева, свидетельствовали о падении интереса к археологическим исследованиям города. Археологическая проблематика в них начисто отсутствовала. Киевским археологам не о чем было рассказать собравшимся на съезд представителям русской исторической и археологической науки.

О том же самом свидетельствовал и XI археологический съезд в Киеве, состоявшийся четверть века спустя, осенью 1899 г. Кроме кратких сообщений архитектора В. Н. Николаева о результатах его наблюдений, сделанных при реставрации Успенского собора Печерской лавры, и Ф. И. Титова — о его архивных разысканиях по вопросу о том, что́ было в древности на месте нынешней Андреевской церкви, на съезде вообще не было прочитано ни одного доклада, связанного с проблематикой археологического изучения Киева. В экскурсии по городу, проведенной В. Б. Антоновичем для участников съезда, этот официальный представитель киевской археологии конца XIX в. не смог продемонстрировать представителям русской и зарубежной науки ничего, кроме нескольких древних киевских церквей, к тому же очень плохо изученных.[1]

7. ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ И АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ КИЕВА

Изучая историю археологических исследований древнего Киева, разумеется, нельзя ограничиться рассмотрением только тех исследований, которые были более или менее непосредственно связаны с археологическими раскопками. Начиная с 40-х годов XIX в. и вплоть до наших дней наряду с археологической проблематикой в узком смысле этого слова исследователи древнего Киева ставили и решали множество вопросов, связанных с проблемами исторической тонографии города, с историей отдельных его частей и урочищ. Исследование вопросов исторической топографии города вызывало необходимость внимательного изучения древних летописей и других письменных источников, вплоть до актов XVII—XVIII вв., росписных списков, монастырских описей и т. п. Для решения различных вопросов исторической топографии широко привлекались сохранившиеся в различной степени древние архитектурные памятники.

Одним из первых исследователей исторической топографии Киева был М. А. Максимович, прибывший в Киев в 1834 г. в качестве ректора только что открытого тогда Киевского университета. М. А. Максимович, глубоко

[1] Тр. XI АС в Киеве (1899), т. II, М., 1902, Протоколы, стр. 135—140.

и вдумчиво изучая древнерусские летописи и актовые документы XVII—XVIII вв., умело использовал их для решения различных вопросов исторической топографии Киева. Не ограничиваясь многочисленными работами, посвященными частным вопросам исторической топографии, М. А. Максимович делал попытки и общих характеристик исторической топографии Киева. Таковы его работы «Обозрение Старого Киева»[1] и «Очерк Киева», напечатанный в качестве введения к книге «Обозрение Киева в отношении к древностям», изданной И. Фундуклеем.[2]

Невыгодно отличается от небольших, но тщательных работ М. А. Максимовича капитальный двухтомный труд Н. Закревского «Описание Киева»,[3] опубликованный первоначально в 1858 г. в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских».[4] «Описание Киева» задумано как справочная книга по истории и исторической топографии города. В книге в алфавитном порядке расположены названия улиц, урочищ, отдельных памятников Киева с древнейшей поры до XIX в. Нет необходимости доказывать целесообразность такого рода справочника. Практическая польза от книги доказана ее почти вековой службой в качестве незамененного и поныне справочника по разнообразнейшим вопросам исторической топографии Киева. При этом, однако, не следует забывать, что научный уровень труда Н. Закревского, весьма невысокий и для той поры, когда он создавался, в настоящее время уже просто нетерпим. Н. Закревскому чужды элементарные навыки исторической критики источников. Сосредоточив на страницах своего объемистого труда множество разнообразнейших фактов, автор не умеет, однако, отличать среди них существенные от второстепенных. Автор, кое-как интерпретирующий письменные источники, оказывается совершенно беспомощным перед археологическими памятниками. Совершенно не разбираясь в основных вопросах древнерусского зодчества, он тем не менее уделяет много места вопросам, связанным со строительной историей многочисленных архитектурных памятников Киева и его окрестностей, проявляя на каждом шагу полнейшую беспомощность и наивность. Отдельные положения Н. Закревского серьезной исторической критике подвергал еще М. А. Максимович.[5]

Крупнейшими знатоками исторической топографии древнего Киева в конце XIX—начале XX в. были профессора Киевской духовной академии Н. И. Пет-

---

[1] «Киевлянин», кн. I, Киев, 1840, стр. 5—58 = М. А. Максимович, Собр. соч., т. II, Киев, 1877, стр. 91—123.

[2] Переиздано в Собр. соч., т. II, Киев, 1877, стр. 24—38.

[3] Н. Закревский. Описание Киева. Вновь обработанное и значительно умноженное издание с приложением рисунков и чертежей, тт. I—II. М., 1868.

[4] Н. Закревский. Летопись и описание города Киева. ЧОИДР, М., 1858, кн. 2, стр. I—VI + 1—286 + 1—14 + 4 табл.

[5] М. А. Максимович. 1) Объяснительные параграфы о Киеве. Собр. соч., II, Киев, 1877, стр. 50—83; 2) О Киевском Синопсисе и о некоторых урочищах древнего Киева, упоминаемых в Описании Киева Закревского. Там же, стр. 84—88; 3) О Киевском урочище Копыреве конце, по поводу статьи о нем г. Закревского. Там же, стр. 143—154.

ров и С. П. Голубев. Труд Н. И. Петрова «Историко-топографические очерки древнего Киева», опубликованный в 1897 г., до недавнего времени справедливо рассматривался как основной справочник по вопросам исторической топографии Киева.[1]

Наряду с вопросами исторической топографии Н. Петров уделял серьезное внимание различным памятникам Киева: древним печатям и монетам, поступавшим в музеи Киева, фресковым росписям киевских храмов.

Работы С. Голубева, посвященные частным вопросам исторической топографии Киева, основаны на серьезном и тщательном изучении летописей и актовых документов XVI—XVIII вв. Опираясь на эти поздние документы, автор смог выяснить ряд вопросов исторической топографии древнего домонгольского Киева.[2]

Необходимо подчеркнуть, что все перечисленные выше труды по исторической топографии Киева в лучшем случае представляли собой тщательные сводки разрозненных фактов, далеко не всегда прошедших к тому же через серьезную источниковедческую критику. Ни один из названных выше исследователей даже не пытался поставить какие-либо вопросы, связанные с социальной характеристикой тех или иных районов города, раскрыть глубокое историческое содержание тех общественных процессов, более или менее непосредственным отображением которых являлись разнообразные памятники Киева, о которых шла речь. Эти памятники рассматривались обычно лишь как топографические вехи для воссоздания формальной схемы древнего плана города.

При отсутствии интереса к основным историческим процессам развития города ожесточенные дискуссии по различным частным, порой малозначительным вопросам исторической топографии Киева велись между Н. Закревским и М. Максимовичем, Н. Петровым и С. Голубевым на протяжении десятилетий.

Большое внимание исследователей издавна привлекали древние архитектурные памятники Киева. Как отмечалось выше, значительный интерес к руинам древних архитектурных памятников Киева был характерной чертой археологических исследований 20—40-х годов прошлого века. Наряду с раскопками развалин древних храмов уже с начала XIX в. большой интерес вызывали и постройки, сохранившиеся как в самом городе, так и в его пригородах. Памятники эти в результате разновременных реставраций дошли до нас в весьма искаженном виде и вызывали необходимость тщательного архитектурно-археологического исследования.

---

[1] Н. И. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897.

[2] С. Т. Голубев. 1) Историко-топографические изыскания и заметки о древнем Киеве. ТКДА, Киев, 1899, декабрь, стр. 574—599; 1904, декабрь, стр. 668—692; 2) О древнейшем плане г. Киева 1638 г. ЧИОНЛ, кн. XII, Киев, 1898, отд. II, стр. 20—96; 3) Историко-топографическое исследование о древнем Киеве. ЧИОНЛ, кн. XIV, Киев, 1900, отд. I, стр. 23—24; 4) Спорные вопросы о древнейшей топографии Киева. Киев, 1910.

Уже в изданиях конца XVIII в., посвященных «достопамятностям» Киева, перечислялись основные архитектурные памятники города. М. Ф. Берлинский, М. А. Максимович, Н. Закревский, Н. И. Петров и С. П. Голубев в своих работах также уделяли архитектурным памятникам Киева значительное место. Однако архитектурные сооружения интересовали этих исследователей не столько как памятники древнего зодчества, сколько в качестве наиболее точно локализуемых топографических вех при реконструкции плана древнего Киева и его отдельных частей.

В 70-х годах XIX в. киевские архитектурные памятники привлекли внимание историков русского зодчества. Л. Даль в «Историческом исследовании памятников русского зодчества», печатавшемся в 1872 г. в ряде выпусков журнала «Зодчий», рассматривал киевские постройки как древнейший этап истории русской архитектуры.[1]

В «Археологическом обзоре киевских древностей», опубликованном в 1875 г. В. Прохоровым, были не только перечислены основные памятники древнего зодчества Киева, но и опубликованы чертежи и рисунки многих из них.[2] В. Прохоров впервые отчетливо сформулировал задачу первичного архитектурно-археологического исследования памятников Киева, без которого дальнейшая работа над ними была невозможна. «В настоящее время эти памятники,— писал он,— имеют вид разновременного, разнохарактерного смешения. Подобные памятники искусства ставят исследователя в затруднительное положение; при этом невольно рождается вопрос: какие первоначальные были формы этих памятников, что сохранилось в них древнего и что новое, какие признаки изменений того или другого века и пр.».[3] В. Прохоров считал, что разрешение этих вопросов, непосильное какому-нибудь одному исследователю, должно быть предоставлено «соединенным силам археологического съезда».[4]

Напомним, что именно эти вопросы и были предложены к обсуждению на III археологическом съезде, состоявшемся в Киеве в августе 1874 г. Участникам съезда предлагалось высказаться по вопросам: «Что именно осталось от первоначального здания древних киевских церквей: Васильевской, Софийской, Златоверхо-Михайловской, Великой Лаврской, Выдубицко-Михайловской, Спасо-Берестовской, Троицко-Кирилловской? Сохранилась ли и насколько церковь Иоанна Предтечи, упоминаемая в Патерике Печерском? Древней ли постройки, и если древней, насколько уцелели: Троицкая на св. воротах лаврских и Успенская на Подоле? Какие (судя по остаткам древних

---

[1] Л. Даль. Историческое исследование памятников русского зодчества. «Зодчий», 1872, № 2, стр. 9—11; № 5, стр. 68—70; № 6, чертежи; № 7, стр. 101—105.

[2] В. Прохоров. Киев. Археологический обзор киевских древностей. Христианские древности. СПб., 1875, стр. 1—33 + 26 табл.

[3] Там же, стр. 2.

[4] Там же.

киевских церквей) отличительные черты киевского архитектурного стиля X—XII вв.? По какому плану строились киевские церкви того времени, какая их кладка, фасад, формы кровельные, орнаментация?».[1]

Энергичная деятельность по изучению памятников киевского зодчества, которую проводил в 60—80-х годах прошлого века П. Лашкарев, в основном и была направлена на решение перечисленных выше вопросов. П. Лашкарев, внимательно изучая кладку древних киевских построек, пытался выявить из-под разновременных напластований первоначальные части наиболее прославленных киевских сооружений.[2] Результаты этих первичных архитектурно-археологических исследований памятников позволили П. Лашкареву сделать попытку обобщающей характеристики киевского зодчества X—XIII вв.[3] П. Лашкарев считал, что подмеченные им особенности техники кладки киевских зданий древнего периода характеризуют весь домонгольский период киевского зодчества в целом — от конца X до середины XIII в. Эта глубоко ошибочная предпосылка была причиной важнейших ошибок П. Лашкарева в вопросах датировки памятников. Тем не менее архитектурно-археологические исследования П. Лашкарева сыграли несомненно крупную роль в деле изучения киевского зодчества.

Тщательным кропотливым изучением ряда памятников киевского зодчества занимался П. Лебединцев, многочисленные работы которого, печатавшиеся в 70—90-х годах прошлого века, как и работы П. Лашкарева, позволили выяснить немало темных вопросов, связанных с различными памятниками древнего киевского зодчества.

С начала 90-х годов над мозаиками и фресками киевских храмов работали Н. П. Кондаков,[4] Д. В. Айналов и Е. К. Редин,[5] а несколько позже ученики Д. В. Айналова — В. К. Мясоедов [6] и Н. А. Окунев.[7] Работа последнего, по-

---

[1] Тр. III АС в Киеве (1874), т. I, Киев, 1878, стр. IV—V.

[2] Печатавшиеся в различных киевских изданиях 60—80-х годов статьи П. А. Лашкарева были позже переизданы автором в книге «Церковно-археологические очерки, исследования и рефераты» (Киев, 1898).

[3] П. Лашкарев. Киевская архитектура X—XII вв. Тр. III АС в Киеве (1874), т. I, Киев, 1878, стр. 263—282 = П. Лашкарев. Церковно-археологические очерки, исследования и рефераты. Киев, 1898, стр. 125—159.

[4] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891. — Н. П. Кондаков. О фресках лестниц Киево-Софийского собора. ЗРАО (нов. сер.), т. III, вып. 2, СПб., 1888, стр. 287—306 + 4 табл.

[5] Д. В. Айналов и Е. К. Редин. Киевский Софийский собор. Исследования древней живописи — мозаик и фресок собора. ЗРАО (нов. сер.), т. IV, СПб., 1890, стр. 231—381 и отдельно — СПб., 1889.

[6] В. К. Мясоедов. Фрески северного притвора Софийского собора в Киеве. ЗОРСА, т. XII, Пгр., 1918, стр. 1—6.

[7] Н. А. Окунев. Крещальня Софийского собора в Киеве. ЗОРСА, т. X, Пгр., 1915, стр. 113—137.

священная крещальне Киевской Софии, образцовая в отношении методики архитектурно-археологического исследования памятника, во многом предопределила дальнейшие исследования Софии.

8. РАСКОПКИ В. В. ХВОЙКИ В УСАДЬБЕ М. ПЕТРОВСКОГО (1907—1908 гг.)

Несмотря на несомненный упадок интереса к археологическим исследованиям Киева во второй половине XIX в., особенно заметный по сравнению с энергичной раскопочной деятельностью киевских археологов 20—40-х годов XIX в., к концу столетия все же накопилось весьма значительное количество разнообразных материалов, наполнивших собрания частных и государственных музеев Киева и отчасти попавших в музеи Петербурга и Москвы.

Материалы эти были крайне плохо изучены и систематизированы, исторически мало и слабо комментированы. Методика археологических исследований, осуществлявшихся в основном любителями-дилетантами, стояла на крайне низком уровне. Выше отмечалось, что нередко «раскопки» превращались в откровенное хищническое кладоискательство. Все это в значительной мере обесценивало добытые в ту пору многочисленные и разнообразные памятники.

Археологическое исследование Киева, развивавшееся до начала нашего века как замкнутое вещеведение, было оторвано от основных путей развития исторической науки; археологические источники расценивались историками не больше, чем любопытные иллюстрации к тем или иным уже сложившимся главным образом на основе письменных источников концепциям. Неисчислимые богатства разнообразных археологических источников по древнейшей истории русского города, по истории городского ремесла, по истории городской культуры оставались почти вне поля зрения историков XIX в.

В 1907—1908 гг. в усадьбе доктора М. Петровского, расположенной на территории древнейшей части Верхнего города, В. В. Хвойка обнаружил ряд интереснейших комплексов, позволивших восстановить облик древнего Киева.

Еще в 90-х годах В. В. Хвойка занимался обследованием и раскопками курганов, расположенных на взгорьях вдоль Кирилловской ул. К сожалению, результаты этих раскопок были опубликованы исследователем предельно кратко.[1] Поскольку отчеты о раскопках и полевая документация их не сохранились, весьма интересные результаты их остаются поныне почти недоступными.

Идея раскопок в усадьбе М. Петровского возникла, по-видимому, случайно. Осматривая обрывы киевских гор в поисках следов первобытного человека, В. В. Хвойка заметил в обнажениях по склону верхней части усадьбы М. Петровского остатки древних фундаментов, сложенных из красного кварцита. Это

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913, стр. 53—57.

послужило толчком для пытливого и неутомимого исследователя, ранее увлеченного изучением Кирилловской палеолитической стоянки и «трипольских площадок», серьезно заняться археологическими раскопками древнего Киева.

Несмотря на крайнее несовершенство методики раскопок В. В. Хвойки, особенно в отношении фиксации самого процесса археологических исследований, несмотря на затруднительные условия, в которых протекали раскопки, проводившиеся в саду частновладельческой усадьбы, хозяин которой ставил ряд ограничительных условий, несмотря на то, наконец, что работы производились на частные скудные средства, результаты раскопок были поистине блестящи и неожиданны.

Открытые в 1907—1908 гг. в центре древнего Киева остатки разрушенных княжеских дворцов, жилищ, многочисленных ремесленных мастерских, древних погребений и пр. и пр. вызвали живой интерес в широких кругах общественности и впервые привлекли внимание историков и археологов всей страны.[1]

Участники XIV археологического съезда в Чернигове, осмотрев осенью 1908 г. раскопки В. В. Хвойки, дали исключительно высокую оценку результатов его работ. Усадьбу М. Петровского на заседаниях съезда называли русским капитолием, русским форумом. Д. В. Айналов, восторженно отнесшийся к новым открытиям, охарактеризовал раскопки В. В. Хвойки как «новую эру в русской археологии».[2]

9. РАСКОПКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ Д. В. МИЛЕЕВА (1908—1914 гг.)

Блестящие результаты раскопок в усадьбе Петровского послужили толчком к организации археологических работ значительно более крупного масштаба по широко задуманному плану. В декабре 1907 г. Н. П. Кондаков обратился с докладной запиской к президенту Академии наук, в которой, ссылаясь на

---

[1] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 63—75. Многочисленные информации столичной и киевской прессы давались неоднократно в сводках «Археологической хроники», печатавшейся в качестве «Прибавлений» к «Известиям Археологической комиссии». См.: Прибавл. к вып. 20, 26, 27, 31 и др. На раскопки в Киеве откликнулись и неспециальные журналы, см. статью: А. Савенко. Древнейший Киевский «город» и остатки дворцов великокняжеской эпохи. Исторический вестник, 1909, март, стр. 1176—1185.

[2] ИАК, Прибавл. к вып. 44, СПб., 1912, Арх. хрон., стр. 100—101. XIV археологический съезд постановил ходатайствовать о приобретении усадьбы М. Петровского в государственную собственность. В 1911 г. в Государственную думу за подписью 65 членов ее было внесено законодательное предположение об отпуске из Государственного казначейства 300 000 руб. на приобретение усадьбы М. Петровского, не имевшее, правда, успеха. Несмотря на то, что в 1913 г. за подписью семидесяти семи членов в Государственную думу вторично было внесено то же законодательное предположение, чиновники Министерства финансов признали требуемую сумму слишком высокой, а ценность усадьбы «сомнительной». (см. «Законодательное предположение об отпуске из Государственного казначейства средств на приобретение усадьбы М. М. Петровского»: ИАК, Прибавл. к вып. 44, СПб., 1912, Арх. хрон., стр. 100—103; Архив ИИМК АН СССР, ф. АК, д. 30/1908 г.).

выдающиеся результаты раскопок В. В. Хвойки в усадьбе Петровского и указывая на опасность приближения того времени, «когда местные любители и промышленники сообразят, что почва Киева во многих местах почти насыщена предметами древности, имеющими ныне высокую денежную стоимость», выдвигал проект организации многолетних археологических исследований древнего Киева под руководством Академии наук.[1]

Проект Н. П. Кондакова был принят в Академии наук сочувственно. Первоначальное предположение организовать раскопки под руководством Отделения русского языка и словесности встретило, однако, сопротивление со стороны Археологической комиссии, справедливо считавшей, что дело археологического изучения Киева является ее прямой обязанностью и правом. В результате ведомственной борьбы организация раскопок в Киеве была возложена на Археологическую комиссию с ассигнованием специальных государственных дотаций на эти работы, сроком на 10 лет.

Уже летом 1908 г. в непосредственном соседстве с усадьбой Петровского, в усадьбе Десятинной церкви, начались крупные археологические раскопки под руководством архитектора-археолога Д. В. Милеева. В работах первых двух лет принимал участие также Б. В. Фармаковский.

Раскопки Археологической комиссии производились с 1908 по 1914 г. В 1908 г. была исследована восточная и северная части развалин Десятинной церкви, не попавшие под новую, выстроенную В. Стасовым постройку. При этом под фундаментами было открыто несколько погребений, предшествующих постройке храма.

В 1909 г. раскопкам подверглась территория к северо-востоку от апсид древнего храма. Раскопками этого года было обнаружено значительное количество древних погребений довладимировой поры, среди которых исключительный интерес представляло детское погребение в срубе. К сожалению, отчет о раскопках 1909 г. не был опубликован исследователем, а полевая документация этого года бесследно пропала. Раскопками 1908—1909 гг. к северо-западу от развалин церкви был обнаружен глубокий ров, ограждавший Киевское городище довладимировой поры, исследование которого было завершено советскими археологами в 1937—1939 гг.

В 1909 г., в связи с постройкой большого дома в усадьбе Софийского собора (на углу Георгиевского переулка и Стрелецкой улицы), Археологической комиссией были начаты раскопки на территории строительства, широко развернувшиеся в следующем году. Раскопками 1909—1910 гг. были обнаружены развалины храма XI в. и большое христианское кладбище возле него.[2]

Весной 1910 г., в связи с предполагавшейся постройкой дома в усадьбе Трубецкого, работы Археологической комиссии были перенесены на террито-

[1] Архив ИИМК АН СССР, ф. АК, д. 30/1908 г.

[2] Археологические исследования в Киевской губернии. ИАК, Прибавл. к вып. 34 (Хрон. и библ., вып. 17), СПб., 1910, стр. 171—174. — Археологические исследования в Киеве. ИАК, Прибавл. к вып. 39 (Хрон. и библ., вып. 19), СПб., 1911, стр. 171—172.

рию этой усадьбы, в части, примыкающей к углу Владимирской и бывш. Трехсвятительской ул. Раскопки в этой усадьбе не дали значительных результатов. Большая часть вскрытой раскопками площади оказалась испорченной глубокими ямами и постройками XVII в. Однако, несмотря на это, тщательным исследованием удалось обнаружить ряд древних языческих погребений, часть большой братской могилы, относящейся ко времени татаро-монгольского разгрома Киева в 1240 г., и клад, состоявший из ювелирных изделий XII—XIII вв.[1]

В июне того же года, в связи с работами по постройке дома в усадьбе Крестьянского банка (Владимирская, д. 10, ныне усадьба Киевского телеграфа), археологические раскопки были перенесены на территорию этой усадьбы, расположенной неподалеку от усадьбы Десятинной церкви, вследствие чего работы в усадьбе Трубецкого были прерваны. В западной части усадьбы было обнаружено продолжение рва, часть которого была открыта ранее в усадьбе Десятинной церкви, и ряд древних погребений довладимировой поры.[2] Раскопки в усадьбе Крестьянского банка были продолжены и в 1911 г., на этот раз под руководством помощника Д. В. Милеева — С. П. Вельмина.[3]

Вызванные непредвиденными обстоятельствами раскопки в усадьбах Трубецкого и Крестьянского банка заняли основное внимание исследователя, в связи с чем работы в усадьбе Десятинной церкви в 1910 г. были значительно сокращены. Осенью этого года были начаты раскопки юго-восточной части территории этой усадьбы, увенчавшиеся крупным успехом. Рядом с Десятинной церковью были открыты руины древнего здания дворцового характера.

В 1911 г. раскопки охватили значительную площадь к юго-востоку от церкви, где были открыты почти полностью развалины древней гридницы, современной Десятинной церкви. Под уровнем подошвы фундаментов гридницы был обнаружен целый ряд погребений, относящихся к довладимировой поре, частично разрушенных при постройке гридницы.[4]

Наряду с исследованием развалин дворца, раскопками 1911 г., продолженными в 1912 г., была исследована северо-западная часть усадьбы Десятинной церкви, где были открыты новые участки древнего рва, ограждавшего некогда Киевское городище.[5]

---

[1] Археологические исследования в Киевской губернии. ИАК, Прибавл. к вып. 37 (Хрон. и библ., вып. 18), СПб., 1910, стр. 206—210.

[2] Археологические исследования в Киевской губернии. ИАК, Прибавл. к вып. 37 (Хрон. и библ., вып. 18), СПб., 1910, стр. 210—211.

[3] Н. П - с к и й. Археологические раскопки в Киеве. ИАК, Прибавл. к вып. 42 (Хрон. и библ., вып. 20), СПб., 1911, стр. 109—110.

[4] Археологические раскопки в усадьбе Десятинной церкви. ИАК, Прибавл. к вып. 44 (Хрон. и библ., вып. 21), СПб., 1912, стр. 96—98. — ОАК за 1911 г., Пгр., 1914, стр. 48—62.

[5] Археологические раскопки в усадьбе Десятинной церкви. ИАК, Прибавл. к вып. 44 (Хрон. и библ., вып. 21), СПб., 1912, стр. 98. — Раскопки Археологической комиссии в усадьбе Десятинной церкви. ИАК, Прибавл. к вып. 48 (Хрон. и библ., вып. 23), СПб., 1913, стр. 116—118. — ОАК за 1912 г. Пгр., 1916, стр. 66.

Раскопки в усадьбе Десятинной церкви и в ее окружении продолжались и в 1913—1914 гг., когда удалось завершить исследование южной части дворцового здания, открытого в 1910—1911 гг. у южной стены храма, и обнаружить среднюю часть еще одного древнего дворца на Десятинном проулке.[1]

В связи с постройкой большого здания в усадьбе Киевского губернского земства (на углу Владимирской и Ириининской улиц) здесь под руководством С. П. Вельмина были произведены новые раскопки небольшой части развалин храма, открытого в 30-х годах прошлого века К. Лохвицким.[2]

Исследование территории усадьбы Десятинной церкви раскопками 1908—1914 гг. было в основном завершено. 19 июля 1914 г. в разгаре работ скончался от сыпного тифа Д. В. Милеев, отдавший много сил и энергии делу археологического изучения Киева. Смерть бессменного руководителя киевских раскопок и начавшаяся война 1914—1918 гг. прервали работы Археологической комиссии в Киеве. Десятилетний план археологических исследований Киева, намеченный в 1908 г., остался незавершенным.

К сожалению, полевая документация раскопок 1908—1914 гг. (дневники, полевые описи находок, полевые обмеры и зарисовки) полностью бесследно пропали. В бывшем Архиве Археологической комиссии удалось разыскать лишь несколько чистовых чертежей и значительное количество депаспортизованных негативов, часть которых была определена. Краткие отчеты о раскопках 1908, 1911, 1912, 1913—1915 гг. были напечатаны в Отчетах Археологической комиссии за соответствующие годы. О раскопках в 1909—1910 гг. известно лишь из кратких информаций, печатавшихся в киевских и столичных газетах, а также из доклада С. П. Вельмина, прочитанного на заседании Киевского отделения Военно-исторического общества.[3]

Несмотря на незавершенность работ Археологической комиссии и утрату важнейшей полевой документации, результаты раскопок 1908—1914 гг. имели огромное научное значение. В истории археологического изучения древнего Киева раскопки Д. В. Милеева были первыми археологическими исследованиями, производившимися на основе подлинно научной археологической методики, с исключительной тщательностью и целеустремленностью. По сравнению с раскопками Д. В. Милеева почти одновременные работы В. В. Хвойки поражают наивным дилетантизмом.

Раскопки Д. В. Милеева обогатили археологию Киева целым рядом превосходно исследованных древних архитектурных памятников, среди которых на первом месте должны быть упомянуты развалины древнейшей каменной постройки на Руси — Десятинной церкви, остатки княжеского дворца X в. и руины неизвестного храма в усадьбе Митрополичьего дома. Результаты

[1] ОАК за 1913—1915 гг., Пгр., 1918, стр. 167. — С. П. Вельмин. Раскопки Археологической комиссии в г. Киеве в 1914 г. Рукопись, Архив ИИМК АН СССР.

[2] ОАК за 1913—1915 гг., Пгр., 1918, стр. 167—168.

[3] С. П. Вельмин. Археологические изыскания Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева. ВИВ, Киев, 1910, кн. 7—8, стр. 121—153.

раскопок Д. В. Милеева, однако, отнюдь не ограничиваются изучением остатков архитектурных сооружений. Мастерски проведенные исследования субструкций восточной и северной частей Десятинной церкви позволили обнаружить не только ряд замечательных погребений, относившихся ко времени до постройки храма в конце X в., но и следы засыпанного перед постройкой глубокого рва, некогда ограждавшего более древнее Киевское городище довладимировой поры.

Огромное количество разнообразных находок из раскопок 1908—1914 гг., к сожалению, не были изучены самим исследователем. Пролежав около 30 лет в подвалах бывш. Археологической комиссии, а с 1919 г. в подвалах ГАИМК, эти материалы оказались в основном депаспортизованными. Разборка их, произведенная нами в 1938—1939 гг., позволила установить, что лишь незначительная часть их может быть привлечена в качестве ценного исторического источника для решения различных вопросов истории древнего Киева.

Наряду с археологическими исследованиями Д. В. Милеева следует упомянуть также мастерские, в методическом отношении, раскопки несохранившейся восточной части церкви Спаса на Берестове, проведенные в 1914 г, в связи с реставрацией памятника выдающимся архитектором-реставратором П. П. Покрышкиным. К сожалению, вследствие начавшейся войны археологические исследования не были завершены, а почти вся полевая документация раскопок, за исключением многочисленных фотографий, сохранившихся в фотоархиве ИИМК АН СССР, бесследно пропала.[1]

10. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КИЕВА ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Раскопки Археологической комиссии, прерванные в 1914 г. империалистической войной, не были продолжены после ее окончания. В 1919 г. Археологическая комиссия была расформирована с передачей важнейших ее функций учрежденной тогда же Российской (позже — Государственной) академии истории материальной культуры.

После Великой Октябрьской социалистической революции археологическое изучение Киева сосредоточилось в различных научных учреждениях Украинской ССР.

Всеукраинский археологический комитет не уделял серьезного внимания делу археологического исследования Киева. В 1925 г. Комитетом были проведены раскопки в усадьбе Софийского собора под руководством В. Г. Лясковронского, не имевшие серьезных результатов.[2] В 1926 г. под руководством

---

[1] Об основных результатах раскопок и реставрационных работ см.: М. К. Каргер. К истории киевского зодчества конца XI—начала XII в. Церковь Спаса на Берестове. СА, XVII, 1953, стр. 231—242.

[2] В. Г. Лясковронський. Розкопи в подвірї Софійського собору в Київі. Коротке звідомлення ВУАК за р. 1925. Київ, 1926, стр. 87—92.

С. Гамченко проведены раскопки в усадьбе В. Трубецкого, явившиеся как бы продолжением работ Д. В. Милеева в этой же усадьбе. Раскопками было открыто несколько древних погребений.[1] В 1930 г. ВУАК провел раскопки на горе Детинке, в результате которых были найдены остатки жилища полуземляночного типа, отнесенного исследователем к первой половине XII в., и три погребения в деревянных гробовищах второй половины XII в.[2]

Характерной чертой деятельности ВУАК был отрыв всех археологических исследований на Украине, в частности исследований древнего Киева, от исследований по истории древнерусской культуры, которые велись в это же время советскими учеными за пределами Украины. Осуществляя «теоретические установки» М. Грушевского и других буржуазных националистов, некоторые деятели украинской археологии рассматривали историю Киевской Руси и Киева лишь как часть истории Украины, отрывая ее от истории русского и белорусского народов. «Дослідженняя київських пам'яток, — развязно заявлял в книге «Археологічна минувшина Київщины», изданной Украинской Академией наук в 1925 г., проф. В. Данилевич,— проводилося головним чином москалями. В них вони бачили „общее русское искусство". Наслідком того, окромішності властиві київському будівництву, не добачалися іми як слід. Та вони й не цікавилися виявляти національну українську творчість».[3] Напомним, что речь идет об «украинском национальном творчестве» при создании Золотых ворот и Киевской Софии!!

В 1930-х гг. небольшие раскопки на территории Киева проводил Киевский исторический музей. В 1932—1933 гг. были проведены раскопки на северо-западном уступе горы Киселевки. Раскопки 1932 г. дали интересный керамический материал, в том числе сравнительно редко встречавшиеся в других местах Киева фрагменты лепной посуды с характерным для роменских городищ волнистым орнаментом, а также керамику первых веков нашей эры (культура «полей погребений»).[4] Сложная стратиграфия участка со сползшими по склону горы слоями осталась недостаточно выясненной. В 1933 г. была дополнительно раскопана небольшая площадь на поверхности северо-западного склона горы, где были открыты остатки мастерских костяных и металлических изделий конца XI—XII в.[5]

---

[1] С. Гамченко. Розкопи 1926 року в Київі. (Давніша садиба В. П. Трубецького). Короткие звідомлення ВУАК за р. 1926. Київ, 1927, стр. 17—38.

[2] В. Козловська. Розкопи р. 1930 у Києві на горі Дитинці. ХАМ, ч. 3, Киев, 1931, стр. 49—52.

[3] В. Данилевич. Археологічна минувшина Київщины. ЗІФВ УАН, № 31, Київ, 1925, стр. 120.

[4] С. Магура. До питання про стару слов'янску кераміку часів родоплеменного ладу (З приводу розкопів на горі Киселівці в Киеві, 1932 р.). ПЗІІМК, кн. I, Київ, 1934, стр. 53—73, табл. I—V. Розкопи в Киеві на горі Кисілівці в 1940 р. Археологія, I, Київ, 1947, стр. 141—142.

[5] С. Магура. Розкопи на горі Киселівці в Киеві 1933 р. НЗІІМК, кн. I, Київ, 1934, Хроніка, стр. 212.

В 1939 г. музей вновь проводил работы на различных участках северо-западного склона горы. Серьезных результатов работы не дали. В одном месте был обнаружен завал обрезков медных листов в виде узких полос и различные другие отбросы металлического производства.[1]

Раскопки, проведенные в 1940 г. Киевским историческим музеем совместно с Институтом археологии АН УССР на участке, вплотную примыкавшем к раскопу 1932 г., позволили выяснить ряд новых фактов древнейшей истории Киева.[2]

С середины 30-х годов археологические исследования древнего Киева сосредоточились в Институте истории материальной культуры Академии наук УССР, позже преобразованном в Институт археологии АН УССР.

В 1936—1937 гг. в связи со строительством на территории бывш. Михайловского Златоверхого монастыря и в усадьбе Художественной школы (бывшей усадьбы М. Петровского и Десятинной церкви) институт провел там археологические раскопки достаточно крупного масштаба, результаты которых, однако, к сожалению, остались неопубликованными.

С 1938 по 1952 г. на территории Киева и его окрестностей развернулись систематические археологические раскопки, проводившиеся Киевской археологической экспедицией ИИМК АН СССР и ИА АН УССР под руководством автора. Прерванные Великой Отечественной войной и временной оккупацией Киева немецко-фашистскими захватчиками, работы экспедиции возобновились в 1945 г.

Киевская экспедиция осуществила раскопки на территории усадьбы Исторического музея (бывшие усадьбы Десятинной церкви и М. Петровского) и примыкающей к ним усадьбы Слюсаревского (1938—1939, 1948—1949 гг.),[3] на территории Михайловского Златоверхого монастыря (1938, 1940, 1948—1949 гг.),[4] на различных участках Владимирова города (1946 г.),[5] в усадьбе Художественного института и на примыкающих к ней участках (1947 г.),[6] на территории бывш. Выдубицкого монастыря (1945 г.).[7] Кроме того, проведены раскопки древних архитектурных памятников за пределами города —

---

[1] Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. Археологія, I, Київ, 1947, стр. 142.

[2] Краткий отчет об этих раскопках см. в публикации: Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. Археологія, I, Київ, 1947, стр. 141—150. К сожалению, драгоценные материалы этих раскопок не были подвергнуты в дальнейшем углубленному исследованию и до настоящего времени не опубликованы.

[3] М. К. Каргер. 1) Археологические исследования древнего Киева (1938—1947). Киев, 1950, стр. 45—140; 2) Розкопки на садибі Київського історичного музею. Археологічні пам'ятки УРСР, III, Київ, 1952, стр. 5—13.

[4] М. К. Каргер. 1) Археологические исследования древнего Киева, стр. 8—44. 2) Новые данные к истории киевского жилища домонгольского периода. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 3—11.

[5] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 167—191.

[6] Там же, стр. 192—226.

[7] Там же, стр. 141—166.

в Вышгороде (1952 г.),[1] Борисполе (1950 г.),[2] Зарубском монастыре (1948—1949 гг.).[3]

В 1940, 1948—1949, 1951—1952 гг. крупные археологические исследования были проведены Софийским заповедником АА УССР под руководством автора.[4]

С 1949 г. отдельные отряды экспедиции ИА АН УССР «Большой Киев» (руководитель — В. А. Богусевич) проводили раскопки на Киселевке (1949 г.),[5] на Подоле (1950 г.)[6] и в Печерском монастыре (1951 г.).[7] В связи с большим строительством на Крещатике были проведены археологические исследования древнего Ярославова вала (руководители — В. А. Богусевич и П. А. Раппопорт),[8] а в 1955 г., также в связи со строительством,— раскопки крупного масштаба на Владимирской ул. (руководитель — В. К. Гончаров).[9]

Большое внимание за последние десятилетия привлекали немногие сохранившиеся памятники древнего зодчества Киева. Ценные наблюдения по вопросам реконструкции первоначального облика Киевской Софии сделал И. В. Моргилевский,[10] в течение многих лет изучавший архитектурные памятники древнего Киева и руководивший их обмерами.

Крупные реставрационные работы, проведенные в Софийском соборе, позволили выяснить некоторые ранее не решенные вопросы архитектурной истории памятника.[11] Эти работы наряду с систематическими археологическими раскопками внутри храма[12] и новыми детальными обмерами[13] дали возможность значительно уточнить реконструкцию первоначального облика Софии.

---

[1] М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI в. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. СА, XVI, 1952, стр. 77—99.

[2] М. К. Каргер. «Летская божница» Владимира Мономаха. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 13—20.

[3] М. К. Каргер. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. СА, XIII, 1950, стр. 33—62.

[4] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 227—250.

[5] В. А. Богусевич. Розкопки на горі Киселівці. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 66—72.

[6] В. А. Богусевич. Археологические розкопки в Києві на Подолі в 1950 р. Археологія, т. IX, Київ, 1954, стр. 42—53.

[7] В. А. Богусевич. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальт в Киеве. По материалам раскопок 1951 г. КСИА, вып. 3, Киев, 1954, стр. 14—20.

[8] П. П. Ефіменко и В. А. Богусевич. КріпостьЯрослава Мудрого в Києві. Вісник АН УРСР, Київ, 1952, № 12, стр. 38—46.

[9] В. К. Гончаров. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. Археологія, т. X, Київ, 1957, стр. 122—135.

[10] І. В. Моргилевський. Київська Софія в світлі новых спостережень. Київ та його околиця в історії і пам'ятках. Київ, 1926, стр. 125—165.

[11] М. О. Кресальний, Ю. С. Асєєв. Нові дослідження архітектури Софійського собору. Архітектура і будівництво. Київ, 1955, № 1 (13), стр. 27—29.

[12] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 227—250.

[13] Работа архитекторов В. П. Волкова и Н. О. Кресального.

Серьезному историко-архитектурному исследованию подвергся в процессе реставрации собор Кирилловского монастыря.[1]

Широкий размах археологических работ, развернувшихся в Киеве в последние два десятилетия, сочетался не только с новыми задачами исследования, но и с новой методикой раскопок. Вместо узких траншей, прорезывавших и разрушавших памятник, советская археология выдвинула требование вести раскопки широкой площадью с задачей охватить по возможности полностью изучаемый комплекс.

Но главной особенностью советских археологиеских исследований в Киеве была подчиненность раскопок задачам исторической науки, постановка и решение на археологических источниках больших исторических проблем. Новые раскопки позволили во многом переоценить, осмыслить, по-новому комментировать и результаты предшествующих исследований.

Основные этапы исторического развития города, облик его яркой своеобразной культуры раскрылись в результате исследований советских археологов с исключительной убедительностью и полнотой, недостижимой ранее при изучении одних письменных источников.

Коренным образом изменились по сравнению с дореволюционными археологическими исследованиями задачи и интересы советской археологии. Дореволюционные исследователи-археологи увлекались главным образом парадной стороной жизни города, их интересовали преимущественно пышные церковные постройки, клады драгоценных вещей, богатые погребения и т. п. Интересы и задачи советской археологии стали значительно шире и многостороннее, в частности, особый интерес в изучении древнерусских городов стали вызывать те районы, которые были заселены ремесленниками. Изучение этих районов позволило нарисовать правдивую картину жизни феодального города, основу этой жизни — городское ремесленное производство, тяжелую подневольную жизнь городского ремесленного люда.

Надо сказать, что даже раскопки в центральном, наиболее аристократическом районе Киева, начатые еще в 1907—1908 гг. и продолжающиеся с исключительными результатами до последних лет, позволили установить, что вблизи от роскошных княжеских дворцов и блиставшей расточительной пышностью Десятинной церкви ютились небольшие землянки — мастерские княжеских холопов. Тем большие надежды в отношении изучения городского ремесла должны были вызывать окраинные районы города, сплошь заселенные «черным» городским людом. Под углом зрения именно этих задач и были развернуты широкой площадью раскопки в различных районах древнего Киева.

Особенное внимание советских археологов, изучавших древний Киев, было приковано к важнейшей проблеме происхождения города и к древнейшим периодам его истории. По весьма понятным причинам эти вопросы принадлежали к наименее разработанным историками, опиравшимися по преимуществу

[1] Работа архитектора Н. В. Холостенко; см. также: Ю. С. Асеев. Архітектура Кирилівського заповідника. Архітектурні пам'ятники, Київ, 1950, стр. 73—85.

на письменные источники. В результате археологических исследований последних лет сказочный туман легенд, которым была овеяна древнейшая история города, постепенно развеивается. Раскопки на территории владимирова Киева показали, что так называемый «город Владимира» не может быть признан древнейшим ядром Киева.

Раскопками было установлено существование в границах «города Владимира» более древнего городища, окруженного рвами и валами, за пределами которых находился огромный языческий курганный могильник IX—X вв. Инвентарь многочисленных погребений древнего киевского некрополя позволил восстановить яркую картину жизни города в IX—X вв.

Археологическими исследованиями было установлено существование на территории Киева нескольких (не менее трех) самостоятельных поселений VIII—X вв. Легенда о трех братьях — основателях города, занесенная в древнейшую киевскую летопись, заключала в себе, по-видимому, отголоски реального факта существования нескольких самостоятельных поселений на территории Киева, лишь в конце X в. объединившихся в один город.

Раскопки на территории города древнейших погребений, относящихся к III—IV вв. н. э., а также систематизация и изучение многочисленных кладов римских монет и случайных находок этого же времени позволили восстановить еще более древнюю страницу истории города. Можно считать несомненным наличие на территории Киева нескольких небольших поселений в первые века нашей эры.

Но наиболее многочисленный и яркий материал, добытый раскопками в Киеве, относится к летописному периоду его истории (конец X—середина XIII в.). Открытие значительного количества отлично сохранившихся остатков жилищ горожан, ремесленных мастерских, развалин каменных храмов и княжеских дворцов X—XIII вв., сопровождавшееся находками огромного количества разнообразнейшего инвентаря, позволило нарисовать яркую картину жизни города накануне монгольского завоевания.

С изумительной образностью раскрылась в результате раскопок последних лет потрясающая по своему драматизму картина разгрома цветущего города татаро-монгольскими полчищами в декабре 1240 г. Изучение своеобразной стратиграфии культурных слоев Киева позволило установить длительный период запустения Верхнего города в результате монгольского разгрома.

Многочисленные и весьма разнообразные памятники, открытые и изученные советскими археологами, составляют основной фонд источников настоящего исследования.

Глава II

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КИЕВА

Мы не видим нужды отвергать сказание Нестора, который приписывает строение Киева Славянским Полянам.

Н. Карамзин. История Государства Российского.

1. ВОПРОС ОБ ОСНОВАНИИ КИЕВА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII—НАЧАЛА XIX в.

Вопрос о том, когда и кем был основан Киев, дебатировался в русской исторической науке с первых дней ее существования. Глубокий интерес к этому вопросу понятен. Проблема возникновения Киева — неотделимая составная часть древнейшей истории Русского государства. «Предание о трех братьях, Кие, Щеке и Хориве,— писал Д. И. Иловайский,— есть не что иное, как попытка ответить на вопрос: откуда пошло Русское государство».[1]

Историки XVIII—начала XIX в. в решении этой проблемы могли опираться исключительно на легендарный рассказ о трех братьях — основателях Киева, занесенный в Древнейший летописный свод. На необходимость серьезного отношения к легендарным рассказам русских летописей об основателях городов обращал внимание еще М. В. Ломоносов. «Владетели и здатели городов в пределах Российских, — писал он почти два века тому назад, — известны по Нестору в Полянах Кий, Щек и Хорив; Славян новгородских по летописцу Славен и Рус. И хотя в оном летописце с начала много есть известий невероятных, однако же его откинуть невозможно».[2]

[1] Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. Изд. 2-е, М., 1882—1886, стр. 52 и 65.

[2] М. В. Ломоносов. Краткий российский летописец с родословием. 1760, § 6.

Комментирование этого рассказа вело старых историков к весьма несхожим, часто взаимно исключающим выводам.

В. Н. Татищев недоверчиво относился к историческому содержанию легенды о трех братьях. «Кий, Щек, Хорив и Лыбедь, имена не Славянские,— писал он,— но Сарматские и есть ли оные не вымышлены от званий урочищ, то нужно быть до пришествия в сии места Славян, или от рода Козаров. Ибо Славянские князи никогда от других языков имен не имели, но от своего».[1] Самое имя — Киев или Кивы — он считал сарматским. Комментируя слова летописца «Поляне же жили особно на сих горах по Днепру», В. Н. Татищев писал: «Не пустые горы, но град Киев разуметь должно, ибо Сарматский Киви, Славенский камень и горы едино есть».[2] Известие летописца об основании города князем Кием В. Н. Татищев считал вымышленным «от незнания сего имени». Основание города он относил ко времени «до пришествия Христова».[3]

Кн. М. Щербатов, не соглашаясь с известием летописца в том, что Кий с братьями были славяне, считал их имена персидскими и «арапскими».[4] Полагая, что три брата пришли из страны, в которой «вышеобъявленные языки в употреблении были», Щербатов считал, что основателями Киева были гунны. По его мнению, гунны, покорив алан, «остались в земле оных и наконец дошли до места, где ныне Киев. Нашед себе сие место удобно к населению, тут вожди их остановились и вышеозначенные грады построили».[5]

Против этой теории возражал еще И. М. Болтин, сам склонявшийся к мысли В. Н. Татищева о сарматском происхождении Киева. «Чтоб Гунны на берегах Днепра, где ныне Киев, когда-либо жили,— писал он,— о том ни в какой истории не вспоминается; да и весьма сумнительно, чтоб они местами сими проходили. Жили тут издревле Сарматы, и прежде нежели Славянами были покорены, построили город Киев, назвав его так по местоположению его, ибо слово Киви на сарматском языке значит горы; да и самый народ в окрестности Киева, на нагорном берегу Днепра живший, назывался по сказанию Стриковского, Киви. Славяня, Сармат покорив, между ними поселились и назвали живших на нагорном берегу, в соответствие Сарматскому слову Киви, Горянами; а жителей луговой стороны Полянами. Славяня имели обычай иностранные собственные имена переводить на свой язык, в чем им и Руссы долгое время подражали; таковых пример множество летописи представляют».[6]

---

[1] В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен, кн. II. М., 1773, прим. 18.

[2] Там же, прим. 12.

[3] Там же.

[4] Кн. М. Щербатов. История российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1794, стр. 116—121.

[5] Там же, стр. 121.

[6] И. М. Болтин. Примечания на Историю древния и нынешния России Г. Леклерка, т. I. 1788, стр. 21—22. Против теории об основании Киева гуннами решительно возражал позже и Н. М. Карамзин, остроумно отметивший, что «гунны разрушали города, а не стро

Несколько позже И. М. Болтин изменил свое мнение о происхождении Киева, признав основателями города аваров. Он утверждал, что «Киев» — слово венгерское и значит — «веселый». Так же толковал Болтин и имена других братьев Кия и его сестры. «Хорив», по его мнению,— венгерское слово «Горог», что значит «кривой», «Щек» (Сцег) — «кормило», а «Лебедь» (Лебегс) — «трепетание». Итак, Кий, Щек и Хорив и Лебедь были, по Болтину, авары и говорили одним языком с венграми.[1]

И. Рейнегс считал, что Киев основан готами, имя города, обозначающее «место любимое, радостное» он считал финико-арабским.[2]

Г. З. Байер, принимая сказание о трех братьях за историческое, отождествлял Кия с готским королем Книве, воевавшим в Паннонии с римским императором Децием.[3]

Наконец, Г. Ф. Миллер, не находя в византийских летописях никаких известий о походе Кия на Царьград, пытался примирить летописный рассказ с византийскими летописями, считая, что Кий служил в войсках тех гуннов, которые при Феодосии II разоряли империю.[4]

Все эти представители докарамзинского периода нашей историографии в своих толкованиях летописной легенды, столь не сходных между собой, сходились почти все лишь в одном: они не хотели верить летописному рассказу о том, что Кий с братьями были не гунны и не готы, и не авары, а славяне. Решительно возражал против этих толкований Н. М. Карамзин. «Не видим мы нужды,— писал он,— отвергать сказание Нестора, который приписывает строение Киева славянским полянам. Имена древние не всегда могут быть изъяснены языком новейшим, из чего не следует, что они произошли от иного языка».[5] «Что-нибудь одно,— говорил Н. М. Карамзин, возражая Байеру,— или верить в сем случае Нестору, или не верить; если верить, то Кий был славянский князь, а не готский».[6] Возражал Карамзин и против того, что, «оста-

---

или их и говорили без сомнения не арабским и не персидским языком» (Н. М. Карамзин. История Государства Российского, I, прим. 71).

[1] И. М. Болтин. Критические примечания на первый том Истории кн. Щербатова СПб., 1793, стр. 141.

[2] J. Reineggs. Allgemeine historich-topographische Beschreibung des Kaukasus, v. II. St. Petersburg, 1797, стр. 200.

[3] G. Bayer. Commentarii, III, стр. 434. Об этой теории см.: В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, прим. 19.

[4] Н. М. Карамзин, ук. соч., I, прим. 71.

[5] Там же.

[6] Там же. Мы не останавливаемся здесь на многочисленных более поздних попытках связать возникновение Киева, при комментировании известия Константина Багрянородного о прозвище Киева — Самбат, с сарматами, скандинавами, готами, венграми, аланами, хазарами и даже литовцами и финнами. См. об этом: Г. Ильинский. Σαμβατάς Константина Багрянородного. Ювілейний збірник на пошану М. С. Грушевського, II, Київ, 1928, стр. 166—167; А. И. Лященко. Киев и Σαμβατάς у Константина Багрянородного. ДАН СССР, 1930, № 4, стр. 66—72.

вив достоверного Нестора», некоторые историки склонны были больше доверять автору Киевского Синопсиса, выписанного по большей части из польских историков — Длугоша, Стрыйковского и др.[1] Стрыйковский, утверждавший, что Киев был основан в 430 г. по Р. Х., еще Шлецером [2] был назван за это бессовестным.

Местное народное предание о Киеве, занесенное в конце XI в. в летописные своды, наряду с церковной легендой о путешествии апостола Андрея, предрекавшей и закреплявшей великое политическое и церковное значение Киева в истории Древнерусского государства, свидетельствовали о том, что в эпоху, когда обе эти легенды были литературно оформлены, Киеву принадлежала виднейшая роль в политической жизни страны.

Но голос народного предания говорил и о большем. Легенда закрепляла мысль о том, что Киев был славным городом задолго до того времени, когда он во второй половине X в. стал признанной столицей Руси. Может быть, эта мысль и составляет наиболее реальную историческую основу древней народной легенды.

«Предание о Кие, Щеке и Хориве,— писал Д. С. Лихачев,— ярко свидетельствует об интересе русского народа к своей истории еще в дописьменный период. Эта легенда имеет не только узко местный, но и общерусский интерес».[3] Чрезвычайно важно установить, к какому времени относится это народное предание. Армянский историк VIII в. Зеноб Глак [4] рассказывает об основании Куара (Киева) в стране полуни (полян) Куаром, Ментеем и Хереаном. Решительно отвергая мысль, что русская и армянская легенды восходят к общей основе, возникшей на скифской или доскифской «стадии» обоих народов, как это стремился доказать Н. Я. Марр,[5] следует думать, что киевская легенда могла проникнуть в Армению через славянские поселения, издавна существовавшие на Северном Кавказе. Если это действительно так, то предание это во всяком случае уже существовало в VIII в. н. э.

2. КИЕВ И «ДНЕПРОВСКИЙ ГОРОД» — МИФИЧЕСКАЯ СТОЛИЦА ЭРМАНАРИКА

В 1850—1852 гг. Копенгагенское королевское общество северных антикваріев при материальном содействии русского правительства издало два тома «Antiquités Russes d'aprés les monuments historiques des Islandais et des anciens

---

[1] Н. М. Карамзин, ук. соч., I, прим. 71.

[2] А. Шлецер. Нестор, т. I. СПб., 1809, стр. 184.

[3] Повесть временных лет, ч. II. Комментарии Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950, стр. 220.

[4] Как установил М. Абегян (История древнеармянской литературы, т. I. Ереван. 1948, стр. 346), компиляция Зеноба Глака была составлена не ранее VIII в. Среди его источников значительное место занимают национально-церковные предания, а также народные сказания.

[5] Н. Я. Марр. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси. ИРАИМК, т. III, Л., 1927, стр. 256—257.

Scandinaves». В этих двух фолиантах были опубликованы целиком и в отрывках скандинавские и исландские саги, имеющие отношение к русской истории, а также отрывки из скандинавских и исландских песен.

Северный фольклор еще задолго до этого привлекал внимание исследователей древней русской истории, начиная с историков XVIII в. — Байера и Миллера.

В 30-х годах XIX в., после статьи О. Сенковского,[1] посвященной скандинавским сагам, имеющим отношение к русской истории и, в частности, Эймундовой саге, скандинавский фольклор вошел в состав источников русской историографии. Правда, о значении памятников северного фольклора в качестве исторического источника высказывались различные взгляды. Если упомянутый Сенковский доказывал важное историческое значение саг, то член Археографической комиссии Бередников в докладе по поводу ходатайства Копенгагенского общества северных антиквариев об оказании пособия на упомянутое издание высказался крайне скептически об историческом значении саг. Ссылаясь на авторитет Шлецера, Лейбница, Ире, Гебгарда, Каченовского, Бередников писал: «Саги, которые будут заключаться в этом издании, пользуются в ученом мире весьма сомнительным авторитетом. Как основанные исключительно на поэтических преданиях грубых Скандинавов, саги не могут развить достоверным образом нашу древнюю историю, потому что, во-первых, сущность саг решительно баснословна, во-вторых, они не применяются ни к какой хронологии, в-третьих, хотя некоторые исторические очерки и имена, упоминаемые в наших летописях, изредка встречаются в сагах, но это вовсе ничего не прибавляет к тому, что уже известно из наших хроник, или по сомнительному происхождению и характеру саг не может исторически утвердить или пояснить никакого факта, даже и в тех случаях, когда саги разнятся с нашими летописями, или говорят о том, чего нет в них; и в-четвертых, саги. . . суть позднейшего происхождения».[2]

Как правильно было указано Н. П. Дашкевичем, скептики, развенчивавшие саги как исторический источник, «не обращали должного внимания на то, что в таких памятниках, как саги, можно искать особой вероятности, относясь к ним, как к памятникам поэтическим, можно требовать правды внутренней и находить верные отдельные подробности».[3]

Мы позволили себе с несколько излишними на первый взгляд подробностями остановиться на вопросе о роли скандинавского эпоса как источника древнерусской истории, потому что в связи именно с этим источником вскоре после выхода в свет копенгагенских фолиантов возникло и в известной мере

---

[1] О. Сенковский. Скандинавские саги. Библиотека для чтения, т. I, отд. III, стр. 1—77.

[2] Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840 гг., вып. I. СПб., 1885, стр. 205—207.

[3] Н. П. Дашкевич. Приднепровье по некоторым памятникам древнесеверной литературы. Университетские известия, Киев, 1886, № 11, стр. 224.

продолжает жить до наших дней печальное заблуждение в вопросе о древнейших судьбах Киева.

В числе других памятников, опубликованных в «Antiquités Russes», была известная «Hervarasaga». В этой саге выступает Hlödr, внебрачный сын короля Гейдрека, который царствовал в Рейдготии (Reidhgotaland), простиравшейся до Harvad-hafjöll (хорватских, или карпатских, гор), а столицей имел Danpstadir (Днепровский город). По смерти Гейдрека Hlödr требует от его сына и преемника, чтобы тот отдал ему половину страны, а именно «половину того великого леса, что зовется Myrkvidhr («темный лес»), ту святую могилу, что лежит на пути, ту чудную скалу в Днепровских местах, половину замков, что имел Гейдрек». В предисловии к саге издатели отметили, между прочим, следующее: «Имя Danpstadir, которое появляется также в Atla-Kvida как название места, расположенного в царстве Atla, царя гуннов, и которое Я. Гримм (Deutsche Mithologie, стр. 1211) остроумно сопоставил с Tanfa, Tanfana, может также напомнить название Danapris, или Днепр».[1]

А. А. Куник, приняв это толкование, высказал предположение, что за время странствования готов к Понту «Днепровский город некоторое время был столицей Готского королевства».[2] Это мнение было повторено А. Н. Пыпиным [3] и несколько подробнее развито вновь А. А. Куником, который писал: «По словам этой саги, во времена гуннов, Danpstadir, Danparstadis, Danprstadir (от Danaper — Днепровский град, Киев?) был главным городом (höfudborg) Reidhgotaland'a или Cotthjodh'a».[4] Ф. К. Брун, ссылаясь на это место у А. А. Куника, высказал предположение, что «Днепровский город занимал, вероятно, то место, где затем был построен Киев».[5]

Известно, что «Hervarasaga» — сказание довольно позднего происхождения, датируется в основном XII—XIII вв., хотя имеет различные варианты, более древние и более поздние части. Время ее возникновения неизвестно, но поздний характер ее не вызывал сомнений.[6]

Попытка найти те же названия в более древних скандинавских источниках была сделана известным знатоком древнесеверного фольклора, исландцем Г. Вигфуссоном.[7] Вигфуссон, изучая место действия эддической «Hamdismal», обратил внимание на один не совсем понятный стих этой песни, которую

---

[1] Antiquités Russes, t. I. Copenhague, 1850, стр. 112.

[2] Mélanges russes tirés du Bulletin de l'Académie Impèrial des sciences de St. Petersburg, t. IV, livre 5, 1869, стр. 520.

[3] Вестник Европы, 1875, № 11, стр. 127.

[4] А. А. Куник. Русский источник о походе 1043 года. Записки АН, т. XXVI, кн. 1, СПб., 1875, стр. 55.

[5] Ф. К. Брун. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России, ч. II. Одесса, 1880, стр. 289.

[6] См., в частности: М. Грушевський. Історія України—Руси, I. Київ, 1913, стр. 149.

[7] G. Vigfusson. Sigfrid-Arminius and other papers. Grimm Centenary. Oxford—London, 1886.

он считал одной из древнейших песен Эдды. Стих этот читался обычно так: «Holl sà peir Cotha oc hlíd — skialfar djúpa».[1] Последнее слово (djúpa — «глубокий») Вигфуссон считал ошибкой переписчика. Исправляя это слово по аналогии с другими песнями Эдды, Вигфуссон ставил вместо djúpa — Danpar. При этом исправлении текст получает такой смысл: «Они увидели палату готов и скаты берегов Днепра».

В древней песни об Аттиле («Atla-Kvida») действительно встречается подобное же слово — Danpar: «. . .Днепровские места, знаменитый лес, который мужи зовут Темной дубравой» («. . .stadi Danpar, hris pat id maera es medr Myrkvid kalla»).[2]

В песни о Hlod и Angantheow также говорится, что Heidric'у принадлежали «тот знаменитый лес, который зовется Темной дубравой, та священная могила, которая стоит в земле готов, та знаменитая скала, которая стоит в Днепровских местах».[3]

Дальнейшее толкование исправленного стиха «Hamdis-mal» приводит к тому, что в этой песни — одной из древнейших песен Эдды — идет речь о столице готов в каком-то месте Восточной Европы, над «Danpar», который естественно отождествить с «Danaper» Иордана, т. е. с позднейшим Днепром.

Отыскивая место на берегу Днепра, которое могло быть ареной действия героев «Hamdis-mal». Вигфуссон считал, что Danparstadir — древний центральный город на Днепре — безусловно Киев. Здесь гора, занимаемая Лаврой, могла быть издавна знаменитым и священным местом погребения. На ней могла быть расположена столица Гиферика и Эрманарика. Здесь берег возвышается над рекой террасами — настоящими hlíd — skialfar. Этот город — один из пунктов Европы, который самым своим расположением был как бы предопределен стать центром исторического тяготения. Особое положение делало Киев удобным торговым рынком, святилищем, крепостью. В особенности он годился, по мнению Вигфуссона, быть центром таких конгломератов царств, как тот, которым правил Эрманарик. Здесь в Киеве Вигфуссон видит центральный пункт готской империи и столицу Эрманарика. В состав этой первой тевтонской империи входили, по мнению Вигфуссона, чудь (эсты и др.), славяне, скифы, и готы. Этот второй Александр правил над черноземной полосой России, начиная от песчаных, усеянных озерами берегов Балтийского моря до дельт Черноморья и от Карпат до восточных степей. Средоточием этой империи, по Вигфуссону, было среднее течение Днепра и Киев.

По мнению Вигфуссона, «Hamdis-mal» представляет лишь отголосок той готской поэзии, которая была вызвана подвигами Эрманарика, но достаточно и того, что уцелело, чтобы понять, что вдохновенный поэт, автор песни, находился не вне «палат готов» в Днепровском городе. Знакомясь с этой поэмой,

---

[1] Corpus poeticum boreale, v. I. Oxford, 1883.

[2] Там же, стр. 45.

[3] Там же, стр. 350.

по мнению Вигфуссона, можно представить себе великолепие, пышность обстановки и силу власти готского василевса на Днепре.[1]

Может быть, не было бы необходимости столь подробно останавливаться на концепции Вигфуссона и его русских предшественников — неумеренных представителей «готской теории», если бы призрак мифического Danparstadir в различных модификациях не появлялся вновь и вновь в трудах русских и украинских ученых до самого недавнего времени, хотя обстоятельной критике теория Вигфуссона подверглась вскоре после выхода его труда.

Скептическое отношение ко всем основным положениям Вигфуссона высказал проф. Киевского университета Н. П. Дашкевич в рецензии на книгу Вигфуссона, напечатанной в том же 1886 г.[2]

Н. П. Дашкевич прежде всего справедливо не находил возможным согласиться с тем возвеличением Эрманарика, к которому вслед за некоторыми древними историками, сравнивавшими Эрманарика с Александром Великим, пришел Вигфуссон. Небывалое могущество, приписываемое Эрманарику, и самый перечень народов, подвластных ему, уже давно вызывали сомнения у критически настроенных историков, в том числе и немецких. Во всяком случае подтвердить историческими фактами приурочение столицы Эрманарика к Днепру трудно. Более того, невозможно решить даже и более общий вопрос — было ли вообще Среднее Поднепровье в числе обширных пространств, принадлежавших Эрманарику.

Обращаясь к вопросу о достоверности предания о «Днепровском городе», сохранившегося в эддических песнях, Н. П. Дашкевич указывал, что песня о Hlod и Angantheow должна быть сразу устранена из доказательств древности предания о «Днепровском городе», потому что заимствована, по мнению самого Вигфуссона, из «Hervarasaga» не раньше XI в.

Остаются, следовательно, два упоминания — о «Днепровском нагорном береге» и о «Днепровских местах». Но из них одно (в «Hamdis-mal»), как мы помним, взято из другой песни по догадке. Весь стих, в который оно введено, испорчен и является результатом остроумных реконструкций исследователя. Таким образом, вполне бесспорным остается лишь упоминание «Днепровских мест» в песни об Аттиле («Atla-Kvida»).

Но самое главное возражение Дашкевича состояло не в этом. Считая, что рассматриваемые песни в том виде, как они дошли до нас, не старше IX в., Дашкевич выдвигал мысль, не следует ли считать упоминания о Днепре и «Днепровском городе» в песнях Эдды позднейшей локализацией столицы Эрманарика, которая могла произойти под влиянием рассказов скандинавов, ходивших по «пути из Варяг в Греки», бывавших в Киеве в IX и следующих веках или слышавших тогда о нем.

---

[1] G. Vigfusson, ук. соч.

[2] Н. П. Дашкевич, ук. соч., стр. 220—241.

Все сказанное приводило Дашкевича к выводу, что в словах Эдды о «Днепровском городе», едва ли возможно признать отголосок древнейшего предания об Эрманарике, восходящего ко времени этого последнего.

Отрезвляющая критика Дашкевича, однако, не приостановила распространение теории Вигфуссона. Если, как говорит древняя поговорка, книги имеют свою судьбу, то не менее интересную судьбу, оказывается, имеют и рецензии на книги. Обстоятельная рецензия Дашкевича, изложившая все основное содержание книги, против которой она была направлена, послужила больше к пропаганде идей Вигфуссона, чем к их опровержению. В течение десятков лет приверженцы теории днепровской столицы готов ссылаются не столько на подлинный малодоступный труд Вигфуссона, сколько на рецензию Дашкевича, причем нередко считая последнего проводником и сторонником этой теории.

Так, автор капитального сводного труда об исторической топографии Киева Н. И. Петров, ссылаясь на Дашкевича, писал: «Самый Киев в это время принадлежал готам, а затем гуннам и в IV в. был центром Готской империи и столицей Эрманарика».[1]

В. Б. Антонович,[2] не только полностью следовал за Вигфуссоном, считая Киев столицей готов, но и утверждал, что соображения Вигфуссона были проверены проф. Дашкевичем, который якобы нашел, что его предположение очень вероятно. Со своей стороны Антонович пытался подтвердить факт существования готского Киева археологической документацией, привлекая для этого два клада римских монет III—IV вв. н. э., найденные на Подоле и на Печерске.

Со ссылкой на Вигфуссона и Дашкевича признавал существование готской столицы на Днепре и Ю. Кулаковский,[3] полагавший, что Киев существовал еще во времена Птолемея и значится на карте последнего под именем Метрополь. Когда готы тронулись на юг, к пределам Римской империи, под их напором исчезли с лица земли старые культурные центры Тира, Ольвия, Танаис, но среди этого переворота уцелел, по-видимому, и даже, быть может, был призван к новой жизни Метрополь — Киев, который и выступает при готах как Danparstadir — столица Эрманарика.

Признавали существование днепровской готской столицы на территории Киева Ф. Браун,[4] В. С. Иконников,[5] А. И. Соболевский,[6] С. Рожнец-

---

[1] Н. И. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, стр. 3.

[2] А. Армашевский и В. Антонович. Публичные лекции по геологии и истории Киева. Киев, 1897, стр. 36—37.

[3] Ю. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899, стр. 31. Н. Закревский (Описание Киева, т. I. М., 1868, стр. 6) считал, что Птолемеев Азагориум, слывший у окрестных жителей под именем Загорья, был не что иное, как Киев.

[4] Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений, I. Готы и их соседи до V в. СПб., 1899, стр. 8.

[5] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 116.

[6] А. И. Соболевский. Лингвистические и археологические наблюдения. Русские местные названия и язык скифов и сарматов, вып. I. Варшава, 1910, стр. 97—98.

кий,[1] А. Погодин,[2] И. Стеллецкий.[3] Теорию Вигфуссона о Киеве как столице готов до недавнего времени можно было встретить в путеводителях по городу[4] и в обзорных статьях на страницах украинских журналов.[5]

Итак, если изучение древнерусской народной легенды об основателях Киева привело к признанию наиболее реальной исторической основы этой легенды в том, что она в поэтической форме закрепляла мысль о славном прошлом великого города задолго до того времени, как он стал признанной столицей Руси, то изучение северных легенд о «Днепровском городе», наоборот; приводит к выводу о перенесении на мнимую готскую столицу Эрманарика черт более позднего исторически реального русского Киева.

Общей для обоих источников особенностью является, однако, легендарный поэтический характер их. Забывая об этом и превращая русскую легенду или северные песни в исторические документы в собственном, узком смысле этого слова, исследователи нередко обольщали себя иллюзорной исторической реальностью тех фактов, которые на самом деле имели подлинную ценность лишь как поэтический образ, требующий специфических средств раскрытия.

3. КЛАДЫ РИМСКИХ МОНЕТ И ОТДЕЛЬНЫЕ ВЕЩЕВЫЕ НАХОДКИ РИМСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КИЕВА

История Киева, как и история других крупнейших городов древней Руси, уходит своими корнями в далекое историческое прошлое нашей родины.

Когда в середине XI в. и особенно в начале XII в. в Киеве, как и в ряде других крупных городов, появляется регулярное летописание, составители древнерусских летописей, естественно, пожелали внести в свои своды сведения о тех периодах истории своего города, которые уже и для них были далеким историческим прошлым. Осмысляя это далекое прошлое пересказом народных легенд и сказаний, летописцы, разумеется, не могли преодолеть легендарный туман, скрывавший первые страницы истории города, сквозь который лишь с большим трудом удавалось проследить отдельные исторические события и их участников.

Сохраненные летописью народные легенды и предания о возникновении Киева и для историков XVIII—XIX вв. служили почти единственным источником при воссоздании древнейшей истории города. Известные в ту пору, правда весьма немногочисленные, археологические «документы» не привлекали серьезного внимания историков. Между тем изучение древнейшего периода истории

[1] С. Рожнецкий. Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе. ИОРЯС, т. XVI, кн. 1, 1911, стр. 72.

[2] А. Погодин. Киевский Вышгород и Гардарики. ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, 1914, стр. 31.

[3] И. Стеллецкий. Летописные варяжские пещеры и клад. Сб. статей в честь гр. Уваровой, М., 1916, стр. 262.

[4] К. Шероцкий. Киев. Путеводитель. Киев, 1917, стр. 2. Автор не только поддержал теорию Вигфуссона, но и считал, что она «подтверждается археологическими данными». См. также: Путівник по Київу, ч. І. Київ давній. Київ, 1930, стр. 104.

[5] В. Славін. Київ у пам'яти століть. Соціалистичний Київ, 1936, № 12, стр. 34.

Киева, периода вовсе не отраженного собственной письменностью и весьма мало и сомнительно письменностью других народов, возможно лишь при условии максимального внимания к источникам, отмеченным (в противоположность тем, о которых шла речь выше) наибольшей исторической реальностью, — к источникам археологическим.

Благодаря рано начавшимся археологическим раскопкам, с одной стороны, и интенсивным строительным и планировочным работам, с другой, к концу прошлого века в Киеве было известно уже весьма значительное количество отдельных случайных находок, кладов, погребений, развалин древних храмов, дворцов и т. п. Особое внимание среди этих открытий и находок привлекали, конечно, многочисленные, разнообразные по характеру яркие памятники, относившиеся к концу X—середине XIII в. Однако наряду с этими памятниками, отражавшими историю древнерусской столицы той эпохи, которая подробно освещена киевскими летописями, уже в середине прошлого века были обнаружены первые находки, свидетельствовавшие о гораздо более древних страницах истории города.[1]

Более ста лет тому назад, в 1841 г., при производстве земляных работ на Александровской улице (против средней части Царского сада) были найдены две серебряные римские монеты Фаустины Младшей (жены имп. М. Аврелия, ум. в 175 г.) и имп. Коммода (180—192), т. е. обе II в. н. э.[2]

В 1846 г. при постройке жандармских казарм на Печерске был найден клад римских монет, состоявший из 80 бронзовых и 2 серебряных монет. Дальнейшая судьба этого клада нам неизвестна. Краткое известие о находке клада опубликовал в 1852 г. Б. В. Кене. Однако бронзовые монеты вовсе не привлекли его внимания и только два денария были им кратко описаны. Один из них относился ко времени Октавиана Августа (27 г. до н. э.—14 г. н. э.), второй — Септимия Геты (211—212).[3]

---

[1] Достаточно полная для своего времени сводка данных о находках римских монет на территории Киева была сделана четверть века тому назад В. Г. Ляскоронским в статье «Римські монеты, які знайдено на територіі м. Києва» (Український музей, зб. I, Київ, 1927, стр. 29—41). Первая попытка систематизации разнообразных памятников первых веков нашей эры, найденных на территории Киева, осуществлена в нашей статье «К вопросу о древнейшей истории Киева» (СА, X, 1948, стр. 235—254). С тех пор накопились довольно значительные новые материалы; см., в частности, статью И. Самойловского «Пам'ятки культури полів поховань у Києві» (Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 153—157). В списке находок римских монет в Восточной Европе, опубликованном В. В. Кропоткиным [Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4 (38), стр. 253—279], киевские находки перечислены по материалам нашей статьи.

[2] А. Пискарев. Хронологическое обозрение пятидесяти подземных археологических находок в России с 1820 по 1850 г. ЗРАО, III, 1851, Протоколы засед. за 1850 г., стр. 85. — Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губ. Киев, 1889, стр. 9. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 41. — В. Г. Ляскоронський. Римські монети. . ., стр. 29.

[3] Б. В. Кене. Описание европейских монет X, XI и XII в., найденных в России. ЗРАО, IV, 1852, стр. 3; см. также: Н. Беляшевский, ук. соч., стр. 10; В. Б. Анто-

В 1876 г. в Плоской части Киева, являющейся непосредственным продолжением Киево-Подола, в усадьбе Магурина, расположенной вблизи так называемой «Канавы», т. е. нижнего течения Глубочицкого ручья, в районе, носящем название Оболонь (летописное «Болонье»), при земляных работах рабочими был найден большой клад, состоявший из 200 с лишним бронзовых монет. Рабочие, нашедшие клад, состоявший из довольно невзрачных на вид бронзовых монет, не обратили на него особого внимания, монеты частью были выброшены, частью разошлись по рукам. Позже из этого большого клада удалось приобрести для Минц-кабинета Киевского университета 25 экз. монет, которые были определены и обстоятельно описаны В. Б. Антоновичем в 1878 г.[1] Впоследствии он собрал еще 32 монеты этого клада. Две монеты из того же клада были приобретены киевским коллекционером К. В. Болсуновским.[2]

Монеты Оболонского клада разделяются на две группы, из которых первую (45 экз.) составляют римские колониальные монеты, чеканенные в Антиохии (в Писидии) во время царствования императоров Филиппа Араба (244—249), Траяна Деция (249—251), Волусиана (251—253) и Галлиена (253—268).[3]

Вторую группу (14 экз.) составляют несколько более поздние монеты — римской средней и малой бронзы, времен императоров Максимина II Даза (305—313), Константина Великого (306—337), Констанция II (337—361), Прокопия (365—366).[4]

Таким образом, Оболонский клад состоял, по-видимому, из монет, близких между собой как по времени, так и по типам. По составу монет он относится ко второй половине III в. и первой половине IV в. Все монеты римского чекана, большинство из них принадлежит к разряду римских колониальных монет (г. Антиохия в Писидии).

Еще В. Б. Антонович,[5] опубликовавший первые сведения о кладе 1876 г., высоко оценил его историческое значение. По его мнению, Оболонский клад представляет «древнейшее из известных поныне письменных свидетельств, относящихся к истории города Киева». Основываясь на монетах Оболонского клада, В. Б. Антонович считал, что на месте нынешнего Киево-Подола уже

нович. Археологическая карта. . ., стр. 40; В. Г. Лясковронський. Римські монети. . ., стр. 29.

[1] В. Б. Антонович. Описание Киевского клада, содержащего римские монеты III и IV столетий. ДТМАО, VII, 1878, стр. 241—244.

[2] Подробное описание состава клада сделано Н. Ф. Беляшевским: ук. соч., стр. 26—34; см. также: В. Данилевич. Монетные клады, принадлежащие Мюнц-кабинету Университета св. Владимира, I. Киев, 1892, стр. 14—17; В. Б. Антонович. Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом музее Университета св. Владимира, вып. I. Монеты древнего мира. Киев, 1896, прилож. II, стр. 252—256; В. Г. Лясковронський, ук. соч., стр. 29.

[3] Н. Ф. Беляшевский, ук. соч., стр. 27—32.

[4] Там же, стр. 32—34.

[5] В. Б. Антонович. Описание Киевского клада. . ., стр. 244.

в IV в. существовало поселение и что торговые сношения этого поселения связывали его жителей по меньшей мере с побережьем Черного моря, может быть, и с Византией. Это поселение В. Б. Антонович образно называл «будущей матерью городов Русских».[1]

В 1887 г. около Кирилловского монастыря при закладке фундамента под постройку был вновь найден клад римских монет, содержавший около 350 экз. Однако, когда в 1892 г. остатки этого клада были куплены коллекционером Н. Леопардовым, он состоял уже всего из 25 монет. Впоследствии Леопардов пожертвовал клад в Музей Киевской духовной академии. Судя по описанию монет, попавших в это собрание, в составе клада находились монеты Веспасиана (69—79) — 1 экз., Домициана (81—96) — 1 экз., Траяна (98—117) — 1 экз., Адриана (117—138) — 1 экз., Сабины (жены имп. Адриана, ум. в 136 г.) — 1 экз., Антонина Пия (138—161) — 4 экз., Фаустины Старшей (жены Антонина Пия, ум. в 141 г.) — 2 экз., Марка Аврелия (161—180) — 7 экз., Люциллы (жены имп. Люция Вера, ум. в 183 г.) — 3 экз., Коммода (180—192) — 4 экз.[2]

В 90-х годах прошлого столетия при прокладке канализационных труб в городе рабочими были вновь найдены несколько экземпляров бронзовых римских монет; часть из них попала в руки В. В. Хвойки, у которого их видел В. Ляскоронский.[3] По словам последнего, среди этих находок были монеты императора Константина Великого (306—337) и его преемников, а также монеты значительно более раннего времени. Одна из этих монет, найденная на Воздвиженской улице, представляла денарий Корнелии Салонины, жены имп. Галлиена (253—268), с греко-латинской надписью. Римские монеты в честь жен императоров известны и по другим находкам на территории Украины, например в Триполье и его окрестностях.[4]

Одна римская монета и бронзовая грубо орнаментированная чаша, найденные при прокладке канализационных труб в 1890 г., были переданы в Государственный Эрмитаж.[5]

В 1893 г. также при прокладке канализационных труб были найдены древнегреческие монеты (Faventum) и римская монета императора Филиппа Араба (244—249).[6] При подобных же работах на Подоле нашли монету императора Константина Великого.[7] На Подоле же при рытье «Канавы», представляющей расширение известного по древним письменным источникам ручья Глубочица,

[1] Там же, стр. 244; см. также: В. Б. Антонович. Описание монет и медалей. . ., стр. 252.

[2] Первое известие об этом кладе опубликовано В. Г. Ляскоронским (ук. соч., стр. 29—30). См. также рукописное «Описание монет, пожертвованных Н. Леопардовым в Музей Киевской духовной академии» в Архиве КИМ.

[3] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 30.

[4] Там же.

[5] Там же. См. также: ОАК за 1890 г., СПб., 1892, стр. 119—120 и 138—139.

[6] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 30.

[7] Там же.

на берегу которого был открыт в 1876 г. знаменитый Оболонский клад, была найдена монета императора Константина Великого.[1]

В том же районе вблизи Глубочицкого ручья, на участке Кирпичного завода, был найден клад, состоявший из 40 экз. бронзовых римских монет, из которых всего 19 попали в Университетский музей. По свидетельству В. Б. Антоновича, из них 3, типа средней бронзы, относились к имп. Констанцию II (337—361), остальные 16 чеканены в г. Антиохии в Писидии. На лицевой стороне 9 из них удалось прочесть имя императора: на 7 — Волусиана (251—253), на 2 — Гордиана III (238—244).[2]

Вообще на Подоле в конце XIX в. часто находили отдельные римские монеты, но большая часть их бесследно пропала и не была даже зарегистрирована. Киевский коллекционер конца XIX в. Н. Леопардов, скупавший у населения случайные находки различных эпох, утверждал, что ему «неоднократно были предлагаемы в разное время, разными продавцами римские денарии I—II вв., каждый раз небольшими количествами, даже не очищенные от наплыва и осадков ржавчины, с объяснением, что они были найдены на Подоле или при возделывании огородных грядок, или при рытье канав для фундаментов при постройках и пр.».[3]

В. Ляскоронский также сообщал о том, что ему несколько раз приходилось видеть серебряные и медные римские монеты, которые доставали ученики гимназии у рабочих-землекопов или же покупали там же, на Подоле, в маленьких лавчонках, куда эти монеты попадали с территории самого Киева или его окрестностей. [4]

До недавнего времени было распространено мнение о том, что находки римских монет и особенно кладов связаны исключительно с Киево-Подолом и отчасти с Печерском. Находки римских монет и тем более кладов на территории Верхнего Киева долгое время были неизвестны.

Однако самый крупный, а может быть, и наиболее древний по своему составу, клад римских монет был найден именно на территории Верхнего Киева в первой половине 70-х годов прошлого века, т. е. раньше, чем известный Оболонский клад. Но в то время как последний сразу же обратил на себя внимание ученых, был неоднократно подробно описан, Старо-киевский клад остался совершенно незамеченным. Печальная история этого клада стала известна в печати спустя более чем полвека после его находки. Историю находки и гибели этого замечательного клада опубликовал в 1927 г. В. Г. Ляскоронский.[5]

---

[1] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 30.

[2] В. Б. Антонович. О монетных кладах, найденных в Киеве и его окрестностях. ЧИОНЛ, кн. II, Киев, 1888, стр. 17.

[3] Н. Леопардов. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Серия вторая, вып. I. Киев, 1893, стр. 28.

[4] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 31.

[5] Там же, стр. 31—33.

Летом 1874 или 1875 г. во время постройки бань на Сенном базаре при закладке фундамента рабочие нашли большой сосуд, имевший вид ведра, наполненный римскими серебряными и медными монетами. Огромный клад весил не менее пуда. Монеты были разного размера: большие бронзовые, с хорошо сохранившимся изображением головы того или иного императора и легко читавшимися латинскими надписями, и серебряные, небольшого размера, тоже с очень хорошо сохранившимися изображениями и надписями вокруг них.

Часть монет из этого клада попала в руки лавочника, который перепродал 4 или 5 монет студенту Киевского университета М. Н. Пантелееву. Это были римские серебряные денарии II в. н. э. — императоров Адриана, Антонина Пия и Марка Аврелия. Все монеты были из высококачественного серебра, отличной сохранности. Только одна монета этого замечательного клада дошла до нас, сохраненная дочерью Пантелеева (О. М. Пантелеевой). Монета (табл. I, *1*, *2*) представляет серебряный римский денарий императора Адриана (117—138). На лицевой стороне голова императора в лавровом венке, вокруг головы надпись: «Imp. Caesar Traian Hadrianus. Avg.»; на обороте — сидящая фигура богини Победы (Victoria) со статуей Ники (Победы), с венком в протянутой правой руке, левой рукой богиня опирается на копье. Около фигуры надпись: «P(ontifex) M(aximus) TR(ibunitia) P(otestate) COS III». Монета отличной сохранности.

По-видимому, некоторые из монет интересующего нас клада фигурировали на выставке IX археологического съезда в Вильне в 1893 г. В каталоге названной выставки после описания 2 римских монет, найденных в Киеве, в усадьбе Магурина на Подоле (Оболонский клад 1876 г.), указаны еще 3 бронзовые монеты из клада, найденного весной 1876 г. в усадьбе Догматырского, полученные от г. Пантелеева (монеты еще не определены).[1] В том же каталоге упомянуты еще 2 римские монеты, найденные в Киеве: серебряная — Антонина Пия (138—161) и бронзовая – Коммода (180—192). Место их находки в каталоге не уточнено.

Второй не менее замечательный клад римского времени был найден также в северо-западной части Верхнего Киева, недалеко от места находки первого клада.[2]

В 1911 или 1912 г. на Некрасовской ул. при закладке фундамента нового больного дома (ныне д. 16 по Некрасовской ул.) рабочими был найден клад в глиняном сосуде, размер и форму которого выяснить не удалось. Клад не был чисто монетным. Помимо золотых и серебряных монет, в нем находились и какие-то другие древние вещи. По словам учительницы Н. Г. Ротмистровой, видевшей некоторые серебряные монеты из клада, изображения на них отлично

---

[1] Каталог предметов, выставленных на Археологической выставке во время Археологического съезда в Вильне в 1893 г., Прилож., стр. 25 (усадьба Догматырского указана, по-видимому, ошибочно; бани на Сенном базаре стоят напротив усадьбы Догматырского).

[2] В. Г. Лясковронский, ук. соч., стр. 34—38.

сохранились. Одна из этих монет была больше остальных, напоминая старый екатерининский или елизаветинский рубль, две другие были несколько меньшего размера, а четвертая еще меньше, но вместе с тем значительно толще остальных. Соединенные колечками в одну линию, монеты представляли как бы ожерелье, на одном конце которого была наибольшая монета, на другом — наименьшая. По словам Ротмистровой, только на больших монетах были изображены головы римских императоров с надписями вокруг. На самой малой монете было какое-то другое изображение, определить которое она не могла.

Единственная сохранившаяся у Н. Г. Ротмистровой самая крупная монета оказалась исключительно интересным медальоном времени императора Люция Вера (161—169) (табл. I, *3*, *4*). На лицевой стороне этого медальона — отлично сохранившееся погрудное изображение императора в лавровом венке. Вокруг изображения надпись: «L. Vervs Avg. Arm. Parth. Max. Tr. P. VIII». На обороте медальона изображена колесница, запряженная четверкой коней, скачущих влево; наездник, управляющий квадригой, имеет на голове круглую шапочку. Над конями летящая фигура крылатой Победы, протягивающая венок к голове наездника. Внизу, под изображением, надпись: «COS II», а ниже — «SC» (senatus consulto). В верхней части медальона, над головой императора, видны следы припайки двух колец, которыми он был связан с другим медальоном. При детальном ознакомлении было выяснено, что медальон не серебряный, а медный, но хорошо высеребрен. Сделан он из двух бляшек, на каждой из которых штампом выбиты изображения, а потом бляшки спаяны вместе.

В нумизматической литературе давно и обстоятельно выяснена двойная роль, которую играли римские медальоны. Это были, с одной стороны, монеты, кратные единицам обычных ходовых монет, с другой — мемориальные медали. Медальоны выбивались обычно в небольшом количестве, по случаю побед, триумфов, больших общественных игр, жертвоприношений и т. п. Выбивали их из золота, серебра или бронзы. Известно, что медальоны, как и обычные монеты, часто использовали в качестве украшений, вставляя их в перстни, диадемы, носили в составе ожерелий, инкрустировали в стенки посуды и пр.[1]

В нашу задачу не входит выяснение назначения ожерелья из четырех монет Киевского клада. В. Г. Ляскоронский высказывал предположение, что оно служило украшением войскового значка римских легионов.[2] Вместе с другими не дошедшими до нас вещами клада это ожерелье свидетельствует о том, что клад, найденный на Некрасовской ул., был, по-видимому, вещевым кладом, хотя в нем были и монеты.

Около Десятинной церкви был найден серебряный денарий имп. Адриана (117—138). Монета эта каким-то образом попала к учителю гимназии Д. Щербаненко, где ее и видел В. Г. Ляскоронский.[3] Монета из хорошего серебра,

---

[1] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 35—37.

[2] Там же, стр. 39.

[3] Там же, стр. 31.

отличной сохранности. Известны находки отдельных римских монет и на горе Киселевке, о чем сообщал В. В. Хвойка.[1]

В середине 20-х годов XX в. в усадьбе д. 34 по Караваевской ул. в саду был найден небольшой клад, состоявший из римских денариев. Две монеты этого клада были определены В. Г. Ляскоронским. Одна чеканена имп. Адрианом (117—138), другая — имп. Коммодом (180—192).[2]

В 1927 г. около Выдубицкого монастыря найдена отличной сохранности монета имп. Константа (сына Константина Великого), поступившая в Киевский исторический музей.[3]

В 1928 г. при прокладке новой улицы на Лукьяновке был найден клад, состоявший из 20 римских монет III в. н. э.[4]

В 1936 г. при земляных работах на Владимирской горке, возле южной стены Михайловского Златоверхого монастыря, найден денарий Александра Севера, поступивший в Киевский исторический музей.[5]

С 1922 по 1947 г. И. Самойловским зарегистрировано девять случаев находок отдельных римских монет II—IV вв. в различных районах города.[6]

Последняя известная нам находка зарегистрирована в 1947 г. Это была бронзовая монета имп. Волусиана, найденная в районе Глубочицы. Находчик, пожелавший остаться неизвестным, подарил эту монету мне. Монета передана мной в Киевский исторический музей.

Особого внимания заслуживает находка в 1951 г. на Лукьяновке (Овручская ул., д. 32) медной кушанской монеты царя Канишки (II в. н. э.).[7]

Наряду с кладами и отдельными монетами на территории Киева известны немногочисленные вещевые находки римского происхождения, не говоря уже о том, что один из кладов, как отмечалось выше, содержал, кроме римских монет, и ювелирные изделия.

К числу случайных вещей римского происхождения нужно отнести прежде всего камею, найденную Д. В. Милеевым при раскопках развалин древней церкви в саду Митрополичьей усадьбы (ныне Софийский заповедник). Обстоятельства этой находки, к сожалению, неизвестны. В докладе о раскопках церкви на IV съезде русских зодчих в 1911 г. Д. В. Милеев демонстрировал фотографию этой камеи, найденной, по словам исследователя, в районе развалин церкви.[8]

---

[1] Там же.

[2] Там же, стр. 39.

[3] Там же.

[4] І. М. Самойловський. Пам'ятки культури полів поховань у Києві. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 157.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Д. В. Милеев. Вновь открытая церковь XI в. в Киеве и положение исследований в связи с новыми застройками города. Труды IV съезда русских зодчих, СПб., 1911, стр. 121.

Камея представляет овальный медальон с резным изображением Венеры перед зеркалом (табл. I, 5). По сторонам крылатые купидоны. Изображение довольно грубое, выполнено в натуралистических формах. Д. В. Милеев датировал камею IV в. н. э., с чем нельзя не согласиться.

К числу случайных находок римского происхождения, найденных в Киеве, нужно отнести также бронзовый, обтянутый золотой пластинкой перстень[1] и стеклянный бальзамарий.[2]

Исключительный интерес представляет глиняный римский светильник, найденный в 1929 г. на Лукьяновке (ул. 9 января, ранее Баггаутовская) и приобретенный тогда же Киевским историческим музеем. Светильник (рис. 1) имеет форму незамкнутого круга, по обводу которого расположено пятнадцать рожков с круглыми отверстиями для фитилей, обрамленными арками, поддерживаемыми рельефными каннелированными колоннами дорического стиля. Колонны упираются в рельефный ободок, обрамляющий круглый щиток с отверстием в центре. На щитке изображены рельефные фигуры двух гладиаторов в касках, со щитами и короткими мечами. Под отверстиями, между арками рельефные маски бородатых силенов. К боковой части светильника прикреплена ручка, верхняя часть которой отломана. Нижняя часть светильника сделана в виде радиальных каннелюр, направленных к донцу светильника. Донце на кольцевой ножке. Высота его 3.5 см, диаметр 15 см.[3] Общая композиция светильника в виде круга, от которого отходит вытянутый рожок с отверстиями для фитилей, характерна для римских светильников. На светильниках, найденных в римской гончарной мастерской I в. н. э. (Западная Германия), встречаются и рельефные изображения двух гладиаторов, по постановке фигуры, деталям одежды и вооружению напоминающих гладиаторов на киевском светильнике.[4]

Близкими по времени к кругу рассмотренных выше памятников являются найденные на углу Б. Житомирской и Б. Владимирской улиц пять золотых круглых нашивных бляшек в виде розеток с гнездами для камней и зернью между гнездами. Три бляшки несколько большего размера (диаметр 2.3 см), две поменьше (диаметр 1.8 см). Более крупные бляшки имеют в середине большое гнездо и вокруг него по восемь мелких гнезд; на меньших бляшках вокруг

Фотография камеи была впервые опубликована в нашей статье «К вопросу о древнейшей истории Киева» (СА, X, 1948, стр. 248, рис. 3).

[1] Т. В. Кибальчич. Южно-русские геммы. Неизданные материалы для истории гравировального искусства древних народов, живших в южной России. Берлин, 1910, табл. XV, 434.

[2] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 76.

[3] Е. В. Махно. Памятники культуры полей погребений Среднего Приднепровья. Рукопись, стр. 236—237. Архив ИА АН УССР. — І. М. Самойловський, ун. соч., стр. 155—156.

[4] F. Fremersdorf. Römische Bildlampen. Unter besonderer Berücksichtigung einer neuentdeckten Mainzer Manufaktur, ein Beitrag zur Technik und Geschichte der frühkaiserzeitlichen Keramik. Bonn und Leipzig, 1922, стр. 91, тип. 16.

центрального гнезда расположено по шесть меньших гнезд. Фон бляшек украшен зернью, по краям — отверстия для прикрепления к ткани.[1] Бляшки принадлежат к кругу ювелирных изделий, обычно именуемых «вещами с инкрустацией». Датировка их не уточнена, но есть основания относить их к концу первой половины I тысячелетия н. э. (IV—V вв.).

К кругу ювелирных изделий того же времени с выемчатой эмалью относится пока единственная находка этого рода в Киеве, обнаруженная раскопками В. В. Хвойки — фрагмент бронзовой фибулы или ромбическая пластинка с красной эмалью.[2]

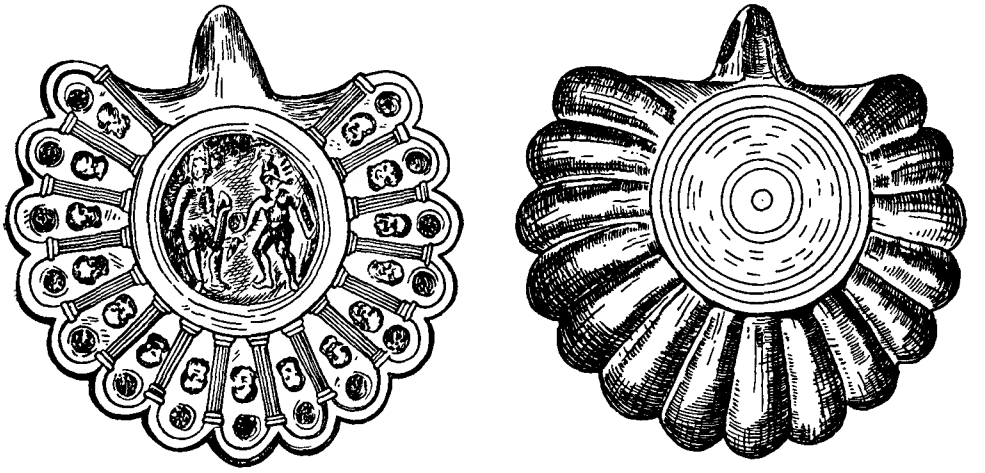


Рис. 1. Римский светильник, найденный на территории Киева.

Как известно, вещи с выемчатой эмалью встречаются на огромной территории, тянущейся вдоль римской границы от Рейна и южной Прибалтики в Приднепровье и на Северный Кавказ.[3] Техника изделий с выемчатой эмалью, распространенных на этой территории, объединена единством происхождения от позднеримских провинциальных эмалей. Однако, как справедливо отмечал Б. А. Рыбаков, единство происхождения эмальерной техники еще не определяет единства типов. Каждая область, где особенно распространены эмали — Прибалтика, Кавказ и Приднепровье — развила самостоятельное и своеобразное искусство выемчатых эмалей.[4] Вопрос о месте производства эмалей Б. А. Рыбаков решал путем картографирования находок, считая При-

[1] АЛЮР, т. III, Киев, 1901, стр. 187. — Древности Приднепровья. Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко, вып. V. Киев, 1902, стр. 48 (№№ 1010—1014) и рис. на стр. 57. В настоящее время вещи находятся в Киевском историческом музее.

[2] КИМ, инв. № 10239 (С. 22923); в инвентарной книге записано: «Три пластинки с позолотой и эмалью; из них сохранилась лишь одна». Указанием на этот памятник я обязан Г. Ф. Корзухиной.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 49.

[4] Там же.

днепровье и, в частности, район киевских и переяславских полей погребений, одним из центров эмальерного производства. На связь эмалей с полями погребений указывают, по мнению того же автора, находки эмалевых фибул в Черняхове и Ромашках и постоянная корреляция между эмалями и черной лощеной керамикой, типичной для полей погребений.[1]

К этому же времени, по-видимому, относится фибула, найденная в 1893 г. при земляных работах, связанных с устройством канализации в Верхнем городе и поступившая тогда же в коллекцию И. А. Хойновского, который писал об этой находке: «Фибула потиновая готского типа, длина 7.2, ширина 3.8. Верхнее полукружие украшено пятью выступами. Вся поверхность украшена завитками и мачком».[2] Г. Ф. Корзухина относит эту фибулу, украшенную сканью и зернью, к рубежу IV—V вв., сопоставляя ее с фибулами Сакрау, Люблинского клада 1839 г. и др.,[3] т. е. с памятниками бассейнов Одера, Вислы и Дуная.

4. ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КИЕВА

Клады римских монет и случайные находки отдельных монет и различных других привозных предметов первых веков нашей эры не являются единственными памятниками этого времени на территории Киева. Еще раскопками В. В. Хвойки в усадьбе Петровского в 1907—1908 гг. было установлено наличие отдельных разрушенных погребений, относящихся к культуре полей погребений. На территории этой усадьбы был найден «небольшой глиняный сосуд с лоснящейся (лощеной, — *М. К.*) поверхностью», по мнению В. Хвойки, «вполне сходный с погребальными сосудами могильников латэнского типа (с сожжением) у с. Зарубинцы Киевского уезда, м. Межиречье Черкасского уезда и м. Ржищева Киевского уезда».[4] *Тот же исследователь сообщал о находке* при раскопках в этой же усадьбе «поврежденной бронзовой фибулы римского провинциального типа».[5]

В Киевском историческом музее сохранился из материалов раскопок В. В. Хвойки лепной сосуд с отогнутым венчиком и округлой ручкой, имеющий заглаженную поверхность серо-коричневатого цвета и небольшая бронзовая арбалетовидная фибула с подогнутой ножкой. Сосуд по своему типу близок к керамике Корчеватовского могильника. Глиняное тесто имеет примесь песка, обжиг неравномерный.[6] Фибула может быть отнесена к II в. н. э.[7]

---

[1] Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 53.

[2] И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, стр. 56, № 493.

[3] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья. . ., стр. 76.

[4] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913, стр. 65.

[5] Там же.

[6] І. М. Самойловський, ук. соч., стр. 153.

[7] Там же.

К керамике корчеватовского типа принадлежит также фрагмент венчика с ушком лепного чернолощеного сосуда, найденный Д. В. Милеевым при раскопках на территории Десятинной церкви в 1913—1914 гг., хранящийся в том же музее.[1]

Попытка И. М. Самойловского отнести к числу погребений зарубинецко-корчеватовского типа обнаруженное раскопками В. В. Хвойки в усадьбе Петровского еще одно погребение, состоявшее из пяти глиняных сосудов, из которых больший был наполнен остатками сожженого праха покойника, лишена оснований.[2] В. В. Хвойка относил это погребение к эпохе бронзы.[3]

Большое значение представляют два погребения, открытые раскопками Института археологии АН УССР в 1937 г. на территории усадьбы Художественной школы (бывш. усадьба Петровского), в 15 м к юго-западу от остатков «капища», раскопанного в 1908 г. В. В. Хвойкой.[4]

Первое погребение (№ 4/1937 г.) было обнаружено на глубине 2.10 м от уровня современной поверхности. Могильная яма углублена на 0.5 м в лёссовый материковый грунт. Плохой сохранности костяк взрослой женщины лежал на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад; руки вытянуты вдоль скелета. Никаких следов деревянного гробовища обнаружено не было (рис. 2).

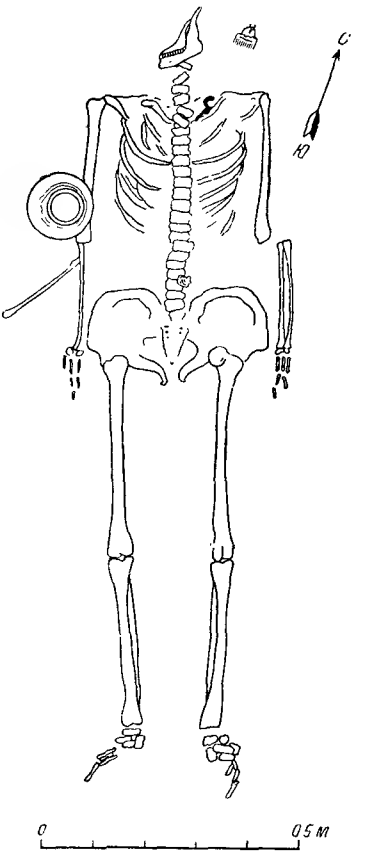


Рис. 2. Погребение III—IV вв. Усадьба Художественной школы (ныне усадьба Киевского исторического музея). Раскопки 1937 г.

Около правой руки стоял сосуд, сделанный на гончарном круге из глины с примесью крупнотолченого кварца (рис. 3). Обжиг хороший, хотя не вполне равномерный. На поверхности сосуда (желтовато-серого цвета) местами едва заметные следы лощения. Сосуд имеет довольно узкое горло, слабо отогнутый

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 65. Более подробные сведения об открытии этого погребения см.: Раскопки в Киеве летом 1908 г. (Свод газетных известий). ИАК, Прибавл. к вып. 31, СПб., 1909, стр. 83.

[4] Отчет о работе Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг. Рукопись, стр. 51—53. Архив ИА АН УССР. Инвентарь этих погребений был опубликован впервые в нашей статье «К вопросу о древнейшей истории Киева» (СА, X, 1948, стр. 249—251); см. также: І. М. Самойловський, ук. соч., стр. 153—154.

наружу венчик и достаточно сильно выпуклые, округлые бока. По плечикам сосуда тянутся два рельефных концентрических выступа, между которыми орнамент в виде пролощеной ломаной линии. Сосуд имеет профилированный поддон. Высота сосуда 16 см, диаметр венчика 8 см, диаметр средней части сосуда 15 см, диаметр донца 7 см, толщина стенок 0.7 см.

Возле черепа был найден миниатюрный костяной гребень (3.75×3.5 см) с полукруглым верхом, в средней части которого небольшое отверстие с про-

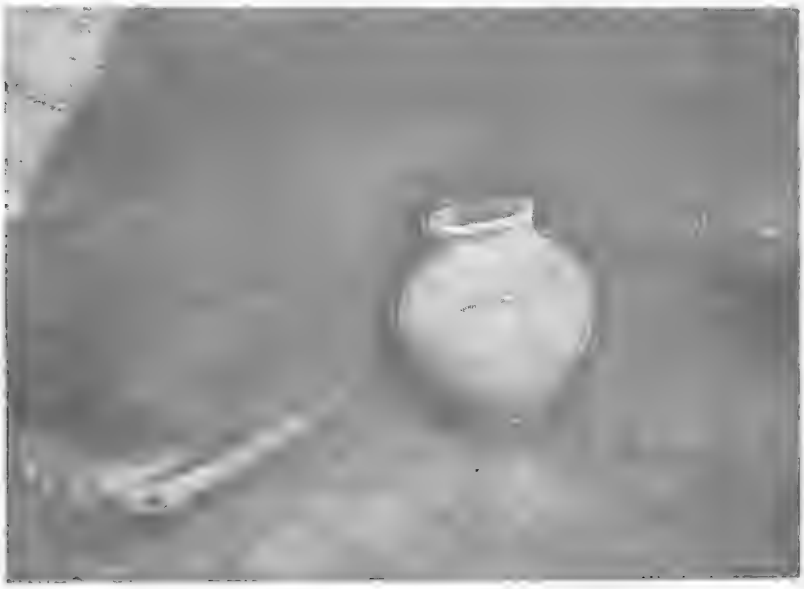


Рис. 3. Глиняный сосуд из погребения III—IV вв. Раскопки 1937 г.

детым сквозь него колечком из тонкой бронзовой проволоки, служившим для подвешивания (рис. 4). Наряду с миниатюрными размерами гребня эта особенность свидетельствует о том, что гребень не имел реального назначения, а являлся подвеской. Форма гребня повторяет многочисленные образцы подобных изделий, известных в Черняховском могильнике и в других погребальных памятниках этого типа.

Около левого плеча скелета найден фрагмент бронзовой арбалетообразной двухчастной фибулы с короткой, сильно выгнутой ребристой спинкой и припаянным высоким держателем иглы в виде ромбовидного щитка (рис. 4). У стыка щитка с дужкой перпендикулярно припаяна пластинка с загнутым в трубочку концом (замок фибулы), в котором (до реставрации) уцелел кусочек булавки из тонкого бронзового дрота. Пружина с тетивой не сохранилась. Длина фибулы 5.5 см. Фибула может быть отнесена к III—IV вв. н. э.

Характерные особенности описанного выше инвентаря позволяют отнести погребение, раскопанное в 1937 г., к числу хорошо известных погребальных комплексов культуры полей погребений черняховского типа (III—IV вв. н. э.).

Поблизости от описанного погребения была найдена небольшая бронзовая литая бляшка овальной формы с рельефным изображением головы, окруженной звездчатым нимбом из пяти лучей.[1] Голова отлита отдельно и прикреплена к бляшке шпеньком, пропущенным насквозь и расклепанным на обороте. Длин-

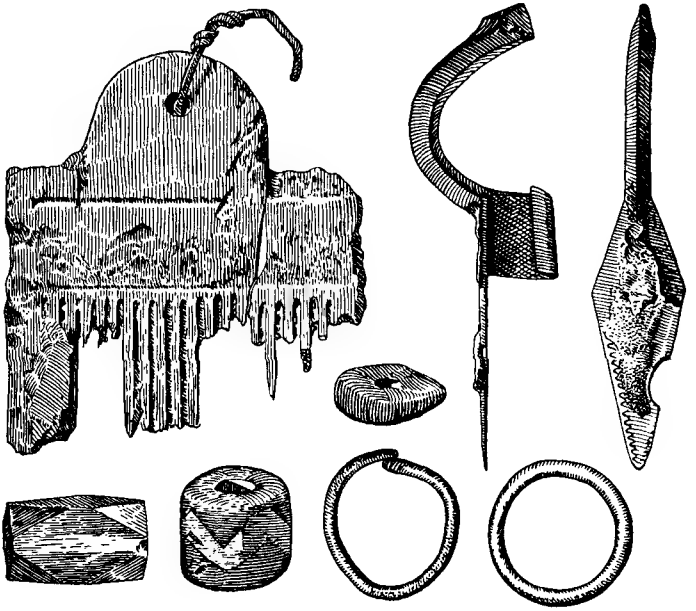


Рис. 4. Инвентарь погребений III—IV вв. Раскопки 1937 г.

ные волосы, обрамляющие лицо, причесаны на прямой пробор. По краю бляшки рельефная узкая каемка, образующая несколько углубленный фон, заполненный темно-синей эмалью. В углублениях лучей нимба местами сохранилась эмаль кирпично-красного цвета. Возможно, что бляшка происходит из какого-нибудь погребения, современного вышеописанному (табл. I, *6*).

Вблизи от описанного выше погребения (в 0.5 м к западу от него) в 1937 г. было раскопано еще одно погребение (№ 1/1937 г.). По стратиграфическим условиям это погребение близко напоминало погребение № 4.[2] Погребение № 1 обнаружено также в лёссовом материковом грунте на глубине 2.17 м от уровня современной поверхности, причем могильная яма углублена в материк на 0.25 м.

---

[1] В упомянутой нашей статье «К вопросу о древнейшей истории Киева» (СА, X, 1948, стр. 250) изображение это ошибочно названо Горгоной.

[2] Отчет о работе Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр.52.

Плохо сохравшийся детский скелет лежал в вытянутом положении головой на запад. При нем (у плечевых костей) найдены два колечка (диаметр 1.8 и 1.9 см) из низкопробного серебра и пять бусин, из которых одна сердоликовая, продолговатая, четырнадцатигранная, с ромбовидными четырьмя гранями, одна янтарная, круглая, несколько приплюснутой формы, две небольшие, стеклянные и одна большая (диаметр 1.3 см), пастовая, бочкообразная, с белой орнаментальной ломаной линией на поверхности (рис. 4).[1]

Открытые в 1908 и 1937 гг, на территории усадьбы Петровского (ныне усадьба Киевского исторического музея) погребения неоспоримо свидетельствуют о существовании на Андреевской горе могильника, относящегося к культуре полей погребений, причем заслуживает особого внимания наличие здесь погребений как древнейшего, так называемого зарубинецко-корчеватовского периода этой культуры, так и более позднего — черняховского.

Установленное археологическими исследованиями существование на Андреевской горе в течение весьма длительного периода могильника ставит нас перед новой, еще более важной задачей — отыскания поселения, с которым был связан этот могильник.

Задача эта чрезвычайно осложнена тем, что территория, на которой должны производиться эти поиски, почти сплошь была занята многократно возобновлявшимися жилыми и хозяйственными постройками последующих веков и в первую очередь постройками, связанными с жизнью княжеского двора XII—XIII вв., которые буквально стерли с лица земли остатки построек более древних периодов. К тому же в настоящее время в результате позднейших застроек систематические раскопки стали возможны лишь на незначительных по отношению к общей площади участках вокруг Десятинной церкви (бывш. усадьба Петровского, усадьба Слюсаревского, бывш. усадьба Десятинной церкви).

Памятники культуры полей погребений, относящиеся к первой половине I тысячелетия н. э. не ограничиваются остатками могильника на Андреевской горе, обнаруженными раскопками 1908 и 1937 гг. Несомненные следы поселения этой поры открыты на горе Киселевке. Еще раскопками Киевского исторического музея в 1932 г. здесь на глубине около 4.5 м были обнаружены обломки различной лощеной посуды серого и черного цвета, выполненной на гончарном круге, которые были отнесены к керамике «эпохи римских влияний».[2]

Раскопками Института археологии АН УССР на горе Киселевке в 1940 г. на уровне погребенной почвы, у самого материка были обнаружены две про-

---

[1] Отчет о работе Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 52. В отчете о раскопках 1937 г. янтарная бусина ошибочно названа сердоликовой. Это ошибочное определение повторено и в нашей статье «К вопросу о древнейшей истории Киева» (СА, X, 1948, стр. 250).

[2] С. Магура. До питання про стару слов'янську кераміку часів родоплеменного ладу (З приводу розкопів на горі Киселівці в Києві 1932 р.). НЗІМК, кн. I, Київ, 1934, стр. 56, 60—61.

слойки с характерной керамикой полей погребений, относящейся к двум различным периодам этой культуры.[1]

В верхнем слое найдены всего пять небольших фрагментов тонкостенной посуды, сделанной на гончарном круге, относящейся к черняховскому типу керамики, т. е. к III—IV вв. н. э. Три из этих пяти фрагментов происходят от одного сосуда темно-серого цвета; обломком другого сосуда является светло-серый черепок, украшенный лощением в виде зубчатой линии по матовому фону.[2]

К более древнему периоду культуры полей погребений относятся найденные на глубине 4.0—4.4 м достаточно многочисленные фрагменты лепных лощеных и нелощеных глиняных сосудов зарубинецко-корчеватовского типа. Большая часть фрагментов имела резко выраженный угловатый профиль. Среди фрагментов этой группы был найден большой кусок плоской толстостенной тарелки без загнутых краев, с заглаженной поверхностью. В нескольких местах поверхность тарелки имела небольшие ямки, сделанные защипом пальцев. Полная аналогия керамики второй группы, найденной на Киселевке, с керамикой известного могильника у с. Корчеватого в окрестностях Киева позволяет датировать эту группу керамики с Киселевки II в. до н. э.—I в. н. э.[3]

К этому же времени относятся два фрагмента римской амфоры с развдвоенными ручками, найденные на той же глубине.[4]

Никаких других предметов, характерных для культуры полей погребений, на Киселевке не было найдено. Отсутствие каких-либо признаков погребальных комплексов, в частности даже более или менее целых экземпляров глиняных сосудов, позволяет с большей вероятностью считать описанные выше находки остатками поселения, а не могильника.

Раскопками 1948 г. на Киселевке вновь обнаружено несколько фрагментов керамики зарубинецко-корчеватовского и черняховского типов.[5]

Количество случайных находок памятников культуры полей погребений в различных районах современного города и в его окрестностях весьма значительно и увеличивается с каждым годом.

При раскопках в 1862 г. могильника на Батыевой горе (над р. Лыбедь) была найдена большая, грубой работы глиняная урна с широким горлом и отогнутым венчиком с рядом отверстий на нем, наполненная пережженными человеческими костями. Среди находок в том же могильнике значится также фрагмент малой бронзовой фибулы арбалетного типа.[6] По-видимому, оба предмета происходят из могильника типа полей погребений.

---

[1] Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. Археологія, I, Київ, 1947, стр. 148.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] І. М. Самойловський, ук. соч., стр. 155.

[6] Каталог выставки XI АС в Киеве. Киев, 1899, стр. 89—90. — І. М. Самойловський, ук. соч., стр. 156.

Сведения об остатках «поселения римского времени» в районе ц. Спаса на Берестове,[1] по-видимому, опираются на находки под фундаментами церкви при раскопках П. П. Покрышкина в 1910 г. «черепков эпохи Гальштата» (по определению А. А. Спицына).[2] Фрагменты чернолощеной глиняной посуды корчеватовского типа действительно были обнаружены в 1947 г. при раскопках М. М. Герасимова в церкви Спаса на Берестове, в связи с неувенчавшимися успехом поисками гробницы Юрия Долгорукого.[3]

В Киевском историческом музее хранятся несколько обломков серой глиняной посуды черняховского типа, изготовленной на гончарном круге, найденных на Сенной площади.[4]

В 1938 г. при раскопках в усадьбе Святославского (ул. Фрунзе, бывш. Кирилловская, д. 81) найден фрагмент бронзовой шпильки и несколько фрагментов керамики «гальштатского типа», сходные с керамикой корчеватовского типа.[5]

Разведками Института археологии, проведенными в 1945 и 1947 гг. на дюнных песках правого берега среднего течения р. Почайны, собраны обломки глиняной посуды корчеватовского типа.[6]

Перечисленные серии памятников, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э., число которых неуклонно растет из года в год, свидетельствуют о том, как далек был от истины А. А. Спицын, утверждая в 1899 г., что «в многочисленных киевских коллекциях древностей можно отметить только два предмета, относящиеся ко времени II—IV вв., да и тех местное происхождение сомнительно».[7] Найденные в Киеве римские монеты, по мнению Спицына, тоже не доказывали существования здесь современного им значительного поселения.

Многочисленные находки керамики как зарубинецко-корчеватовского, так и черняховского типа, кладов римских монет и различных случайных вещей, в столь значительном, как показано выше, количестве в действительности неоспоримо свидетельствуют о существовании в течение первых веков нашей эры на территории будущего города значительно более древних поселений; находки же нескольких погребений той же эпохи способны рассеять последние сомнения в этом вопросе.

Необходимо остановиться, однако, на одном важном вопросе. Выше было сказано, что находки римских монет долгое время связывались исключительно с Подолом и отчасти с Печерском. В Верхнем Киеве находки этого типа дол-

---

[1] Київ. Провідник. Київ, 1930, стр. 480.

[2] ОАК за 1909—1910 гг., СПб., 1913, стр. 184.

[3] Сообщение М. М. Герасимова; см. также: І. М. Самойловський, ук. соч., стр. 155.

[4] І. М. Самойловський, ук. соч., стр. 155.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, XXI. Киевская губ. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, 1899, стр. 268—269.

гое время были вовсе неизвестны. Отсюда возникла мысль о том, что поселение первых веков нашей эры было расположено в Подольской части Киева, в устье Почайны.[1] Этот же район Киева имел в виду В. Б. Антонович, когда в связи с публикацией Оболонского клада писал о существовавшем в IV в. на месте нынешнего Киево-Подола поселении, связанном торговыми сношениями по меньшей мере с побережьем Черного моря, а может быть, и с Византией.[2]

Топография известных ныне кладов, случайных находок и нескольких погребений существенно меняет наши представления о древнейшем поселении или, вернее, поселениях на территории Киева. Находки, относящиеся к первой половине I тысячелетия н. э., встречены в самых различных районах Киева, весьма удаленных один от другого. Необходимо решительно предостеречь от того пути в трактовке этих находок, по которому пошел В. Г. Ляскоронский. Находки тех или иных кладов первых веков нашей эры он пытался связать с топографией позднейшего княжеского Киева, рассматривая тем самым поселение первых веков нашей эры не только как единый крупнейший по размерам город, но к тому же и как город, топография которого предопределила в основном топографию города Ярослава середины XI в.

Так, по поводу находки клада римских монет на Сенном базаре, В. Г. Ляскоронский писал: «Эта находка римских монет весьма любопытна, ибо клад был зарыт около древней границы Киевской великокняжеской крепости, недалеко от так называемых Жидовских, или Львовских, ворот — т. е. возле того района, который с древних времен был известен своей интенсивной торговой жизнью».[3] Ссылаясь на летописное известие 1113 г. о том, как по смерти кн. Святополка II киевляне, разграбив двор тысяцкого Путяты, «идоша на жиды и разграбиша я», Ляскоронский тем самым связывал клад римских монет II в. с топографией Ярославова города, возникшего в 30-х годах XI в. на месте, где, по известию той же летописи, было расположено «поле вне града». Более того, номенклатура ворот Ярославова города соблазнила Ляскоронского связать найденный клад с интенсивной торговой жизнью района.

С этим же районом крепостных валов Ярославова города связывал Ляскоронский и замечательный клад, обнаруженный на Некрасовской ул., вновь повторяя, что эти оба клада наибольшие и наиболее ценные, найдены «возле древней крепостной границы города Киева, а именно в той части города, которая была заселена торгово-промысловым людом и которую с давних пор называли „Жидовским городом", или „Жидове", как свидетельствуют наши летописи (Ипат. лет., стр. 198, 296 и пр.)».[4]

Кроме того, по словам Ляскоронского, римские монеты находили «по склонам того яра, который подводил к „Жидовским", или „Львовским" воротам, игравшим, как известно, крупную роль в военно-стратегическом отношении,

[1] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1, стр. 165.

[2] В. Б. Антонович. Описание Киевского клада. . ., стр. 244.

[3] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 33 (перевод наш, — *М. К.*).

[4] Там же.

где происходили кровавые схватки между защитниками Киева и врагами, которые нападали на него».[1]

Клад римских монет, найденный на Печерске, около Арсенала, Ляскоронский также пытался связать с топографией Киева XI—XIII вв., считая, что он обнаружен на дороге, которая соединяла древний Киевский кремль с Великой церковью Печерской лавры, проходившей через важные в истории Киева «Лядские ворота», где был один из важных подступов к Старому Киеву.[2]

Находку на Караваевской ул. Ляскоронский также связывал с линией подходов к Старому Киеву с запада от р. Лыбеди в направлении на Золотые Ворота.[3] Наконец, и Оболонский клад, по мнению Ляскоронского, найден в той части Подола, где были с древних времен ворота, которые вели на Подол.[4]

Вывод Ляскоронского о том, что большая часть кладов римских монет найдена на линиях древних путей, ведших к древнему Киеву с северо-запада, юго-востока и запада, приходится безусловно отвергнуть, ибо в основе этого вывода лежит ошибочное перенесение топографии Ярославова города XI в. на поселения первых веков нашей эры.

Если Ляскоронскому еще не могли быть известны наши выводы о существовании на территории Киева в VIII—X вв. нескольких не связанных между собой поселений на Горе, на Подоле, на Киселевке и других, то факт существования в конце X в. города Владимира, значительно меньшего по своей площади, чем город Ярослава 30-х годов XI в., был установлен историками и археологами Киева уже давно и был отлично известен Ляскоронскому.

Нам кажется, что в этих попытках связать разбросанные по огромной территории Киева клады римских монет первых веков нашей эры нельзя не видеть отголоска теории о существовании большого «Днепровского города», тесно связанного торговыми и культурно-политическими связями с Римом, хотя сам Ляскоронский ни разу не назвал этот город ни Danparstadir, ни столицей Эрманарика.

Нам представляется исторически гораздо более реальной другая трактовка. Клады, случайные находки и погребения локализуются в основном в пяти районах Киева, весьма отдаленных один от другого.

В верхнем нагорном Киеве в районе Львовских ворот, т. е. в северном углу города Ярослава, найдены клады наиболее древние и наиболее богатые по своему составу.

Несколько поодаль к востоку, на Андреевской горе, в границах более позднего городища VIII—X вв. обнаружен некрополь типа полей погребений. Погребальные комплексы, раскопанные на Андреевской горе, относятся как к раннему (корчеватовско-зарубинецкому), так и к более позднему (черняхов-

---

[1] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 41.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

скому) типу культуры полей погребений. Ряд кладов и отдельные монеты найдены в северном углу Киева, на Подоле, у устья р. Почайны. Эти находки в основном относятся к III—IV вв. н. э. Несколько случайных находок римских монет и керамика как корчеватовского, так и черняховского типа обнаружены на горе Киселевке. Клад и несколько случайных находок найдены на Печерске и на путях к нему.

Топография находок первых веков нашей эры, локализующихся в указанных районах Киева, заставляет, на наш взгляд, вспомнить, что и памятники VIII—X вв., найденные на территории Киева, также локализованы в нескольких разобщенных между собой районах, часть которых совпадает с районами находок первых веков нашей эры.

Изучая некрополи и городища VIII—X вв. на территории Киева, мы предложили трактовать эти памятники не как части единого грандиозного города, а как остатки нескольких самостоятельных поселений, предшественников будущего Киева.[1] Нам представляется, что и в первые века нашей эры на территории будущего Киева существовало несколько небольших поселений, число которых определить точно пока еще невозможно.

Разнообразные и достаточно многочисленные памятники, систематизированные выше, не дают все же возможности раскрыть с желаемой полнотой социальный характер древнейших поселений, существовавших на территории Киева в первые века нашей эры. Слишком отрывочны, эпизодичны те факты, которыми мы пока располагаем.

Несомненна связь всех охарактеризованных выше памятников древнейшей истории Киева с культурой полей погребений. К сожалению, интерпретация социально-экономических и этнических основ этой культуры связана со многими, пока еще не преодоленными, трудностями, вызванными прежде всего совершенно недостаточной степенью изученности памятников. Только дальнейшее углубленное изучение этого периода истории Восточной Европы и, прежде всего, систематические раскопки хорошо сохранившихся поселений и могильников этой поры позволят уточнить историческое значение тех древнейших поселений на территории Киева, незначительные, случайные остатки которых в настоящее время можно рассматривать лишь как первые сигналы, направляющие дальнейшие поиски.

Большое количество римских монет, как в виде отдельных находок, так и в виде крупных кладов, а также находки различных изделий римского происхождения (светильник, камея, стеклянный бальзамарий, фибулы, перстень) свидетельствуют о несомненных связях этих поселений с периферией римского мира, с северным Причерноморьем, в частности. Однако изучение могильников и особенно поселений культуры полей погребений в Среднем Поднепровье, широко развернувшееся за последние два десятилетия, отнюдь не дает осно-

---

[1] М. К. Каргер. Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным. КСИИМК, I, 1939, стр. 9—10.

вания согласиться с В. Б. Антоновичем и В. С. Иконниковым, рассматривавшими Киев III—IV вв. в качестве какого-то «торгового поселка на устье Почайны».[1]

5. «АНТСКИЙ ПЕРИОД» В ИСТОРИИ КИЕВА

Клады римских монет и другие памятники культуры полей погребений на территории Киева не переходят за рубеж середины V столетия. Длительный период от середины V до второй половины VIII в. является наиболее темным в истории Киева. К этому времени можно отнести лишь несколько случайных находок ювелирных изделий, по своему характеру, однако, очень типичных для так называемого «антского периода» в истории Среднего Поднепровья.

Еще в начале 90-х годов прошлого столетия на М. Житомирской ул. были найдены большая бронзовая антропоморфная фибула (табл. II, *1*) и серебряный браслет с сильно расширяющимися, круглыми в сечении, полыми концами. Сведений об их совместной находке нет, но судя по тому, что обе вещи одновременно попали в коллекцию Леонардова, весьма вероятно, что они и найдены были одновременно. Обе вещи вместе со всей коллекцией Леопардова поступили позже в Церковно-археологический музей при КДА и ныне находятся в Киевском историческом музее.[2] Г. Ф. Корзухина высказывала правдоподобное предположение, что и фибула и браслет происходят из одного комплекса (клада?).[3]

Фибула, найденная на М. Житомирской ул. (табл. II, *1*), принадлежит к числу наиболее крупных литых изделий этого рода. Она представляет изображение человеческой фигуры, окруженной конскими головами. Киевская фибула почти тождественна фибуле из клада, найденного в 1892 г. на Пастерском городище (табл. II, *2*), отличаясь от нее лишь мельчайшими деталями.[4]

Фибула с М. Житомирской ул. не является единственной находкой этого рода на территории Киева. В 1893 г. при земляных работах, связанных с прокладкой канализационных магистралей, была найдена еще одна антропоморфная фибула небольших размеров, поступившая в коллекцию И. А. Хойновского. По описанию последнего, фибула была сделана «из низкопробного серебра с прорезным орнаментом. . . На обоих концах подобия женских торсов в одежде.

---

[1] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1, стр. 165.

[2] Н. И. Петров. 1) Коллекция древних предметов и монет, пожертвованных Церковно-археологическому музею при КДА Н. А. Леопардовым. Киев, 1895, стр. 36, №№ 476 и 482; 2) Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. 2-е изд., испр. и доп., Киев, 1897, стр. 269, № 790 и стр. 270, № 852; 3) Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при КДА, вып. IV—V. Киев, 1915, стр. 13, 17 и табл. VIII, *1* и IX, *1*. — Б. Эдинг. Антропо- и зооморфные фибулы Восточной Европы. Ученые записки Института этнографии и национальных культур народов Востока, т. II, М., 1930, стр. 126—127 и рис. 1. См. также: Архив ИИМК АН СССР, фонд А. А. Спицына, № 334, лл. 42 и 46.

[3] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья. . ., стр. 76—77.

[4] De Baye. Les fibules de l'époque barbare spéciales à l'Ukraine et leurs prototypes. Caén, *1908*, табл. к стр. *11*. — *Б. Эдинг*, *ук. соч.*, стр. *126—127*.

На обороте петля и зацепка для иглы».[1] Место находки фибулы неизвестно. Еще одна антропоморфная фибула, по-видимому, с несколько более схематизированным изображением, найденная в Киеве близ Щековицы и поступившая также в коллекцию И. Хойновского, была экспонирована на выставке Киевского общества древностей и искусств в 1897 г. В указателе выставки она описана следующим образом: «Потиновая фибула, овальной формы; состоит из двух частей, соединенных короткой дужкой. Под зацепкой для иглы — подобие головы, а над пружиной — подобие коротких ног; вокруг всей фибулы — веревчатый поясок; длина 8.5 см».[2]

В коллекции И. Хойновского находились еще две вещи этого же времени — пара браслетов с расширенными шестигранными полыми концами (рис. 5), найденные «в Старом городе, за Софийским собором».[3] К сожалению, это довольно приблизительное указание не позволяет уточнить место находки.

По-видимому, также в Киеве, на территории Верхнего города, были найдены пять серебряных полых браслетов с расширенными граненными и круглыми концами (рис. 6), поступившие в Археологический отдел Киевского музея древностей и искусств в 1905 г. в дар от Е. М. Терещенко.[4]

С так называемыми «пальчатыми» или «лучевыми» фибулами долгое время неразрывно был связан эпитет «готские». Эти своеобразные изделия обычно рассматривались в качестве одного из основных признаков распространения «готской культуры» на территории Восточной Европы. На основании именно этих фибул делались наиболее широкие исторические обобщения о роли готов в судьбах Восточной Европы.[5]

Изучая вопросы развития восточнославянского художественного ремесла, Б. А. Рыбаков подверг «готскую теорию» уничтожающей критике, убедительно показав, что широко распространенные в Поднепровье пальчатые фибулы не имеют ничего общего с готами. Основываясь на изучении типологической эволюции пальчатых и антропоморфных фибул Приднепровья и Крыма, Б. А. Рыбаков смог убедительно доказать не только полное отсутствие связи готской культуры с пальчатыми (лучевыми) фибулами Приднепровья, но и установить их местное среднеднепровское происхождение.[6] Начальный период местного производства бронзовых пальчатых (лучевых) фибул на Днепре, первоначально подражающих боспорским образцам, падает на первую половину VI в. В VII—VIII вв. пальчатые фибулы начинают развиваться в сложные ком-

---

[1] И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, стр. 56, № 494. Длина фибулы 8.9 см, ширина 3.3 см.

[2] Указатель Выставки Киевского общества древностей и искусств. 1897 г. Киев, 1897, стр. 13.

[3] И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения. . ., стр. 103, № 613 и табл. V.

[4] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья. . ., стр. 77—78.

[5] Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 57.

[6] Там же, стр. 57—70.

позиции из антропоморфных фигур, птиц, зверей и змей и утрачивают сходство с прототипом.[1] К концу этого периода литые антропоморфные фибулы вырождаются в грубые плоские пластины. В крайне условной схематизированной форме человеческой фигуры этих пластинчатых фибул лишь с трудом можно признать отголоски объемной достаточно реалистической композиции более древних антропоморфных фибул.[2] Удивительно, что А. А. Спицын именно в этих поздних дериватах антропоморфных фибул усматривал наиболее архаический прототип их.[3]

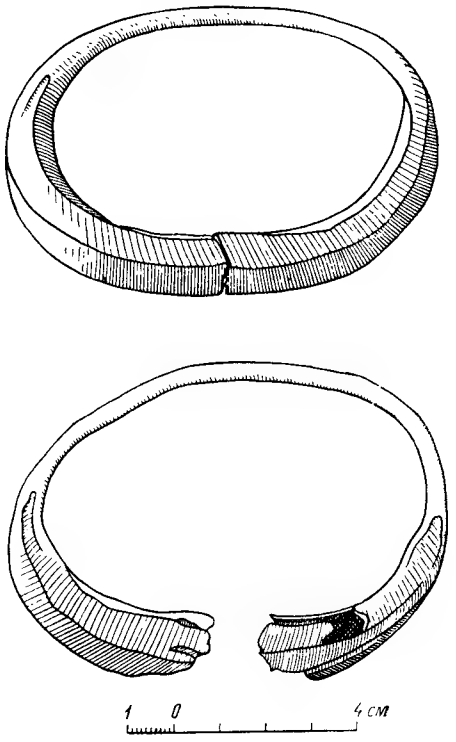


Рис. 5. Пара серебряных браслетов с расширяющимися полыми концами. Случайная находка на территории Старого города. Коллекция И. А. Хойновского.

Датировку отдельных этапов типологической эволюции пальчатых и антропоморфных фибул нельзя считать прочно установленной, но все же, опираясь в известной мере на разработанную Б. А. Рыбаковым схему эволюции типов, следует, по-видимому, отнести киевскую фибулу с М. Житомирской ул. ко времени не ранее VII в. По-видимому, недалека от нее по времени изготовления и фибула из коллекции И. Хойновского, найденная в 1893 г. Фибулу из коллекции И. Хойновского, найденную близ Щековицы, следует считать несколько более поздней. Найденный вместе с фибулой на М. Житомирской ул. серебряный браслет с сильно расширяющимися, круглыми в сечении, полыми концами, пара браслетов того же типа с расширенными шестигранными полыми концами из коллекции И. Хойновского, найденные «в Старом городе за Софийским собором», и пять браслетов с гранеными и круглыми расширяющимися полыми концами из собрания КИМ (если они действительно происходят из Киева) относятся к тому типу ювелирных изделий, который был распространен в Поднепровье во второй половине интересующего нас периода. Браслеты этого типа не встречаются в кладах VI—VII вв. В кладах этого времени (Малый

[1] Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 69.

[2] См., например, фибулы из с. Ивахники (колл. ГИМ) и из м. Самгородок (собр. В. Антоновича).

[3] А. А. Спицын. Мелкие заметки. К вопросу о происхождении так называемых готских фибул. ЗРАО, XI, вып. 1—2, СПб., 1899, стр. 384.

Ржавец, Крылос) также известны браслеты с расширяющимися концами, но в отличие от описанных — массивные, литые.[1] Полые браслеты, подобные киев-

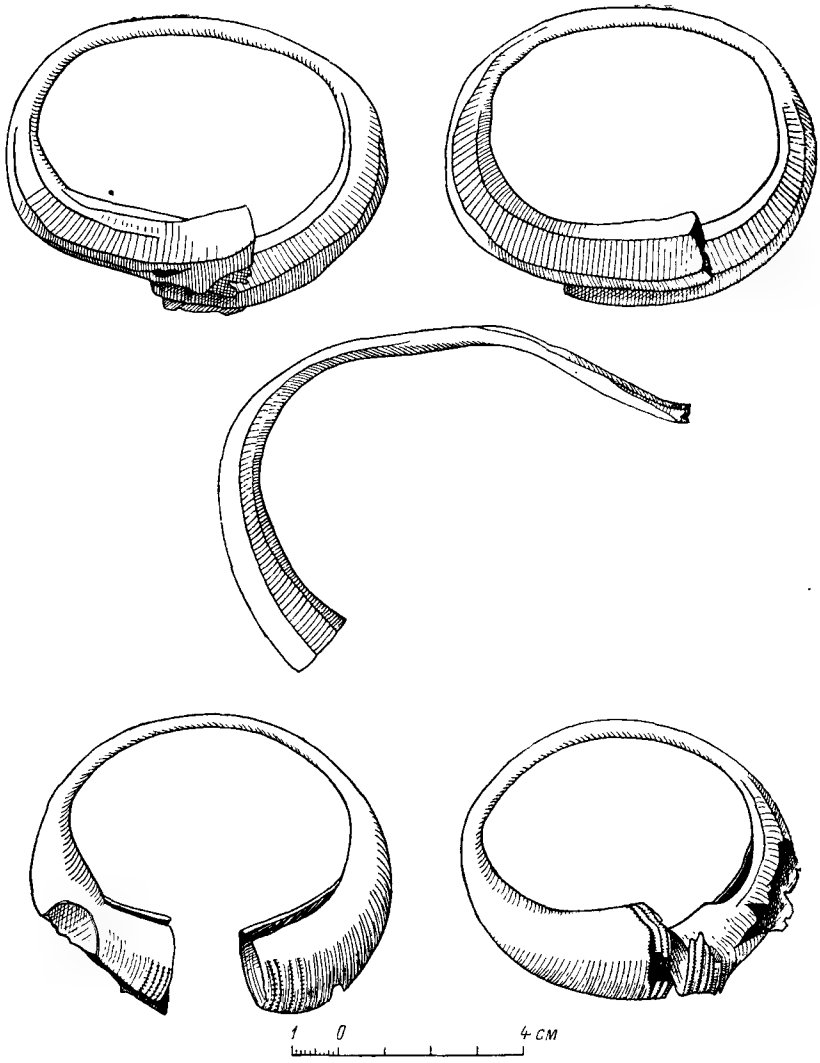


Рис. 6. Пять серебряных браслетов с расширяющимися полыми концами. Случайная находка.

ским находкам, встречаются в кладах VIII в. (Пастырский 1949 г.,[2] Харивский 1949 г.[3] и ряд других).

[1] М. Ю. Брайчевский. Пастырський скарб 1949 г. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 167.

[2] Там же, стр. 167 и табл. I, *5—6*.

[3] Д. Т. Березовець. Харівський скарб. Археологія, т. VI, Київ, 1952, стр. 114 и табл. IV, *8—11*.

Все это позволяет относить фибулы и браслеты, найденные на территории Киева, к VII—VIII вв. К этому же времени относится бронзовая византийская монета, найденная в 1949 г. при наших раскопках в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря.[1]

Перечисленные выше ювелирные изделия, несмотря на случайный характер находок, несомненно свидетельствуют о том, что в «антский период» на территории Киева существовали какие-то славянские поселения, преемственная связь которых с предшествующими поселениями эпохи полей погребений, пока отнюдь не может считаться бесспорно доказанной.

Как известно, облик материальной культуры «антского периода», в частности, характер поселений, тип жилищ, даже керамика, остаются до настоящего времени загадкой.

В этой связи заслуживают особого рассмотрения результаты раскопок Института археологии АН УССР в 1940 г. на горе Киселевке, которыми был обнаружен культурный слой с находками, отнесенными исследователем к VI—VII вв. По сравнению с вышележащими слоями он содержал меньшее количество культурных остатков, состоявших в основном из мельчайших кусочков угля, неравномерно разбросанных в верхней части погребенного грунта. Тут же, несколько глубже (на глубине до 4.10 м), встречались фрагменты глиняной посуды и в небольшом количестве кости животных, среди которых был найден рог дикой степной козы.[2]

Керамика этого культурного слоя резко отличалась от керамики вышележащего слоя, относящегося к IX—X вв. Она представлена фрагментами лепных сосудов двух видов. К первому принадлежат обломки достаточно больших сосудов, по форме приближающихся к сосудам баночного типа, со слегка отогнутыми венчиками или же почти прямые. Эти сосуды были орнаментированы волнистыми или прямыми линиями, исполненными гребенчатым инструментом, или же рядами отдельных, чаще всего волнистых линий. На одном из таких фрагментов орнамент имеет вид соединенных в одну линию полукругов.[3]

Вторая разновидность керамики представлена толстостенными черепками неорнаментированных сосудов грубой выделки. Среди них часто встречались обломки толстых сковородок с очень низким краем.

Обе эти разновидности керамики были отнесены к VI—VII вв. Подтверждение указанной датировки исследователь усматривал в разновременных случайных находках на Киселевке медных византийских монет (фолисов), чеканенных при императорах Анастасии I (498—518) и Юстиниане I (527—565).[4]

Отнесенный по составу керамических находок к VI—VII вв. культурный слой на Киселевке со времени раскопок 1940 г. отдельные исследователи рас-

---

[1] М. К. Каргер. Новые данные к истории древнерусского жилища. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 11.

[2] Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. Археологія, I, Київ, 1947, стр. 147.

[3] Там же.

[4] Там же.

сматривали как прямое свидетельство о существовании на территории Киселевки «антского поселения» VI—VII вв., подобного одновременным поселениям на городищах Княжа гора около Канева и «Жарище» у с. Пастерского.[1]

Не следует забывать, что этот важнейший для ранней истории Киева вывод был сделан на основании раскопок, носивших скорее разведочный, чем стационарный, характер. Нужно помнить, что раскопками 1940 г. вскрыта лишь небольшая площадь поселения (96 м²), к тому же в неблагоприятных для исследования культурно-исторической стратиграфии условиях крутого склона горы, с оползающими слоями.

Но наиболее серьезные трудности для окончательного решения проблемы «антского периода» в истории Киева заключаются в неразработанности вопросов хронологической атрибуции восточнославянской керамики VI—VII вв. Если керамическое производство культуры полей погребений III—IV вв. за последние годы подвергалось серьезным исследованиям, если достаточно глубоко изучалась керамика поселений роменско-боршевского типа VIII—X вв., то керамика VI—VII вв. остается доныне почти неведомой. Попытка связать с VI—VII вв. керамику таких поселений, как Лука Райковецкая или нижние слои Райковецкого городища,[2] не имела успеха.

Датировка описанных выше керамических находок на Киселевке VI—VII вв., на наш взгляд, также не имеет серьезных оснований. Углубленное изучение материальной культуры восточного славянства VI—начала VIII в. является одной из важнейших задач советской археологии.

---

[1] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 78; 2-е изд. М., 1953, стр. 163—164.

[2] В. К. Гончаров. Райковецьке феодальне городище XI—XIII ст. Вісник АН УРСР, Київ, 1948, № 7, стр. 49. Ср. его же книгу «Райковецкое городище» (Киев, 1950, стр. 13), где те же поселения отнесены к VIII—IX вв.

Глава III

ПОСЕЛЕНИЯ VIII—X вв. НА ТЕРРИТОРИИ КИЕВА

> Не в худе бо и не в неведоме земли владычествовашя, но в Русьской, яже ведома и слышима есть вьсеми коньци земля.
>
> Иларион. Слово о законе и благодати (середина XI в.).

1. ГОРОДИЩЕ НА АНДРЕЕВСКОЙ ГОРЕ

Еще в 1909 г. раскопками Д. В. Милеева на территории усадьбы Десятинной церкви, в 4.5 м к северу от фундамента древней северной стены храма, был обнаружен глубокий ров, тянувшийся на значительном пространстве вдоль этой стены (рис. 7).[1]

Ров, глубина которого достигала 6 м (от современной дневной поверхности), уходил за границу усадьбы Десятинной церкви в направлении к северному обрыву Андреевской горы, на территорию соседней усадьбы Петровского, где, однако, тогда он не был прослежен. Обнаруженные в верхних слоях засыпи рва находки дали основание предположить, что ров был засыпан в XIII в.[2] Назначение его не было выяснено, но высказывались предположения, что ров связан с самой Десятинной церковью и представляет своеобразное укрепление вокруг нее.

В 1909 г. было правильно установлено, что все древнейшие погребения довладимировой поры расположены только к востоку от рва, доходя до самого его склона, но никогда не переходят к западу от рва.[3] Из этого правильного наблк-

[1] С. П. Вельмин. Археологические изыскания Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева. ВИВ, 1910, № 7—8, стр. 140.

[2] Там же.

[3] Там же.

дения не было, однако, сделано напрашивавшегося вывода о том, что ров связан именно с этим древнейшим довладимировым периодом, а отнюдь не с периодом существования самой церкви (X—XIII вв.). Раскопки рва были продолжены

Рис. 7. Профиль рва древнейшего Киевского городища. Раскопки 1909 г.

в 1912 г., когда удалось более полно и тщательно исследовать это сооружение. Выяснилось, что глубина рва от уровня древней поверхности достигала 4 м (от современной поверхности 6—7 м), ширина его около 4 м. По характеру находок в засыпи рва было установлено, что он был засыпан не в XIII, как ка-

залось первоначально, а в X в. Более того, удалось также выяснить, что, приступая к постройке Десятинной церкви, строители ее не только засыпали ров, но и залили засыпанную поверхность раствором извести с цемянкой, в результате чего возле храма образовалась известковая площадка.[1]

Корреспондент газеты «Киевская мысль» сообщал также о том, что в августе 1912 г. раскопками были обнаружены остатки древнего вала, расположенного параллельно рву. На внешнем гребне вала, если доверять той же информации, «были видны следы кольев, забитых в землю на расстоянии 15 см один от другого».[2] В официальном кратком отчете о раскопках упомянуто лишь об обнаружении в засыпи рва деревянных балок и досок, «возможно, представляющих собой остатки частокола или чего-нибудь подобного».[3]

Назначение рва и место его в развитии исторической топографии города осталось невыясненным.

Не только в то время, когда работал Д. В. Милеев, но и значительно позже, вплоть до недавнего времени, считалось, что древнейшим ядром Киева является так называемый «Владимиров город», т. е. город в тех границах, которые при Владимире Святославиче были ограждены земляными валами с каменными башнями. О существовании более раннего городища, предшествовавшего «городу Владимира», никто тогда не подозревал.

Раскопки 1936—1937 гг. на территории бывш. усадьбы Петровского и наши раскопки 1939 г. в усадьбе Слюсаревского позволили не только исследовать обнаруженный в 1909—1912 гг. ров в целом ряде новых точек и проследить его направление на значительном протяжении, но и уяснить подлинное назначение этого сооружения. Раскопками 1936 г. ров был обнаружен в северном конце усадьбы Художественной школы (бывш. усадьба Петровского), у обрыва над Андреевским спуском.[4] Глубина рва по отношению к уровню материка 2.90—3.00 м, от уровня современной поверхности 4.50—4.75 м. Склон рва падал под углом около 45°. Ров был прослежен на этом участке на протяжении 6.20 м. В засыпи рва встречены кости животных и фрагменты лепной керамики.

Продолжение этого рва было обнаружено шурфом на участке, расположенном в 10—15 м к юго-востоку от первого.[5] Шурф не был доведен до дна рва; на глубине 5 м оно еще не было обнаружено. От этого участка ров резко поворачивал к юго-западу.

Продолжение рва было прослежено в 1937 г. шурфом, заложенным к северу от северной стены каменного дома на территории бывш. усадьбы Десятин-

---

[1] ОАК за 1912 г., Пгр., 1916, стр. 66. — Раскопки Археологической комиссии в усадьбе Десятинной церкви. ИАК, Прибавл. к вып. 48 (Хрон. и библ., вып. 23), СПб., 1913, стр. 117—118.

[2] ИАК, Прибавл. к вып. 48, СПб., 1913, стр. 118.

[3] ОАК за 1912 г., Пгр., 1916, стр. 66.

[4] Дневник Киевской археологической экспедиции АН УССР 1936 г., № 8, стр. 84. Архив ИА АН УССР.

[5] Там же, № 11, стр. 33. Архив ИА АН УССР.

ной церкви. На этом участке ров имел направление с северо-востока на юго-запад, уходя под каменный дом.[1] Склон рва падал под углом 50°. Засыпь рва состояла и здесь из плотно слежавшейся земли, в которой попадались фрагменты керамики, сделанной на круге, кости животных и угли, на дне его были найдены фрагменты славянской лепной керамики VIII—IX вв. И этот шурф не был доведен до материка; дно рва не было обнаружено, хотя глубина раскопа была доведена до 4.80 м. Древняя засыпь рва начиналась на глубине 2.60 м от уровня современной поверхности. Не удалось установить и ширину рва, ибо раскрыт был только западный склон его.

Между только что описанными двумя участками рва находится тот участок, который в 1909—1912 гг. был раскопан Д. В. Милеевым. Судя по замечанию С. Вельмина[2] и чертежу самого Милеева[3] (рис. 8), ров был им обнаружен в 4.5 м от фундамента древней северной стены Десятинной церкви. Из этого следует, что он находился на прямой, соединяющей шурф 1936 г. с шурфом 1937 г.

Раскопками 1936 г. был установлен еще один участок рва, находящийся на расстоянии 30 м к юго-западу от шурфа, у северной стены дома. Этот участок был обнаружен в юго-восточной части усадьбы Художественной школы, у самого забора, отделяющего эту усадьбу от

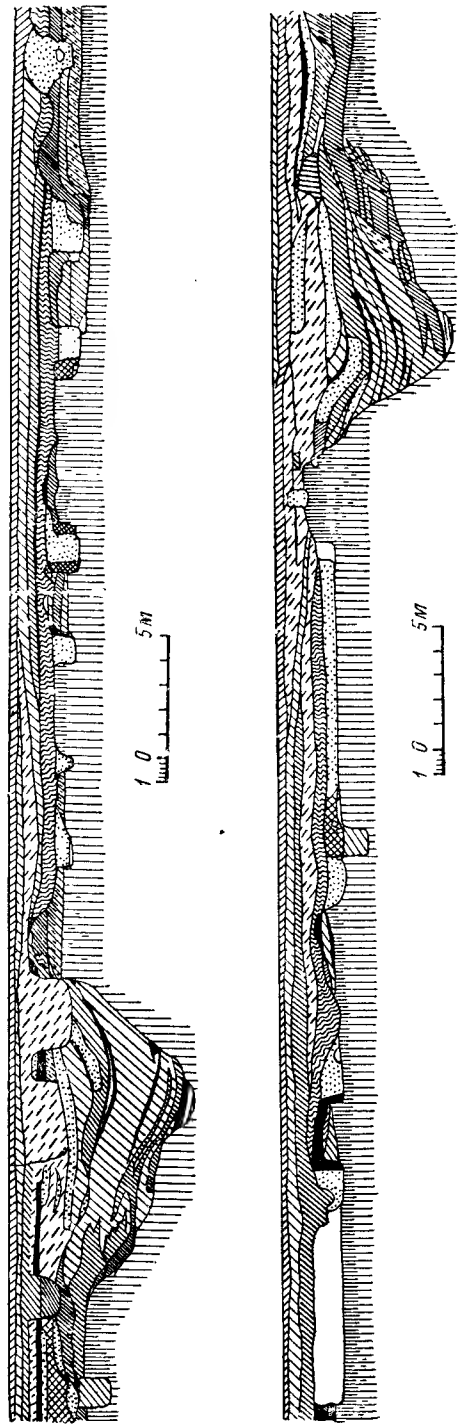


Рис. 8. Разрез рва древнейшего Киевского городища. Раскопки 1909 г.

[1] Дневник Киевской археологической экспедиции АН УССР, 1937 г., № 1, стр. 40—44. Архив ИА АН УССР.

[2] С. Вельмин, ук. соч., стр. 140.

[3] Архив ИИМК АН СССР, ф. АК.

соседней усадьбы Слюсаревского, но по техническим условиям не был раскопан до конца.[1] По западному склону рва были обнаружены лежавшие в беспорядке человеческие скелеты и большие камни. В засыпи рва, в верхней части ее, был обнаружен небольшой глиняный кувшин с волнистым и линейным орнаментом. В нем находились две серебряных гривны киевского типа и железный скобель. Обнаружено также значительное количество фрагментов керамики, сделанной на круге.

Последний участок рва был обнаружен нашими раскопками 1939 г. в саду усадьбы Слюсаревского (Десятинный пер., д. 4). Этот участок расположен еще на 10 м южнее только что описанного участка в усадьбе Художественной школы. Раскрыть ров полностью не удалось, так как восточный склон его находится под каменным домом. Западный склон по техническим условиям (в связи с близостью фундаментов постройки) удалось раскопать лишь на глубину до 3.25 м. Угол падения склона рва 45°. В засыпи рва обнаружена керамика (на круге и лепная) и кости.

Вскрытые в 1909—1912 и 1936—1939 гг. участки рва позволяют установить основную трассу этого сооружения. Начинаясь от северного обрыва Андреевской горы (бывш. усадьба Петровского), ров имеет направление сначала к югу, а потом несколько сворачивает к юго-западу, проходя вдоль северной стены Десятинной церкви. Выходя затем за границу усадьбы Десятинной церкви, ров проходит через юго-восточную часть бывш. усадьбы Петровского и выходит в сад усадьбы Слюсаревского. Дальнейшее направление его не было установлено, но можно предположить, что, пересекая Десятинный пер., ров заканчивается у обрыва Андреевской горы над Кожемяками.

В 1910 г. раскопками Д. В. Милеева в западной части усадьбы Крестьянского банка (Владимирская ул., д. 10) был обнаружен глубокий ров, судя по сообщению корреспондентов киевских газет, «аналогичный тому, который был раскрыт в усадьбе Десятинной церкви». К востоку от него найдено несколько древних погребений, отнесенных к X в.[2] Представляет ли ров, открытый в усадьбе Крестьянского банка, продолжение того рва, трассу которого мы пытались проследить выше, решить трудно ввиду полной утраты отчетной документации раскопок 1910 г.

Установленная раскопками трасса рва не оставляет никаких сомнении в назначении этого сооружения. Прежде всего ров отнюдь не связан с Десятинной церковью. Наоборот, он проходит так близко от северной стены Десятинной церкви, что, надо думать, сооружение последней стало возможным лишь после предварительной засыпки рва. Уже из этого следует, что существование этого сооружения закончилось не в XIII в., как утверждал С. Вельмин, а значительно раньше, во всяком случае не позже конца X в.

[1] Дневник Киевской археологической экспедиции 1936 г., № 8, стр. 35—36; № 7, стр. 15. Архив ИА АН УССР.

[2] Археологические исследования в Киевской губернии. (Свод газетных известий). ИАК, Прибавл. к вып. 37 (Хрон. и библ., вып. 18), СПб., 1910, стр. 210—211.

Terminus ante quem устанавливается, однако, не только на изложенном выше основании. Раскопками 1936 г. было выяснено, что на засыпке рва в той его части, которая вскрыта на северном склоне бывш. усадьбы Петровского, были расположены полуземлянки и ювелирная мастерская. Раскопками Д. В. Милеева в 1912 г. в верхних слоях засыпи рва также были обнаружены остатки жилища, отнесенного к «великокняжеской эпохе», в частности, хорошо сохранившаяся глиняная печь с деревянным каркасом.[1] Остатки полуземлянок и большое количество предметов XI—XIII вв., обнаруженные над засыпкой рва, свидетельствуют о том, что в XI—XIII вв. трасса, по которой ранее проходил ров, была уже густо застроена и заселена.

Весьма существенные данные о времени существования рва дали находки в его нижних слоях и особенно находки, в значительном количестве обнаруженные на дне рва. В отличие от находок, обнаруженных на поверхности рва, относящихся к XI—XIII вв., находки на дне его состояли в основном из фрагментов грубой лепной керамики и костей. Изучение погребений киевского некрополя убеждает нас в том, что уже в X в. в Киеве была распространена керамика, хотя и грубая по составу глины и несовершенная по обжигу, но все же сделанная уже на гончарном круге. Распространение в Киеве лепной керамики того типа, который представлен находками со дна рва, относится, по-видимому, к VIII—IX вв., а иногда и к более раннему периоду.

Все это приводит к выводу, что ров, обнаруженный на территории древнего Владимирова города, представляет остаток более древней оборонительной линии Киевского городища, расположенного на западной оконечности Андреевской горы, защищенного с запада и с севера крутым обрывом этой горы. Этот ров и, очевидно, находившийся за ним земляной вал ограждали Киев VIII—X вв. За рвом древнейшего городища к востоку и к югу был расположен древний курганный могильник, изучение которого дало исключительной научной ценности материал для реконструкции облика древнейшего Киева.[2] Территория этого могильника была очень значительна, во много раз превосходя площадь самого городища.

В конце X в. старые городские укрепления были уже недостаточны для разросшегося города. Владимир Святославич обносит новым валом и рвом разросшийся город. Древний ров, оказавшийся в черте нового города, был засыпан, а языческий курганный могильник, расположенный теперь в центре нового города, уничтожен и застроен. На площади могильника в 989 г. была заложена первая каменная христианская церковь, а вскоре возник и ряд других монастырей и храмов. Ставшая центром нового города площадь могильника быстро застраивается дворцами князя и хоромами знати, а на территории ста-

---

[1] Раскопки Археологической комиссии в усадьбе Десятинной церкви. ИАК, Прибавл. к вып. 48 (Хрон. и библ., вып. 23), СПб., 1913, стр. 118.

[2] М. К. Каргер. 1) Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным. КСИИМК, I, 1939, стр. 9—10; 2) К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. КСИИМК, VI, 1940, стр. 61—66.

рого городища и на трассе засыпанного рва возникают жилища-мастерские княжеских холопов-ремесленников. Многочисленные остатки этих полуземлянок-мастерских и составляют основной материал, добытый раскопками В. В. Хвойки в 1907—1908 гг. в усадьбе Петровского, раскопками Института археологии АН УССР в 1936—1937 гг. и нашими раскопками 1939 и 1948—1949 гг. в усадьбах Исторического музея и Слюсаревского. Среди этих полуземлянок до недавнего времени не было ни одной, которую можно было бы связать с историей древнего городища довладимировой поры.

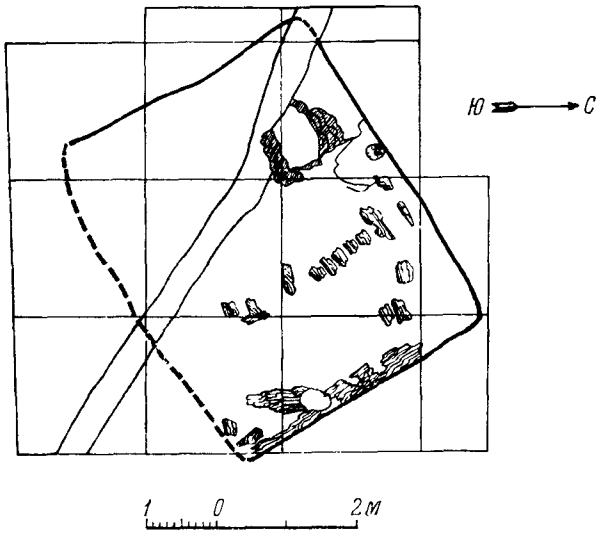


Рис. 9. План жилища с лепной керамикой. Усадьба Киевского исторического музея (бывш. усадьба Художественной школы). Раскопки 1939 г.

Сказанное делает понятным, какой исключительный интерес вызывает полуземлянка, раскопанная Киевской экспедицией 1939 г. в юго-западном углу бывш. усадьбы Петровского (ныне усадьба Киевского исторического музея), почти у самого обрыва Андреевской горы (рис. 9).[1] К сожалению, сохранность этой полуземлянки была очень плохая. Стенки ее почти не сохранились. Границы полуземлянки были прослежены в основном по утрамбованному и обожженному глиняному полу, на котором обнаружено большое количество обгоревшего дерева и в том числе обломки нескольких обгоревших досок от кровли, лежавших рядом, перпендикулярно толстой обуглившейся балке, на которую, по-видимому, они опирались.

В северо-западном углу была обнаружена удовлетворительно сохранившаяся глиняная печь, имевшая форму вытянутого прямоугольника с провалившимся сводчатым верхом (рис. 10). Задняя часть печи уничтожена поздней траншеей, прорезавшей полуземлянку. Пóд печи хорошо обожжен и представлял собой плотную глиняную основу, неоднократно подновлявшуюся путем подмазки. Характерной для киевских полуземлянок XI—XIII вв. набивки пода битой глиняной посудой или кирпичом здесь нет. Полуземлянка имеет

[1] М. К. Каргер. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв., стр. 61—65. Позже в книге «Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1939 гг.)» (Киев, 1950, стр. 97—99) землянка ошибочно отнесена к зарубинецко-корчеватовской культуре.

прямоугольный план, с трех сторон можно было проследить слабые следы обожженных глиняных стенок, четвертая стенка не сохранилась совершенно, и граница полуземлянки с этой стороны установлена исключительно по контуру обожженного пола.

На полу землянки в слое золы и угля были найдены куски обожженной глины с отпечатками прутьев (рис. 11). Эти куски по характеру обжига и по величине, по-видимому, не связаны с печью: они являются частями стен полуземлянки, плетенных из прутьев и обмазанных глиной. Эти куски позволяют реконструировать облик наземных частей жилища.

В числе находок на полу жилища, помимо костей животных, необходимо отметить небольшое количество фрагментов грубой лепной керамики. На полу полуземлянки и за ее пределами было обнаружено несколько глиняных пряслиц.

Состав этих находок позволяет отнести раскопанную нами полуземлянку к числу жилищ древнего поселения, существовавшего на Андреевской горе в VIII—X вв.

Рис. 10. Печь из жилища с лепной керамикой.

2. «КАПИЩЕ» И ВОПРОСЫ ЕГО РЕКОНСТРУКЦИИ

В средней части довладимирова городища на Андреевской горе раскопками В. В. Хвойки в 1908 г. на глубине 2.9—3.2 м был открыт загадочный памятник, именуемый поныне вслед за В. Хвойкой «капищем», хотя название это неоднократно оспаривалось. Вот как описывал сам В. В. Хвойка это открытие: «Среди остатков различных сооружений, по-видимому, самыми древними являются остатки каменного фундамента какого-то загадочного сооружения. Фундамент этот состоял из различных по величине камней серого песчаника, принимавших иногда причудливые очертания, а иногда имевших сквозные отверстия. Камни эти были сложены на глине, образуя эллиптическую фигуру (4.2 м в длину и 3.5 м в ширину), имевшую с четырех сторон по одному четырехугольному выступу (0.7—0.8 м в длину), которые были обращены по странам света. Вокруг

сооружения находился местами хорошо уцелевший пол, вылепленный из толстого слоя беловатой глины с тщательно сглаженной поверхностью. С западной стороны этого фундамента был обнаружен массивный столб, в котором слои сильно обожженной глины чередовались с прослойками золы и угля; вокруг него находилось большое количество костей и черепов животных, главным образом домашних».[1]

Совокупность всех данных, полученных при раскопках загадочного сооружения, приводила исследователя к выводу о ритуальном характере его и позволяла отнести время постройки его к языческому периоду. «Весьма вероятно, —

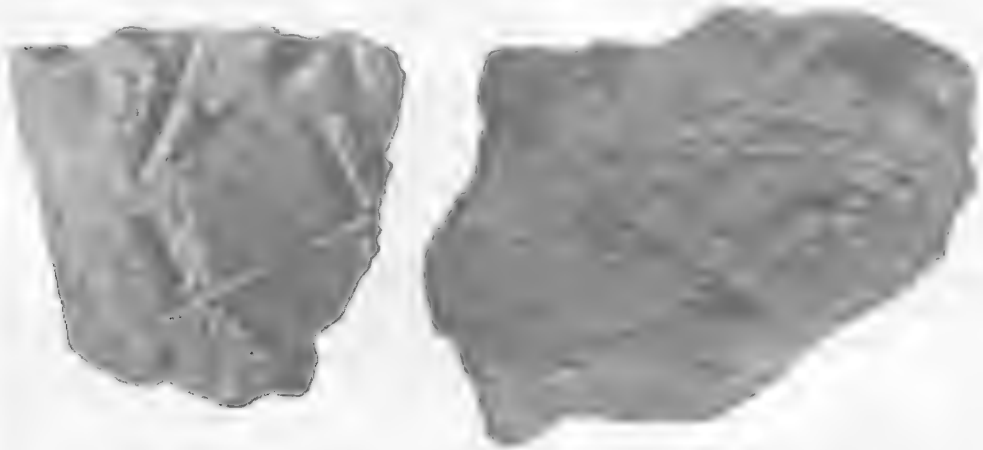


Рис. 11. Глиняная обмазка с отпечатками прутьев.

писал В. В. Хвойка, — что остатки эти принадлежат славянскому языческому капищу, а столб представляет жертвенник, на котором в течение продолжительного времени совершались жертвоприношения, на что указывают многочисленные кости животных и слои глины, чередующиеся с прослойками золы и угля».[2] Последнее обстоятельство автор объяснял тем, что «временами жертвенник выравнивался и на него накладывался новый слой глины, почему в конце концов и образовался высокий массивный столб».[3]

Это описание В. В. Хвойка сопровождал рисунком (рис. 12), опубликованным впервые К. Болсуновским.[4] По этому рисунку, весьма далекому по манере исполнения от обмерного чертежа, чрезвычайно трудно составить представление об общем характере постройки и тем более о ее деталях. Отсутствие разре-

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913, стр. 66.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] К. В. Болсуновский. Жертвенник Гермеса-Световида. Мифологическое исследование. Киев, 1909, табл. I. Вскоре после раскопок по материалам В. В. Хвойки был сделан макет капища, находящийся ныне в Киевском историческом музее (рис. 13).

зов и каких-либо описательных данных по стратиграфии, увеличивают трудности расшифровки этого действительно загадочного сооружения.

Предпринимавшиеся не раз попытки реконструкции первоначального облика киевского капища шли по весьма различным направлениям. Открытый летом 1908 г. памятник обратил на себя внимание участников XIV археологического съезда, которые, прибыв из Чернигова в Киев, ознакомились с раскопками В. В. Хвойки и, по свидетельству К. В. Болсуновского, единогласно признали

Рис. 12. Капище. Раскопки 1908 г. Рисунок В. В. Хвойки.

раскрытое сооружение за «фундамент античного капища языческого времени, забытого и засыпанного после принятия христианства».[1]

Сам К. В. Болсуновский вскоре опубликовал брошюру, посвященную киевскому сооружению, в которой весьма наивно пытался связать открытый В. В. Хвойкой «жертвенник» с культом славянского бога Световида. Связывая четыре выступа киевского жертвенника с тем, что и известный Збручский идол имел четыре головы и вообще был четырехсторонним, а также с тем, что в культе греческого Гермеса и римского Меркурия «неизменно фигурируют четыре символа, а самые гермы — всегда четырехсторонние столбы — отвечали четырем сторонам горизонта», К. Болсуновский приходил к смелому выводу, что открытый на Киевской горе жертвенник и очаг должен рассматриваться как «остаток фундамента, на котором стоял идол солнца Световид, как бы его здесь не называли».[2] К. В. Болсуновский был убежден, что приводимые им аналогии между

[1] Там же, стр. 5.
[2] Там же, стр. 12.

культами греческого Гермеса, с одной стороны, и славянским солнечным божеством под названиями Дажьбога, Богара, Ярыла и Световида, с другой, не оставляют сомнения в том, что «местные славяне заимствовали этот культ в глубокой древности из общего праарийского источника — быть может, из Индии или Китая».[1]

Большой интерес к киевскому капищу проявил Л. Нидерле. Сравнивая киевское капище с остатками языческого храма, раскопанного в Арконе, Л. Нидерле затруднялся решить, было ли открытое в Киеве сооружение «настоящим языческим храмом» (подобно храму в Арконе), или же «святилищем под открытым небом» с жертвенником, склоняясь, по-видимому, ко второму решению.[2] Этого же мнения придерживался и новейший исследователь языческих храмов западных славян Ф. Пальм,[3] а также Л. А. Динцес,[4] полагавший, что найденные здесь обгорелые бревна позволяют предполагать то ли ограду, то ли деревянные стены. Л. А. Динцес считал вероятным, что открытый В. Хвойкой памятник был «требищем с требником перед капищем».[5]

Иначе трактовал киевский памятник Н. И. Брунов, рассматривавший раскопанные В. В. Хвойкой остатки загадочного сооружения как фундаменты каменного «языческого храма, имевшего вид эллиптической башни, с пристроенными к ней четырьмя небольшими прямоугольными притворами в форме креста» (!).[6] Убежденный в том, что корни самобытной «белорусской» архитектуры XI—XII вв. лежат в языческом зодчестве древней Руси, Н. И. Брунов усматривал огромную роль киевского «храма» для «белорусского», т. е. полоцкого и смоленского, зодчества XI—XII вв., утверждая, что сходство киевского «храма» с башнеподобными полоцко-смоленскими храмами и прежде всего с композицией Смоленского храма Михаила (в Свирской слободе) бросается в глаза.[7]

Позже Н. И. Брунов вновь вернулся к киевскому языческому «храму» в статье, посвященной вопросу об истоках древнерусского зодчества. Новая попытка представить первоначальный облик этого сооружения была еще смелее и фантастичнее. Вот как описывал Н. И. Брунов киевское «капище»: «Очень важным памятником являются остатки языческого храма, раскопанные в Киеве, около Десятинной церкви. Обнаружена овальная площадка (7×5½ арш.), окаймленная низкой стеной (?! — *М. К.*), сложенной из неотесанных камней. Стена имеет четыре прямоугольных выступа. На самой площадке найдено основание столба (?! — *М. К.*) (может быть, фигуры идола) и остатки жертво-

[1] К. В. Болсуновский, ук. соч., стр. 12.

[2] L. Niederlé. Manuel de l'antiquité slave, t. II. La civilisation. Paris, 1926, стр. 155; ср.: L. Niederle. Slovanské starožytnosti. Život starych slovanů, II, 1. Praha, 1924.

[3] Th. Palm. Wendische Kultstätten. Lund, 1937, стр. 143—144.

[4] Л. А. Динцес. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства. Сов. этнография, 1947, № 2, стр. 75.

[5] Там же.

[6] Н. И. Брунов. Беларуская архітэктура XI—XII ст. Зборнік артикулаў, Менск, 1928, стр. 301—302.

[7] Там же.

ношений. По-видимому, четыре каменных выступа овальной площадки служили основанием для четырех деревянных столбов (?! — *М. К.*), несших кровлю над жертвенной площадкой и фигурой идола. Вокруг овальной площадки выложен пол из глины, что указывает на крытый характер помещений, окружавших площадку. Возможно, что расположенные по прямоугольнику стенки являлись основанием деревянных стен храма с четырьмя внутренними столбами (?! — *М. К.*), между которыми помещалась на площадке фигура идола. В таком случае киевский храм оказался бы похожим на храм в Арконе».[1] Нет необходимости доказывать, что «низкая стена, окаймляющая площадку, сложенная из неотесанных камней», «основание столба, а может быть, даже фигуры идола», «четыре деревянных столба, возвышавшихся над выступами каменной стены, несших кровлю над жертвенной площадкой и фигурой идола» и, наконец, «деревянные стены прямоугольного в плане храма с четырьмя деревянными внутренними столбами» — все это лишь плод необузданной и неконтролируемой фактами фантазии, столь же легко превращающей киевское капище то в деревянный четырехстолпный храм со статуей идола в середине,[2] то в каменный храм, имевший вид «эллиптической башни с четырьмя небольшими прямоугольными притворами в общей форме креста».[3] Вовсе не считаясь с описанием открытых в 1908 г. руин, сделанным В. В. Хвойкой, Н. Н. Брунов в то же время выражал сожаление, что отчет о раскопках киевского «храма» остался неизданным. Н. Н. Брунову, по-видимому, осталось неизвестным, что за семь лет до выхода в свет его статьи, в 1937 г. киевское капище вторично подверглось археологическим раскопкам. Повторные раскопки капища были вызваны необходимостью

Рис. 13. Капище. Макет. Киевский исторический музей.

[1] Н. Н. Брунов. К вопросу об истоках русского зодчества. Вестник АН СССР, 1944, № 6, стр. 58—59.

[2] Там же, стр. 59.

[3] Н. Н. Брунов. Беларуская архітэктура XI—XII ст., стр. 301.

уяснить ряд недоуменных вопросов, связанных с этим памятником, ввиду отсутствия серьезного научного отчета о раскопках 1908 г. и особенно ввиду неудовлетворительности графической фиксации памятника.

Вновь открытое раскопками 1937 г. загадочное сооружение оказалось прежде всего по своему плану далеко не столь «правильным», как это можно было предположить по рисунку В. Хвойки. В действительности сооружение по своей форме приближалось скорее к неправильному прямоугольнику с округленными углами. С четырех сторон, по странам света, находились незначительные выступы — отроги. Все сооружение состояло из достаточно небрежно, насухо, без раствора уложенных неотесанных камней, среди которых преобладал мелкозернистый песчаник; значительно меньше было гранитных валунов и всего лишь два-три камня красного кварцита (рис. 14).[1]

С южной стороны под каменную кладку уходил слой утрамбованной светло-желтой глины толщиной около 0.4 м. Ниже был прослежен слой пепельно-серого грунта, в котором изредка встречались фрагменты лепной посуды, а также было найдено глиняное пряслице.[2]

У западного выступа сооружения, ниже его на 0.90 м, выявлена незамеченная В. Хвойкой овальная печь, от которой сохранился под (1.05×0.95 м), на котором лежали тонкий слой золы и сажи и мелкие кусочки угля. Зола и мелкие кусочки угля наряду с обломками костей животных (часть которых была обожжена на огне) попадались также в различных местах поверх каменной кладки и возле нее.[3]

На расстоянии 1 м к югу от каменной кладки была обнаружена бесформенная груда пережженной глины, занимавшая площадь около 1.00×1.50 м. По-видимому, это остатки того сооружения, которое В. Хвойка называл «глиняным столбом», считая его «жертвенником».[4]

Едва ли возможно согласиться с выводом, к которому в результате повторных раскопок склонялись исследователи загадочного капища, усматривавшие в этом сооружении фундамент какой-то постройки типа башни и сомневавшиеся в культовом назначении ее.[5]

Если раскопки 1937 г. позволили уяснить характер кладки и план сооружения несколько не так, как это представлялось по описанию и рисунку В. Хвойки, то отвергать установленные им факты значительного скопления характерных находок возле сооружения и на нем — нет никаких оснований. Именно поэтому нет оснований и для того, чтобы усомниться в культовом характере сооружения. Характер каменной кладки сооружения, отчетливо зафиксированный фотогра-

---

[1] Отчет о работе Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 54. Архив ИА АН УССР.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 56.

[5] Там же.

фиями 1937 г. (рис. 14), заставляет решительно отказаться от трактовки ее в качестве фундаментов или тем более в качестве стен какой-либо постройки.

По характеру каменной кладки открытое В. Хвойкой сооружение скорее можно сближать с каменными выкладками, обнаруживаемыми иногда в основании древнерусских курганов, в частности в сопках, что позволяет рассматривать киевское сооружение как жертвенное место, облик которого восстановить с желательной полнотой удастся лишь в случае новых открытий памятников подобного рода.

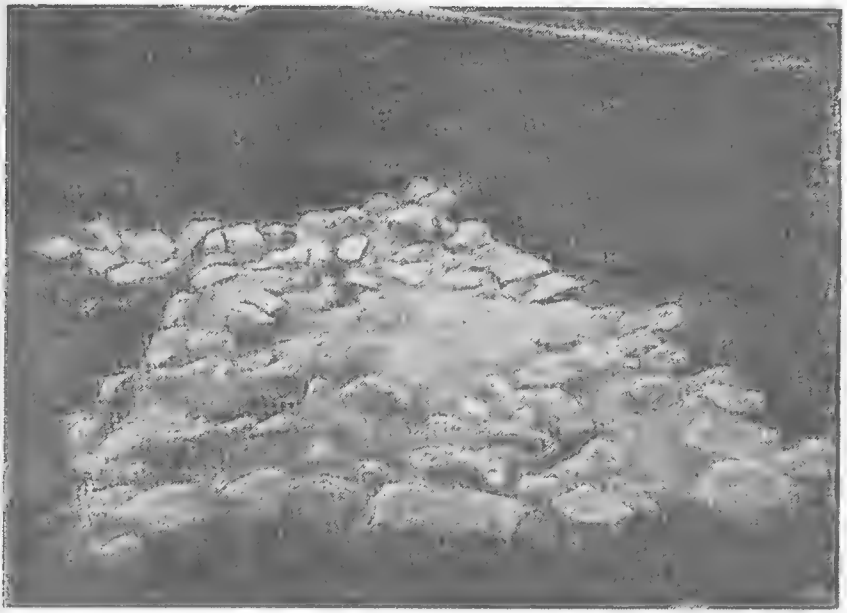


Рис. 14. Капище. Общий вид. Раскопки 1937 г.

Результаты археологических исследований последних лет на территории древнейшего Киева позволяют по-новому понять некоторые вопросы, связанные с местоположением капища в городе VIII—X вв.

Капище расположено сейчас почти в центре довладимирова Киева. Нельзя не обратить внимания на то, что в ближайшем окружении капища обнаружены все известные доныне погребения первых веков нашей эры. Не является ли это свидетельством о том, что капище и в VIII—IX вв. находилось не в центре поселения, а скорее на его окраине, на территории древнего родового могильника, уже заброшенного, но не вполне забытого. Вполне вероятно, что значительная часть городища на Андреевской горе разрушена в результате оползней.

Необходимо подчеркнуть, что Владимир Святославич в конце X в. воздвигая новое святилище, поставил новые кумиры за пределами городского вала.

«вне двора теремного», в отдалении от древнего капища, тем самым как бы отделив общегосударственный пантеон богов для общенародного почитания от более древнего капища, стоявшего на древнем родовом полузабытом кладбище.

Л. А. Динцес высказывал правдоподобное предположение, что это древнейшее капище было связано с культом дружинно-княжеского бога Перуна, перед которым клялись Олег, Игорь и Святослав.[1]

3. ОСТАТКИ ДРУГИХ ГОРОДИЩ НА ТЕРРИТОРИИ КИЕВА

В 70-х годах прошлого века в связи с чрезвычайно интересными находками нескольких древних погребений на Кирилловской ул. (в усадьбе Марра) привлекли внимание остатки поселения, расположенного на горе над Иорданской церковью. В. Б. Антонович, связывавший это поселение с летописным названием горы Хоревица, считал, что этот район Киева был «в доисторическое время многолюдным и торговым центром», о чем свидетельствовали найденные здесь клады куфических монет IX—X вв. и погребения той же поры.[2] В докладе об археологических находках и раскопках в Киеве в 1876 г. В. Б. Антонович называл этот район Киева «центром, в котором в древности (в IX—X вв.) сосредоточивалась торговая деятельность города».[3]

К сожалению, увлеченный кладами и погребениями, открытыми в районе Иорданского кладбища, В. Б. Антонович не уделил ни малейшего внимания городищу, расположенному на горе над Иорданской церковью и кладбищем.

В. В. Хвойка, занимавшийся в 90-х годах обследованием этой же местности, нашел интересующее нас городище уже разрушающимся и тоже не подверг его серьезному археологическому исследованию. В настоящее время, как показало наше обследование этого района в 1947 г., от городища в результате сильных оползней горы почти ничего не сохранилось. К вопросу о значении этого городища для изучения древнейшей истории Киева мы возвратимся несколько ниже, при изучении могильника, некогда связанного с этим городищем.

* *
*

Остатки еще одного славянского поселения VIII—X вв., расположенного на северо-западном склоне горы Кисселевки, близ ручья Киянки, впадавшего недалеко от этого места в приток Почайны — речку Глубочицу, были открыты раскопками Киевского исторического музея в 1932 г. и раскопками Института археологии АН УССР в 1940 г. От этого поселения сохранилась, очевидно, лишь незначительная часть; бóльшая часть его была уничтожена, по-видимому в XIV в., выемкой, вырезанной в этом месте для устройства северного въезда

[1] Л. А. Динцес, ук. соч., стр. 76.

[2] В. Б. Антонович. О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве. Тр. IV АС в Казани (1877), т. I, Казань, 1884, стр. 42—43.

[3] В. Б. Антонович. Археологические находки и раскопки в Киевской губернии в 1876 г. ЧИОНЛ, кн. I, Киев, 1879, стр. 250—251.

в замок, разместившийся на горе. Под более поздними культурными слоями XI—XII вв. раскопками были открыты плохо сохранившиеся остатки двух жилищ с находками, позволившими отнести и жилища и культурный слой вокруг них к IX—X вв.[1]

К числу находок в этом слое относится прежде всего характерная керамика. Это обломки горшков, изготовленных на гончарном круге, с орнаментацией в виде неглубоких борозд, покрывающей почти всю поверхность сосудов. Посуда этого типа хорошо известна в различных курганных могильниках X в., в том числе и в киевском некрополе. Наряду с посудой этого типа в этом же слое встречались и фрагменты лепной керамики.

По-видимому, к этому же времени нужно отнести значительную часть лепной и гончарной керамики, обнаруженной на Киселевке раскопками Киевского исторического музея в 1932 г., на участке, смежном с раскопом 1940 г.[2]

Среди керамики из раскопок 1932 г. преобладают фрагменты лепных сосудов из плохо промешенной глины, довольно плохого обжига; в глиняном тесте большая примесь дресвы и шамота. Черепки имеют черный, темно-серый и иногда кирпично-красный цвет; стенки сосудов, особенно донца их, толсты, причем толщина их часто неравномерна. Для сосудов этой группы характерна орнаментация в виде одной или нескольких параллельных волнистых углубленных линий, исполненных гребенчатым инструментом, иногда чередующихся с прямыми линиями (табл. III).

Среди керамики с Киселевки часты также фрагменты от сосудов типа плоской сковороды с невысоким (порой не более 1 см) бортиком и очень толстым, до 2.5 см, донцем. Эти сосуды, отличающиеся особо грубой выделкой, сделаны из плохо промешенной глины с обильной примесью дресвы и шамота.

Характерной особенностью керамики с Киселевки является также обработка венчиков сосудов ямками, сделанными или концом пальца, или защипом двумя пальцами. Венчики обычно очень мало отогнуты наружу, а порой и совсем вертикальны.[3]

Попытку отнести описанные разновидности керамики с Киселевки к VI—VIII вв.[4] нужно решительно отклонить, так же как отклонена эта датировка в отношении керамики роменско-боршевского типа. Охарактеризованная керамика с Киселевки наряду с аналогичной керамикой, обнаруженной на ряде городищ конца VIII—X вв. на правобережье Днепра, является несомненным свидетельством того, что так называемая «роменская культура» отнюдь не является особенностью, присущей лишь Днепровскому левобережью в VIII—X вв.

---

[1] Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. Археологія, I, Київ, 1947, стр. 145—146.

[2] С. Магура. До питання про стару слов'янську кераміку часів родоплеменного ладу (З приводу розкопів на горі Киселівці в Києві 1932 р.). НЗІІМК, кн. I, Київ, 1934, стр. 57—58.

[3] Там же, стр. 58.

[4] Там же, стр. 54.

Среди других находок на Киселевке заслуживают внимания костяные проколки в виде расколотых костей с заостренным концом, обломок костяного одностороннего гребня, состоящего из пластинок, скрепленных железными гвоздиками и орнаментированных тремя поперечными полосками из нарезных линий. Тут же была найдена плоская расколотая продольно кость с глубокими выемками на концах (один конец был наполовину обломан). Этот предмет мог служить для плетения рыболовных сетей; он найден возле развалин жилища. Из числа металлических предметов следует упомянуть небольшой (15 см в длину) железный топор. Возле печи обнаружен кусок железного шлака с каплей застывшей на нем меди. Две небольшие кучки железного шлака обнаружены в завале печи.[1] В культурном слое найдено также много кусков древесного угля и большое количество костей животных.

Раскопками 1940 г. были обнаружены остатки двух жилищ; из них одно, расположенное на склоне горы, было тщательно исследовано. Насколько можно судить по весьма краткому описанию жилища в отчете о раскопках, оно сохранилось весьма фрагментарно. Границы его удалось проследить только в западной и северной частях; остальные его части уничтожены оползнем горы, на самом краю которой жилище было обнаружено. Исследователь утверждал, что жилище существовало весьма долгий период, возможно с конца IX в., и было перестроено в X в.[2] Именно тогда в нем была сооружена массивная печь, расположенная в северо-западном углу. Свод печи вылеплен из глины с примесью соломы, под был глиняный, хорошо заглажен, внутренность печи докрасна обожжена. За печью обнаружены остатки деревянных балок-подвалин от стен, соединявшихся, как это видно по сохранившимся от них гнездам, под прямым углом. Между задней стенкой печи и стенками жилища была расположена лежанка (1×2 м).

На расстоянии около 2 м на юго-запад от печи сохранились четыре гнезда от деревянных столбов, два из которых имели наклон в 45° к печи. Возле остатков жилища обнаружены следы плетня из тонких прутьев с прослойкой из земли. Возможно, что этот плетень был остатком стенок жилища. Такой же плетень был обнаружен в остатках нижнего, более древнего жилища; часть его заходила под слой глины с печью, выстроенной в X в. В этом же слое, относящемся к более древней постройке, найдено много рыбьей чешуи, лежавшей широкой полосой.[3]

Для дополнительной характеристики поселения на Киселевке необходимо напомнить, что еще в 1908 г. на Киселевке был обнаружен клад, состоявший из тридцати семи монет херсонесского чекана IX—X вв., не привлекший в ту пору внимания исследователей Киева.[4] Раскопками 1939 г. в верхней части горы

---

[1] Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р., стр. 146.

[2] Там же, стр. 145.

[3] Там же.

[4] См. стр. 125 настоящего исследования.

(т. е. достаточно далеко от территории раскопок 1940 г.) был найден саманидский диргем 943 г.[1]

Ни одного погребения IX—X вв. на Киселевке не найдено. Могильник этого городища был, очевидно, расположен где-нибудь за пределами горы.[2] Остатки его до сих пор обнаружить не удалось.

Остатки поселения IX—X вв., обнаруженные в 1940 г. на Киселевке, несмотря на незначительность их, представляют огромный интерес для изучения древнейшей истории Киева. Наряду с городищем того же времени на Андреевской горе, остатки которого детально охарактеризованы выше, и ныне полностью разрушившимся городищем на Щековице, городище, расположенное на неприступной в древности горе Киселевке, являлось одним из трех известных нам поселений VIII—X вв., лишь к концу этого периода окончательно слившихся в один город. Было бы неверно, соблазнившись совпадением количества городищ, случайно уцелевших на территории Киева, с числом братьев, упомянутых в легенде об основателях города, рассматривать три киевских городища как прямое подтверждение народной легенды, сохраненной летописцем. Однако можно считать бесспорным, что легенда о трех братьях — основателях города отражает реальный исторический факт существования на территории Киева нескольких самостоятельных поселений, лишь позже слившихся в один большой город.

Как свидетельствует начальная история многих древнерусских городов, восстановленная ныне благодаря археологическим исследованиям этих городов, древнейшая история Киева отнюдь не представляла собой исключительного случая. Из нескольких городищ, существовавших в VIII—X вв., возник, по-видимому, в X—XI вв. главный город кривичей Смоленск.

Такую же картину представлял, вероятно, и древний Чернигов, на территории которого археологическими исследованиями последних лет установлено наличие нескольких поселений VIII—X вв.[3] На территории Чернигова сохранилось, кроме того, несколько далеко отстоящих один от другого курганных могильников, связанных когда-то с различными небольшими поселениями.

Изучение исторической топографии древнего Суздаля также привело к выводу о том, что образованию города предшествовало несколько самостоятельных поселений на его будущей территории.[4]

Группа поселений, расположенных близко одно к другому, находилась на месте древней Твери, причем археологическими исследованиями последних лет было установлено, что жители этих поселений занимались неземледельческими промыслами.[5]

---

[1] Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р., стр. 146.

[2] Там же.

[3] В. А. Богусевич. Про топографію древнього Чернігова. Археологія, V, Київ, 1951, стр. 121.

[4] А. Д. Варганов. Суздаль. «Сокровища русского зодчества», М., 1944, стр. 3

[5] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 159.

Едва ли можно согласиться с мнением П. Н. Третьякова, утверждавшего, что гнезда селений, существовавшие на месте многих восточнославянских городов, «окружали, несомненно, места древних торжищ».[1] Это мнение, отражающее в несколько модернизированном виде все ту же «торговую теорию» происхождения древнерусских городов, не находит подтверждения ни в письменных, ни, тем более, в археологических материалах.

Несколько небольших поселений, существовавших в VIII—X вв. на территории ряда древнерусских городов, в процессе феодализации, особенно усилившемся в X в., сливались в один крупный город, центром которого становилось одно из наиболее выгодно расположенных и наиболее сильных древних поселений.

Учитывая именно эти археологически установленные факты древнейшей истории Киева, Д. С. Лихачев писал: «Уместно поставить вопрос: не отражают ли и другие предания (кроме киевского, — *М. К.*), записанные в летописях о братьях-родоначальниках (Радиме и Вятке, Рюрике, Синеусе и Труворе), легендарного осмысления реального союза или слияния племен в единое государственное целое: союз двух племен мог повести к созданию легенды о том, что родоначальники этих племен были братьями. Перед нами, возможно, исторические предания, обладающие отчетливой политической функцией. Как и во многих других случаях, народное предание не только под пером летописца получает политическое звучание, но обладает им уже с самого начала».[2]

4. КЛАДЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ АРАБСКИХ И ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ IX—X вв. НА ТЕРРИТОРИИ КИЕВА

Еще в середине прошлого века, задолго до того, как внимание исследователей древнейшей истории Киева привлекли остатки древних городищ и могильников, сохранившиеся на территории города, живой научный интерес вызвали богатейшие по своему составу клады восточных, куфических монет, случайно обнаруживавшиеся в различных концах города.

Один из крупнейших кладов куфических монет был найден в Киеве еще в 1706 г., при постройке новой Печерской крепости. Клад, состоявший из огромного количества серебряных монет, был прислан Мазепой в Петербург, где был записан в приходные книги Малороссийского приказа. По справке Малороссийского приказа значилось, что «в прошлом, 1707 году, июля в 28 день писал к Великому Государю в Приказ Малые России бывший гетман Мазепа с войсковым канцеляристом с Иваном Максимовичем и прислал ассирийской (!) монеты в мешке за его гетманской печатью».[3] Из донесения гетмана Мазепы явствовало,

[1] П. Н. Третьяков, уқ. соч., стр. 158.

[2] Повесть временных лет, ч. II. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950, стр. 221.

[3] Е. В. Барсов. О кладе, найденном в Киеве при Петре Великом. ДТМАО, IX, вып. II—III, 1883, Протоколы, стр. 23.

что присланная монета «была сыскана в Киеве во время строения новой крепости Печерской».[1] По распечатании мешка по точному подсчету в нем оказалось 2380 монет, из которых 10 были отправлены Петру I, находившемуся в походе.[2]

Мешок с «ассирийской» монетой записывался по приходной книге в остатке вплоть до 1712 г. После 1715 г. сведений о кладе в делах Малороссийского приказа не встречается. Позже монеты были переданы в Академию наук, где послужили основанием Нумизматического кабинета Азиатского музея. Затрудняемся установить, когда это произошло. Во всяком случае нумизматам-ориенталистам первой половины прошлого столетия, с энтузиазмом собиравшим материалы для топографии восточных монет на территории Восточной Европы, Киевский клад 1706 г. остался неизвестным.

В первых сводных обзорах находок куфических монет на территории Восточной Европы, сделанных Х. Френом,[3] В. В. Григорьевым [4] и П. С. Савельевым,[5] никаких упоминаний о находках кладов в Среднем Поднепровье, в том числе и о Киевском кладе 1706 г., нет. Не упомянут этот клад и в старых описаниях многочисленных куфических монет, издавна находившихся в собрании Азиатского музея.[6]

Краткое известие о кладе 1706 г. было впервые опубликовано П. С. Савельевым лишь в середине XIX в.[7]

Точных сведений о составе клада 1706 г. не сохранилось. По-видимому, клад 1706 г. при поступлении в Азиатский музей был депаспортизован и растворился в огромном собрании куфических монет музея.

---

[1] Там же.

[2] Там же, стр. 22.

[3] Ch. M. Fraehn. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde. Bulletin scientifique, publié par l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg, t. IX, 1841, стр. 301—332.

[4] В. В. Григорьев. О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI в., находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории. Записки Одесского общества истории и древностей, т. I, Одесса, 1844, стр. 115—166.

[5] П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, I. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI в. в России и прибалтийских странах, объясненная историческими свидетельствами о торговле северовостока Европы в эпоху основания и утверждения Русского государства. СПб., 1846.

[6] J. Bacmeister. Essai sur la bibliothéque et le cabinet des curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg. St. Pétersbourg, 1776. — Ch. Fraehn. Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St.-Petersburg, 1821.

[7] П. С. Савельев. Сообщение о трех примечательных находках восточных монет в Киеве. ЗРАО, т. V, СПб., 1853, Перец. засед., стр. 57; см. также: Н. Ф. Беляшевский. 1) Клады великокняжеской эпохи, найденные в Киеве. КС, т. XXII, Киев, 1888, июль, стр. 137; 2) Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889, стр. 7; А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, № 73, стр. 13 (автор утверждает, что после 1712 г. клад куда-то исчез).

Почти полтораста лет спустя после находки первого клада, в 1845 г., в Киеве, близ Кирилловского монастыря, был найден новый клад, необычный по своему составу. Клад, находившийся в глиняном сосуде, состоял почти из 200 медных восточных монет, древнейшая из которых выбита в Бухаре при аббасидском халифе Мансуре в 148 (765—766) г. Однако наряду с древними монетами в том же кладе были джагатайские монеты, битые также в Бухаре, но Менгу-кааном, т. е. в 651 (1253—1254) г. Таким образом, состав клада охватывал почти пять столетий, и клад был зарыт в землю не ранее 1253—1254 г., т. е. в пору монгольского владычества в Киеве, вследствие чего рассматривать его среди памятников интересующей нас поры нет оснований.[1] Нельзя не подчеркнуть, что среди колоссального количества куфических монет VIII—X вв., найденных на территории Восточной Европы и Прибалтики, находок медных монет не было. «На мусульманском Востоке, — по словам П. С. Савельева, — долго не знали никакой другой монеты, кроме диргема. Представителем меньших ценностей была мелкая медная монета „фельс". Она, разумеется, не выходила из пределов страны, и ни в одном кладе с куфическими монетами на Севере не вырыто доселе медных денег, так же как золотых».[2]

В 1851 г. при земляных работах, связанных с постройкой новой крепости, на уступе горы над Днепром, неподалеку от Аскольдовой могилы, солдатами был найден клад, состоявший из огромного количества (по П. С. Савельеву — более тысячи, по Н. Ф. Беляшевскому — две или три тысячи, по более раннему сообщению П. С. Савельева — несколько тысяч) серебряных куфических монет, находившихся в глиняном сосуде, который был разбит лопатой и не сохранился. Бóльшая часть монет разошлась по рукам и бесследно пропала для науки. Только незначительная часть клада попала в различные государственные и частные собрания, причем раздробление клада по различным коллекциям привело Н. Ф. Беляшевского к ошибочному выводу о том, что в 1851 г. в Киеве были найдены два клада куфических монет. В действительности 25 монет «второго клада 1851 г.», пожертвованных киевским губернатором И. Фундуклеем в Минц-кабинет Киевского университета, по-видимому, происходили из упомянутого клада, найденного при постройке новой крепости.

Некоторые, далеко не полные данные о составе клада 1851 г. дают те части его, которые оказались в различных частных и государственных коллекциях.

Шестьдесят монет из этого клада приобрел П. С. Савельев, это были: а) аббасидские диргемы, битые в Багдаде, Мухаммедии, Аббасии, Мах-аль-Куфе (Хама-

[1] П. С. Савельев. 1) О кладе с медными восточными монетами, найденном в 1845 г. близ Кирилловского монастыря в Киеве. ЗРАО, т. III, СПб., 1851, Переч. засед., стр. 69—70; 2) Сообщение о трех примечательных находках восточных монет в Киеве. ЗРАО, т. V, СПб., 1853, Переч. засед., стр. 57; 3) P. Savélieff. Monnaies coufiques en cuivre, trouvées à Kiew en 1845. Mémoires de la Société Imp. d'archeologie, t. V, 1851, стр. 71. — Н. Ф. Беляшевский. 1) Клады великокняжеской эпохи. . ., стр. 137; 2) Монетные клады Киевской губернии, стр. 10. См. также: В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. ЗРАО, т. VI, СПб., 1853, стр. 11, прим. 1.

[2] П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика. . ., стр. XXX.

дане), Бердаа (771—890); б) тагеридские диргемы, чеканенные в Шаше, Мерве и Самарканде (862—878); в) саманидские диргемы из Шаша, Самарканда и Балха (893—906).[1]

Двадцать пять монет из этого же клада были пожертвованы И. Фундуклеем Русскому археологическому обществу в Петербурге. По определению П. С. Савельева, это были: а) восемь аббасидских диргемов, битые в Багдаде, Аббасии, Самарканде, Нисабуре, в Мах-аль-Куфе и в Бердаа (776—891); б) одна тагеридская монета, битая в Мерве в 251 (865) г.; в) тринадцать саманидских диргемов, битые в Самарканде, Шаше, Балхе и Андерабе (897—906); г) три подражания саманидским диргемам, чеканенные, вероятно, в Булгаре.[2]

Двадцать пять серебряных куфических монет, по-видимому из этого же клада, были пожертвованы в том же году И. Фундуклеем в Минц-кабинет Киевского университета. По определению К. Страшкевича, это были монеты Аббасидов, Саманидов и, возможно, династии Омейядов. По словам К. Страшкевича, монеты были «большей частью одинакового штемпеля, но различных годов».[3]

Пять серебряных монет из Киевского клада 1851 г. в 1858 г. пожертвовал в музей Русского археологического общества С. П. Крыжановский. Они оказались саманидскими диргемами, битыми в Шаше и в Самарканде в 293 (905—906) г.[4] Один саманидский диргем, битый в Шаше в 292 (904—905) г., из того же клада был приобретен Дерптским музеем.[5] Один диргем, чеканенный в Андерабе в 293 (905—906) г., оказался в собрании Юзефовича (Киев).[6]

Значительная часть клада 1851 г. попала в нумизматическое собрание Эрмитажа. По описанию хранителя Отделения восточных монет и медалей акад. Броссе, коллекция состояла из 401 экз. серебряных монет, частью целых, частью в обломках. Древнейшая из них, халифа Омейядской династии Мер-

---

[1] P. Savélieff. Monnaies coufiques d'argent, trouvées a Kiew en 1851. Mémoires de la Société Imp. d'archéologie, t. V, 1851, стр. 397—398. — В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах, стр. 52—53. — А. Марков, ук. соч., стр. 13.

[2] П. С. С[авельев]. Куфические монеты из Киевского клада, поступившие в Музей Общества. ЗРАО, т. IV, СПб., 1852, Перeч. засед., стр. 121—122. — А. Марков, ук. соч., стр. 13.

[3] К. Страшкевич. Клады, рассмотренные в Минц-кабинете Университета св. Владимира с 1838 по 1866 г. Киев, 1867, стр. 28. — Н. Беляшевский. 1) Клады великокняжеской эпохи. . ., стр. 137; 2) Монетные клады Киевской губернии, стр. 12. В двух последних работах двадцать пять диргемов, попавших в Минц-кабинет, рассматриваются как отдельный клад.

[4] Протокол собрания Отделения восточной археологии РАО от 16 X 1858. ИРАО, т. I, вып. 6, СПб., 1859, стр. 391.

[5] Протокол собрания Отделения восточной археологии РАО от 8 I 1855. ИРАО, т. I, вып. 1, СПб., 1859, стр. 44. — А. Марков, ук. соч., стр. 14.

[6] P. Savelie w. Vierzehn unedirte Samaniden-Münzen. Mélanges asiatiques, tiré du Bulletin historico-philologique de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg, t. II, 4, СПб., 1855, стр. 399.

вана II, относится к 129 (746—747) г., за ней следует одиннадцать аббасидских монет, одна тагеридская (251 г.?) и много других.

Особого внимания заслуживает находка в кладе 1851 г., кроме монет, и некоторых ювелирных изделий.[1] По словам акад. Броссе, в сосуде с монетами было найдено «золотое запястье, состоящее из двух толстых скрученных вместе проволок, уменьшающихся в объеме к оконечностям, которые не соединены между собой, но только сближены и могут быть разогнуты для того, чтобы прошла между ними рука средней величины, скорее женской, нежели мужской».[2] В действительности в кладе 1851 г. было два золотых браслета; один из них поступил в музей при Киевском университете,[3] второй — в Эрмитаж. Оба браслета свиты из двух дротов, несколько утонченных к концам.

Несмотря на то, что дошедшие до нас части Киевского клада 1851 г. дают далеко не полное представление о нем, общий характер его все же до известной степени можно представить. Огромный клад 1851 г. состоял в основном из серебряных монет, древнейшие из которых относились к 129 (746—747) г., т. е. к середине VIII в. Однако эти древнейшие монеты клада отнюдь не определяют времени его зарытия, которое относится, по-видимому, не ранее чем к первой четверти X в., так как в кладе было немало монет, чеканенных не только в конце IX, но и в первое десятилетие X в.

В 1854 г. на территории Старого города при планировке площади для постройки Присутственных мест (ныне площадь Героев Перекопа) найдено 5 различного времени монет, среди которых, по определению К. Страшкевича, был один серебряный саманидский диргем.[4]

В 1863 г. в Подольской части Киева, на кладбище Иорданской церкви, на глубине около 1.5 м был найден еще один клад, состоявший из ста девяноста двух серебряных куфических монет, двух серебряных пластинчатых перстней с завязанными концами, круглой серебряной подвески, покрытой зернью, и небольшого куска серебряной проволоки. Клад находился в глиняном сосуде, разбитом в мелкие куски при обнаружении клада.

За исключением одного диргема (911—912 гг.), поступившего в Эрмитаж, Иорданский клад был целиком приобретен Минц-кабинетом Киевского университета,[5] откуда позже был передан в Киевский исторический музей, где находится и поныне.

Монетная часть клада, по определению Лерха, состоит из одного тагеридского диргема, чеканенного в Фарсе в 293 (905—906) г., и ста семидесяти восьми

[1] Нумизматическая находка в Киеве. ЖМНП, ч. LXXI, СПб., 1851, отд. VII, стр. 66.— Куфические монеты, найденные в Киеве и поступившие в имп. Эрмитаж. ЖМНП, ч. LXXIII, СПб., 1852, отд. VII, стр. 16—18.

[2] M. B r o s s e t. Notice sur les monnaies confiques, trouvée à Kieff et déposées à l'Ermitage imperial. Journal de St. Pétersbourg, 1851, № 1575.

[3] Архив ИИМК АН СССР, ф. АК, д. 59/1885 г., л. 79; фотоархив ИИМК, Q=516, № 39.

[4] К. С т р а ш к е в и ч, ук. соч., стр. 39. — Н. Ф. Б е л я ш е в с к и й. Монетные клады Киевской губернии, стр. 14. — А. М а р к о в, ук. соч., № 75, стр. 14.

[5] Архив ИИМК АН СССР, фонд АК, д. 6/1863 г., лл. 5—18.

саманидских диргемов, битых в Шаше, Самарканде, Нисабуре, Балхе, Андерабе, Пенджхире и Мерве в 895—936 гг.

В кладе находилось, кроме того, двенадцать подражаний саманидским диргемам Насра, сына Ахмеда, чеканенным в Самарканде.[1]

Клад был зарыт в землю, очевидно, не ранее середины X в.

Девять [2] монет Иорданского клада (904—925 гг.) имеют пробитые отверстия, а в двух случаях, кроме того, припаянные ушки для подвешивания. По-видимому, вместе с упомянутой выше круглой подвеской, украшенной зернью, эти монеты составляли некогда ожерелье. Возможно, что подвеска и монеты были нанизаны на тот кусок тонкой серебряной перегнутой проволоки, которая была найдена в том же кладе.

Серебряная тисненая, покрытая зернью круглая подвеска и пластинчатые с гравировкой серебряные перстни могут быть отнесены к началу X в., т. е., по-видимому, современны поздним монетам клада.

В 1878 г. на Подоле в усадьбе Марра, известной благодаря найденному там погребению X в., была найдена аббасидская монета, битая в Куфе в 142 (759) г., отделанная в виде медальона для ношения в составе ожерелья. Весьма вероятно, что монета происходит не из клада, а из погребения.[3]

В 1885 г. на горе за Воздвиженской церковью была найдена куфическая серебряная монета, переданная в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии.[4]

В 1889 г. па Подоле при земляных работах возле бани был найден большой клад куфических монет, бесследно пропавший почти целиком. Несколько монет этого клада были приобретены Д. Н. Чудновским, который и сообщил об этом А. Маркову.[5]

В 1913 г. в усадьбе проф. И. А. Сикорского (Б. Подвальная ул., д. 15), при нивелировочных работах в саду, на глубине 0.54 м был найден клад, состоявший из 2930 серебряных куфических монет общим весом около 8 кг и шести золотых браслетов, из них три гладких, с завязанными концами, два витых из двух дротов, также с завязанными концами, и один витой из трех пар дротов

---

[1] В. Т[изенгаузен]. О кладе куфических монет, найденном в Киеве в 1863 г. Древности. Археологический вестник, М., 1867, май—июнь, стр. 138—139. — В. Б. Антонович. Обозрение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве и ближайших его окрестностях и хранящихся в Музее древностей и в Минц-кабинете Университета св. Владимира. КС, т. XXII, Киев, 1888, июль, стр. 120. — Н. Ф. Беляшевский. 1) Клады великокняжеской эпохи. . ., стр. 137; 2) Монетные клады Киевской губернии, стр. 21—24. — В. Е. Данилевич. Монетные клады, принадлежащие Мюнц-кабинету Университета св. Владимира, I. Киев, 1892, стр. 3—5. — А. Марков, ук. соч., стр. 12.

[2] В. Тизенгаузен (ук. соч., стр. 138) упоминает восемь монет Иорданского клада, имеющих отверстия для подвески; в действительности их девять.

[3] Киевские губ. ведомости, 1878, № 16. — А. Марков, ук. соч., № 69, стр. 13.

[4] Изв. ЦАО при КДА за 1885 г., Киев, стр. 32. — Н. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии, стр. 42.

[5] А. Марков, ук. соч., № 71, стр. 13.

с концами, расклепанными в виде ромба, на котором выбиты треугольники и точки (табл. IV). Общий вес браслетов более 0.8 кг. Клад находился в медном котле, сверху залитом воском. Вскоре после обнаружения клад поступил в Археологическую комиссию, откуда 337 монет и браслеты были переданы в Эрмитаж, а остальные 2593 монеты возвращены владельцу усадьбы.[1] Основная часть монет (2458 экз. из 2930) представляет собой аббасидские диргемы, чеканенные между 132 и 287 (749—900) гг. Наиболее древней монетой клада является омейядский диргем, битый в 91 г. в Сабуре. Однако время зарытия клада определяется наиболее поздними монетами в нем. Это 117 саманидских диргемов, битых в Самарканде, Шаше и Нисабуре между 287 и 294 (900—907) гг. Кроме того, в кладе было 5 экз. варварских подражаний монетам Аббасидов, одна монета, чеканенная в 128 г. в Истахре приверженцами Аббасидов, и одна монета, чеканенная в 175 г. в Тудге.[2] По-видимому, клад был зарыт в середине X в.

Находки арабских монет продолжаются и поныне. В 20-х годах нашего столетия при прокладке подземных труб были найдены четыре диргема, которые, по определению Р. Р. Фасмера, оказались все чеканенными халифом Амином в Самарканде в 194 (809—810) г.[3]

В 1939 г. при раскопках в верхней части горы Киселевки был найден саманидский диргем 943 г.[4]

Более ста лет тому назад В. В. Григорьев, придававший огромное значение изучению кладов арабских монет, найденных на территории Восточной Европы, в качестве источника для изучения древнейшей отечественной истории, писал: «Подземные сокровища эти могут служить краеугольным камнем древнейшей истории нашего отечества. Это современники VII, VIII, IX, X и XI веков, над которыми невидимо пролетело тысячелетие, для которых десять столетий прошли как десять минут и которые выходят к нам из гробов свидетельствовать истину, не прибавляя, не убавляя ни единого слова; современники, сохранившие всю свою свежесть, которых мы можем разглядеть, ощупать, которые позволяют нам убедиться всеми чувствами, что они существенность, действительность, истина, а не призрак, не миф, не сказка, не анахронизм, не описка переписчика, не вставка позднейшего компилатора!».[5]

Клады и отдельные экземпляры восточных куфических монет, найденные в различных районах Киева, представляют драгоценный источник для изуче-

---

[1] Архив ИИМК АН СССР, ф. АК, д. 308/1913 г. — Археологическая находка. ИАК, Прибавл. к вып. 52, СПб., 1914, Арх. хрон., стр. 97. — ОАК за 1913—1915 гг. Пгр., 1918, стр. 198, 253.

[2] Обобщенная характеристика нумизматического состава клада сделана на основе определения монет, произведенного в Нумизматическом отделе Эрмитажа. Подробное описание клада см.: Архив ИИМК АН СССР, ф. АК, д. 308/1913 г.

[3] Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, II. Сообщения ГАИМК, II, Л., 1928, стр. 290.

[4] Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р., стр. 146.

[5] В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 150—151.

ния древнейшей истории города. Не раз предпринимались попытки исторического истолкования этих характерных находок.

Так, еще В. Антонович рассматривал эти клады как результат походов русских князей в Табаристан (880, 910 и 914 гг.) или же, что сам автор считал более правдоподобным, «как результат торговых сношений с нынешним Туркестаном, которые производились в IX и X столетиях, при посредстве камских Болгар».[1] Тот же автор считал, что находки киевских кладов восточных монет на склонах киевских гор или у подножия их (близ Иорданской церкви) наводят на мысль о средоточии городской жизни в X в. именно в этой местности.[2]

В другой, более поздней работе тот же автор рассматривал киевские клады куфических монет как свидетельство о наличии «обширной торговли» между Киевом и Туркестаном с конца VIII до начала X в.[3]

Несколько ранее А. Котляревский высказывал недоумение по поводу того, что редкость кладов арабских монет в южной Руси и в том числе в Киеве «как будто не согласуется с положительным известием арабского писателя Истахри (X в.), который прямо говорит, что булгарские купцы ходили до Кутабы—Куябы, т. е. Киева, и вообще с указанным у Савельева фактом, что Киев вел торговлю с Востоком».[4] В качестве единственного объяснения этой странной «неувязки» А. Котляревский выдвигал случайность находок и безызвестную гибель огромного количества кладов.

Для того чтобы с большей уверенностью решить, о чем же в действительности свидетельствуют киевские клады восточных монет, необходимо отнестись к этому драгоценному историческому источнику более критически, чем это делали раньше.

Необходимо прежде всего категорически отбросить распространенное до недавней поры убеждение, что киевские клады восточных монет охватывают период с конца VIII до начала X в. Как показано выше, никаких кладов VIII и даже IX в. в Киеве не было обнаружено. Отбросив клад 1706 и клад 1889 гг. за невозможностью уточнения их даты, отбросив клад 1845 г. как относящийся к поре монгольского владычества в Киеве (XIII в.), приходится установить, что наиболее известные нам по составу киевские клады восточных монет были зарыты: два не ранее первой четверти и один не ранее середины X в. Этот важный факт, подтверждающийся многочисленными наблюдениями за составом куфических монет в погребениях киевского некрополя (см. далее), вносит существен-

---

[1] В. Б. Антонович. О монетных кладах, найденных в Киеве и его окрестностях. ЧИОНЛ, кн. II, Киев, 1888, стр. 16.

[2] Там же.

[3] П. Я. Армашевский и В. Б. Антонович. Публичные лекции по геологии и истории Киева. Киев, 1897, стр. 40—42.

[4] А. К [отляревский]. Рец. на статью: К. Страшкевич. Клады, рассмотренные в Минц-кабинете Университета св. Владимира с 1836 по 1866 г. Университетские известия, Киев, 1866, № 10, стр. 1—38; № 11, стр. 1—30; № 12, стр. 1—42. Древности. Арх. вестник. М., 1867, январь—февраль, стр. 42.

ное уточнение в датировку киевско-среднеазиатских торговых связей, которые, судя по нумизматическим данным, более характерны для X, чем для IX и тем более VIII в.

Нельзя не подчеркнуть и другой особенности киевских кладов и отдельных находок восточных монет.

По сравнению с бассейнами Верхнего Поволжья, Оки, Приильменья и Верхнего Поднепровья, Киев, как и вообще Среднее Поднепровье, значительно беднее находками этого рода. Монетные и вещевые клады названных районов не только значительно более многочисленны, но и древнее по составу, что является неоспоримым свидетельством того, что основное направление восточной торговли в VIII—IX вв. не захватывало Среднего Поднепровья.

Торговые связи Киева и Среднего Поднепровья с Востоком, в первую очередь со Средней Азией, начали развиваться тогда, когда Волжский торговый путь уже давно был проторен и когда значение его уже начинало падать.

Топография кладов восточных монет, найденных в Киеве, позволяет решительно отбросить мысль В. Б. Антоновича о сосредоточении городской жизни в X в. у подножья Киевских гор, в районе находки Иорданского клада. Необходимо подчеркнуть, что даже если судить только по нумизматическим находкам, этот вывод не может быть подтвержден — наиболее крупные клады куфических монет были найдены на Печерске и в Ярославовом городе. Однако для решения вопросов исторической топографии Киева IX—X вв. в настоящее время основное значение имеют не случайные находки кладов, а результаты систематических археологических исследований остатков древних городищ и могильников на территории Киева.

Клады и отдельные находки византийских монет IX—X вв. в Киеве крайне редки. Известен один клад византийских монет, найденный в 1888 г. вблизи усадьбы Иванишева на Подоле. Клад состоял из девяти безымянных монет, приписывавшихся обычно Иоанну Цимисхию (969—976).[1]

Находки единичных экземпляров византийских монет также весьма немногочисленны. В 1843 г. близ Софийского собора была найдена византийская медная монета с изображением Христа, отнесенная также ко времени Иоанна Цимисхия.[2] Еще одна анонимная медная монета была найдена в 1882 г. в Кожемяках.[3]

---

[1] В. Б. Антонович. 1) О монетных кладах. . ., стр. 16; 2) Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 31. — Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии, стр. 49.

[2] Обозрение Киева в отношении к древностям, изд. И. Фундуклеем. Киев, 1847, стр. 92.— Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии, стр. 10. — В. Б. Антонович. Археологическая карта. . ., стр. 36.

[3] Монета была пожертвована находчиком в Церковно-археологический музей при КДА. См.: Известия Церковно-археологического общества при КДА за 1882 г. Киев, 1883, стр. 54; Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии, стр. 40; В. Б. Антонович. Археологическая карта. . ., стр. 32.

О находке возле Софийского собора византийского золотого солида Константина VII и Романа II (945—959) сообщал В. Б. Антонович.[1] Другой золотой солид Василия II и Константина VIII (976—1025) был найден в 1876 г. на Бессарабской площади.[2]

В 1894 г. на Киселевке была найдена серебряная византийская монета, оставшаяся без определения, но, судя по описанию В. В. Хвойки («на одной стороне человеческая голова, на другой византийский крест»), архаического типа.[3]

В 1899 г. в саду усадьбы Л. И. Бродского (Екатерининская ул., д. 9) при земляных работах был найден клад, состоявший из трех золотых браслетов, двух золотых слитков (монетных гривен новгородского типа), одного диргема и двенадцати золотых византийских монет (солидов). Среди них шесть монет относилось к первой половине XI в., а шесть — к X в.: одна — Никифора Фоки (963—969) и пять — Василия II и Константина VIII (976—1025).[4]

О немногочисленных находках византийских монет IX—X вв. в погребениях киевского некрополя подробно говорится ниже.

В 1883 г. на М. Владимирской ул., в усадьбе Н. Ф. Беляшевского, была найдена бронзовая монета Василия I, херсонесского чекана.[5] В 1908 г. на горе Киселевке был найден весьма интересный клад, целиком состоявший из бронзовых херсонесских монет второй половины IX и X вв.

Клад состоял из монет Василия I (867—868) — 28 экз., Василия I и Константина (869—879) — 2 экз., Романа I (919—944) — 5 экз., Романа II (и Василия?) (959—963) — 1 экз., Никифора Фоки (963—969) — 1 экз. Находка этого клада прошла незамеченной. Единственное известие о нем опубликовано почти сорок лет спустя.[6]

Монеты херсонесского чекана IX—X вв. известны среди случайных нумизматических находок и в некоторых других городах Киевской земли; так, по

---

[1] В. Б. Антонович. 1) О монетных кладах. . ., стр. 16; 2) Археологическая карта. . ., стр. 36. В. Б. Антонович отнес монету ко времени Константина X и Романа II, указав при этом годы их правления 948—959.

[2] В. Б. Антонович. 1) О монетных кладах. . ., стр. 16—17; 2) Археологическая карта. . ., стр. 39. В. Б. Антонович отнес монету ко времени Василия II и Константина XI, указав при этом годы их правления 975—1025. См. также: Н. Ф. Беляшевский Монетные клады Киевской губернии, стр. 39. Монета поступила в Минц-кабинет Киевского университета (№ 10496); В. Е. Данилевич, ук. соч., стр. 14.

[3] Опись вещей, присланных В. В. Хвойкой в Археологическую комиссию 29 VIII 1894. Архив ИИМК АН СССР, ф. АК, д. 122/1894 г., л. 5 об.

[4] Архив ИИМК АН СССР, ф. АК, д. 207/1899 г., лл. 1—11.

[5] Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии, стр. 41. — В. Б. Антонович. Археологическая карта. . ., стр. 38. Бронзовые монеты Василия I херсонесского чекана относятся к 867—868 гг. (см.: W. Wroth. Catalogue of the imperial byzantine coins in the British museum, v. II. London, 1908, стр. 442).

[6] Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р., стр. 146. Даты уточнены по книге: W. Wroth, ук. соч.

свидетельству В. Б. Антоновича, в Триполье (древний город Треполь) были найдены в значительном количестве отдельные монеты императоров Василия, Романа и другие, чеканенные в Херсонесе.[1]

Немногочисленность кладов и даже отдельных находок византийских монет IX—X вв. свидетельствует о том, что византийско-русские связи в эту пору были далеко не столь значительны, как это принято было думать еще недавно.

[1] В. Б. Антонович. О монетных кладах. . ., стр. 17.

Глава IV

КИЕВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ IX—X вв.

> Ни один из исследователей или описателей древностей Киева не обратил должного внимания на его курганы. Все сведения в этом отношении ограничивались слабыми намеками на могилы главных витязей, места погребения которых завещаны нам в воспоминаниях летописца. . .
>
> Я. Волошинский. 1862.

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КИЕВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Вплоть до 60—70-х годов XIX в. на территории Киева сохранились сотни древних курганов. Я. Волошинский, один из первых киевских археологов, заинтересовавшийся этими памятниками, в докладе, прочитанном в декабре 1865 г. на заседании Московского общества естествознания, антропологии и этнографии, сообщал: «Собственно в киевской местности курганы расположены отчасти в самом городе (и преимущественно в местах, заселенных не более трех десятков лет тому назад), отчасти же в его предместьях, хуторах, дачах или на пустопорожних доныне отлогостях Днепровских гор. Число всех этих курганов в этой местности простирается до двухсот восьмидесяти. Из этого количества только пятнадцать можно отнести к системе изолированных могил. . . все же остальные составляют то большие, то меньшие, отчасти поросшие лесом группы».[1]

Я. Волошинский, исполнявший обязанности хранителя Минц-кабинета при Киевском университете св. Владимира, был одним из первых исследователей киевских курганов. Задачу изучения киевского некрополя он понимал достаточно серьезно и выполнял ее энергично и с энтузиазмом.

---

[1] Я. Волошинский. Киевские курганы. ИОЛЕАЭ, т. XX, кн. 2, вып. 1, М., 1876, стр. 16 (протокол заседания 22 XII 1865).

Я. Волошинский справедливо обращал внимание различных киевских ученых обществ и организаций на то, что ни один из исследователей или описателей древностей Киева не заинтересовался его курганами. «Все сведения в этом отношении, — писал он, — ограничивались лишь слабыми намеками на могилы главных витязей, места погребений которых завещаны нам в воспоминаниях летописца».[1] Я. Волошинский объяснял это положение не равнодушием местных археологов и не недостатком правительственных средств, отпускаемых на археологическое изучение Киева. Он считал, что невнимание к киевским курганам объясняется тем, что «вопросы о важности курганографических выводов для археологии и истории вообще лишь только в последнее время вошли осязательно на план науки».[2] Летом 1862 г. Я. Волошинский, занимавшийся до того изучением различных курганов в пределах Киевского уезда, предложил Киевской комиссии по разбору древних актов «сделать поверку внутреннего содержания некоторых киевских курганов с помощью разрытий» и, получив от Комиссии ассигнованные для этой цели 90 руб. серебром, произвел раскопки курганов в урочище Батыева могила и в сопредельных местностях.[3]

В большом курганном могильнике, существовавшем в 60—70-х годах прошлого столетия на западной окраине современного города, на правом гористом берегу Лыбеди, в урочище Батыева могила, насчитывалось в ту пору свыше двухсот курганов, из которых около двух десятков Я. Волошинский подверг тогда раскопкам. К сожалению, ни отчет, ни полевая документация этих раскопок не были опубликованы, а материал из раскопок бесследно пропал, за исключением инвентаря большого кургана. Курган этот содержал погребение с сожжением. Кальцинированные человеческие кости находились в большом глиняном сосуде грубой выделки, с широким горлом и отогнутым венчиком, с рядом круглых отверстий по нему.[4]

Всего на территории Киева Я. Волошинский раскопал свыше полусотни курганов.[5] Основной вывод, изложенный самим исследователем в докладе об итогах раскопок, заключался в том, что киевские курганы «нимало не татарские побоища, как думали вообще и как гласит о них большая часть местных преданий, и не укрепления или шаньцы (как думал ранее сам автор), но мирные туземные кладбища, из коих некоторые могут быть относимы и к глубокой древности, но все же к тому времени, когда христианская религия изменила уже понятия

---

[1] Об археологических занятиях хранителя Минц-кабинета Волошинского. Краткий отчет по Университету св. Владимира за 1861/62 уч. год. Университетские известия, Киев, 1862, № 9, стр. 59.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 59—60. — Я. Волошинский, ук. соч., стр. 20.

[4] Каталог выставки XI археологического съезда в Киеве. Киев, 1899, стр. 89—90, №№ 75—85; ср.: В. Б. Антонович. Обозрение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве и ближайших его окрестностях и хранящихся в Музее древностей и в Мюнц-кабинете Университета св. Владимира. КС, т. XXII, Киев, 1888, июль, стр. 120.

[5] Я. Волошинский, уч. соч., стр. 19.

о загробной жизни, хотя по местам и не вытеснила совершенно всех обычаев язычества».[1]

В 70-х годах прошлого века хищнического характера раскопки киевских курганов производил киевский коллекционер Т. В. Кибальчич. На Антропологической выставке в Москве было экспонировано 22 черепа из раскопанных им курганов. Черепа сопровождались кратким описанием обстоятельств и места находок. Из этих описаний явствует, что многочисленные древние погребения уже в ту пору были обнаружены в усадьбе Трубецкого, впоследствии неоднократно служившей плацдармом археологических раскопок крупного масштаба.

По словам Т. Кибальчича, на древнем кладбище в усадьбе Трубецкого «костяки лежали главным образом от С и СЗ к Ю и ЮВ; попадались также костяки в сидячем положении и сожженные, а при них погребальные урны древнейшей формы, серебряные серьги так называемого киевского типа, и посуда, относящаяся к великокняжескому периоду Киева».[2]

На выставке были также представлены четыре черепа из раскопок Т. Кибальчича на Верхней Юрковице (древнее урочище Киева, над р. Глубочицей). По словам Т. Кибальчича, в могилах на Верхней Юрковице было по нескольку костяков без признаков каких бы то ни было вещей.[3]

Чрезвычайно интересные древние языческие погребения были обнаружены в 70-х годах прошлого столетия в окрестности Иорданской церкви в Плоской части Киева, в усадьбе купца Марра. Усадьба эта занимала целый квартал, ограниченный Кирилловской ул., Богословским и Иорданским переулками и Крутой горой, на которой расположен Лукьяновский район города. При планировке усадьбы в связи с постройкой нового здания были открыты кирпичные фундаменты обширного здания, построенного не позже первой половины XVII в. и уничтоженного пожаром в XVII или XVIII в. На уровне подошвы фундаментов, в незначительном расстоянии от них, были найдены четыре древних погребения, инвентарь которых был частично пожертвован владельцем усадьбы в Музей Киевского университета. Тогда же было установлено, что здание XVII в. выстроено на месте древнего могильника, по-видимому, в значительной части уничтоженного при закладке фундаментов этой постройки.[4]

Напомним, что усадьба, в которой были открыты остатки древнего могильника, расположена по соседству с Иорданским кладбищем, где в 1863 г. был найден описанный выше клад серебряных куфических монет.

В этом же районе города в усадьбе Риккерта в начале 90-х годов при земляных работах по планировке было открыто еще одно погребение с богатым инвентарем, подаренным владельцем усадьбы французскому археологу барону де Бай,

---

[1] Там же, стр. 20.

[2] Антропологическая выставка, т. II. М., 1878, Протоколы, стр. 97—98.

[3] Там же, стр. 98.

[4] В. Б. Антонович. 1) Археологические находки и раскопки в Киеве и в Киевской губернии в течение 1876 г. ЧИОНЛ, кн. I, Киев, 1879, стр. 250—251; 2) О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве. Тр. IV АС в Казани (1877), т. I, Казань, 1884, отд. 1, стр. 42—43.

который пожертвовал его позже через Археологическую комиссию в Московский исторический музей.[1]

Значительное количество древних киевских погребений было обнаружено в 1892 г. в усадьбе инженера Я. Кривцова (бывш. Трехсвятительская ул., ныне ул. Жертв революции, д. 23).[2] Ранней весной 1892 г. в связи с постройкой нового дома в усадьбе производились весьма значительные земляные работы с целью понизить площадь усадьбы до уровня улицы. Наблюдения за этими работами взял на себя с согласия владельца усадьбы киевский археолог-любитель И. Хойновский.

Ни о каких «раскопках» в собственном смысле, разумеется, не могло быть и речи. По словам И. Хойновского, «земля снималась не послойно, а сразу вся четырехаршинная ее высота. Двадцать человек землекопов становились в ряд на высоте края земли, ломами откалывали на аршинном пространстве промерзший верхний слой, потом снимали его вглубь до уровня улицы, выкидывая землю прямо в ящики грабарок».[3] «Вооружась каждое утро кошельком с мелким серебром и кредитками», исследователь собирал от землекопов замеченные ими находки, расплачиваясь пятиалтынными и двугривенными за приносимые ему вещи.

Наблюдая с особым вниманием за участком, где появлялись человеческие кости, И. Хойновский в этих исключительно трудных условиях сумел обнаружить более пятидесяти погребений, значительная часть которых относилась к древнейшей языческой поре истории Киева. Сам И. Хойновский не понял огромного научного значения открытых им погребений, рассматривая большую часть их как христианское кладбище при Андреевском Янчине монастыре. Однако, поскольку все погребения были довольно подробно описаны, а многие вещи из них опубликованы в удовлетворительных зарисовках, результаты наблюдений И. Хойновского представляют и поныне значительный интерес для исследователя киевского некрополя.

В 90-х годах прошлого столетия обследованием и раскопками курганов, расположенных на взгорьях вдоль Кирилловской ул., занимался В. В. Хвойка. Им были проведены раскопки курганов в усадьбах: Зарембских (Кирилловская ул., дд. 71), Зивала и Багреева (Кирилловская ул., дд. 59—61), художника С. И. Светославского (Кирилловская ул., д. 81) и в других местах. Раскопками были обнаружены разнообразные типы погребений, в частности немногочисленные сравнительно с остальными погребения с трупосожжением.[4]

---

[1] De Baye. Sépulture du X siècle á Kiev. Extrait de Memoires de la Société nationale des Antiquaires de France, t. LV, Paris, 1896. Подробное описание инвентаря этого погребения см.: Л. Голубева. Киевский некрополь. МИА, № 11, М.—Л., 1949, стр. 108.

[2] Усадьба Кривцова составляла до 1892 г. часть известной усадьбы Трубецкого.

[3] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весною 1892 г. Археологически-историческое исследование. Киев, 1893, стр. 2.

[4] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 53—57.

Широко развернувшимися в 1907—1908 гг. раскопками того же исследователя в усадьбе Петровского (Верхний Киев, Б. Владимирская ул., д. 2) наряду с открытием мастерских, жилищ, княжеских дворцов и других замечательных комплексов XI—XIII вв. были обнаружены также и погребения различных эпох, в частности несколько древнейших погребений с трупосожжением.[1]

К сожалению, ни отчетов, ни полевой документации раскопок всех этих погребений не сохранилось, а в упомянутой популярной книжке автора, посвященной итогам его раскопок в Киеве, интересующие нас погребения описаны лишь крайне суммарно. Хранящийся в Киевском историческом музее инвентарь из погребений не расчленен по комплексам и потому не может восполнить отсутствующей полевой документации.

Археологическими раскопками развалин Десятинной церкви и окружающей ее территории, начатыми по инициативе Археологической комиссии в 1908 г. и проводившимися под руководством Д. В. Милеева вплоть до 1914 г., помимо многочисленных погребений, относящихся к XI—XIII вв., были обнаружены и значительно более древние погребения, относящиеся ко времени до постройки Десятинной церкви князем Владимиром. Эти погребения обнаруживались в чистом материковом лёссе, на значительно большей глубине, чем все остальные. Они лежали обычно приблизительно на 0.5 м глубже заложения фундаментов храма, почему при земляных работах для закладки фундаментов церкви оказались срытыми только верхние части могил, а костяки остались непотревоженными. Многие из этих погребений были открыты под деревянными субструкциями фундаментов храма, что с несомненностью доказывало бóльшую древность погребений по сравнению с храмом.[2] Все эти погребения обнаруживались обычно в прямоугольных грунтовых ямах в деревянных, сколоченных большими железными гвоздями гробовищах, несколько суживающихся к ногам. Обычно костяки лежали головой на З, иногда на СЗ.[3]

Изучение вертикальных разрезов могил лишь редко давало возможность установить древний уровень поверхности земли, современный погребениям. Обычно эта поверхность была нарушена как земляными работами при постройке древней Десятинной церкви, так и более поздними перекопами. Однако еще раскопками 1908 г. было установлено, что грунтовые ямы закладывались на глубину около 1.5 м от древней поверхности. Костяки, сохранившиеся в этих могилах, обычно удавалось обнаруживать на глубине 3—3.5 м и даже 3.8 м от уровня современной поверхности земли.[4] Эти наблюдения Д. В. Милеева полностью подтвердились впоследствии нашими раскопками 1938—1939 и 1948 гг.

---

[1] Там же, стр. 56.

[2] ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 149. — С. Вельмин. Археологические изыскания Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева. ВИВ, Киев, 1910, № 7—8, стр. 136—139.

[3] ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 149.

[4] Там же, стр. 151—152.

Несмотря на специально архитектурные интересы исследователя, все погребения были раскопаны чрезвычайно тщательно и в отношении некоторых была сделана попытка датировки. К сожалению, описания значительной части этих погребений (за исключением раскопок 1908 и 1911 гг.) остались неопубликованными, полевая документация после смерти Д. В. Милеева в 1914 г. почти полностью пропала, а вещевой материал в значительной части пролежал неразобранным вплоть до 1939 г., когда в ящиках с депаспортизованными материалами киевских раскопок ряда лет пришлось провести новые «раскопки». Многие погребения, открытые в 1909—1910 и 1912—1914 гг., известны только по информациям киевских газет.

Д. В. Милеев, конечно, не ставил перед собой задачи специального изучения открытых им погребений, и его краткие информации о некоторых погребениях, раскопанных в 1908 и 1911 гг., обычно дальше перечня найденных предметов не шли. Исключительное научное значение этих погребений не было оценено ни самим Милеевым, ни другими исследователями.

В 1926—1927 гг. в усадьбе В. Трубецкого, неподалеку от места раскопок И. Хойновского, были проведены новые раскопки под руководством С. С. Гамченко, который открыл несколько древних погребений (из них одно — конское), представляющих значительный интерес для изучения древнейшего киевского некрополя.

Краткий отчет о раскопках, опубликованный С. С. Гамченко,[1] и сохранившиеся в Архиве Института археологии АН УССР дневники раскопок 1926—1927 гг. позволяют с достаточной полнотой восстановить раскопанные погребальные комплексы. Все погребения обнаружены в грунтовых могильных ямах, вырытых в лёссовом материке на глубину от 1.45—1.98 м. По обряду все погребения принадлежат к одному типу, однако могут быть подразделены на две группы, различающиеся по устройству могил.

Раскопками Киевской археологической экспедиции АН УССР, широко развернувшимися в 1936—1937 гг. на территории усадьбы Художественной школы (бывшей усадьбы Петровского и Десятинной церкви), к северу и к югу от развалин Десятинной церкви были открыты еще несколько погребений довладимировой поры, среди которых особый интерес представляют два богатых погребения в срубах. Одно из них, в котором вместе с дружинником-воином была погребена рабыня и боевой конь, исследователи без каких-либо к тому оснований окрестили «варяжским».[2]

Среди многочисленных разновременных погребений, открытых под развалинами Десятинной церкви раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР под руководством автора в 1938—1939 и

---

[1] С. Гамченко. Розкопи 1926 р. в Києві. Коротке звідомлення за 1926 р. Київ, 1927, стр. 27—29.

[2] М. Ячменьов и Ф. Молчанівський. Нові археологічні розкопки у Києві. «Соціалістичний Київ», Київ, 1936, стр. 57—60.

1946—1948 гг., было четыре погребения интересующей нас поры.[1] Все эти погребения относятся также к периоду, предшествующему постройке церкви, т. е. старше 989 г.; три из них были открыты под уровнем деревянных субструкций, на которых были возведены фундаменты церкви 989 г. Фундаменты здания не повредили погребений, если не считать того, что для постройки церкви были уничтожены наземные курганные насыпи, которые некогда высились над могилами. Одно из раскопанных в 1938—1939 гг. погребений принадлежало к группе богатых дружинных погребений в деревянном срубе. Вместе с погребенным был положен в могилу его боевой конь.

Парное погребение дружинника с рабыней, также в деревянном срубе, было обнаружено нашими раскопками 1946 г. в усадьбе д. 4 по Б. Житомирской ул.[2]

Тщательное изучение многочисленных древних погребений, раскопанных или случайно обнаруженных при земляных работах в различных районах Киева, позволило реконструировать своеобразный облик киевского некрополя древнейшей эпохи с достаточной степенью полноты.

Систематизация сведений о случайных находках более чем за 100 лет, изучение отчетов и полевой документации археологических раскопок последнего пятидесятилетия и, наконец, исследование погребального инвентаря, сохранившегося в различных музейных собраниях Киева, Москвы, Ленинграда и Харькова, позволили восстановить около полутораста погребений древнейшей эпохи, не считая многочисленных погребений XI—XIII вв.

Несмотря на то, что степень сохранности этих погребений весьма различна, несмотря на то, что для многих из них и погребальный обряд и в особенности погребальный инвентарь удалось восстановить далеко не полностью, киевский некрополь, подобно некрополям Чернигова и Смоленска, выступил в качестве одного из важнейших исторических источников для изучения древнейшего периода истории города.

Основные итоги этого исследования были изложены в нашиу докладах на заседании Ученого совета Института археологии АН УССР 27 II 1939 и на Пленуме ИИМК АН СССР 20 IX 1939.[3] Десять лет спустя, в 1949 г., в т. I «Материалов и исследований по археологии древнерусских городов» была опубликована небольшая статья Л. А. Голубевой «Киевский некрополь»,[4] представляющая попытку классификации известных по печатным изданиям погребений IX—XIII вв., обнаруженных на территории Киева. Л. А. Голубева делит киевские

---

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева (1938—1947 гг.). Киев, 1950, стр. 82—93; см. также: М. К. Каргер. Погребение киевского дружинника X в. КСИИМК, V, 1940, стр. 72—89.

[2] М. К. Каргер. 1) Археологические исследования древнего Киева, стр. 182—184; 2) Розкопки у Києві в 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 14—15; 3) Киевская экспедиция (1946 г.). КСИИМК, XXI, 1947, стр. 39.

[3] М. К. Каргер. Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным. Доклад на Пленуме ИИМК АН СССР. КСИИМК, I, 1939, стр. 9—10.

[4] Л. А. Голубева. Киевский некрополь, стр. 103—118.

погребения на пять групп: погребения с трупосожжением, погребения IX—X вв. в грунтовых могилах, погребения IX—X вв. в срубных гробницах, погребения конца X—XI вв. и погребения XI—начала XIII в. Классификацию эту нельзя признать удачной. Основным признаком для определения первых трех групп является в одном случае обряд погребения (сожжение), в двух других — устройство могилы. Погребения, относящиеся к одной социальной группе, оказываются в разных рубриках классификации и дают основания для неверных выводов при суммарной характеристике погребального инвентаря. В основу определения двух последних групп положен признак хронологии.

Замечательный погребальный инвентарь киевского некрополя не был подвергнут Л. А. Голубевой серьезному исследованию; автор ограничился кратким перечнем находок. Хронологические атрибуции отдельных погребений основаны на неверных предпосылках и потому ошибочны.

2. ТОПОГРАФИЯ КИЕВСКОГО НЕКРОПОЛЯ. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПОГРЕБЕНИЙ

Подробно описанные ниже погребения, обнаруженные на территории древнего Киева, несмотря на хронологическую близость их между собой, отнюдь нельзя рассматривать как части какого-то единого грандиозного некрополя. Предлагаемое ниже деление на два могильника, один из которых объединяет погребения, расположенные на огромной территории Верхнего Киева, а второй — погребения на взгорьях, тянущихся над Кирилловской ул. (ныне ул. Фрунзе), следует рассматривать лишь как предварительное, вызванное необходимостью первичной систематизации материала. Обе указанные территории настолько велики, и в то же время группы погребений, открытые на этих территориях, столь разобщены одна от другой, что рассматривать оба могильника как исторически сложившиеся целостные комплексы можно лишь условно.

Присмотримся внимательнее к топографии могильника на территории Верхнего Киева. Основная часть его несомненно была расположена к юго-востоку от рва, ограждавшего древнейшее Киевское городище на Андреевской горе. Вплоть до конца 80-х годов X в., когда при Владимире Святославиче здесь началось строительство Десятинной церкви и каменных княжеских дворцов, весьма значительная площадь к юго-востоку от рва была сплошь занята сотнями больших и малых курганов, снесенных перед постройкой Десятинной церкви. Восточную границу территории могильника установить трудно. По-видимому, погребения располагались по всей площади будущего «города Владимира». Об этом свидетельствуют не только сплошь занятые древними могилами бывшие усадьбы Трубецкого (Владимирская ул., д. 1) и Кривцова (ул. Жертв революции), но и находка в 1946 г. замечательного парного погребения в срубе в усадьбе д. 4 по Б. Житомирской ул.

Отдельные древние погребения с сожжением были обнаружены и на территории Михайловского Златоверхого монастыря.

Вплоть до 30-х годов XI в., т. е. до начала строительства нового грандиозного архитектурного ансамбля Ярославова города, к югу и юго-западу от «города Владимира» находилось «поле вне града», где незадолго до закладки собора Софии киевские полки встретились с печенегами. Во времена более древние здесь высились огромные курганы. Один из них, связываемый преданием с именем князя Дира, существовал еще во времена летописца, который упомянул этот курган, повествуя о смерти Аскольда и Дира. О том, что «Дирова могила», находившаяся, по словам летописца, «за святою Ориною», не была здесь единичным могильным сооружением, свидетельствуют открытые в 1878 г. и в 90-х годах XIX в. богатые погребения на Софийском дворе.

Богатейшее погребение дружинника, случайно обнаруженное в 1900 г. на углу Рейтарской и М. Владимирской улиц, подтверждает догадку о том, что «поле вне града» тоже было занято в IX—X вв. могильником. Трудно сказать, был ли этот могильник также связан с городищем на Андреевской горе, составляя одно целое с могильником, примыкавшим ко рву древнего городища, или же его следует рассматривать в какой-либо иной связи.

Могильник на Кирилловских взгорьях несомненно примыкал к городищу, расположенному некогда над Иорданской церковью. Но и в данном случае трудно решить, все ли многочисленные курганные группы, расположенные вдоль Кирилловской ул. (ныне ул. Фрунзе), начиная от Верхней Юрковицы и вплоть до Кирилловского монастыря, следует связывать с этим городищем или же наиболее удаленные из них представляли часть самостоятельного могильника, связанного с неизвестным нам поселением в районе Дорогожичей. Признавая условность предложенного выше членения, в дальнейшем при описании и анализе погребений мы рассматриваем их в составе двух комплексов, именуя первый из них — могильник на территории Верхнего города — могильником I, а второй — могильник на взгорьях вдоль Кирилловской ул. — могильником II.

В составе киевского некрополя в числе погребений с трупосожжением Л. А. Голубева, ссылаясь на книгу А. Захарченко «Киев теперь и прежде», упоминает еще одну группу погребений на территории Ярославова города (между Прорезной и бывш. Фундуклеевской ул. и на бывш. Елисаветинской ул.). Здесь, по ее словам, на территории обширного и весьма древнего кладбища с трупоположениями, были найдены «горшки с сожженными костями, поставленными в грунтовые могилы».[1]

В действительности вопрос этот значительно сложнее. Как сообщает П. Полевой, при земляных работах, предпринятых в 1874 г. для расчистки места между Прорезной и Фундуклеевской улицами (ныне ул. Свердлова и ул. Ленина), случайно наткнулись на обширное и весьма древнее кладбище. Судя по множеству скелетов, которые уже и до этой находки были найдены в разное время у развалин так называемой Ирининской церкви, а также близ Миниховского

[1] Л. А. Голубева, ук. соч., стр. 105.

вала и на Елисаветинской (ныне Пушкинской) ул., кладбище это занимало весьма обширное пространство.[1] Однако характер погребального обряда, насколько о нем можно судить по очень беглому описанию, позволяет думать, что открытые здесь захоронения отнюдь не могут быть отнесены к составу киевского некрополя IX—X вв. По словам П. Полевого, в некоторых погребениях «найдены были только кругловатые, просверленные посередине камни вели-

Рис. 15. Два фрагмента греческих амфор с клеймами, найденные в могильнике на Прорезной ул.

чиной в кулак; при многих — бусы из красного (овручского) шифера».[2] По-видимому, речь идет о погребениях весьма глубокой древности.

Особый интерес представляет другая группа погребений. Могилы этой группы были вырыты в виде небольших пещерок, в которых под низким сводом поставлены горшки с пеплом и обожженными костями. Свод и боковые стенки этих могил были начисто вымазаны глиной, и обмазка эта обожжена.[3] Некоторые предметы, найденные на Прорезной ул., фигурировали на выставке, устроенной к Археологическому съезду в Киеве. К сожалению, из краткого перечня их в каталоге выставки трудно уяснить характер этих вещей, среди которых упоминаются куски распиленных оленьих рогов, оселок из песчаника, трина-

[1] П. Полевой. Очерки русской истории в памятниках быта, т. II. СПб., 1880, стр. 6.
[2] Там же.
[3] Там же.

дцать пряслиц разного вида из розового и фиолетового сланца (не бусы ли, о которых была речь выше?), глиняное грузило, серьга из серебряной проволоки.[1]

В каталоге выставки упоминаются, кроме того, два куска глиняных амфор с клеймами. Эти два фрагмента удалось разыскать среди коллекций Киевского исторического музея (рис. 15). Они представляют собой обломки византийских амфор с клеймами, на одном из которых читается имя мастера (Γεωργιος).

Рис. 16. Глиняный сосуд салтовского типа.

Характер устройства могил «в виде пещерок, под низким сводом которых поставлены горшки с пеплом и обожженными костями», позволяет высказать предположение: не было ли здесь какого-то могильника салтовского типа? Что такое предположение не лишено оснований, подтверждает находка на территории Киева погребения, при котором обнаружен горшок, сходный с керамикой Верхне-Салтовского могильника (рис. 16).[2] При этом следует подчеркнуть, что для погребений салтовского типа характерно трупоположение, а не сожжение.

Для того чтобы древние погребения, обнаруженные разновременными раскопками или случайными земляными работами в различных районах современного Киева, использовать в качестве полноценных исторических источников, необходимо не только с возможной полнотой учесть все памятники этого рода, но и попытаться с доступной тщательностью восстановить состав погребального инвентаря и характер погребального обряда каждого из этих погребений в отдельности. Как явствует из кратко изложенной выше истории изучения киевского некрополя, задача эта нелегка. Многие погребения были обнаружены не специальными археологическими раскопками, а при различных случайных земляных работах; сообщения о находках такого рода либо очень

[1] Каталог выставки XI археологического съезда в Киеве. Киев, 1899, стр. 96—97, №№ 271—293.

[2] І. М. Самойловський. Слов'янский могильник у Києві над Дніпром. Археологія, т. III, Київ, 1950, стр. 181.

кратки, либо преисполнены фантастическими домыслами, которые порой нелегко отделить от фактов. Многие погребения, раскопанные квалифицированными исследователями (Д. В. Милеев, В. В. Хвойка), в значительной мере обесценены отсутствием отчетной документации раскопок и депаспортизацией добытых материалов.

Характеристика состава погребального инвентаря и реконструкция погребального обряда каждого погребения в отдельности позволяет вместе с тем наметить и основные принципы общей классификации. Погребальные комплексы обоих киевских могильников отчетливо членятся на две группы, выразительно различающиеся между собой по богатству инвентаря и большей или меньшей сложности погребального обряда. К первой группе нами отнесены многочисленные погребения с более или менее бедным инвентарем и несложным, но устойчивым обрядом захоронения (ингумацией), подробно охарактеризованным ниже. По характеру погребального инвентаря к этой группе можно было бы отнести и достаточно многочисленные (особенно в могильнике II) погребения с сожжением. Однако ввиду резкого различия самого обряда эти погребения рассматриваются как самостоятельный подраздел первой группы.

Ко второй группе отнесены не столь многочисленные погребения обоих могильников, характеризующиеся не только исключительно богатым и разнообразным инвентарем, но и своеобразным погребальным обрядом и, в частности, значительно более сложным устройством могильных сооружений в виде деревянных камер различных конструкций. В составе этой группы, как явствует из детального изучения отдельных погребений, несомненно можно наметить ряд вариантов, отличающихся по степени сложности погребального обряда, что не мешает, однако, объединять эти погребения в одну группу. В качестве самостоятельного подраздела этой же группы рассматриваются немногочисленные погребения с сожжением, богатый характерный инвентарь которых не отличается от инвентаря других погребений этой группы.

3. РЯДОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КИЕВСКОГО НЕКРОПОЛЯ (ТРУПОПОЛОЖЕНИЯ)

Могильники IX—X вв., расположенные у древнерусских городов — Киева, Чернигова, Смоленска, нередко изображались как аристократические кладбища дружинной знати, а самая знать к тому же рассматривалась с позиций более или менее откровенного норманизма.[1] Такое понимание древнерусских городских некрополей IX—X вв. глубоко ошибочно, оно искажает подлинное значение этих памятников в качестве важнейших исторических источников по древнейшей истории русского города. Причина такой искаженной интерпре-

[1] T. A r n e. 1) La Suède et l'Orient. Upsal, 1914; 2) Scandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine. Acta archaeologica, II, 3, Kobenhavn, 1931, стр. 285—302. — А. А. С п и ц ы н. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 7—8.

тации древнейших некрополей русских городов понятна. Основное внимание исследователей при раскопках этих могильников и особенно во всех попытках интерпретации их привлекали огромные по величине и богатейшие по составу погребального инвентаря курганы. При публикации материалов раскопок роскошно выполненные таблицы эффектных вещей из этих же наиболее богатых погребений оттесняли на задний план или вытесняли вовсе немногочисленные находки в малых курганах, число которых в сотни раз превосходит крупные, богатые курганы. Создавалась неверная, не отражавшая действительного положения картина, которая в свою очередь использовалась для подкрепления ошибочных исторических концепций.

Тщательно систематизированные материалы киевского некрополя, несмотря на случайность и неполноту их, позволяют восстановить подлинное значение этого драгоценного источника для понимания древнейших страниц истории города. На материалах киевского некрополя в большей мере, чем на материалах Гнездовского могильника или группы могильников Чернигова, отразилось охарактеризованное выше увлечение лишь наиболее эффектными по составу находок погребениями. Поскольку древние киевские погребения, расположенные в черте современного города, открывались нередко при случайных земляных работах, внимание привлекали лишь наиболее яркие и особенно драгоценные находки. Рядовые погребения с бедным инвентарем разрушались десятками, если не сотнями, без какой-либо научной регистрации их. Несмотря на это, соотношение между богатыми по инвентарю и скромными рядовыми погребениями отнюдь не свидетельствует об аристократическом характере киевского некрополя.

Наиболее значительная группа рядовых погребений была открыта в 1908—1911 гг. раскопками Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви и на участках, примыкающих к ней (усадьба Трубецкого, Владимирская ул., д. 1; усадьба Крестьянского банка, ныне усадьба Главного телеграфа, Владимирская ул., д. 10).

К сожалению, опубликованные Д. В. Милеевым отчеты не только чрезмерно кратки, но и охватывают далеко не весь комплекс раскопанных им погребений. Многие из них, как отмечалось выше, пришлось реконструировать по случайным, недостаточно квалифицированным информациям киевской прессы. Важнейшим подспорьем в решении этой нелегкой задачи было изучение погребального инвентаря, обнаруженного среди депаспортизованных археологических материалов в складе древностей ГАИМК, унаследовавшей не распределенные по музеям остатки археологических коллекций бывшей Археологической комиссии.

Еще одна значительная группа массовых погребений была открыта в 1926 г. раскопками С. Гамченко в уже упомянутой усадьбе Трубецкого. В непосредственном соседстве с этой усадьбой расположена бывшая усадьба Кривцова, где еще в 1892 г. несколько аналогичных погребений обнаружил И. Хойновский.

Несколько погребений этого типа было открыто нашими раскопками 1938 и 1948 гг. под фундаментами Десятинной церкви и неподалеку от них.

Очень значительная группа рядовых погребений была обнаружена раскопками разных лет в составе могильника II на взгорьях, тянущихся вдоль Кирилловской ул. (ныне ул. Фрунзе). Однако только немногие из них могут быть охарактеризованы отдельно. Большей части этих погребений можно дать лишь суммарные характеристики.

При описании погребений отмечается по возможности: 1) точная дата раскопок каждого погребения, 2) руководитель раскопок, 3) точное местоположение погребения, 4) характер погребального обряда и особенно устройство могильного сооружения, 5) погребальный инвентарь и размещение его в погребении, 6) источники и библиография.

Всем погребениям киевского некрополя, за исключением тех, сведения о которых почерпнуты из суммарных описаний, не позволяющих охарактеризовать отдельные погребения, присвоена общая порядковая нумерация.

Погребение 1. Обнаружено в 1908 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 2/1908 г.), к востоку от новой церкви, в грунтовой могиле, на глубине 3.80 м от уровня современной поверхности. Размеры деревянного гроба: длина 1.90 м, ширина у изголовья 0.47 м, ширина у ног 0.40 м, толщина досок 0.02 м. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на З, обе руки согнуты к плечам. У костяка возле тазовых костей лежали с правой стороны небольшой железный ножичек с костяной ручкой и железное кольцо.[1]

Погребение 2. Обнаружено в 1908 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 3/1908 г.), к востоку от новой церкви, в грунтовой могиле, на глубине 2.85 м от современной поверхности. Деревянный гроб (ширина 0.57 м) сбит железными гвоздями. Костяк ориентирован головой на З. Верхняя часть погребения оказалась разрушенной; сохранились in situ только конечности. В погребении не найдено никаких вещей.[2]

Погребение 3. Обнаружено в 1908 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 4/1908 г.), к востоку от новой церкви, в грунтовой могиле, на глубине 3.35 м от современной поверхности. Следов гроба не прослежено. Костяк лежал на спине, головой на СЗ; руки вытянуты вдоль туловища. У шеи найдены две крупных черных пастовых бусы шаровидной формы с инкрустированным белым орнаментом из двух волнистых пересекающихся полосок, в промежутках между которыми размещены три выпуклых розетки с черным центром, окруженным белыми лучами (табл. V, *1*). Никаких других предметов в погребении не было.

---

[1] ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 150.

[2] Там же.

Найденный в погребении инвентарь хранился в Гос. Эрмитаже, откуда в 1932 г. был передан в Харьковский исторический музей.[1]

Погребение 4. Обнаружено в 1908 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 5/1908 г.), к востоку от новой церкви, в грунтовой могиле, на глубине 2.85 м от современной поверхности. Гроб (по-видимому, дубовый) был сколочен девятью железными гвоздями. Длина гроба 2.15 м, ширина у головы 0.59 м, у ног — 0.54 м, толщина досок 0.02 м. Костяк лежал на спине, головой на ЮЗ, руки вытянуты вдоль туловища, череп раздавлен. Никаких вещей в погребении не найдено.[2]

Погребение 5. Обнаружено в 1908 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 6/1908 г.), к востоку от новой церкви, в грунтовой могиле, на глубине 3.00 м от современной поверхности. Гроб совершенно истлел. Костяк лежал на спине, головой на З, правая рука на животе, левая согнута к подбородку. Никаких вещей в погребении не найдено.[3]

Погребение 6. Обнаружено в 1908 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 7/1908 г.), к востоку от новой церкви, в грунтовой могиле, на глубине 3.35 м от современной поверхности. Гроб, сильно истлевший, имел длину 1.90 м, ширину 0.55 м. Костяк хорошей сохранности лежал на спине, головой на З, левая рука на животе, правая согнута к подбородку. По определению д-ра Жука, костяк принадлежал молодой женщине. Никаких вещей в погребении не найдено.[4]

Погребение 7. Обнаружено в 1908 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 8/1908 г.), к востоку от новой церкви, в грунтовой могиле, на глубине 2.95 м от современной поверхности. Костяк (хорошей сохранности) лежал в прямоугольном углублении (1.95×0.40 м), дно и бока которого были обложены лубком; сверху костяк — от надбровных дуг до таза — был также накрыт лубком. Костяк (по определению д-ра Жука) мужской лежал на спине, головой на ЮЗ, ноги несколько подогнуты вправо, руки на животе. Никаких вещей в погребении не найдено.[5]

Погребение 8. Обнаружено в 1908 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 9/1908 г.), к востоку от новой церкви, между средней и южной апсидами

---

[1] Там же, стр. 150 и рис. 213. — Рукописный каталог Византийского отдела Гос. Эрмитажа.

[2] ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 151.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

древней церкви, в грунтовой могиле, на глубине 2.20 м от современной поверхности. Гроб (2.00×0.40×0.22 м) сколочен десятью гвоздями из сосновых досок (толщина доски 0.02 м). Костяк лежал на спине, головой на З, правая рука согнута к подбородку, левая на животе.

У тазовых костей с левой стороны лежали железный нож с костяной ручкой, железное кресало и кремень, у правого колена наконечник железного копья [1] на деревянном древке, у шеи две маленьких бронзовых пуговки с ушками. Под костяком у поясницы сохранились остатки истлевшей кожи с рядом бронзовых пуговок, по-видимому пояс.[2]

Погребение 9. Обнаружено в мае 1909 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, к востоку от развалин древней церкви, в грунтовой могиле, вырытой в материке. Костяк лежал головой на СВ.

На шее найдено ожерелье, состоявшее из раковин, расположенных между маленькими бусами из стекловидной массы. Погребение известно лишь по сообщениям киевской прессы.[3]

Погребение 10. Обнаружено 19 VI 1909 раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, к востоку от развалин древней церкви, в грунтовой могиле, на глубине около 4 м от современной поверхности. Сосновый гроб почти совершенно истлел. Костяк лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на ЮЗ. В погребении найдено несколько металлических пуговиц и кольцо. Погребение известно только по сообщениям киевской прессы.[4]

Погребения 11—13. 20 VI 1909 раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, к востоку от развалин древней церкви, на глубине свыше 2 м (в материке) обнаружены три детских погребения. Костяки (возраст от 5 до 10 лет) совершенно истлели. Погребения известны только по сообщениям киевской прессы.[5]

Погребение 14. Обнаружено 25 VI 1909 раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, к востоку от развалин древней церкви, в грунтовой могиле, вырытой в материке. По глубине залегания могильная яма соответствовала погребениям, найденным под уровнем фундаментов древней церкви. Сосновый гроб был сколочен железными гвоздями. Костяк (женский) лежал головой на З, правая рука сложена на груди, левая вытянута вдоль туловища.

---

[1] По другим известиям — железный наконечник трехугольной стрелы (ИАК, Прибавл. к вып. 31, СПб., 1909, стр. 75).

[2] Раскопки в Киеве летом 1908 г. ИАК, Прибавл. к вып. 31, СПб., 1909, стр. 75. — ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 151.

[3] Раскопки в Киеве в 1909 г. (Свод газетных известий). ИАК, Прибавл. к вып. 32, СПб. 1909, стр. 126.

[4] Там же, стр. 130.

[5] Там же, стр. 131.

В погребении найдено ожерелье, состоявшее из: а) большого количества стеклянных разноцветных крупных и мелких бус, б) нескольких сердоликовых граненых бус, в) трех серебряных крестиков, г) серебряной восточной монеты (диргема). По сообщению корреспондентов киевской прессы, монета относилась к IX в. К этому же времени было отнесено и погребение.[1] С. Вельмин, принимавший участие в раскопках, сообщал о находке в описанном погребении около сорока стеклянных и сердоликовых бус, трех маленьких серебряных крестиков и куфической монеты, относимой к концу VIII или к самому началу IX в.[2]

Среди неразобранных материалов раскопок 1909 г., хранившихся с 1909 по 1939 г. в подвалах Археологической комиссии, а потом ГАИМК—ИИМК, удалось разыскать почти весь инвентарь этого погребения (табл. V, *2*). Монета оказалась саманидским диргемом, чеканенным при Исмаиле ибн Ахмеде (279—295 гг., т. е. 892—907 гг. н. э.). Место и год чекана стерты.[3]

Погребение 15. Обнаружено в 1909 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, к юго-востоку от новой церкви, в грунтовой могиле, вырытой в материке. При погребении найдены четырнадцать бус из стекловидной массы, украшенных орнаментами. Погребение было отнесено к довладимировой эпохе.[4] С. Вельмин отмечал среди «редких по красоте бус», найденных в этом погребении, «круглую бусу с орнаментом наподобие расходящихся лучей солнца».[5] Инвентарь этого погребения также удалось разыскать полностью среди материалов раскопок 1909 г. в неразобранных фондах Археологической комиссии (табл. V, *3*).

Погребение 16. Обнаружено в 1909 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, к юго-востоку от новой церкви, в грунтовой могиле, вырытой в материке, под верхним рядом погребений. Сосновый гроб сколочен большими железными гвоздями. Никаких вещей в погребении не найдено. Погребение известно только по сообщениям киевской прессы.[6]

Погребение 17. Обнаружено в 1910 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Крестьянского банка (Владимирская ул. д. 10, неподалеку от Десятинной церкви), в грунтовой

---

[1] Там же.

[2] С. П. Вельмин. Археологические изыскания. . ., стр. 137.

[3] Определение А. А. Быкова. Пользуюсь случаем еще раз высказать мою признательность А. А. Быкову за его любезную высококвалифицированную экспертизу арабских монет киевского некрополя.

[4] Раскопки в Киеве в 1909 г. (Свод газетных известий). ИАК, Прибавл. к вып. 32, СПб., 1909, стр. 132.

[5] С. П. Вельмин. Археологические изыскания. . ., стр. 17—18.

[6] Раскопки в Киеве в 1909 г. (Свод газетных известий). ИАК, Прибавл. к вып. 32, СПб., 1909, стр. 132.

могиле, вырытой в материковом лёссе, на глубине 2 м. Костяк лежал в вытянутом положении, головой на З. У шеи лежали шесть бус из стекловидной массы. В этом же погребении был найден целый глиняный сосуд «славянского типа». Погребение известно только по сообщениям киевской прессы.[1]

Погребения 18—20. Обнаружены в 1910 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Крестьянского банка, в грунтовых могилах, вырытых в материке по склону (?) древнего рва. Никаких вещей в погребениях не обнаружено. По стратиграфическим данным были отнесены к X в. Погребения известны только по информациям киевской прессы.[2]

Погребение 21. Обнаружено в 1910 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Трубецкого, в грунтовой могиле. Верхняя половина погребения разрушена поздней ямой; от костяка сохранились только нижние конечности и тазовые кости. У таза с левой стороны лежал кожанный кисет, в котором оказались железное кресало, кремень и четыре лесных ореха. Подле кисета найдены железный нож с костяной ручкой. Погребение известно только по информациям киевской прессы.[3]

Погребение 22. Обнаружено в 1910 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Трубецкого, в грунтовой могиле, вырытой в чистом материковом лёссе. Костяк лежал с вытянутыми вдоль тела руками. У пояса найден железный нож с костяной ручкой, а у головы целый глиняный сосуд. Погребение известно только по информациям киевской прессы.[4]

Погребение 23. Обнаружено в 1911 г. раскопками Археологической комиссии под руководством С. П. Вельмина в северо-западном углу усадьбы Крестьянского банка (Владимирская ул., д. 10), в грунтовой могиле, вырытой в чистом материковом лёссе, на глубине 3.5 м. Возле костяка найдены оселок, кремень, железный нож и бронзовая пряжка.[5]

Погребение 24. Обнаружено в 1911 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 1/1911 г.), к юго-востоку от новой церкви, в грунтовой могиле, на глубине 2.70 м от уровня современной поверхности. Сильно истлевший костяк лежал в истлевшем деревянном гробу. Возле черепа найдены костяное острие, тупой конец которого обработан в виде головы зверя (табл. VI, *3*) и костяной односторонний гребень в футляре (табл. VI, *1*, *2*).[6]

---

[1] Археологические исследования в Киевской губернии. (Свод газетных известий). ИАК, Прибавл. к вып. 37, СПб., 1910, стр. 210.

[2] Там же, стр. 210—211.

[3] Там же, стр. 207.

[4] Там же, стр. 209.

[5] Н. П - с к и й. Археологические раскопки в Киеве. ИАК, Прибавл. к вып. 42 (Хрон. и библ., вып. 20), СПб., 1911, Арх. хрон., стр. 109.

[6] ОАК за 1911 г., Пгр., 1914, стр. 57.

Погребение 25. Обнаружено в 1911 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 2/1911 г.), к юго-востоку от новой церкви, в грунтовой могиле, на глубине 3 м от уровня современной поверхности. Погребение частично врезалось в погребение 24 (№ 1/1911 г.). Костяк в вытянутом положении ориентирован головой на СЗ; левая рука согнута на животе.

У таза с левой стороны найдены железное кресало, кремень и железный нож с костяной рукоятью (табл. VII, *1—3*). Возле таза найден также узкий ремешок, украшенный мелкими орнаментированными бронзовыми бляшками, укрепленными на коже с помощью загнутых стерженьков. На конце его хорошо сохранился бронзовый наконечник (табл. VII, *4*). И ремешок и найденная вместе с ним бронзовая орнаментированная ромбовидная бляха с прямоугольной прорезью в средней части являются частями кожаной сумки (табл. VII, *6*). Кроме того, возле костяка было найдено костяное острие с тупым концом в виде головы зверя (табл. VII, *5*). Изучение вертикальных разрезов могилы позволило установить, что могильная яма была вырыта на глубину 1.55 м от древнего уровня земли, который лежит на глубине 1.45 м от современной поверхности.[1]

Погребение 26. Обнаружено в 1911 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 3/1911 г.), к югу от новой церкви, вблизи северо-восточного угла древнего дворцового здания, в грунтовой могиле, на глубине 2.55 м от уровня современной поверхности.

Костяк лежал в истлевшем деревянном гробу, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Правая рука на груди, левая на животе (табл. VIII, *1*). Возле черепа, у шеи, найдено сорок девять бус из стекловидной массы разных цветов, граненые сердоликовые, одна граненая хрустальная, две янтарные, три серебряные позолоченные, украшенные зернью (табл. IX, *1*). У черепа с правой стороны лежала одна электровая трехбусинная серьга (табл. IX *1*), с левой стороны — два меленьких серебряных височных кольца (табл. IX, *1*).[2] На пальце правой руки сохранился перстень из очень тонкой серебряной пластинки табл. IX, *1*).[3]

Погребение 27. Обнаружено в 1911 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 4/1911 г.), в грунтовой могиле, под подошвой северо-восточного фундаментного

---

[1] Там же, стр. 58—59.

[2] В отчете о раскопках они ошибочно названы серьгами (ОАК за 1911 г., Пгр., 1914, стр. 59). С. П. Вельмин (см. ниже) пишет, что с правой стороны у черепа были найдены золотая трехшариковая серьга и две простых серьги.

[3] ОАК за 1911 г., Пгр., 1914, стр. 59. — С. П. Вельмин. Раскопки Археологической комиссии в усадьбе Десятинной церкви летом 1911 г. Университетские известия, Киев, 1914, октябрь, Прибавл. II, стр. 6.

рва древнего дворцового здания. Погребение было потревожено при прокладке этого рва. Возле нарушенного костяка было найдено ожерелье, состоявшее из четырнадцати разноцветных стеклянных, одной сердоликовой, одной граненой хрустальной и одной пастовой бус (табл. IX, *2*).[1]

Погребение 28. Обнаружено в 1911 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 5/1911 г.), к югу от новой церкви, в грунтовой могиле. Костяк лежал в вытянутом положении, головой на СЗ, в сильно истлевшем гробу (ширина 0.55 м). У шеи найдены четыре бусы из стекловидной массы (табл. IX, *3*).[2]

Погребение 29. Обнаружено в 1911 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви (№ 6/1911 г.), к югу от новой церкви, в грунтовой могиле, на глубине 2.55 м от уровня современной поверхности земли. Костяк лежал в истлевшем гробу, в вытянутом положении, головой на З. У шеи найдены четыре бусины из стекловидной массы и две сердоликовые, а также одна маленькая бронзовая пуговка (табл. IX, *4*).[3]

Погребение 30. Обнаружено в 1911 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, под юго-восточным углом (?) развалин древней церкви (табл. VIII, *2*). В отчете Д. В. Милеева о раскопках 1911 г. не упомянуто. Богатый инвентарь из погребения поступил из Археологической комиссии в Государственный Эрмитаж, откуда в 1932 г. был передан в Харьковский исторический музей.

В погребении были найдены:

1. Ожерелье, состоявшее из двадцати четырех бус, раковины и двух монет. Набор бус состоял из: а) четырнадцати стеклянных шаровидных бус, из которых синего стекла — одна двойная и одна простая, золоченые — одна четырехчастная, из мелких шариков, четыре двойных и четыре простых более крупного размера, бесцветных — три простых; б) девяти пастовых бус, из которых одна крупная желтого цвета, одна в виде сплющенного шара белого цвета (первоначальный цвет утрачен), одна граненая, неправильной формы, глазурованная, голубого цвета, шесть шарообразных, желтого цвета; в) одной сердоликовой бусы в виде шара с тремя сошлифованными неправильными гранями (табл. X, *1*). В составе того же ожерелья была раковина (каури) с просверленным отверстием для подвешивания и два саманидских диргема: первый — Исмаила ибн Ахмеда, чеканенный в Самарканде в 293 г. (905—906 гг. н. э.); дата второй монеты не поддается уточнению ввиду плохой сохранности[4] (табл. X, *2*, *3*). К обеим монетам прикреплены плоские ушки для подвешивания. Весь набор ожерелья был найден у шеи костяка.

---

[1] ОАК за 1911 г., Пгр., 1914, стр. 59.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 62.

[4] Определение А. А. Быкова.

2. Восемь височных проволочных колец с несомкнутыми концами, один из которых расплющен и завернут (табл. X, *4*). Четыре кольца найдены у левой височной кости и четыре у правой.[1]

Погребения 31, 32. В 1911 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, к западу от новой церкви обнаружены два погребения, в которых найдено по одному глиняному сосуду и несколько пуговиц.[2] В отчете Д. В. Милеева погребения не упомянуты.

Погребение 33. Обнаружено в 1911 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, к югу от новой церкви. Под фундаментными рвами древнего дворцового здания были найдены сложенные в кучу человеческие кости. По предположению С. Вельмина, при рытье фундаментных рвов дворцового здания наткнулись на древнее погребение и сложили кости в кучку, не взяв при этом найденные при них простые серьги и бусы.[3] В отчете Д. В. Милеева погребение не упомянуто.

Погребение 34. Обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 1/1926 г.), в грунтовой могиле. Контур могильной ямы прослеживался лишь на уровне материкового лёсса. Костяк (мужской) лежал в вытянутом положении, головой на ЮЗ, без гроба. По сторонам лежало шесть обломков древних плоских кирпичей (плинф), из них четыре возле головы. У правого колена найден железный наконечник дротика. Погребенный был обильно посыпан льняным семенем, скопления которого были сосредоточены около черепа, возле обеих рук, у таза и у ступней обеих ног. У головы и у ног найдены многочисленные обломки костей животных, среди них бараний череп и кости свиньи.[4]

Погребение 35. Обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 2/1926 г.), в грунтовой могиле. Контур могильной ямы прослеживался в слое гумуса. Плохо сохранившийся костяк мальчика-подростка лежал в вытянутом положении головой на СЗ, в деревянном истлевшем гробу, сколоченном железными гвоздями. Возле черепа, сохранившегося очень плохо, обломки костей животных. По всему погребению разбросаны мелкие фрагменты разбитой глиняной посуды. Погребенный был посыпан золой и мелкими углями, скопления их были особенно заметны возле головы. У тазовых костей найден обломок песчаника со следами обработки.[5]

Погребение 36. Обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 3/1926 г.), в грунтовой мо-

---

[1] Рукописный каталог Византийского отдела Гос. Эрмитажа, № 928/363—371.

[2] С. П. Вельмин. Раскопки Археологической комиссии в усадьбе Десятинной церкви. . ., стр. 7.

[3] Там же, стр. 6.

[4] С. Гамченко, ук. соч. стр. 27—29.

[5] Там же.

гиле. Контур могильной ямы прослеживался только на уровне материка. Костяк, сохранившийся только в верхней части, лежал в деревянном гробу, в вытянутом положении, головой на З. В нижней части погребения — обломки глиняного сосуда и мелко расколотые кости животных. С правой стороны от гробовища — много обломков древнего плоского кирпича.[1]

Погребение 37. Обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 4/1926 г.), в грунтовой могиле. Контур могильной ямы прослеживался в слое гумуса. Плохо сохранившийся костяк (мужской) лежал в вытянутом положении, головой на З, в деревянном гробу, сколоченном железными гвоздями. Около левого плеча лежал железный наконечник стрелы, а у левой руки — обломок железного кинжала. Сохранились следы бересты, которой была покрыта верхняя часть тела. Погребенный был, кроме того, посыпан золой с угольками, скопления которых прослежены возле головы и у плеч. Возле левой руки — фрагменты глиняной посуды, у ног — расколотые кости животных.[2]

Погребение 38. Обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 5/1926 г.), в грунтовой могиле. Контур могильной ямы прослеживался в слое гумуса. Костяк лежал в вытянутом положении, головой на З, в деревянном гробу. Возле головы, по сторонам от гроба, найдены обломки глиняной посуды; на груди кусок кремня для высекания огня и коготь какого-то зверя. Вдоль стенок гроба много колотых костей животных.[3]

Погребение 39. Обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 6/1926 г.), в грунтовой могиле. Контур могильной ямы прослеживался только на уровне материка. Сохранившийся только в верхней части костяк лежал в вытянутом положении, головой на З, без гроба. Возле — обломки глиняной посуды и много колотых костей животных. Погребенный был посыпан золой и углями.[4]

Погребение 40. Обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 7/1926 г.), в грунтовой могиле. Контур могильной ямы прослеживался только на уровне материка. Костяк мальчика-подростка лежал в вытянутом положении, головой на З, без гроба. У пояса слева — железный нож; по сторонам от костяка — четыре обломка кирпичей.[5]

Погребание 41. Обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 8/1926 г.), в грунтовой могиле, контур могильной ямы прослеживался только на уровне материка.

---

[1] С. Гамченко, ук. соч., стр. 27—29.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

Костяк (мужской) лежал в вытянутом положении, головой на З, без гроба. Никакого инвентаря в погребении не было. У левой ноги — один обломок древнего кирпича.[1]

Погребения 42, 43. Погребение 42 обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 9/1926 г.), в грунтовой могиле. Контур могильной ямы прослеживался только на уровне материка. Костяк (женский) лежал в вытянутом положении, головой на З, без гроба. Справа от костяка — несколько обломков древних кирпичей и один фрагмент глиняной посуды. У головы и в ногах — колотые кости животных.

Левой стороной описанный костяк лежал поверх правой стороны другого костяка (погребение 43), череп которого находился под левым плечом первого. Слева от нижнего костяка также найдены кости животных и древний кирпич.[2]

Погребение 44. Обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 10/1926 г.). Контур могильной ямы прослеживался только на уровне материка. Сохранившийся только в верхней части костяк лежал в вытянутом положении, головой на З, в деревянном прямоугольном гробу. У ног, с правой стороны — обломки глиняной посуды, по сторонам от костяка — колотые кости животных.[3]

Погребение 45. Обнаружено в 1927 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 12/1927 г.), в грунтовой могиле, на глубине 1.38 м. Костяк лежал в вытянутом положении, головой на ЮЗ, в деревянном гробу (1.80×0.35 м), сколоченном железными гвоздями. Вокруг погребения — обкладка из кирпичей. В погребении найдены обломки глиняного сосуда, фрагмент точильного бруска и много колотых костей животных. Погребенный был носыпан золой.[4]

Погребение 46. Обнаружено в 1927 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 13/1927 г.), в грунтовой могиле. Костяк лежал в вытянутом положении головой на СЗ, в деревянном гробу (1.97×0.46 м). На нижней фаланге пальца правой руки — пластинчатый перстень из низкопробного серебра с гравированным орнаментом.[5]

Погребение 47. Обнаружено раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого. Сведений о раскопках этого погребения в дневниках С. Гамченко найти не удалось, но в инвентарной описи находок значатся следующие вещи из «разрушенного погребения II»: 1) глиняное пряслице, 2) медная серьга, 3) фрагмент стеклянного витого браслета желтого цвета, 4) восемь обломков глиняной посуды.[6]

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Дневник раскопок 1927 г. в усадьбе В. Трубецкого, стр. 4 и Инвентарная опись находок. Архив ИА АН УССР.

[5] Дневник раскопок 1927 г., стр. 8 об.—9 и Инвентарная опись находок. Архив ИА АН УССР.

[6] Инвентарная опись находок, №№ 4959—4962.

Погребение 48. Обнаружено раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого. Сведений о раскопках этого погребения в дневниках С. Гамченко найти не удалось, но в инвентарной описи находок значатся следующие вещи из «разрушенного погребения III»: 1) стеклянная бусина, 2) фрагмент стеклянного браслета.[1]

Погребение 49. Обнаружено раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого. Сведений о раскопках этого погребения в дневниках С. Гамченко найти не удалось, но и в инвентарной описи находок значатся следующие вещи из «разрушенного погребения IV»: 1) бронзовое орнаментированное кольцо (найдено у черепа), 2) бронзовый амулет кинжальчик (найден у черепа), 3) девятнадцать фрагментов глиняной посуды.[2]

Погребение 50. Обнаружено раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого. Сведений о раскопках этого погребения в дневниках С. Гамченко найти не удалось, но в инвентарной описи находок значатся следующие вещи из «разрушенного погребения V»: 1) одна сердоликовая и две стеклянных, желтого цвета бусины, 2) три фрагмента стеклянных браслетов, 3) восемнадцать фрагментов глиняной посуды.[3]

Погребения 51—55. Обнаружены 20 II 1892 в усадьбе Кривцова (Трехсвятительская ул.) при земляных работах. Состав инвентаря этих пяти погребений не был в отдельности описан И. Хойновским, однако он связывал с этими погребениями находки «малых горшочков» и клыков диких кабанов.[4] По сообщению И. Хойновского, кроме клыков, забранных владельцами усадеб, на которых производились работы, ему удалось получить в свое собрание четырнадцать штук целых кабаньих клыков, два куска отпиленных медвежьих клыков и один клык (розовый с бороздами по длине) неизвестного животного, предположительно — барса.[5] И. Хойновский сообщал при этом, что ему, как и другим археологам, не раз приходилось находить клыки медведя, волка и дикого кабана в могилах полян.

Погребения 56—68. 27 II 1892 в правой стороне той же усадьбы были раскопаны две могилы,[6] а 28 II еще две, в которых не было обнаружено никаких предметов, кроме обломков керамики. Совершенно истлевшие скелеты лежали в деревянных гробах, на глубине около 2 м.[7] 2 III в правой стороне усадьбы были раскопаны еще две могилы, «без отличительных признаков». Скелеты лежали в деревянных гробах, головой на З.[8] 3 III в глубине усадьбы были

---

[1] Инвентарная опись находок, №№ 4957—4958.
[2] Там же, №№ 4963—4967.
[3] Там же, №№ 4969—4974.
[4] И. А. Хойновский, ук. соч., стр. 23.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 29.
[7] Там же, стр. 31.
[8] Там же, стр. 35.

раскрыты еще семь погребений той же ориентировки, без инвентаря.[1] О дате всех этих погребений данных нет.

Погребения 69—73. Обнаружены 4 III 1892 в средней части той же усадьбы. Четыре могилы были без инвентаря, в пятой, обнаруженной на глубине около 3 м, найдена большая амфора (высота 70 см) с двумя большими ручками. На левой руке погребенного большой бронзовый перстень и два стеклянных браслета фиолетового цвета. Череп скелета, ориентированного на З, лежал на «квадратной терракотовой плите».[2]

Погребения 74—80. Обнаружены 18—19 II 1892 в той же усадьбе. 18 II были раскопаны три грунтовых могилы. Скелеты лежали в досчатых гробах, сколоченных железными гвоздями. Гробы и кости в них были плохой сохранности. Никакого инвентаря при погребениях обнаружено не было.[3] 19 II были раскопаны еще четыре могилы.[4] Деревянные гробы и кости в них также истлели. Кроме железных гвоздей и гробов, никаких находок не было. Ориентированы погребения различно, чаще на ЮВ.

Погребения 81, 82. Остатки двух погребений обнаружены раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН УССР 16 VI 1935 на ул. Жертв революции (против д. № 18), на глубине 2.15 м. В одном из них найдены обломки небольшого глиняного сосуда и фрагмент железной бляшки.[5]

Погребение 83. Обнаружено 20—27 V 1937 раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН УССР в усадьбе Художественной школы (уч. III/1937 г., «Слав. № 1»), в нескольких метрах на В от женского погребения, в срубе (погребение 122), в грунтовой яме, на глубине 2.20—2.60 м.[6]

Плохо сохранившийся костяк взрослой женщины лежал в деревянном, сколоченном гвоздями, высоком гробу, головой на Ю; руки сложены на груди. В этом же гробу справа от женского скелета лежал детский костяк.

У шейных позвонков женского скелета найдено ожерелье, состоявшее из тридцати с лишним бус и одной литой, из низкопробного серебра лунницы с трубчатым ушком (табл. XI, *1*).

В состав ожерелья входили: а) две плоские многогранные, сердоликовые бусы; б) две круглые бусы, низкопробного серебра, украшенные зернью; в) двадцать пять бус различной формы из синего стекла (из них пятнадцать плоских, с широкой пронизкой, одна двойная, две тройных и две состоящих из четырех мелких бусин, две граненных на двенадцать граней, с широкой пронизкой, три длинных призматических, на пять или шесть граней, сглаженных

---

[1] Там же.

[2] Там же, стр. 36.

[3] Там же, стр. 22.

[4] Там же, стр. 22—23.

[5] Дневник Киевской археологической экспедиции 1935 г., стр. 5. Архив ИА АН УССР.

[6] Отчет о работах Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 50 и Дневник Киевской археологической экспедиции 1937 г., № 4, стр. 32—33 об., 39. Архив ИА АН УССР.

на углах); г) одна целая и два фрагмента реберчатых, сплющенных зеленых пастовых бус.

В том же погребении найдено одно височное колечко диаметром 2 см, из низкопробной серебряной проволоки толщиной 0.2 см, с завязанными концами. Кольцо обмотано тонкой сканью.

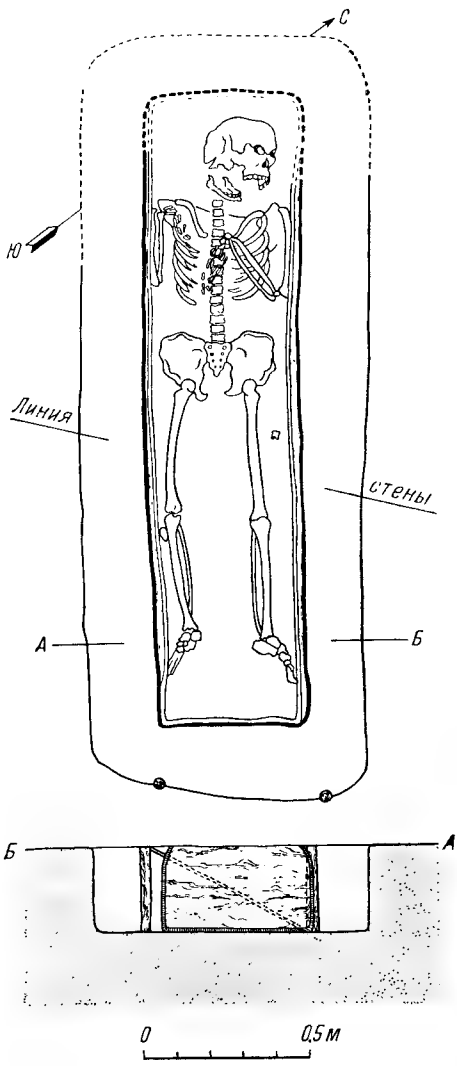


Рис. 17. Общий вид погребения 85 и разрез могильной ямы.

Погребение 84. Обнаружено 21 V 1937 раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН УССР в усадьбе Художественной школы (уч. III/1937 г., «Слав. № 2»), в грунтовой могиле, на глубине 2.10 м. Плохо сохранившийся костяк (детский) лежал в вытянутом положении, головою на ЮЗ, в деревянном гробу (0.9×0.4 м), сколоченном железными гвоздями с круглыми шляпками (табл. XI, 2). Около черепа найдено маленькое височное проволочное колечко из низкопробного серебра, с далеко заходящими друг на друга несомкнутыми концами (табл. XI, 2). Возле погребения найдены фрагменты лепной посуды.[1]

Погребение 85. Обнаружено в 1938 г. раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР под руководством автора в усадьбе Художественной школы (№ 9/1938 г.), в грунтовой могиле. Могильное пятно и деревянные стенки гроба были обнаружены при исследовании остатков деревянных субструкций под фундаментом южной стены Десятинной церкви, в материковом лёссе на глубине 2.80 м от современного уровня и на глубине 0.40 м ниже основания фундамента церкви. Костяк лежал головой на СЗ, в деревянном гробу в виде ящика с плоской крышкой, сколоченного железными гвоздями (рис. 17). Инвентарь погребения ограничивался одним зубом лошади.[2]

[1] Дневник Киевской археологической экспедиции 1937 г., № 4, стр. 34—35, 37.
[2] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 83.

Погребение 86. Обнаружено в 1939 г. раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР под руководством автора в усадьбе Художественной школы (№ 18/1939 г.), под деревянными субструкциями Десятинной церкви, на дне рва от ленточного фундамента, на оси западной пары подкупольных столбов, в грунтовой могиле. Могильное пятно прослеживалось в лёссе на глубине 2.90 м от уровня современной поверхности. На глубине 0.40 м ниже дна рва, т. е. основания фундамента, обнаружились стенки деревянного гроба. Удовлетворительно сохранившийся костяк лежал головой на ЮЗ, в деревянном гробу, сколоченном по углам железными гвоздями (рис. 18). По определению антропологов, возраст погребенного — 35—40 лет.

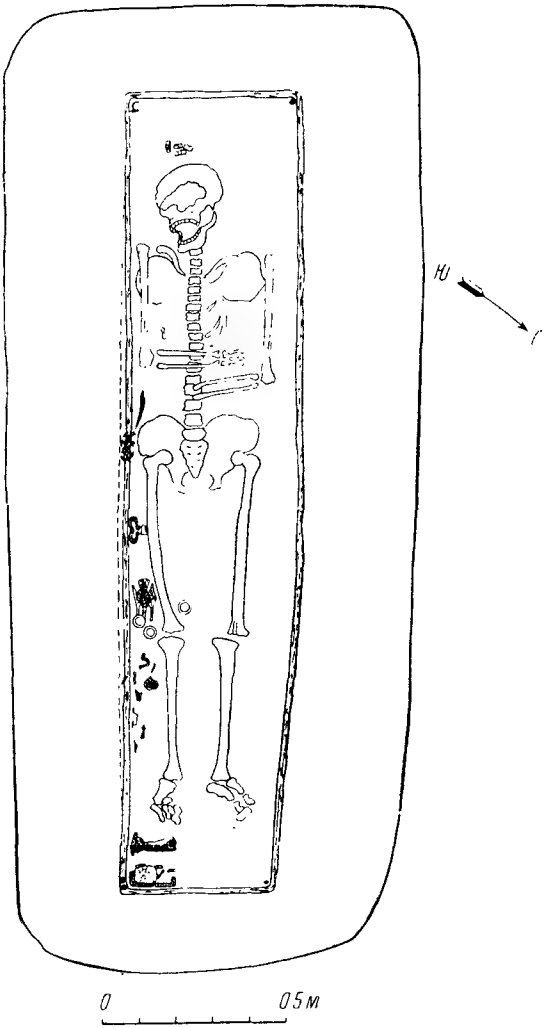


Рис. 18. Общий вид погребения 86.

У правой ступни лежал боевой топорик, типичный для погребений IX—X вв. (табл. XII, *1*). У правой ноги, начиная почти от ступни и до середины бедренной кости, были найдены фрагменты колчана, состоявшие из трухлявого дерева, ткани и довольно многочисленных обломков железных оковок. В колчане находились четыре железных наконечника стрел с остатками деревянных древков (табл. XII, *2—5*). Все стрелы были положены в колчан острием вверх, т. е. к голове погребенного. Немного выше колена правой ноги лежало бронзовое кольцо с орнаментом на лицевой стороне (табл. XII, *6*). Между костью правой ноги и стенкой гроба обнаружены еще два таких же, но гладких бронзовых кольца (табл. XII, *7*, *8*). Недалеко от наконечников стрел, у правого бедра, найдено овальное железное кресало и кусок кремня (табл. XII, *9*, *10*). У пояса находился железный нож со следами деревянного футляра. У темени лежал сильно перержавевший бесформенный предмет с остатками дерева. Назначение его определить не удалось. В ногах, у самой стенки гроба, в углу, были обна-

ружены бесформенные от ржавчины железные предметы. После лабораторной обработки стало возможным установить, что это железные угольники, по-видимому, служившие в качестве оковки углов какого-то небольшого ящичка (рис. 18). На угольниках сохранились следы ткани. С правой стороны от тазовых костей, у самой стенки гроба, найдена кучка железных гвоздей. По одному, и в одном случае два гвоздя найдены по углам в древесной трухе от гробовых досок. Под костяком лежал сплошной слой истлевшего дерева от дна гроба.[1]

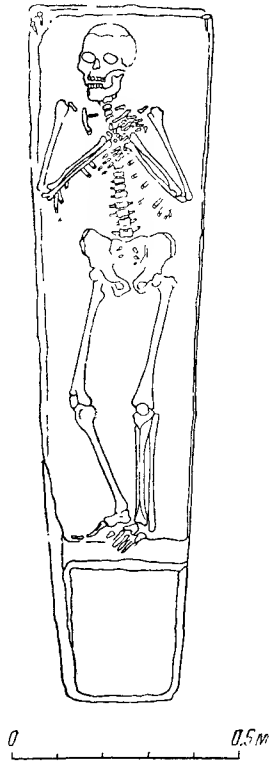


Рис. 19. Общий вид погребения 87.

Погребение 87. Обнаружено 30 VII 1948 раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР под руководством автора в усадьбе Киевского исторического музея (№ 5/1948 г.), к юго-западу от развалин Десятинной церкви, у стены каменного дома. Могильное пятно обнаружено на глубине 2 м от уровня современной поверхности, в плотном материковом лёссе. Стенки деревянного гроба сохранились плохо, но очертание его прослеживалось вполне отчетливо (рис. 19). В углах найдено пять железных гвоздей. Длина гроба 2 м, ширина (у головы) 0.55, к ногам гроб немного суживается, высота 0.17—0.20 м. Костяк отличной сохранности лежал головой на Ю. Ноги слегка согнуты, как бы упираются в поперечную стенку гроба. У ног погребенного хорошо прослеживались очертания какого-то небольшого деревянного ящичка (?), от которого сохранились перегнившие белые волокна. Никаких других вещественных находок при погребенном не было. На фалангах рук сохранились зеленые окислы — следы бронзового перстня.[2]

Погребение 88. Обнаружено в 1876 г. при земляных работах по планировке местности в усадьбе кунца Марра, расположенной на Кирилловской ул., в окрестности Иорданской церкви (Плоская часть Киева), в грунтовой могиле, на уровне подошвы фундаментов разрушенного здания XVII в. (у его северо-западного угла). Скелет лежал в деревянном гробу; никакого инвентаря в погребении не найдено.[3]

Погребения 89—91. Обнаружены в 1899 г. на Верхней Юрковице, в усадьбе Лурье и Левина, при планировке местности в связи с постройкой кир-

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 83—85.

[2] Дневник Киевской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1948 г., № 1. Архив ИИМК АН СССР.

[3] В. Б. Антонович. 1) Археологические находки и раскопки. .., стр. 251; 2) О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве, стр. 43.

пичного завода, в грунтовых могилах глубиной 1—1.5 м. Погребения расположены на возвышенности в виде мыса, отделенного оврагом от другой возвышенности, на которой расположено Иорданское кладбище, вблизи от высокого кургана, раскопанного в том же году (см. погребение 117).

Скелеты во всех трех погребениях лежали в вытянутом положении, головой на З, с руками, скрещенными на груди. Во всех трех погребениях найдены остатки истлевших деревянных гробов, сколоченных железными гвоздями. Погребальный инвентарь незначителен. В погребении 89 на правой руке скелета найдено серебряное, украшенное чернью, кольцо, в погребении 90 — подобное же кольцо, а у черепа — серебряная и стеклянная бусины. В погребении 91 возле правой ноги стоял небольшой глиняный сосуд с волнистым орнаментом.[1]

Погребения 92, 93. Обнаружены в 1899 г. на Верхней Юрковице при тех же работах, в грунтовых могилах. В одном из них (погребение 92) возле скелета никаких предметов не оказалось, в другом (погребение 93) слева от скелета найден небольшой (по-видимому, боевой?) железный топор.[2]

Погребение 94. Обнаружено в 1882 г. в усадьбе археолога-любителя Т. В. Кибальчича на Б. Дорогожицкой ул. (д. 40), в грунтовой могиле, на глубине около 3 м. Подле истлевшего костяка были найдены две медных чашки от весов, складное коромысло к ним, девять железных, обтянутых бронзой гирек и обломанная византийская монета имп. Константина Багрянородного (913—959). В 1892 г. все перечисленные вещи были приобретены у Т. В. Кибальчича К. Болсуновским, который почему-то считал находку 1882 г. кладом и относил время его зарытия к концу XI—началу XII в.[3] Все вещи в 1899 г. были экспонированы на выставке XI археологического съезда в Киеве.[4]

* * *

Некрополь на Кирилловской ул. отнюдь не ограничивается описанными выше погребениями. В большом количестве древние погребения, отчасти с сохранившимися даже невысокими курганными насыпями, расположены по взгорьям вдоль Кирилловской ул., вплоть до Кирилловского монастыря. Так, В. В. Хвойкой была обследована и частично раскопана большая курганная группа в усадьбе Зарембских (Кирилловская ул., д. 71). Здесь, в верхней части усадьбы, примыкающей к Лукьяновке, находился могильник, состоявший из нескольких сот грунтовых могил, над которыми в большинстве случаев возвышалась небольшая насыпь (1—2.5 м высотой). Костяки лежали в вытянутом положении, головой на З. При них найдены серебряные серьги, бусы, украшенные

---

[1] Раскопки на Верхней Юрковице в г. Киеве. АЛЮР, Киев, 1899, июнь, стр. 79.

[2] Там же, стр. 93.

[3] К. Болсуновский. Древние гирьки, найденные в Киеве, и отношение их к различным весовым системам. Киев, 1898, стр. 7—8.

[4] К. Болсуновский. Каталог предметов, выставленных в Университете св. Владимира во время XI археологического съезда в Киеве. Киев, 1899, стр. 20.

зернью, серебряные браслеты и стеклянные сосуды с очень тонкими стенками и закругленным дном. В. В. Хвойка считал их арабскими.[1]

Аналогичные погребения с таким же инвентарем, в составе которого нередко попадались еще серебряные диргемы VIII (? — *М. К.*) в., использованные в качестве подвесок в ожерельях, были обнаружены раскопками того же В. В. Хвойки в усадьбах Зивала и Багреева (Кирилловская ул., д. 59—61), где в конце XIX в. была открыта известная Кирилловская стоянка.[2]

К сожалению, никаких отчетов об этих раскопках не сохранилось, а разнообразный инвентарь из погребений, хранящийся в Киевском историческом музее, депаспортизован, что не позволяет восстановить комплексы отдельных погребений.

Судя по характеру инвентаря, погребения эти относятся к IX—X вв. В тех же усадьбах и в усадьбе художника С. И. Светославского, у края плато расположенных там возвышенностей, были раскопаны погребения, находившиеся также в грунтовых могилах, но с несколько отличным инвентарем. В этих могилах найдены серебряные височные кольца, разнообразные бусы, серьги, реже — браслеты, железные ножи с костяными ручками, кресала, оселки (иногда в серебряной оправе), бронзовые пряжки, деревянные ведерца, от которых обычно сохраняются только железные обручи.[3]

В. В. Хвойка обратил внимание на своеобразный обряд захоронения, встречавшийся в этой группе погребений. Некоторые скелеты были окружены железными гвоздями, воткнутыми в землю на небольшом расстоянии один от другого (от 3 до 5 гвоздей).

4. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ИНВЕНТАРЬ РЯДОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ

Описанные выше девяносто четыре погребения несомненно принадлежат к числу массовых могил городского населения. К этому числу нужно прибавить несколько сот небольших курганов на взгорьях вдоль Кирилловской ул., из которых многие были раскопаны В. В. Хвойкой. Количество рядовых погребений еще возрастет, если учесть, что бóльшая часть погребений с сожжением, лишь немногие из которых подверглись раскопкам, по-видимому, должна быть отнесена также к этой же группе.

Рядовые захоронения киевского некрополя характеризуются устойчивым обрядом погребения. Почти во всех случаях, когда удавалось проследить устройство могилы, последняя представляла достаточно глубокую прямоугольную яму, вырытую в плотном материковом лёссе. Погребенные лежат в вытянутом положении, в деревянном гробу, сколоченном железными коваными гвоздями. Ориентация погребений обычно головой на З или с отклонением на ЮЗ, или СЗ (погребения 1, 3—10, 14, 17, 25, 26, 28, 29, 34—46, 56—68,

[1] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 53—54.

[2] Там же, стр. 54.

[3] Там же.

84, 85). Лишь в единичных случаях погребенный лежал головой на СВ (погребение 9) или Ю (погребения 83, 87).

В группе погребений, раскопанных В. В. Хвойкой на взгорьях вдоль Кирилловской ул., исследователем был отмечен своеобразный обряд. Некоторые скелеты были окружены железными гвоздями, воткнутыми в землю, на небольшом расстоянии один от другого. В. В. Хвойка высказывал предположение, что этими гвоздями прибивалась рогожа или какое-нибудь покрывало другого рода, накинутое на покойника.[1] Известно, что подобные погребения, где скелет окружен воткнутыми в землю гвоздями, весьма распространены в курганах древлянской земли, однако там погребенный обычно лежит не в грунтовой могиле, а на горизонте (под курганной насыпью). По словам В. В. Хвойки, погребения на горизонте (без могильной ямы) были им обнаружены и в Киеве, при раскопках в усадьбе Петровского и в нижней части возвышенностей возле Кирилловской ул. Место, на котором лежал костяк, было тщательно выровнено слоем утрамбованной, докрасна обожженной глины и иногда вокруг обложено камнями. Над покойником насыпался невысокий курган.[2]

Необходимо отметить еще одну своеобразную особенность погребального обряда, установленную С. Гамченко в нескольких захоронениях, раскопанных им в усадьбе Трубецкого. В погребениях 35, 37, 39 и 45 погребенный, лежавший в обычном деревянном гробу, был обильно посыпан золой и углями. В этом обряде несомненно отразились пережитки трупосожжения. Эта особенность должна быть отмечена и в одном из богатых погребений, открытом в 1878 г. на Софийском дворе (см. ниже, погребение 103). Человеческий скелет, костяк лошади и находившиеся при них вещи лежали, по словам П. Лебединцева, наблюдавшего за работами, «в полосе (?! — *М. К.*) угля». Сам исследователь признавал софийскую находку «остатком кострища, на котором в дохристианскую эпоху сожигали трупы умерших».[3] Несмотря на некоторую неясность описания, погребение, открытое в 1878 г. в Софийской усадьбе, все же едва ли можно отнести к числу трупосожжений. Самый факт наличия хорошо сохранившегося человеческого скелета, подле которого лежали кости коня, говорит о том, что погребение отнюдь не представляло собой сожжения. Небезынтересно отметить, что при обсуждении сообщения П. Лебединцева А. А. Котляревский заметил, что «сожжение не сразу перешло в погребение, а тело в переходный, так сказать, период или сжигали отчасти, или полагали на сожженное предварительно место».[4]

Отголоском еще более отдаленных представлений является обряд посыпания зерном, установленный раскопками С. Гамченко в одном из погребений той же группы. Погребенный был обильно посыпан льняным семенем, скопле-

---

[1] Там же.

[2] Там же, стр. 54—55.

[3] П. Г. Лебединцев. О раскопке на Софийском дворе в мае 1878 г. ЧИОНЛ, кн. II. Киев, 1878, отд. I, стр. 64.

[4] Там же.

ния которого были сосредоточены около черепа, возле обеих ног, у таза и у ступней ног (погребение 34).

На погребальном кострище, открытом в конце 90-х годов в усадьбе Софийского собора, в котором были найдены бронзовая курильница и многочисленные куски перегоревшей ткани «с византийским рисунком», по словам В. В. Хвойки, также были обнаружены поджаренные зерна пшеницы и проса, расположенные слоями» (погребение 118).[1]

В одном из погребений, раскопанных в усадьбе Трубецкого, обнаружена особенность, широко распространенная в северно-русских, в частности новгородских, захоронениях: верхняя часть скелета, лежавшего в деревянном гробу, была покрыта берестой (погребение 37).

Погребальный инвентарь в рядовых захоронениях киевского некрополя очень несложен и незначителен по количеству.

Во многих захоронениях встречена глиняная посуда, или в виде целых горшков, по-видимому, с пищей (погребения 9, 17, 22, 31, 32, 51—55), или в виде обломков, может быть, представляющих остатки погребальной тризны (погребения 35—39, 42, 44, 45, 47, 49, 50, 56—68, 81, 84, 91). В отдельных случаях исследователи указывали на то, что посуда была лепная (погребение 84).

В мужских погребениях часто встречаются железный нож с костяной рукоятью (погребения 1, 8, 21—23, 25, 40), кресало и кремень для высекания огня (погребения 23, 25, 38), последние иногда находятся в кожанном мешочке-кисете (погребение 21); оселок для заточки ножа или стрел (погребения 23, 45), костяной гребень в футляре (погребение 24).

В мужских погребениях дважды найдены (в одном случае возле головы) костяные роговые поделки в виде кривого острия, тыльный тупой конец которого обработан в виде головы зверя (погребения 24, 25; табл. VI—VII).

Хорошо отполированное кривое острие, сделанное из роговой кости, с тыльным концом, обработанным в виде головки зверька, найдено в 1937 г. при раскопках Б. А. Рыбакова на Гочевском городище, в его наиболее ранних слоях, относящихся, по-видимому, к IX—X вв.[2]

Интересный экземпляр подобных изделий найден в землянке Боршевского городища.[3] Боршевский экземпляр также имеет вид гладко отполированного кривого острия, что является естественной формой отростка рога, тыльной части которого придан вид головы зверя с широко разинутой пастью.

Такое же острие было обнаружено П. Н. Третьяковым в кургане XI в. на оз. Имоложье, около Бологого. У пояса погребенной там женщины находились остатки мешочка, содержавшего железные ключи, бронзовые крестовидные

---

[1] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 56.

[2] И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 130.

[3] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, № 8, М.—Л., 1948, табл. IX, *1*.

подвески, несколько просверленных астрагалов и упомянутое острие, конец которого обработан в виде головы лося.[1] Такие же костяные поделки, но несколько меньшего размера встречаются в курганах южного Приладожья. Н. Е. Бранденбург называл их «шильями с головами драконов».[2]

Назначение этих предметов, по-видимому, распространенных не только в городских, но и в сельских поселениях Киевской Руси, остается невыясненным. Применяемое по отношению к этим изделиям наименование «кочедык» лишено оснований.

В нескольких рядовых захоронениях киевского некрополя, так же как и в отдельных богатых срубных гробницах, встречены кабаньи клыки. Из описания И. Хойновского, зарегистрировавшего эти находки в погребениях 51—55, невозможно установить, в каком количестве клыки найдены в отдельных погребениях. В коллекцию И. Хойновского попало четырнадцать штук, хозяин усадьбы, в которой производились раскопки, взял и себе некоторое количество. В срубном погребении, открытом в усадьбе Десятинной церкви в 1909 г. (см. далее, погребение 110; табл. XIX, *1*) находилось три клыка. Один клык найден в погребении с конем (погребение 106). Никаких отверстий или приспособлений для подвески на клыках не сохранилось.

Рис. 20. Священный дуб с засаженными в него кабаньими клыками.

Находки клыков кабана нередки и в культурных слоях Киевского городища. По словам К. Болсуновского, «В. Б. Антонович находил их во множестве на местах древних киевских капищ (?! — *М. К.*), а В. В. Хвойка — в садах при Десятинной церкви (раскопки 1908 г.)».[3] В погребальном инвентаре курганов древлян находки кабаньих клыков отмечены не раз.

---

[1] Там же, стр. 48.

[2] Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, стр. 86—87, табл. V, *5*, *9*.

[3] К. Болсуновский. Памятники славянской мифологии, вып. II. Перунов дуб. Киев, 1914, стр. 14—15.

Исключительный интерес представляет найденный на дне русла Десны между Остром и Черниговом огромный ствол дуба, в который были засажены четыре кабаньих клыка (рис. 20).[1] Эта находка свидетельствует о тесной связи культа священных деревьев с культом зверей в древней восточно-славянской мифологии. Как свидетельствует найденный во Вщиже кабаний клык с процарапанной на нем надписью «Г(оспод)и помози рабу своему Ѳомѣ»,[2] амулеты этого рода продолжали бытовать и в христианской среде.

Наряду с кабаньими клыками в некоторых киевских захоронениях встречены также медвежьи клыки (погребения 51—55) и коготь (погребение 38). В одном погребении, если доверять И. Хойновскому, был обнаружен клык барса (погребения 51—55).

Несколько богаче по инвентарю женские рядовые погребения, в которых нередки ожерелья (погребения 3, 9, 10, 14, 15, 17, 27—30, 33, 48, 50, 83, 90), височные кольца (погребения 26, 30, 83, 84), серьги (погребения 26, 33, 94). Очень редки в киевских массовых захоронениях перстни (погребения 46, 50, 90). Совсем не встречены металлические браслеты. Находки в трех погребениях стеклянных браслетов, может быть, свидетельствуют о несколько более поздней дате захоронения.

Ожерелья состоят из пастовых, сердоликовых, хрустальных и стеклянных бус, а также из различных подвесок — монет, лунниц, раковин. Некоторые из ожерелий насчитывают в своем составе до 50 бус, другие состоят из двух-трех-пяти бусин.

Монеты, найденные в составе ожерелий, подробно рассмотрены ниже, в связи с вопросом о дате погребений.

Височные кольца в массовых погребениях представляют обычно небольшие проволочные колечки с несомкнутыми концами. У восьми височных колец из погребения 30 один конец расплющен и завернут (табл. X, *4*).

Заканчивая характеристику рядовых погребений киевского некрополя, нужно напомнить о довольно многочисленной группе захоронений без инвентаря (погребения 2, 4—7, 11—13, 16, 18—20, 41, 69—72, 74—80, 85, 92). Не следует думать, что эта группа покойников была погребена без вещей. В большинстве случаев, по-видимому, при погребенных находились вещи, сделанные из нестойких материалов (дерево, ткани), бесследно исчезнувших. Кроме того, нужно помнить, что в группу погребений «без инвентаря» нередко попадают погребения, которые были раскопаны без необходимой тщательности; мелкие или плохо сохранившиеся вещи при этом остались незамеченными.

Среди рядовых мужских погребений заслуживает особого внимания несколько захоронений, в составе погребального инвентаря которых есть немногочисленные предметы вооружения. Так, в погребении 8, раскопанном в 1908 г.

---

[1] К. Болсуновский, ук. соч., стр. 3.

[2] Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, стр. 118 и 120.

в усадьбе Десятинной церкви, находился железный наконечник копья, в погребении 34, открытом в 1926 г. в усадьбе Трубецкого, — железный наконечник дротика (?), в погребении 37 (там же) — железный кинжал и наконечник стрелы. В одном из этих погребений (8) был найден, кроме того, кожаный пояс. В погребении 93, обнаруженном в 1897 г. на Верхней Юрковице, находился боевой топор.

К этой же группе следует отнести отлично сохранившееся погребение, раскопанное нами в 1939 г. под фундаментами Десятинной церкви. В составе погребального инвентаря этого захоронения, по устройству могилы ничем не отличавшегося от обычных рядовых погребений, кроме железного ножа в деревянном футляре, кресала и кремня, был обнаружен боевой топорик и колчан со стрелами (погребение 86; рис. 18; табл. XII).

В ногах у погребенного находился какой-то деревянный ящичек с железной оковкой. Точно такой же ящичек, лежавший также у ног скелета, обнаружен в погребении, раскопанном нами в 1948 г. к западу от Десятинной церкви (погребение 87, рис. 19).[1]

Полагаем, что все перечисленные выше погребения принадлежат рядовым дружинникам, составлявшим основную массу княжеской дружины, резко отличавшуюся по своему социальному положению от все более и более обособляющейся аристократической верхушки дружины.

Среди погребений киевского некрополя особняком стоит погребение, случайно обнаруженное в 1882 г. на Б. Дорогожицкой ул., в усадьбе археолога-любителя Т. Кибальчича. Подле костяка, лежавшего в грунтовой могиле, находились две медных чашки от весов, складное коромысло к ним и девять железных, обтянутых бронзой гирек. Там же была найдена золотая византийская монета имп. Константина Багрянородного (913—959) (погребение 94).

Весы служили для взвешивания серебра или монет, которые, как известно, резались на две, четыре или другое количество частей. Складные весы и гирьки к ним неоднократно находили в богатых по инвентарю курганах Гнездова, Приладожья, на Верхней Волге и в других местах.

В гнездовских курганах раскопками только последних лет, ведущимися под руководством Д. А. Авдусина, дважды обнаружены складные весы, из которых один экземпляр почти целый, но без чашечек, другой представляет обломок орнаментированого коромысла. Гирьки к таким весам в гнездовских курганах были найдены много раз; форма их бочковидная или многогранная.[2]

[1] Обломки деревянного ящичка со следами ткани найдены в срубном погребении X в. в одном из курганов Седневской группы под Черниговом. См.: Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 205. Любопытно, что какой-то деревянный ящик, сбитый гвоздями, был обнаружен в погребении, раскопанном Е. А. Зноско-Боровским в одном из курганов близ с. Берестяное Каневского у., относящихся к числу могильников киевских торков и берендеев. См.: А. Спицын. Курганы киевских торков и берендеев. ЗОРСА (нов. сер.), т. XI, вып. 1—2, СПб., 1891, стр. 159—160.

[2] Д. А. Авдусин. 1) Гнездовские курганы. Смоленск, 1952, стр. 17, 20; 2) Гнездовская экспедиция (1950 г.). КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 95.

Наборы или единичные экземпляры весовых гирек и части весов довольно часто встречаются в курганах IX—X вв. Ярославского Поволжья. Они были встречены в нескольких курганах в известном Михайловском могильнике близ Ярославля (курганы №№ 10, 20 и 44 — 1897 г., №№ 1, 5 и 10 — 1938 г.). В кургане № 18 (1939 г.) Тимеревского могильника был встречен целый набор гирек-разновесок наряду с бронзовыми предметами и в кургане № 10 (1939 г.) — чашки от весов.[1]

Д. А. Авдусин, отмечая случаи находок весов и гирек в погребениях, в которых вместе с тем было найдено небогатое оружие и поясные наборы, считал, что погребения эти принадлежат рядовым дружинникам.[2] Весы и гирьки выступают в этих погребальных комплексах как атрибуты купца-воина.

5. РЯДОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КИЕВСКОГО НЕКРОПОЛЯ (ТРУПОСОЖЖЕНИЯ)

К числу рядовых погребений городского населения несомненно относится и бóльшая часть трупосожжений, обнаруженных как в могильнике I, так и, в значительно большем количестве, в могильнике II. Не следует из этого делать вывод, что обряд кремации покойников более характерен для могильника на Кирилловской ул., а обряд ингумации — для могильника на Андреевской горе. Значительные части могильника на Кирилловской ул. сохранились вплоть до конца XIX—начала XX в. в виде курганов, которые подверглись систематическим раскопкам. Могильник на Андреевской горе уже в конце X в. оказался в центре нового города Владимира. Тогда же его курганные насыпи были снесены. С той же поры территорию могильника начали энергично застраивать. Многие погребения этого могильника были открыты при случайных земляных работах. Вполне естественно, что значительная часть кострищ при этих работах оставалась незамеченной. Как будет показано ниже, даже при археологических раскопках значительные комплексы находок из трупосожжений порой оставались непонятыми. Тем не менее еще В. В. Хвойка отмечал, что при раскопках в усадьбе Петровского ему не раз попадались погребения с трупосожжением. «Обнаруженные здесь погребения, — сообщал он, — заключали в себе и одни кострища с остатками пережженных костей, и кострища с сосудами, в которых были уложены остатки сожженного тела покойника».[3]

Ниже даны описания погребений с трупосожжением, обнаруженные в разные годы в могильнике I.

Погребение 95. Обнаружено в 1837 г. раскопками Анненкова в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря, невдалеке от развалин древнего храма, над Крещатицким оврагом. В небольшом кургане была найдена глиня-

[1] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА СССР, № 6, М.—Л., 1941, стр. 77.

[2] Д. А. Авдусин. Гнездовские курганы, стр. 24.

[3] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 56.

ная «урна» с двумя ушками, наполненная прахом и мелкими человеческими костями. Анненков относил находку «ко временам язычества».[1] Урна была передана в Музей древностей при Киевском университете.[2] Обнаружить ее ныне среди многочисленных депаспортизованных коллекций Киевского исторического музея, куда поступило собрание Музея древностей, не удалось.

Погребение 96. В рукописной инвентарной книге Музея древностей при Киевском университете под № 176 значится еще одна «большая, глиняной массы урна, без ушей и без шейки, в которой находились прах и кости человеческие». Согласно записи в инвентаре, урна была найдена Анненковым на отлогости горы ниже Михайловского монастыря и поступила в музей при выписке из журнала заседания Комитета древности от 10 IX 1838 г.[3]

Погребение 97. Обнаружено 28 II 1892 И. Хойновским при земляных работах в неоднократно упомянутой выше усадьбе Кривцова, на глубине около 3 м. По словам И. Хойновского, погребение имело «ту особенность, что тут был совершен обряд сожжения».[4] По описанию названного автора, «кроме массы угля, найдены были кусочки обуглившегося дерева и кусочки сожженных костей; при этом кострище найдено было только много черепков битой посуды и кости съеденных на тризне животных: куриных, гусиных, овечьих и др.».[5]

Погребение 98. Обнаружено в мае 1909 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, возле развалин апсид древней церкви. Известно лишь по сообщениям киевской прессы. По словам корреспондента, «на материке были найдены остатки древнего кострища с тонким слоем угля», в котором обнаружено несколько фрагментов глиняной лепной посуды и перегоревшие остатки каких-то бронзовых украшений.[6] По-видимому, об этой же находке сообщал корреспондент другой газеты: «Здесь найдены перегорелые кости и другие перегоревшие предметы. Эти находки указывают, что в данном месте было погребение язычника, труп которого был сожжен».[7]

Погребение 99. В июне 1909 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, к востоку от развалин древней церкви было обнаружено большое кострище, в центре которого найден отлично сохранившийся глиняный горшок с большим коли-

---

[1] Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1837 г. ЖМНП, ч. XVIII, 1838, апрель, стр. 83.

[2] Там же, стр. 83; см. также рукописную книгу для записи вещей Музея древностей Университета св. Владимира, по разряду древностей, № 142. КИМ.

[3] Инвентарь Музея древностей Университета св. Владимира, № 176. КИМ.

[4] И. А. Хойновский, ук. соч., стр. 31.

[5] Там же.

[6] Раскопки в Киеве в 1909 г. (Свод газетных известий). ИАК, Прибавл. к вып. 32, СПб., 1909, стр. 125.

[7] Там же.

чеством перегорелых костей внутри. По-видимому, это остаток погребения с сожжением. К сожалению, находка известна лишь по информациям киевской прессы.[1]

Погребения 100, 101. Обнаружены в 1911 г. раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, к югу от новой церкви. Под фундаментами древнего дворцового здания, по словам С. Вельмина, были найдены «остатки курганных насыпей, под которыми обнаружены глиняные очень старые сосуды и в них и около них перегорелые кости и угольки».[2]

Находки погребений с трупосожжениями в могильнике II известны уже давно. Еще в 1876 г. в неоднократно упоминаемой в настоящей главе усадьбе купца Марра было обнаружено погребение, описанное ниже.

Погребение 102. Вблизи от описанного выше погребения 88 обнаружен сосуд из белой глины, сделанный на гончарном круге. По венчику сосуда «криволинейный» (по-видимому, волнистый?) орнамент. Сосуд, опрокинутый вверх дном, заключал в себе пережженные человеческие кости.[3]

Сообщая о тех же находках в усадьбе Марра, А. Рогович дополнял факты нелепыми вымыслами; так, например, он писал о находке не только «горшков (!) с посмертным пеплом и уцелевшими полуобгорелыми костями человеческими», но и «печи (!?) для сожигания покойников».[4] Этот вздорный вымысел, к сожалению, не раз серьезно повторялся впоследствии.[5]

Большое количество погребений с сожжением было обнаружено раскопками В. В. Хвойки в усадьбах дд. 59—61 по Кирилловской ул. Отсутствие документации раскопок вынуждает ограничиться суммарной характеристикой погребений. Погребения были расположены на разном расстоянии одно от другого и представляли тщательно выровненные кострища различной величины (2—3 м в диаметре), состоящие из слоя обожженной глины, прикрытого золой и углями, среди которых находились остатки пережженных человеческих костей.[6] Находки вещей на таких кострищах немногочисленны. В одном случае на кострище возле черепа полуобожженного скелета было найдено железное

---

[1] Раскопки в Киеве в 1909 г. (Свод газетных известий). ИАК, Прибавл. к вып. 32, СПб., 1909, стр. 128.

[2] С. П. Вельмин. Раскопки Археологической комиссии в усадьбе Десятинной церкви. . ., стр. 6.

[3] В. Б. Антонович. 1) Археологические находки и раскопки. . ., стр. 252; 2) О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве, стр. 43.

[4] А. Рогович. Об экскурсии, произведенной в 1875 г. по предложению Киевского общества естествоиспытателей. Записки Киевского общества естествоиспытателей, т. IV, вып. 3, Киев, 1876, стр. 233—234.

[5] Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО (нов. сер.), т. XI, вып. 1—2, СПб., 1899, стр. 267. — М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в восточной Европе. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 276.

[6] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 57.

копье. В другом среди пережженных человеческих костей оказались два раздавленных глиняных сосуда, полурасплавленный серебряный ажурный предмет, железный нож и каменный оселок с просверленным отверстием.[1] Обломки глиняных сосудов были найдены и на некоторых других кострищах среди кальцинированных человеческих костей. В одном случае на кострище оказался небольшой целый глиняный сосуд, наполненный кальцинированными костями и золой.[2]

В той же усадьбе были найдены два погребения, расположенные в 10 м одно от другого, в сосудах без кострищ, зарытых на глубине 0.40—0.60 м от поверхности земли. Каждое погребение представляло сосуд, наполненный остатками кальцинированных костей, причем уложенных таким образом, что черепные кости находились сверху других остатков.[3]

Подобное же погребение было открыто на плато возвышенности в усадьбе Светославского (Кирилловская ул., д. 81). Здесь также на незначительной глубине от поверхности земли был найден глиняный сосуд, наполненный кальцинированными человеческими костями, поверх которых лежал железный нож, два куска серы, бронзовая застежка и какой-то аморфный предмет.[4]

Как объяснить наличие двух различных погребальных обрядов в киевском некрополе, что характерно не только для рядовых массовых погребений, но, как будет показано несколько ниже, и для группы богатых погребений киевской знати. Погребения с ингумацией наряду с одновременно распространенным обрядом кремации известны не только в Киеве IX—X вв. Сосуществование двух погребальных обрядов типично и для могильников Чернигова. Наоборот, в одновременном Гнездовском могильнике безраздельно господствует обряд кремации. Считать один из этих обрядов более древним нет особых оснований. Материалы черниговского и киевского некрополей свидетельствуют об одновременности тех и других погребений.

На сосуществование погребальных обрядов трупосожжения и трупоположения в киевском некрополе обращал внимание еще В. В. Хвойка, отмечавший, что эта черта, присущая еще культуре полей погребений, была унаследована и славянами VIII—X вв.[5]

Однако ссылка на более давнюю традицию не объясняет происхождения самого явления. Обоснованное решение этого вопроса будет возможно лишь тогда, когда более глубоко и всесторонне будут изучены сложнейшие процессы формирования восточного славянства, происходившего в ту эпоху, которая лежит за хронологическими гранями настоящего исследования.

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 97.

6. ПОГРЕБЕНИЯ ЗНАТНЫХ ДРУЖИННИКОВ

Наряду с массовыми погребениями, рассмотренными выше, в составе киевского некрополя в разное время была обнаружена значительная группа богатых погребений с гораздо более сложным устройством могилы. Погребения эти обычно находятся в больших подземных деревянных срубах, перекрытых бревенчатым накатом. Инвентарь погребений этого типа резко отличается от инвентаря массовых погребений. Богатое вооружение, пышные одежды и драгоценные украшения, скелет коня и роскошная конская упряжь, находимые в погребениях этого типа, не оставляют сомнения в том, что это — погребения знатных представителей княжеской дружины. В нескольких случаях погребенного сопровождает женщина, по-видимому убитая рабыня.

Бóльшая часть погребений этого типа, к сожалению, была обнаружена при случайных земляных работах или же раскопками, методическая сторона которых и особенно графическая фиксация оставляли желать много лучшего. Вследствие этого сложное устройство могильных сооружений, состав и особенно расположение инвентаря в могилах далеко не всегда могут быть восстановлены с желаемой полнотой и точностью. Тем не менее, учитывая исключительное значение погребений этой группы для решения многих проблем истории Киева в эпоху сложения Древнерусского государства, необходимо по возможности полнее охарактеризовать их сложное устройство и богатый инвентарь.

Погребение 103. Обнаружено в мае 1878 г. при выемке земли для постройки флигеля у башенных ворот усадьбы Софийского собора. На глубине около 3 м был обнаружен человеческий скелет и кости лошади. Подле были найдены железные стремена и железный кинжал. По словам П. Г. Лебединцева, сделавшего в том же году сообщение об этой находке на заседании Исторического общества Нестора летописца, находка была сделана «в слое глины, обратившейся (?! — *М. К.*) в материк». Человеческий остов, лошадиные кости и находившиеся при них вещи лежали, по словам Лебединцева, «в полосе (?! — *М. К.*) угля».[1] П. Г. Лебединцев высказывал предположение, что софийская находка представляет «остаток кострища, на котором в дохристианскую эпоху сожигали трупы умерших».[2]

Несмотря на некоторую неясность описания, погребение, открытое в 1878 г. в Софийской усадьбе, все же едва ли можно отнести к числу трупосожжений. Самый факт наличия хорошо сохранившегося человеческого скелета, подле которого лежали кости коня, говорит о том, что погребение на Софийском дворе не было трупосожжением.

---

[1] П. Г. Лебединцев, ук. соч., стр. 64. В. Б. Антонович (Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 36) упоминает о находке железного копья, пряжки, стремян и удил; ср.: В. Б. Антонович. Объяснительная записка к черепам, костякам и модели кургана, доставленным для выставки. ИОЛЕАЭ, т. XXXV, Антропологическая выставка, т. III, ч. 1, М., 1879, стр. 87.

[2] П. Г. Лебединцев, ук. соч., стр. 64.

Небезынтересно отметить, что при обсуждении сообщения П. Г. Лебединцева А. А. Котляревский заметил, что «сожжение не сразу перешло в погребение, а тело в переходный, так сказать, период или сжигали отчасти, или полагали на сожженное предварительно место».[1] Находки поступили в Музей Киевского университета. Обнаружить их в коллекциях Киевского исторического музея, куда поступило собрание университетского музея, нам не удалось.

Погребение 104. В 1879 г. на Десятинной (ныне Б. Владимирской) ул., около северного угла дома Трубецкого, Т. Кибальчич раскопал «бугор» (курган?), похожий, судя по описанию И. Хойновского, на часть вала, и нашел там «костяную крупную привеску под узду лошади, сделанную в виде двойной новой луны, одна под другой, соединенных поперек столбиками с ушком для продевания шнурка в верхнем конце ее».[2] Там же были найдены наконечники стрел, «пик» и другие предметы. По словам И. Хойновского, Кибальчич забрал находки «в свою пользу».[3]

Погребение 105. Обнаружено 6 III 1892 И. Хойновским при земляных работах в усадьбе Кривцова, в срубе, перекрытом деревянным дубовым накатом. Деревянный сруб (по терминологии И. Хойновского — склеп) имел в длину около 3 м, в ширину около 2 м. Дно могилы было выстлано досками. По снятии деревянного наката, обвалившегося на дно могилы, был обнаружен скелет, ориентированный головой на С. Подле скелета лежали железный меч, распавшийся вследствие сильной коррозии на куски, железный наконечник копья, втулка которого сохранилась, а острие искрошилось, истлевший лук и колчан со стрелами, железные наконечники которых сохранились настолько, что хорошо видны были форма и размеры их, а при некоторых наконечниках сохранились и деревянные части древков. Общее количество стрел в колчане было около 50 штук. Стрелы были разной величины и формы (рис. 21). Колчан был сделан из луба, обтянутого кожей, и украшен костяными прямоугольными бляшками величиной 10 мм в квадрате, прибитых к колчану медными гвоздиками. При колчане был ремень с медной пряжкой и наконечником.[4] И. Хойновский, весьма склонный к скороспелым и необоснованным атрибуциям, поспешил высказать свое предположение и в данном случае. Погребение в срубе он готов был приписать сыну Андрея Боголюбского, князю Владимиру Дорогобужскому, или же другому воину «великокняжеского периода».[5]

Погребение 106. Обнаружено И. Хойновским 26—27 II 1892 в той же усадьбе, в грунтовой могиле, вырытой в материке на глубину около 3 м. Человеческий скелет лежал головой на В. На шее находилась серебряная шейная гривна, сделанная из витой серебряной проволоки (рис. 22, *1*), с плоскими

[1] Там же.

[2] И. А. Хойновский, ук. соч., стр. 13.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 40—41. Далеко не все стрелы на рисунке И. Хойновского можно отнести к X в. К тому же мало вероятно его сообщение о находке в колчане 50 стрел.

[5] Там же, стр. 40.

загнутыми концами. Длина гривны 0.60 м, наибольшая толщина 0.015 м. Подле скелета стояла большая амфора с кольцеобразными ручками, орнаментированная по плечикам крупными бороздами («поясками») (рис. 22, *2*). Кроме амфоры, подле скелета найдена «миска с вычурно муравленным дном». По словам И. Хойновского, по белому полю дна миски «нарисована розетка зеленого и красного цвета». В погребении найдены также кабаний клык и железный наконечник стрелы. Рядом с покойником лежал скелет коня с подогнутыми

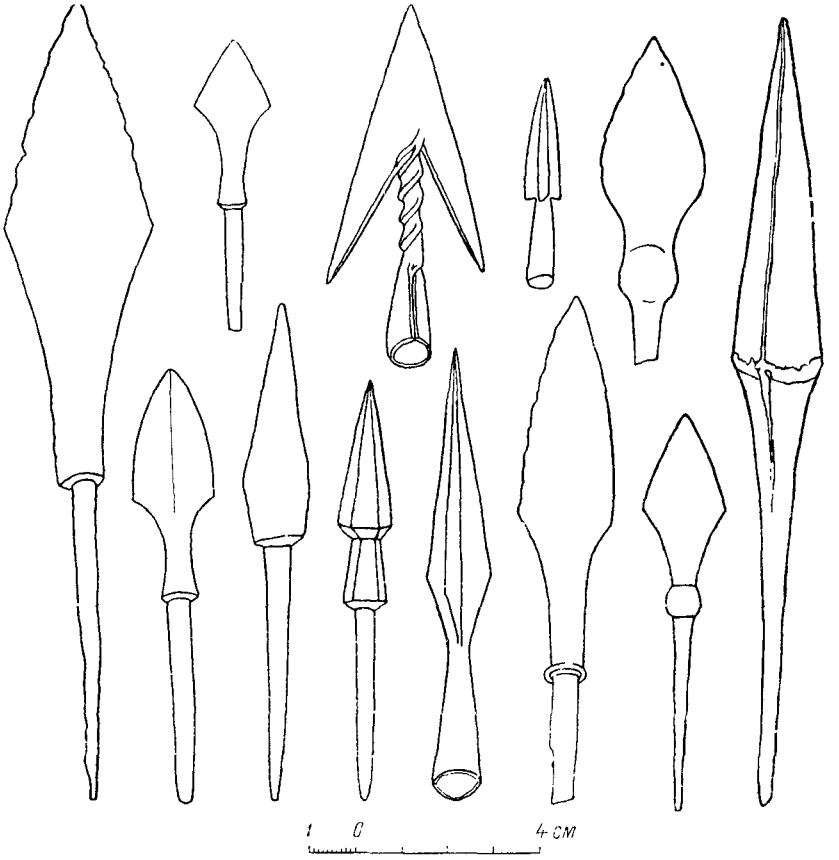


Рис. 21. Наконечники стрел из колчана (погребение 105).

ногами.[1] И. Хойновский называл это погребение «погребением воина полянина, до начала Руси».[2]

Погребение 107. 21 II 1892 при тех же работах была обнаружена грунтовая могила с парным захоронением. Мужской и женский костяки лежали рядом на подстилке из деревянных досок. Около них находилась большая амфора, покрытая «поясками и бороздками» по окружности. На руке у женского

[1] И. А. Хойновский, ук. соч., стр. 28—29.

[2] Там же, стр. 29.

скелета был «коринфской меди» (бронзовый?) перстень, на квадратном щитке которого резное изображение цветка (розетки). Кроме того, в этой же могиле найдены костяной наконечник стрелы с высверленным отверстием для насадки на древко и стеклянный сосуд типа так называемых слезниц.[1]

Погребение 108. Обнаружено весной 1900 г. в усадьбе Фурмана (угол Рейтарской и Мало-Владимирской ул., ныне ул. Чкалова) при земляных работах для постройки большого каменного дома.[2] При выемке рва для фундамента на глубине около 2 м рабочие-землекопы наткнулись на скелет коня, возле которого находился человеческий скелет с многочисленными и разнообразными вещами при нем. К сожалению, в момент открытия этого погребения не было никого, кто бы мог принять меры к сохранению находок и тем более сделать описание обстоятельств обнаружения погребения. Один из рабочих, обнаруживших погребение, разысканный позже киевским археологом В. Гезе, изложил ему обстоятельства находки следующим образом: «Когда мы прокопали канаву для фундамента, то нашли лежащие вдоль рва конские кости, а поперек, в боку канавы, виднелась человеческая голова. Вытащив ее, мы за ней увидели другие кости; выбирая последние, мы вытащили вместе с ними позеленевшую кожу, на которой были бляхи. Из кожи посыпались ребра. Сбоку костей был меч, топорик и кинжал с костяной рукоятью, также позеленевшей и украшенной резными цветами. У головы были бляшки (монеты),

Рис. 22. Погребальный инвентарь (погребение 106).

1 — серебряная шейная гривна; *2* — амфора.

[1] Там же, стр. 24.

[2] В. Гезе. Заметки о некоторых киевских древностях, I. Меч, найденный у Золотых ворот. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, СПб., 1905, стр. 143—146.

штук 40, которые мы приняли за олово от бутылок, почему, пробуя их, многие поломали и побросали, между костями нашли более десятка стеклышек (шашки) и костяную плитку с нарезками (зернь). Заметив, что бляхи серебряные, мы стали срывать их с кожи, некоторые поломали, а самую кожу порвали. Кроме того, при лошади были еще железные стремена и удила, но их вывезли вместе с землею на тачке. Подрядчик и городовой видели, как мы вытаскивали вещи, но сказали, что все это пустяки, и не мешали нам делать, что хотим».[1] Выяснить расположение блях на коже из рассказов участников работ В. Гезе не мог. Одни кожу эту называли латами, на которых бляхи сидели так тесно, что нельзя было разрубить кожу, не поломав их, другие утверждали, что это были остатки седла.[2]

Найденные вещи были разделены рабочими между собой; тот, которому достался меч, обломал конец последнего и собирался уже оторвать серебряную оправу с рукояти, когда о находке узнал торговец, который, приобретя оставшиеся целыми предметы, в свою очередь продал их В. Гезе. Позже вещи оказались в собрании Ханенко, а ныне часть их находится в Киевском историческом музее.

В коллекцию В. Гезе поступили следующие вещи из этого замечательного погребения.

1. Большой стальной обоюдоострый меч, с отломанным острием (табл. XIII). Длина меча 0.82 м, ширина 0.055 м (у рукояти) и 0.045 м (внизу), длина захвата 0.104 м. Рукоять по захвату обернута серебряной пластинкой, края которой загнуты и, положенные один на другой, прибиты железными гвоздями; вся поверхность этой пластины украшена гравированным орнаментом. Головка рукояти, равно как и перекладина, орнаментирована серебряной, крученой, местами вызолоченной проволокой, которая во многих местах выступает из-под густого слоя коррозии. Головка рукояти меча, по-видимому, была трехчастной.

2. Железный боевой топорик (рис. 23); длина 0.18 м, ширина лезвия 0.155 м. Обух удлиненный, секироподобный, втулка посредине, ширина ее 0.03 м.

3. Двенадцать целых и обломки от восьми поломанных больших серебряных, штампованных, довольно массивных блях, имеющих форму овала с заострением (табл. XIV). На лицевой поверхности блях — орнаментальный рисунок (крин), выполненный плоским рельефом на углубленном фоне. Углубленный фон был покрыт густой позолотой; на одной из блях позолота видна и на рельефе.

Контурам углубленного фона на лицевой стороне блях соответствуют выпуклости на обороте, свидетельствующие о технике выполнения блях. С оборотной стороны блях, по краю их сделаны невысокие шпеньки, с уцелевшими местами остатками кожи, с которой бляхи были сорваны находчиками; шпеньки прикреплены с помощью широких плоских колец. Все бляхи были выполнены, по-видимому, одним штампом.

---

[1] В. Гезе, ук. соч., стр. 143.

[2] Там же.

4. Пятнадцать целых небольших серебряных блях сердцевидной формы (табл. XIV). Лицевая сторона со следами позолоты украшена орнаментальным рисунком, состоящим из кружков с точкой посредине и стеблей. В. Гезе видел в этом орнаментальном рисунке схематическое изображение головы животного (?). Все бляшки выполнены одним штампом. На обороте их по три шпенька.

5. Две целых и одна поломанная серебряные маленькие квадратные бляшки с углублением посредине и выемками по бокам (табл. XIV). На лицевой стороне бляшек сохранились местами следы позолоты, на оборотной стороне — один шпенек. Бляшки также выполнены одним штампом.

6. Два медных бубенчика с разрезом (табл. XIV).

7. Четыре стеклянные игральные шашки в виде усеченного конуса с верхом в форме полушара (табл. XIV). Три шашки из темного стекла, одна из голубовато-зеленого с черной спиралью (табл. XIV). Высота их 2 см, ширина та же. Находчики утверждали, что шашек было более десяти штук.

8. Игральная кость, имеющая форму параллелепипеда размером 3×15×15 см (табл. XIV). В. Гезе считал материалом ее слоновую кость (?). Поверхность ее покрыта очками в арифметической прогрессии от 1 до 6, имеющими вид точек, окруженных двумя концентрическими кружками.

Рис. 23. Боевой топор (погребение 108).

9. Шесть дирхемов, из которых: а) один — Исмаила ибн Ахмеда 287(900) г., чеканенный в Шаше, б) четыре — Насра ибн Ахмеда, из которых один чеканен в Самарканде, а другой представляет варварское подражание, в) один — автором описания не определен. Находчики утверждали, что монет было около 40 штук. Бо́льшая часть их исчезла.

Не были приобретены коллекционерами и бесследно пропали кинжал с позеленевшей костяной рукоятью, украшенной резными цветами, железные стремена и удила и некоторые другие предметы.[1]

По информации о находке погребения, напечатанной в «Археологической летописи Южной России», скелет был «в шлеме и панцыре».[2] Правдоподобность

[1] Там же, стр. 144—146.

[2] АЛЮР, 1900, июнь, Случ. находки, стр. 120.

этого сообщения, к сожалению, не может быть установлена. Весь комплекс находок и отдельные вещи из этого погребения неоднократно издавались.[1]

В коллекции Киевского исторического музея находится еще один предмет, по-видимому, происходящий из того же погребения. Это большая серебряная фибула в виде кольца, украшенного по кругу тремя рельефными головками птиц; к кольцу прикреплена длинная игла (табл. XV). Фибула эта поступила в музей из коллекции Б. Ханенко. В описании вещей этой коллекции сказано, что фибула была найдена в 1900 г. в Киеве, в Старом городе, на углу М. Владимирской и Рейтарской улиц, при выемке земли под фундамент дома.[2] Именно в этом месте в 1900 г. было обнаружено описанное выше погребение.

Погребение 109. Под южной апсидой Десятинной церкви и частично за ее пределами раскопками Д. В. Милеева в 1908 г. было открыто деревянное сооружение, назначение которого осталось тогда невыясненным. Та часть сооружения, которая выходила за пределы габаритов храма и которая благодаря этому подверглась меньшему разрушению при закладке в конце X в. фундаментов храма, была исследована с особенной тщательностью. Сооружение (рис. 24) представляло собой сруб из сосновых, сильно истлевших бревен, рубленных «в обло», сложенный в глубокой грунтовой выемке, вырытой в лёссовом материке. Местами (например, в северо-западном углу) сохранились три венца сруба, в остальной части лишь нижний венец. Сруб имеет квадратный план (5.5×5.5 м); выемка, в которую он опущен, несколько больше. На плане восточной части Десятинной церкви, вскрытой раскопками 1908 г., в южной части сруба показано бревно, лежащее параллельно южной стенке, а западным концом как будто бы врубленное в западную стенку сруба. В достаточно подробном отчете Д. В. Милеева о раскопках 1908 г. об этой детали постройки, к сожалению, не упомянуто.

Сруб опущен в материк глубже подошвы фундамента храма. Глубина заложения нижнего венца сруба от уровня современной поверхности 3.10 м, тогда как фундаменты Десятинной церкви заложены лишь на глубину 2.60 м; следовательно, нижние венцы сруба лежали на 0.5 м глубже подошвы фундамента церкви. Вот почему при выемке земли для закладки фундамента южной апсиды храма нижние венцы сруба и нижняя часть заполнения сруба, оказавшиеся под церковью, не были срыты, так же как и лежащие примерно на этом же уровне древние погребения в грунтовых могилах, открытые в том же году. Тщательное изучение стратиграфии позволило установить, что древний горизонт, современный постройке сруба, представляющий слой чернозема с остатками истлевшего дерева и обломками глиняных сосудов, лежит на глубине 1.70 м

[1] Кроме цитированной выше заметки В. Гезе, см. также: информацию, напечатанную в АЛЮР, 1900, июнь, Случ. находки, стр. 120; Древности Приднепровья. Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко, вып. V. Киев, 1902, табл. XX; J. Hampel. Ornamentika a Honfoglalasi kor emlekein. Archaeologiai Ertesito, t. XXIV, 1904, стр. 113.

[2] Древности Приднепровья. Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко, вып. V. Киев, 1902, стр. 21 и табл. XVIII, *603*.

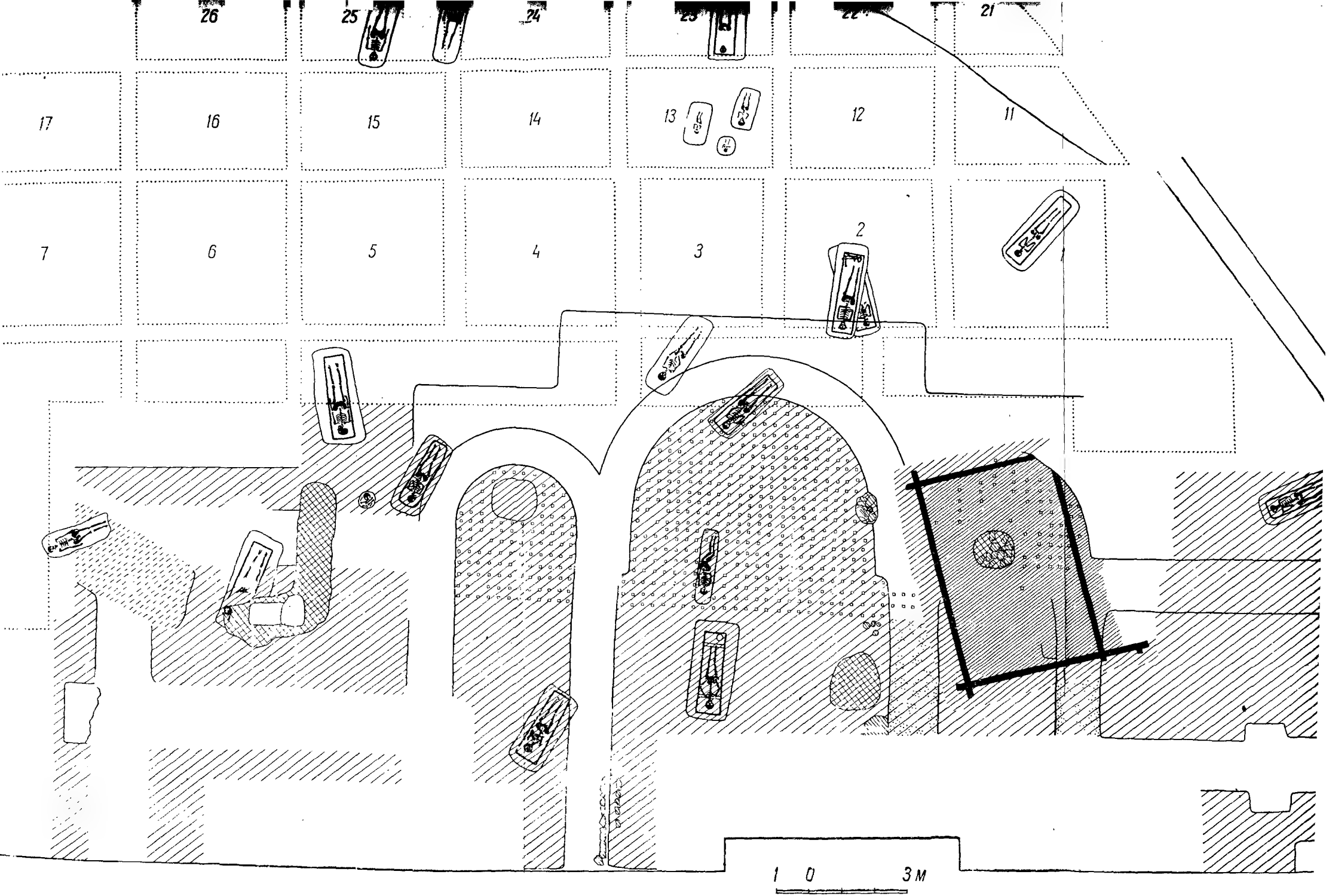


Рис. 24. План раскопок восточной части Десятинной церкви (под южной апсидой — сруб погребения 109).

от уровня современной поверхности. Выемка для закладки деревянного сруба была сделана на глубину 1.40—1.50 м от древнего горизонта.

Д. В. Милеев, не решавшийся определить назначение деревянного сооружения, высказывал, однако, предположение, что раскопками открыты лишь нижние подвальные части какой-то постройки, наземная часть которой не сохранилась.[1] Полагаем, что этот вывод осторожного исследователя, широко использованный менее осторожными авторами, объявившими деревянную постройку, открытую в 1908 г., «домом варяга-христианина», отказавшегося выдать своего сына в жертву языческим богам и растерзанного вместе с ним разъяренными язычниками-киевлянами,[2] неверен. Необходимо напомнить, что открытый раскопками 1908 г. сруб, опущенный в грунтовую выемку на глубину 1.5 м., до постройки храма в 989 г. был расположен за рвом и валом древнего городища, среди многочисленных курганов огромного, наиболее богатого киевского некрополя IX—X вв. В ближайшем соседстве с ним раскопками разных лет было обнаружено не только множество погребений этой поры в простых грунтовых могилах, расположенных на той же глубине, но и ряд наиболее богатых погребений в подкурганных срубах, по своему устройству и, что особенно важно, по стратиграфическим условиям полностью повторявших подземную камеру-сруб, раскопанную в 1908 г. Сруб, открытый в 1908 г., несколько больше других известных нам погребальных сооружений этого типа, но это свидетельствует, по-видимому, лишь о большем богатстве и знатности погребенного в нем человека.

Разумеется, решающим материалом в вопросе о назначении этого деревянного сооружения могли быть находки на дне подземной камеры-сруба, если бы эта часть сооружения сохранилась в достаточной степени. Поскольку большая часть сруба оказалась в 989 г. в зоне земляной выемки для постройки церкви, разумеется, было бы наивно ожидать на дне сруба полностью сохранившийся погребальный инвентарь. Обнаруженные при земляных работах, связанных с закладкой фундаментов храма, деревянный накат и верхние венцы сруба, в ту пору, возможно, еще достаточно хорошо сохранившиеся, не могли не привлечь внимание и к нижней части сруба. Все бросившееся в глаза — оружие, богатые украшения — было, конечно, похищено, а костяки, очевидно, выброшены.

Однако, известно, что даже самые опытные хищники-кладоискатели, занимавшиеся с весьма давних пор ограблением богатых курганов, никогда не могут выбрать из погребения весь инвентарь полностью. Так было и при ограблении интересующей нас камеры. В заполнении нижней части сруба, ниже уровня подошвы фундаментов церкви, были найдены обломки толстых глиняных черепков с обильной примесью кварца, несколько аморфных в результате коррозии железных предметов, в частности гвоздей, а также два бронзовых

[1] ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 152—153.
[2] К. Шероцкий. Киев, Путеводитель. Киев, 1917, стр. 92.

предмета, представляющих особый интерес для выяснения вопроса о назначении сооружения. Это были бронзовый литой наконечник ремня с сердцевидной петлей на одном конце и с вырезкой в виде тупого угла на другом; на лицевой поверхности наконечника — углубленный орнамент в виде квадрифолия (рис. 25, *1*) и бронзовая литая орнаментированная накладка на ремень с сердцевидной прорезью в середине (рис. 25, *2*). Обе находки, а в особенности вторая, имеют ближайшие аналогии среди инвентаря курганных погребений X в. на Руси и в Венгрии.[1] С. Вельмин утверждал, что, кроме «очень интересных металлических бляшек», в срубе найдены были также два диргема.[2]

Изложенные выше стратиграфические наблюдения, сделанные при раскопках, не оставляют сомнений в том, что погребальное сооружение, открытое в 1908 г., относится ко времени до постройки Десятинной церкви, при закладке фундаментов которой погребальная камера была в большей ее части разрушена.

Погребение 110. Обнаружено 5—6 VI 1909 раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви, к северо-востоку от развалин древнего храма, в прямоугольной грунтовой могиле, вырытой в материковом лёссе. Могильная яма была расположена на склоне рва, опоясывавшего некогда древнейшее городище на Андреевской горе. К сожалению, как отмечалось выше, отчет о раскопках в 1909 г. не был опубликован исследователем; не сохранилось никакой документации о раскопках этого погребения и среди материалов Д. В. Милеева в Архиве бывш. Археологической комиссии.

До недавнего времени для реконструкции этого интереснейшего погребения могли служить лишь информационные заметки в киевской и столичной прессе, печатавшиеся с 7 по 18 VI 1909,[3] и доклад участника раскопок — помощника Д. В. Милеева — С. П. Вельмина, сделанный на собрании Киевского отделения Военно-исторического общества 2 III 1910, позже напечатанный в «Военно-историческом вестнике».[4]

В 1939 г., спустя тридцать лет после раскопок, в подвалах ИИМК среди унаследованных от бывш. Археологической комиссии нескольких десятков ящиков с депаспортизованными материалами из киевских раскопок 1908—1914 гг. нам удалось найти несколько свертков с различными фрагментарно сохранившимися металлическими и костяными предметами, имевшими один

---

[1] Д. І. Бліфельд. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V, Київ, 1955, стр. 20 и табл. II, 7. — N. Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Archaeologia Hungarica, XXI, Budapest, 1937, табл. LIX, *1*, CXXX. См. также стр. 184 настоящего исследования и рис. 32 (погребение 113 киевского некрополя).

[2] С. П. Вельмин. Археологические изыскания. . ., стр. 144.

[3] Раскопки в Киеве в 1909 г. (Свод газетных известий). ИАК, Прибавл. к вып. 32, СПб., стр. 128—129.

[4] С. П. Вельмин. Археологические изыскания. . ., стр. 138.

и тот же неопределимый ввиду отсутствия описи шифр, значение которого, пользуясь описанием С. Вельмина и газетными заметками, удалось, хоть и не без трудностей, расшифровать. Материалы в свертках представляли инвентарь детского погребения, раскопанного в 1909 г. Все металлические предметы были незамедлительно подвергнуты расчистке и консервации, благодаря чему прояснился характер и назначение многих предметов.

Вскоре среди фонда денаспортизованных негативов киевских раскопок тех же лет удалось найти один негатив, запечатлевший момент окончания расчистки интересующего нас погребения (рис. 26). На фотографии дна могильной ямы при сильном увеличении можно было узнать некоторые предметы, найденные среди упомянутых выше материалов из фондов Археологической комиссии. Сопоставление подлинных материалов и полевой фотографии с крат-

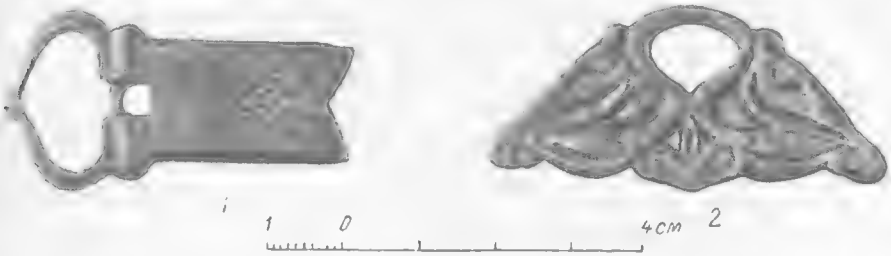


Рис. 25. Погребальный инвентарь (погребение 109).

1 — бронзовый литой наконечник ремня; *2* — бронзовая литая накладка на ремень.

кими заметками журналистов, написанными несомненно со слов руководителя раскопок, и описанием С. Вельмина позволило с уверенностью восстановить как общий характер, так и некоторые особенности детского погребения.

Корреспонденты киевских газет, описывая устройство могилы, называли ее «погребальным склепом в виде сруба, с завалившимся потолком».[1] Отпечатки деревянных стен сруба, отчетливо заметные на лёссовых стенках могильной ямы, не оставляют сомнений в том, что погребение действительно относилось к широко распространенному в киевском некрополе типу «срубных погребений». Среди материалов из раскопок наряду с остатками истлевшего дерева найдено много железных гвоздей, связанных, по-видимому, с устройством деревянного наката над срубом.

На дне могильной ямы лежал головой на СЗ плохо сохранившийся детский костяк. Возраст погребенного во время раскопок определяли, разумеется весьма приблизительно, в 6—8 лет. Возле скелета, на нем и по всей площади могильной ямы лежал многочисленный и разнообразный погребальный инвен-

[1] Раскопки в Киеве в 1909 г. ПАК, Прибавл. к вып. 32, СПб., стр. 128; С. П. Вельмин (Археологические изыскания. . ., стр. 138) описывал могилу как «склеп, устроенный наподобие сруба».

тарь, начиная от глиняных и деревянных сосудов с пищей и питьем и кончая детскими игрушками.

На груди были найдены два серебряных диргема, служившие в качестве подвесок. На одном из них сохранилось приклепанное ушко для подвешивания, на другом — два довольно больших круглых отверстия (табл. XVI, *1—4*). На втором диргеме процарапан крест с тремя перекладинами,[1] ввиду чего С. Вельмин считал, что этот диргем носился как иконка. Обе монеты чеканены в Шаше при Ахмеде ибн Исмаиле в 299 (911—912) г.[2]

На груди же была найдена серебряная крестообразная накладка (?) с расширяющимися концами (табл. XVI, *11*). Поверхность накладки гладкая, за исключением средокрестия, которое украшено выпуклой круглой розеткой. На тыльной стороне — ушко для прикрепления накладки к какому-то предмету. Назначение крестообразной накладки неясно, однако не может быть сомнений в том, что это отнюдь не «нательный крест», как полагал С. Вельмин, и вообще предмет, не связанный с христианским культом.

У ног погребенного стояли два деревянных ведерка, от которых сохранились лишь железные обручи и нижняя часть глиняного сосуда. Слева от скелета у стены сруба стояло еще три глиняных сосуда (два из них совершенно целые), около которых найдена прекрасно сохранившаяся костяная ложка с металлическим кольцом для подвешивания (табл. XVII).

С левой стороны от скелета лежал кучкой целый набор бараньих астрагалов для игры, состоявший из 157 «бабок» (табл. XVIII); некоторые из них украшены гравированным орнаментом, а некоторые (битки) налиты свинцом (рис. 27).

Кроме того, в разных местах могилы найдено много разнообразных предметов: фрагмент костяного одностороннего гребня (табл. XVI, *14*), костяная свистулька (табл. XVI, *9*) и обломки каких-то других костяных поделок, миниатюрный железный топорик (табл. XVI, *10*), железный ножичек с костяной ручкой (табл. XVI, *5*), бронзовая подковообразная пряжка (табл. XVI, *7*), две маленькие серебряные пуговицы с ушками, бронзовое коромысло миниатюрных весов (?) (табл. XVI, *12*), два миниатюрных оселка (табл. XVI, *6*, *8*) и масса аморфных обломков каких-то железных изделий (табл. XVI, *15*).

Особого внимания заслуживают три кабаньих клыка (табл. XIX, *1*) и множество раковин unio с просверленными круглыми отверстиями (табл. XIX, *2*). Погребение благодаря многочисленному и разнообразному инвентарю было объявлено «погребением дитяти богатого варяга»,[3] а на основании находки серебряной крестовидной накладки и диргема с процарапанным «крестом» признано христианским.[4]

---

[1] С. П. Вельмин. Археологические изыскания. . ., стр. 138. По-видимому, в действительности на диргеме процарапана разметка для разрезки его на части.

[2] Определение А. А. Быкова.

[3] Раскопки в Киеве в 1909 г. ИАК, Прибавл. к вып. 32, СПб., 1909, стр. 129.

[4] С. П. Вельмин. Археологические изыскания. . ., стр. 138.

Погребение 111. Обнаружено в 1927 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого (№ 14/1927 г.), в грунтовой могиле, на глубине 3.15 м. Могила, устройство которой по кратким заметкам в дневнике, к сожалению, нельзя восстановить с достаточной полнотой, представляла, по-видимому, прямоугольную, вырытую в материковом лёссе камеру (2.15 × 1.10 м) высотой 0.70—0.30 м. В ней были погребены два человека: мужской костяк лежал на правом боку, головой на СЗ, левая нога его была согнута

Рис. 26. Могильная камера (погребение 110).

в колене. Слева от мужского костяка лежал на левом боку женский костяк с сильно подогнутыми ногами. Можно предположить, что женщина была погребена в сидячем положении (рис. 28).

В погребении найден следующий инвентарь:

1. Четыре фрагмента перстня из низкопробного серебра (находились под тазовыми костями мужского скелета).
2. Железный наконечник дротика (копья?) (там же).
3. Железный наконечник стрелы с остатками обгорелого дерева (там же).
4. Обломок кольчуги из железных колец (там же).
5. Обломок железного гвоздя (там же).
6. Фрагмент железного ключа.
7. Бронзовое кольцо (находилось у правой ступни мужского скелета).

8. Обломок бруска из шифера.

9. Пять фрагментов стеклянного витого браслета фиолетового цвета и один фрагмент темно-зеленого цвета.

10. Два фрагмента круглой подвески с ажурной решетчатой плетенкой.

11. Золотая трехбусинная серьга.

12. Свыше ста фрагментов глиняных сосудов.[1]

Погребение 112. Обнаружено в июле—августе 1936 г. раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН УССР в усадьбе Художе-

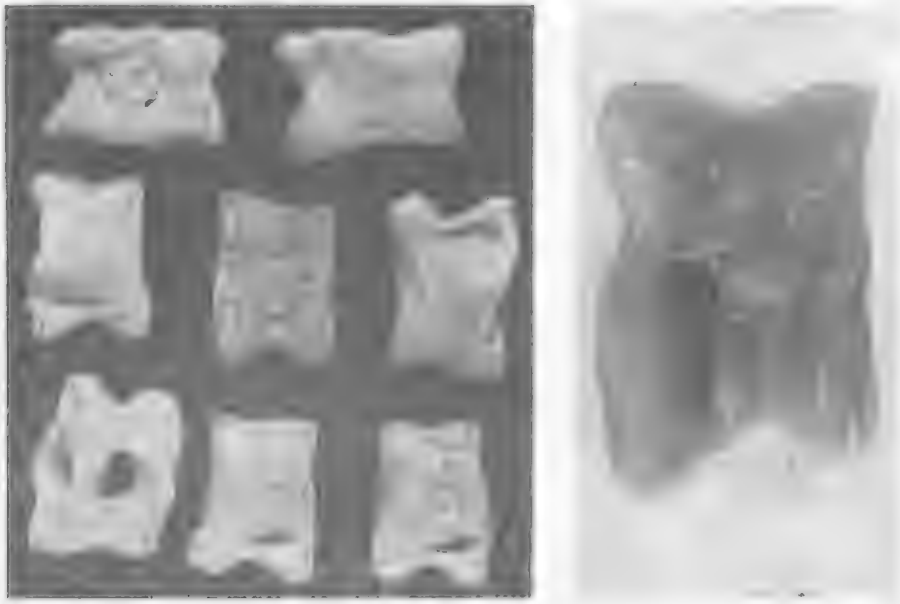


Рис. 27. Орнаментированные астрагалы и «битки» (погребение 110).

ственной школы, к СЗ от развалин Десятинной церкви, в прямоугольной грунтовой могиле (3.30×3.50 м), вырытой в материковом лёссе на глубину 3.75 м от уровня современной поверхности.

По стенкам могильной ямы были хорошо видны отпечатки деревянного сруба, а местами хорошо сохранились и истлевшие остатки дерева. Сверху могильная яма была перекрыта деревянным накатом, следы которого были хорошо видны на верхних обрезах ямы (табл. XX, *1*). Накат под тяжестью курганной насыпи, разумеется, давно провалился и могильная яма сплошь заполнилась рыхлой землей, под которой на дне ямы сохранились остатки в значительной степени разграбленного богатого погребения. На дне могильной ямы обнаружены два плохо сохранившихся скелета — мужской и женский,

[1] Дневник раскопок 1927 г. в усадьбе В. Трубецкого, стр. 29 об. и Инвентарная опись находок. Архив ИА ИИ УССР.

лежавшие рядом, головой на З. В северо-западном углу могильной ямы, на расстоянии 0.75 м от человеческих скелетов, лежали череп коня и несколько конских шейных позвонков.

На дне могильной ямы найден богатый погребальный инвентарь, расположение которого по отношению к костякам, к сожалению, не было ни описано, ни зарисовано при раскопках.

Большая часть находок происходит из богатого женского убора; лишь остатки железной обивки щита и боевой конь, погребенный в той же могиле, свидетельствуют о том, что это погребение дружинника — воина с рабыней. По-видимому, вещи, связанные с мужским погребением, и в первую очередь оружие привлекли основное внимание грабителей.

К числу вещей женского убора, найденных в погребении, несомненно принадлежит ожерелье из бус и монет-подвесок, височные кольца и фибула. Перстень, судя по размеру фаланги пальца, на которой он был найден, по-видимому, тоже принадлежал женщине.

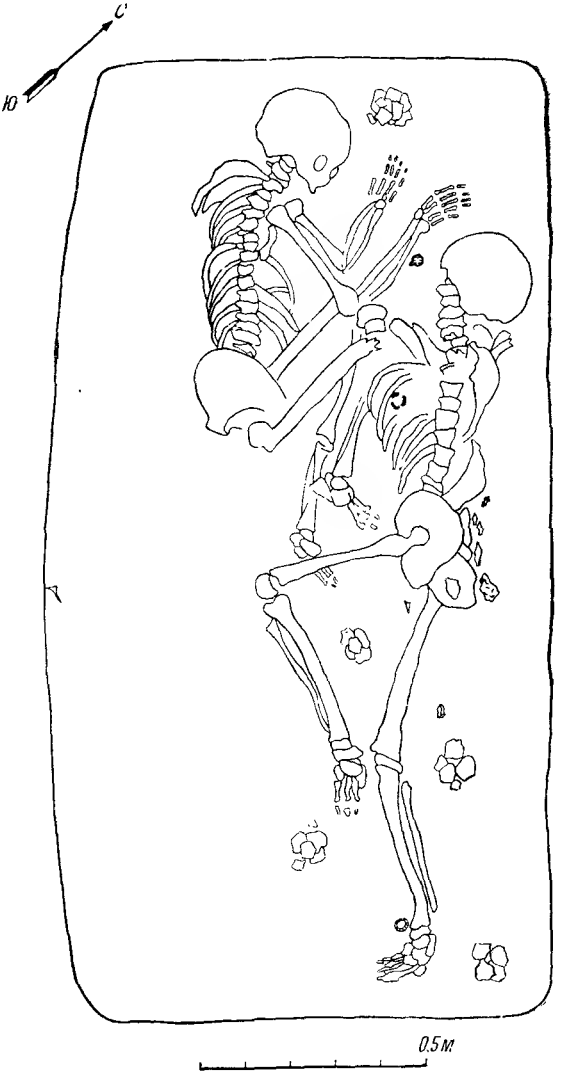


Рис. 28. Общий вид погребения 111.

1. Ожерелье состоит из восьми сердоликовых бусин и восьми серебряных диргемов. Бусы двух видов — одна цилиндрическая, остальные семь граненые (табл. XX, *2,а*). Из восьми диргемов у шести [1] сохранились бронзовые приклепанные ушки с петелькой для подвешивания (у одной монеты сохранились только следы от ушка), у седьмого диргема ушко, возможно, обломилось вместе с краем монеты, на восьмом следов прикрепления ушка нет (табл. XXI).

[1] В отчете о раскопках говорится о находке семи диргемов-подвесок и двух без приспособлений для подвешивания. В инвентарной описи, однако, значатся всего восемь монет.

Семь диргемов чеканены при Саманидах: три — Исмаилом, сыном Амхеда [из них два в Шаше — в 287(900) г. и в 288(900—901) г. и один в Самарканде — в 287(900) г.]; один — Ахмедом, сыном Исмаила, в Самарканде — в 300(912—913) г.; три — Насром, сыном Ахмеда, из которых два в Шаше [один в 310 (922—923) г., дата другого находилась на отломанной части монеты] и один в Мерве в 302(914—915) г. Восьмой диргем с сильно стертой поверхностью не поддается определению. Таким образом, по крайней мере семь монет из восьми относятся к одному периоду — между 900 и 923 гг.[1]

2. Большой интерес представляют три височных кольца с фигурной подвеской (одно целое, два незначительно фрагментированы), обычно неправильно называемые «серьгами волынского типа» (табл. XX, *2, б*). Каждое из этих украшений представляет кольцо из тонкого серебряного дрота, на котором укреплены две бусинки, состоящие из шести шариков мелкой зерни. Нижняя половина кольца перевита четырьмя тонкими сканными проволочками. Сканная проволочка образует, кроме того, несколько петель внутри нижней части кольца. Под кольцом свисает прикрепленная петелькой длинная зерневая подвеска, состоящая из шести нанизанных одна под другой звездочек, каждая из которых имеет по четыре луча. Каждый луч в свою очередь состоит из двух зерневых шариков, одного более крупного, другого помельче, и миниатюрного колечка между ними. Внизу всю подвеску замыкает луч такого же устройства. Диаметр кольца 3×2.7 см, длина нижней подвески 1.7 см.

3. Наиболее эффектной вещью из женского убора, сохранившейся в могиле, является несомненно большая серебряная фибула, состоящая из большого массивного кольца и длинной иглы (табл. XXII). Кольцо, имеющее не вполне круглую форму (диаметр 5.8—6.8 см), сделано из толстого, круглого в сечении серебряного дрота (диаметр 0.4 см), концы которого не смыкаются приблизительно на 0.5 см. На кольце три бусины, из которых две (боковые) прикреплены неподвижно, третья (верхняя) свободно движется по кольцу. К ней наглухо прикреплена длинная (13.3 см), несколько изогнутая игла, в верхней части круглая в сечении, как и дрот, из которого сделано кольцо, ниже (за пределами кольца), расплющенная ковкой на несколько граней и имеющая заостренный конец. Над верхней бусиной возвышается небольшая головка, на верхней полусферической части которой черневой геометрический орнамент. Все три бусины имеют одинаковую боченковидную форму (средняя несколько крупнее остальных).[2] На лицевой стороне всех трех бусин были круглые накладные золотые щитки (диаметр 1.3—1.4 см), вставленные в небольшое углубление в тулове бусины и укрепленные железным штифтиком с широкой золотой шляпкой (щиток на левой бусине не сохранился). На щитках — орнамент из золотой рубчатой проволоки в виде плетения вокруг круглой маленькой ро-

[1] Определения А. А. Быкова.

[2] Диаметр боковых бусин 1.5 см, средней бусины 1.7 см, длина боковых бусин 1.7 см, средней бусины 2 см.

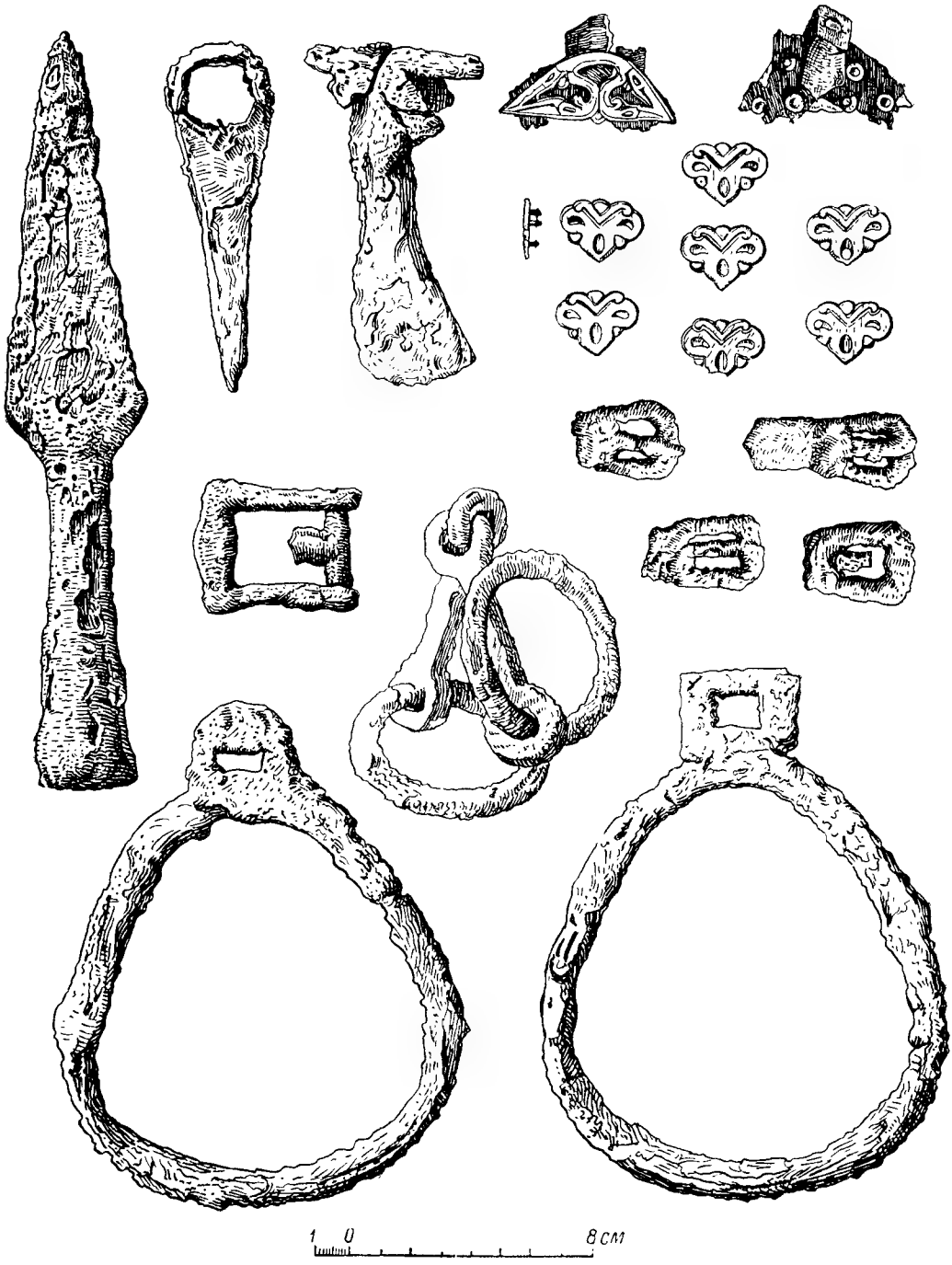


Рис. 29. Наконечник копья, боевой топорик, удила, стремена, железные пряжки, бронзовые бляшки и серебряная накладка (погребение 113).

зетки, расположенной в центре. Остальная поверхность бусин покрыта рельефным орнаментом в виде сложного плетения, с чернью в углубленных частях.

4. Серебряный перстень состоит из широкого пластинчатого щитка, занимающего более трех четвертей всей окружности перстня, и дужки в виде двух тонких проволочек, завязанных посредине узелком (табл. XX, *2*, *в*). Края щитка имеют фигурный обрез в виде волнистой линии. На лицевой поверхности щитка чеканный, заполненный чернью орнамент, состоящий из кружков, образующих волнистые линии поперек щитка, прямых полосок и мелких точек, покрывающих весь фон щитка.

5. По-видимому, в качестве подвески ритуального назначения служил маленький бронзовый литой ключик (вероятно херсонесского происхождения) с подвижным фигурным кольцом; на плоской, почти квадратной бородке — четыре сквозных круглых отверстия. Длина 4.2 см, диаметр кольца 1.8 см, ширина бородки 1.3 см (табл. XX, *2*, *г*).

6. В том же погребении найдены две сильно потускневших жемчужины.[1]

Погребение 113. Обнаружено 1—5 VIII 1939 раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР под руководством автора в усадьбе Десятинной церкви (№ 17/1939 г.), в западной части среднего нефа древнего храма. Могильное пятно было обнаружено в лёссе, при зачистке рва ленточного фундамента церкви на оси северных столбов среднего нефа и рва крайней западной поперечной перемычки среднего нефа, на глубине 2.90 м от современной поверхности.

Могильное пятно, имевшее форму квадрата, в юго-западный угол которого врезался фундамент северо-западного столба новой Десятинной церкви (XIX в.), было перекрыто деревянными субструкциями фундаментов древнего храма. Ниже этих субструкций обнаружен завалившийся деревянный накат, сложенный из тонких бревен, положенных в два ряда, перпендикулярно один к другому. Под завалом наката были расчищены северная, восточная и южная стены квадратного сруба, рубленного «в обло», от которого сохранился in situ лишь один нижний венец (табл. XXIII, *1*). Бревна развалившейся восточной стенки сруба были обнаружены под завалом наката. Бревна нижнего венца лежали на 1.40 м ниже самой высокой точки сруба, насколько ее можно было установить по сохранившимся частям наката, покрывавшего сруб в древности. Таким образом, высота сруба была не менее 1.40 м. Средняя высота сохранившихся частей южной стенки 0.75, восточной 0.95, северной 0.35 м. Длина восточной стенки сруба 2.60, южной 2.80 м, однако нет уверенности в том, что южная стенка сохранилась полностью, так как столб церкви XIX в. перерезал западный конец стенки. Западная стена сруба полностью разрушена фундаментом северо-западного столба новой Десятинной церкви. Этот же столб разрушил

[1] Отчет о работе Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 45—47 и Дневник Киевской археологической экспедиции 1936 г. Архив ИА АН УССР; ср.: Н. Ячменьов и Ф. Молчанівський. Нові археологічні розкопки у Києві, стр. 59. Инвентарь погребения 112 хранится в Киевском историческом музее.

западную часть северной стены сруба. Пол (дно) сруба был сплошь покрыт деревянным накатом, упавшим сверху и прикрывшим инвентарь погребения. Этот упавший верхний накат лежал на 0.35 м ниже дна рвов от фундамента церкви, что и было причиной хорошей сохранности погребения в срубе (за исключением той его части, которая попала под фундамент столба новой церкви). Под верхним накатом на деревянном полу сруба, лежавшем непосредственно

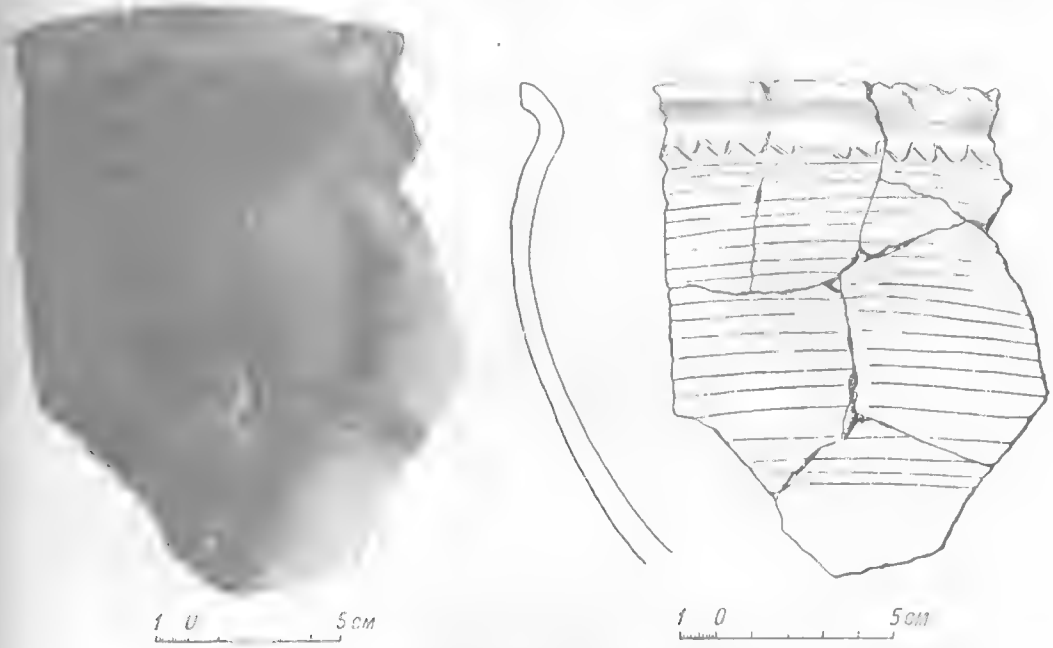


Рис. 30. Фрагмент глиняного сосуда (погребение 113).

на лёссе, было расчищено погребение, представляющее исключительный научный интерес (табл. XXIII, *1*, *2*).

Вдоль южной стенки сруба лежал костяк, верхняя часть которого (до таза) не сохранилась. По-видимому, при закладке столба новой церкви провалившийся деревянный накат сруба привлек чье-то внимание и верхняя часть скелета, вместе с одеждами и частью вооружения была из гробницы вытащена. Нижняя часть скелета в свою очередь была повреждена фундаментом столба новой церкви. Слева от костяка, т. е. между южной стенкой сруба и скелетом, были найдены боевой топор и железный наконечник копья (рис. 29). Во втулке топора сохранились остатки деревянной рукояти.

В северо-восточном углу под развалом верхнего наката и восточной стенки был найден in situ отлично сохранившийся комплекс погребального инвентаря. Почти в самом углу лежало несколько фрагментов глиняного сосуда, сделанного на гончарном круге. В склеенном виде фрагменты представляют стенку сосуда со слабо отогнутым венчиком и волнистым орнаментом

по плечикам; ниже почти все туловo сосуда покрыто линейным орнаментом (рис. 30). В глине большая примесь кварца, обжиг плохой. В том же северо-восточном углу сруба лежали истлевшие деревянные и перержавевшие железные части большого колчана, внутри которого было найдено более двадцати стрел. Сохранились не только железные наконечники стрел, но частично и древки (рис. 32). Форма стрел ромбовидная. Поверх нижней части колчана лежали конские железные удила, а рядом с ними ближе к центру сруба, пара

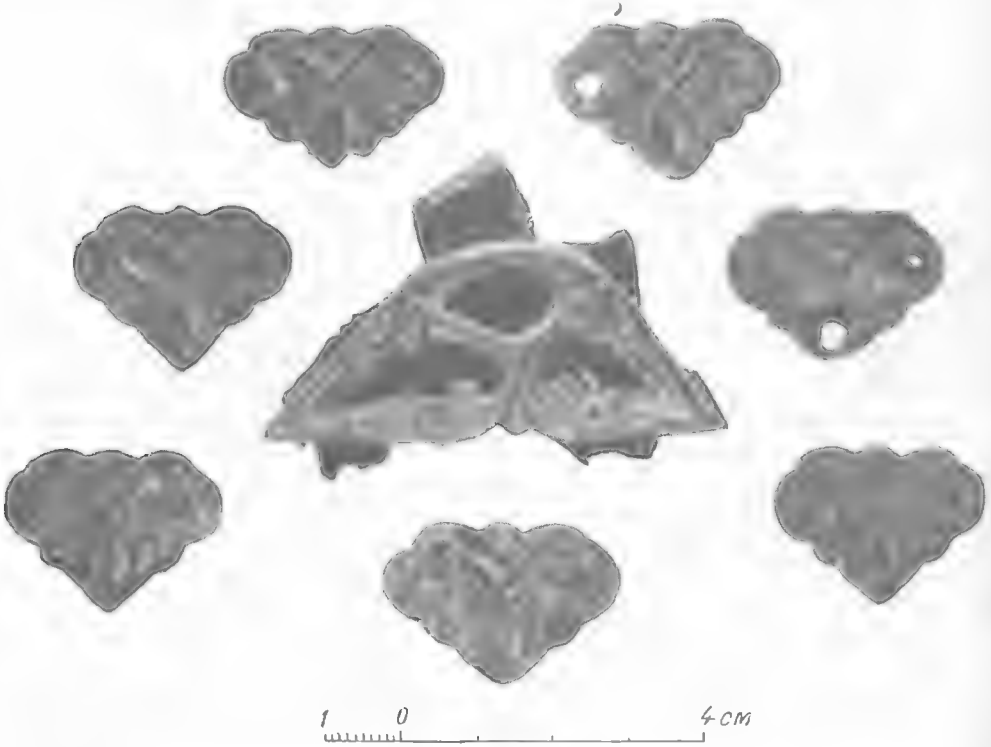


Рис. 31. Семь бронзовых бляшек от конской сбруи и одна серебряная прорезная накладка (погребение 113).

железных стремян (рис. 29). Тут же найдены куски кожаных ремней с прикрепленными к ним семью сердцевидными бронзовыми орнаментированными бляшками (рис. 31) и четырьмя железными пряжками; на одном из кусков кожи была прикреплена литая серебряная прорезная накладка в виде полукруга из стилизованных стеблей с листьями (рис. 31). Несмотря на то, что в гробнице не было обнаружено скелета коня, находка полного ассортимента конского снаряжения не оставляет сомнения в том, что погребение коня (целиком или разрубленного на части) находилось в западной разрушенной части сруба.

В 0.40 м к западу от стремян, в средней части сруба, ближе к северной стенке расчищены три железных обруча и дужка от деревянного ведра (рис. 33).

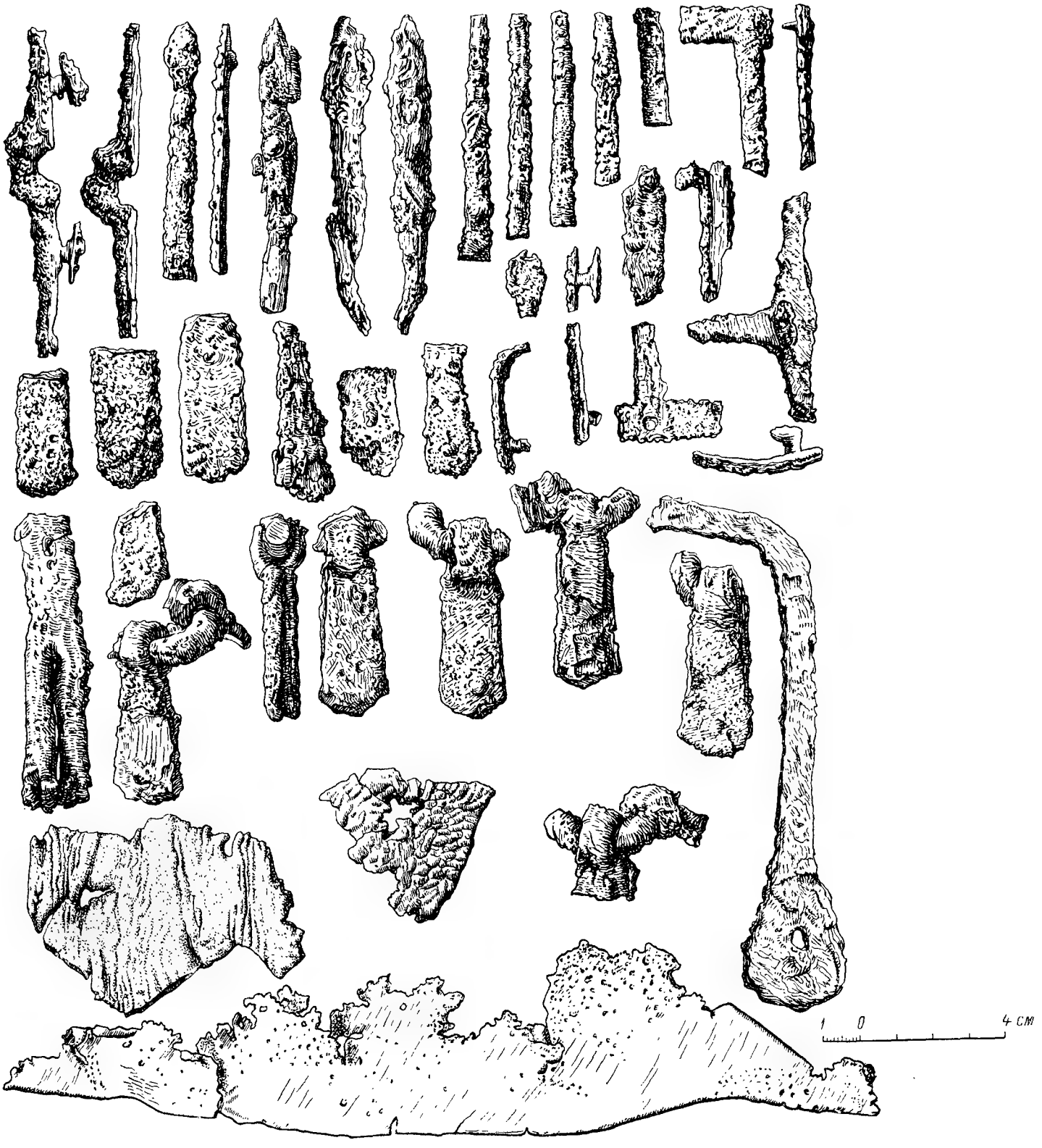
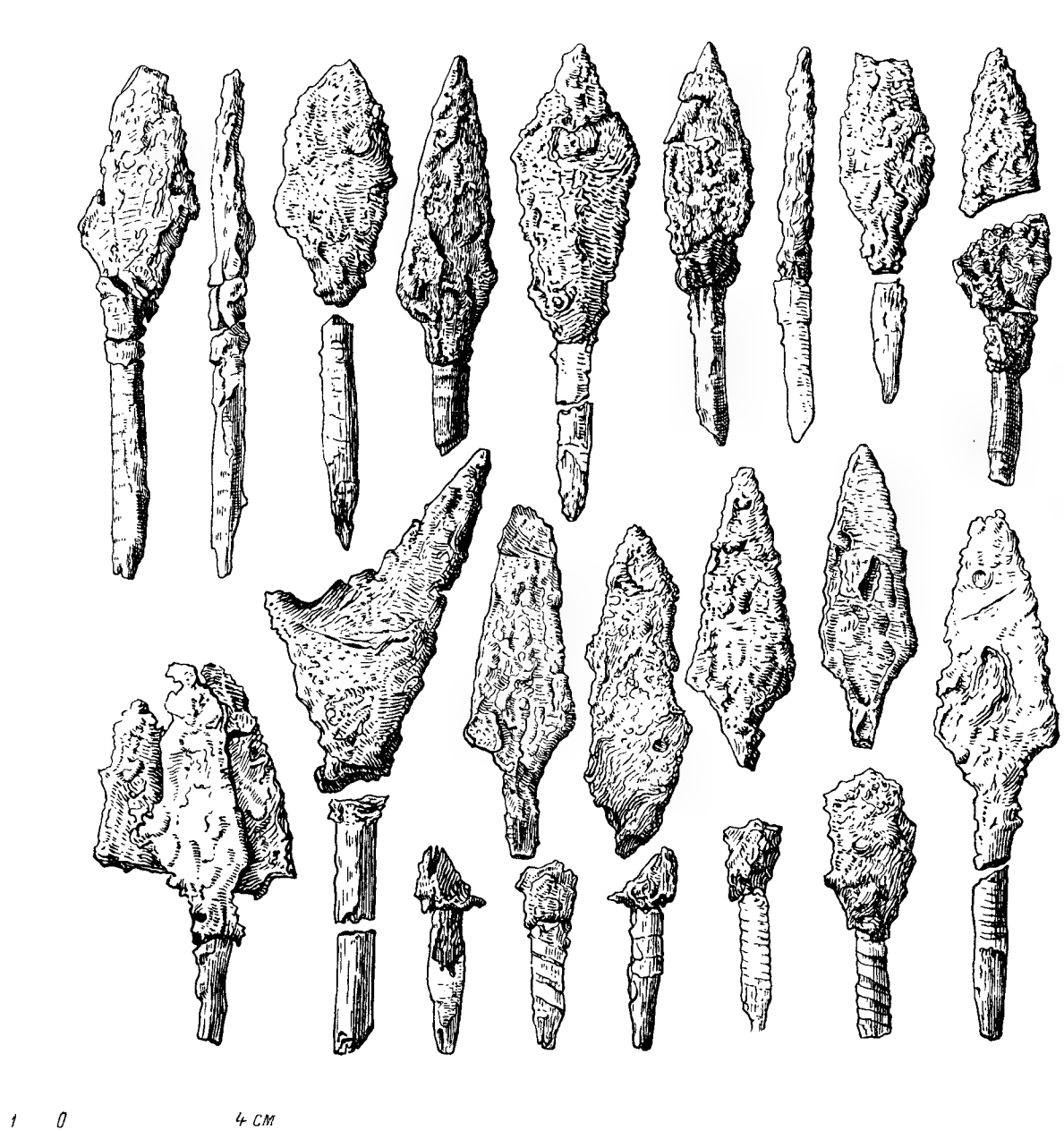


Рис. 32. Стрелы, железные обломки колчана, куски кожи



(погребение 113).

В гумусном заполнении сруба (над накатом) было найдено несколько фрагментов керамики, три железных гвоздя, астрагал, обломки человеческих костей. Не исключено, что эти предметы были выброшены из западной (разрушенной) части сруба, при закладке фундамента столба церкви XIX в.[1]

Погребение 114. Обнаружено в 1946 г. раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР под руковод-

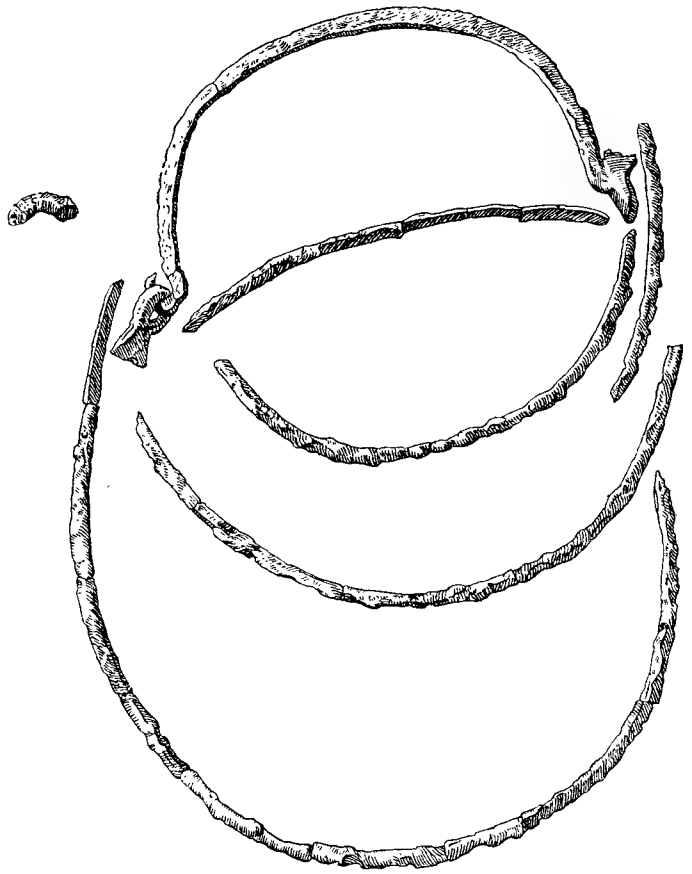


Рис. 33. Железные обручи и душка деревянного ведра (погребение 113).

ством автора, во дворе д. 4 по Б. Житомирской ул., под развалинами полуземляночного жилища (№1/1946 г.), разрушенного пожаром во время татаро-монгольского разгрома Киева в декабре 1240 г.

После удаления глиняной обмазки пола на всей площади жилища, в углу, образуемом северо-западной стеной и печью, в светлом материковом лёссе,

[1] Предварительное сообщение об этом погребении опубликовано в нашей статье «Погребение киевского дружинника X в.» (КСИИМК, V, Л., 1940, стр. 79—82); см. также: М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 85—88.

на глубине 2.25м от уровня современной поверхности, выявилось прямоугольное пятно с более рыхлым и более темным по цвету заполнением. Этот же характер грунта прослеживался и в профиле северо-западной земляной стенки землянки, над пятном, причем в полном соответствии с границами пятна, которые выявились в плане.

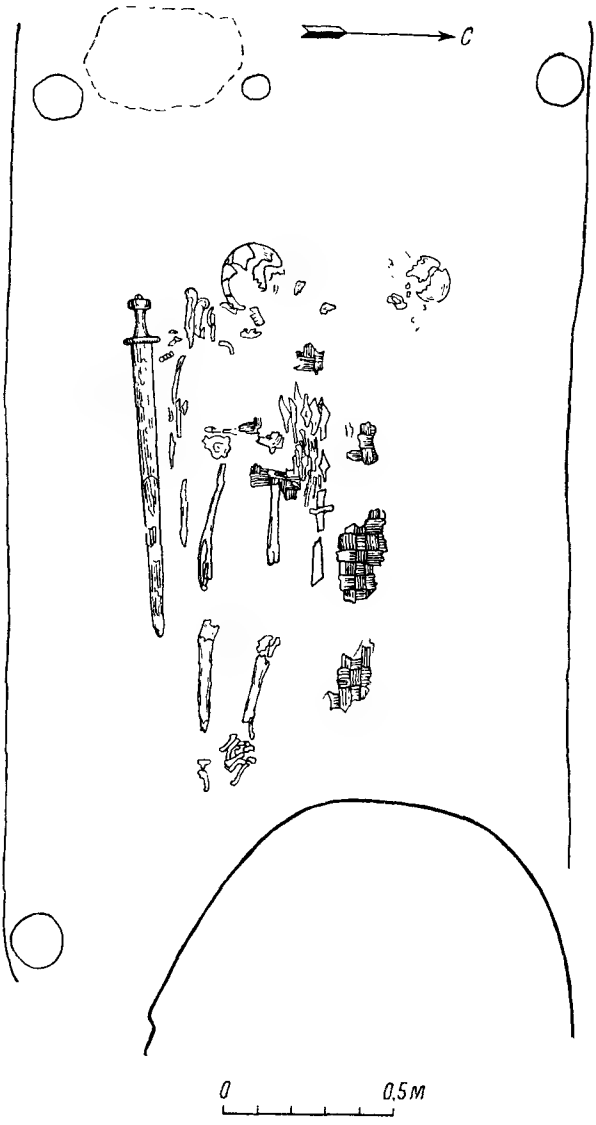


Рис. 34. Общий вид погребения 114.

Расчистка этого пятна привела к обнаружению парного погребения в камере (рис. 34; табл. XXIV). От последней сохранились остатки дерева вдоль стенок могильного пятна и три круглые ямки (диаметр 0.15—0.20 м, глубина 0.45—0.50 м) от угловых столбов. Ямки от столбов книзу суживаются — по-видимому, столбы были не вкопаны, а заострены и вбиты. Камера (северная и южная стенки 3.00 м, восточная и западная 1.70 м) ориентирована по странам света. Северо-восточный угол ее уходит под печь жилища XIII в. Местами удалось проследить остатки деревянного наката в виде перекрещивающихся кругляков, которыми камера была перекрыта сверху, образуя подкурганный склеп с деревянными стенами и потолком.

На дне камеры был обнаружен мужской костяк, лежавший головой на С. Вдоль правого бедра находился отлично сохранившийся меч франкского типа (табл. XXV, *1*, *2*) и еще какой-то железный предмет, назначение которого ввиду его очень плохой сохранности установить не удалось. Слева у грудной клетки обнаружены фрагменты железной оковки колчана, в котором сохрани-

лись железные наконечники стрел (табл. XXV, *3*). На грудной клетке найдено три бронзовых пуговицы. Слева от скелета воина рядом с ним лежал очень плохо сохранившийся женский скелет, кости которого за исключением черепа, почти полностью истлели. Никаких вещей при этом погребении не обнаружено.[1]

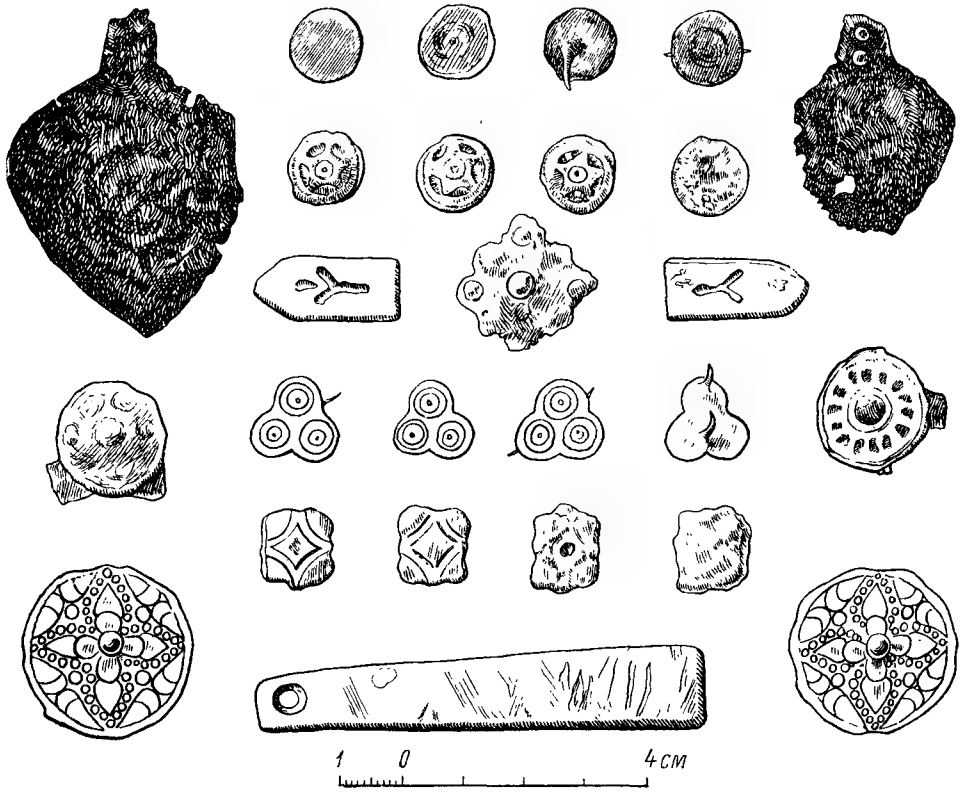


Рис. 35. Бронзовые украшения конского убора и подвеска из песчаника (погребение 115).

Погребение 115 (конское). Обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК под руководством С. С. Гамченко в усадьбе В. Трубецкого, в грунтовой могиле в виде овальной ямы (3.0×2.5 м), вырытой в материковом лёссе на глубину 2.20—2.35 м от уровня современной поверхности (0.7 м от уровня материка).

[1] М. К. Каргер. 1) Киевская экспедиция (1946 г.). КСИИМК, XXI, 1947, стр. 39; 2) Археологические исследования древнего Киева, стр. 182—184. В связи с описанным погребением, раскопанным в 1946 г. на Б. Житомирской ул., уместно напомнить сообщение, опубликованное В. Козловской (Славянские курганы и городища как исторический источник. Киев, 1914, стр. 11) со слов В. В. Хвойки, о находке на Житомирской ул. погребения воина в кольчуге и шлеме. В этом же погребении были найдены остатки «серебряного колчана». К сожалению, время и обстоятельства находки неизвестны. Сам В. В. Хвойка об этой интереснейшей находке никаких информаций не опубликовал.

Скелет коня лежал на правом боку; передние ноги вытянуты по направлению к голове, задние поджаты. Череп обернут лубом, который частично покрывал и шею. Конь был погребен в сбруе, в полном боевом снаряжении. У средней части хребта сохранились остатки седла, подпруги стременных ремней, а неподалеку и железные стремена и подкова. Тут же были найдены остатки деревянного колчана и лука. У ног коня лежали железный наконечник копья, одиннадцать железных наконечников стрел различной формы, железный нож и такое же кольцо, подвеска из песчаника с просверленным отверстием (рис. 35) и ряд фрагментов аморфных в результате сильной коррозии железных предметов, назначение которых не удалось установить.

Несколько в стороне (на расстоянии 1.17 м от ног) найдены остатки деревянного ведерка, от которого сохранились три железных обруча и дужка на ушках верхнего обруча.

У головы коня лежали железные удила и остатки перегнившей уздечки. Уздечка была богато украшена многочисленными бронзовыми (и серебряными?) украшениями — бляшками различной формы. На черепе и под ним, у шейных позвонков и на груди коня было найдено более двухсот бляшек. На многих хорошо сохранились шипы для прикрепления к ремню.[1] Сохранившиеся мелкие бронзовые украшения конского убора можно расчленить на восемь разновидностей.

1. Сто тридцать две целых и девять фрагментов круглых гладких бляшек (диаметр около 1.5 см), на обороте их два шипа (рис. 35).

2. Восемнадцать бляшек такого же размера и формы; на лицевой стороне их пятиконечная звезда на углубленном фоне, первоначально заполненном серебром. Серебряной насечкой выполнено также колечко по краю бляшки и маленькое колечко с точкой в центре; посредине звезды (рис. 35).

3. Шестнадцать бляшек, состоящих из трех соединенных вместе кружков. Контуры двух концентрически расположенных колечек и точка в центре каждого кружка были первоначально исполнены серебряной насечкой (рис. 35). На обороте бляшек по два шипа.

4. Четыре бляшки четырехугольной формы с округленными углами. В середине бляшки ромб, обрисованный углубленной линией; в центре круглое сквозное отверстие (рис. 35).

5. Две круглых выпуклых бляшки; в центре их крупный полушарик; по краю полоска из мелких остроконечных лепестков (рис. 35).

6. Одна квадратная бляшка; в центре ее и посредине каждой из четырех сторон выпуклые полушарики (рис. 35).

7. Две большие круглые бляшки. На лицевой стороне четырехлепестковые розетки с остроконечными лепестками. В центре розеток выпуклый полушарик (рис. 35).

---

[1] С. Гамченко, ук. соч., стр. 29—30, 36.

8. Семнадцать наконечников ремней с округленным одним концом. На лицевой стороне углубленное изображение ветки с тремя овальными листьями (рис. 35).

Кроме того, к составу конского убора принадлежали две бронзовых бляхи листовидной формы (рис. 35).[1]

Среди многочисленных погребений, обнаруженных раскопками разных лет в могильнике II, лишь три погребения можно отнести к интересующей нас группе.

Погребение 116. Обнаружено в 1872 г. при планировке местности в связи с постройкой пивного завода Хрякова на Кирилловской ул. (вблизи Иорданской церкви), в грунтовой могиле. Могила расположена на небольшом расстоянии от открытой тогда же коллективной могилы, заключавшей в себе около 2000 скелетов. По сообщению В. Б. Антоновича, в могиле найден скелет и при нем длинный железный двусторонний меч с железной рукоятью, украшенной серебрянной насечкой.[2]

Интереснейшие сведения об этом погребении опубликовал киевский архитектор В. Николаев в «Корреспонденции из Киева», напечатанной в журнале «Зодчий». Сообщая о постройке в 1872 г. пивоваренного завода, он писал: «При постройке этого завода в горе, на 5 аршин от поверхности земли, найдена медная булавка, рисунок которой прилагаю. Булавку эту, покрытую сильной окисью, с ос-

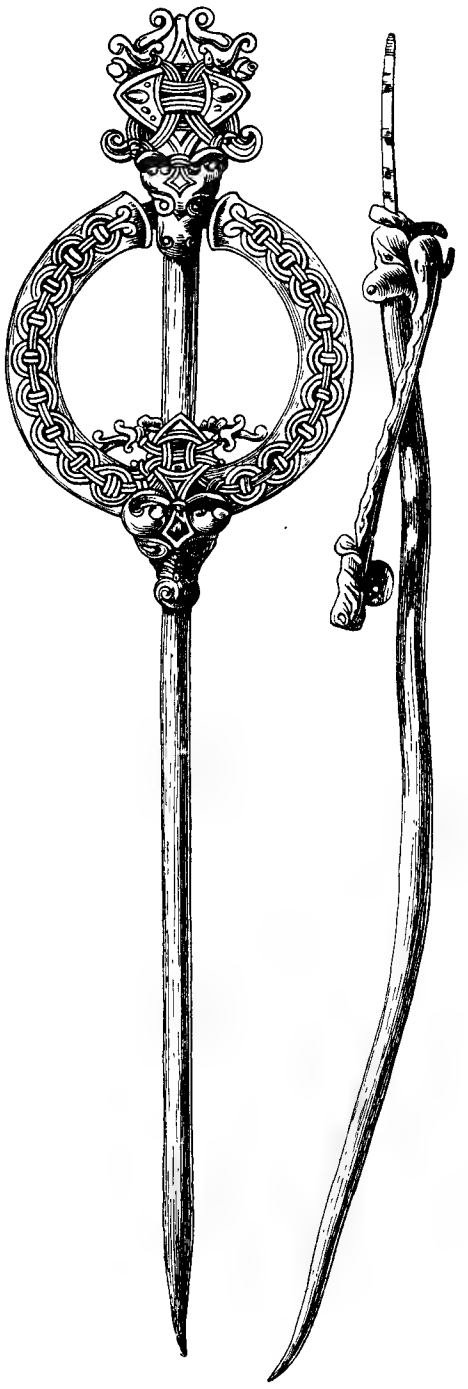


Рис. 36. Кольцевая бронзовая фибула (погребение 116).

[1] Аналогичная, но литая бляха листовидной формы с рельефным орнаментом найдена при раскопках Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви.

[2] В. Б. Антонович. Археологическая находка. «Киевлянин», 21 X 1872, № 126.

сится к распространенному в киевском некрополе типу дружинных погребений с конем. Богатый инвентарь погребения бесследно пропал у владельца усадьбы.

Погребение 118. Обнаружено в 1899 г. на Верхней Юрковице, в усадьбе Лурье и Левина, при планировке местности в связи с постройкой кирпичного завода.

На возвышенной части упомянутой усадьбы, отделенной оврагом от соседней усадьбы Порданской церкви, до 1899 г. сохранился большой курган высо-

Рис. 37. Общий вид кургана в процессе раскопок (погребение 118).

той до 2 м, с окружностью (у основания) более 40 м (рис. 37). Курган в древности, по-видимому, был значительно выше; на вершине его были видны следы довольно глубокого колодца, оставшегося от кладоискательских раскопок. Работы по сносу кургана велись под наблюдением Н. Ф. Беляшевского и А. А. Скрипенко, благодаря чему удалось сохранить (по-видимому, не полностью) погребальный инвентарь, найденный в могиле, и в известной степени выяснить устройство могилы.[1]

Под насыпью кургана обнаружилась прямоугольная могильная яма (4.5× ×3.15 м), вытянутая по оси СВ—ЮЗ. Яма была вырыта в плотном материковом

[1] Раскопки на Верхней Юрковице в г. Киеве. АЛЮР, т. I, Киев, 1899, июнь, стр. 75—79. — Н. Ф. Беляшевский. Курган-могилан на территории Киева. АЛЮР, Киев, 1903, № 6, стр. 357—361 и табл. XVIII—XIX. Инвентарь погребения хранится в Киевском историческом музее.

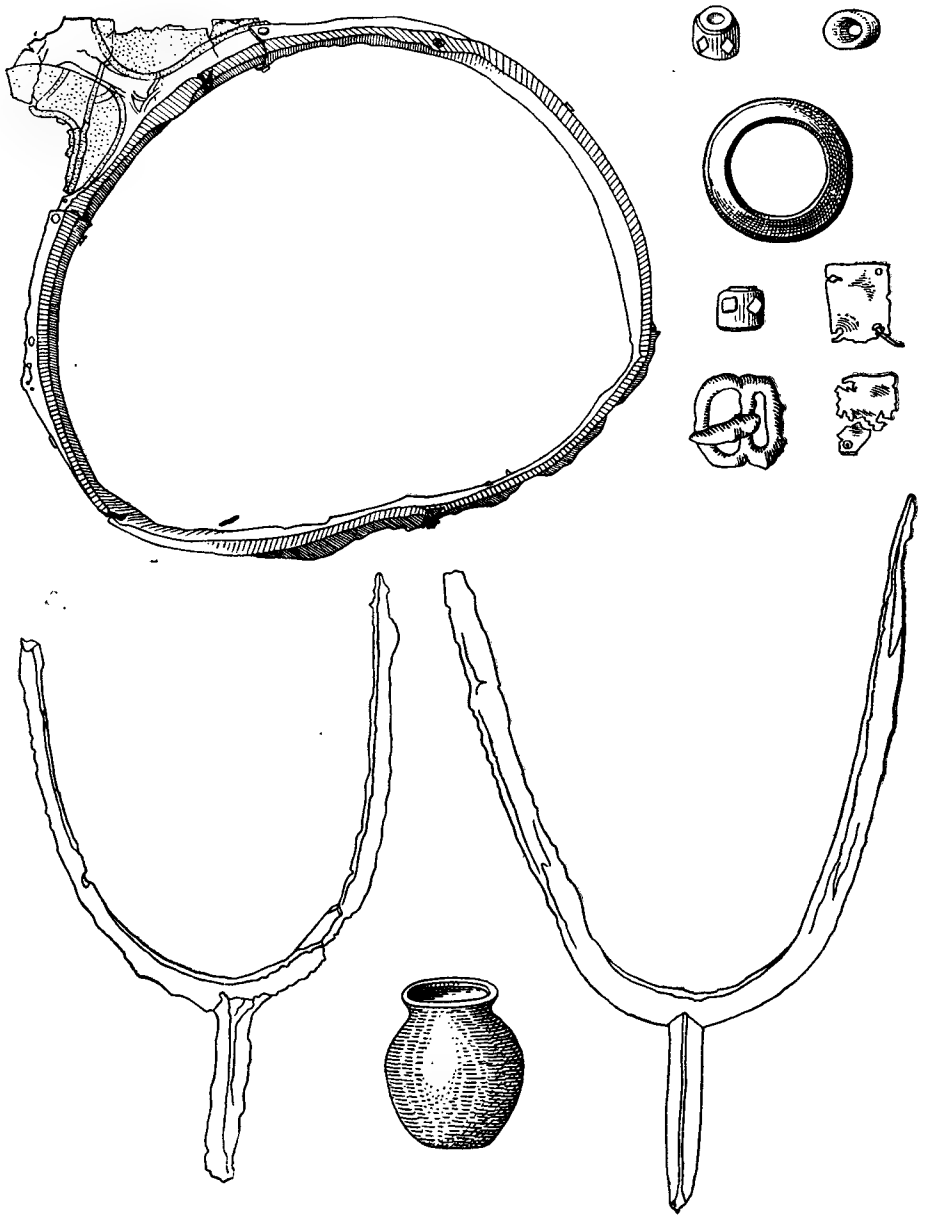


Рис. 38. Шпоры, пряжка, бронзовое кольцо, пастовые бусы, миниатюрный стеклянный сосудик, серебряная оковка деревянной чаши (погребение 118).

грунте на глубину до 1.5 м ниже уровня подошвы курганной насыпи. Так как стенки ямы были вырыты не отвесно, а несколько скошены, площадь дна ямы была несколько меньше, чем площадь ямы по верхнему краю.

Никаких следов деревянного сруба, по-видимому, установить не удалось, да при том способе, которым велись «раскопки», это и невозможно было сделать. Однако характер погребального сооружения, открытого под курганом, позво-

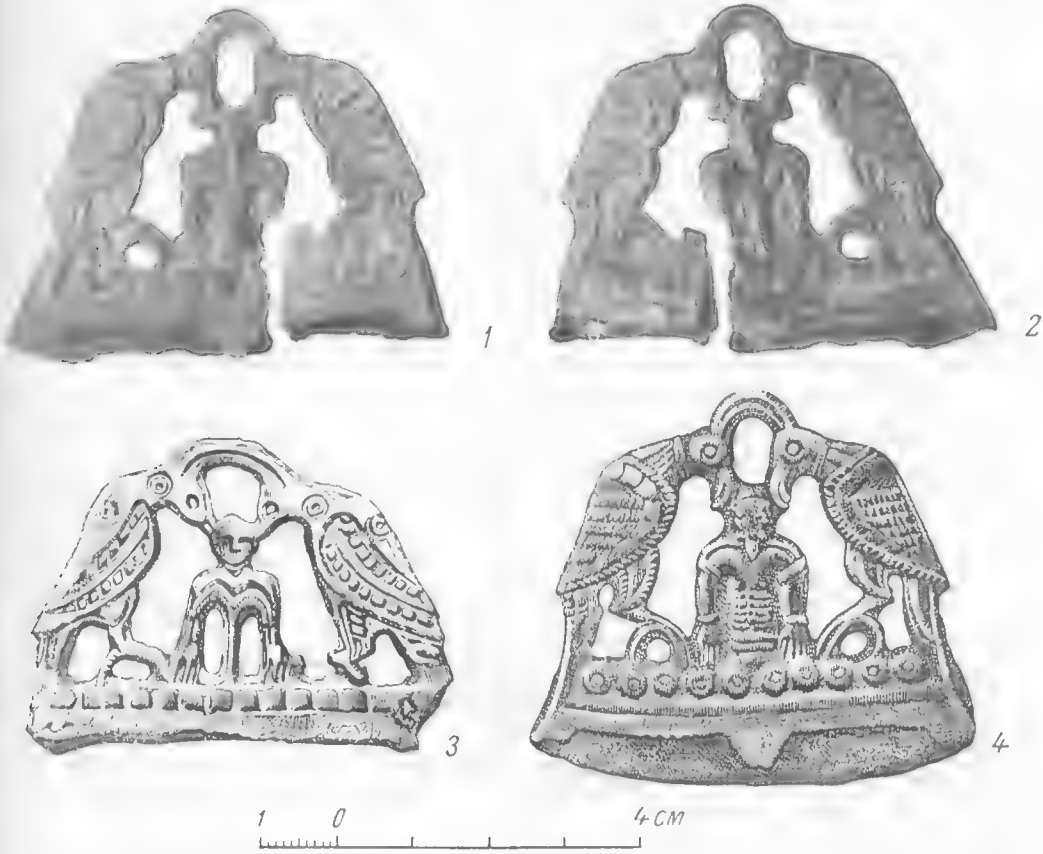


Рис. 39. *1—2* – бронзовая ручка от кресала (погребение 118); *3—4* — аналогии из Прикамья.

ляет с уверенностью отнести его к широко распространенному в киевском некрополе типу погребений в срубах. Могильная яма несомненно была перекрыта, кроме того, деревянным накатом, над которым возвышалась высокая курганная насыпь.

Северо-восточная часть могилы была нарушена кладоискательской ямой. Найденные здесь человеческие кости и отдельные предметы лежали в полном беспорядке. По мнению Н. Ф. Беляшевского, кости в этой части могильной ямы принадлежали, по-видимому, трем погребениям. В северном углу ямы под черепом лежала железная шпора (рис. 38), а возле нее окислившийся железный

предмет, по-видимому, подковка от сапога. В этой же части ямы найдена бронзовая фигурная ручка от железного кресала со скульптурными изображениями двух птиц, клюющих голову стоящего между ними человека (рис. 39). В средней части могилы найден миниатюрный стеклянный сосуд (рис. 38).

Кладоискательский раскоп, к счастью, разрушил не все погребение. Юго-западная сторона могильной ямы оказалась нетронутой. Здесь, очень близко к стенке ямы, лежал скелет с вытянутыми вдоль туловища руками и ногами, головой на ЮВ. У левой руки его находились три крупных разноцветных пастовых бусы и бронзовая пуговка. Большое количество разнообразных предметов найдено возле ног скелета. У ступни правой ноги лежала железная шпора (рис. 38), парная к той, что найдена в северо-восточной части могилы. Тут же лежало бронзовое литое кольцо (рис. 38). Под правой ступней найдена костяная пластина, сделанная из распиленного вдоль лосиного рога (рис. 40). Пластина имеет форму неправильного треугольника, один из углов которого обработан в виде стилизованной головы птицы с клювом и большим круглым отверстием на месте глаза. Поверхность пластины почти сплошь изрыта выщербинами, среди которых лишь кое-где видны следы врезанных линий. Однако восстановить рисунок уже нет возможности.

На пластине несколько круглых отверстий различного диаметра, служивших для прикрепления ее к какому-то предмету. Очевидно, для этой же цели служило несколько параллельных нарезок на одном из углов пластины. Н. Ф. Беляшевский считал пластину налучьем, отмечая в то же время, что незначительная величина предмета (длина 19.5 см, ширина в наиболее широкой части 9 см) противоречит этому назначению. Более вероятно предположение, что пластина была прибита к нижней части колчана.[1]

Аналогичные костяные накладки с выступом в виде головы хищной птицы, покрытые глубоко врезанным плетеным орнаментом, найдены в Шестовицком могильнике.

Рядом с описанной костяной пластиной лежали кости какого-то мелкого животного. Между голенями ног стояла деревянная точеная чаша (диаметр верхнего края 14 см), окованная сверху серебряной пластинкой (рис. 38). Остатки истлевшего дерева чаши сохранились лишь на серебряной оковке. Оковка была прибита к чаше серебряными гвоздиками. Расширенная вызолоченная часть оковки свидетельствует о том, что у чаши была ручка. Возле чаши найдена железная пряжка (рис. 38).

Н. Ф. Беляшевский, образно назвавший описанное погребение «курганом-могиканом на территории Киева», полагал, что эта была коллективная могила с ритуалом погребения, «схожим с позднеязыческим славянским», однако при этом почему-то высказывал сомнение в славянском происхождении погребения.[2]

---

[1] Г. Ф. Корзухина. Древнерусская резная кость. Доклад на заседании Группы славяно-русской археологии ЛОИИМК 9 I 1950.

[2] Н. Ф. Беляшевский, ук. соч., стр. 361.

К числу богатых погребений знати несомненно можно отнести и весьма немногочисленные погребения с кремацией покойников.

Погребение 119. В конце 90-х годов XIX в. в усадьбе Софийского собора при выемке земли для фундаментов большого дома было разрушено интересное погребение с сожжением. К сожалению, из-за невнимания и безучастного отношения находка была полностью потеряна для науки. Очевидец, случайно посетивший место постройки, видел на дне котлована, на значительной глубине остатки огромного кострища, большая часть которого была уже вывезена. Среди предметов, которые удалось извлечь из кострища, особое внимание вызвали «бронзовый котелок или курильница» и многочисленные куски перегоревшей ткани (парчи?) с ясно видным на них «византийским рисунком».[1] По этим находкам трудно составить представление то несомненно богатом погребении.

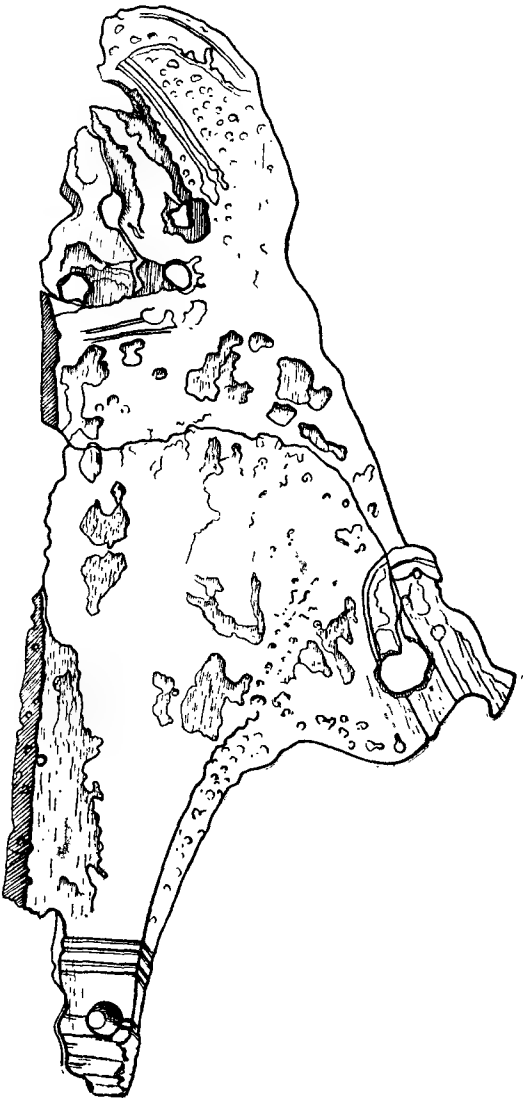


Рис. 40. Костяная пластина из распиленного лосиного рога (погребение 118).

Для уточнения места находки может служить замечание автора заметки о том, что участок Софийской усадьбы, на котором она была сделана, находится в нескольких шагах от усадьбы Есикорского, где незадолго перед этим был обнаружен известный клад ювелирных изделий.[2] Об одной любопытной особенности софийского погребения была речь выше. По свидетельству В. В. Хвойки, на погребальном кострище были найдены «поджаренные зерна пшеницы и проса, расположенные слоями».[3]

[1] М. К. В усадьбе Киево-Софийского собора. КС, т. LXIV, Киев, 1899, январь, Арх. летопись, стр. 46—47 = АЛЮР, I, Киев, 1899, январь, Случ. находки, стр. 11.

[2] М. К. В усадьбе Киево-Софийского собора, стр. 46.

[3] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 56.

Упомянутый бронзовый котелок, или курильница, позже был приобретен в коллекцию Ханенко.[1] Он представляет собой массивный литой сосуд на трех ножках с ручкой в виде втулки, в которую вставлялась деревянная рукоять (рис. 41).

Погребение 120. Обнаружено в 1937 г. раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН УССР в усадьбе Художественной школы (уч. III/1937 г.), невдалеке (к югу) от фундамента западной стены Десятинной церкви, на глубине 1.90—2.05 м от уровня современной поверхности.

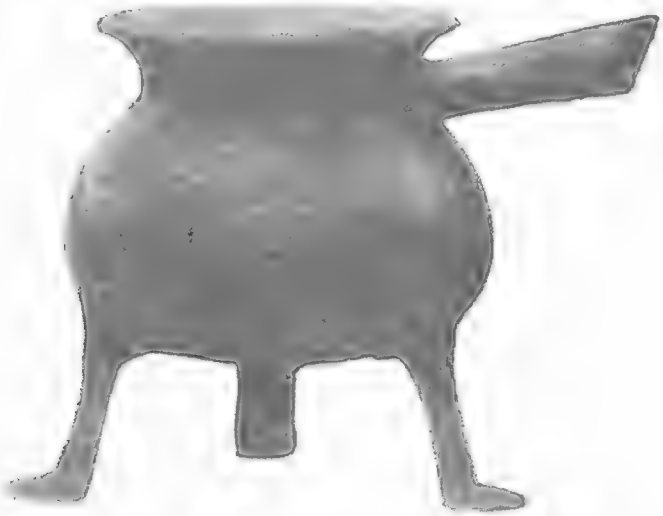


Рис. 41. Бронзовая курильница (погребение 119).

Погребение представляло собой остатки сожженных человеческих костей с прикипевшей к ним шлаковидной массой с зеленым окислом, а также подвергшиеся действию огня различные металлические и костяные изделия, лежавшие в слое золы и угля.

Погребение, по-видимому, было в значительной мере разрушено при постройке на этом участке в XVII в. большой керамической печи для обжига кирпича. В процессе раскопок плохо сохранившиеся остатки погребального костра не были поняты как погребальный комплекс,[2] и потому расположение его не было тщательно исследовано.

Изучение состава находок, обнаруженных на этом участке, позволяет до известной степени реконструировать этот интересный разрушенный комплекс. В погребальном кострище сохранились следующие вещи:

---

[1] Древности Приднепровья, вып. VI, Киев, 1907, стр. 42 и табл. XXXIX.

[2] Дневник Киевской археологической экспедиции 1937 г., № 4, стр. 30—31 об., 32. Архив ИА АН УССР.

1. Большое количество мелких, поломанных и подвергшихся действию огня костяных пластинок (накладок), украшенных орнаментом из кружочков с точкой посредине в различных композициях (рис. 42).

2. Пять круглых бронзовых, литых бляшек с изображением шестиконечной звезды на лицевой поверхности, исполненным серебряной инкрустацией (рис. 43).

3. Одна маленькая бронзовая, литая сердцевидная бляшка, также украшенная плохо сохранившейся серебряной инкрустацией (рис. 43).

4. Один бронзовый, литой наконечник ремня, с орнаментацией, по-видимому, первоначально также инкрустированной серебром (рис. 43).

5. Бронзовая литая пряжка в виде двух овальных колец, к которым с двух сторон примыкают маленькие щитки-выступы, один овальный, другой с заостренным концом. На лицевой стороне щитков углубленный орнамент, по-видимому, первоначально также заполненный серебряной инкрустацией (рис. 43).

6. Бронзовый бубенчик с одним разрезом (рис. 43).

7. Три бусины: граненая сердоликовая, плоская костяная и пастовая оранжевого цвета (рис. 43).

8. Глиняное пряслице (рис. 43).

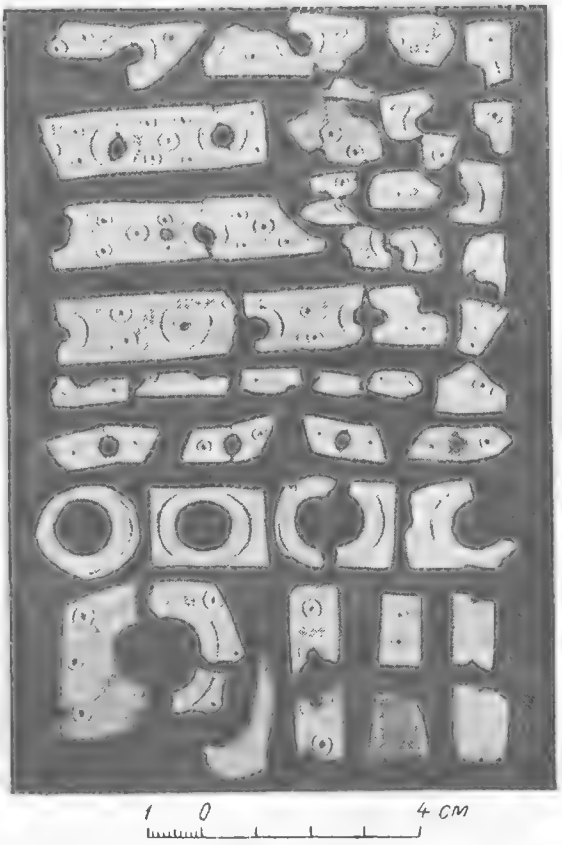


Рис. 42. Костяные орнаментированные пластинки (погребение 120).

9. Два астрагала для игры; на одном процарапан орнамент, на другом просверлено круглое отверстие (рис. 43).

10. Обломок большого железного кольца с прикипевшей к нему кальцинированной костью.

11. Обломок железной скобы (от колчана?) (рис. 43).

12. Небольшой обломок электрового дрота, кусок окислившейся бронзы и несколько аморфных обломков железных предметов.

Сохранившиеся в погребальном кострище многочисленные фрагменты подвергшихся действию огня костяных пластинок, а также разнообразные брон-

зовые литые бляшки и наконечник ремня с серебряной инкрустацией, бронзовая литая пряжка, астрагалы для игры, на одном из которых выгравированный орнамент, сердоликовые и настовые бусы — все это свидетельствует о том, что погребение 120 представляло, по-видимому, захоронение дружинника с рабыней.

Погребение 121. Остатки разрушенного трупосожжения обнаружены в 1955 г. Киевской археологической экспедицией ИА АН УССР под руководством В. К. Гончарова в усадьбах домов 7—9 по Владимирской ул. Кроме кальцинированных человеческих костей и костей барана, в кострище найдены плечевая кость тура и обломок турьего рога, тазовая кость коня, железный наконечник стрелы, миниатюрная бронзовая пуговка и византийская медная монета имп. Льва VI (886—912).[1]

Охарактеризованные выше погребения по степени сложности погребального обряда распадаются на несколько групп: в одном случае погребен богато вооруженный дружинник без коня (погребение 105), в пяти случаях — дружинник в сопровождении боевого коня (погребения 103, 106, 108, 113, 117); по-видимому, к этой же группе следует отнести разрушенное погребение в срубе, раскопанное в 1908 г. под южной апсидой Десятинной церкви (погребение 109) и раскопанный Т. Кибальчичем курган («бугор»), похожий, по описанию И. Хойновского, на часть вала, в котором были найдены «костяная крупная привеска под узду лошади», а также наконечники стрел, «пик» и другие предметы (погребение 104);[2] в трех случаях дружинник погребен в сопровождении рабыни (погребения 107, 111, 118) и, наконец, в двух случаях — дружинник в сопровождении рабыни и коня (погребения 112, 116).[3]

Устройство могильных сооружений, к сожалению, было прослежено далеко не во всех случаях, поэтому не все детали поддаются реконструкции. Могильные сооружения этого типа представляют прямоугольную яму, вырытую в материковом лёссе, в которой находится деревянная камера в виде сруба, рубленного из тонких бревен, перекрытого деревянным накатом, над которым выси-

---

[1] В. К. Гончаров. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. Археологія, т. X, Київ, 1957, стр. 124—125.

[2] В 1832—1833 гг. при раскопках Золотых ворот К. Лохвицким было найдено несколько вещей, принадлежавших, по-видимому, к составу погребального комплекса всадника-воина: конские удила, железная цепь от мундштука, подкова и пика с кольцом и древком. Тут же была найдена стрела, которая в отчете названа татарской (О ходе открытия древностей в Киеве до 1836 г. ЖМНП, ч. XII, 1836, ноябрь, стр. 266). Хотя отсутствие данных об обстоятельствах находки не позволяет с уверенностью утверждать, что вещи происходят из погребения, однако состав находок типичен для киевских погребений X в. К тому же недалеко от района этой находки, на Софийском дворе, в 1878 г. было также обнаружено погребение воина с конем (погребение 104), а в 1900 г. найден замечательный комплекс вещей на Рейтарской ул. (погребение 108).

[3] Если согласиться с высказанным выше предположением о том, что найденная в 1900 г. большая серебряная фибула в виде кольца с длинной иглой происходит из обнаруженного в том же году в той же усадьбе (на углу М. Владимирской и Рейтарской улиц) погребения 108, к последней группе следует отнести и это погребение.

лась курганная насыпь. В отдельных случаях конструкция деревянной камеры состоит из угловых вертикальных столбов, в пазы которых укреплена деревянная обшивка стен из колотых плах (погребение 114).

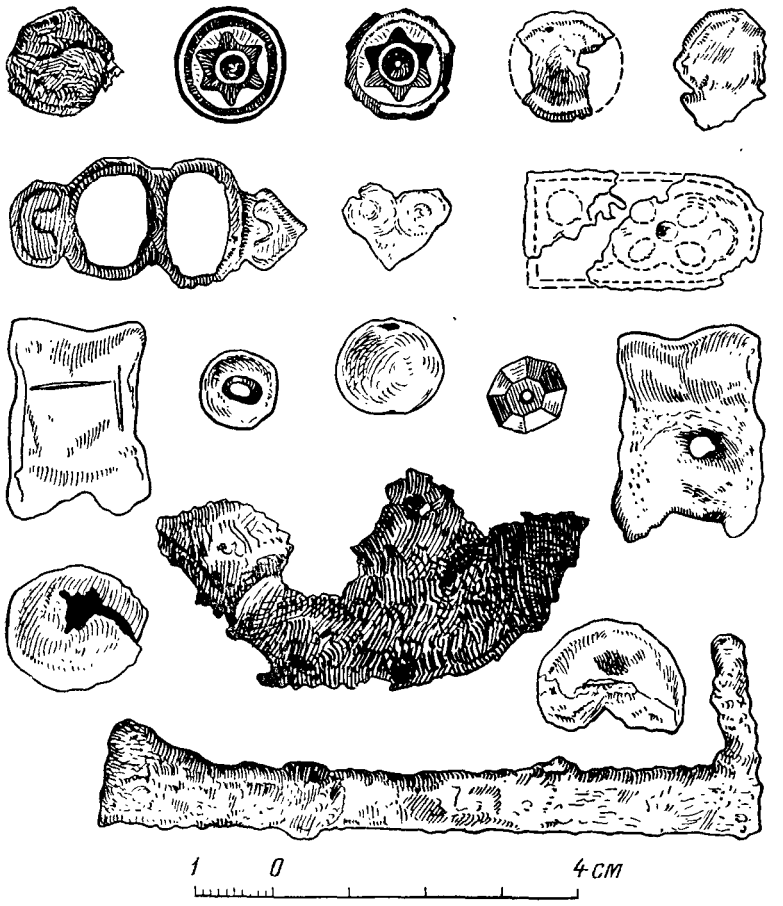


Рис. 43. Бронзовые литые бляшки, наконечник ремня, пряжка, бубенчик, сердоликовая, костяная и пастовая бусы, глиняное пряслице, два астрагала для игры и обломки железных предметов (погребение 120).

В отличие от массовых погребений киевского некрополя, инвентарь срубных погребений весьма разнообразен и богат. Характернейшей особенностью перечисленных выше погребений является прежде всего наличие в них богатого оружия и снаряжения боевого коня.

В погребениях найдены мечи (погребения 105, 108, 114, 116, 117), боевые топоры (погребения 108, 113, 117), кинжалы (погребение 108), копья (погребения 105, 111, 113, 117), колчаны со стрелами (погребения 105, 106, 107, 111,

113, 114, 117, 118), шлемы (погребения 108 (?), 117),[1] кольчуги (погребения 111, 116), щиты (погребение 112), шпоры (погребение 118), стремена (погребения 108, 113, 117), удила (погребения 108, 113), седла (погребение 117), сбруя (погребения 108, 109, 113).

К составу личного инвентаря дружинника в этих погребениях относятся также бруски для заточки стрел (погребение 111), кресала (погребение 118), игральные кости и стеклянные шашки (погребение 108).

Значительная доля богатого погребального инвентаря связана с сопровождающей дружинника рабыней, погребальный убор которой, вероятно, был значительно богаче, чем ее одежды при жизни. В парных захоронениях встречены следующие предметы женского убора: ожерелья, состоящие из различных бус и подвесок — монет, раковин, крестообразных подвесок с расширяющимися концами (погребения 112, 118), фибулы в виде кольца с длинной иглой (погребения 108, 112, 116), височные кольца (погребение 112), перстни (погребения 107, 112, 114).

К кругу рассмотренных памятников относится еще одно не совсем обычное погребение, открытое в 1926 г. раскопками С. Гамченко в усадьбе Трубецкого; это — погребение боевого коня. Не только конское снаряжение (удила, уздечка, украшенная многочисленными серебряными и бронзовыми бляшками, седло, стремена, подковы) составляет богатый погребальный инвентарь этого захоронения (погребение 115). С конем, по-видимому, в качестве выражения почета, в могилу были положены копье, лук и колчан со стрелами. Там же находилось деревянное ведерко, обычное в погребениях киевской знати.

О погребении боевого коня, спасшего жизнь князю Андрею Боголюбскому, образно рассказал летописец. В 1149 г. в битве под Луцком князь попал «в велику беду... зане обступлен бысть ратными и гнаста по нем; ят бо бе двема копиема под ним конь, а третьим в передний лук седельный... конь же его язвен велми, унес господина своего, умре; князь же Андрей, жалуя комоньства его, повеле и погрести над Стырем».[2]

Отличительной чертой охарактеризованных выше погребальных комплексов киевского некрополя является не только резко выраженное социальное неравенство погребенных, но и специфически военный характер наиболее богатых по инвентарю погребений. Эти черты наглядно свидетельствуют о весьма

---

[1] Кроме шлемов, найденных в составе вышеуказанных погребений, следует упомянуть еще об отдельных случайных находках на территории Киева, возможно, происходящих из разрушенных погребений. К их числу относятся наносник от шлема с серебряной и золотой насечкой, найденный в усадьбе Десятинной церкви (табл. XXVI, *1*) [см.: Древности Приднепровья. Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко, вып. VI. Киев, 1907, стр. 43 (№ 1133), табл XXXVI], железный шлем, найденный вместе с частью панцыря К. Лохвицким (Ф. Т [и м к о в с к и й]. К. А. Лохвицкий и его жизнь в Киеве. «Киевлянин», 1865, 9 XII, № 145), и шлем из погребения, случайно обнаруженного, по словам В. В. Хвойки, на Б. Житомирской ул. (В. К о з л о в с к а я. Славянские курганы и городища как исторический источник, стр. 11).

[2] Ипат. лет. 6657(1149) г.

значительной роли, которую приобрела в это время княжеская дружина, представляющая собой «организованную силу феодализирующейся власти, охрану этой власти, войско, охранявшее и расширявшее пределы подвластной территории».[1]

Необходимо отметить, что киевские дружинники, судя по их погребениям, резко делились на несколько различных в социальном отношении групп. Все более обособляющуюся социальную верхушку дружины, ее военных вождей характеризуют наиболее богатые по погребальному инвентарю курганы. В эту группу следует отнести прежде всего погребения, сопровождаемые захоронением убитой рабыни или боевого коня, а нередко и рабыни и коня. Для погребальных комплексов этой группы характерно дорогое и разнообразное оружие, драгоценные, нередко заморского происхождения вещи, богатое снаряжение боевого коня. Как свидетельствуют погребения, подобные раскопанному в 1936 г. неподалеку от Десятинной церкви (погребение 111), даже насильственно убитую рабыню сопровождали драгоценные, заморского происхождения вещи. Именно эта категория погребений, связанных с социальной верхушкой феодализирующегося общества, представлена наиболее яркими погребальными памятниками черниговского и гнездовского некрополей, не в пример киевскому давно уже привлекающих внимание археологов.

Среди охарактеризованных выше массовых погребений киевского некрополя отчетливо выступает другая группа дружинных погребений. В погребальном инвентаре этой группы киевских курганов также существенное место занимают предметы вооружения: боевой топорик, копье, колчан со стрелами, однако погребения эти и по устройству могильного сооружения (деревянный, сколоченный железными гвоздями гроб) и по характеру погребального инвентаря значительно проще, беднее погребений первой группы. Наиболее типичным представителем этих погребений рядовых дружинников является раскопанное нами в 1939 г. под восточной частью Десятинной церкви погребение 86, в инвентаре которого основное место занимало скромное вооружение (боевой топорик, колчан со стрелами, копье). Часто встречаются наборы поясных бляшек, прикреплявшихся к ремню. Рядовые дружинники составляли основную массу дружины. Погребения их по сравнению с погребениями первой группы несомненно были гораздо более многочисленны. Однако не столь богатые по составу находок, они не привлекали внимания и потому часто погибали для науки, оставаясь незамеченными. Многочисленные погребения этой группы хорошо известны в Гнездовском могильнике, среди курганов Чернигова, Приладожья, Верхней Волги.

Особого внимания заслуживает раскопанное в 1909 г. возле Десятинной церкви погребение ребенка. Гробница этого юного представителя киевской знати X в. представляла большой сруб, перекрытый накатом из бревен, над которым возвышался некогда высокий курган. На полу погребальной камеры

[1] Д. А. Авдусин. Гнездовские курганы, стр. 24.

был найден разнообразный инвентарь, подробно описанный выше (погребение 110). В состав его входили четыре глиняных сосуда, два деревянных ведерка с железными обручами, миниатюрный железный топорик и железный нож с костяной рукоятью, костяной гребень, костяная ложка, два каменных оселка, 157 астрагалов, из которых несколько орнаментированы врезной линией, костяная свистулька, бронзовые пуговицы и пряжка, крестообразная серебряная накладка, два диргема, чеканенных в Шаше в 299(911—912) г.

Открытие этого погребения вызвало многочисленные отклики и толкования. Основываясь на находке серебряного «крестика», а также на том, что на одном из диргемов якобы «был процарапан восьмиконечный крест», погребенный был объявлен «юным варягом-христианином».[1] Наиболее падкие на сенсацию корреспонденты киевских газет непосредственно связывали это погребение с летописным рассказом о смерти варяга-христианина, не пожелавшего отдать своего сына в жертву языческим богам. Открытие погребения «юного варяга-христианина» послужило к широкому распространению версии о том, что все древние погребения, открытые в 1908—1909 гг. под Десятинной церковью, являются христианскими.

Весьма решительно в пользу христианского происхождения могильника, открытого под фундаментами Десятинной церкви и в ее окружении, высказался Б. В. Фармаковский, связывая его с киевскими христианами довладимировой поры. По мнению Б. В. Фармаковского, раскопками открыто «целое кладбище христианской общины, которое датируется найденными византийскими и восточными монетами вплоть до IX в.» Опираясь на данные раскопок, Б. В. Фармаковский приходил к выводу о том, что «уже за 100 лет до князя Владимира христианство получило прочную базу в древней Руси». Более того, Б. В. Фармаковский полагал, что Владимир, начиная постройку Десятинной церкви, предназначавшейся служить усыпальницей для самого князя и его родственников, избрал местом постройки кладбище древнейших киевских христиан.[2] Важнейшим результатом раскопок в Киеве за 1908—1909 гг. Б. В. Фармаковский считал то, что раскопки дали новые данные для истории христианства в России.[3] Одним из главных аргументов против отнесения погребений к языческой поре было распространенное в ту пору убеждение, что языческие погребения должны обязательно быть сожжениями.[4]

Христианским признавал древний некрополь, открытый под фундаментами Десятинной церкви, и С. П. Вельмин, отражая, по-видимому, прочно устано-

---

[1] Раскопки в Киеве в 1909 г. (Свод газетных известий). ИАК, Прибавл. к вып. 32, СПб., 1909, стр. 129.

[2] Там же, стр. 133—134; ср. выступление Б. В. Фармаковского по докладу Д. В. Милеева «О раскопках в усадьбе Десятинной церкви в Киеве летом 1908 г.» в заседании ОРСА 28 II 1909: ЗОРСА, IX, СПб., 1913, стр. 293.

[3] ИАК, Прибавл. к вып. 32, СПб., 1909, стр. 133.

[4] ЗОРСА, IX, СПб., 1913, стр. 293.

вившуюся точку зрения руководителей раскопок. Относя открытые в 1908—1909 гг. погребения к VIII—середине X в., С. П. Вельмин утверждал, что кладбище, предшествовавшее постройке Десятинной церкви, было христианским. «На это, — по его словам, — указывают найденные крестики и положение покойников лицом на восток».[1] Учитывая вместе с тем наличие в погребениях следов языческих обычаев — глиняные сосуды с пищей, клыки и т. п., С. П. Вельмин считал некрополь под Десятинной церковью «кладбищем самых первых на Руси христиан, умерших в ту эпоху, когда еще жили в народе языческие обряды и обычаи».[2]

Тщательное изучение погребального инвентаря, обнаруженного нами среди неразобранных материалов киевских раскопок 1909 г., позволяет решительно отбросить версию о христианском характере интересующего нас погребения. «Серебряный нательный крестик, находившийся у шеи погребенного», в действительности оказался крестообразной накладкой с декоративной выпуклой розеткой в центре; на тыльной стороне ее — ушко для прикрепления накладки к какому-то предмету.

Мнение, высказанное С. П. Вельминым о том, что один из диргемов служил иконкой,[3] также не подтвердилось. Процарапанная на диргеме черта, перечеркнутая тремя перпендикулярными ей линиями, представляет, по-видимому, наметку для дробления монеты на 8 частей.

Никаких признаков христианского обряда в других погребениях киевского некрополя IX—X вв. обнаружить не удалось. Все основные черты погребального обряда, как в рядовых захоронениях, так и в захоронениях знати, характеризуют киевский некрополь этого времени как языческий.

Некоторые из предметов, найденных в погребении 110, заслуживают особого внимания. На полу могильной камеры лежали кучкой 157 астрагалов (табл. XVIII); некоторые из них были залиты свинцом, многие были покрыты выгравированным геометрическим орнаментом (рис. 27).

Более или менее значительные наборы астрагалов встречаются в погребениях IX—X вв. не раз. Набор, состоявший из сотни костей, лежавших в бронзовом сосуде, обнаружен в погребальном инвентаре известного черниговского кургана «Черная могила». Некоторые из них были также орнаментированы. Вместе с этим набором лежал бронзовый «биток», отлитый в форме астрагала.[4]

Небольшой набор игральных костей обнаружен раскопками М. И. Артамонова в детском погребении у городища Белая Вежа. Интересно отметить,

---

[1] С. П. Вельмин. Археологические изыскания. . ., стр. 138—139.

[2] Там же, стр. 139.

[3] Там же, стр. 138.

[4] А. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916, стр. 33 и рис. 39. — Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА СССР, № 11, М.—Л., 1949, стр. 27.

что в этом погребении, так же как и в киевском, был миниатюрный топорик.[1] Беловежское погребение относится уже к христианской поре.

Киевский и беловежский наборы игральных костей принадлежали детям. Б. А. Рыбаков считал, что наличие игральных бабок в Черной могиле подтверждает предположение о двух мужских погребениях в этом кургане и «может указывать на то, что один из знатных воинов был молод еще настолько, что носил неполномерный шлем и играл в бабки».[2]

Два астрагала, из которых один покрыт гравированной орнаментацией, были в составе инвентаря богатого погребения с сожжением, раскопанного в 1937 г. вблизи Десятинной церкви (погребение 120).

Наборы астрагалов попадаются и на городищах. Восемнадцать просверленных астрагалов косули и бобра были найдены в пяти землянках Боршевского городища и два в культурном слое того же городища вне жилищ.[3] По справедливому замечанию исследователей этого городища, «попытка рассматривать их в качестве украшений или амулетов является малоудачной. Вероятнее предположить, что они служили для игры в кости».[4]

Бараньи астрагалы для игры найдены также в землянках IX—X вв. на городище у с. Петровское на Ворскле.[5]

Просверленные или украшенные гравированным орнаментом астрагалы нередко встречались в культурных слоях X—XIII вв. на территории Киева.

Среди инвентаря детского погребения привлекает внимание еще один предмет — большая костяная плоская ложка, ручка которой украшена гравированным орнаментом в виде плетенки. Орнамент на расширяющемся конце ложки в условной стилизации передает чешуйчатый хвост какого-то чудовища (табл. XVII). Костяные ложки, близкие по форме к киевской, весьма часто встречаются в могильных комплексах скандинавских курганов[6] и в курганах Прикамья.[7] Многие скандинавские ложки орнаментированы плетенкой, а прикамские — кружками и линиями; ручки часто делаются в виде звериной головы. В древнерусских погребениях также известен ряд случаев находок ло-

---

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность М. И. Артамонову за информацию о составе инвентаря этого погребения.

[2] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 27.

[3] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 48 и табл. VII, *1—4*.

[4] Там же, стр. 48.

[5] П. Н. Третьяков. Стародавні слав'янскі городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 132.

[6] H. Arbman. Birka. Die Gräber. Uppsala, 1940, Taf. 151 (погребения 955, 823, 129, 644, IIA, 817, 807, 1142. — W. Holmquist. On the origin of the lapp ribbon ornament. Acta archaeologica, v. V, fasc. 3, Kobenhavn, 1935, стр. 265—282. — E. Floderus. Sigtuna. Acta archaeologica, v. I, fasc. I, рис. 13.

[7] М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА СССР, № 21, М.—Л., 1951, рис. 32, *1—4*. Автор считает эти ложки не бытовыми вещами, а культовыми (там же, стр. 64).

жек, но в отличие от киевской они бронзовые и нередко представляют собой миниатюрные подвески на цепочке. Так, широкая, плоская бронзовая ложечка на цепочке, по форме аналогичная киевской, была найдена в кургане у дер. Паново Гжатского у. Смоленской губ. В этом же богатом погребении найдено шесть больших серебряных височных колец, ожерелье, состоявшее из сердоликовых и серебряных бус с зернью и двух диргемов X в. (варварское подражание монетам Мансура ибн Нуха и Ахмеда ибн Исмаила) и много других предметов.[1] По составу погребального инвентаря погребение несомненно относится к концу X или началу XI в.

Бронзовая ложка, по форме также несколько напоминающая киевскую, была найдена среди нагрудных украшений (костяные коньки или птицы, бронзовые собачки, гребешки, ножички в футлярах, ключи и пр.) радимических курганов, раскопанных П. М. Еременкой в Новозыбковском районе.[2]

Миниатюрные бронзовые ложки найдены в кургане у с. Заозерье (южное Приладожье)[3] и в кургане у с. Челмужи на территории Карельской АССР (раскопки Г. П. Гроздилова в 1934 г.).[4]

Миниатюрные бронзовые ложечки-подвески и одна большая ложка, происходящие из раскопок в Киевской области, хранятся в собрании КИМ; таковы две ложечки из раскопок А. Бобринского в южной части Киевской области [5] и три — неизвестного происхождения.[6]

7. ПОГРЕБЕНИЯ ЗНАТНЫХ ЖЕНЩИН

Погребениям знатных дружинников по богатству и разнообразию инвентаря не уступали и погребения знатных женщин той же поры, хотя по устройству могильных сооружений эти погребения несколько проще. Среди женских погребений киевского некрополя только одно, раскопанное в 1937 г. неподалеку от Десятинной церкви, было в деревянном срубе, рубленном «в лапу» (погребение 123); еще одно, открытое в 1908 г. под восточной частью церкви, было в обычном деревянном гробу, сколоченном железными гвоздями (погребение 122). При обнаружении двух других женских погребений с богатым инвентарем устройство могилы не было выяснено (погребения 124, 125).

П о г р е б е н и е 122. Обнаружено 23 VI 1908 раскопками Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви

---

[1] А. С [п и ц ы н]. Отчет о раскопках С. А. Гатцука в Смоленской, Московской и Тульской губерниях. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, 1905, стр. 117.

[2] А. С. Вещи из раскопок П. М. Еременко в курганах Новозыбковского и Суражского уездов. ЗРАО (нов. сер.), т. VIII, вып. 1—2, СПб., 1896, стр. 99 и табл. IV, *10*.

[3] W. R a u d o n i k a s. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, рис. 24.

[4] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Краткие отчеты и сведения М.—Л., 1941, табл. IV, *6*.

[5] КИМ, инв. № С. 22613-44873 и С. 22608-14878.

[6] КИМ, инв. № 230 и 57576; указанием на эти находки я обязан Г. Ф. Корзухиной.

(№ 1/1908 г.), к востоку от новой церкви, под развалинами средней апсиды древнего храма, в грунтовой могиле, на глубине 3.75 м от уровня современной поверхности. Деревянный гроб был сколочен десятью железными гвоздями, снизу подложен двумя поперечными досками толщиной 0.04 м. Длина гроба 2.15 м, ширина у головы 0.62 м, у ног 0.54 м. Костяк (женский) лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ; обе руки сложены на животе, череп раздавлен. В погребении сохранились следующие предметы.

1. У шеи лежали девятнадцать мелких бус — сердоликовых, пастовых и серебряных с зернью (табл. XXVI, *2*, *а*), современная имитация золотого византийского солида императоров Василия I и Константина (869—879), сделанная из серебра, но позолоченная сверху, с припаянным грубым серебряным ушком для ношения в качестве подвески [1] (табл. XXVI, *2*, *б*, *в*), плоская белая с перламутровым отливом раковина в виде неправильного, слегка выпуклого с одной стороны кружка с просверленным отверстием для подвешивания (лежала у затылка вместе с бусами). Все перечисленные предметы составляли ожерелье.

2. На груди с правой стороны лежала серебряная с позолотой круглая, слегка выпуклая фибула (диаметр 2.8 см), превращенная в медальон с проволочным кольцом для подвешивания, приклепанным к тыльной стороне; на кольце сохранились чуть заметные остатки ткани. Лицевая сторона фибулы покрыта накладным орнаментом в виде плетения из гладкой и рубчатой проволоки и крупной зерни. Под накладными плетениями — чеканный рельеф (табл. XXVI, *2*, *г*, *д*).

3. У таза с правой стороны были найдены два сильно истлевших железных предмета, которые Д. В. Милеев предположительно считал ножницами; у правого колена — две пуговки.

4. У ног погребенной с правой стороны находились остатки деревянного ведерка с тремя железными обручами и железной дужкой (высота ведерка 0.14 м, ширина 0.20 м). На дне его лежал серебряный ободок с ручкой от деревянного ковша, донце которого было украшено серебряной крестообразной пластинкой (табл. XXVI, *2*, *е*).[2]

П о г р е б е н и е 123. Обнаружено 29 V—1 VI 1937 раскопками Киевской археологической экспедиции ИИМК АН УССР в усадьбе Художественной школы (уч. III/1937 г.), в грунтовой могиле, выкопанной в материковом лёссе на глубину 2.95 м от уровня современной поверхности.

---

[1] Ср.: W. W r o t h. Catalogue of the imperial byzantine coins in the British Museum, v. II. London, 1908, стр. 436 и табл. L, *12*.

[2] К раскопкам в усадьбе Десятинной церкви. ИАК, Прибавл. к вып. 27, СПб., 1908, стр. 54—55; Прибавл. к вып. 31, СПб., 1909, стр. 69. — С. В е л ь м и н. Археологические изыскания. . ., стр. 137. — ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 149—150. — T. A r n e. La Suède et l'Orient, стр. 57. Найденные в погребении 122 вещи хранились в Гос. Эрмитаже (Рукописный каталог Византийского отдела Гос. Эрмитажа), откуда в 1932 г. были переданы в Харьковский исторический музей.

Погребение расположено почти у самого юго-западного угла наружной галереи Десятинной церкви. Дно могилы лежит глубже подошвы фундаментов храма.

Пятно могильной ямы прослеживалось в нижних слоях гумуса. На глубине 2.65 м были обнаружены остатки деревянного сруба (2.5×1 м), сохранившегося

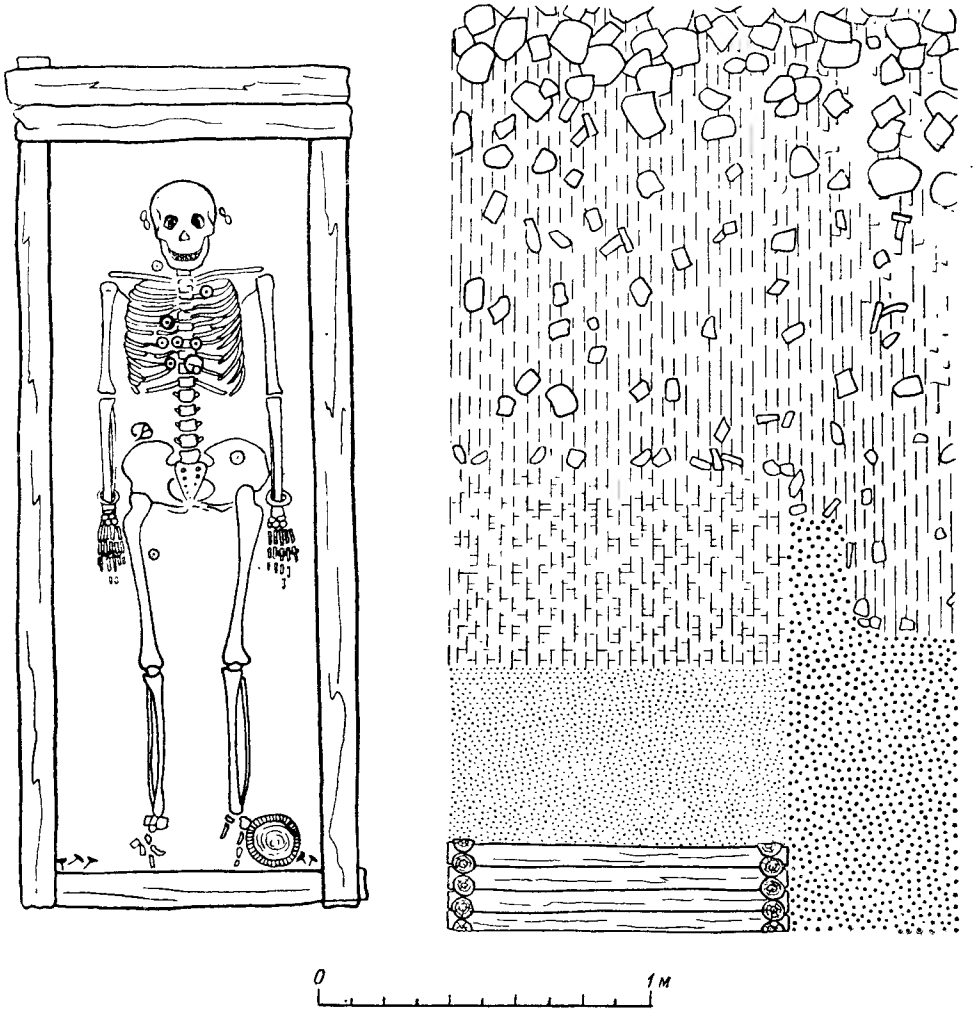


Рис. 44. План и разрез могильного сруба (погребение 123).

на высоту 0.25—0.3 м (рис. 44). Стенки сруба сделаны из тонких кругляков (толщина 0.1 м), рубленых «в лапу» и скрепленных, кроме того, железными коваными гвоздями. Сверху сруб был закрыт накатом из таких же кругляков, уже давно провалившимся под тяжестью грунта внутрь сруба. Внутренность сруба была заполнена лёссом, под которым расчищен плохо сохранив-

шийся костяк, лежавший в вытянутом положении, с руками, положенными вдоль туловища, головой на Ю. Возле костяка найден драгоценный погребальный инвентарь.

Возле черепа найдены остатки золототканой парчи с узором, вышитым серебром (табл. XXVII). Золотая основа ткани и шелковые нитки сохранились достаточно хорошо. У черепа с обеих сторон лежало по два височных кольца, сделанных из золотого дрота с заходящими несомкнутыми концами (табл. XXVII). Тут же, справа от черепа, найдена пастовая глазчатая бусина; вторая пастовая бусина лежала у правой ноги. У шеи и в верхней части грудной клетки лежали четыре сердоликовых, две пастовых и семь серебряных ажурных бусин, составлявших вместе с упомянутыми двумя пастовыми бусами ожерелье. В состав ожерелья, очевидно, входила и подвеска в виде кольца из золотого рубчатого дрота с неспаянными закрученными концами, на которое надета пастовая бусина (табл. XXVII).

На кистях обеих рук найдено два браслета, сделанные из серебряного дрота с несомкнутыми концами (табл. XXVII). На пальцах обеих рук — по два золотых колечка из тонкой проволоки с завязанными узлом концами (табл. XXVII).

У поясницы с правой стороны лежала небольшая подковообразная серебряная пряжка, вырезанная из пластины с закрученными в трубочку концами (табл. XXVII), а у таза — сильно окислившийся серебряный диргем (табл. XXVII).[1] Возле ступни левой ноги стояло деревянное ведерко, от которого сохранились железные обручи и дужка, а также незначительные следы сгнившего дерева.[2]

Погребение 124. Обнаружено в начале 90-х годов XIX в. при земляных работах по планировке местности в усадьбе пивоваренного завода Рикерта, расположенной на Кирилловской ул. (ныне ул. Фрунзе). Обстоятельства находки и устройство могилы неизвестны. Инвентарь погребения был подарен владельцем усадьбы французскому археологу барону де Бай. Последний, продемонстрировав этот материал на заседании Парижской Академии надписей в 1894, в 1896 г. принес его в дар Археологической комиссии, откуда он поступил в Московский исторический музей, где и находится поныне.[3]

---

[1] А. А. Быков предположительно отнес диргем к чекану саманидского эмира Мансура ибн Нуха [350—365 (961—976)].

[2] Ф. Б. Копилов. Зрубне поховання біля Десятинної церкви. Археологія, V, Київ, 1951, стр. 233—235; см. также: Отчет о работе Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 49—50 и Дневник Киевской археологической экспедиции 1937 г., № 4, стр. 44. Архив ИА АН УССР.

[3] Baron de Baye. Sépulture du X siècle à Kiev. Extrait de Memoires de la Société nationale des Antiquaires de France, t. LV, Paris, 1896. Информацию о докладе де-Бай в Парижской Академии надписей см.: АИЗ, 1894, № 11, стр. 363—364. О поступлении находок в Московский исторический музей см.: ОАК за 1896 г., СПб., 1898, стр. 119, 237; Архив ИИМК АН СССР, ф. АК, д. 61/1896 г. Перечень находок см. также: T. Arne. La Suède et l'Orient, стр. 56—57.

В состав погребального инвентаря, поступившего в ГИМ, входят следующие предметы.

1. Две бронзовых позолоченных скорлупообразных фибулы (11×7.5 см) с прорезной литой накладкой в виде плетенки между пятью коническими выступами (рис. 45); на тыльной стороне одной из фибул сохранилась сломанная железная игла и петля для застежки.

2. Круглая серебряная фибула (диаметр 3.5 см) с накладным орнаментом из рубчатой проволоки (табл. XXVIII); большой кусок фибулы отломан. На обороте сохранилась игла и петля для застежки.

Рис. 45. Две скорлупообразные фибулы (погребение 124).

3. Пара серебряных височных колец (так называемых «серег волынского типа») с зерневыми подвесками (табл. XXVIII). На дужке каждого кольца (диаметр 2.5 см) насажено по четыре бусинки из мелкой зерни, а в нижней части укреплена подвеска, состоящая из крупной зерни, образующей различные композиции (длина подвески 2.8 см).

Верхняя часть подвески представляет собой розетку из четырех зерен, увенчанную более крупным шариком. Нижняя часть подвески состоит из трех рядов спаянных между собой шариков различной величины и двух колечек над ними.

4. Простая серебряная (бронзовая?) проволочная серьга (диаметр 1.6 см) с насаженной пастовой (глиняной?) бусиной (табл. XXVIII).

5. Золотое колечко (диаметр 1.6 см) из рубчатой проволоки с завязанными петлей концами (табл. XXVIII).[1]

6. Ожерелье, состоящее из девятнадцати бус: сердоликовых, хрустальных, пастовых (синих), одной стеклянной, одной янтарной и одной серебряной с зернью (табл. XXVIII).[2]

7. Бронзовая крестообразная пластинчатая подвеска (2.8×2.8 см) с приклепанным ушком для подвешивания (табл. XXVIII), аналогичная по форме серебряным подвескам из погребения 125; на лицевой стороне точечный орнамент по краям и ромбовидный в середине, сделанный зубчатым колесиком.

8. Серебряная пластинчатая прямоугольная подвеска (2.3×1 см) с закругленными нижними углами; вверху приклепанное ушко для подвешивания (табл. XXVIII).

9. Две византийские серебряные монеты, одна из которых обломана, с именами императоров Романа I, Константина VII, Стефана и Константина, чеканенные между 931 и 944 гг. (табл. XXVIII);[3] обе монеты были снабжены колечками для подвески.

10. Железный гвоздь (по-видимому, от гробовища).

П о г р е б е н и е 125. Обнаружено в 1876 г. в усадьбе Марра при земляных работах, в грунтовой могиле. Устройство ее не было прослежено. Скелет лежал головой на З. Возле скелета был найден богатый и разнообразный инвентарь. Возле черепа лежали четыре серебряные и одна золотая серьга, сделанные из проволоки со скрученными узлом неспаянными концами. На серьги насажены по одной, по две или по три бусы из граненого горного хрусталя, стекла или пастовые (табл. XXIX).

У шеи найдено ожерелье, состоявшее из шести стеклянных и одной пастовой (с глазками) бус и одного серебряного аббасидского диргема с приклепанным к нему ушком для подвешивания (табл. XXIX). Диргем чеканен в 142 (759—760) г. в Куфе, при халифе Абу Джафаре аль-Мансуре (754—775).

У шеи же (по другому сообщению — у поясничных позвонков) найдены две серебряных подвески в виде крестов с расширяющимися концами (табл. XXIX). Подвески вырезаны из тонкого листа серебра и украшены орнаментом из мелких кружочков, сделанных пунсоном. На одной подвеске хорошо сохранилось прикрепленное ушко для подвешивания, на другой видны круглые отверстия.

---

[1] Т. Арне (T. A r n e . La Suède et l'Orient, стр. 56—57) сообщает о трех маленьких золотых и серебряных колечках.

[2] Из девятнадцати бус, найденных в погребении было: пастовых — десять, сердоликовых — три (из них двенадцатигранных с ромбическими сечениями — две, бипирамидальных восьмигранных — одна), хрустальных — три (из них двенадцатигранных с ромбическими сечениями — одна, бипирамидальных — две), стеклянных — одна, янтарных — одна, серебряных с зернью — одна.

[3] Ср.: W. W r o t h, ук. соч., стр. 461 и табл. LIII, *5*.

У поясничных позвонков скелета лежал небольшой точильный брусок в виде четырехгранной призмы с просверленным отверстием на одном конце для подвешивания (табл. XXIX).

У плечевых костей скелета (по другому известию — у пояса) были найдены две скорлупообразные серебряные, позолоченные фибулы с прорезными литыми накладками (табл. XXIX), у одной из фибул сохранилась сзади бронзовая булавка и петля для застегивания.[1] Почти весь инвентарь из описанного погребения поступил в Музей Киевского университета, а ныне находится в собрании Киевского исторического музея.[2] Т. Арне считал, что из этого погребения происходят два железных меча и два наконечника копья, хранившихся в собрании университетского музея,[3] с чем, однако, нет оснований согласиться.

Инвентарь описанных выше погребений состоял почти исключительно из предметов богатого женского убора, в который входили ожерелья из разнообразных бус и подвесок (погребения 122—125), в том числе дважды встречены восточные монеты и дважды — византийские, височные кольца (погребения 123, 124), скорлупообразные фибулы (погребения 124, 125), круглые серебряные фибулы, покрытые сканью и зернью (погребения 122, 124), браслеты (погребение 123), золотые и серебряные серьги с насаженными бусинами (погребения 124, 125), перстни (погребение 123).

Остановимся на некоторых элементах женского убора богатых погребений киевского некрополя. Среди разнообразных металлических украшений, составлявших этот убор, особого внимания заслуживают височные кольца — одна из наиболее типичных особенностей славянского убора. При рассмотрении рядовых женских погребений киевского некрополя не раз отмечено наличие во многих из них височных колец в виде простых проволочных колечек (бронзовых или серебряных). В богатых погребениях дважды встречены значительно более сложные височные кольца, обычно именуемые «серьгами волынского типа». Эти исключительно изящные ювелирные изделия детально описаны выше, при характеристике инвентаря погребений 112 и 118.

---

[1] В. Б. Антонович. 1) Археологические находки и раскопки. . ., стр. 251—252; 2) О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве, стр. 43; 3) Археологическая карта Киевской губ., стр. 31; см. также: T. Arne. La Suède et l'Orient, стр. 57.

[2] В. Б. Антонович. Обозрение предметов великокняжеской эпохи. . ., стр. 118—119; см. также: Каталог выставки XI археологического съезда в Киеве. Киев, 1899, стр. 92—93, №№ 144—158, а также рукописную инвентарную книгу университетского Музея древностей, хранящуюся ныне в Киевском историческом музее (№№ 2072—2087 — вещи, найденные в усадьбе Марра в 1876 г. и пожертвованные им в музей в 1877 г.). В каталоге выставки XI археологического съезда, кроме описанных предметов, в составе погребального инвентаря упоминаются: 1) три серьги из бронзовой проволоки с свободными концами; на одной из них две стеклянных бусы; 2) обломок бронзового колечка; 3) три маленькие бронзовые позолоченные пуговицы. Вторая бронзовая фибула в университетский музей не поступила.

[3] T. Arne. La Suède et l'Orient, стр. 57.

Височные кольца «волынского типа» известны в двух вариантах, различающихся между собой формой подвески и оформлением кольца.[1] Кольца, найденные в погребениях киевского некрополя, относятся ко второй группе, имея многочисленные аналогии среди южнорусских древностей X в. Височные кольца этого типа были в Юрковицком, Копиевском,[2] Борщевском [3] и Денисовском [4] кладах. Аналогичные кольца найдены Е. Н. Мельник при раскопках курганов в земле лучан,[5] раскопками Б. А. Рыбакова на Гочевском городище,[6] И. И. Ляпушкина на городище X в. у с. Новотроицкое Сумской области.[7] Известен целый ряд случайных находок и в других местах.[8]

Топография перечисленных находок свидетельствует о распространенности этого типа украшений в Среднем Поднепровье и особенно на Волыни. Находка в Пересопницком могильнике в погребении ювелира штампов для изготовления первого варианта колец «волынского типа»[9] окончательно убеждает в местном происхождении этих изысканных ювелирных изделий X в.

В богатых женских погребениях киевского некрополя дважды встречены крестообразные подвески, вырезанные из тонкой серебряной или бронзовой пластинки и украшенные орнаментом из мелких кружочков, сделанных пунсоном (погребение 125), или точечным орнаментом, выполненным зубчатым колесиком (погребение 124).

На подвесках сохранилось прикрепленное ушко для подвешивания, на других видны круглые отверстия.

Подвески эти не имеют никакого отношения к христианским крестам и являются украшением, распространенным в славянских языческих погребениях. Точно такие же крестовидные подвески обнаружены в погребениях X в. в Бирке.[10]

8. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ КИЕВСКОЙ ЗНАТИ

Необходимо остановиться подробнее на некоторых характерных особенностях погребений киевской знати. В ряде срубных погребений встречено

---

[1] Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XII вв. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 49.

[2] Н. Лінка-Геппенер. Копиівський скарб. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 182.

[3] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.—Л., 1936, табл. XI, *1*, *3*.

[4] ОАК за 1912 г., СПб.,1916, стр. 85—86.

[5] Е. Н. Мельник. Раскопки в земле лучан. Тр. XI АС в Киеве (1899), т. I, Киев, стр. 479—514.

[6] И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры, стр. 130.

[7] Материал не опубликован.

[8] Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения. . ., стр. 49.

[9] Е. Н. Мельник, ук. соч., стр. 506—511, 540—542, табл. VIII. — Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения. . . ., стр. 48—49, рис. 10.

[10] H. Arbman, ук. соч., табл. 102, *5—11* (погребения №№ 51, 480, 517, 703, 835, 968, 983).

деревянное с железными обручами ведерко (погребения 110, 113, 115, 122, 123), а иногда при нем и деревянный ковш с серебряной оковкой (погребения 118, 122). Эта черта погребального обряда известна и в массовых погребениях киевского некрополя: о находках деревянных ведер при раскопках курганов на взгорьях вдоль Кирилловской ул. сообщал В. В. Хвойка.[1]

Находки деревянных ведер с железными обручами в славянских погребениях очень многочисленны. Обычные размеры их не более 25—30 см в диаметре, хотя иногда встречаются и большие. В черниговском кургане Гульбище ведро достигало почти 40 см в диаметре.[2] В Черной могиле у изголовья покойника было найдено около полутора десятков деревянных ведер.[3]

Остатки деревянных ведер, окованных обручами, найдены в срубном погребении X в. в Седневе, под Черниговом,[4] в Шестовицких курганах того же времени,[5] в курганах Гнездовского могильника.[6]

Особенно характерны эти предметы для древлянских погребений. Они найдены во многих курганах Житомирского, Искоростенского, Речицкого и других могильников, раскопанных В. Б. Антоновичем, С. С. Гамченко и В. Я. Яроцким.[7] Многочисленны находки этого рода в волынских курганах[8] и курганах дреговичей.[9] В одном из дреговичских курганов (Микуличский могильник) в Речицком уезде было найдено ведерко, которое, по словам исследователя, «по краям было украшено серебряными бляшками, а одна такая же бляшка была прибита на дне внутри ведра».[10]

По свидетельству Е. Н. Мельник,[11] в одном из раскопанных ею курганов (курган № 7 близ с. Басов Кут) к деревянному ведру, стоявшему возле скелета, серебряными гвоздиками было прикреплено шесть тонких серебряных пластинок, согнутых вдвое и одна такая же медная.

---

[1] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 54.

[2] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 42.

[3] Там же.

[4] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 205.

[5] T. Arne. Scandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine. Acta archaeologica, II, 3, Kobenhavn, 1931.

[6] А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. I, СПб., 1905, стр. 10 (курганы №№ 74, 76, 78).

[7] В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. МАР, № 11, СПб., 1893, стр. 67—68 (курганы №№ 3, 5, 6, 8, 13, 16), 74 (курган № 5), 70 (курган № 5), 46. — С. С. Гамченко. Житомирский могильник. Житомир, 1888 (курганы №№ 3, 19, 29). — В. Я. Яроцкий. Краткий отчет о раскопках курганов Речицкого могильника. Труды Общества исследователей Волыни, т. I, Житомир, 1902, стр. 98, 114.

[8] В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Тр. XI АС в Киеве (1899), т. I, М., 1901, стр. 39.— Е. Н. Мельник, ук. соч., стр. 492—493.

[9] В. З. Завитневич. 1) Из археологической экскурсии в Припетском Полесье. ЧИОНЛ, кн. IV, Киев, 1890, отд. II, стр. 26; 2) Вторая археологическая экскурсия в Припетское Полесье. ЧИОНЛ, кн. VI, Киев, 1902, отд. II, стр. 28.

[10] В. З. Завитневич. Вторая археологическая экскурсия. . ., стр. 25.

[11] Е. Н. Мельник, ук. соч., стр. 493, ср. стр. 546.

Б. А. Рыбаков, отмечавший аналогичные находки в курганах радимичей, высказывал предположение, что ведерки в могилах предназначались для хмельного меда.[1]

Нередко встречаются в погребениях киевской знати глиняные сосуды, сделанные на гончарном круге (погребения 109, 110, 111, 115), а иногда и какая-то заморская посуда (амфоры в погребениях 73, 107, амфоры и «миска с муравленым дном» в погребении 106), в том числе стеклянная (погребения 107, 118).

О находках кабаньих клыков была уже речь выше. Эти амулеты были, по-видимому, распространены не только в массах городского населения, но и среди знати (погребения 106, 110).

Однажды найдены ножницы (погребение 122). Назначение их в погребении знатной женщины неясно. Несколько раз ножницы были обнаружены в курганах Гнездова. Кроме одного экземпляра, все они, как и киевские, древнего пружинного типа. Лишь в одном кургане были обнаружены ножницы современного шарнирного типа.[2] Ножницы, найденные в погребении богатого дружинника, раскопанном П. И. Смоличевым в Шестовицком могильнике; по-видимому, свидетельствуют о том, что вместе с дружинником была сожжена рабыня.

В погребении знатного дружинника, обнаруженном в 1900 г. при земляных работах на углу Рейтарской и М. Владимирской улиц, были найдены четыре стеклянные игральные «шашки» в виде усеченного конуса с верхом в форме полушара; три из них из темного стекла, одна — из голубовато-зеленого с черной спиралью (табл. XIV). Находчики утверждали, что «шашек» было более десяти штук. Там же была найдена игральная кость в форме удлиненного параллелепипеда размером $3 \times 1.5 \times 1.5$ см. Две грани его квадратные, остальные имеют форму вытянутых прямоугольников (табл. XIV). На гранях выгравированы очки (от 1 до 6) в виде точек, окруженных двумя концентрическими кружками (погребение 108).

В отличие от игры «в бабки», которая была распространена как в аристократических кругах Киевской Руси (детское погребение киевского некрополя, Черная могила в Чернигове), так и среди народных масс (наборы астрагалов в землянках Боршевского городища), игры, связанные с набором стеклянных «шашек» и игральных костей (с очками), попадающихся только в богатых погребениях, по-видимому, не были народными.

Набор стеклянных «шашек» двух типов, состоящий из 26 двуцветных малых фигур и 2 высоких конусообразной формы с головкой обнаружены в богатом срубном захоронении дружинника с рабыней, раскопанном в Шестовицком

---

[1] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. Працы Археолёгічнай Камісіі, т. III. Менск, 1932, стр. 108; позже в работе «Древности Чернигова» Б. А. Рыбаков высказывал мнение о том, что деревянные ведра Черной могилы и Гульбища служили сосудами для меда, вина, пива (МИА СССР, № 11, 1948, стр. 42).

[2] Д. А. Авдусин. Гнездовские курганы, стр. 16—17.

могильнике Я. В. Станкевич.[1] Находки этого рода в Шестовицких курганах были и раньше (раскопки П. Смоличева).[2] Стеклянная «шашка» зеленоватого цвета находилась в составе Гнездовского клада 1909 г.[3] Большое распространение эта игра имела среди скандинавских дружинников; об этом свидетельствуют весьма многочисленные находки стеклянных «фигур» разного размера и формы в могильнике Бирки.[4]

Игральные кости (с очками) также встречаются преимущественно в богатых курганах дружинной знати. Находки их известны в Черной могиле,[5] в курганах Гнездова.[6] В последние годы такие же кости найдены в культурных слоях Новгорода [7] и Пскова.[8] Судя по находкам аналогичных костей в дружинных курганах Скандинавии,[9] эта игра имела распространение и за пределами Руси.

В составе погребального инвентаря киевского некрополя необходимо отметить ряд вещей, привезенных в Киев издалека, свидетельствующих о многообразных внешних связях социальной верхушки киевского общества в IX—X вв.

Вопреки распространенному мнению о давних связях Киевской Руси с Византией и о большой роли последней в сложении древнерусской культуры, необходимо отметить, что в погребальном инвентаре киевского некрополя вещей византийского и, в частности, херсонесского происхождения почти нет, если не считать четырех византийских монет X в., найденных в трех погребениях (94, 121, 124), одного местного (может быть, русского) подражания византийской монете IX в. (погребение 122) и херсонесского ключика (погребение 112). Ничтожное количество отдельных случайных находок византийских монет IX—X вв. отмечалось и при рассмотрении нумизматических кладов IX—X вв., найденных на территории Киева.

Связи с Халифатом отражены в инвентаре киевского некрополя не только довольно многочисленными диргемами X в., превращенными в подвески, но

---

[1] Я. В. Станкевич. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, I, Київ, 1949, стр. 54 и рис. 5.

[2] T. Arne. Scandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine, стр. 285—302.

[3] ОАК за 1909—1910 гг., СПб., 1913, стр. 203.

[4] H. Arbman, ук. соч., табл. 147—148 (погребения 523, 581, 644, 710, 750).

[5] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины, стр. 33—35. — Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 43.

[6] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. Сергеева, рис. 76. — В. Н. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 58, 97, табл. VI, *14*; XIII, *12*.

[7] А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА СССР, № 11, М.—Л., 1948, стр. 172. В отличие от всех известных ранее новгородская кость представляет не параллелепипед, а кубик.

[8] С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова (1945—1947 гг.). КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 106 и рис. 38.

[9] H. Arbman, ук. соч., табл. 147—148.

и рядом других находок. К их числу в первую очередь следует отнести многочисленные пастовые («глазчатые») бусы, в огромном количестве вывозившиеся из Средней Азии не только в Восточную Европу, но и в Скандинавию и на Запад. Несомненно восточного происхождения бронзовая курильница, найденная в погребении с сожжением на Софийском дворе (погребение 119).

По неясному описанию И. Хойновского трудно с уверенностью установить, что представляла собой «миска, с вычурно муравленым дном», на дне которой по белому полю «нарисована» розетка зеленого и красного цвета (погребение 106), но все же восточное происхождение этой вещи весьма вероятно.

Связи с Халифатом отчетливо отражены и в рассмотренных выше материалах нумизматических и вещевых кладов. Уместно подчеркнуть, что погребальный инвентарь киевского некрополя подтвердил высказанное на основе изучения кладов наблюдение об установлении прочных связей Киева с арабским Востоком не в IX и тем более не в VIII, а лишь в середине X в.

Особого внимания заслуживает вопрос о связях Киева с северо-восточными районами Восточной Европы.

В погребении под огромным курганом, раскопанном в 1899 г. на Верхней Юрковице, среди немногочисленных сохранившихся вещей некогда очень богатого погребального инвентаря было найдено кресало с фигурной бронзовой ручкой в виде двух хищных птиц (орлов?), клюющих в голову человека, изображенного по пояс (погребение 118, рис. 39, *1—2*).

Это необычное для киевского художественного ремесла изделие является несомненно привозной вещью, попавшей в Киев издалека. Близкие аналогии этой вещи имеются среди древностей Прикамья: одно кресало (рис. 39, *3*) происходит из с. Редикор Чердынского у. Пермской губ.,[1] другое (рис. 39, *4*) — из того же уезда.[2]

Киевское кресало точно повторяет второе из указанных выше кресал и отличается лишь в некоторых деталях от первого. А. А. Спицын относил кресало из Редикора к IX—X вв.[3] Недавно опубликовано еще одно кресало, представляющее близкую аналогию киевскому. Оно происходит из Плеховского могильника на Каме и представляет бронзовое изделие с рельефным изображением двух хищных птиц, клюющих в голову человека, находящегося между ними. Опубликовавший это кресало В. В. Оборин, не понял изображения (он утверждает, что изображены три птицы, одна из которых, средняя, впрямь, а две другие в профиль, «образуя над первой арку»).[4] В. В. Оборин полагает, что вещь представляет «основу шумящей подвески».[5] Вещи из Плеховского могиль-

---

[1] А. А. Спицын. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26, СПб., 1902, табл. XXII, *3*.

[2] ОАК за 1894 г., СПб., 1896, стр. 28, рис. 21.

[3] А. А. Спицын. Древности Камской чуди. . ., стр. 33.

[4] В. В. Оборин. Плеховский могильник на Каме. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 200—201, рис. 62.

[5] Там же.

ника имеют много аналогий среди материалов прикамских могильников и городищ родановского времени (X—XIV вв.).[1] По-видимому, кресало одновременно с киевским. Приведенные три аналогии позволяют с уверенностью считать киевское кресало, столь необычное для южнорусских изделий, привозным из Прикамья.

К числу изделий, ввозившихся из Западной Европы, по-видимому, следует отнести франкские мечи, найденные в некоторых погребениях киевского некрополя (погребения 105, 108, 114, 116, 117); из них до нашего времени сохранились лишь два (погребения 108, 114; табл. XIII, XXV, *1, 2*). Оба они детально описаны при характеристике погребальных комплексов, в которых они были найдены.

В Киевском историческом музее хранится еще несколько мечей, найденных на территории Киева, происходящих, по-видимому, из разрушенных древних погребений. Один из них найден при постройке в 1905 г. Реального училища,[2] другой при каком-то случайно обнаруженном погребении.[3] Третий меч (рис. 46) найден на Подоле, вблизи Иорданской церкви у подошвы горы при постройке здания пивоваренного завода, в могиле, заключавшей в себе около 2000 скелетов.[4] Из числа найденных в Киеве мечей — это наиболее архаичный, относящийся несомненно к IX—X вв., хотя найден он среди вещей значительно более поздних.

Рис. 46. Меч, найденный на Подоле.

С преувеличенным вниманием буржуазные археологи издавна интересовались вещами скандинавского происхождения, нередко причисляя к этой кате-

---

[1] Там же, стр. 201.

[2] Карточный инвентарь музея, составленный в 1938- 1939 гг., инв. № С-68140 (Арх. музей, № 10451).

[3] КИМ, инв. № С. 20757-13349 (поступил от Б. Ханенко).

[4] КИМ, инв. № 67192-1497; см. также Инвентарную книгу Университетского музея в Киеве, хранящуюся в Киевском историческом музее.

гории и такие находки, которые не имели к ней ни малейшего отношения. Мираж «норманизма», в плену у которого находились многие буржуазные историки и археологи, приводил к искаженной трактовке археологических памятников, добытых многолетними исследованиями.

В составе погребального инвентаря киевского некрополя нельзя не заметить ряд вещей несомненно скандинавского происхождения. К их числу относятся прежде всего скорлупообразные фибулы, найденные в погребениях 124, 125 (рис. 45 и табл. XXIX). Предметы эти были очень широко распространены на Руси и известны в десятках экземпляров в более или монее богатых погребениях южного Приладожья,[1] Верхней Волги,[2] Владимиро-Суздальской земли,[3] в Гнездовском могильнике.[4] В южнорусских курганах скорлупообразные фибулы встречаются реже, несколько экземпляров обнаружены недавно в погребениях Шестовицкого могильника.[5]

Кроме фибул из упомянутых двух погребений, известны также случайные находки их на территории города. Три скорлупообразные фибулы (табл. XXX) были найдены на территории Владимирова города: две в 1936 г. неподалеку от так называемого «Боричева взвоза»,[6] третья — на углу Владимирской и Б. Житомирской улиц. Непроверенное известие связывает последнюю фибулу с какой-то «братской могилой», случайно открытой при земляных работах.[7] Все фибулы относятся к X в.

К кругу привозных ювелирных изделий северного происхождения несомненно относятся две кольцевых фибулы с длинной иглой, одна из которых найдена в срубном погребении дружинника с рабыней и конем, раскопанном в 1936 г. неподалеку от Десятинной церкви (погребение 112; табл. XXII), вторая происходит, по-видимому, из погребения дружинника с рабыней и конем, случайно открытого в 1900 г. на углу М. Владимирской и Рейтарской улиц (погребение 108; табл. XV). Обе эти фибулы принадлежат к типу сравнительно редких находок, хотя может быть указан и третий экземпляр такой фибулы, найденный также на древнерусской территории. Эта третья фибула, близкая по типу к двум киевским, находилась в составе огромного нумизматического клада вместе с арабскими и англо-саксонскими монетами IX—XI вв., найденного в 1891 г. близ дер. Демшино Псковской губ.[8] Псковская фибула

---

[1] Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья, табл. I, *1—3*; W. Raudonikas, ук. соч., рис. 29, 48, 58, 70—72, 78, 86, 88, 90, 92а.

[2] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст., рис. 9, табл. IV, *1—4*.

[3] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 129, рис. 8, 15.

[4] В. И. Сизов, ук. соч., табл. I, *1,2*; V, *20*; XII, *3*.

[5] Раскопки Д. И. Блифельда. Материал не опубликован.

[6] Фибулы хранились в ИА АН УССР.

[7] КИМ, инв. № С. 68156 (1231, 16491). Поступила в музей от В. В. Тимофеевича.

[8] ОАК за 1891 г., СПб., 1893, стр. 131 и 182—183. — Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, VII. Псковская губ. ЗРАО, т. IX, вып. 1—2, СПб., 1897, стр. 255. См. также: Архив ИИМК АН СССР, ф. АК, д. 147/1891 г.

представляет собой кольцо из толстого гладкого дрота с несомкнутыми концами, на которое насажены две серебряные литые бусины, покрытые плетеным орнаментом, исполненным чернью и филигранью; третья бусина составляет основание иглы фибулы. Т. Арне, опубликовавший впервые эту находку, считал фибулу британским изделием и сравнивал ее с аналогичной фибулой, найденной в Эстонии. Арне полагал, что обе фибулы попали сюда через Готланд.[1] А. А. Спицын считал псковскую находку скандинавской.[2] Все три фибулы несомненно относятся к X в.

К тому же кругу скандинавского импорта следует отнести две круглых серебряных фибулы, украшенных филигранью и зернью, найденные в погребениях 122 и 124 (табл. XXVI, XXVIII). Небезынтересно отметить, что первая из них была использована в женском уборе уже не как фибула, а как подвеска-медальон, для чего к ней с тыльной стороны было приклепано проволочное кольцо (табл. XXVI). Фибулы, найденные в погребениях 122 и 124, имеют многочисленные аналогии среди вещей скандинавского происхождения.[3]

К числу вещей скандинавского происхождения относится, по-видимому, фибула из коллекции И. Хойновского, найденная в Киеве. По описанию И. Хойновского, находка представляла собой «медную кольцеобразную фибулу с отвороченными вверх кольцами в виде рогов лося. На ней длинная игла для застегивания. Диаметр кольца 3 см. Наружность кольца с нарезками, подражающими витому кольцу из проволоки».[4] В собрании КИМ есть полностью соответствующая этому описанию фибула, происходящая, по-видимому, с городища Княжа гора (по инвентарной книге музея — из с. Пекари).[5] Ближайшие аналогии фибул из Киева и Княжой горы имеются среди находок в Эстонии[6] и на о. Готланде.[7]

Среди вещей несомненно скандинавского происхождения следует, наконец, упомянуть великолепную бронзовую позолоченную фибулу с длинной иглой из погребения 116.[8]

---

[1] T. Arne. La Suède et l'Orient, стр. 44—45, 60, 227, рис. 368; ср.: G. Hansen. Die Sammlungen inländischen Alterthümer und anderen auf die baltischen Provinzen bezüglichen Gegenstände des Estländischen Provinzial-Museums. Reval, 1875, стр. 25 и табл. VI, *12*.

[2] Обозрение некоторых губерний. . ., стр. 255.

[3] А. А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 130, рис. 22, 23, 25. — T. Arne. La Suède et l'Orient, стр. 29, рис. 9. — P. du Chaillu. The viking Age, II. London, 1899, стр. 328, рис. 1262; стр. 331, рис. 1271. — O. Montelius. Les temps préhistorique en Suède et dans les autres pays scandinaves. Paris, 1895, стр. 248, рис. 334.

[4] Указатель Выставки Киевского общества древностей и искусств 1897 г. Киев, 1897, стр. 15—16.

[5] КИМ, инв. № С. 66418-8980. Указанием на эту фибулу и ее аналогии я обязан Г. Ф. Корзухиной.

[6] B. Nerman. Die Verbindungen zwischen Scandinavien und dem Ostbalticum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929, рис. 151.

[7] Там же, рис. 152.

[8] Ср.: H. Arbman, ук. соч., табл. 43, 7.

Перечисленные с возможной полнотой вещи скандинавского происхождения, найденные в погребальных комплексах киевского некрополя, с учетом всех случайных находок на территории города, убедительно свидетельствуют о том, сколь незначительно их место даже в жизни социальных верхов киевского общества IX—X вв., не говоря уже о массах городского населения, в культурном облике которого нет ни одной черты, обязанной пресловутому норманскому влиянию. Это обстоятельство не мог не заметить даже такой убежденный норманист, как французский археолог барон де Бай, опубликовавший первые сведения о погребении знатной киевлянки X в. (погребение 124), которую он, несмотря на наличие нескольких вещей иноземного происхождения, счел все же местной жительницей.[1] Наоборот, Т. Арне безоговорочно объявил ее шведкой.[2]

За норманистами-иностранцами некритически следовали и их продолжатели из числа русских буржуазных ученых. Напомним, лишенную каких-либо оснований версию о варяжско-христианском характере некрополя у Десятинной церкви.

Запоздалыми продолжателями этих буржуазных теорий выступили в недавнее время некоторые украинские археологи, безоговорочно отнесшие раскопанное в 1936 г. возле Десятинной церкви погребение дружинника с рабыней и конем (погребение 112) к числу «варяжских».[3] Более того, те же авторы склонны были считать «варяжским» весь могильник на Андреевской горе. По их мнению, «варяжское погребение», открытое в 1936 г., «дает важные материалы для изучения конкретных условий и форм появления классового общества в Поднепровье, выясняет роль и место скандинавских элементов в общественных отношениях того времени, иллюстрирует идеологию, технику и искусство».[4]

Исчерпывающе охарактеризованные выше находки отдельных вещей скандинавского происхождения в Киеве наряду с характерным славянским обликом всех основных элементов погребального обряда и многочисленного разнообразного инвентаря убедительно свидетельствует о ничтожной роли скандинавского влияния в сложении культуры Киевской Руси.

9. ДАТИРОВКА КИЕВСКОГО НЕКРОПОЛЯ. ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБЕНИЙ В ПОДКУРГАННЫХ СРУБАХ

Изучение погребального инвентаря позволяет вернуться к вопросу о времени существования киевских могильников I и II. Разнообразные предметы, найденные в составе погребальных комплексов, многие особенности погребального обряда позволяли сопоставлять киевские погребения с погребениями

[1] Baron de B a y e, ук. соч., стр. 6.

[2] T. A r n e. La Suède et l'Orient, стр. 56—57.

[3] М. Я ч м е н ь о в и Ф. М о л ч а н і в с ь к и й. Нові археологічні розкопки у Києві, стр. 59.

[4] Там же.

древнерусских городских могильников IX—X вв. (Черниговский, Шестовицкий, Гнездовский, Михайловский и другие могильники).

Было бы весьма важно, однако, уточнить даты отдельных погребений киевского некрополя, а тем самым, может быть, и даты киевских могильников I и II.

Наиболее значительная группа из числа известных доныне погребений расположена в районе Десятинной церкви. Как показано выше, открытие этих погребений в большей их части и обязано прежде всего археологическим исследованиям названного архитектурного памятника. Значительная часть погребений была обнаружена под фундаментами храма, при закладке которых погребения, расположенные несколько глубже уровня подошвы фундаментов, остались нетронутыми. Часть погребений обнаружена также под подошвами фундаментов каменного дворца, выстроенного в конце X в. рядом с Десятинной церковью. Возможно, что некоторые древние погребения при этом были потревожены, как свидетельствует об этом обнаруженное раскопками 1911 г. вторичное захоронение более древнего погребения (33). Находка значительной группы погребений, составляющих к тому же наиболее плотно заполненную курганами часть некрополя на Андреевской горе, под фундаментами храма, заложенного в 989 г. и дворца, сооружение которого, по-видимому, происходило почти одновременно с постройкой храма, является прочным основанием для установления верхней даты некрополя на Андреевской горе. В конце 80-х годов X в. основная территория могильника, примыкавшая ко рву древнейшего городища, засыпанному в это же время, была подготовлена к постройке храма и окружавших его новых каменных дворцовых сооружений княжого двора. При этом были срыты лишь курганные насыпи могильника, самые же погребения, находившиеся глубоко под землей, остались в основном нетронутыми.

Курганы, расположенные к юго-востоку от вышеупомянутой группы, по-видимому, были снесены в ту же пору, так как в связи с постройкой новых укреплений, значительно расширивших в конце X в. границы Киевского детинца, эта территория стала центром нового «города Владимира».

В эту пору были снесены курганы, погребальные сооружения под которыми были в конце XIX—начале XX в. открыты И. Хойновским и С. Гамченко в усадьбах Кривцова и Трубецкого. Исключительная по наглядности картина была раскрыта нашими раскопками 1946 г. в усадьбе д. 4 по Б. Житомирской ул. Здесь над отлично сохранившимся погребением дружинника с рабыней в деревянном срубе были обнаружены остатки выстроенного, по-видимому, в конце X или в начале XI в. небольшого жилища, над которым еще позже было сооружено большое жилище с деревянной облицовкой стен, сгоревшее во время татаро-монгольского штурма города в 1240 г.

Немногим дольше просуществовали и курганы на «поле вне града», расположенном за рвом и валом Владимирова города. В 30-х годах XI в. здесь уже создавался новый блестящий архитектурный ансамбль Ярославова города.

Вероятно, в это время и были снесены большие курганы, возвышавшиеся над погребениями, обнаруженными в 1878 г. и в конце 90-х годов в усадьбе Софийского собора (погребения 103, 119) и в 1900 г. на углу Рейтарской и М. Владимирской улиц (погребение 108).

Среди инвентаря, найденного в погребениях могильника I, немало предметов, позволяющих уточнить время существования могильника, в частности, выяснить «нижнюю» его дату. Особый интерес вызывали уже давно монеты, найденные в погребениях, но именно эта категория памятников чаще всего служила основанием для ошибочных выводов. Среди погребений, раскопанных на территории Верхнего города, в восьми комплексах были встречены арабские и византийские монеты. В отдельных погребениях обнаружено по одной, по две, по восемь и даже по нескольку десятков монет.

Вопреки утверждению Л. А. Голубевой среди многочисленных арабских диргемов, найденных в составе погребений могильника I, нет ни одной монеты, относящейся к IX в. О находке диргемов IX в. Л. А. Голубева сообщает дважды, относя на этом основании и погребения, в которых эти монеты были обнаружены, также к IX в.[1]

Необходимо прежде всего заметить, что дата монеты, найденной в составе погребального инвентаря и к тому же уже превращенной в подвеску, далеко не во всех случаях может быть основанием для отнесения погребения к тому же времени. Примеры такого рода будут указаны ниже.

Но особо осторожным обязан быть исследователь в тех случаях, когда сведение о дате самой монеты почерпнуто из случайного или малоавторитетного источника. О находке в погребении, раскопанном Д. В. Милеевым в 1909 г. к востоку от развалин древней Десятинной церкви, известно лишь из информации киевской газеты. По сообщению корреспондента, монета относилась к IX в., в связи с чем и погребение было отнесено к этой же поре.[2] С. П. Вельмин, принимавший участие в раскопках, сообщал о находке в описанном погребении «куфической монеты, относимой к концу VIII или к самому началу IX в.[3]

Среди депаспортизованных в большей их части материалов из раскопок Д. В. Милеева 1909 г. удалось восстановить почти полностью комплекс этого интересного погребения. В составе богатого ожерелья из сердоликовых и стеклянных бус оказался и упомянутый диргем, превращенный в подвеску, в связи с чем в верхней его части были пробиты два отверстия для приклепки ушка. Монета оказалась саманидским диргемом, чеканеным Исмаилом ибн Ахмедом (279—295 гг., т. е. 892—907 гг.). Дата и место чекана стерты. Монеты Исмаила ибн Ахмеда встречены неоднократно и в других киевских погребениях. Все они относятся к началу X в. Но даже если предположить, что интересую-

[1] Л. А. Голубева. Киевский некрополь, стр. 109, 112—113.

[2] Раскопки в Киеве в 1909 г. (Свод газетных известий). ИАК, Прибавл. к вып. 32, СПб., 1909, стр. 131.

[3] С. П. Вельмин. Археологические изыскания. . ., стр. 137.

щая нас монета относится к началу правления Исмаила, т. е. чеканена в 90-х годах IX в., она могла попасть в состав ожерелья киевлянки лишь значительно позже. Погребение безусловно нельзя датировать ранее середины X в.

Второе погребение, отнесенное Л. А. Голубевой на основании находки диргема к IX в.,[1] было раскопано в 1937 г. у юго-западного угла Десятинной церкви. Монета, лежавшая у тазовых костей, была столь сильно испорчена окислами, что от определения даты ее исследователь отказался.[2] Неизвестно, на каком основании Л. А. Голубева отнесла монету к IX в., заметив при этом, что «диргем, найденный около костяка, вполне отвечает древности слоев, в которых погребение было открыто».[3] Произведенной по нашей просьбе экспертизой этой монеты было установлено, что, несмотря на крайне плохую сохранность ее, есть возможность предположительно связать ее с чеканом Мансура ибн Нуха (350—365 гг. хиджры, т. е. 961—976 гг. н. э.).[4] Таким образом, и второй «диргем IX в.» оказался в действительности монетой второй половины X в.

Ошибки в датировке погребений киевского некрополя, основанные на доверчивом отношении к непроверенным информациям, не ограничиваются вышеприведенными.

В замечательном по составу инвентаря детском погребении в срубе, раскопанном Д. В. Милеевым в 1909 г. к северо-востоку от Десятинной церкви (погребение 110), были найдены два диргема, служившие в качестве подвесок. На одном из них сохранилось приклепанное ушко для подвешивания, на другом — два довольно больших круглых отверстия (табл. XVI, *1—4*). С. П. Вельмин в докладе о результатах киевских раскопок 1908—1909 гг. уверенно относил обе монеты к концу VIII в., в то же время полагая, что одна из них носилась как иконка, так как на ней выцарапан восьмиконечный крест.[5] В действительности обе монеты чеканены в Шаше при Ахмеде ибн Исмаиле в 249 (911—912) г.

Остальные монеты, найденные в составе погребального инвентаря могильника I, не вызывали никаких разнотолков.

В погребении, случайно обнаруженном при земляных работах в 1900 г. на углу Рейтарской и М. Владимирской улиц, по несколько преувеличенным, вероятно, сообщениям находчиков, было около 40 серебряных восточных монет. Из них только шесть попало в руки коллекционеров вместе с некоторыми другими предметами из этого погребального комплекса. Все они являются саманидскими диргемами, из которых один — Исмаила ибн Ахмеда 287 (900) г.,

---

[1] Л. А. Голубева, ук. соч., стр. 112—113.

[2] Отчет о работе Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 49—50 и Дневник Киевской археологической экспедиции 1937 г., № 4, стр. 44. Архив ИА АН УССР.

[3] Л. А. Голубева, ук. соч., стр. 113.

[4] Определение А. А. Быкова.

[5] С. П. Вельмин. Археологические изыскания. . ., стр. 138.

чеканенный в Шаше, четыре — Наср ибн Ахмеда (один чеканен в Самарканде, а другой представляет варварское подражание).[1]

В женском погребении, обнаруженном в 1911 г. раскопками Д. В. Милеева у юго-восточного угла развалин Десятинной церкви, в составе ожерелья было два саманидских диргема, один из которых — Исмаила ибн Ахмеда — чеканен в Шаше в 293 (905—906) г. Дата второй монеты не поддается уточнению ввиду плохой сохранности.

Восемь диргемов, входивших в состав ожерелья рабыни, сопровождавшей богатого дружинника, были обнаружены в составе инвентаря срубного погребения, раскопанного в 1936 г. неподалеку от развалин Десятинной церкви (погребение 112). Из них — семь чеканены при Саманидах: а) три — Исмаилом ибн Ахмедом, из них два в Шаше в 287 (900) и в 288 (900—901) гг. и один в Самарканде в 300 (912—913) г., б) один — Ахмедом ибн Исмаилом в Самарканде в 300 (912—913) г., в) три — Насром ибн Ахмедом, из которых два в Шаше [один в 310 (922—923) г., дата другого находилась на отломанной части монеты], и один в Мерве в 302 (914—915) г. Дата восьмого диргема с сильно стертой поверхностью не поддается определению. Таким образом, по крайней мере семь монет из восьми относятся к одному периоду — между 900 и 923 гг.

Для полноты обзора находок восточных монет в могильнике I нужно упомянуть о двух диргемах, найденных, по словам С. И. Вельмина, в большом срубе, раскопанном в 1908 г. под южной апсидой Десятинной церкви, которое мы рассматриваем как остаток погребального сооружения (погребение 109). Монеты, к сожалению, не были определены. Ныне местонахождение их установить не удалось.

Зарегистрированные находки восточных монет в отдельных погребальных комплексах могильника II единичны. К их числу относится единственный диргем VIII в., чеканенный в 142 (759—760) г. в Куфе при халифе Абу Джафар аль Мансуре, найденный в погребении, обнаруженном в 1876 г. в усадьбе Марра (погребение 125; табл. XXIX). Основываясь на дате диргема, В. Б. Антонович относил погребение к концу VIII или к IX в.[2]

По мнению Л. А. Голубевой, диргем 764 г. датирует погребение, в котором он найден.[3] С таким приемом датировки согласиться совершенно невозможно. В составе погребения, кроме диргема, обнаружен ряд вещей, среди которых есть такие, которые датируют погребение точнее, чем диргем в ожерелье. Найденные в составе того же погребения плоские, вырезанные из листового серебра подвески в виде крестов с расширяющимися концами известны в комплексах, относящихся несомненно ко второй половине X в. Такая подвеска, в частности,

---

[1] В. Г е з е. Заметки о некоторых киевских древностях, стр. 146.

[2] В. Б. А н т о н о в и ч. О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве, стр. 43—44; ср.: В. Б. А н т о н о в и ч. Обозрение предметов великокняжеской эпохи. . ., стр. 118—119.

[3] Л. А. Г о л у б е в а, ук. соч., стр. 108.

находилась в другом погребении, обнаруженном в том же могильнике в 90-х годах XIX в. в составе ожерелья, рядом с двумя византийскими монетами 931—944 гг. (погребение 124; табл. XXVIII).

Найденные в погребении наряду с диргемом VIII в. две скорлупообразные фибулы также не могут быть отнесены к столь древней дате. Распространение фибул этого типа падает на IX—X вв. Некоторые другие вещи из того же погребения также имеют аналогии в погребальных комплексах X в.

Из сказанного следует, что было бы ошибкой отнести погребение 125 к VIII в., основываясь только на том, что в нем имеется диргем 764 г.

О неоднократных находках диргемов в составе погребений, раскопанных в усадьбах Зивала и Багреева (Кирилловская ул., дд. 59—61), в общей форме упоминал В. В. Хвойка, относя монеты к VIII в.[1] Ввиду депаспортизации материалов из этих раскопок проверить это сообщение, к сожалению, невозможно.

Значительный интерес для уточнения даты погребальных комплексов киевского некрополя имеют также находки византийских монет, хотя по сравнению с восточными монетами последние попадаются в погребениях значительно реже.

Наиболее древней из них является довольно грубая имитация византийского золотого солида Василия I и Константина (869—879), представляющая серебряную позолоченную подвеску с прикрепленным ушком. Подвеска эта происходит из богатого женского погребения, раскопанного в 1908 г. под развалинами апсиды древней Десятинной церкви (погребение 122), где она находилась в составе ожерелья.

Дата подвески вызывала серьезные разногласия. В каталоге Византийского отдела Гос. Эрмитажа, где до 1932 г. находился инвентарь интересующего нас погребения, монета, которую копирует подвеска, определена как солид Василия II и Константина VIII (976—1025). Б. В. Фармаковский в прениях по докладу Д. В. Милеева о результатах раскопок 1908 г., ссылаясь на заключение А. К. Маркова, считал подвеску «русским (вероятно) подражанием монетам Василия и Константина, но различным, так как на подлинных византийских монетах такого именно соединения лицевой стороны с обратной, по мнению А. К. Маркова, не встречается».[2]

Тщательное исследование подвески позволяет считать оригинал, который она имитирует, солидом Василия I и Константина (869—879). Однако время изготовления самой подвески установить невозможно. Отнюдь не исключена возможность, что она значительно моложе, чем ее оригинал.

Медная византийская монета, чеканенная императором Львом VI (886—912), обнаружена в остатках богатого погребения с трупосожжением, раскопанных в 1955 г. (погребение 121). Это наиболее ранняя монета из числа византийских монет, найденных в погребениях киевского некрополя.

---

[1] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 53—54.

[2] ЗОРСА, IX, СПб., 1913, Протокол заседания ОРСА, 28 II 1909, стр. 293.

Две одновременных византийских серебряных монеты с именами императоров Романа I, Константина VII, Стефана и Константина (931—944) были найдены в составе богатого погребения, обнаруженного в 90-х годах XIX в. в одной из усадеб по Кирилловской ул. (погребение 124; табл. XXVIII). Обе монеты снабжены колечками для подвески.

Обломанная византийская монета Константина Багрянородного (913—959) была найдена в погребении, открытом в 1882 г. на Б. Дорогожицкой ул., где, кроме того, были чашки от весов, складное коромысло к ним и девять железных, обтянутых бронзой гирек (погребение 94).

Таким образом, если не считать имитации, дата которой не может быть установлена, три византийские монеты, найденные в погребениях киевского некрополя, относятся к середине X в. и одна — к началу этого же столетия.

Подводя итоги наших наблюдений по вопросу о монетах, найденных в погребальных комплексах киевского некрополя, следует сказать, что достаточно многочисленные восточные и немногие византийские монеты, встречающиеся в погребениях, за ничтожным исключением относятся к началу или середине X в. В составе погребального инвентаря монеты фигурируют обычно в качестве подвесок, для чего к ним приклепывается ушко или в пробитое отверстие продевается колечко. Учитывая, что дату погребения с монетой в составе инвентаря отнюдь нельзя отождествлять с датой самой монеты, погребения, о которых шла речь, следует отнести к середине, а некоторые, может быть, и ко второй половине X в.

Изучение погребального инвентаря киевского некрополя приводит к выводу, что наиболее богатые по составу инвентаря погребения и, в частности, те, которые связаны с находкой восточных и византийских монет, относятся ко времени от середины до конца X в. Данные для уточнения даты более древних погребений не столь определенны. Высказывалось правдоподобное предположение, что инвентарь более древних погребений был менее значителен количественно и не столь богат.[1] Характерным образцом этой группы погребений является парное погребение в небольшом срубе, открытое нашими раскопками 1946 г. во дворе д. 4 на Б. Житомирской ул. При погребенных не оказалось никаких богатых украшений. Дружинника-воина сопровождали лишь меч и колчан со стрелами. По образному выражению того же исследователя, первые киевские князья и их дружинники «поддерживали свой престиж не богатством своего убора и не пышностью придворных церемоний. . ., а прежде всего мечом».[2] Напомним, что еще А. Е. Пресняков характеризовал время Святослава, как «последний взмах меча, создавшего основу Киевского государства».[3]

---

[1] Г. Ф. Корзухина. Художественное ремесло VIII—IX вв. Доклад в Группе славяно-русской археологии ЛОИИМК 29 XII 1952.

[2] Там же.

[3] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, стр. 84.

Хронологическая систематизация древнерусских вещевых кладов позволила установить, что клады, зарытые в IX—первой половине X в., состоят обычно из очень простых бронзовых и серебряных украшений, целиком связанных еще с убором дофеодального периода.[1] Во второй половине, и особенно в конце X в., суровая простота убора предшествующего периода сменяется варварской роскошью. Этот новый убор княжеско-дружинной знати наглядно отразился в составе вещевых кладов, относящихся к этой поре.[2]

В еще большей степени эта перемена отображена в погребальном инвентаре городских могильников этого времени и, в частности, в богатейшем инвентаре погребений знати киевского некрополя.

В заключение необходимо высказать несколько замечаний по вопросу об этнической принадлежности срубных погребений киевского некрополя. Наличие в Среднем Поднепровье в одних и тех же могильниках наряду с широко известными дружинными погребениями с кремацией покойников (Черная могила, Гульбище, погребение, открытое в 90-х годах XIX в. на Софийском дворе) дружинных погребений с трупоположением в деревянных срубных гробницах (Киев, Чернигов, Шестовицы) вызывало различные попытки истолкования этой двойственности погребального инвентаря.

В. Б. Антонович в докладе «О типах погребения в курганах Киевской губернии», прочитанном на VIII археологическом съезде в Москве, пытаясь выделить в группе славянских курганов наряду с древлянскими курганы полян, характерным признаком их считал обряд погребения с конем. «В земле полян, — писал он, — умершего погребали вместе с его лошадью; яма делалась очень глубокая, и скелет находится в полном вооружении из железа (громадное копье, кольчуга, прямой меч, стрелы, топор) с типичным шлемом времен дружинной и княжеской эпохи Руси».[3]

Д. Я. Самоквасов считал известные ему погребения в деревянных срубах одним из типов погребений, характерных для северян.[4] Вслед за Самоквасовым эту же мысль повторяли П. И. Смоличев [5] и Я. В. Станкевич.[6] Названные авторы исходили из традиционного определения территории северянского племени, не пытаясь даже объяснить двойственность обряда погребения у северян и не обращая внимания на существование значительной группы аналогичных погребений в полянском Киеве.

---

[1] Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, стр. 75.

[2] Там же, стр. 83—90; см. также табл. IV настоящего исследования.

[3] Труды VIII АС в Москве (1890), т. IV, М., 1897. Протоколы, стр. 69.

[4] Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908, стр. 16—17.

[5] П. И. Смоличев. Подвійні поховання X ст. коло с. Шестовиці на Чернігівщині. Записки Чернігівського наукового товариства, Праці Історіко-краєзнавчої секції, Чернігів, 1931, стр. 56.

[6] Я. В. Станкевич. Шестовицька археологічна експедція 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 56.

Т. Арне, ссылаясь на «многочисленность вещей скандинавского происхождения», объявил Шестовицкий могильник кладбищем скандинавов.[1]

Б. А. Рыбаков, изучая некрополь Чернигова, пытался объяснить наличие одновременных курганов с сожжением и со срубными гробницами «возможностью племенных скрещений, особенно легких на границе природных зон, где расположен Чернигов»,[2] предполагая, что «курганы с сожжением, близкие к северным смоленским (Гнездово), это — погребения славянских русских былей и могутов, а курганы со срубными гробницами, известные только в южной части Руси, это — могилы славянизованных шельбиров и ольберов, жителей черниговских степей, потомков древних кочевых племен, ассимилированных земледельцами славянской лесостепи и в IX—X вв., по своей культуре не отличавшихся от остального населения Чернигова, но сохранивших особый обряд погребения и некоторые социальные термины».[3] Таким образом, собственно славянскими Б. А. Рыбаков считал только черниговские курганы с сожжением, «близкие к северным, славянским курганам Гнездова и Приладожья по всем деталям погребения».[4] «Немногочисленная примесь „племени срубных гробниц“ (в основном селившегося вне Чернигова), — заключал тот же автор, — не нарушала славянского характера черниговского некрополя, а лишь свидетельствовала о многообразии дружины „сильного и богатого и многовоя“ черниговского князя, верховного сюзерена окружавших его бояр-землевладельцев IX—X вв.».[5]

Материалы киевского некрополя не позволяют согласиться с изложенной выше точкой зрения. «Племя срубных гробниц» выступает в киевском некрополе отнюдь не как «немногочисленная примесь». Погребения этого типа, как показано выше, представляют господствующий погребальный обряд социальной верхушки киевского общества в IX—X вв. Более того, изучение киевских погребений различных социальных слоев позволило установить, что обряд ингумации характерен не только для верхов киевского общества в IX—X вв., но широко распространен и в рядовых погребениях горожан этого времени. На материалах киевского некрополя удалось установить промежуточные формы погребального обряда, свидетельствующие об этническом единстве погребений различных социальных слоев.

Далеким прототипом срубных гробниц на территории Среднего Поднепровья, по мнению Б. А. Рыбакова, являются скифские курганы. «Более тысячи лет, — писал он, — отделяют скифские курганы от славянских; устанавливать поэтому непосредственную связь между ними трудно, но необходимо отметить, что тип скифских срубных гробниц Киевщины и Пол-

[1] Т. Арне. Skandinavische Holzkammergräber aus de Wikingerzeit in der Ukraine, стр. 285—302.

[2] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 52.

[3] Там же, стр. 53.

[4] Там же.

[5] Там же.

тавщины воскресает позднее именно в этих же географических пределах».[1] Еще более определенно мысль о связи срубных погребений Среднего Поднепровья со скифскими высказана тем же автором несколько дальше. «Погребальные обряды Среднего Поднепровья в IX—X вв. воскрешают старый скифский обряд захоронения в обширном срубе под курганом».[2]

Эту же мысль развивал двадцать лет тому назад и автор настоящих строк, утверждая в связи с изучением киевского некрополя, что «срубные погребения с курганной насыпью, относящиеся к первой половине I тысячелетия н. э. или к последним столетиям до нашей эры, открытые в большом количестве в Среднем Поднепровье, связывают киевские погребения IX—X вв. с погребениями скифской эпохи».[3]

«Переживания древних форм среднеднепровских погребальных сооружений, ведущих свое начало от скифского времени», усматривал в «обложенных деревом склепах» черниговских курганов и П. Н. Третьяков.[4]

Попытки генетической увязки погребений в срубных подкурганных камерах киевского и черниговского некрополей с погребениями скифского времени не имеют серьезных оснований. По справедливому замечанию Д. И. Блифельда, названных исследователей «прельщало даже не столько внешнее (очень, впрочем, отдаленное) сходство обоих типов погребений, сколько, видимо, общая схема славянского этногенеза»,[5] в которой, добавим от себя, «скифской подоснове» придавалась весьма существенная роль. В свете современной постановки проблемы славянского этногенеза поиски основ восточнославянских погребальных обычаев следует искать отнюдь не в сомнительной «скифской подоснове» восточного славянства.

Однако едва ли можно согласиться с той несомненно упрощенной трактовкой интересующей нас проблемы, которую выдвигает в только что упомянутой статье Д. И. Блифельд, пытающийся доказать не только «исключительное сходство», но даже и «почти тождество» дружинных погребений в срубных гробницах с дружинными погребениями с трупосожжением.[6] Приведенные выше данные о погребальном инвентаре и некоторых сторонах погребальной обрядности, характерных для обеих этих групп, с несомненностью свидетельствуют об общности социальных признаков тех и других погребений. Эта общность, однако, не дает оснований не замечать и весьма существенных отличий обряда погребения в срубной гробнице от обряда трупосожжения. Эти существенные отличия в погребальных обрядах, как показано выше, присущи не

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 40.

[2] Там же, стр. 117.

[3] М. К. Каргер. Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным. КСИИМК, I, 1939, стр. 10.

[4] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л.,1949, стр. 174.

[5] Д. И. Блифельд. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. СА, XX, 1954, стр. 150.

[6] Там же, стр. 160.

только погребениям знати, но и массовым погребениям горожан. Причины этих отличий лежат, по-видимому, в неоднородности этнографического состава населения крупнейших древнерусских городов, каковыми были Киев и Чернигов в IX—X вв.

Нельзя не согласиться с Б. А. Рыбаковым, что важный исторический вопрос о племенной принадлежности срубных гробниц IX—X вв. и об их отношении к срубным гробницам Поросья XI—XII вв. не может быть решен на одном черниговском и — добавим от себя — одном киевском материале. Для его решения необходимо тщательное изучение не только всех срубных гробниц русского юга, но и одновременное изучение поставленной выше проблемы двойственности обрядов погребения — кремации и ингумации на различных ступенях истории восточного славянства.

Глава V

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КИЕВА XI — XIII вв.

. . . Славный град твой Киев величеством
яко венцемь обложил. . .

И л а р и о н. Слово о законе и благодати (середина XI в.).

1. ИСТОРИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ КИЕВА

Сложная система оборонительных сооружений древнего Киева, защищавших не только наиболее укрепленную часть города — Детинец, или, как обычно называли его киевские летописцы, «Гору», но и раскинувшийся на огромной территории городской посад — «Подолие», никогда не была предметом специального исследования, хотя отдельные вопросы, связанные с проблемой обороны древнейшей столицы Руси уже с давних пор дебатировались в историко-археологической литературе.

О том, сколь недостаточно изучены даже самые основные вопросы истории оборонительных сооружений Киева, свидетельствует повторяющееся с давней поры и вплоть до наших дней утверждение, что Киев якобы был в древности окружен каменными стенами. Так, еще М. А. Максимович, один из наиболее компетентных знатоков исторической топографии Киева, вспоминал распространенное в его время мнение о том, что сооруженный Ярославом «град великий» состоял не только из больших земляных валов, но и, «как полагают многие, из каменной стены вокруг Киева». «Была ли действительно сия стена, — писал он, — и как далеко простиралась она, об этом ничего не видно из наших летописей, иностранные же писатели средних веков говорят об ней преувеличенно».[1]

[1] М. А. М а к с и м о в и ч. Обозрение Старого Киева. «Киевлянин на 1840 г.» = Собр. соч., т. II, Киев, 1877, стр. 112.

О том, что Киев был окружен каменными стенами, писали Лутковский,[1] М. П. Погодин,[2] Ф. Ласковский,[3] Н. С. Державин,[4] С. Забелло,[5] Н. Г. Порфиридов.[6]

В опубликованной в 1951 г. инструктивной брошюре «Охраняйте памятники архитектуры» читаем: «При Ярославе Мудром (1019—1054 гг.) в Киеве возводится новый каменный кремль с Золотыми воротами».[7]

О совершенно недостаточной изученности оборонительных сооружений Киева свидетельствуют существовавшие до последней поры серьезные разногласия в определении основных границ «Ярославова города», весьма разноречивые попытки реконструкций Золотых ворот, разноречивые толкования различных сохранившихся доныне участков земляных валов и пр.

В отличие от новгородских и псковских летописцев, уделявших исключительное внимание постройке, многочисленным ремонтам и реконструкциям оборонительных сооружений не только самого Новгорода и Пскова, но и небольших городов Новгородской и Псковской земель, киевские летописцы XI и XII вв. чрезвычайно скупо освещают даже самые основные этапы строительства оборонительных сооружений Киева.

Под 1037 г. в Повесть временных лет занесен рассказ о строительной деятельности Ярослава: «Заложи Ярослав город великый, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотых воротех святыя Богородица благовещенье, посемь святаго Георгия манастырь и святыя Ирины».[8]

Как известно, летописная статья, занесенная под 1037 г., как бы подводит итог всей строительной деятельности Ярослава и поэтому далеко не все перечисленные в ней постройки были выстроены или даже заложены в 1037 г. Однако, по-видимому, закладку «города великого» и Софийского собора следует отнести именно к этому году.

Летописный текст крайне лаконично освещает грандиозные работы по строительству оборонительных сооружений. Летописец упоминает лишь одни

---

[1] Лутковский. Исторический обзор построения в России крепостей и укреплений с древних времен до 1800 г. Инженерные записки, ч. 24, СПб., 1841, № 6.

[2] М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции по русской истории, т. VII. М., 1856, стр. 195.

[3] Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I. СПб., 1858, стр. 110.

[4] Н. С. Державин. Из истории древнеславянского города. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 154.

[5] С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942, стр. 20.

[6] Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.—Л., 1947, стр. 27.

[7] Ш. Е. Ратия и К. П. Додина. Охраняйте памятники архитектуры. М., 1951, стр. 17.

[8] Лавр. лет. 6545 (1037) г.

главные, как это явствует из дальнейшей истории, ворота города, названные, по-видимому, по константинопольскому примеру «Золотыми», и особо отмечает постройку надвратной церкви Благовещения над этими воротами.

Другие ворота Ярославова города впервые упоминаются лишь в летописных рассказах о военных событиях середины XII в. Под 1146 г. в повествовании о борьбе кн. Игоря Ольговича с Изяславом впервые упомянуты «Жидовские ворота».[1] Все трое ворот Ярославова города и среди них впервые — Лядские ворота упомянуты в пространном летописном рассказе об осаде Киева войсками князей Вячеслава, Изяслава и Ростислава в 1151 г. Подошедшие к Киеву полки были расставлены следующим образом: «. . . Изяслав ста межи Золотыми вороты и межи Жидовьскыми, противу Бориславлю двору, а Ростислав с сыном своим Романом ста перед Жидовьскыми вороты и многое множество с ними, а Городеньскый Борис у Лядьских ворот».[2] Лядские ворота упоминаются в последний раз в летописном рассказе о штурме Киева татаро-монгольскими полчищами в декабре 1240 г.[3]

Лишь случайно на страницах киевских летописей упомянуты оборонительные сооружения Подола. В летописном повествовании о нападении на Киев в феврале 1161 г. князя Изяслава читаем: «. . .нача Изяслав полкы рядити с братьею и доспев иде к Подолью, а Ростислав стояше с Андреевичем подле столпье, загороженo бо бяше тогда столпием от горы оли и до Днепра. И бысть брань крепка велми зело от обоих, и тако страшно бе зрети, яко второму пришествию быти. И нача одоляти Изяслав: уже бо Половци (его союзники, — *М. К.*) въездяху в город, просекающе столпие, и зажгоша двор Лихачев попов, и Радьславль, и побегоша Берендиче (союзники Ростислава, — *М. К.*) к Угорьскому, а друзие к Золотым воротам».[4] В летописном рассказе о занятии Киева в 1202 г. князем Романом упомянуты «Подольские ворота в Копыреве конце».[5]

После разгрома Киева татаро-монгольскими полчищами в 1240 г. оборонительные сооружения Верхнего Киева были совершенно заброшены и постепенно разрушались.

Величественные, хотя и заброшенные остатки мощных земляных укреплений Верхнего Киева не раз привлекали к себе внимание путешественников, посещавших Киев в XVI—XVII вв. «Киев был очень укреплен на обширном пространстве», — писал Эрих Ляссота, побывавший в Киеве в 1594 г., об этом,

---

[1] «И приехав же Улеб в свои полк, тако же Иван и поверга стягы и поскочи к Жидовьскым воротам. . .» [Ипат. лет. 6654 (1146) г.].

[2] Ипат. лет. 6659 (1151) г.

[3] «Постави же Баты порокы городу, подъле врат Лядьскых, ту бо беаху пришли дебри. . .» [Ипат. лет. 6748 (1240) г.].

[4] Ипат. лет. 6669 (1161) г.

[5] «И еха наборзе со всеми полкы к Кыеву Роман, и отвориша ему Кыяне ворота Подольская в Копыреве конци, и въеха в Подолье, и посла на Гору к Рюрикови и ко Олговичем» [Лавр. лет. 6710 (1202) г.].

по его мнению, свидетельствовал «вал, охватывающий город и простирающийся, говорят, на девять миль в окружности».[1]

О стене, окружавшей древний Киев, и о воротах старинной архитектуры ней «как о памятниках прежнего величия города», упоминал в своем описании руин древнего Киева королевский секретарь Рейнольд Гейденштейн.[2] Огромные валы, сохранившиеся на киевских высотах, по мнению Гейденштейна, свидетельствовали, «что город, должно быть, когда-нибудь был очень многолюден и велик».[3]

Высоко оценил стратегические преимущества древних ярославовых укреплений по сравнению с новым польским замком на Киселевке военный инженер Боплан, который писал: «Замок нового Киева лежит на вершине горы (Киселевки, — *М. К.*) и повелевает нижним городом (Подолом, — *М. К.*); но старый Киев повелевает и самым замком».[4]

С первых дней воссоединения Украины с Московским государством московское правительство проявляло чрезвычайную заботу об укреплении обороноспособности Киева. Отправляя 30 января 1654 г. в Киев московских воевод и бояр во главе с князем Федором Куракиным, царь Алексей Михайлович среди важнейших дел наказывал перед отъездом из Москвы: «Бояром же и воеводам князю Федору Семеновичу Куракину да князю Федору Федоровичю Волконскому, да дьяку Андрею Немирову досмотрить в Киеве, какие крепости учинены, где им бояром и воеводам, и служилым людем, и киевляном начальным и всяким служилым и жилецким и уездным людем в приход воинских людей быти безстрашно и надежно. И будет, по их досмотру, в Киеве такие крепости нет, и им бояром и воеводам говорити митрополиту и Печерскому, и иных монастырей архимаритом, и игуменом, и протопопом, и всему освященному собору, и полковником, и бурмистрам, и всяким служилым и жилетцким людем, что в приход воинских людей в Киеве ему, митрополиту, и всему освященному собору и им, бояром и воеводам, и служилым, и жилетцким, и уездным людем, быть негде и вперед, для бережения от приходу воинских людей, им, митрополиту и всему освященному собору, и полковником, и бурмистром, и всяким служилым и жилетцким и уездным людем, без крепостей быти не уметь: сами они то ведают, какое в Киеве наперед сего от литовских людей и от татар было разоренье; и киевленя б, всяких чинов служилые и жилетцкие и уездные люди, для своей избавы на городовое дело лесу вывезли и город делали. А которые служилые люди с ними, с бояры и воеводы, пришли в Киев, для обереганья от приходу воинских людей, и они, бояре и воеводы,

---

[1] Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874, отд. II, стр. 16.

[2] Там же, стр. 23.

[3] Там же, стр. 24.

[4] Там же, стр. 45.

тем служилым людем городовое дело и крепости делать велят с ними ж вместе».[1]

Царский наказ поручал воеводам произвести осмотр и обмер древних киевских укреплений: «И в котором месте и каким крепостям в Киеве быти и бояром и воеводам князю Федору Семеновичю Куракину да князю Федору Федоровичю Волконскому, да дьяку Андрею Немирову место, где лутче городу быть, осмотреть и велеть начертить на чертеж и отписати о том и чертеж прислати к государю к Москве».[2] Наказ требовал далее после устройства новой крепости «в котором месте в Киеве, по государеву указу, и какую крепость устроят и каким образом, и бояром и воеводам то все велеть написать в строелные книги подлинно, порознь, и на чертех начертить и те строелные книги за дьячею приписью и чертеж прислати к государю к Москве в розряд».[3]

27 февраля 1654 г. на четвертый день после прибытия в Киев московские воеводы уже извещали царя о результатах осмотра киевских укреплений: «И по твоему, государеву, наказу, осмотрели киевских крепостей. И в Киеве, государь, около посаду, с одну сторону, от реки Днепра до гор было острогу сажень с 300, а по тому острогу было 6 башень да двои ворота проезжие; и тот, государь, острог во многих местех вызжен и розломан (речь идет об остроге, ограждавшем Киево-Подол, — *М. К.*). Да в Киеве же, государь, на горе поставлен воеводцкой двор и огорожен острогом (речь идет о замке на горе Киселевке, — *М. К.*); а остроженко, государь, и по нем башни худы и воды в нем нет; а был, государь, в том остроге, у воеводы у Адама Киселя, для его домового покою, один колодезь копаной, до воды 50 сажень, и вода в нем была худа, и тот колодезь завалился; а иных, государь, вод никаких к тому острогу нет, и в приход, государь, воинских людей с гор от пушечные стрелбы в том остроге ущититца нелзе и вылазки из него и промыслу учинить над воинскими людми не мощно, место не укромно».[4]

Все эти крупные недостатки литовского замка на Киселевке, правильно подмеченные московскими воеводами, заставили их решительно отказаться от возобновления этого укрепления. Наоборот, фортификационные возможности земляных укреплений древнего Ярославова города, давно уже заброшенного, в XIV—XVII вв., по-видимому, ни разу не обновлявшегося, были высоко оценены московскими воеводами: «И мы, холопы твои, осмотрели место, где быть городу или острогу, на горе, близко Софейского монастыря; мерою, государь, того места кругом 820 сажень в трехаршинную сажень, а будет, государь, впредь твои, государевы, ратные прибылые люди будут, или уездные люди в осаду збегутца, и к тому, государь, городу, смотря по людем, и прибавка учинити мочно».[5]

---

[1] АЮЗР, X, СПб., 1878, стр. 362.
[2] Там же, стр. 363.
[3] Там же, стр. 364.
[4] Там же, стр. 386—387.
[5] Там же, стр. 387.

Однако московские воеводы встретились с совершенно неожиданным серьезным препятствием в осуществлении своих планов. Территория древнего Ярославова города, называвшаяся в XVII в. Софийской слободой, принадлежала киевскому митрополиту. Занимавший в описываемое время митрополичью кафедру Сильвестр Коссов пытался оказать решительное сопротивление градостроительным мероприятиям московских воевод, едва не кончившееся крупным конфликтом между московским правительством и киевской митрополией.

Московские воеводы подробно извещали царя о своей стычке с митрополитом: «. . .февраля, государь, в 25 день были мы, холопи твои, у киевского митрополита Селивестра и о городовом деле говорили ему, по твоему государеву наказу, чтоб на том месте от приходу воинских людей город поставити; а окроме, государь, того места инде города поставить негде. И митрополит Селивестр, выслушав у нас, холопей твоих, говорил нам, что на том месте города он ставить не даст, потому что та земля его Софейская и Архангелского и Николского монастырей и Десятинные церкви под его митрополичьею паствою, и он тех земель под город не поступаетца. И мы, холопи твои, ему, митрополиту, говорили, что опричь того места инде города поставить негде, таких угожих мест нет».[1] Воеводы давали обещание, что взамен земли, отбираемой под укрепление, митрополит получит от царя «иную землю», на что митрополит отвечал, что «земли все у них поделены и по их правам отдать ему тое земли под город нелзе».[2] Митрополит раздраженно говорил московским воеводам, что «будет де хотите Черкас оберечь, и вы оберегайте от Киева верст за двадцать и болши, а города он ставить на той земле не даст».[3] Московские воеводы упорствовали, указывая митрополиту на то, что когда «наперед сего в приход к Киеву полских и литовских людей в Киеве города не было и полские и литовские люди посад выжгли и церкви божии разорили и православных христиан греческого закона многих побили, а только б был город, и они б, прося у Бога милости, в городе сидя, всякими мерами оберегались». Они доказывали полную непригодность старого замка на Киселевке и отсутствие другого подходящего места для постройки укреплений, кроме избранного ими («окроме того места в иных местех города ставити негде, потому что такова угожего места нет; а на котором месте ныне стоит Литовский острог, и то место к городовому делу не угоже и не крепко и безводно»).[4]

Наконец, исчерпав все доказательства и методы убеждения, московские воеводы намекнули митрополиту на то, что даже «будет он, митрополит, и не похочет того места дать под город», они все равно по государеву указу будут

---

[1] АЮЗР, X, стр. 387.
[2] Там же, стр. 388.
[3] Там же.
[4] Там же.

ставить город на выбранном месте, «потому что опричь того места иного такова угожего места нет».[1]

Митрополит пришел в ярость («учал сердитовать») и угрожал, что «будет де учнете на том месте ставить город, и я де учну с вами битися». Московские воеводы сообщали царю о том, что он (митрополит) так говорит, «не имея страха божия и не хотя государской милости к себе». По поводу угрозы митрополита «битца» воеводы иронически заметили: «и кем ему битца?».[2]

В нашу задачу отнюдь не входит изучение дальнейшего течения этого конфликта, в котором митрополит дошел до того, что проговорился, что «он де митрополит. . . бити челом государю, о том, что ему быть под государевой высокой рукою не посылывал» и что в качестве духовного иерарха он живет «с духовными людьми о себе, ни под чьею властью». Он недвусмысленно угрожал изменой, заявляя, «не ждите де начала, ждите де конца, увидите де сами, что над вами будет вскоре».[3] Однако представители московского правительства проявляли непреодолимое упорство. Небезосновательно подозревая симпатии Сильвестра «литовскому королю», они трактовали сопротивление Сильвестра как его домогательство, «чтоб. . . поставити город не в угожем месте, чтоб над городом какое дурно случилось».[4]

Вскоре сопротивление митрополита было сломлено. Через киевских полковников, сотников и войта, которым пожаловались воеводы, Сильвестр просил прощения, ссылаясь на то, что говорил «с серца», потому что де «преж сего поляки и литва многие у них земли себе посвоили и завладели и ныне он чаял того ж».[5] 27 февраля московские воеводы, известив Богдана Хмельницкого о том, что митрополит говорил им «встрешно про городовое строенье», угрожая боем, сообщали ему о своем непреклонном решении «делать город» на киевских высотах.[6]

17 марта того же года воеводы сообщали в Москву о том, что «острог и всякие крепости» строятся «всеми людми, днем и ночью».[7]

Одобряя деятельность своих воевод в Киеве, царь требовал в грамоте, посланной из Москвы 30 марта, чтобы «городовым делом промышляли. . . с великим раденьем и поспешеньем».[8] В Москву затребовали «городовому делу роспись и чертеж».[9]

31 марта воеводы сообщали: «В Киеве, государь, мы, холопи твои, острог весь и башни поставили, а ныне, государь, по тому острогу делаем мосты и

---

[1] Там же.
[2] Там же, стр. 388—389.
[3] Там же, стр. 389—390.
[4] Там же, стр. 389.
[5] Там же, стр. 391.
[6] Там же, стр. 391—392.
[7] Там же, стр. 395.
[8] Там же, стр. 397.
[9] Там же, стр. 399.

обламы и ров копаем. А как, государь, со всеми крепостми острожными сделаем, и о том мы, холопи твои, отпишем и острогу чертеж и образец к тебе, государю, к Москве пришлем».[1]

Работы по строительству острога на Старо-киевской горе были закончены, по-видимому, в том же 1654 или в следующем 1655 г. Среди бумаг киевских воевод сохранился недатированный доклад царю о киевских делах, среди которых не последнее место занимают вопросы, связанные с окончанием строительства киевских укреплений. «Да и то б, государю ведомо было, — говорится в этом докладе, — что в Киеве острог поставлен стоячей, сосновой, в одно бревно; а проезд в посад и выезд из посаду сквозь острог всяким людем одною дорогою».[2]

Исключительная быстрота строительства киевских укреплений, охвативших огромную площадь Верхнего города, свидетельствует о том, что московские воеводы отнюдь не строили новую крепость. Обновляя древние укрепления Ярославова города, они, по-видимому, в полной мере использовали сохранившиеся огромные земляные валы XI в., на которых после небольшого ремонта и частичной подсыпки был поставлен «тын стоячий, в одно бревно», т. е. простейшая система деревянных укреплений.

После того как проведенные в срочном порядке первоочередные работы по восстановлению древних оборонительных сооружений Киева были закончены и заброшенные исторические руины древнего Ярославова вала вновь превратились в мощную действующую крепость на юго-западной границе Московского государства, в течение второй половины XVII и в начале XVIII вв. неоднократно проводились работы по усовершенствованию и частичной модернизации киевских укреплений. Так, из «росписи, что принято в Киеве по острогу наряду и в казне пороху и свинцу», составленной в июле 1658 г. Василием Шереметевым «с товарищи», можно понять, что в эту пору существует уже «новый вал, что сделан внове кругом острогу».[3]

В ноябре того же года В. Шереметев, сообщая царю о нападении на Киев Д. Выговского, упоминает о «битых и стреленых работных людях, посланных по лес на острожное и валовое дело».[4] Из этой же отписки Шереметева мы узнаем о том, что «у валового дела, как новой вал делали», ведал Аверкий Балтин.[5] В этой же отписке часто наряду с «старым валом» упоминается «новый вал».[6] Характер непрерывно продолжавшихся работ явствует из той же

---

[1] АЮЗР, X, стр. 408.

[2] Там же, стр. 414.

[3] АЮЗР, XV, СПб., 1892, стр. 217—218.

[4] Там же, стр. 281.

[5] Там же, стр. 285.

[6] «А по старому, государь, валу от колодезя Хрещатика и от нового валу до Золотых ворот. . .»; «А от Золотых ворот по старому и по новому валу. . .»; «А острогу, государь, и от острогу по новому и по старому валу до нового же валу и от нового валу до острогу другие стороны 2199 саж. . .» (АЮЗР, XV, стр. 285).

отписки: «А по новому, государь, валу и по старому, — сообщал Шереметев, — деланы у нас, холопей твоих, крепости, рвы покопаны и обламы поставлены, и катки положены, и для воды зделаны городки земленые».[1]

В донесении о новых работах по восстановлению киевских укреплений в 1665 г. Никита Львов, сообщая, что «городовые стены во многих местех были худы и земля в них осыпалась», представлял подробную роспись выполненных ремонтных работ по городовой стене и раскатам.[2]

В 1679 г., в связи с осадой турками Чигирина, под Киевом было собрано многочисленное московское и запорожское войско под командованием кн. М. Черкаского. По сообщению Синопсиса, «силы его царского пресветлого величества. . . на знамение бытия своего под Киевом обведоша великий град Киевский многими крепкими валами».[3] К вопросу о том, какие именно работы были произведены кн. М. Черкаским в 1679 г., нам придется вернуться несколько позже, в связи с реконструкцией системы оборонительных сооружений Ярославова города.

В 1684 г. какие-то работы по исправлению и усилению оборонительных сооружений Киева вел генерал Патрик Гордон.[4] По-видимому, это были последние попытки использования древних киевских укреплений, реконструированных в XVII в.

В начале XVIII в. укрепления эти были признаны несоответствующими новым требованиям фортификации. В мае 1706 г. Меншиков доносил Петру I из Киева: «Я ездил вокруг Киева, также около Печерского монастыря и все места осмотрел. Не знаю, как вашей милости понравится здешний город, а я в нем не обретаю никакой крепости. Но Печерский монастырь зело потребен и труда с ним немного: город изрядный, каменный, только немного недоделан и хотя зачат старым маниром, но можно изрядную фортецию учинить да и есть чего держаться, потому что в нем много каменного строения и церквей, а в Киеве городе (речь идет об укреплениях Верхнего Киева, — *М. К.*) каменного строения только одна соборная церковь да монастырь».[5]

Столь высоко оцененный Меншиковым «изрядный город» вокруг Печерского монастыря представлял мощную каменную стену, незадолго перед этим построенную Мазепой. Как на главный недостаток старых киевских укреплений Меншиков указывал на то, что «городовое основание великое и ежели его крепить, зело нелегок станет».[6]

В «Журнале» Петра Великого о его пребывании в Киеве в 1706 г. записано: «В тое бытность Государь усмотрел, что Киевская фортеция имеет зело худую

---

[1] Там же.

[2] АЮЗР, V, СПб., 1867, стр. 309—310.

[3] Киевский Синопсис. Киев, 1836, стр. 229—230.

[4] Ф. Ласковский, ук. соч., ч. II. СПб., 1861, стр. 476.

[5] В. С. Иконников. Пребывание Петра Великого в Киеве (Киев—Полтава). ВИВ, Киев, 1910, № 5—6, стр. 6—7.

[6] Там же.

ситуацию: того ради за благо рассудил фортецию сделать в ином месте, для которой за удобное место избрал монастырь Печерский, которое гораздо удобнее Киева (т. е. Верхнего Киева, — *М. К.*).[1]

15 августа 1706 г. при личном участии Петра I происходила торжественная закладка новой Печерской крепости, которая призвана была значительно усилить Старо-киевские укрепления, по-видимому, уже не отвечавшие новым требованиям фортификации. Заложенная в самом разгаре Северной войны Киево-Печерская крепость строилась весьма медленно, а после Полтавской победы строительство ее, по-видимому, и совсем замерло. Позже неудачи русской армии на Пруте вновь побудили Петра обратить особое внимание на укрепление Киева.[2] Руководство строительством было возложено на фельдмаршала гр. Шереметева, под командованием которого находилась русская армия, предназначенная для обороны юго-западной границы России. Фортификационные работы велись по прямым указаниям Петра, о чем свидетельствует переписка последнего с гр. Шереметевым.[3] Новая крепость была соединена со Старокиевской ретраншементом; об окончании сооружения его гр. Шереметев доносил Петру 3 сентября 1713 г.: «Здесь линия от старого Киева к Печерской крепости совершена, также и другие места нужные, ежели еще погода добрая простоит, надеясь достроятся».[4]

Наряду с постройкой новой крепости на Печерске и укрепленной линии от Печерска до Старого города, по-видимому, были произведены какие-то работы по усилению Старо-киевской крепости, которая, по донесению Шереметева, «во многих местах обвалилась, палисаду, пушек и других к отпору вещей нет и ни в чем не надежна».[5] Однако постройка крепости на Печерске предопределила судьбу Старо-киевской крепости, которая вскоре была совсем заброшена. Последнее крупное возобновление киевских укреплений было произведено с 1732 по 1737 г. по распоряжению гр. Миниха, когда были обновлены валы Старо-киевской крепости, а Печерск и Подол соединены с нею новыми ретраншементами.

С начала XIX в., а особенно в 30-х годах XIX в., земляные валы Старокиевской крепости в связи с перепланировкой города начали постепенно сносить.

---

[1] Журнал или поденные записи Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадского мира. СПб., 1770, стр. 126.

[2] Там же, стр. 477.

[3] Там же, стр. 478—479; см. также: Письма Петра Великого к генерал-фельдмаршалу Шереметеву. . . М., 1774, № 155, стр. 113—117; № 174, стр. 131. По словам современника, «как закладена крепость, великое было людем воздыхание и плачь, понеже дворы розмитали, сады прекрасные вырубали и жильцам велено, где хотят жить искать» (Сборник летописей, относящихся к юго-западной России. Киев, 1881, стр. 45—46).

[4] Ф. Ласковский, ук. соч., ч. II, стр. 480.

[5] Там же.

2. ПИСЬМЕННЫЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ КИЕВА

Чрезвычайно ценным источником для изучения древних ярославовых укреплений являются многочисленные планы Киева XVII—первой половины XIX вв. и несколько росписных списков XVII—XVIII вв., в которых подробно описано состояние киевских укреплений. К сожалению, почти все эти планы и описания фиксируют киевские укрепления уже после восстановления их в XVII в. московскими воеводами, а на планах XVIII—первой половины XIX в. изображены и новые оборонительные сооружения, возникшие в XVIII—XIX вв. в дополнение к старым. Тем не менее эти планы являются важнейшим источником для реконструкции древней системы оборонительных сооружений Киева.

Наиболее древним перспективным изображением Киева является известная гравюра, приложенная к книге Афанасия Кальнофойского «Терaтургима», напечатанной в Киево-Печерской типографии в 1638 г. На основной части этой гравюры изображена Киево-Печерская лавра и примыкающие к ней участки. На заднем плане, в правом верхнем углу, очень мелко и схематично изображен Верхний Киев и частично Подол. Толкование отдельных частей этого изображения было предметом длительной и ожесточенной дискуссии между Н. Петровым и С. Голубевым.[1] По вопросу об оборонительных сооружениях Киева гравюра 1638 г. не дает никаких существенных материалов. В объяснительном тексте к гравюре валы, ограждавшие в 1654 г. Верхний Киев, названы «великими».[2]

Изображение Верхнего Киева на карте военного инженера Гильома де Боплана, исполненной в середине XVII в., т. е. до восстановления древних киевских укреплений московскими воеводами, представляло бы значительный интерес, если б не было слишком мелкомасштабным и схематичным. Оборонительные сооружения изображены в виде дуги, охватывающей весь Верхний Киев, включая не только Владимиров и Ярославов город, но и территорию Михайловского Златоверхого монастыря.[3]

В 1695 г. по указу царя Петра и по приказу киевского воеводы Петра Хованского, подполковником Ушаковым был исполнен огромный план Киева, подлинник которого хранится в Центральном государственном архиве древ-

---

[1] Н. И. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, стр. 260—267. — С. Т Голубев. О древнейшем плане г. Киева 1638 г. ЧИОНЛ, кн. XII, Киев, 1898, отд. II, стр. 20—96. См. также: В. Г. Лясковронский. К вопросу о древнейшем плане города Киева, изданном в 1638 году Афанасием Кальнофойским. Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой, М., 1916, стр. 202—214; К. Широцький. Хто був автором пляну Київа 1638 р. Записки Історичної і фільольогічної секції Українського наукового товариства в Київі, кн. XVII, Київ, 1918, стр. 98—102.

[2] Б. И. Ханенко. Древнейший план города Киева 1638 года. Киев, 1896, табл. III.

[3] Бопланова карта Киевского воеводства. ЧИОНЛ, кн. XIII, Киев, 1899, отд. III, стр. 144.

них актов.[1] План 1695 г. был издан в 1893 г. Киевской комиссией для разбора древних актов. Однако, к сожалению, для издания был использован не подлинный план 1695 г., а весьма неточная копия с него, сделанная художником Д. М. Струковым.[2]

План 1695 г. не является масштабным планом: не только соотношения его отдельных частей между собой, но и пропорции внутри частей совершенно не выдержаны. План позволяет, однако, составить общее представление о расположении частей города и его отдельных построек. Составители плана 1695 г. по понятным причинам уделили большое внимание оборонительным сооружениям, показанным достаточно подробно, хотя совершенно немасштабно. «Чертеж Киеву граду» состоит из трех частей: Верхнего города, Печерска и Подола. Вся территория Верхнего Киева окружена земляными валами. Валы же делят эту территорию на две сомостоятельных части — «Малый земляной город» (город Владимира) и «Большой земляной город» (город Ярослава), внутри которого в свою очередь «Поперечным земляным валом» Софийская часть (верхнее плато) отделена от Печерской, расположенной по склону горы к Крещатицкой долине. Михайловская часть Ярославова города, расположенная на Михайловской горе, также окружена самостоятельным валом.

В валах Владимирова города трое ворот: «Киевские», ведущие на Подол, «Софийские» (иногда называемые «Батыевыми»), соединяющие Владимиров город с городом Ярослава (через ров), и «Михайловские», соединяющие Владимиров город с Михайловской частью Ярославова города. Из этой части города другие ворота, также названные «Михайловскими», ведут в Печерскую часть Ярославова города. В Большом Ярославове городе отмечены ворота «Ивановские» (обычно называвшиеся «Львовскими», а в древности «Жидовскими»), «Золотые» и «Печерские», расположенные в Крещатицкой долине. Для сообщения между Софийской и Печерской частями Ярославова города в поперечном валу сделано несколько «калиток».

Сохранившиеся в различных архивах многочисленные планы XVIII в. в отличие от планов XVII в. выполнены в масштабе и довольно точно передают как самые оборонительные сооружения, так и рельеф местности, тесно связанный с системой обороны. Наиболее ранним образцом этого нового типа планов является «план города Киева с укреплениями и ретраншементами по про-

---

[1] «Чертеж Киеву граду, как стоит в Московску сторону и кругом всего града и как церкви и как дворы и улицы в нем все описаны, по указу государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия, Малыя и Белыя России самодержца, и по приказу боярина и воеводы Петра Хованского сделанный подполковником Ушаковым для означения мест, где бы можно построить крепость для защиты Киева». Фонд Архива Министерства иностранных дел. По-видимому, работа над планом 1695 г. была вызвана подготовкой к постройке Печерской крепости. В Архиве Киевского Горсовета хранился до недавнего времени второй экземпляр этого же плана, исполненный, вероятно, одновременно с первым.

[2] План Киева, составленный в 1695 г. Изд. Киевской комиссии для разбора древних актов. Киев, 1893.

екту генерала Галларта», выполненный в 1706 г.[1] На плане достаточно детально изображены Старо-киевская и Печерская крепости, соединенные ретраншементом,[2] а также Подол, окруженный деревянными стенами.

Планы Киева 1715,[3] 1727,[4] 1728,[5] 1731 [6] и 1740 [7] гг. не имеют особого значения для изучения оборонительных сооружений.

Большой интерес представляет «Генеральный план Печерской крепости, также Верхнего Киева, Подола, с лежащею ситуациею и при оных ретраншементов и протчего строения, сочиненный в 1745 году».[8] План этот (табл. XXXI), выполненный Киевской инженерной командой, точно передает не только расположение оборонительных сооружений Верхнего Киева и, в частности, крепостных ворот, но и границы городских кварталов, направление основных улиц города, наиболее крупные городские постройки. Внешняя линия оборонительных укреплений Верхнего города в объяснительных надписях повсюду названа «Старо-киевской крепостью».

«План положения местам вокруг Киева с показанием ближней ситуации, сочиненный в 1753 г. полковником Д. де Боскетом»,[9] представляет лишь схему обороны Старо-киевской и Печерской крепостей и потому для интересующих нас вопросов значения не имеет.

«План Старо-киевской или Верхнего города Киева крепости со означением ея главного укрепления внутреней крутости и с показанием во оной казеннаго и разночинненского строения», сочиненный в 1774 г. прапорщиком Козьмой Смирновым (?),[10] заслуживает внимания тем, что четыре части Верхнего Киева, разделенные валами, здесь названы «замками» (Андреевский, Софийский, Михайловский и Печерский; табл. XXXII, *1*).

«План Киево-Печерской, Старо-киевской крепостям и Нижнего города Подола с показанием казенного и обывательского строения, с лежащею ситуа-

[1] Подлинник плана хранился в Военно-топографическом депо при Главном штабе. См.: П. Г. Лебединцев. О планах г. Киева XVIII ст., хранящихся в Петербурге. ЧИОНЛ, кн. I, Киев, 1879, стр. 268 (ныне в ЦВИА, 416.35024, 22031).

[2] Земляной вал, или ретраншемент, соединяющий Печерск с Верхним Киевом, по свидетельству Якова Маркевича, начали строить в 1713 г. (см.: Н. Петров. К исторической топографии Печерска и Киева. КС, т. LIII, Киев, 1896, апрель, Изв. и заметки, стр. 17—18).

[3] Ф. Ласковский, ук. соч., Атлас, II, табл. XXV.

[4] Подлинник в ЦГВИА (д. 2288); ранее находился в Архиве Инженерного департамента.

[5] Подлинник в ЦГВИА (д. 2289); ранее находился в Архиве Главного военно-инженерного управления (см.: П. Г. Лебединцев. О планах г. Киева XVIII ст., стр. 268).

[6] Подлинник в ЦГВИА (д. 2290); ранее находился в Архиве Главного военно-инженерного управления (см.: П. Лебединцев. О планах г. Киева XVIII ст., стр. 268).

[7] Подлинник в ЦГВИА (д. 2303); ранее находился в Архиве Главного военно-инженерного управления (см.: П. Г. Лебединцев. О планах г. Киева XVIII ст., стр. 268).

[8] Подлинник хранился в Музее Киевской духовной академии (см.: Н. Петров. Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. 2-е изд., Киев, 1897, стр. 19; ср. также: Обозрение Киева в отношении к древностям. Киев, 1847, табл. после стр. 24; Инженерные записки, 1853, XXIX, кн. I, Прилож.).

[9] Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1399, оп. 1, № 427).

[10] Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1399, оп. 1, № 425).

циею, сочиненный 1780 года, декабря 24 дня»,[1] так же как и план 1787 г., опубликованный в «Полном собрании законов Российской империи»[2] (рис. 47), свидетельствует о том, что в конце XVIII в. основные оборонительные сооружения Киева сохранялись в том же виде, в котором они зафиксированы на планах середины XVIII в.

На многочисленных планах Киева, исполненных в первой половине XIX в., в расположении оборонительных сооружений также нет каких-либо существенных изменений, хотя, начиная уже с плана, исполненного в 1803 г.[3] киевским городским архитектором А. И. Меленским, нельзя не заметить частичного исчезновения земляных укреплений, форсированное разрушение которых фиксируют планы 1830—1850-х годов.[4]

---

[1] Местонахождение подлинника неизвестно. Негатив в собрании Софийского архитектурно-исторического заповедника.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Книга чертежей и рисунков. (Планы городов). СПб., 1839. Уменьшенная копия с этого плана хранится в Ленинградском филиале ЦВИА (ф. III, оп. 29, № 382). На ней надписи: «План Печерской и Старо-киевской крепостям, с показанием в них и вблизи оных строения и ситуации, так же и прожекта городу и в крепостях, каким образом строение быть полагается». Ниже: «На подлинном тако: Быть по сему в Киеве апреля 17.1787 года». Внизу: «На подлинном тако: Иван Меллер Андрей Шувалов. Копировал киевского городоваго архитектора ученик канцелярист Иван Палей».

[3] План города Киева 2-й и 3-й частям с принадлежащими им слободами. . . 1803 г., исполненный арх. А. Меленским. Местонахождение подлинника неизвестно. Негатив в собрании Софийского архитектурно-исторического заповедника АА УССР.

[4] «План городу Киеву, четырем оного частям, с показанием Печерской и Старо-киевской крепостей и соединяющего их ретраншемента, также с означепием публичных общественных и партикулярных строений, равно и ситуации и сверх того розданных начальством пустопорожних мест под постройку публичных и партикулярных строений 1806 года». Местонахождение подлинника неизвестно. Негатив в собрании Софийского архитектурно-исторического заповедника АА УССР. — «Чертеж и вид Киева 1810 года. Альбом рисунков к путешествию Бороздина». Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «План городу Киеву, четырем оного частям, с показанием Печерской и Старо-киевской крепостей и соединяющего их ретранжамента, с означением публичных общественных и партикулярных строений, с ситуациею по городскую черту», исполненный арх. А. Меленским. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 355, № 4).— «План местоположению трех частей города Киева, начиная от первой части Печерской, с частию предместия Плоского, с показанием в Киево-Подольской части сгоревших домов, монастырей, церьквей и публичных зданий прошедшего июля 9 дня и оставшихся в целости прикосновенных к оному пожарному месту в кварталах строений с ситуациею. . .», исполненный арх. А. Меленским в 1811 г. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 355, № 5) (табл. XXXII, *2*). — План Киева, исполненный арх. А. Меленским. Подлинник в в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 353, № 2). — План Киева, исполненный арх. А. Меленским. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 355, № 102). — План Киева, исполненный арх. А. Меленским. Подлинник в ЦГВИА. — План Киева 1812 г. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 355, № 10). — План Киева, составленный при Киевской инженерной команде в 1812 г. Подлинник в ЦВИА.— План Киева 1816 г. Подлинник в ЦГВИА; см.: М. Ф. Берлинский. Краткое описание Киева, содержащее историческую перечень сего города. СПб., 1820. — План Киева 1816. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 353, № 4). — План Киева, составленный поручиком Нуромали в 1817 г. Подлинник в ЦГВИА.—План Киева 1822 г. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 355, № 9). — План Киева (после 1812 г.). Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 355, № 3). —

Рис. 47. План Киева 1787 г.

Среди многочисленных планов Киева первой трети XIX в. особого внимания заслуживает план, составленный в 1837 г. городским землемером Шмигельским.[1]

Значение плана 1837 г., как это справедливо было отмечено А. М. Тихонович и Н. Н. Ткаченко, заключается в том, что на этом плане изображены остатки древних валов Старо-киевской крепости, сохранившиеся до 30-х годов XIX в. наряду с существующей ныне планировкой городских кварталов, что позволяет осуществить привязку валов к современной планировке города.[2]

Реконструкция системы оборонительных сооружений древнего Киева на плане современного города в значительной мере облегчена благодаря плану 1837 г.

Несколько планов Киева 40—60-х годов XIX в., хранящихся в различных архивах,[3] фиксируют быстрое исчезновение в середине XIX в. последних остатков древних оборонительных сооружений.

Большое значение для реконструкции системы древних оборонительных сооружений Ярославова города имеют многочисленные «росписи» Киева, составлявшиеся московскими воеводами в течение XVII—начала XVIII в., а также различные донесения о состоянии киевских укреплений и о ходе работ по их ремонту и усовершенствованию.

Среди этих документов наибольший интерес представляют упомянутые выше донесения московских воевод в 1654 г. об осмотре Старо-киевских валов и о проекте строительства новых укреплений;[4] Роспись наряду и казны

План Киева 1824 г. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, он. 355, № 8). — План Киева 1827 г. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 355, № 5). — План Киева 1830 г., исполненный арх. Богдановым. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 353, № 6). — План Киева 1832 г.; см.: А. Г л а г о л е в. Атлас к материалам для статистики Российской империи. СПб., 1839, табл. I. — План Киева 1833 г. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 353, № 7).

[1] «План города Киева от Экспланады нового укрепления Дворцовой, Старо-киевской, Лыбедской, Подольской и Плоской частей с показанием Старо-киевской части проекта на заселение мест, где производится постройка зданий Университета св. Владимира, сообразно линии в прошлом 1836 году высочайше одобренной для постройки оных с разделением на кварталы Слободки Паньковщины, Предместия Кудрявца и Слободки Лукьяновки, сходно местному оных положению. Составлен 1837 года марта 10 дня. На подлинном написано. Быть по сему. Николай. г. Москва. 27 ноября 1837 г. Составил киевский городовой землемер титулярный советник Шмигельский». Экземпляр этого плана хранится в Государственном комитете по делам строительства и архитектуры при Совете министров УССР (Киев). Копия этого же плана имеется в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 353, № 8).

[2] О. М. Т и х о н о в и ч и М. М. Т к а ч е н к о. Древний «Київ-град». Спроба відтворення плану Верхнього Киева XI—XII століття. Архітектурні пам'ятники, Київ, 1950, стр. 17.

[3] План Киева 1843 г. Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел картографии, К. 40.4.217. — План Киева 1850 г. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 353, № 9). — План Киева 1861 г., составленный Еремеевым. Подлинник в ЦГИАЛ (ф. 1293, оп. 353, № 10).

[4] АЮЗР, X, СПб., 1878, стр. 362—364, 386—388, 391—392, 395—398, 399, 400, 408, 413, 505.

1658 г.;[1] Роспись Киева 1661 г.;[2] Донесение воеводы Львова о строительных работах 1665 г.;[3] а также: Роспись Киеву 1682 г.;[4] Сметная книга 1687 г.;[5] Сметная книга и росписной список 1695 г.;[6] Росписной список 1700 г.[7]

Несмотря на то, что в большей части этих документов описываются уже возобновленные в XVII в. укрепления, они являются весьма важным источником для решения ряда вопросов, связанных с изучением древней системы оборонительных сооружений Ярославова Киева.

3. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ПЛАНА СООРУЖЕНИЙ ЯРОСЛАВОВА ГОРОДА

Перечисленные выше официальные «росписи» оборонительных сооружений Киева, составленные в XVII—XVIII вв., и старые планы, на которых с большей или меньшей точностью нанесены древние земляные валы и ворота Верхнего города, позволяют восстановить в основных чертах оборонительную систему Ярославова города.

От Золотых ворот линия Ярославова вала шла по направлению на северо-запад, параллельно современной улице Ворошилова (бывш. Б. Подвальная, или Ярославов вал), по краю нагорья, круто обрывающегося к долине среднего течения р. Лыбеди. Дойдя до района Сенного базара (Львовская площадь), она поворачивала на восток и тянулась параллельно нынешней Б. Житомирской ул. по обрывистому краю нагорья над Кожемяцким ущельем и Гончарами. У пересечения Б. Житомирской и Владимирской улиц вал Ярославова города примыкал к более древним укреплениям Владимирова города, вблизи от Софийских (Батыевых) ворот.

Расположение описанной западной половины Ярославова вала, несмотря на то, что в настоящее время от него не сохранилось почти никаких остатков, никогда не вызывало сомнений у исследователей исторической топографии Киева.

Реконструкция восточной половины Ярославова города, наоборот, уже с давних пор вызывала противоречивые толкования и споры. Часть древних киевских укреплений, оборонявших город со стороны Крещатицкой до-

---

[1] АЮЗР, XV, СПб., 1892, стр. 218—222; о крепостных работах того же года см.: там же, стр. 284—285.

[2] АЮЗР, VII, СПб., 1872, стр. 328 = Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874, отд. III, стр. 87—88.

[3] АЮЗР, V, СПб., 1867, стр. 309—310 = Сборник материалов. . ., отд. III, стр. 88—90.

[4] ЧОИДР, 1858, кн. II, стр. 59—68 = Н. Закревский. Описание Киева, II. М., 1868, стр. 900—904 = Сборник материалов. . ., отд. III, стр. 96—103.

[5] Н. Н. Оглоблин. Обозрение историко-географических материалов XVII и нач. XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа. М., 1884, стр. 40—41.

[6] Там же, стр. 41.

[7] П. Г. Лебединцев. Роспись Киеву 1700 г. ЧИОНЛ, кн. I, Киев, 1892, стр. 21—82.

лины, по-видимому, еще в ту пору, когда было начато их восстановление, считалась ненадежной. В упомянутом выше докладе Ф. Кура́кина на рассмотрение царя был предложен проект постройки новой дополнительной линии укреплений внутри древних валов: «И будет государь укажет от Златых ворот сделать вал земляной от Архангелского монастыря, для помоги острогу, и как будут государевы прибавочные ратные люди, и теми людми земляной вал сделать будет мошно».[1] По-видимому, именно этот проект и был осуществлен в 1679 г. кн. Черкаским, когда в связи с осадой турками Чигирина Киев готовился к обороне.

По вопросу о том, какие работы были произведены кн. Черкаским в 1679 г., существуют две различные точки зрения. Еще А. Глаголев в статье «Краткое обозрение древне-русских зданий», напечатанной в «Материалах для статистики Российской империи», писал: «Старо-киевская крепость еще и прежде сего (до XVIII в., — *М. К.*) была исправляема несколько раз, между прочим около 1679 г. (во время Чигиринской с турками войны). . . В это время прибавлено четвертое отделение Старого Киева, названное Печерским, в котором по низменной стороне проведен новый земляной вал от южного угла Михайловского отделения к Софийскому валу и к самым Золотым воротам. В этом новом отделении, расположенном на покатости горы, называвшейся во времена Нестора Перевесищем, устроены крепостные ворота, известные под именем Печерских, которые остаются и теперь в целости и занимаются караулом и военными арестантами».[2]

Почти одновременно М. Максимович в своем «Обозрении Старого Киева», напечатанном в альманахе «Киевлянин на 1840 г.», высказал то же, ничем не подтвержденное мнение, что к числу сооруженных в 1679 г. укреплений принадлежит нижний вал, проходивший от Михайловского монастыря до Золотых ворот, по южной отлогости Старо-киевской горы. «Посредством вала сего, — утверждал М. Максимович, — пригородилось тогда к Старому Киеву новое Печерское отделение. Именем Печерских названы были и каменные ворота в сем нижнем валу, которые существовали до 1833 г. и в позднейшее время назывались иногда Лядскими. На месте их собирается теперь Крещатицкий базар, возле урочища, называемого Козьим болотом».[3]

При статье был опубликован «Чертеж Старого Киева, в древнем виде», представляющий попытку реконструкции плана древнего города (рис. 48). И этот план и приведенное выше описание не оставляют сомнений в том, что М. Максимович считал древней границей Ярославова города вал, проходивший от Золотых ворот до Михайловского Златоверхого монастыря, по верхней части горы. Древние Лядские ворота на плане Максимовича показаны неподалеку от Софийского собора, т. е. в верхней части нынешней Софийской ул. Нижний

---

[1] АЮЗР, X, стр. 413.

[2] Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839, стр. 86—87.

[3] М. А. Максимович. Обозрение Старого Киева, стр. 118.

Рис. 48. План-реконструкция Старого Киева М. Максимовича.

вал и Печерские ворота, расположенные внизу, на современной площади им. Калинина, Максимович связывал с новыми оборонительными сооружениями, созданными кн. Черкаским в 1679 г.[1]

Эту же точку зрения М. Максимович развивал во вводном историческом очерке к изданию И. Фундуклея «Обозрение Киева в отношении к древностям». Он писал: «В 1679 году, когда турецкая осада Чигирина грозила опасностью и Киеву, воевода князь Черкаский окружил новым валом восточно-южную низменную сторону Старого Киева, начиная от Михайловского монастыря до Золотых ворот; и таким образом прибавлено было к Старому Киеву новое, третье отделение, называвшееся Печерским. Этот вал был насыпан Московским войском».[2]

Почти в тех же выражениях характеризует постройку 1679 г. Н. Закревский: «Кн. Черкаский прибавил тогда к Старому городу еще больше пространства, оградив его новым земляным валом по южной, или Крещатицкой, стороне, начиная от Михайловского монастыря до Золотых ворот. Посредством сего вала пригородилось тогда к Старому городу новое Печерское отделение. Именем Печерских названы были и каменные ворота в этом нижнем валу, которые существовали до 1833 г.».[3] На опубликованной Н. Закревским реконструкции плана древнего города восточная граница его проходит по верхней части горы от Золотых ворот до Михайловского монастыря.[4]

Реконструкции плана древнего Киева, опубликованные М. Максимовичем и Н. Закревским, надолго закрепили представление о том, что Ярославов город располагался лишь на плато киевского нагорья, не спускаясь по склону Крещатицкой долины.

Это представление лежало в основе почти всех работ по исторической топографии города вплоть до недавнего времени.[5]

Закреплению этого ошибочного представления в последнее десятилетие немало способствовал опубликованный в нашей статье «К вопросу о Киеве в VIII—IX вв.» схематический план города,[6] в качестве топографической основы

---

[1] По-видимому, на этой же точке зрения стоял несколько раньше М. Ф. Берлинский. Судя по тому, что на опубликованном в его книге плане Киева местоположение Лядских ворот показано в верхней части нынешней ул. Калинина (неподалеку от Софии), можно заключить, что он, как и Максимович, считал древней восточной границей Ярославова города поперечный вал, существовавший еще в ту пору в верхней части киевского нагорья, между Золотыми воротами и Михайловским монастырем. (М. Ф. Берлинский. Краткое описание Киева. СПб., 1820).

[2] Обозрение Киева в отношении к древностям, изд. И. Фундуклеем. Киев, 1847, стр. 23.

[3] Н. Закревский. Описание Киева, т. I. М., 1868, стр. 430—431.

[4] Там же, Атлас, л. 5.

[5] Л. Добровольский. Київські укріплення і Золоті Ворота. Науковий збірник за р. 1926, Київ, 1926, стр. 17. — О. Сімзен-Сичевський. Історія забудови і планування Києва в дореволюційний період. АРУ, Київ, 1938, № 4—5, стр. 16.

[6] М. К. Каргер. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. КСИИМК, VI, 1940, стр. 64, рис. 10.

которого по недосмотру был использован план-реконструкция Н. Закревского. Опубликованный в статье для весьма узкой цели показа направления трассы

Рис. 49. План-реконструкция Ярославова города А. Тихонович и Н. Ткаченко.

рва древнейшего городища на Андреевской горе, обнаруженного раскопками, план этот был, к сожалению, многократно переиздан в качестве общей схемы исторического развития Киева.[1]

[1] Н. Пастернак. Старий Галич. Краків—Львів, 1944, стр. 205, рис. 86. — Н. Н. Воронин. Поселение. В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 199, рис. 122. — Н. Н. Бунов. Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры. Византийский временник, III, 1950, стр. 169, рис. 8. — Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси. В кн.: История русского искусства, т. I. Изд. АН СССР, М. 1953. рис. на стр. 128.

В противовес изложенной выше общераспространенной точке зрения П. Лебединцев, в послесловии к опубликованному им в 1892 г. «Росписному списку Киева 1700 г.», анализируя «Роспись Киева 1682 г.» и тогда еще не опубликованный план Киева 1685 г., хранившийся в Архиве Министерства иностранных дел, писал: «В дополнение к валам, окружавшим Старый Киев, проведен в это время (в конце XVII в.) вал „поперечный" от Золотых до Михайловских ворот, по левой стороне Софийской ограды, на соединение с валом, окружавшим церковь Трехсвятительскую и выходившим на черту Михайловской площади у нынешнего Реального училища».[1]

В предисловии к изданному Киевской комиссией для разбора древних актов «Плану Киева, составленному в 1695 г.», по вопросу о восстановительных работах, проведенных в XVII в. московскими воеводами, сказано еще яснее: «. . . укрепление это состояло только в возобновлении древних валов ярославова времени, с добавлением к ним поперечного вала от Золотых ворот к Трехсвятительской церкви».[2]

Таким образом, и П. Лебединцев и автор предисловия к изданию «План Киева, составленный в 1695 г.» несомненно не считали «поперечный вал», расположенный по краю киевского нагорья от Золотых ворот до Михайловского монастыря, восточной границей древнего Ярославова города. В недавнее время, по-видимому, не зная упомянутых высказываний начала 90-х годов прошлого века, к этому решению вновь самостоятельно пришли А. М. Тихонович и Н. Н. Ткаченко[3] (рис. 49).

Опираясь на подробные описания оборонительных сооружений в «росписях» XVII—начала XVIII в., а также на планы Киева XVIII—начала XIX в., восточную часть древних валов Ярославова города можно восстановить с такой же уверенностью, с какой восстанавливается западная его половина. От Золотых ворот, пересекая современную Владимирскую ул., земляной вал тянулся до пересечения Мало-Подвальной ул. и Михайловского переулка и спускался постепенно в Крещатицкую долину, в район современной площади Калинина, где находились в древности Лядские ворота, позже называвшиеся Печерскими. Оттуда вал поднимался вдоль современной Костельной ул. к Михайловскому Златоверхому монастырю, по-видимому, охватывая его вдоль обрыва Владимирской горки.

Основная конфигурация Ярославова вала была обусловлена природным рельефом Верхнего Киева. Строители, умело используя исключительно сложную, пересеченную местность, создали грандиозные по масштабу неприступные сооружения.

---

[1] Росписной список г. Киева 1700 г. ЧИОНЛ, кн. VI, Киев, 1892, стр. 52 (отд. оттиск).

[2] План Киева, составленный в 1695 г. Киев, 1893, стр. 2.

[3] О. М. Тихонович и М. М. Ткаченко, ук. соч., стр. 11—12 и рис. 3. См. также предварительную публикацию: О. М. Тихонович. До питания про план «Верхнього Киева при Ярославі». Вісник Академії архітектури УРСР, Київ, 1948, № 4, стр. 43—44.

4. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЯРОСЛАВОВА ГОРОДА

До недавнего времени было широко распространено мнение о том, что в результате огромных работ по перепланировке Киева, произведенных в середине XIX в., древние оборонительные сооружения Ярославова города полностью исчезли. «Место, где были киевские укрепления домонгольской поры, и их внешний облик можно представить только умозрительно, — писал о киевских оборонительных сооружениях Ярославова времени Л. Добровольский, — ибо они целиком исчезли».[1]

В качестве единственного источника для характеристики конструкций земляных валов Ярославова города обычно привлекались отпечатки деревянных срубов на наружных стенах Золотых ворот, что свидетельствовало о наличии внутри валов сложной системы деревянных клетей.[2]

О том, как были устроены эти клети, чем они были заполнены, высказывались разнообразные догадки, опиравшиеся главным образом на аналогии с достаточно хорошо изученными укреплениями Белгорода. Так, материалом для постройки киевских валов по аналогии с белгородскими считали сырцовый кирпич и глину.[3] На основании тех же аналогий пытались реконструировать и систему деревянных клетей — тарас.[4] Л. Добровольский считал, что срубы (в валах) заполнялись камнями и землей, а промежуток между ними и стенами (ворот) был забучен камнями и кирпичом на растворе извести.[5]

Однако уже с давних пор при различных земляных работах, проводившихся на территории Верхнего города, то там, то здесь обнаруживались остатки оборонительных сооружений Ярославова города, позволявшие проследить отдельные элементы деревянных конструкций, сохранившихся внутри земляных валов и особенно у их основания.

Так, в 1872 г. в связи с работами по перепланировке, проводившимися Городским самоуправлением, была срыта часть земляного вала, идущего от Золотых ворот вдоль Б. Подвальной ул. Вал, по сообщению корреспондента газеты «Киевлянин», имел высоту около 8 саж. Форму вала тот же корреспондент определял как «треугольную лежащую призму, боковое ребро которой служит вершиной, а противоположная сторона основанием». Вал состоял из деревянных срубов, внутренность которых была забита светлым лёссом.[6]

Остатки вала Ярославова города были обнаружены в 1935 г. при земляных работах, проводившихся Горкомхозом, на углу улиц Ладо Кецховели и Ворошилова, на склоне горы. В основании вала были видны остатки сгнивших дере-

---

[1] Л. Добровольский, ук. соч., стр. 16.

[2] Впервые на эту особенность обратил внимание В. А. Толстой в статье «О Золотых воротах в Киеве». Тр. III АС в Киеве (1874), т. II, Киев, 1878, Прилож., стр. 323—325.

[3] Л. Добровольский, ук. соч., стр. 17.

[4] Там же, стр. 17—18.

[5] Там же, стр. 23.

[6] «Киевлянин», 24 VI 1872 (№ 75).

вянных конструкций, характер которых не был выяснен. С наружной стороны около вала были заметны следы рва.[1]

Весьма примечательные остатки оборонительных сооружений Ярославова города были обнаружены в нескольких пунктах Верхнего Киева при прокладке траншей газопровода в 1947—1948 гг. Так, во дворах домов 7 и 9 по ул. Ворошилова (бывш. Б. Подвальная) в траншее газопровода можно было наблюдать остатки деревянных конструкций, сохранившихся в самой нижней части вала. Полусгнившие дубовые бревна лежали горизонтально поперек вала, на различной глубине от уровня современной поверхности, представляя, очевидно, нижние части сруба, забитого внутри землей. У наружной линии вала можно было проследить начало глубокого рва, окружавшего Ярославов город.[2] Ширину рва удалось проследить на другом участке, расположенном неподалеку от только что упомянутого, у дома 4 по ул. Франка, где траншея газопровода перерезала засыпанный землей ров шириной около 13 м, вырытый в материковом лёссе.[3]

Ров, окружавший некогда Ярославов город, был обнаружен также у дома 20 по ул. Чкалова, где в траншее газопровода, проложенной вдоль улицы, отчетливо прослеживались его контуры. Ширина рва достигала здесь 18 м; поскольку траншея была вырыта лишь на глубину 1.40 м, глубину рва установить не удалось. Склоны рва падали под углом в 45°.[4]

Таким образом, в упомянутых трех пунктах, расположенных на протяжении около 250 м, прослежены остатки укреплений Ярославова города, которые тянулись к северо-западу от Золотых ворот по краю плато Верхнего города, над обрывом к долине Лыбеди.

Исключительный интерес представляют результаты археологических раскопок вала Ярославова города, проведенных Институтом археологии АН УССР летом 1952 г.[5] Еще ранней весной этого года при срытии холма, расположенного к юго-западу от площади Калинина, в верхней части холма обнаружились достаточно хорошо сохранившиеся остатки каких-то деревянных конструкций. Исследование этого холма позволило установить, что вся его верхняя часть представляет искусственную земляную насыпь, укрепленную системой дубовых срубов, расположенных внутри вала. Срубы состояли из клетей, почти квадратных в плане, со сторонами около 3.0—3.2 м. Сохранившаяся часть срубов имела высоту до 4.4 м. У основания срубов был прослежен культурный слой толщиной около 0.4 м, ниже которого лежал плотный материковый

---

[1] І. М. Самойловський. Археологічні дослідження на території м. Киева з 1917 по 1937 р. Рукопись. Архив ИА АН УССР.

[2] І. М. Самойловський. Розвидки і розкопки в Киеві та його околицях в 1947—1948 рр. Археологічні пам'ятки УРСР, III, Київ, 1952, стр. 76.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 76—77.

[5] Раскопками руководили П. А. Раппопорт и В. А Богусевич.

лёсс. В культурном слое было найдено несколько фрагментов керамики X—XI вв.[1]

Участок вала, подвергшийся исследованию, несомненно представлял собой некогда непосредственное продолжение мощных земляных укреплений, тянущихся вдоль современной М. Подвальной ул., от Золотых ворот к площади Калинина. Исследованный участок был отрезан от основной линии сохранившегося вала проездом, вырытым в начале XX в.

Несмотря на незначительные размеры исследованного участка вала, не позволившие выяснить его конструкцию с достаточной полнотой, расположение его на основной трассе укреплений Ярославова города не оставляло сомнений в том, что обнаруженные деревянные конструкции представляют остатки оборонительных сооружений, окружавших некогда город Ярослава.

В целях более тщательного изучения деревянных конструкций было признано необходимым провести раскопки на соседнем участке вала, где представлялась возможность вскрыть достаточно значительную площадь. Раскопки, проведенные летом того же года на территории Киевского телевизионного центра (М. Подвальная ул., д. 13), дали исключительно ценные результаты.

Общая площадь раскопа на этом участке достигала 350 м², причем на площади около 40 м² раскопки были доведены до материка.[2] Раскопки показали, что на этом участке вал сохранился на всю его ширину и на значительную высоту, до 6 м от древнего горизонта. Вал был расположен на естественном всхолмлении, к югу от которого начинался крутой спуск в долину Крещатика, вследствие чего не было необходимости в устройстве искусственного рва перед валом. Горизонт естественного всхолмления, на котором был сооружен вал, постепенно понижается по направлению к площади Калинина, в результате чего основание вала на раскопанном участке значительно выше основания вала, обнаруженного обследованием упомянутого выше отдельного холма.

На всех участках, подвергшихся раскопкам до материка, под валом обнаружен культурный слой толщиной от 0.35 до 0.45 м, содержавший кости животных, угли и немногочисленные обломки керамики, изготовленной на гончарном круге.[3]

На этом горизонте были сооружены деревянные срубы, плотно забитые лёссом, составлявшие конструктивную основу вала. Срубы были расположены вдоль трассы вала почти вплотную один к другому, но не были соединены между собой. Между торцами бревен соседних срубов имеются промежутки от 15 до 30 см (рис. 50).

---

[1] П. А. Раппопорт. Отчет об исследовании вала «города Ярослава» в Киеве. Архив ИИМК АН СССР, ф. 35. оп. 2, № 1612, стр. 2. Основные выводы и наблюдения в процессе исследования памятника опубликованы П. А. Раппопортом в работе «Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.» (МИА СССР, № 52, М.—Л., 1956, стр. 91—97).

[2] П. А. Раппопорт. Отчет. . ., стр. 2.

[3] Там же, стр. 3.

Срубы представляют собой в плане удлиненные прямоугольники размером 19.2×6.7 м. Длинная сторона их образует поперечное сечение деревянной конструкции вала. Осталось невыясненным, были ли бревна длинных стенок срубов, расположенные поперек вала, сплошными или составными. Никаких следов надставки во время раскопок не было обнаружено. Употребление сплошных дубовых бревен длиной более 19 м не исключено. Однако, судя по отпечаткам поперечных бревен в кладке Золотых ворот, часть бревен состояла из отдельных отрезков, вплотную приставленных один к другому торцами.

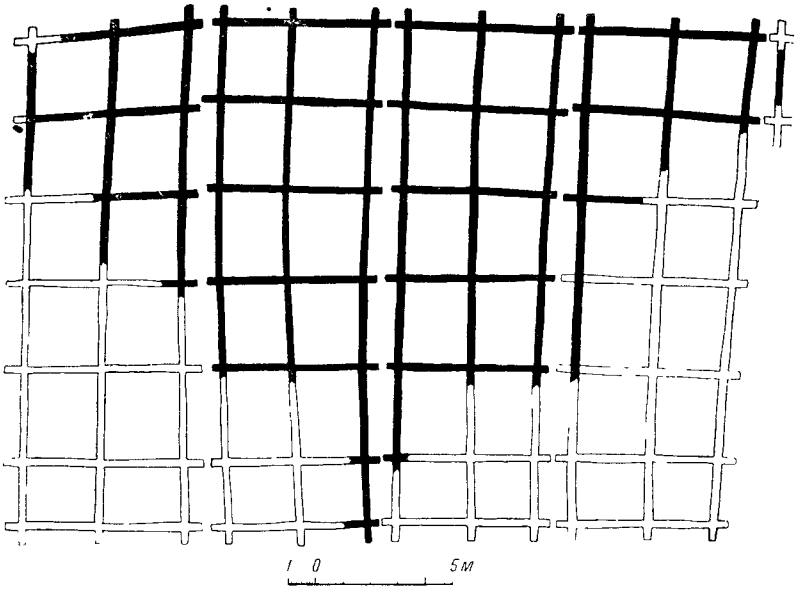


Рис. 50. План внутривальных клетей Ярославова города. Раскопки 1952 г.

Каждый сруб состоит из двенадцати клетей (по длине сруба расположены — шесть, по ширине — две клети). В плане клети близки к квадрату со сторонами от 2.6 до 3.2 м; отдельные клети имеют меньшие размеры, но не менее 2.2 м. Все бревна, составляющие конструкцию срубов и клетей, внутри срубов сопряжены между собой врубкой «в обло», с выпуском остатков до 0.7 м. «Чашка» вырубалась вполдерева только в верхней половине каждого бревна (рис. 51).

Лицевая стенка срубов, как выяснено раскопками, в настоящее время имеет высоту до 5.55 м (табл. XXXIII), тогда как другие участки конструкции в результате планировочных работ, проведенных на валу в недавнее время, сохранились значительно хуже. Так, пятая стенка срубов сохранилась лишь на высоту до 4.8 м, шестая — на высоту до 3.4 м, а седьмая (последняя) стенка — лишь на высоту менее 0.5 м.[1]

[1] П. А. Раппопорт. Отчет. . ., стр. 3—4.

Не может быть сомнений в том, что первоначальная высота срубов была значительно большей. Так, на восточном конце исследованного участка вала сохранился не срезанный при планировке бугор, в котором было обнаружено продолжение вверх лицевой стенки срубов еще на 1.4 м. Таким образом, общая высота сохранившейся лицевой стенки срубов достигала здесь 6.95 м.[1]

Сохранность деревянных конструкций, открытых раскопками, оказалась весьма различной. На отдельных участках дерево сохранилось настолько хорошо, что его удавалось извлекать из земли в виде довольно значительных отрезков бревен (рис. 52). В других местах остатки деревянных конструкций сохранились лишь в виде коричневой трухи или в виде едва заметных белесоватых полосок, похожих на слой плесени. Во всех случаях, где сохранность дерева позволяла определить его породу, специальной экспертизой было установлено, что в деревянных конструкциях применялся исключительно дуб.

Рис. 51. Деталь рубки клетей Ярославова города. Раскопки 1952 г.

В нижней части лицевой стенки срубов, где остатки бревен сохранились плохо, удалось проследить отпечатки этих бревен в плотной лёссовой забивке. При этом было выяснено, что срубы были рублены из бревен толщиной от 0.20 до 0.25 м в диаметре, кантованных на несколько (большей частью на шесть) граней. Однако кантовка бревен применялась не во всех частях сооружения. Зачистка отпечатков бревен на одной из поперечных стенок сруба позволила установить, что здесь были применены круглые бревна диаметром около 0.2 м.[2]

Срубы в большинстве случаев имели почти строго вертикальные стенки и более или менее правильную прямоугольную в плане форму, хотя встречались стенки искривленные как в плане, так и в разрезе. Исследователи справедливо объясняли эти неправильности не только деформацией, вызванной давлением грунта и гниением дерева, но и недостаточно точной рубкой конструк-

[1] Там же, стр. 5.
[2] Там же, стр. 5—6.

ции в процессе ее изготовления.[1] Справедливо отмечалось, кроме того что бревна укладывались одно на другое нередко без тщательной их притески.

Срубы были плотно забиты чистым материковым лёссом, в котором иногда встречались гумусированные прослойки. Эти прослойки, порой имевшие значительную толщину и почти черный цвет, в забивке соседних клетей срубов, хотя и не совпадали, как правило, между собой по высоте, но в то же время обычно разнились незначительно. Исследователи делали из этого наблюдения справедливый вывод о том, что все клети забивались грунтом одновременно.[2]

Рис. 52. Торцы бревен клетей Ярославова города (деталь). Раскопки 1952 г.

Перед лицевой стенкой срубов была сделана мощная земляная подсыпка, образовывавшая крутой передний склон вала. Эта подсыпка имеет в основании не горизонтальную, а слегка покатую наружу поверхность. Для предотвращения оползания переднего склона вала по откосу холма перед лицевой стенкой срубов, внизу была устроена дополнительная деревянная конструкция, обнаруженная раскопками лишь на незначительном участке, почему уяснить ее полностью не удалось. Эта конструкция состоит также из дубовых клетей, расположенных в три ряда вдоль линии вала, имевших очень незначительную высоту — всего 4—5 венцов (рис. 53). В отличие от основных срубов, являвшихся костяком самого вала, как установлено раскопками, клети нижней конструкции представляли как бы решетчатый каркас. Бревна этих срубов находились на некотором расстоянии одно от другого, причем бревна, расположенные поперек вала, были уложены так, что нижнее бревно лежало соответственно уклону холма, а верхнее горизонтально. Кроме бревен, входивших в конструкцию нижних клетей, было найдено несколько бревен, лежавших в случайном положении посреди клетей или рядом с их основными стенками. По-видимому, нижняя конструкция претерпела значительные деформации

[1] П. А. Раппопорт. Отчет..., стр. 5.
[2] Там же, стр. 6.

в результате оползания по склону холма. Этим же несомненно объясняется отсутствие передней стенки нижней конструкции.[1]

Исследование профиля современного холма, представляющего собой остатки вала, привело к выводу, что при позднейшей планировке местности верхняя часть вала была срыта и сброшена вниз, по-видимому, в основном в сторону Крещатицкого оврага. Под поздним насыпным слоем, образовавшимся в результате этих планировочных работ, удалось обнаружить более древний профиль переднего склона вала, однако также не первоначальный (рис. 54). Вы-

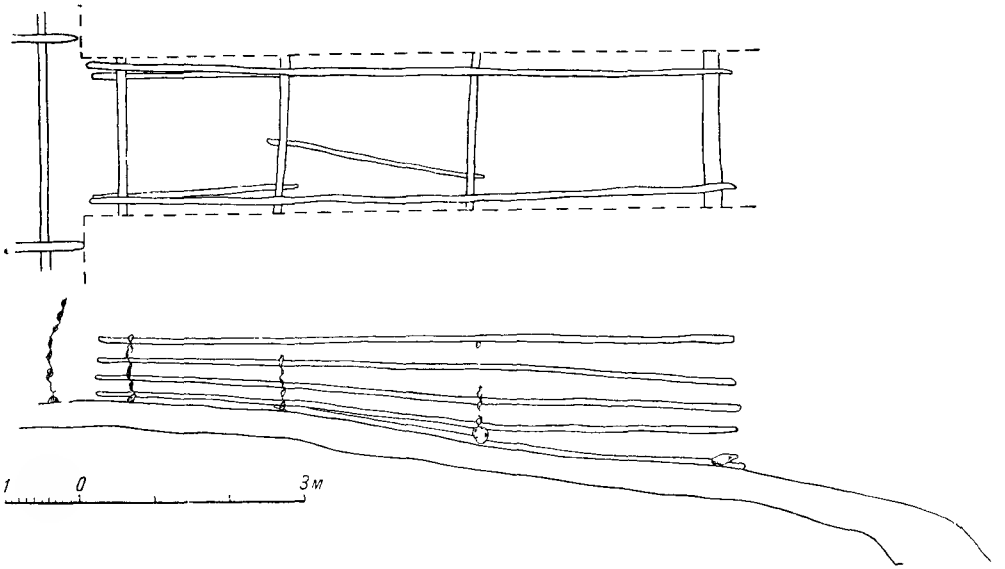


Рис. 53. План и разрез деревянной конструкции перед лицевой стенкой срубов Ярославова города. Раскопки 1952 г.

сказывалось правдоподобное предположение, что эта линия переднего склона вала в известной степени повторяет первоначальный профиль переднего склона вала, который в XIX в. был лишь несколько подрезан.[2]

Какова была первоначальная высота вала? Ответить на этот вопрос при отсутствии точно зафиксированного профиля можно лишь приблизительно. Если продолжить вверх ту линию переднего склона вала, о которой была речь выше, до пересечения ее с лицевой стенкой срубов, получается высота вала, равная почти 12 м. Эту высоту с некоторой поправкой в сторону увеличения исследователи справедливо предлагали принять как вероятную.[3]

Для реконструкции первоначального облика оборонительных сооружений Ярославова города необходимо ответить на важнейший вопрос: являются ли обнаруженные раскопками 1952 г. деревянные срубы лишь внутренней кон-

[1] Там же, стр. 7—8.
[2] Там же, стр. 9.
[3] Там же.

струкцией вала, служившей для его укрепления, или же срубы эти, плотно забитые внутри землей, служили наружной оборонительной стеной, стоявшей на земляном валу или на естественном всхолмлении? В решении этого вопроса исследователи, производившие раскопки Ярославова вала в 1952 г., не были единодушны.

«Нет никаких сомнений,— пишет П. А. Раппопорт, — что все обнаруженные в земле части деревянных срубов представляли собой внутреннюю конструкцию вала и не выходили на его поверхность. Лицевая стенка срубов также изначала была плотно засыпана лёссом и никогда не служила наружной оборонительной стеной».[1] Об этом прямо свидетельствует, по мнению исследователя, «как хорошая сохранность дерева в верхних частях лицевой стенки, так и горизонтальность слоев засыпки, сделанной перед этой стенкой. Деревянные части, выходившие на поверхность вала, находились значительно выше и давно уже полностью исчезли».[2]

Эту трактовку сохранившихся частей деревянной конструкции, обоснованную тщательными наблюдениями, сделанными в процессе археологического исследования памятника, мы считаем совершенно правильной. Тем большее удивление вызывает то, что в статье другого руководителя раскопок — В. А. Богусевича (написанной совместно с П. П. Ефименко), опубликованной вскоре после завершения раскопок, тот же вопрос нашел совершенно иное освещение.

«Следы пожара, заметные местами, до сих пор в верхних частях срубов,— утверждают В. А. Богусевич и П. П. Ефименко,— могут служить некоторым доказательством того, что верхние части срубов не были засыпаны землей и служили камерами для размещения гарнизона и боеприпасов».[3]

Едва ли можно сомневаться в том, что на земляных валах Ярославова города, как и на валах других древнерусских городов, возвышались в древности деревянные стены различных конструкций. К сожалению, от этих наземных деревянных конструкций до наших дней не сохранилось никаких остатков, что и затрудняет задачу их реконструкции. Попытку трактовать открытые в валу Ярославова города срубные конструкции как часть наземных деревянных сооружений, возведенных на валах, нельзя признать серьезной. Для такой интерпретации открытых раскопками внутривальных конструкций нет никаких оснований.

Важнейшим результатом раскопок 1952 г. было обнаружение хорошо сохранившихся остатков деревянных клетей Ярославова города, которые служили внутривальной конструкцией и составляли основную часть оборонительных сооружений Киева. Не только деревянные стены, находившиеся некогда на валу, но и верхняя часть самого вала, как это неоспоримо было

---

[1] П. А. Раппопорт. Отчет . . ., стр. 9.

[2] Там же.

[3] П. П. Ефіменко и В. А. Богусевич. Кріпость Ярослава Мудрого в Києві. Вісник АН УРСР, 1952, № 12, стр. 41.

установлено раскопками, не сохранились. Нельзя забывать, что на древних валах Ярославова города в течение XVII—XVIII вв. неоднократно сооружались новые деревянные укрепления, от которых, судя по данным раскопок 1952 г., также не сохранилось никаких следов.

Вследствие разрушения верхних частей вала раскопками 1952 г. не удалось установить, какова была ширина площадки, находившейся на вершине вала, и что представлял собой тыльный склон вала — ступенчатую линию или прямой склон.[1] Поэтому пока нет возможности установить, какую ширину могла иметь деревянная стена на валу и какова была ее конструкция.

Очень плохая сохранность дерева в задних клетях вала приводила исследователей к правдоподобному заключению о том, что здесь бревна были более, чем в лицевой части вала, доступны проникновению воздуха и влиянию атмосферных условий; это обстоятельство в свою очередь свидетельствовало о том, что, по-видимому, не все клети (внутри вала) имели одинаковую высоту и доходили до вершины вала; задние клети, по-видимому, были расположены уже под задним склоном вала и поэтому были значительно ниже по сравнению с передними.[2]

Несмотря на то, что ряд важнейших вопросов реконструкции первоначального облика оборонительных сооружений Ярославова города остается пока без ответа, результаты раскопок 1952 г. значительно обогатили наши представления об общем характере древних киевских укреплений. Грандиозный масштаб строительства Ярославова города был очевиден и раньше. Об этом красноречиво свидетельствовала сама протяженность укреплений, вытянувшихся по периметру более чем на 3.5 км. Однако раскопки 1952 г. позволили с очевидностью убедиться в том, что валы Ярославова города, достигавшие в ширину 20 м, по своей мощи не имели себе равных в истории древнерусской фортификации. Поистине колоссальный объем земляных работ, работ

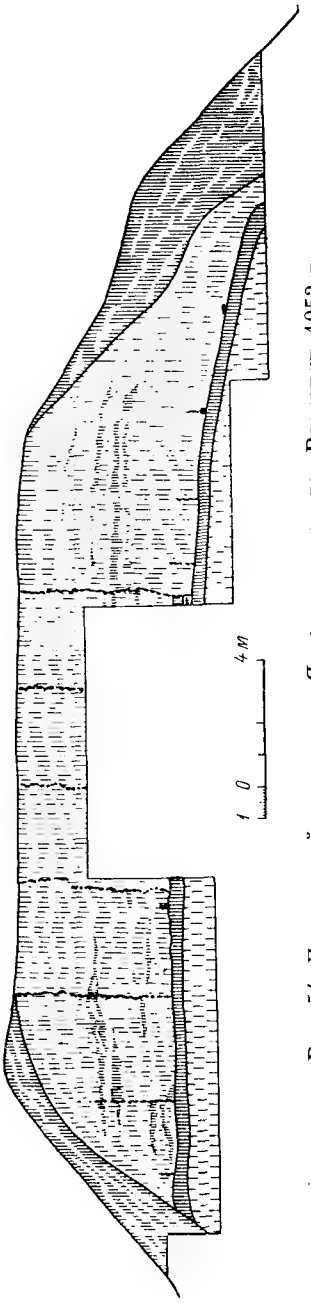


Рис. 54. Поперечный разрез вала Ярославова города. Раскопки 1952 г.

[1] П. А. Раппопорт. Отчет . . ., стр. 10.

[2] Там же.

по заготовке леса и, наконец, плотничьих работ, связанных с сооружением как внутривальных конструкций, так и деревянных стен на валу, является убедительным свидетельством о необычайной мощи централизованного Киевского государства накануне его приближавшегося распада.

Важнейшей частью оборонительной системы древнерусского города были надвратные башни. Только одна из них, известная под именем Золотых ворот, сохранилась в развалинах до наших дней. Никаких следов двух других башен Ярославова города пока обнаружить не удалось.[1] Золотые ворота, представляющие выдающийся памятник киевского зодчества XI в., подробно рассматриваются среди архитектурных памятников древнего Киева во втором томе настоящего исследования.

[1] Фундаменты какого-то круглого в плане сооружения, обнаруженные в 1911 г. при земляных работах в усадьбах Почтамта и Музыкального училища, принятые некоторыми исследователями за остатки Лядских ворот (см.: К. Шероцкий. Киев. Путеводитель. Киев, 1917, стр. 25), в действительности не имеют к ним никакого отношения.

Глава VI

КНЯЖЕСКИЕ И БОЯРСКИЕ ДВОРЫ В КИЕВЕ

. . .Ты же жи в дому, повалуше испьсав, а убогый не имать къде главы подъклонити. . .

Слово о богатом и убогом.

1. ДРЕВНЕЙШИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ДВОРАХ КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ

Киевские летописи и некоторые другие письменные источники сообщают немало сведений о многочисленных дворах князей и именитых бояр, расположенных в различных концах города и за его пределами. Из летописного повествования нередко удается достаточно отчетливо уяснить крупную роль, которую играли княжеские и боярские дворы в жизни древнего Киева.

Княж двор являлся одним из важнейших центров политической и административной жизни древнерусского города. Как известно, многие древнерусские города выросли вокруг более древних княжеских замков, другие были построены князьями, третьи, представлявшие некогда общинные поселения, были захвачены князьями в процессе феодализации. В любом из этих случаев княж двор был весьма существенным компонентом в сложении города, одним из важнейших центров его дальнейшего развития.

Особенно значительную политическую и административную роль княж двор играл в жизни тех городов, которые уже в IX—X вв. выдвинулись в качестве крупных центров формирующегося Киевского государства. Среди них первое место принадлежало стольному городу древней Руси — Киеву.

Уже в наиболее древних известиях об этом городе летописцы упоминают о существовании там княжа двора. Наиболее целостная картина древнейшего Киева нарисована в летописном рассказе, помещенном в Повести временных лет под 945 г. Повествуя о прибытии к Ольге древлянских послов, летописец решил сделать большое отступление, посвященное характеристике Киева

середины X в.: «И приста под Боричевом в лодьи. Бе бо тогда вода текущи въздоле горы Киевьскыя и на Подольи не сядяху людье, но на горе; град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжь бяше в городе, идеже ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище бе вне града и бе вне града двор другый, идеже есть двор Демьстиков за святою Богородицею, над горою двор теремный, бе бо ту терем камен».[1]

Текст этот читается в различных списках Повести временных лет не вполне тождественно. Так, в Ипатьевской летописи вместо слов «и бе вне града двор другый, идеже есть двор Демьстиков за святою Богородицею; над горою двор теремный, бе бо ту терем камен» читаем: « [и бе вне города] двор теремный и другый, идеже есть двор демесников за святою Борогодицею над горой, бе бо ту терем камен».[2]

Комментаторы этого летописного текста обычно делали предпочтение Лаврентьевскому списку Повести временных лет.[3] По этому чтению получается, что в Киеве в середине X в. были три княжеских двора — один в городе, второй — вне города, за церковью Богородицы, и третий (теремной) над горой.

Мы полагаем, что текст Ипатьевской летописи точнее передает первоначальный текст Повести временных лет, хотя он также не вполне исправен. На наш взгляд, наиболее точно первоначальный текст сохранился в Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи, где читаем: «. . .и бе вне города двор теремный другый, идеже есть двор демесников за святою Богородицею над горою, бе бо ту терем камен».[4] При этом чтении второй княжеский двор, находившийся за церковью Богородицы, оказывается в действительности теремным двором над горою.

Из летописного повествования под тем же годом мы узнаем, что на «дворе теремьстемь, вне града» по приказанию Ольги была «ископана яма велика и глубока», предназначенная для кичливых древлянских послов.[5]

Этот же теремный двор вновь упомянут в рассказе о вокняжении в Киеве Владимира Святославича, о котором сказано: «. . .въшед в двор теремный отень, о нем же преже сказахом».[6]

Из летописного рассказа о кумирах, поставленных Владимиром в 980 г., известно, что последние были водружены «на холму вне двора теремного».[7]

---

[1] Лавр. лет. 6453 (945) г.

[2] Ипат. лет. 6453 (945) г. Слова в скобках читаются только в Хлебниковском и Погодинском списках.

[3] Л. И. Лейбович. Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи, вып. I. Повесть временных лет. СПб., 1876, стр. 48. — А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916, стр. 62—63. — Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод. М.—Л., 1950, стр. 237.

[4] Ипат. лет. 6453 (945) г.

[5] Там же.

[6] Лавр. лет. 6488 (980) г.

[7] Там же.

Своеобразный облик Киева середины X в. был воссоздан киевским летописцем конца XI в. по рассказам старожилов, народным преданиям и некоторым историческим памятникам прошлого, сохранившимся еще в ту пору на площадях и улицах города. Благодаря многочисленным топографическим ссылкам на существующие постройки и участки города (церкви, дворы знати) описание древнего города несомненно было понятно во всех деталях для современников летописца.

Однако историки XVIII—XIX вв., обратившиеся к летописному тексту как к единственному в ту пору источнику для реконструкции облика древнейшего Киева, оказались в весьма затруднительном положении. Где находились известные всем киевлянам конца XI в. дворы Гордятин и Никифоров, Воротиславль и Чюдин, ссылкой на которые летописец определял местоположение города, княжа двора, теремного двора времен Игоря, Ольги и Владимира? Где находился Перунов холм «вне двора теремного», на котором взамен повергнутых идолов позже была поставлена деревянная церковь Василия?

По всем этим вопросам было высказано немало различных предположений и догадок, порой совершенно фантастических. Еще М. Ф. Берлинский пытался разместить на плане современного города упомянутые в летописи княжеские дворы. «Ежели самую середину древнего города Киева,— писал он,— можно принять за место княжеского дворца, то оный отделялся рынком от Десятинной церкви в правую ее сторону, где перед дворцом возвышался Перунов кумир, а после церковь св. Василия. На сем пространстве в земле множество везде кирпичного щебня, а церкви никакой по летописи не определяется. И по самой пристойности следовало быть княжеским палатам в смежности с образцовой или государственною Десятинною церковью».[1]

Комментируя летописные известия о теремном дворе М. Ф. Берлинский полагал, что «ежели передняя сторона Десятинной церкви со входу разумеется юго-западная, то за святою Богородицею (Десятинною) должно быть место терема вышесказанное к северо-востоку, а двор теремной простирается по краю утеса до церкви Трехсвятительской».[2]

М. А. Максимович также размещал теремной двор с каменным теремом на «обращенной к Днепру стороне первоначального города», между Трехсвятительской и Андреевской церквами.[3]

В. Б. Антонович полагал, что княжеский терем был расположен вблизи Десятинной церкви, от которой отделялся небольшой площадью, так называемым Бабиным торжком. Местоположение княжеского терема Антонович уточнял в пределах территории между Владимирской ул. и Трехсвятительской

---

[1] М. Ф. Берлинский. Краткое описание Киева. СПб., 1820, стр. 141.

[2] Там же, стр. 139—140.

[3] М. А. Максимович. Обозрение старого Киева. Собр. соч., II, Киев, 1877, стр. 97; ср.: Обозрение Киева в отношении к древностям, изд. Фундуклеем. Киев, 1847, стр. 2 и прим. 2.

церковью, где в XIX в. находились усадьбы Трубецкого (бывш. Климовича), Агеева и Кривцова.

По словам Антоновича, в этих усадьбах сохранились остатки фундаментов громадного здания характерной древней кладки, хотя значительная часть их была разрушена в разное время при постройке новых зданий в усадьбах Климовича (1838 г.) и Кривцова (1892 г.), а также планировкой Владимирской ул. (1872 г.). В. Б. Антонович полагал, что часть фундаментов княжеского терема все же уцелела на дворе и в саду усадьбы Трубецкого.[1] В 1882 г. раскопками А. В. Звенигородского в усадьбе Трубецкого были открыты фундаменты какого-то огромного здания древней кладки, представлявшие в плане три стороны многоугольника, соединявшиеся под тупым углом.[2] Эти фундаменты Антонович считал остатками княжеского терема, хотя состав многочисленных находок, сделанных в разное время в перечисленных усадьбах, свидетельствовал скорее в пользу церковного характера здания.

Н. И. Петров, считая, что приведенный выше летописный рассказ свидетельствует о существовании двух теремов вне города, полагал, что один из них находился за Десятинной церковью, над горой, а второй был рядом с Перуновым холмом, возле нынешней Андреевской церкви, с южной ее стороны. Рядом с ним и к югу от него, по мнению Петрова, был расположен княж двор.[3]

Уточненное определение территории древнейших княжеских дворов в Киеве на основе интерпретации кратких летописных известий о них мы считаем задачей невыполнимой. Но необходимо подчеркнуть, что и археологические поиски княжих дворов сталкиваются с весьма существенными трудностями. Необходимо учитывать прежде всего, что территория княжеских дворов в Киеве не была в IX—XIII вв. постоянной, что явствует даже из сопоставления разновременных письменных источников, случайно сообщающих о тех или иных событиях, связанных с этими дворами. Необходимо помнить также, что княж двор представлял собой чрезвычайно сложный комплекс, состоявший отнюдь не только из дворцовых построек. Жилые и хозяйственные постройки княжого двора едва ли существенно отличались от других жилых и хозяйственных построек в городе.

Наиболее бесспорными вехами в археологических поисках остатков княжих дворов являются несомненно собственно дворцовые деревянные и каменные постройки. Необходимо, однако, заметить, что открытые археологическими раскопками руины нескольких дворцовых построек не подтвердили изложен-

---

[1] А. Армашевский и В. Б. Антонович. Публичные лекции по геологии и истории Киева. Киев, 1897, стр. 56; ср.: В. Б. Антонович. Обозрение предметов великокняжеской поры, найденных в Киеве и ближайших окрестностях и хранящихся в Музее древностей и в Мюнц-кабинете Университета св. Владимира. КС, т. XXII, Киев, 1888, июль, стр. 125—127.

[2] А. Армашевский и В. Б. Антонович, ук. соч., стр. 56.

[3] Н. И. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, стр. 107—108.

ных выше историко-топографических гипотез, опиравшихся преимущественно на письменные свидетельства и на неверно истолкованные археологические находки.

Чрезмерная лаконичность приведенных летописных известий о княжеских дворах древнейшего Киева лишает возможности ответить на основной вопрос, вызванный этими же известиями, — чем было обусловлено наличие в эту пору в Киеве двух княжеских дворов, один из которых к тому же находился «вне града», т. е. за пределами городских укреплений. При этом нельзя не обратить внимания на малопонятное обстоятельство, что все события, связанные с жизнью княжого двора в середине и второй половине X в., развертываются именно на теремном дворе «вне града», а не на княжом дворе в городе. Там происходят такие государственной важности события, как торжественный, хотя и плохо кончившийся прием древлянских послов, как вокняжение князя Владимира Святославича, прием последним князя Ярополка. Именно этот двор летописец в рассказе о вокняжении Владимира назвал «отним» («въшед в двор теремный отень, о нем же преже сказахом»).

В самом конце X в. на княжом дворе впервые упомянуто нового типа дворцовое здание — гридница, предназначенное для больших собраний — пиров, в которых разрешалось участие «боляром и гридем, и съцьскым, и десяцьскым, и нарочитым мужем при князи и без князя».[1]

Из летописного рассказа неясно, на каком из княжих дворов была выстроена гридница. Возможно, что к концу X в. в новом Владимировом городе оба старых княжеских двора уже слились в один, заняв весьма значительную территорию в городе.

Самый характер гридницы, постройки, предназначенной для многолюдных собраний — пиров княжеской дружины и «нарочитых мужей», несомненно отражал дух уходящей уже в эту пору патриархальной старины и военной демократии.[2]

2. КИЕВСКИЕ КНЯЖЕСКИЕ ДВОРЫ XI—XII вв.

Совсем иные события разворачиваются на княжих дворах в Киеве во второй половине XI—XII вв. Иной облик приобретают в эту пору и самые дворы.

В XI в. княж двор упоминается в летописи всего два раза, в связи с крупными событиями политической жизни Киева. Из летописного повествования о киевском восстании 1068 г. мы узнаем о том, что горожане, поднявшиеся с веча, происходившего на Торговище, на Гору, не найдя воеводы Коснячка на его дворе, двинулись через мост на княж двор. Мост этот соединял Владимиров город с Ярославовым, между которыми проходил глубокий овраг.

Весьма интересно описание дворца на княжом дворе, к которому рвались разъяренные киевляне. «Изяславу же седящу на сенех с дружиною своею,

[1] Лавр. лет. 6506 (996) г.

[2] История культуры древней Руси, I. М.—Л., 1948, стр. 221—222.

начаша претися со князем, стояще доле, князю же из оконця зрящу и дружине стоящю у князя».[1]

После бегства Изяслава княж двор был разграблен. Восставшие киевляне нашли там «бещисленое множьство злата и сребра и кунами и белью».[2] «Среде двора княжа» был поставлен на киевское княжение освобожденный из поруба князь Всеслав Полоцкий.[3]

Княж двор упоминается еще раз в самом конце XI в. В 1097 г. князь Василько Ростиславич, прибывший «в мале дружине» на княж двор, был встречен там Святополком. В летописном рассказе об этой роковой для Василька встрече упоминается «гридница» (по другим вариантам «ыстобка»), в которой ведут беседу князья, а также «сени» (брат кн. Давида «стоить на сенех»).[4]

Сени как одна из главных частей дворцового ансамбля часто упоминаются в летописном повествовании о различных событиях политической жизни на княжом дворе в Киеве. Так, в 1145 г. «на сенех» княжеского дворца в Киеве происходило совещание князей, созванных Всеволодом Ольговичем для решения вопроса о закреплении киевского стола за Ольговичами («и седшим всеи братьи у Всеволода на сенех»).[5]

В середине XII в. появляется новое наименование княжа двора — «Ярославль двор», иногда с эпитетом «великий».

Впервые это название встречается в летописном повествовании о бурных событиях 1146 г., развернувшихся после смерти кн. Всеволода Ольговича. Похоронив Всеволода, кн. Игорь созвал всех киян «на гору, на Ярославль двор», где они целовали ему крест.[6] На Ярославле дворе началось его кратковременное княжение, на этом же дворе в следующем году он был убит восставшими киевлянами («и волокоша и́ с Мьстиславля двора черес Бабин торжек на княжь двор и ту прикончаша и́»).[7]

В 1150 г. после бегства Юрия Долгорукого кн. Вячеслав, занявший временно Киев, по словам летописца, «съседе на Ярославли дворе».[8] Вскоре в город вошел со своей дружиной Изяслав Мстиславич, которого киевляне хотели посадить на киевском столе. Летописный рассказ, повествующий о его прибытии в Киев и о переговорах с Вячеславом, дает некоторые любопытные подробности устройства княжого двора. Изяслав, прибыв в Киев и поклонившись св. Софии, «възъеха на двор на Ярославль всим своим полком и киян с ним приде множество».[9] Очевидно, княж двор занимал весьма значительную территорию,

---

[1] Лавр. лет. 6576 (1068) г.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Ипат. лет. 6605 (1097) г.; ср. Лаврентьевскую летопись под тем же годом.
[5] Ипат. лет. 6653 (1145) г.
[6] Ипат. лет. 6654 (1146) г.
[7] Ипат. лет. 6655 (1147) г.
[8] Ипат. лет. 6658 (1150) г.
[9] Там же.

если туда можно было въехать не только со своей дружиной, но и приведя с собой «множество киян».

Вячеслав, успевший занять Ярославль двор еще до прибытия Изяслава, находился в это время во дворце. Вот как описывает его летописец: «В то же время Вячеслав седяше на сеньници и мнози начаша молвити князю Изяславу: княже ими и дружину его изъемли (на Ярославле дворе находилась и Вячеславова дружина, — *М. К.*); друзие же молвяхуть ать посечем под ним сени».[1]

Этот рассказ близко напоминает приведенное выше летописное повествование под 1068 г. о прении восставших киевлян с кн. Изяславом Ярославичем, который также находился на сенях «изо оконца зрящу» на стоявших «доле» (внизу) разбушевавшихся киевлян. Далее летописец сообщает о том, как Изяслав, не послушав злых наветов, поднялся («лезе») на сени и там вел переговоры с Вячеславом, в результате которых последний «поиде с сении» и уехал в Вышгород.[2]

Несколько далее, под тем же 1150 г., летописец сообщает о том, что Вячеслав «въехал в Киев и съсел на Ярославли у дворе»,[3] куда вскоре прибыл и Изяслав, разбитый черными клобуками.

В том же 1150 г. Изяслав, торжествуя свою победу над Юрием Долгоруким, по прибытии в Киев, помолившись св. Софии, «от святое Софии поеха и с братьею на Ярославль двор и угры (своих союзников венгров, — *М. К.*) позва со собою на обед и кияны и ту обедав с ними на велицем дворе на Ярославли и пребыша у велице весельи».[4] О размерах Великого Ярославова двора свидетельствуют дальнейшие празднества, которые развернулись на нем после торжественного обеда. «Тогда же угре на фарех и скоках играхуть на Ярославлю дворе многое множество. Кияне же дивяхуся угром множеству и кметьства их и комонем их».[5] Чтобы превратиться в ипподром, княж двор, конечно, должен был располагать значительной незастроенной дворцовыми и хозяйственными постройками площадью.

В летописном рассказе об установлении в Киеве в 1151 г. своеобразного дуумвирата, когда Изяслав пригласил в качестве своего соправителя Вячеслава, говорится о существовании двух княжеских дворов в Киеве — «Великого двора» в городе, где сидел Вячеслав, и двора «под Угорьским», о котором будет речь ниже.

В 1154 г., после смерти Вячеслава, его соправитель кн. Ростислав, живший до этого, очевидно, во дворце под Угорским, «еха на Ярославль двор».[6]

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Ипат. лет. 6659 (1151) г.
[6] Ипат. лет. 6662 (1154) г.

В последний раз Великий (Ярославов) двор упоминается в Киевской летописи в 1183 г. 1 января этого года на Великом дворе была освящена церковь Василия, выстроенная кн. Святославом Всеволодовичем. В связи с освящением этой дворцовой церкви Святослав устроил большой пир («и созва на пир от духовный священного митрополита Никифора, ины епископы и игумены и весь святительский чин и кияны; и быша весели»).[1]

Сохранившуюся почти до наших дней церковь Василия (более известную под поздним названием Трехсвятительской) можно считать важнейшей опорной вехой в топографической локализации Великого Ярославого двора, решительно отбросив имевшие место попытки рассматривать сохранившуюся церковь как храм Василия, выстроенный в 1197 г. кн. Рюриком Ростиславичем «на Новом дворе».

Итак, с 1146 по 1183 г. на страницах Киевской летописи неоднократно встречается неизвестное ранее наименование княжа двора — «Ярославль» или «Великий Ярославов двор». Не может быть никаких сомнений в том, что под этим новым названием в приведенных выше известиях выступает отнюдь не какой-то новый, ранее неизвестный княжеский двор. «Ярославов двор» — это тот же княжеский двор, немногочисленные более ранние известия о котором исчерпывающе приведены выше. Он находится по-прежнему во Владимировом городе и не имеет никакого отношения к архитектурному ансамблю, созданному Ярославом в новом городе. Игнорируя достаточно ясные топографические указания летописца, неоспоримо свидетельствующие о местоположении Ярославова двора в старом Владимировом городе, некоторые исследователи исторической топографии Киева пытались локализовать Ярославов двор в Ярославовом городе и даже в ближайшем соседстве с Софийским собором, выстроенным Ярославом.

Так, М. А. Максимович, говоря о постройке нового Ярославова города утверждал, что «с той поры здесь уже был и главный княжий двор, называвшийся в XII в. двором Ярославлим и находившийся где-нибудь возле Софийской церкви».[2] Что княжеский терем, или великий Ярославов двор, был размещен Ярославом вблизи Софии, убежден был также Максютин, автор одного из наиболее ранних обзоров истории древнерусского зодчества.[3] А. В. Прахов утверждал, что усадьба М. Есикорского, где в 1885 г. был найден богатый клад ювелирных изделий XI—XII вв. и серебряных гривен «киевского типа», расположена на месте, «где, по преданию, находился Ярославов двор».[4]

Нередко местоположение дворца Ярослава предполагали в непосредственной близости к Софийскому собору. Так, мысль о том, что башни Киевской Софии составляли некогда часть княжеских дворцовых переходов, высказывалась

---

[1] Ипат. лет. 6691 (1182) г.

[2] М. А. Максимович, ук. соч., стр. 107—108.

[3] П. С. Максютин. Очерк истории зодчества в России (в книге: Мартынов. Русская старина. М., 1846—1860, тетр. 13, стр. XVI).

[4] А. В. Прахов. О вновь открытых мозаиках Киево-Софийского собора и киевском кладе 1885 г. ЗРАО, т. II (нов. сер.), СПб., 1887, стр. LIV.

В. Прохоровым,[1] И. Е. Забелиным,[2] К. Шероцким[3] и др. Вслед за ними Н. П. Кондаков в одной из своих последних работ утверждал, что «лестницы, ведущие на хоры собора, на которых обычно слушали службу князья, должны были сообщаться непосредственными ходами с княжеским дворцом, который, будучи из дерева, совершенно исчез».[4]

Нашими раскопками на территории Софийского заповедника в 1946, 1948, 1950 и 1952 гг. было бесспорно установлено отсутствие каких-либо признаков крупных дворцового типа построек вблизи собора.

Большинство старых исследователей исторической топографии Киева правильно размещали Большой Ярославов двор в пределах Владимирова города, нередко пытаясь даже уточнить его локализацию. Так, М. Ф. Берлинский полагал, что Ярославль двор находился к юго-востоку от Десятинной церкви.[5] Н. Закревский, размещая Ярославов двор в Андреевском отделении Старого города, вблизи церкви Василия, выстроенной Святославом в 1183 г., сомневался, был ли этот двор выстроен самим Ярославом, или же «потомство, почитая Ярослава I виновником всего славного на Руси, приписало ему и постройку дворца, который сооружен был детьми его».[6] В районе Трехсвятительской церкви размещали Ярославов двор Н. И. Петров,[7] В. Б. Антонович[8] и К. Шероцкий.[9]

Н. И. Петров считал, что Ярослав построил свой княжеский двор, называемый то «Ярославовым», то «Великим», на месте двора первых киевских князей. Местоположение его Петров определял, опираясь на летописное известие 1183 г. об освящении церкви Василия, «яже стоить в Киеве на велицемь дворе на Ярославле», около существующей Трехсвятительской церкви и отчасти на ее месте, т. е. несколько южнее древнего княжа двора и теремов Ольги и Владимира.[10]

Заслуживает особого внимания вопрос, почему же старый княжеский двор, существовавший в Киеве с древнейшей поры, в середине XII в. получил новое наименование, да к тому же связанное с именем князя, который сидел

---

[1] В. П [р о х о р о в]. Киев. Археологический обзор а) киевских древностей и в) древностей, бывших на Археологическом съезде в Киеве. Христианские древности, СПб., 1875, стр. 6—7.

[2] И. Е. З а б е л и н. Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст., I. М., 1895 (3-е изд.), стр. 148.

[3] К. Ш е р о ц к и й. Очерки по истории декоративного искусства Украины, I. Художественное убранство в прошлом и настоящем. Киев, 1914, стр. 2, прим. 6.

[4] Н. П. К о н д а к о в. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929, стр. 214.

[5] М. Ф. Б е р л и н с к и й. Краткое описание Киева, стр. 66.

[6] Н. З а к р е в с к и й. Описание Киева, т. II. М., 1868, стр. 840.

[7] Н. И. П е т р о в. Историко-топографические очерки. . ., стр. 125—127.

[8] В. В. А н т о н о в и ч, ук. соч., стр. 125—127. — А. А р м а ш е в с к и й и В. Б. А н т о н о в и ч, ук. соч., стр. 56.

[9] К. Ш е р о ц к и й. Киев. Путеводитель. Киев, 1917, стр. 103.

[10] Н. И. П е т р о в. Историко-топографические очерки. . ., стр. 108.

в нем почти за сто лет до этого. Необходимо подчеркнуть, что в летописных известиях второй половины XI в., относящихся ко времени, когда на княжом столе сидели сыновья и внуки Ярослава, княж двор в Киеве ни разу не назван «Ярославовым».

Надо полагать, что в ту пору, когда значение киевских князей в политической жизни Киева сильно упало, когда князья, занимая киевский стол, были обязаны не только считаться с мнением киевского веча, но и порой именно от него получать княжение, когда киевский стол стал переходить из рук в руки в результате междоусобной борьбы различных обособившихся княжеских династий, — прививающееся наименование княжеского двора в Киеве «Ярославовым» имело несомненно политическую роль, способствуя некоторому поднятию упавшего авторитета киевских князей как в их собственных глазах, так и в глазах киевского городского населения, упорно боровшегося в эту пору за расширение своих политических прав и привилегий. Только этим, по-видимому, можно объяснить тот загадочный, на первый взгляд, факт, что княжеский двор в Киеве, не называвшийся Ярославовым ни при сыновьях, ни при внуках Ярослава, приобрел это наименование в 40-х годах XII в.

В 90-х годах XII в. Киевская летопись дважды упоминает о существовании еще одного княжеского двора в Киеве, который в отличие от Ярославова Великого двора называется «Новым».

В 1194 г. кн. Святослав, тяжело больной, незадолго до смерти жил на Новом дворе, откуда болезнь помешала ему выехать на праздник Бориса и Глеба.[1] Летописный рассказ о последних днях Святослава не совсем ясен,[2] и предпринимавшиеся не раз попытки на основании этого рассказа локализовать новый двор в районе Кирилловского монастыря,[3] на наш взгляд, лишены серьезных оснований.

В 1197 г. Рюрик Ростиславич выстроил на Новом дворе церковь Василия.[4] Местоположение этого храма установить пока не удалось, что препятствует и решению вопроса о локализации Нового двора.

Непонятен и общий характер этого двора. Считать его фамильным двором Ольговичей, как это делал Д. Иловайский,[5] мешает то обстоятельство, что церковь Василия на этом дворе строит Рюрик Ростиславич, отнюдь не связанный с Ольговичами.

Н. Закревский полагал, что Новый двор, упоминаемый в летописи под 1194 и 1198 гг., возник «вместо древнего Ярославова дворца около сего времени, на

---

[1] Ипат. лет. 6702 (1194) г.

[2] В летописи (там же) сказано: «И приеха Кыеву в суботу же еха ко св. мученикомъ церкви ту сущу у святого Кюрнла, яко последнюю свою службу принося. В неделю же празднику бывшю и не може ехати с нового двора».

[3] Д. И. Иловайский. История России, т. I. 2-е изд., М., 1916, стр. 239. — К. Шероцкий. Киев. Путеводитель, стр. 215.

[4] Ипат. лет. 6705 (1197) г.

[5] Д. И. Иловайский, ук. соч., стр. 239.

прежнем месте, возле церкви Василия на Старом городе».[1] Недалек от этой мысли был и Н. И. Петров, утверждавший, что Святослав Всеволодович, заняв великий Ярославов двор созданной им церковью Василия, «поставил где-либо по соседству с нею новый двор, названный так в отличие от соседнего старого».[2] Исходя из этого положения, Н. И. Петров считал, что как новый двор, так и Васильевскую церковь на нем нужно искать к западу от существующей церкви Василия (Трехсвятительской), где, по его мнению, «находимы были соответствующие им развалины и остатки древних зданий и церквей».[3] Н. И. Петров полагал, что остатком храма Василия на Новом дворе являются либо развалины древней постройки, открытые раскопками 1838 г. в усадьбе Королева (за Старокиевской аптекой), считающиеся обычно остатками Федоровского Вотча монастыря, либо руины древнего здания, открытые в 1851 г. в саду усадьбы Анненкова.[4] Едва ли можно согласиться с тем, что Новый двор заменил в 90-х годах XII в. Великий Ярославов двор. Для такого отказа от многовековой традиции не было никаких оснований.

Наряду с основным княжеским двором в городе, являвшемся официальной резиденцией князей, сидевших на киевском столе, с начала XI в. и вплоть до середины XII в. в летописных повествованиях о различных событиях киевской политической жизни и в некоторых других письменных источниках той поры встречаются упоминания о существовании еще одного княжеского двора, служащего также в качестве официальной резиденции киевских князей. Этот княж двор находился недалеко от Киева, в княжеском селе Берестове.

Впервые Берестово в качестве княжеской резиденции упоминается в Повести временных лет под 1015 г. В этом году в Берестовском дворце умер князь Владимир Святославич. О характере этой постройки можно догадываться из летописного рассказа о том, как ночью «межи клетми проимавше помост», завернув в ковер, опустили на землю тело Владимира.[5]

Нельзя не подчеркнуть, что Владимир умер в период подготовки похода на Новгород, после того, как сын его Ярослав, сидевший на новгородском столе, отказался выплачивать установленные 2000 гривен. Пребывание князя в это напряженное время в Берестове свидетельствует о том, что Берестовский двор в эту пору отнюдь не был местом для «загородного отдыха» князя, как изображали этот двор некоторые исследователи, вспоминая летописное известие о двухстах наложницах, которых князь имел в Берестове.[6]

Ярослав, по словам летописца, «любящю Берестовое и церковь ту сущюю святых Апостол».[7] В этой дворцовой церкви, выстроенной либо самим Ярославом,

---

[1] Н. Закревский, ук. соч., стр. 840.
[2] Н. И. Петров. Историко-топографические очерки. . ., стр. 127.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Лавр. лет. 6523 (1015) г.
[6] Лавр. лет. 6488 (980) г.
[7] Лавр. лет. 6559 (1051) г.

либо еще Владимиром, начал свою церковно-политическую деятельность в качестве пресвитера знаменитый Иларион, ставший впоследствии по инициативе Ярослава киевским митрополитом.[1] По-видимому, именно здесь, на Берестове, в любимой княжеской резиденции, и сложилась та близкая связь Ярослава и Илариона, которая проявилась позже в их политической деятельности, направленной на укрепление Киевского государства.

Особое значение приобретает Берестовский княж двор при Ярославичах. 22 марта 1073 г. Святослав и Всеволод Ярославичи, объединившись против своего старшего брата Изяслава, захватили Киев. Изяслав бежал в Ляхи. Заняв Киев, братья, по словам летописца, «седоста на столе на Берестовом».[2] *В этом известии выражение «стол на Берестове» недвусмысленно заменяет «киевский стол», т. е. княж двор на Берестове* выступает в качестве вполне официальной княжеской резиденции киевских князей.

В 1096 г. княж двор на Берестове был сожжен половцами хана Боняка, прорвавшимися к южным окраинам Киева.[3] Однако, по-видимому, вскоре он был восстановлен. В 1113 г. именно там состоялось совещание, собранное Мономахом, на котором был разработан известный Устав Владимира Мономаха, созданный под прямым воздействием киевского восстания 1113 г. Это совещание, в котором участвовали тысяцкие трех городов — Киева, Переяславля и Белгорода,[4] не случайно происходило в Берестовском дворце. В этом загородном княжеском селе князь и собранные им представители княжеской администрации, очевидно, чувствовали себя спокойнее, чем на княжом дворе в городе, где еще бушевало народное восстание.

Выше, говоря о Великом Ярославовом дворе, мы уже приводили текст Киевской летописи под 1151 г., где говорится о существовании еще одного княжеского двора вне города — «под Угорским», т. е. где-то между Берестовым и Верхним городом. На этом дворе сидел соправитель Вячеслава кн. Изяслав Мстиславич.[5] Существование этого княжа двора подтверждается еще одним, более ранним летописным известием. В 1146 г. перед смертью Всеволода кн. Игорь собирал в Угорском «всех киян», которые целовали ему там крест.[6] Не рассчитывая на киевлян, не любивших Ольговичей, Игорь, вероятно, не рискнул собирать их в самом городе.

Попытка уточнить местоположение княжа двора под Угорским, в районе существовавшего до недавнего времени Пустынно-Никольского монастыря,[7] лишена каких-либо оснований.

---

[1] Лавр. лет. 6559 (1051) г.

[2] Ипат. лет. 6581 (1073) г.; см. также Лаврентьевскую летопись под тем же годом.

[3] Лавр. лет. 6604 (1096) г.

[4] Правда Русская, II. М.—Л., 1947, стр. 425 и сл.

[5] Ипат. лет. 6659 (1151) г.

[6] Ипат. лет. 6654 (1146) г.

[7] Н. И. Петров. Киев, его святыни и памятники. СПб., 1896, стр. 55.

Что представлял собой княж двор под Угорским, сказать трудно, известия о нем слишком эпизодичны. Необходимо, однако, напомнить о существовании каких-то Угорских ворот, которые в летописном тексте под 1151 г. названы наряду с Лядскими и Золотыми воротами Ярославова города.[1] Что на Угорском были в XII в. какие-то оборонительные сооружения, свидетельствует также летописный рассказ о том, как, отступая под давлением прорвавшихся через оборонительные сооружения Подола половцев, «побегоша Берендиче к Угорскому, а друзии к Золотым воротам».[2]

3. КНЯЖЕСКИЕ ДВОРЫ – ВОТЧИНЫ ОТДЕЛЬНЫХ КНЯЖЕСКИХ ФАМИЛИЙ

Наряду с официальной княжеской резиденцией, в качестве каковой служил с древнейшей поры и вплоть до монгольского разгрома княж двор в старом Владимировом городе, с середины XII в. обычно называвшийся Ярославовым двором, и княжеским двором на Берестове, каковой выступает, как показано выше, с несколько своеобразными функциями «резервного дворца», в Киеве уже с XI в. известен целый ряд других дворов, либо принадлежавших различным князьям, не занимавшим в данное время киевский стол, либо являвшимися как бы частными вотчинами тех или иных княжеских фамилий.

К югу от Киева, на Выдубицком холме, находился Красный двор Всеволода Ярославича. В 1096 г. половцы, прорвавшиеся к южным окраинам Киева, сожгли его.[3] Если учесть, что находившийся возле Красного двора Всеволода его же Выдубицкий монастырь, нередко называвшийся Всеволожим, был выстроен еще в ту пору, когда Всеволод был князем в Переяславле, можно думать, что и Красный двор Всеволода возник еще до вокняжения Всеволода на киевском столе.

М. Ф. Берлинский пытался точно локализовать местоположение Красного двора Всеволода, утверждая, что «по всем следам и положению холма видно, что сей дворец существовал над Днепром по левую, или северную, сторону самого монастыря».[4] «Должно думать,— писал тот же автор,— что дворец был деревянный, ибо, кроме следов жилых мест, никаких там каменных следов неприметно».[5] А. Писарев, писавший, по-видимому, со слов Берлинского, утверждал, однако, что «жилые следы» Красного двора остались «на возвышенном холме по правую [!] сторону Выдубицкого монастыря».[6]

---

[1] Ипат. лет. 6659 (1151) г.

[2] Ипат. лет. 6669 (1161) г.

[3] «Тогда же зажгоша двор Красный, его же поставил благоверный князь Всеволод на холму, нарецаемом Выдобычи: то все окаяннии половци запалиша огнемь» [Лавр. лет. 6604 (1096) г.].

[4] М. Ф. Берлинский, ук. соч., стр. 172—173.

[5] Там же.

[6] А. Писарев. Историческая выписка о дворцах княжеских в Киеве бывших, о которых в летописях упоминается. ЗТОИДР, ч. II, М., 1824, стр. 159.

К числу княжеских дворов иногда причисляют и упомянутый в летописном рассказе о событиях 1068 г. «двор Брячиславль», полагая, что он принадлежал полоцкому князю Брячиславу Изяславичу — отцу Всеслава.[1] В пользу отождествления владельца киевского двора Брячислава с полоцким князем Брячиславом Изяславичем свидетельствует заключение «в порубе» этого двора в 1067—1068 гг. князя Всеслава Брячиславича.

О таком же дворе упоминается в летописи в связи с событиями 1147 г. Желая спасти Игоря от рассвирепевшей толпы, захватившей его в Федоровском монастыре, где он пребывал в монашестве, Владимир (брат Изяслава Мстиславича), по словам летописца, «вомча Игоря во двор матере своея, затвори ворота, а Игоря пусти на Кожюховы сени». Выломив ворота и ворвавшись во двор, киевляне увидели Игоря «на сенех», разбили их, совлекли Игоря вниз и убили его внизу у лестницы («конець всход»).[2]

В Ипатьевской летописи подробности этих грозных событий 1147 г. нарисованы несколько иначе. По словам киевского летописца, Владимир, спасая Игоря от преследовавших его киевлян, помог ему войти «в двор Мьстиславль». Ворвавшись туда, киевляне схватили еле живого Игоря «и волокоша и́ с Мьстиславля двора через Бабин Торжек на княжь двор и ту прикончаша и́».[3] Нет сомнений, что «двор матери» кн. Владимира Мстиславича, как называет его суздальский летописец, и есть «Мьстиславль двор», как называет его киевский летописец.

Путь, по которому влачили полуживого Игоря с Мстиславля двора, через Бабин торжок на княж (Ярославль) двор, столь обстоятельно описанный киевским летописцем, вызывал у многих исследователей исторической топографии Киева желание точно разместить на плане древнего Киева все эти три урочища, учитывая к тому же и близкое соседство Федоровского Вотча монастыря, выстроенного Мстиславом. Не может быть сомнений в том, что описанные летописцами события развертывались внутри Владимирова города, но все попытки уточнить местоположение упомянутых урочищ не шли далее весьма условных гипотетических построений, ибо даже местоположение Федоровского монастыря, руины которого стояли еще в XVII в., установить точно пока не удается.

Какой-то княжеский двор существовал на Острове, напротив Выдубицкого монастыря. Здесь в 1149 г. останавливался кн. Изяслав Мстиславич («стояше Изяслав противу святому Михаилу у Выдобыча в Острове, Ростислав же приеха ту»),[4] а после разорения Киева татарами в 1240 г. жил кн. Михаил Всеволодович («живяше под Киевом во Острове»).[5]

---

[1] Н. Закревский (Описание Киева, т. I. М., 1868, стр. 204) ставил этот вопрос, но решал его неуверенно. Д. С. Лихачев (Повесть временных лет, ч. 2. Комментарии. М.—Л., 1950, стр. 398) утверждает это безоговорочно.

[2] Лавр. лет. 6655 (1147) г.

[3] Ипат. лет. 6655 (1147) г.

[4] Ипат. лет. 6657 (1149) г.

[5] Ипат. лет. 6748 (1240) г. См. также: М. Грушевский. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. Киев, 1891, стр. 20.

Повествуя о событиях борьбы кн. Изяслава с Володимирком Галицким 1150 г., летописец рассказывает о том, как Володимирко, преследуя отступавшие полки Изяслава, «ста у Кыева, у теремца».[1] Н. И. Петров считал, что упомянутый «теремец» представлял собой, по-видимому, какой-то княжеский загородный дворец. При этом он напоминал, что в южнорусском житии Владимира Святого, относящемся к XVII в., говорится о том, что Владимир ожидал брата своего Ярополка «в Теремле (вар. Теремне) фольварку отцовском».[2] М. Грушевский полагал, что памятью об этом загородном дворце является современный хутор Теремки, расположенный на Васильковской дороге.[3]

Князь Юрий Долгорукий, многие годы боровшийся за киевский стол и трижды сидевший на нем, также имел в Киеве свой «Красный двор». Впервые мы узнаем о нем из летописного рассказа о бегстве сына Юрия — Бориса — из Вышгорода, занятого Изяславом, к своему отцу, который в то время «бяше на Красном дворе».[4]

После смерти Юрия в 1158 г. вспыхнуло волнение, направленное против Юрия и его приверженцев. Гнев киевлян обрушился не только на «Красный двор» Юрия, но и на другой его же двор, расположенный за Днепром, который сам князь называл «Раем».[5] Оба двора были разграблены. В это же время был разграблен Васильков двор, находившийся в городе, принадлежавший сыну Юрия Васильку.[6] Некоторые исследователи пытались определить местоположение загородного двора Юрия в районе Труханова острова,[7] впрочем, без особых к тому оснований.

Разновременные находки древних строительных материалов на горе Киселевке давали повод предполагать здесь также наличие в древности «загородных дворов».[8]

На княжих дворах, кроме парадных приемных помещений и жилых хором, размещалось немало служебных и хозяйственных построек. Письменные источники упоминают «погреба», «медуши», «бретьяницы», «скотницы», «бани».[9]

В древнейших летописных известиях погреба упоминаются преимущественно в качестве темницы-тюрьмы. Так, в «порубе» на Брячиславле дворе (по-видимому, двор полоцкого князя Брячислава) сидел захваченный обманом в 1067 г. князь Всеслав Полоцкий, до тех пор пока восставшие в 1068 г. киевляне не освободили его.[10]

---

[1] Лавр. лет. 6658 (1150) г.

[2] Н. И. Петров. Историко-топографические очерки. . ., стр. 54.

[3] М. Грушевский, ук. соч., стр. 20.

[4] Ипат. лет. 6658 (1150) г.

[5] Ипат. лет. 6666 (1158) г.

[6] Там же.

[7] К. Шероцкий. Киев. Путеводитель, стр. 339.

[8] Там же, стр. 190—191.

[9] В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. 5, М., 1929, стр. 16—17.

[10] Лавр. лет. 6576 (1068) г.

В Ипатьевской летописи под 6654 (1146) г. сохранились замечательные описания двух княжих дворов Ольговичей, разгромленных киевским князем Изяславом Мстиславичем. О первом из них — Игоревом сельце, представлявшем собой усадьбу Игоря Ольговича, летописец рассказывал: «Идоста на Игорево сельце, идеже бяше устроил двор добре; бе же ту готовизны много, в бретьяницах и в погребех вина и медове, и что тяжкого товара всякого, до железа и до меди, не тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давыдовича же повелеста имати на возы собе и воем, и потом повелеста зажечи двор и церковь святаго Георгия, и гумно его, в нем же бе стогов 9 сот».[1]

В том же году вслед за взятием Путивля подвергся разгрому богатый двор князя Святослава Ольговича. По словам летописца, «и ту двор Святославль раздели (Изяслав Мстиславич) на 4 части, и скотьнице, бретьянице, и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребех было 500 берковьсков меду, а вина 80 корчаг и церковь святого Възнесения всю облупиша».[2]

«Медуша» — погреб для хранения вареного меда в Игореве сельце — заставляет вспомнить более ранний летописный рассказ о белгородском киселе: «. . .и повеле искати меду, они же шедше взяша меду лукно, бе бо погребено в княжи медуши».[3]

«Медуша» упомянута и в летописном повествовании об убийстве Андрея Боголюбского («шедше в медушю и пиша вино»).[4]

Слово «бретьяница» И. Е. Забелин считал названием погреба с бортевым медом.[5] И. И. Срезневский полагал, что оно означает вообще амбар или кладовую.[6]

На дворе Святослава Ольговича упомянута, кроме погребов и «бретьяницы», еще «скотьница». По объяснению И. И. Срезневского так называлось казнохранилище, а по мнению И. Е. Забелина — кладовая со всякой казной.[7] О существовании «скотницы» уже в древнейшее время на дворе киевских князей известно из летописного рассказа о широком гостеприимстве князя Владимира Святославича: «Повеле вьсяку нищю и убогу приходити на двор къняжь и възимати вьсяку потребу, питие и ядение, и от с к о т ъ н и ц кунами».[8]

Нельзя не обратить внимания на изобилие разнообразных запасов, в том числе и «тяжкого товара всякого, до железа и меди», хранившихся на княжом дворе, который по своему значению, конечно, не идет ни в какое сравнение с великим двором киевских князей.

---

[1] Ипат. лет. 6654 (1146) г.

[2] Там же.

[3] Лавр. лет. 6505 (997) г.

[4] Ипат. лет. 6682 (1174) г.

[5] И. Е. З а б е л и н, ук. соч., стр. 23.

[6] И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, I, стр. 178.

[7] В. Ф. Р ж и г а, ук. соч., стр. 17.

[8] Лавр. лет. 6504 (996) г.

Из ряда приведенных выше летописных рассказов можно заключить, что княжеский двор в Киеве был весьма обширен. Несмотря на то, что на дворе находились многочисленные разнообразные постройки, вплоть до каменной церкви, выстроенной в 1183 г. князем Святославом Всеволодовичем,[1] оставалась еще просторная площадь, на которой толпился народ, вершился княжеский суд,[2] собиралось войско и даже устраивались конские ристалища.

4. БОЯРСКИЕ ДВОРЫ В КИЕВЕ

Наряду с княжескими дворами, игравшими огромную роль в политической жизни Киева, в XI—XIII вв. в городе приобретают большое значение многочисленные дворы бояр, дружинников и других представителей феодальной знати.

Развитие городской жизни, по наблюдению М. Н. Тихомирова, к которому нельзя не присоединиться, «привело к созданию боярства, связанного не только с вотчинами в деревнях, но и с городом».[3] Действительно, если присмотреться к политической жизни крупнейших древнерусских городов в XI—XII вв., достаточно ярко отразившейся в летописях и некоторых других литературных памятниках этой эпохи, то нельзя не заметить значительной роли, которую приобретают в эту пору представители различных боярских фамилий, прочно связавших свою жизнь и деятельность с тем или иным городом. Изучение истории отдельных боярских родов привело М. Н. Тихомирова к неоспоримому выводу об «оседании боярских фамилий в ряде городов, иными словами, о появлении городского патрициата».[4]

В полной мере это относится и к Киеву. В положении старой княжеской дружины произошли коренные изменения. Значительная часть княжеской дружины, связанная когда-то больше с князем, с княжим двором, чем с тем или иным городом, переходящая вместе с князем из города в город, теперь прочно оседает на землю, превращаясь в класс бояр феодалов.

Рост местной феодальной знати в Киеве наглядно отражается в увеличении боярских дворов в самом городе, не говоря уже о сельских боярских вотчинах. Летописец не раз в различных контекстах упоминает о многочисленных дворах киевской знати, то пытаясь с помощью этих, по-видимому, всем киевлянам хорошо известных участков города, определять местоположение других более древних урочищ Киева, то рассказывая о гневе народных масс, обрушивающемся на эти дворы.

Уже на первых страницах летописи упоминается Олмин двор — на горе в Угорьском, существовавший во времена летописца на том месте, где в 882 г.

---

[1] Небольшие каменные и деревянные церкви стали характерной чертой княжих дворов во второй половине XII—XIII вв.

[2] На княж двор как место княжого судопроизводства указывает Русская Правда.

[3] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. 2-е изд., М., 1956, стр. 161.

[4] Там же.

был погребен Аскольд.[1] Кто был этот Олма, мы не знаем; известно лишь, что он выстроил церковь Николы на Аскольдовой могиле.[2]

К числу наиболее древних упоминаний о боярских владениях в Киеве можно отнести, по-видимому, и наименование «Боричев взвоз», приводимое летописцем в повествовании о древнейшем городе. Не раз высказывалась мысль, что наименование это происходит от имени Борича, упомянутого летописцем в числе послов князя Игоря, участвовавших в заключении договора с греками в 945 г. Возможно, что двор этого Борича находился где-то близ взвоза, который и получил от него свое наименование. Любопытно, что до настоящего времени одна из улиц, расположенных у нижней части современного Андреевского спуска, носит название Боричев ток.

В летописном рассказе под 983 г. упомянут двор варяга-христианина, на который ворвались язычники-киевляне. В этом рассказе впервые на страницах киевской летописи фигурируют «сени». В ответ на отказ варяга отдать сына в жертву языческим богам киевляне «посекоша сени под нима».[3]

Под 945 г. для определения местоположения древнейшего города на Горе упомянуты дворы Гордятин и Никифоров, а чтобы уточнить расположение княжа двора в этом городе — дворы Воротиславль и Чюдин.[4] Из этих четырех знатных киевлян, богатые дворы которых были хорошо известны киевлянам — современникам летописца, два имени — Гордята и Воротислав — по другим источникам неизвестны. Имя Чюдина, наоборот, встречается не раз. Это он — знатный киевский боярин — принимал в 1072 г. участие в известном совещании Ярославичей в Вышгороде, на котором была установлена Правда Ярославичей. Имя его — Чюдин Микула — упомянуто в заголовке Правды Ярославичей.[5] Под 1072 г. Чюдин упомянут и в Повести временных лет («и бе тогда держа Вышгород Чюдин»).[6] В той же летописи под 1068 г. говорится и о брате Чюдина — боярине кн. Изяслава Тукы («рече Тукы, брат Чюдин»),[7] а под 1078 г. сообщается о его смерти вместе с рядом других киевских бояр в бою с половцами («убьен бысть. . . и Тукы, Чюдинь брат»).[8]

Никифор, двор которого находился рядом с Гордятиным двором, также принимал участие в вышгородском совещании 1072 г. Его имя — Микыфор Кыянин — приведено в том же заголовке Правды Ярославичей рядом с Чюдином.[9]

---

[1] Лавр. лет. 6390 (882) г.

[2] Там же.

[3] Лавр. лет. 6491 (983) г.

[4] Лавр. лет. 6453 (945) г.

[5] Правда Русская, II, стр. 121; см. также: М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 64—65.

[6] Лавр. лет. 6580 (1072) г.

[7] Лавр. лет. 6576 (1068) г.

[8] Лавр. лет. 6586 (1078) г.

[9] Правда Русская, II, стр. 121. См. также: М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 64—65.

В летописном рассказе о киевском восстании 1068 г. упомянут двор Коснячков, находившийся также на Горе («и начаша людье говорити на воеводу на Коснячька; идоша на Гору с веча и придоша на двор Коснячков и не обретше его»).[1] Киевский воевода Коснячко, на которого обрушился гнев горожан, также участвовал в вышгородском совещании 1072 г., как об этом свидетельствует заголовок Правды Ярославичей, где его имя стоит на первом месте после князей Ярославичей.[2]

Летописный рассказ о ходе восстания позволяет установить, что двор Коснячка находился в новом Ярославовом городе. Поднявшись с Подола на Гору и не найдя Коснячка на его дворе, возбужденные горожане остановились у двора Брячиславля, решив освободить свою дружину из погреба. «И разделишася надвое, — читаем далее, — половина их иде к погребу, а половина их иде п о м о с т у: си же придоша на княжь двор».[3] Выше установлено, что княж двор в XI—XII вв., как и ранее, находился в старом Владимировом городе. Мост, упомянутый в летописном рассказе, вел через овраг, отделявший город Владимира от Ярославова города.

В XII в. упоминания о боярских дворах в Киеве в связи с различными событиями в политической жизни города значительно более часты.

Во время киевского восстания 1113 г. «кияне разъграбиша двор Путятин тысячьского».[4] Путята — первый известный нам киевский тысяцкий — упоминается еще в 1097 г. в качестве воеводы киевского князя Святополка Изяславича («Святополк посла Путяту воеводу своего. Путята же пришед к Лучьску к Святоши сыну Давыдову»).[5] В 1100 г. он выступает в роли представителя Святополка в переговорах с Давидом Игоревичем.[6] В 1104 г. он ходил в качестве воеводы Святополка походом на Минск,[7] а в 1106 г. был в числе воевод Святополка, разбивших половцев у Заречьска.[8] Из последнего известия мы узнаем, что Путята был братом Яна Вышатича («и посла по них Святополк Яня Вышатича и брата его Путяту»),[9] и принадлежал, следовательно, к знаменитому боярскому роду, родоначальник которого боярин Вышата в качестве воеводы Ярослава ходил вместе с его сыном Владимиром в неудачный поход на Царьград в 1043 г.[10]

Перечисленные факты из биографии Путяты Вышатича свидетельствуют о его службе у Святополка по крайней мере в течение пятнадцати лет. Недаром

---

[1] Лавр. лет. 6576 (1068) г.

[2] Правда Русская, II, стр. 121.

[3] Лавр. лет. 6578 (1068) г.

[4] Лавр. лет. 6621 (1113) г.

[5] Лавр. лет. 6605 (1097) г.

[6] Лавр. лет. 6608 (1100) г.

[7] Лавр. лет. 6612 (1104) г.

[8] Ипат. лет. 6614 (1106) г.

[9] Там же; слова «Вышатича и брата его Путяту» приписаны над строкой и на нижнем поле.

[10] Лавр. лет. 6551 (1043) г.

восстание, направленное против Святополка, обрушилось в первую очередь на двор Путяты, занимавшего в это время должность тысяцкого. При Владимире Мономахе, сменившем Святополка на киевском столе после восстания в 1113 г., звезда Путяты, по-видимому, закатилась. На совещании тысяцких в Берестовском дворце он уже не принимал участия.[1]

Вс. Миллер отождествлял летописного Путяту с былинным Путятиным Путятовичем в былине о Даниле Ловчанине, а былинную Забаву Путятишну считал его дочерью.[2] М. Н. Тихомиров полагал, что память о Путятином дворе, быть может, сохранилась в известной былине о Соловье Будимировиче и Забаве Путятишне.[3]

Под 1146 г. в летописи упомянут Ратьшин двор, на который обрушился гнев киевлян после знаменитого веча у Туровой божницы, где возбужденные горожане «складывали вину на тиуна на Всеволожа на Ратьшу и на другого тиуна Вышегородского на Тудора». По словам обвинявших, «Ратша ны погуби Киев, а Тудор Вышегород».[4] Из этого рассказа явствует, что Ратьша принадлежал к числу бояр, связанных с Ольговичами. Где находился Ратьшин двор, из летописного текста неясно.

В рассказе о том, как киевляне с веча, происходившего в 1147 г. у Софии, бросились искать Игоря, упомянут Глебов двор, находившийся в Верхнем городе, неподалеку от моста через овраг, окружавший Владимиров город.[5] Глебов двор, вероятно, принадлежал тому Глебу, или Улебу, который был тысяцким в княжение Всеволода Ольговича. Известно, что преемник Всеволода Игорь пытался привлечь Улеба и Ивана Войтишича на свою сторону. «Како есте была у брата, — говорил им Игорь, — такоже будете и у мене».[6] Однако Улеб и Иван отвергли эти домогательства Игоря и приняли участие в заговоре против него.

Из летописного рассказа о расстановке войск, оборонявших Киев в 1151 г., известно о существовании Бориславля двора, находившегося где-то между Золотыми и Жидовскими воротами Ярославова города («а Изяслав ста межи Золотыми вороты и межи Жидовьскими, противу Бориславлю двору»).[7]

Дворы знатных людей известны не только на Горе — в летописном рассказе о нападении половцев в 1161 г. говорится о том, что прорвавшись сквозь «столпие», т. е. через деревянные укрепления, ограждавшие Подол, они зажгли «двор Лихачев попов и Радьславль».[8] Если двор Лихачев был поповским двором, то двор Радьслава, вероятно, принадлежал какому-нибудь боярину.

---

[1] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 225—226.
[2] Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. М., 1910, стр. 28 сл.
[3] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 226.
[4] Ипат. лет. 6654 (1146) г.
[5] Лавр. лет. 6655 (1147) г.
[6] Ипат. лет. 6654 (1146) г.
[7] Ипат. лет. 6659 (1151) г.
[8] Ипат. лет. 6669 (1161) г.

Случайный, отрывочный характер всех приведенных выше упоминаний о боярских дворах в Киеве не позволяет, конечно, восстановить даже в самых общих чертах архитектурно-планировочный облик этих дворов. Едва ли, однако, могут быть сомнения в том, что в большинстве случаев речь идет о больших, огороженных высокими заборами и потому достаточно сильно укрепленных внутригородских территориях, по отношению к которым невольно возникает несвойственный русской древности термин «замок».

Б. Д. Греков обратил внимание на текст одной из статей древнейшей Правды, который начинается словами: «Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в х о р о м». Этот же термин употреблен и в двух списках Пространной Правды (начало XII в.), где есть статья, трактующая о том случае, если хозяин разыщет своего холопа в чьем-либо городе или «в х о р о м е». Что это за «хоромы», где может найти себе убежище холоп, хоромы, которые сопоставляются с городом, т. е. с укрепленным пунктом, причем Правда допускает случай, когда хозяин этих «хором» не захочет выдать холопа? Б. Д. Греков считает, что «хоромы» — тоже укрепленное место, только, очевидно, поменьше города, принадлежащее определенному владельцу.[1] «Может быть, — пишет он, — некоторые „хоромы", т. е. укрепленные места — дворы, находились и в черте городских укреплений. Делается понятным и сопоставление „хором" с городом и возможность в „хоромах" защищаться».[2] «Мужи» древнейшей Правды, по мнению Б. Д. Грекова, это — «владельцы укрепленных „хором", где живут они сами, окруженные своей челядью, обязанной их кормить, обувать, одевать, а в случае необходимости и защищать». «Что это, — заключает он, — как не двор средневекового рыцаря, сидящего в своем фамильном вооруженном гнезде-замке?».[3]

О расточительной роскоши боярских теремов, о богатых запасах, хранившихся на боярских дворах, в письменных источниках проскальзывают лишь случайные реплики. Галицкий князь Даниил, заняв в 1229 г. двор боярина Судислава, нашел там много вина, овощей, корму, копий и стрел.[4] Достаточно излюбленным литературным образом той эпохи было описание беспечной жизни богача в сопоставлении с тяжелой подневольной долей городской бедноты. В качестве основного фона в этих литературных произведениях выступают боярские хоромы, терема, расписанные повалуши и т. п.

В «Слове о богатом и убогом», сохранившемся в одном сборнике поучений XII в., проповедник образно рисует нам жизнь богатого горожанина, проводящего свои дни в роскоши и излишествах, противопоставляя ей тяжелую долю бедняка: «Ты же яси тетеря, гуси, ряби, куры, голуби и прочее брашьно различьно, а убогый хлеба не имать, чим чрево насытити; ты же облачишися и хо-

---

[1] Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, стр. 41—42.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Ипат. лет. 6737 (1229) г.

диши в паволоце и в кунах, а убогый руба не имать на телеси; ты же жи в дому, повалуше испьсав, а убогый не имать, къде главы подъклонити. Нъ и ты богаты умреши и остаеть дом твой, присно обличая твоя деяния. Къждо от мимоходящих глаголеть: сь дом оного есть хыщьника... сь сироты облупи... осе двор его тъщь; не рьци ми, яко болярин есмь ли посадник, аз волости не веде ли, аз волости не хулю нъ хулю строящих доброе зъле».[1]

[1] И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863, стр. 203.

Глава VII

ЖИЛИЩА ГОРОЖАН XI—XIII вв.

> Сидяшту ти в зиму в тепле храмине и без боязни изнажившуся: въздъхни помыслив о убогых, како клянять над малым огньцемь съкърчивъшеся большу же беду очима от дыма имоуште, руце же тъкмо съгревеюще, плешти же и всьсе тело морозъмь измьръже.
>
> Стословец Геннадия. 1076 г.

1. РАСКОПКИ МАССОВЫХ ГОРОДСКИХ ЖИЛИЩ В КИЕВЕ

Археологическими раскопками, широко развернувшимися в Киеве уже с 20-х годов XIX в., вплоть до начала нашего века не было обнаружено ни одного рядового жилища горожан. Не следует удивляться этому. Раскопки жилищ, требующие особенно совершенной, разработанной методики археологического исследования, были недоступны археологам-дилетантам, в руках которых в основном находилось тогда дело археологического изучения древнего Киева. Не может быть сомнения в том, что под лопатой землекопов, за работой которых не было организовано сколько-нибудь серьезного научного наблюдения, в раскопках Лохвицкого, Турчаниновой, Анненкова, Ставровского, Хойновского и других погибло немало древних жилищ, оставшихся незамеченными.

Первые очень яркие, хотя и далеко не удовлетворяющие современного исследователя данные о характере массовых городских жилищ древних киевлян были получены в результате раскопок 1907—1908 гг., проведенных В. В. Хвойкой на знаменитой впоследствии усадьбе доктора М. М. Петровского, расположенной в самом центре древнейшего города. К сожалению, отчетная документация этих раскопок не была опубликована самим исследователем, ограничившимся лишь краткой информацией общего характера о результатах раскопок,

не сопровождавшейся к тому же какими-либо иллюстрациями.[1] Опубликованные несколько позже Л. Нидерле [2] графические материалы В. В. Хвойки представляют дилетантские рисунки, в которых к тому же небрежная фиксация памятников в процессе раскрытия нередко причудливо переплетается с довольно рискованными реконструкциями автора (рис. 55). Рисунки эти вызывают у исследователя неразрешимые вопросы и сомнения.

Несколько лет тому назад в различных частных собраниях в Киеве удалось обнаружить выписки из дневников В. В. Хвойки, касающиеся раскопок в усадьбе Петровского, и фотографии с его рисунков, часть которых была опубликована Л. Нидерле. К сожалению, и эти материалы весьма незначительно дополняют документацию процесса раскопок, оставляя без объяснения многие важнейшие вопросы.

Не внесли ясности и выписки А. А. Спицына из дневника раскопок В. В. Хвойки, опубликованные недавно с комментариями Г. Ф. Корзухиной.[3] Последняя, пытаясь уточнить на основе этих выписок облик жилых и производственных построек, раскопанных В. В. Хвойкой в усадьбе Петровского, внесла в этот вопрос лишь дополнительную путаницу. Достаточно упомянуть реконструированный ею беспрецедентный в истории мировой архитектуры тип «двухэтажных киевских жилищ знати и построек производственного назначения», представлявших, по утверждению Г. Ф. Корзухиной, «подвальный этаж», над которым находился «второй этаж облегченного, чердачного (! — *М. К.*) типа».[4] К этим удивительным постройкам к тому же, по словам Г. Ф. Корзухиной, примыкали боковые «одноэтажные помещения, расположенные на разных уровнях».[5]

Раскопками 1907—1908 гг. в усадьбе Петровского наряду с открытием развалин каменных зданий дворцового характера было обнаружено, по-видимому, довольно значительное количество рядовых жилищ XI—XIII вв. Большая часть их была раскопана не полностью, а лишь в той мере, в какой они попадали в небольшие по площади раскопы. Исследователь оставил лишь общую, суммарную характеристику их, не дав развернутого описания отдельных построек.

Характеризуя славянские жилища Среднего Поднепровья вообще, В. В. Хвойка писал о них: «Остатки жилищ и сооружений другого рода свидетельствуют о том, что постройки языческого периода славянской эпохи соору-

---

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913.

[2] L. Niederle. 1) Slovanské starožitnosti. Oddil kulturni, Život starých slovanů, Dilu I, svazek 2. Praha, 1913, табл. XLIII и LIV, рис. 133 и 134; 2) Manuel d'antiquité slave, II. La civilisation. Paris, 1926, рис. 35, 42—44.

[3] Г. Ф. Корзухина. Новые данные о раскопках В. В. Хвойки на усадьбе Петровского в Киеве, с приложением «Выписки А. А. Спицына из дневника раскопок В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в 1907 г.». СА, XXV, 1956, стр. 318—342. Выписки хранятся в архиве ИИМК АН СССР, ф. 5 (архив А. А. Спицына), д. 384, лл. 209—243.

[4] Там же, стр. 328—329.

[5] Там же.

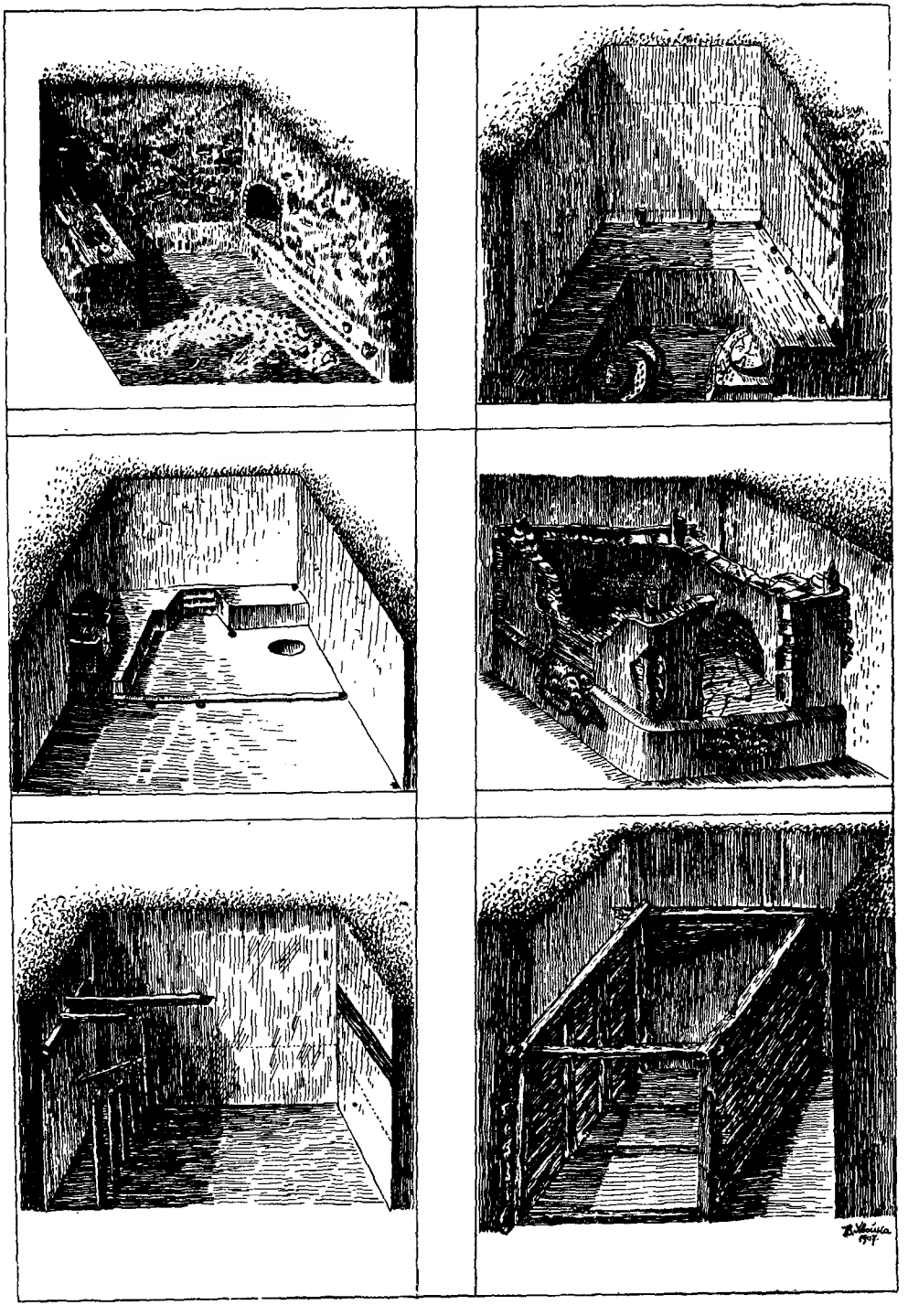


Рис. 55. Рисунки киевских жилищ, раскопанных В. Хвойкой.

жались из дерева, причем большая часть стен этих построек, а также и самые помещения находились в глубоко выкопанном в материковой земле четырехугольном углублении; остальная же часть стен с покоившейся на них крышей возвышалась над поверхностью земли».[1]

Этот тип полуземляночных жилищ, открытых в значительном количестве на различных городищах Среднего Приднепровья, В. В. Хвойка считал характерным и для Киева. Подводя итоги раскопок жилищ-мастерских в усадьбе Петровского, исследователь писал о них: «Постройки эти возводились в четырехугольном углублении, доведенном до желтой материковой глины, служившей полом жилых помещений и помещений иного назначения. Судя по остаткам, жилища эти сооружались из соснового материала, стены их, несколько возвышавшиеся над поверхностью земли, были сложены из толстых бревен, но особой прочностью отличались подвалины, представлявшие собою основу стен и всегда заложенные в намеренно вырытой для этой цели канавке. Внутренние стенки, служившие перегородками, были сложены или из ряда стоймя поставленных брусьев, или из бревен, горизонтально положенных одно на другом, иногда обтесанных с обеих сторон, или же из досок разной толщины. Постройки эти имели форму правильного продолговатого четырехугольника, но иногда в одном конце их находились пристройки в виде бокового выступа, представляющие собою род сенец».[2]

О внутреннем устройстве славянских жилищ Среднего Приднепровья исследователь писал: «Внутри, как это показали раскопки, многие постройки были разделены на две половины стеной-перегородкой, не доходившей до потолка, сложенной из стоймя поставленных полубрусьев; такая стенка отделяла жилое помещение с печью от другого, служившего, по-видимому, родом каморы; в некоторых случаях там помещалась мастерская. Печи имели различную форму, чаще всего ящикообразную и обыкновенно были без дымоотводов, иногда они заменялись очагом» [3]

О внутреннем устройстве киевских жилищ, открытых в усадьбе Петровского, тот же исследователь сообщал: «В одном из внутренних помещений этих жилищ находилась печь, устроенная или при посредстве деревянных столбов, или же состоявшая из деревянных стенок, обмазанных с обеих сторон толстым слоем глины; снаружи такая печь была тщательно сглажена и часто расписана двухтрехцветным узором. На некотором расстоянии от печи, в стороне от нее, обыкновенно находится круглая котлообразная яма, выкопанная в полу, т. е. в желтой материковой глине; иногда стенки такой ямы бывают обмазаны беловатой, весьма компактной глиной и тщательно сглажены. Ямы эти, глубина которых доходит до 1—1.5 м, в большинстве случаев бывают наполнены всякими отбросами — костями животных, рыбьей чешуей, черепками глиняных сосудов, золой, углем и т. д.; только в двух случаях они оказались наполненными почти

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья. . ., стр. 51.

[2] Там же, стр. 73.

[3] Там же, стр. 51.

до самых краев белым песком. Точно определить их назначение довольно трудно, по-видимому, они иногда служили сорными ямами, иногда же в них сохранялся песок, которым, весьма возможно, в случае надобности, например в сырую погоду, присыпался глиняный пол».[1]

Выписки из рукописного дневника В. В. Хвойки позволяют несколько расчленить приведенные обобщенные описания и попытаться охарактеризовать отдельные жилища, открытые в 1907—1908 гг. в усадьбе Петровского.

Наиболее хорошо сохранившиеся остатки жилищ были открыты в раскопах IV, V, VI. Кроме того, в раскопах I, II, VII, VIII были обнаружены остатки глинобитных печей, несомненно также находившихся в жилищах.[2]

Хорошо сохранившееся жилище было открыто на участке раскопа IV. Здесь на глубине 1.4 м от современной поверхности земли найдены развалины глинобитной печи, сохранилась основа стенок и пóд, выложенный из валунов и обломков древнего кирпича, обмазанных слоем крепкой, хорошо обожженной глины. Длина пода 1.6 м, ширина 1.25 м. По словам исследователя, «основа печи расположена на слое чернозема, служившего ей подстилкой». Параллельно западной стенке раскопа «лежала подвалина из соснового дерева — основа бывшей некогда здесь стенки». Бревно, по словам В. Хвойки, «четырехугольное, тесанное».[3] Ниже, на глубине 1.9 м от современной поверхности, обнаружено черное прямоугольное пятно (2.7×3.2 м). Расчистку этого пятна исследователь описывал так: «Во время выемки земли в означенном месте обнаружены были две деревянные стены, вплотную примыкавшие к боковым стенам, произведенным в древности при сооружении на этом месте деревянной постройки. На дне ямы (на глубине 3.6 м от поверхности), на самом материке, — слой сотлевшего дерева. . . видны куски досок, бревен».[4]

На дне были найдены также три железных ножа, наконечник небольшого копья, изготовленного из рога оленя, украшенный чешуйчатым орнаментом, два железных замка, ключ, обломок железной цепи, обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, фрагменты керамики, сделанной на круге. Исследователь трактовал описанный комплекс как «деревянную постройку с подвальным этажом и жилым помещением».[5]

Еще более интересный комплекс жилых сооружений был открыт на участке раскопа V. На глубине 1.3 м здесь был обнаружен «слой золы, угля, комков обожженной глины — след пожара глинобитной постройки». При зачистке этого слоя найдена печь с завалившимся сводом (длина 1.45 м, ширина 1.05 м). Пóд состоял из булыжников и кусков древних кирпичей. В развалинах жилища найдены обломки керамики и целый глиняный светильник.

---

[1] Там же, стр. 73—74.

[2] Выписки из рукописного дневника В. В. Хвойки, стр. 6, 9, 15—17, 22, 26—27, 29—30.

[3] Там же, стр. 15.

[4] Там же, стр. 16.

[5] Там же, стр. 17.

Ниже описанного слоя лежал слой чернозема. На глубине 1.7 м в южной части раскопа открыт детский костяк, на правой руке которого сохранился стеклянный браслет, возле шеи несколько небольших бусин из желтой стекловидной массы, а по обеим сторонам головы по одному височному кольцу из бронзовой проволоки. В этом же слое, на глубине 1.85 м, найдены лежавшие вместе два каменных крестика в серебряной оправе, два малых бронзовых крестика, серебряная бусина бочонкообразной формы, железный нож с костяной ручкой, обтянутой серебряной пластинкой, поверхность которой украшена орнаментальным изображением двух птиц, и обломки сосуда с отпечатками лежавших в нем предметов.

Еще ниже, на уровне 2 м, обнаружилось черное пятно. При зачистке его выяснилось, что темный слой уходил на глубину до 2.6 м и был с трех сторон ограничен сосновыми подвалинами. Четвертая подвалина лежала поперек, разделяя жилище на две части. Здесь найдены большой железный замок, топор, ключ, железный наконечник стрелы, два глиняных светильника, обломок каменного жернова, фрагменты стеклянных браслетов, обломки опиленных костей с просверленными в них отверстиями, многочисленные фрагменты керамики с «славянским орнаментом».[1]

В. В. Хвойка комментировал описанный комплекс так: «На месте раскопа еще в великокняжескую эпоху сооружена была деревянная постройка с жилым помещением. Сооружена она из соснового дерева (доказательство — подвалины). Помещение полуподвальное, половина в земле, половина с крышей — снаружи. Затем постройка сгорела, и место сравнено с землей. На месте ее был зарыт клад. Еще позже — погребение ребенка; при его впуске был разбит сосуд с вещами. Погребение совершено не позже великокняжеской эпохи. Находящийся на глубине 1.3 м слой угля — след (еще одной, — *М. К.*) сгоревшей постройки — относится ко времени не позже татарского нашествия, но позже погребения».[2]

Хорошо сохранившееся жилище было открыто на участке раскопа VI. Уже на глубине около 1 м показались стенки завалившейся печи. На глубине 1.7 м лежал слой угля и перегорелых бревен. Хорошо прослеживались границы углубления полуземлянки. Печь стояла на материковом грунте. Пóд ее, выступавший несколько вперед перед устьем, был выложен из валунов и обмазан глиной (1.4×0.95 м).

У печки найдены фрагменты керамики, два железных ножа, железный треножник. У северной стенки полуземлянки обнаружены обгорелые зерна пшеницы, находившиеся на дне сгоревшей деревянной кадки. В северо-восточном углу найдена кучка обгорелых зерен проса, высыпавшихся также из деревянной кадушки, но значительно меньших размеров. На полу жилища лежали в слое пожарища три железных замка, разбитый медный котелок, железные гвозди, три шиферных пряслица, два точильных бруска, бронзовые пряжка и кольцо,

---

[1] Выписки из рукописного дневника В. В. Хвойки, стр. 22.

[2] Там же.

обработанный кабаний клык, фрагменты стеклянных браслетов, обломки плиток, покрытых поливой, глиняный светильник и многочисленные обломки керамики, среди которых заслуживают особого внимания разбитая кружка, покрытая разноцветной поливой и украшенная по поверхности тисненым орнаментом, а также фрагменты двух амфор.

Обугливщиеся деревянные подвалины лежали вдоль стен в особых углублениях (шириной 0.3 м). Полуземлянка была разделена на две части поперечной стенкой, от которой уцелел лежавший на полу поперечный брус. Исследователь относил жилище к X—XI вв.[1]

На участке раскопа VII была открыта часть жилища, испорченного предшествующими раскопками (Анненкова?). На глубине 1.8 м обнаружена глинобитная печь, от которой сохранилась лишь часть стенок и пода. Вокруг печи были найдены куски истлевшего дерева, которые на глубине 2.2 м лежали сплошным слоем. В этом слое найдены обломки керамики, орнаментированной по поверхности светло- и темно-коричневой краской, куски большой глиняной амфоры и обломки трех раздавленных сосудов. На дне раскопа была обнаружена четырехугольная яма 1.4×0.9 м, глубиной 1.6 м, в углах которой стояли четыре сосновых столбика. В. Хвойка относил жилище к «великокняжескому времени».[2]

Плохо сохранившиеся остатки жилища были открыты на участке раскопа VIII. На глубине 1.8 м здесь обнаружена глинобитная печь, около которой лежали остатки стенки из сосновых бревен.[3]

Остатки печей были обнаружены и на других участках усадьбы Петровского.

В раскопе I обнаружена глинобитная сводчатая печь, имевшая 0.95 м в ширину, 0.8 м в высоту, при толщине стенок 0.2 м (по дневнику — печь № 1). В качестве основы пода печи служили камни и куски древних кирпичей. Камнями же были обложены и наружные стенки печи (?). В печи лежали в золе черепки глиняных сосудов, сделанных на гончарном круге, с орнаментом по венчику в виде запятых. Подле печи найдены два железных ножа, обрывки кожаной обуви и половина каменного жернова.[4]

В раскопе II, в слое, отнесенном исследователем к «древнеславянской эпохе», обнаружена «основа выложенной булыжником завалившейся печи шириной 1.5 м» (по дневнику — печь № 2). Печь не была исследована полностью.[5]

Судя по приведенным выше отчетным данным, раскопками 1907—1908 гг. в усадьбе Петровского были открыты остатки по крайней мере восьми жилищ, сохранившихся в весьма различной степени. Так как большая часть жилищ была раскопана, по-видимому, неполностью, план их и основные конструктивные особенности построек не были выяснены исследователем до конца. В своих

[1] Там же, стр. 26—27.
[2] Там же, стр. 29.
[3] Там же, стр. 30.
[4] Там же, стр. 6.
[5] Там же, стр. 9.

зарисовках В. В. Хвойка, как и в записях в дневнике, явно гипертрофирует роль деревянного каркаса глинобитных построек, вследствие чего искажается основной характер построек.

Несмотря на неясности в характеристике отдельных особенностей этих построек, не может быть сомнений, что все жилища, открытые в 1907—1908 гг. в усадьбе Петровского, принадлежали к типу полуземляночных построек, уже давно известных по материалам раскопок на других городищах X—XIII вв. Среднего Поднепровья, что справедливо отмечал сам исследователь. Раскопки 1907—1908 гг. впервые в истории археологического изучения Киева позволили поставить вопрос об архитектурном облике рядового массового жилища домонгольского Киева на реальную почву археологически документированных фактов. В этом была огромная заслуга В. Хвойки при всем несовершенстве археологической методики его раскопок.

Раскопки Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева, проводившиеся в 1908—1914 гг. в усадьбе Десятинной церкви и на участках, окружающих эту усадьбу, не дали новых материалов для характеристики массовых жилищ древнего Киева. Основной задачей раскопок 1908—1914 гг. было изучение развалин Десятинной церкви и участков, вплотную примыкающих к стенам храма; отсутствие на этой площади остатков жилищ вполне понятно.

Раскопки Д. В. Милеева в усадьбе митрополичьего дома (ныне Софийский заповедник) в основном тоже имели задачей раскрытие развалин каменного храма XI в. Однако в окружении храма были, по-видимому, обнаружены отдельные жилые и хозяйственные постройки. Из сообщения одной из киевских газет известно, что недалеко от древнего кладбища, открытого к северу и северо-востоку от развалин храма, были обнаружены «остатки древнего деревянного небольшого сооружения, в котором хорошо сохранилась овальной формы печь из кусков красного камня, похожего на шифер. Камни с внутренней и наружной стороны были обмазаны глиной, и затем печь эта была обожжена, получив достаточную крепость».[1]

В докладе об итогах раскопок сам Д. В. Милеев не упоминал об этом сооружении, однако на сводном чертеже раскопок у восточного края упомянутого выше кладбища показано квадратное в плане сооружение с овальной печью в углу (рис. 56).[2] Во всех четырех углах этой постройки находились круглые ямки от вертикально врытых столбов. Такая же ямка, несколько меньшего диаметра, расположена в середине северной стенки постройки; две ямки, еще меньшего диаметра, находятся у печи. Не может быть сомнений в том, что эта постройка представляет характерное для Среднего Поднепровья и, в частности, для Киева жилище полуземляночного типа. Единственной отличительной особенностью этого жилища является своеобразная конструкция печи, сложен-

[1] Раскопки в Киеве в 1909 г. ИАК, Прибавл. к вып. 32, СПб., 1909, стр. 122.

[2] Д. В. Милеев. Вновь открытая церковь XI века в Киеве и положение исследований в связи с новыми застройками города. Труды IV Съезда русских зодчих в С.-Петербурге, СПб., 1911, стр. 117.

ной, если доверять приведенной выше информации, из кусков красного камня, похожего на шифер, и обмазанной глиной. До недавнего времени считалось, что печи этого типа были всегда глинобитными, на деревянном каркасе. Однако нашими раскопками последних лет открыто несколько жилищ полуземляночного типа, в которых печь была сложена из брускового кирпича. Печи, сложенные из камня, в киевских жилищах неизвестны, но они широко распространены в городских жилищах Галицкой земли, в частности в жилищах Плеснеска и Галича (см. далее).

Выемка земли, сделанная для хозяйственных построек в той же усадьбе, дала возможность обнаружить три больших, квадратных в плане погреба, залегающих на глубине 3.5 м от поверхности земли. Стенки погребов представляли собой деревянные срубы, рубленные «в обло». Внутри срубы были заполнены обломками стекла и посуды XVII в. Исследователь отнес эти сооружения предположительно к XVII в.[1] Отсутствие документации раскопок не позволяет в настоящее время решить вопрос о дате и назначении этих сооружений. Поздняя дата, к которой склонялся сам исследователь, не представляется нам бесспорной.[2]

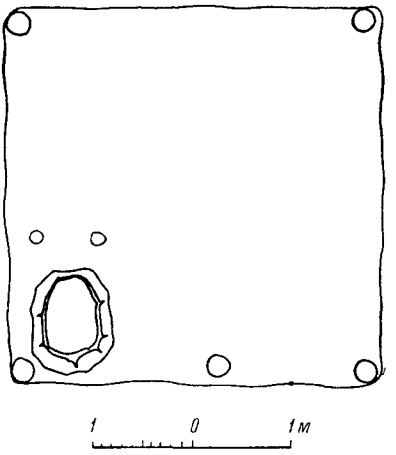


Рис. 56. План жилища в усадьбе митрополичьего дома. Раскопки 1909 г.

Раскопками В. В. Хвойки в деле изучения рядовых массовых жилищ древнего Киева были сделаны лишь первые шаги. Более широкое и более углубленное изучение их является заслугой советской археологии.

В 1930 г. раскопками Всеукраинского археологического комитета на горе Детинке, расположенной вне границ города Владимира и города Ярослава, были обнаружены остатки жилища, отнесенного исследователем к первой половине XII в.[3] Жилище представляло полуземляночного типа постройку, прямоугольную в плане (5×2—2.1 м), с несколько закругленными углами. Заполнение углубленной в материк нижней части полуземлянки достаточно выразительно выделялось среди светло-желтого материкового лёсса своим серым цветом.

По всей площади жилища были разбросаны многочисленные обломки глиняной посуды, костей животных, отдельные железные предметы, в результате коррозии утратившие почти полностью свою первоначальную форму. По утверждению исследователя, керамика, найденная в жилище, относится к XII в.

[1] Там же., стр. 118.

[2] Неизвестно, на основании каких материалов некоторые газеты второй половины 1909 г. относили эти сооружения к X или XI в. (ИАК, Прибавл. к вып. 34, 1910, стр. 171).

[3] В. Козловська. Розкопи р. 1930 у Києві на горі Дитинці. ХАМ, ч. 3, Київ 1931, стр. 49—52.

Кроме кухонной посуды, в жилище были найдены также обломки большой красноглиняной корчаги-амфоры и ушко от так называемой «амфорки киевского типа». На донцах некоторых сосудов имелись клейма, среди которых заслуживает внимания клеймо в виде «трезубца», без особых к тому оснований сопоставленное со знаком на монетах Святополка (начало XII в.). Многие из фрагментов керамики, найденных в жилище, были покрыты сажей и золой.

Юго-западной стороной жилище выходило к склону горы над Кожемякиным, в этой стене, по-видимому, был устроен вход, не прослеженный ввиду плохой сохранности этой части полуземлянки.

В северном углу жилища обнаружен завал угля и золы, в котором были расчищены остатки печи в виде кусков обожженной глины с отпечатками дерева. Тут же было найдено наибольшее количество костей животных, рыбья чешуя, обломки глиняной посуды. В развале печи обнаружена нижняя часть горшка, наполненного рыбьей чешуей.

В противоположном (по диагонали) углу жилища открыты остатки огнища, представлявшие слой черной земли с мелкими угольками. Развал огнища не был насыщен обломками костей и глиняной посуды, как развал печи, описанный выше. Здесь были найдены в небольшом количестве лишь мелкие обломки керамики и несколько кусков железного шлака. Назначение огнища в полуземлянке, где существовала, кроме того, печь, неясно. Так как возле огнища были найдены куски железного шлака, не лишено вероятия высказанное исследователем предположение о том, что это мог быть очаг для кузнечных работ.

В развалинах жилища не было следов пожара, столь характерных для большинства раскопанных в Киеве жилищ. Поскольку и состав находок не отличается обилием, закономерно предположение, что жилище, раскопанное на Детинке, не погибло в результате пожара, а было покинуто своими хозяевами, забравшими с собой все свое имущество.

С западной и северо-западной сторон жилища у его стен были обнаружены три погребения почти без вещей, отнесенные ко второй половине XII в. По-видимому, именно эта находка и давала основание для уточнения даты жилища в пределах первой половины XII в.

В 1933 г. раскопками на горе Киселевке были открыты новые, отлично сохранившиеся комплексы жилых и производственных построек XII в.[1] Раскопками на площади 150 м² были обнаружены три жилища-мастерские полуземляночного типа. Два из них размещались в непосредственной близости одно к другому и были соединены проходом.

Особого внимания заслуживают две полуземлянки с остатками ремесленного производства медных изделий. Они представляли собой вырытые в материковом лёссе прямоугольные выемки глубиной около 1 м (табл. XXXIV). Бóльшая или меньшая глубина стенок зависела от рельефа поверхности. По утверждению

[1] С. М а г у р а. Розкопи на горі Киселівці в Києві 1933 р. НЗІМК, кн. I, Київ, 1934, стр. 212.

исследователя, на лёссовых стенках полуземлянок сохранились хорошо заметные следы заступов, которыми копали углубленную часть постройки. Размеры полуземлянок различны: бóльшая имела стенки 4×3.5 м, меньшая — 3.5×3 м.

На полу была обнаружена целая система ямок разного размера от деревянных столбов, которые поддерживали перекрытия, а также от заостренных колков и досок. Во многих ямках сохранились остатки перегнившего дерева. В меньшей полуземлянке вдоль двух стенок находились, кроме того, две большие прямоугольные ямы с закругленными углами.

В обеих полуземлянках отлично сохранились глинобитные печи, расположенные в углу около задней стенки жилища. Печи имели полусферическую форму. Верхняя часть свода печей не сохранилась. Пóд обеих печей был сильно обожжен. В печи большей полуземлянки в результате высоких температур глиняная обмазка пода была местами остеклована.

Исследование пода печи большей полуземлянки позволило установить, что он состоит из двух слоев глиняной обмазки; верхний слой нанесен после того, как нижний был поврежден. При исследовании печей было установлено, что под глиняной обмазкой пода лежали обломки керамики, кирпичей и куски шлака, а в печи большей полуземлянки под верхним слоем обмазки, кроме того, лежали куски жернова и очень большой кусок меди. Перед печью в обеих полуземлянках были вырыты ямы диаметром 0.40—0.50 м.

Меньшая полуземлянка, как сказано выше, соединялась с третьей, смежной с ней полуземлянкой, в которой печи не было. В ней, судя по обилию отходов костяного производства, была мастерская изделий из кости.

Раскопками были обнаружены, кроме того, остатки еще одной полуземлянки с печью, к сожалению, полностью не доследованные, и большая печь, около которой были расположены ямы правильной формы размером 1.22×1.02 м, глубиной 0.8 м.

Раскопками Института археологии АН УССР в 1936—1937 гг. на территории усадьбы Художественной школы (бывш. усадьба Петровского),[1] т. е. в древнейшей части Киева, неподалеку от развалин Десятинной церкви и княжеских дворцов было обнаружено несколько жилищ-мастерских полуземляночного типа.[2] К сожалению, графическая документация этих раскопок, хотя и была шагом вперед по сравнению с документацией раскопок В. Хвойки, все же весьма далека от требований современной методики археологического исследования.

Хорошей сохранности жилище было открыто на участке III 1936 г. Оно расположено в западной части древнейшего Киевского городища, в непосредственной близости от вала городища. Темное пятно заполнения полуземлянки, ясно выделявшееся среди светло-желтого лёсса, было обнаружено на глубине

---

[1] В настоящее время указанная территория входит в усадьбу Киевского государственного исторического музея.

[2] Отчет о работах Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 22—27. Архив ИА АН УССР.

около 1.20 м. Нижняя часть полуземлянки вырыта в материковом лёссе на глубину 0.50—0.65 м. Размеры основной части ее 6×3.4 м.

В северной части полуземлянки находилась глинобитная печь (диаметр пода 1.05 м); тут же был и вход в жилище. Около печи прослеживались следы какого-то дополнительного помещения или сеней. Непосредственно возле печи, на север от нее, обнаружена большая яма, имевшая, по-видимому, хозяйственное назначение. Свод печи сохранился лишь частично, на высоту 0.15—0.20 м. Под глиняной обмазкой пода обнаружена забивка из плиточного кирпича (два целых и много битых), обломков глиняного горшка, украшенного по венчику линейным орнаментом и орнаментом в виде запятых, и обломков большой амфоры. Среди керамических фрагментов, лежавших под глиняной обмазкой пода, найдено донце с клеймом. Черепками была забита часть пода около устья печи, остальная площадь вымощена кирпичом (рис. 57). В печи найдены половинка энколпиона, шиферное пряслице, обломки стеклянных браслетов и т. п. Исследователь относил землянку к XII—XIII вв.[1]

Остатки нескольких полуземлянок были обнаружены и в северной части усадьбы Художественной школы. Бóльшая часть их сопровождалась хозяйственными ямами, составлявшими вместе с жилищами любопытный жилищно-хозяйственный комплекс.

Так, на участке Ш/8 раскопаны остатки прямоугольной в плане полуземлянки (3.10×2.76 м), вырытой в материковом лёссе. Пол находился на глубине 2.40 м от уровня современной поверхности. Вход в жилище был с западной стороны. Найдены остатки печи, у которой пóд находился на 0.62 м выше уровня пола. Сохранился обвалившийся глиняный свод печи.

Возле жилища найдено девять хозяйственных ям, вырытых в лёссе, диаметром от 0.5 до 1.75 м. В некоторых ямах дно было круглое, плоское, в других конусовидное. Глубина ям различна — 1.20—2.50 м от уровня современной поверхности.

Возле печи, на полу жилища найдены различные предметы XII—XIII вв. — фрагменты керамики, одна целая и одна разбитая на куски «амфорка киевского типа», шиферные пряслица, два целых и много обломков стеклянных браслетов, костяной гребень, обломки древнего плиточного кирпича, железный кованый «чеснок», литейная формочка, тигелек, стеклянные бусы, обломки тонкостенных стеклянных сосудов, крестики, проколки, перстень, глиняные светильники и т. п.

Полуземлянка представляла собой не только жилище, но и мастерскую ремесленника-ювелира, возле которой были найдены остатки литейного горна и многочисленные отбросы ювелирного производства: обломки тиглей, формочки, зола, шлаки и т. д.[2]

Сильно разрушенная полуземлянка с остатками большой печи была раскопана на участке II 1936 г., в юго-западной части усадьбы. Завалы глиняных

[1] Отчет о работах Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 22—23.

[2] Там же, стр. 24.

стен были обнаружены на глубине 0.6—1.0 м. Кроме обломков глины, найдено много обгорелых кусков дерева, очевидно остатки верхних, наземных частей жилища. Высказывалось предположение, что стены жилища были деревянными, но обмазанными глиной. Пол обнаружен на глубине 1.60—1.75 м от современной поверхности. Полуземлянка имела план в виде вытянутого прямоугольника (3.2×4.1 м). Сохранилась круглая в плане печь диаметром 1,2—1,3 м; устье печи обращено к востоку. Глиняная, сильно обожженная обмазка пода печи имела толщину 1—2 см; ниже лежала прослойка глины толщиной 2—3 см;

Рис. 57. Жилище в усадьбе Художественной школы. Забивка пода печи Раскопки 1936 г.

еще ниже под был забит обломками черепков глиняной посуды с линейным орнаментом по плечикам. Под обломками черепков лежал тонкий слой золы и песка (2—3 см). По наблюдениям исследователя, все черепки лежали внутренними стенками книзу. На некоторых донцах найдены клейма. Свод печи сохранился лишь местами, на высоту 0.10—0.12 м.

Возле печи в полу землянки находилась яма, заполненная золой. Прямоугольная яма (1.5×2 м) обнаружена также к востоку от печи (на глубине 2.5 м от современной поверхности). В засыпке ямы встречались обломки керамики XI—XIII вв.; на дне ее лежали два больших камня.

Опираясь на характер находок в раскопе и, в частности, находок в самой полуземлянке, исследователь склонялся к датировке ее XIII—XIV вв., полагая, что она служила жилищем ремесленника, изготовлявшего резные костяные

изделия — пуговицы, стрелы, проколки и пр. Действительно, возле жилища было найдено несколько сот обломков костей животных, частично обработанных, и готовые изделия из кости.[1]

Остатки небольшой полуземлянки XII—XIII вв. (7.5×3 м) были обнаружены также в раскопе А (угол Владимирской ул. и Андреевского спуска). К сожалению, эта постройка описана в дневнике раскопок и в отчете слишком кратко.[2]

В работах Киевской археологической экспедиции АН СССР и АН УССР, широко развернувшихся с 1938 г., изучению массового городского жилища уделялось одно из первых мест. Раскопками 1938, 1939, 1946, 1948 и 1949 гг. на различных участках города было открыто значительное количество жилищ-мастерских. Всесторонне исследованные и тщательно зафиксированные, эти вновь открытые памятники позволили глубже и увереннее решить основные вопросы реконструкции древнего облика массовых жилищ горожан домонгольского Киева.

Наиболее целостный комплекс жилых и хозяйственных построек XII—XIII вв. был раскрыт в 1938 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря. Территория Михайловского Златоверхого монастыря не раз была местом разнообразных случайных находок и старых раскопок. В монастырской усадьбе и в ее ближайших окрестностях было найдено с 1787 по 1949 г. двенадцать кладов домонгольской поры. Разнообразные памятники древнего ювелирного искусства из михайловских кладов составляют немалую часть среди находок этого рода в Киеве.

Еще в первой половине XIX в. на монастырской территории были обнаружены развалины двух древних храмов, вопрос об атрибуции которых остается до настоящего времени в известной мере дискуссионным.

В связи с постройкой на бывшей монастырской территории зданий Правительственного центра здесь еще в 1937 г. Институтом археологии АН УССР были проведены небольшие по площади разведки, позволившие в 1938 г. организовать систематические раскопки широкой площадью.

Раскопки были развернуты на участке к северо-востоку от Трапезной церкви монастыря, где размещался лесосклад строительства. Площадь этого участка по краям была занята штабелями бревен, между которыми оставалась свободная полоса шириной 10—16 м и длиной 60 м, доступная для раскопок. В 1938 г. удалось провести раскопки на площади около 400 м².

Здесь на глубине от 1 до 3 м была раскрыта хорошо сохранившаяся группа жилищ (рис. 58).[3]

Уже на глубине 0.25—0.30 м на всей площади раскопок в поздних, по основному составу, слоях попадались в большом количестве фрагменты стеклян-

[1] Отчет о работах Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 25—26.

[2] Там же, стр. 26.

[3] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947 гг.). Киев, 1950, стр. 8—44.

ных браслетов XII—XIII вв. и керамика того же периода. Количество этих находок увеличивалось по мере углубления раскопок. На глубине около 1.00 м на одних участках и на глубине от 2.00 до 2.50 м на других залегали слои, насыщенные уже исключительно древними находками. Слои эти лежали непосредственно на материковом лёссе, зачистка которого выявляла темные гумусные пятна старых ям канав и полуземлянок. Характер стратиграфии участка заставлял тщательно разбирать уже самые верхние слои, которые дали очень большое количество находок XII—XIII вв. Особо тщательной разборке подвергались гумусированные слои, лежавшие непосредственно на лёссе, и тем более заполнение углубленной части полуземлянок и древних ям. Необходимо отметить, что на раскопанной территории почти отсутствовали находки, относящиеся к XIV—XVI вв. В верхних слоях изобиловали находки XVIII—начала XIX в. и в сравнительно незначительном количестве попадались различные изделия XVII в. Обстоятельство это позволило установить, что после татарского разгрома этот район, по-видимому, оставался долгое время почти незаселенным, что, конечно, и способствовало лучшей сохранности древних культурных слоев и, в частности, сооружений, находившихся уже

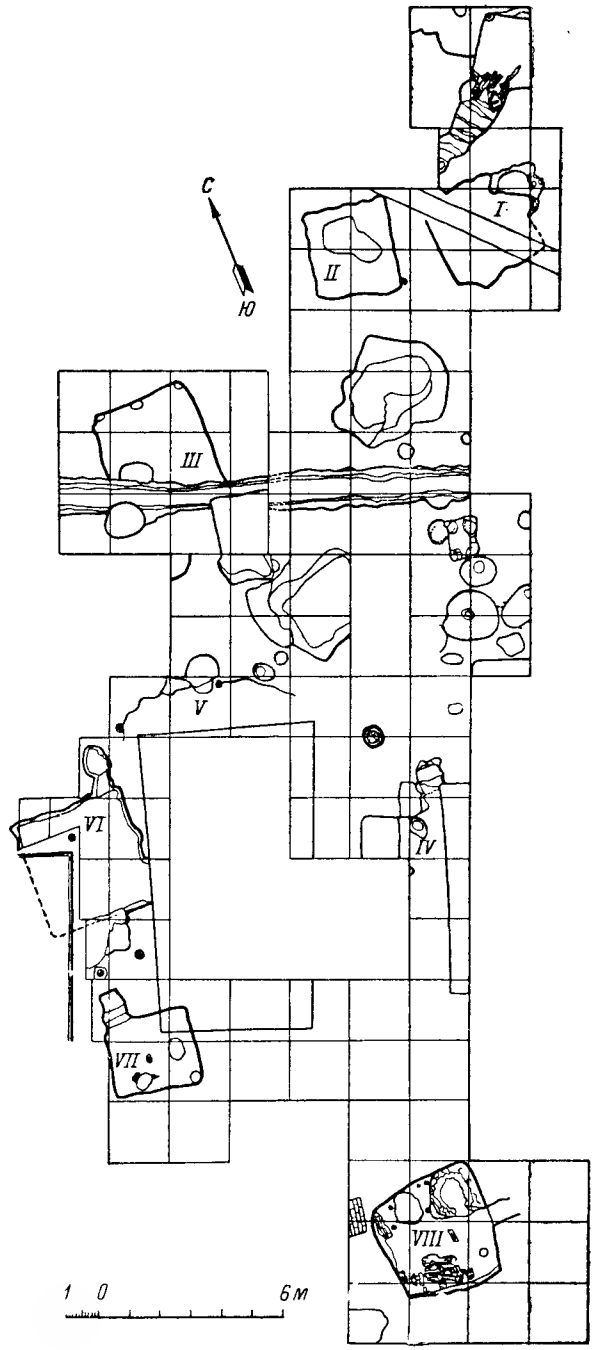


Рис. 58. План жилищ и хозяйственных сооружений. Усадьба Михайловского Златоверхого монастыря. Раскопки 1938 г.

под мощным пластом земли, когда в XVII—XIX вв. здесь вновь развернулась хозяйственная деятельность михайловских монахов.

В северной части раскопа была раскрыта вырубленная в лёссе лестница, которая вела в какое-то помещение, находившееся глубоко под землей (рис. 59). Лестница состояла из девяти ступенек, начинавшихся на глубине 1.07 м под уровнем современной поверхности и кончалась на глубине 3.10 м каким-то помещением, которое раскрыть полностью по техническим условиям было невозможно. На ступенях лестницы лежали деревянные части обрушившегося покрытия. На полу раскопанной части этого помещения было найдено много древней керамики (XII—XIII вв.), обломки стеклянных браслетов и некоторые другие бесспорно древние предметы. Но наряду с этим на той же глубине было найдено и значительное количество обломков керамики и стекла XVII—начала XVIII в. Попали ли эти поздние вещи в это подземное помещение после его обвала, или же они находились в нем тогда, когда оно еще функционировало, установить не удалось. Назначение и время возникновения этого подземного помещения осталось невыясненным.[1]

К югу от этого помещения было раскопано древнее жилище полуземляночного типа. Полуземлянка I сохранилась довольно плохо. Границы ее были с трудом прослежены по слабым остаткам обожженных стенок и по утрамбованному глиняному полу (рис. 59). Обожженные стенки этой полуземлянки сохранились далеко не везде и только на очень незначительную высоту. Лучше остальных сохранилась северная стенка, особенно в части, примыкающей к печке. Полуземлянка перерезана по диагонали поздней траншеей для прокладки водопроводной трубы. В северо-восточном углу хорошо сохранилась нижняя часть печи. Печь была устроена непосредственно на грунте. Пóд печи возвышался над уровнем пола всего на 0.25 м. Он состоял из нескольких сильно обожженных слоев глины, легко расчленявшихся. По-видимому, пóд неоднократно подмазывался. Под нижним слоем глиняной обмазки, непосредственно на материке, лежала битая глиняная посуда (слоем от 0.10 до 0.15 м). Фрагменты керамики, вынутые из-под обмазки пода, по характеру обжига, форме сосудов и орнаментации ближайшим образом напоминают керамику, найденную в жилищах и подле них.

Сохранившиеся in situ нижние части глинобитного свода печи, а также найденные в значительном количестве обломки обвалившейся части свода позволяют полностью восстановить не только форму печи, но и ее конструкцию. Внутри свод печи имел не ровную, а волнообразную желобчатую поверхность, покрытую как бы вертикальными каннелюрами (рис. 59). Эти же каннелюры попадались в большом количестве и на обломках свода, найденных подле печи. Тщательное изучение поверхности этих каннелюр позволило установить отпечатавшиеся на глине волокна дерева, а самая форма каннелюр явно указывала на то, что они получились от выгоревшего деревянного каркаса, с помощью

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 9.

которого была вылеплена печь. Каркас этот делался из прутьев, выгнутых в форме полусферы. По-видимому, внутренняя поверхность деревянного каркаса либо оставалась открытой, либо была обмазана тонким слоем глины, который вскоре обваливался, и деревянный каркас выгорал, отчего внутрен-

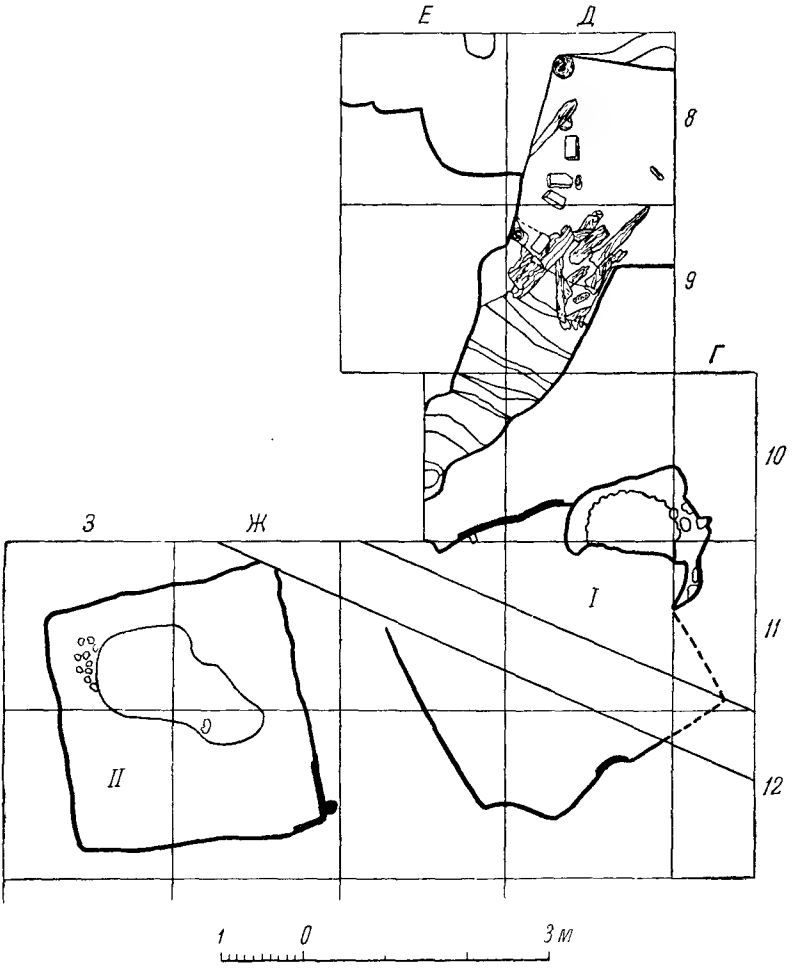


Рис. 59. План жилищ I и II и лестницы в подземное помещение. Раскопки 1938 г.

ность печи получала желобчатую каннелированную поверхность. На полу жилища и вокруг него найдены куски обгорелого дерева и много фрагментов керамики XII—XIII вв.[1]

Соседняя с только что описанным жилищем полуземлянка II сохранилась еще хуже. Очертания ее, однако, можно было проследить, так как темное пятно гумуса, заполнявшего углубление полуземлянки, явно выделялось среди мате-

[1] Там же, стр. 9—11.

под мощным пластом земли, когда в XVII—XIX вв. здесь вновь развернулась хозяйственная деятельность михайловских монахов.

В северной части раскопа была раскрыта вырубленная в лёссе лестница, которая вела в какое-то помещение, находившееся глубоко под землей (рис. 59). Лестница состояла из девяти ступенек, начинавшихся на глубине 1.07 м под уровнем современной поверхности и кончалась на глубине 3.10 м каким-то помещением, которое раскрыть полностью по техническим условиям было невозможно. На ступенях лестницы лежали деревянные части обрушившегося покрытия. На полу раскопанной части этого помещения было найдено много древней керамики (XII—XIII вв.), обломки стеклянных браслетов и некоторые другие бесспорно древние предметы. Но наряду с этим на той же глубине было найдено и значительное количество обломков керамики и стекла XVII—начала XVIII в. Попали ли эти поздние вещи в это подземное помещение после его обвала, или же они находились в нем тогда, когда оно еще функционировало, установить не удалось. Назначение и время возникновения этого подземного помещения осталось невыясненным.[1]

К югу от этого помещения было раскопано древнее жилище полуземляночного типа. Полуземлянка I сохранилась довольно плохо. Границы ее были с трудом прослежены по слабым остаткам обожженных стенок и по утрамбованному глиняному полу (рис. 59). Обожженные стенки этой полуземлянки сохранились далеко не везде и только на очень незначительную высоту. Лучше остальных сохранилась северная стенка, особенно в части, примыкающей к печке. Полуземлянка перерезана по диагонали поздней траншеей для прокладки водопроводной трубы. В северо-восточном углу хорошо сохранилась нижняя часть печи. Печь была устроена непосредственно на грунте. Пóд печи возвышался над уровнем пола всего на 0.25 м. Он состоял из нескольких сильно обожженных слоев глины, легко расчленявшихся. По-видимому, пóд неоднократно подмазывался. Под нижним слоем глиняной обмазки, непосредственно на материке, лежала битая глиняная посуда (слоем от 0.10 до 0.15 м). Фрагменты керамики, вынутые из-под обмазки пода, по характеру обжига, форме сосудов и орнаментации ближайшим образом напоминают керамику, найденную в жилищах и подле них.

Сохранившиеся in situ нижние части глинобитного свода печи, а также найденные в значительном количестве обломки обвалившейся части свода позволяют полностью восстановить не только форму печи, но и ее конструкцию. Внутри свод печи имел не ровную, а волнообразную желобчатую поверхность, покрытую как бы вертикальными каннелюрами (рис. 59). Эти же каннелюры попадались в большом количестве и на обломках свода, найденных подле печи. Тщательное изучение поверхности этих каннелюр позволило установить отпечатавшиеся на глине волокна дерева, а самая форма каннелюр явно указывала на то, что они получились от выгоревшего деревянного каркаса, с помощью

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 9.

которого была вылеплена печь. Каркас этот делался из прутьев, выгнутых в форме полусферы. По-видимому, внутренняя поверхность деревянного каркаса либо оставалась открытой, либо была обмазана тонким слоем глины, который вскоре обваливался, и деревянный каркас выгорал, отчего внутрен-

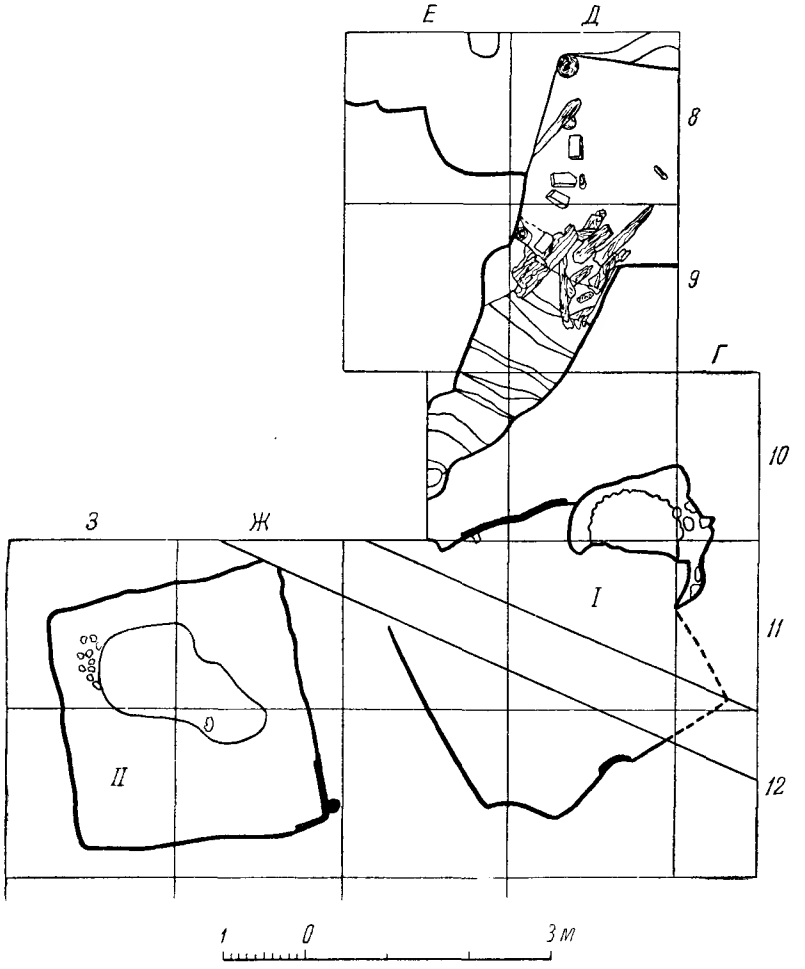


Рис. 59. План жилищ I и II и лестницы в подземное помещение. Раскопки 1938 г.

ность печи получала желобчатую каннелированную поверхность. На полу жилища и вокруг него найдены куски обгорелого дерева и много фрагментов керамики XII—XIII вв.[1]

Соседняя с только что описанным жилищем полуземлянка II сохранилась еще хуже. Очертания ее, однако, можно было проследить, так как темное пятно гумуса, заполнявшего углубление полуземлянки, явно выделялось среди мате-

[1] Там же, стр. 9—11.

рикового светло-желтого лёсса. Местами, по границам этого пятна, можно было проследить и куски обожженных степок, редко in situ, чаще в обвале. У юго-восточного угла полуземлянки были обнаружены следы вертикально врытого деревянного столба (рис. 59).

В северо-западном углу была глиняная печь. От нее сохранились только беспорядочно лежавшие обломки обожженной глины. Утрамбованный и обожженный пол, хорошо сохранившийся в средней части жилища (перед печью), был очень твердым, напоминая пóд печи. Глубина полуземлянки II очень невелика, пол ее всего лишь на 0.10—0.15 м ниже уровня окружающей поверхности. Нет никаких сомнений, что первоначальная глубина ее была значительно большей. На полу были найдены лишь небольшие фрагменты керамики, кости и обгорелые куски дерева.[1]

К югу от полуземлянки II была раскопана большая, неправильной формы яма естественного происхождения, глубина которой достигала 2.25 м ниже уровня современной поверхности и 1.25 м ниже уровня материка (рис. 60). Яма эта в XII—XIII вв. служила, по-видимому, местом для свалки отбросов, о чем свидетельствует огромное количество обломков древней керамики и еще большее количество битых костей, найденных на различных уровнях, вплоть до самого дна ямы. Поздних вещей в нижних слоях ямы не обнаружено.

Немного южнее ямы поперек всей раскопанной площади проходит канава, вырытая в материке, глубиной около 0.50 м (рис. 60). Судя по инвентарю, найденному в заполнявшем канаву гумусном слое, это безусловно древняя канава, современная жилищам. На разных уровнях в канаве были обнаружены фрагменты стеклянных браслетов, обломки древней глиняной посуды, кости и незначительное количество обломков железных предметов. Канава эта продолжается в обе стороны за пределы раскопанной площади.[2]

К западу от древней мусорной ямы уже разведкой 1937 г. было раскрыто еще одно жилище. Полуземлянка III представляет прямоугольное углубление, вырытое в материке (рис. 60). Стенки и пол обмазаны глиной и обожжены докрасна. Стенки сохранились на высоту от 0.30 до 0.45 м. Пол обнаружен на глубине 1.45 м от уровня современной поверхности. Длина северной стенки 3.40 м. Такую же длину имела, по-видимому, и разрушенная южная стенка. Длина восточной и западной стенок не может быть точно установлена ввиду плохой сохранности южной части жилища. Канава, обнаруженная на площади раскопа 1938 г., проходит и через всю площадь разведки 1937 г., перерезая жилище, вследствие чего южная стенка его оказалась разрушенной. Эта же канава разрушила частично и печь, находившуюся в юго-западном углу жилища. От печи сохранился лишь частично пóд, возвышавшийся над уровнем пола на 0.25 м. Около печи находились обломки глиняного свода. Размер сохранившейся части пода 1.20×0.75 м. Пóд печи, по-видимому, неоднократно подмазывался,

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 12.

[2] Там же.

ибо обожженная глина пода легко расслаивалась. Внутри жилища найдено большое количество обгорелого дерева и угля от его сгоревших деревянных частей.

Вдоль северной стенки жилища были обнаружены три ямки небольшого диаметра. Две ямки находились по углам, третья в середине стены. В этих ямках сохранились незначительные остатки от трех вертикальных столбов, на которые

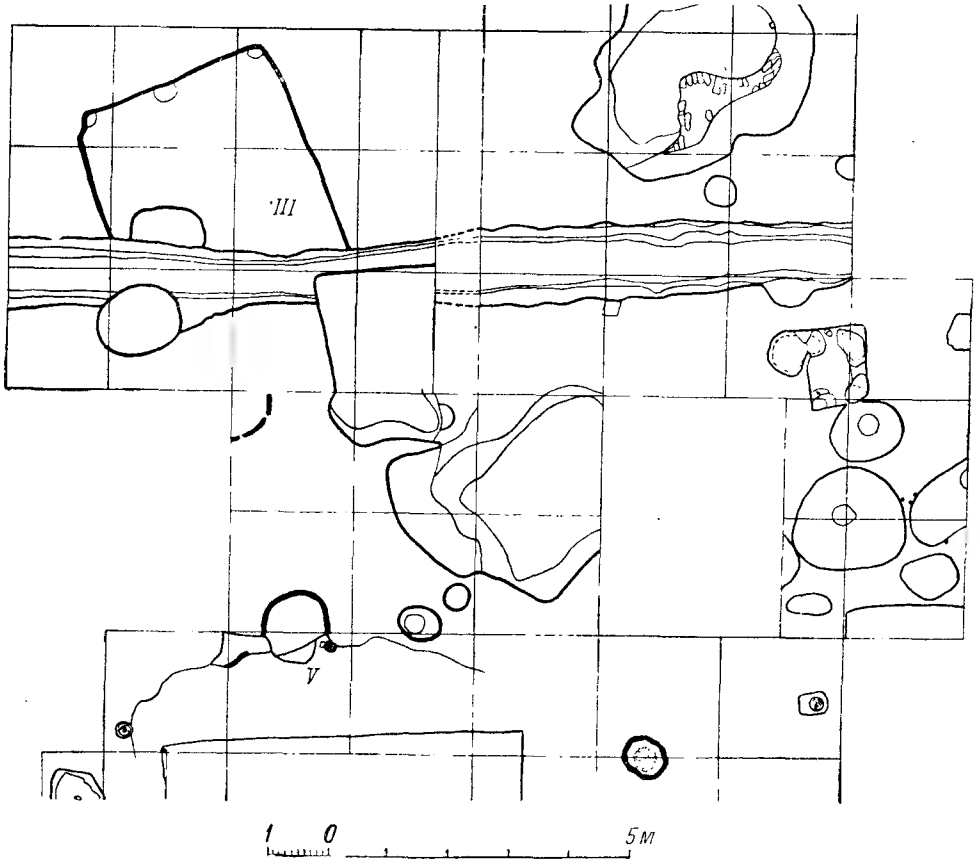


Рис. 60. План жилищ III—V и хозяйственных ям. Раскопки 1938 г.

опиралась кровля. Вход, очевидно, был с южной стороны. Никаких следов от него не сохранилось ввиду разрушенности этой части жилища. В заполнении углубленной части полуземлянки и особенно на полу ее было обнаружено большое количество фрагментов керамики, среди которых, помимо обычной кухонной посуды, много обломков красноглиняных амфор. Кроме керамики, в жилище и около него обнаружены обломки стеклянных браслетов, железные замки, ножи и в большом количестве кости различных домашних животных, рыбья чешуя и кости, зола и угли. Подле жилища была найдена византийская медная монета Алексея Комнина (1081—1117). У юго-западного угла жилища была

обнаружена круглая яма полусферической формы с необожженными стенками. Диаметр ямы 1.45 м, глубина 1.40 м, диаметр дна 1.25 м. Яма, по-видимому, была связана с жилищем, ибо она вплотную примыкала к его углу или даже находилась частично на его площади. Канава, разрушившая южную стенку жилища, перерезала северную половину ямы.[1]

К юго-восточному углу полуземлянки III почти вплотную примыкает большая прямоугольная яма, наполненная исключительно древним материалом. Яма эта перерезает канаву, о которой была речь выше. С юго-востока в свою очередь к ней примыкает глубокая яма естественного происхождения. Нижние слои заполнения ямы дали огромное количество обломков древнего кирпича, керамики и костей. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то, что и прямоугольная яма и канава прорезают, т. е., другими словами, разрушают полуземлянку III, и яма и канава (особенно последняя) безусловно относятся к древней поре. Как разведкой 1937 г., так и раскопками 1938 г. было установлено, что заполнение канавы ни в коем случае не позволяет датировать ее позже XIII в.[2]

Восточная часть ямы не была раскопана, так как на этом участке находилось дерево, рубка которого не была разрешена. К востоку от него раскрыт чрезвычайно любопытный комплекс хозяйственных ям, состоявший из двенадцати хранилищ различного размера и формы. В 1948 г. на примыкающем участке дополнительными раскопками было вскрыто еще пять ям. Все ямы вырыты в материковом лёссе и были заполнены жирным гумусом с большим количеством находок (рис. 60).

Глубина ям от 18 до 60 см. Большая часть ям имеет полусферическую форму и лишь одна прямоугольная. В гумусе, заполнявшем эту яму, много перегнившей древесины и угля. На дне зерно и яичная скорлупа. На стенках сохранились следы бересты, которой, по-видимому, была обложена яма. В этой же яме, во всех четырех углах ее, были найдены углубления от столбиков, один из которых сохранился. Как отмечено выше, в яме найдено много древесины и угля — вероятно, она была покрыта деревянным навесом, укрепленным на четырех столбиках. Навес этот, судя по обилию угля, сгорел.

В заполнении и особенно на дне ям обнаружены фрагменты керамики с линейным орнаментом и куски амфор, кости животных, обгорелое зерно, яичная скорлупа, уголь, береста.

Вблизи от двух ям найдено свыше 50 обломков стеклянных браслетов, 6 целых браслетов и обломки стеклянных перстней, а также тигелек с остатками стеклянной массы на внутренней поверхности стенок.[3]

К югу от комплекса ям были обнаружены незначительные остатки полуземлянки IV. От нее остались лишь части обожженной стенки и отличной сохран-

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 12—13.

[2] Там же, стр. 13.

[3] Дневник Киевской археологической экспедиции 1948 г., № 1, стр. 34. Архив ИИМК АН СССР.

ности ступени, вырезанные в лёссе, обмазанные глиной и обожженные докрасна (рис. 61). Остальная площадь полуземлянки разрушена поздними ямами. К северо-западу от полуземлянки IV обнаружена прекрасно сохранившаяся круглая яма с хорошо обожженными глиняными стенками; на дне остатки муки.[1]

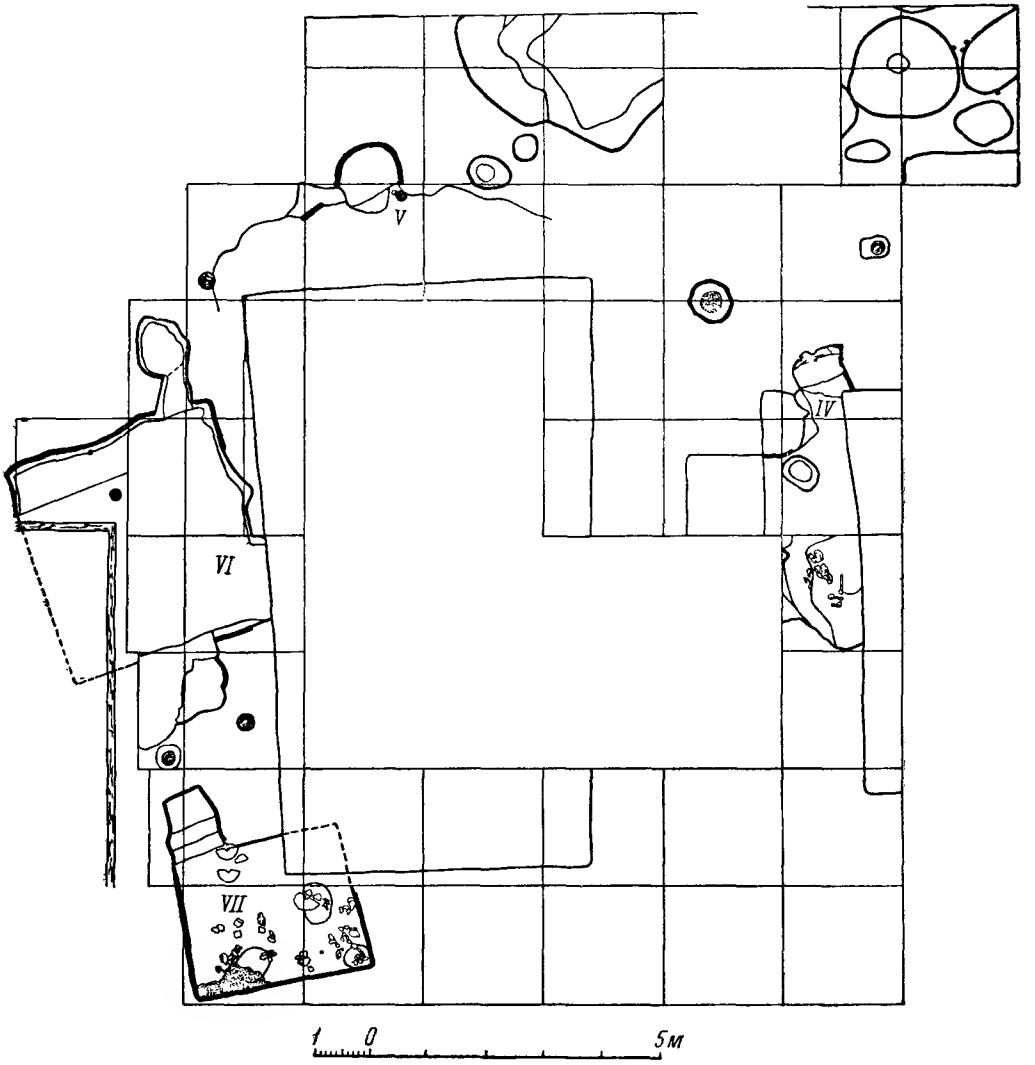


Рис. 61. План жилищ IV—VII и хозяйственных ям. Раскопки 1938 г.

К западу от полуземлянки IV находится огромная поздняя яма, прорезавшая не только культурные слои, но и глубоко врезавшаяся в материк. Яма эта полностью уничтожила большую площадь в центре исследованного участка.

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 14.

К северу от северной стенки этой ямы были обнаружены очень плохо сохранившиеся остатки еще одного жилища. От этой полуземлянки V, как и от полуземлянки IV, сохранились вырубленные в лёссе ступени, обмазанные глиной и обожженные, и незначительная часть северной стенки (рис. 61). На линии стенки полуземлянки обнаружены два вертикальных столба, один из которых был вкопан у самой лестницы. Возле полуземлянки V находились две небольшие ямы, одна из которых имела круглую, другая овальную форму.[1]

К юго-западу от полуземлянки V, к западу от поздней ямы, была раскопана полуземлянка VI. Это самая большая постройка из числа раскопанных в 1938 г. (рис. 61). К сожалению, она не могла быть вскрыта полностью, так как юго-западная часть ее уходила под деревянное здание склада строительства. Тем не менее раскопанная бо́льшая часть полуземлянки позволяла восстановить ее план почти полностью.

Северная стенка полуземлянки VI, обмазанная обожженной глиной, сохранилась лучше всех остальных. Высота ее до 0.73 м, длина 3.70 м. Вдоль этой стенки лежал кусок обгорелого бревна длиной 0.63 м. Восточная, тоже обожженная стенка полуземлянки сохранилась на расстоянии 1.00 м от северо-восточного угла. Дальше стенка разрушена и прослеживается только по границе, отделяющей гумусное заполнение углубленной части полуземлянки от материка. Западная, тоже обожженная стенка прослежена на 0.80 м от северо-западного угла полуземлянки. Дальше проследить ее было невозможно, так как она уходила под здание. Южная стенка была прослежена в юго-восточном углу на протяжении около 0.80 м. Она сохранилась на высоту до 0.65 м. К северу от северной стенки (в северо-восточном углу) к полуземлянке примыкает продолговатое углубление, расширяющееся и несколько углубляющееся в северном конце. Длина этого углубления 0.60 м, ширина 0.55 м, глубина 0.20 м; диаметр расширяющейся части 0.90 м, глубина ее 0.30 м. По-видимому, это какое-то приспособление для хозяйственных надобностей.

Пол был утоптан и обожжен. В углубленной части полуземлянки найдено большое количество обломков обожженного дерева, угля и кусков обожженной глины. Слой в 0.10—0.15 м, состоявший исключительно из кусков обожженной глины, лежал на полу сплошной массой. На полу же было найдено несколько фрагментов керамики, фрагменты перержавевших железных предметов. Состав находок крайне беден. Так как стены полуземлянки сохранились достаточно хорошо, незначительность находок в ней говорит, по-видимому, о каком-то ином по сравнению с другими раскопанными здесь же полуземлянками ее назначении. Об этом же свидетельствуют и ее необычные размеры.

У южной стенки полуземлянки была обнаружена ступенька вырубленной в лёссе лестницы. Найденные к югу от южной стенки два деревянных полусгнивших столбика (диаметр одного 0.20 м, другого 0.30 м), по-видимому, относятся к отлично сохранившемуся входу в соседнюю полуземлянку. Но не исключено,

---

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 14.

что эти столбы являются остатками крытого перехода, соединявшего обе постройки.[1]

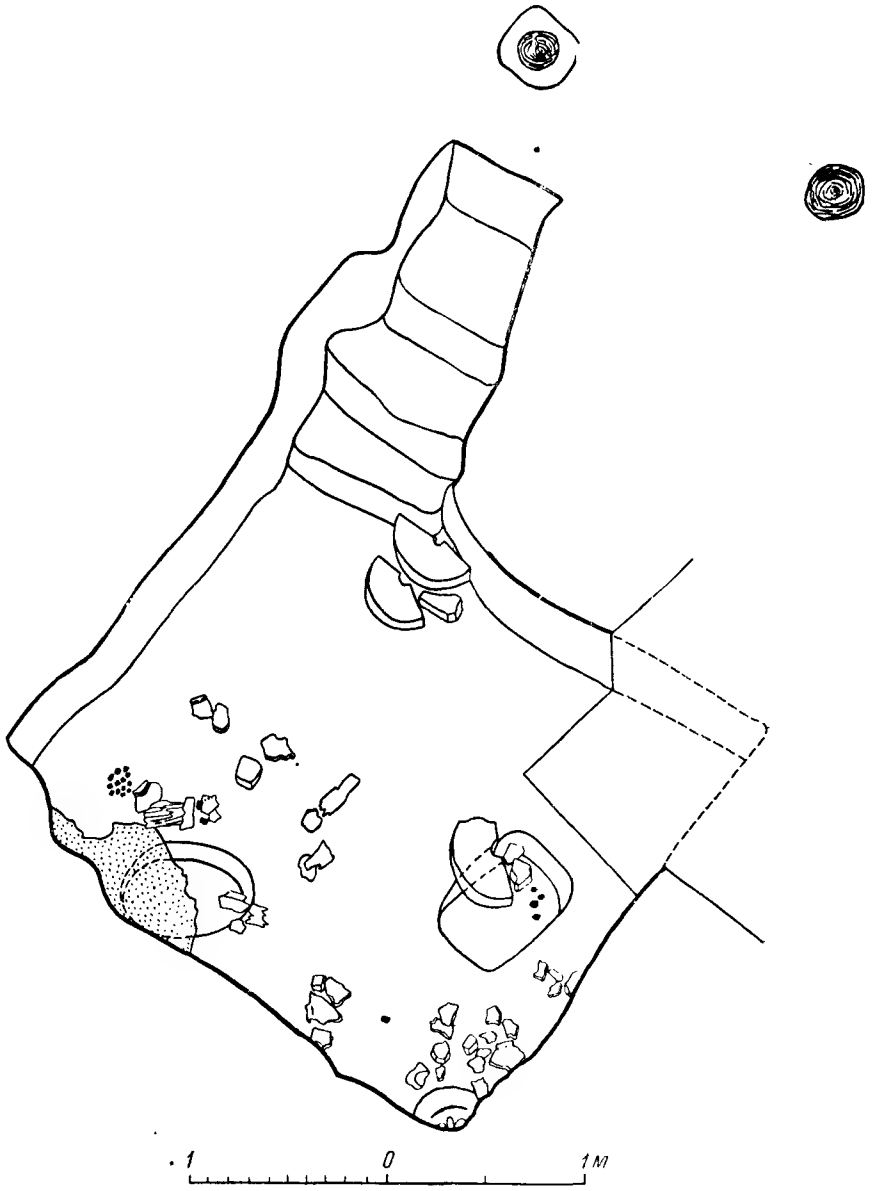


Рис. 62. Жилище VII. Аксонометрия. Раскопки 1938 г.

Полуземлянка VII, раскопанная в непосредственном соседстве с полуземлянкой VI, является одной из лучших по сохранности, несмотря на то, что северо-

[1] Там же, стр. 14—15.

восточный угол ее уничтожен поздней ямой (рис. 61). Сохранившиеся части стенок обнаружены на глубине 2.10 м от уровня современной поверхности. Обожженные стенки хорошо сохранились на высоту от 0.60 до 0.30 м (рис. 62). Длина северной и южной стенок 2.90 м, восточной и западной 2.45 м. Восточная часть северной стенки и северная часть восточной стенки уничтожены поздней ямой. Пол, хорошо утрамбованный и обожженный, находился на глубине 2.70 м. К северо-западному углу полуземлянки примыкает отлично сохранившаяся лестница, состоящая из трех ступенек шириной около 0.80 м, вырубленных в материковом грунте, обмазанных глиной и обожженных (рис. 63). Длина лестницы 1.15 м. О двух столбах, связанных с входом в полуземлянку, уже была речь выше.

Среди обломков обожженной глины, найденных в заполнении углубленной части полуземлянки, большой интерес представляют куски глины с отпечатками деревянных жердей внутри куска, свидетельствующие о применении деревянных частей в качестве конструктивной основы глинобитных стенок постройки. Кроме того, были найдены куски глины с желобками — каннелюрами, подобные тем, которые отмечены выше, при описании глинобитной печи в полуземлянке I. В описываемой полуземлянке нет печи, но не исключено, что она находилась в разрушенном северо-восточном углу постройки и обнаруженные обломки глиняной обмазки с желобками происходят из этой печи. Инвентарь, найденный в заполнении углубленной части полуземлянки, состоит из обломков керамики, среди которых есть несколько фрагментов поливной посуды и амфор, бесформенных кусков окисливших и подвергшихся действию сильного огня железных предметов, нескольких ручных каменных жерновов, костей животных и фрагментов костяных пластинок с круглыми отверстиями.

Особый интерес представляют обнаруженные на полу многочисленные обрезки и заготовки каких-то маленьких медных изделий и небольшое количество готовых изделий, по-видимому, украшений конской сбруи и отчасти поясных бляшек. Число этих заготовок и обрезков настолько значительно, что заставляет предположить наличие в полуземлянке VII какого-то ремесленного производства, связанного с обработкой меди.

В юго-западном углу полуземлянки была обнаружена куча обгорелой пшеницы, в другом месте найдена перегорелая мука.

В полу вырыты три ямы. Первая яма, близ южной стенки, в 0.80 м от юго-западного угла, имеет правильную овальную форму. В яме найдено несколько фрагментов толстостенного большого сосуда и значительное количество обгорелого зерна, которое, по-видимому, хранилось в этом сосуде, стоявшем в яме. В этой же яме несколько глубже было найдено большое количество деформированных железных и медных предметов, фрагменты стеклянных тонкостенных сосудов, обломки глиняной посуды и слиток олова, похожий по форме на монетную гривну киевского типа.

Вторая яма находится в юго-восточном углу. В ней и около нее также были найдены обломки большого толстостенного сосуда. Тут же лежали обломки

железных предметов, куски тонких медных пластинок и несколько фрагментов амфорной керамики.

Третья яма находится около восточной стенки полуземлянки. В яме обнаружены медный эпколпион, большое количество медных обрезков, деформированные железные предметы, гвозди, фрагменты керамики, обгорелое зерно и мука. Во всех трех ямах много горелого дерева.

Возле полуземлянки были обнаружены обломки жернова, железная стрела, фрагменты стеклянных браслетов и сосудов, стеклянные бусы и значительное количество обломков керамики, в частности древней поливной.

Рис. 63. Жилище VII. Лестница, у нижней ступеньки — два обломка жернова. Раскопки 1938 г.

Большое количество медных обрезков, заготовок и готовых изделий, найденных в полуземлянке VII, позволяют видеть в ней, как уже сказано выше, мастерскую по обработке меди. Однако обильные находки керамики, зерна, муки, жерновов, стеклянной посуды и прочих хозяйственных предметов дают основание считать полуземлянку VII не только мастерской, но и жилищем. Единственным возражением против этого является отсутствие печи. Однако, как отмечалось выше, находки обломков обожженной глины с желобками позволяют предположить, что печь располагалась в уничтоженном поздней ямой северо-восточном углу постройки.[1]

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 15—19.

В южном конце раскопа было обнаружено последнее жилище, представляющее памятник совершенно исключительного научного значения (табл. XXXV).[1] Можно без преувеличения сказать, что по степени сохранности самой постройки, а особенно по количеству и сохранности инвентаря, найденного в ней, полуземлянка VIII представляет памятник, превосходящий все, что было известно до сих пор в области археологии древнерусского жилища. Как и все описанные выше жилища, полуземлянка VIII вырыта в лёссе, стенки ее обмазаны глиной и докрасна обожжены. Материковый лёсс, в котором вырыта углубленная часть полуземлянки, был перекрыт мощным культурным слоем. Первые признаки постройки были обнаружены на глубине 1.30—1.35 м. На этой глубине показались разрушенные стенки из обожженной глины, куски обгорелого дерева, обломки костей животных и птиц, фрагменты керамики, куски ручных жерновов и пр. Границы полуземлянки хорошо прослеживались благодаря красноватой полоске обожженных стенок, внутри которых лежал гумусированный слой с большим количеством обожженного дерева, угля, золы, обломков глиняных стенок постройки и многочисленным инвентарем. За пределами полуземлянки — плотный материковый лёсс.

Высота сохранившихся стенок колеблется от 0.80 м до 0.20—0.25 м (рис. 64). Толщина глиняной обмазки 0.08—0.10 м. Длина северной и южной стенок 3.20 м, западной 3.00 м, восточной 3.70 м. В восточной стенке, на расстоянии 1.35 м от юго-восточного угла, прослежены следы входа. Ступеньки лестницы не сохранились, но углубление в материке за восточной стенкой свидетельствует несомненно о существовании здесь спуска в полуземлянку. Пол, хорошо утрамбованный и обожженный, был обнаружен на глубине 2.00 м от современной поверхности. Глиняная обмазка пола неоднократно подновлялась, слои плотно утрамбованной и обожженной глины легко расчленялись при снятии. Заполнение углубленной части постройки представляло обвал верхних (наземных) частей полуземлянки, состоявший из кусков обожженной глины и обуглившегося дерева, под которым сохранился полностью весь инвентарь, находившийся в жилище в момент его гибели.

В северо-восточном углу жилища прекрасно сохранилась глиняная печь, сделанная на небольшом возвышении, поднятом над уровнем пола на 0.20 м. Это возвышение представляет площадку из материкового лёсса, оставленную при устройстве нижней части полуземлянки, на которой лежит слой битой глиняной посуды, покрытый сверху глиняной обмазкой, неоднократно подновлявшейся. Эта конструкция пода печи, описанная выше в полуземлянке I, была широко распространенным явлением в киевских жилищах XI—XIII вв. Как отмечалось выше, в некоторых случаях битая глиняная посуда заменялась битыми, а иногда и целыми кирпичами или камнями.

---

[1] М. К. Каргер. 1) Землянка-мастерская киевского художника XIII в. КСИИМК, XI, М.—Л., 1945, стр. 5—15; 2) Археологические исследования древнего Киева, стр. 19—35.

Площадка, на которой поставлена печь, немного больше самой печи, края ее выступают на несколько сантиметров. Свод печи, имеющий полусферическую форму, сделан из глины на деревянном каркасе, следы которого сохранились

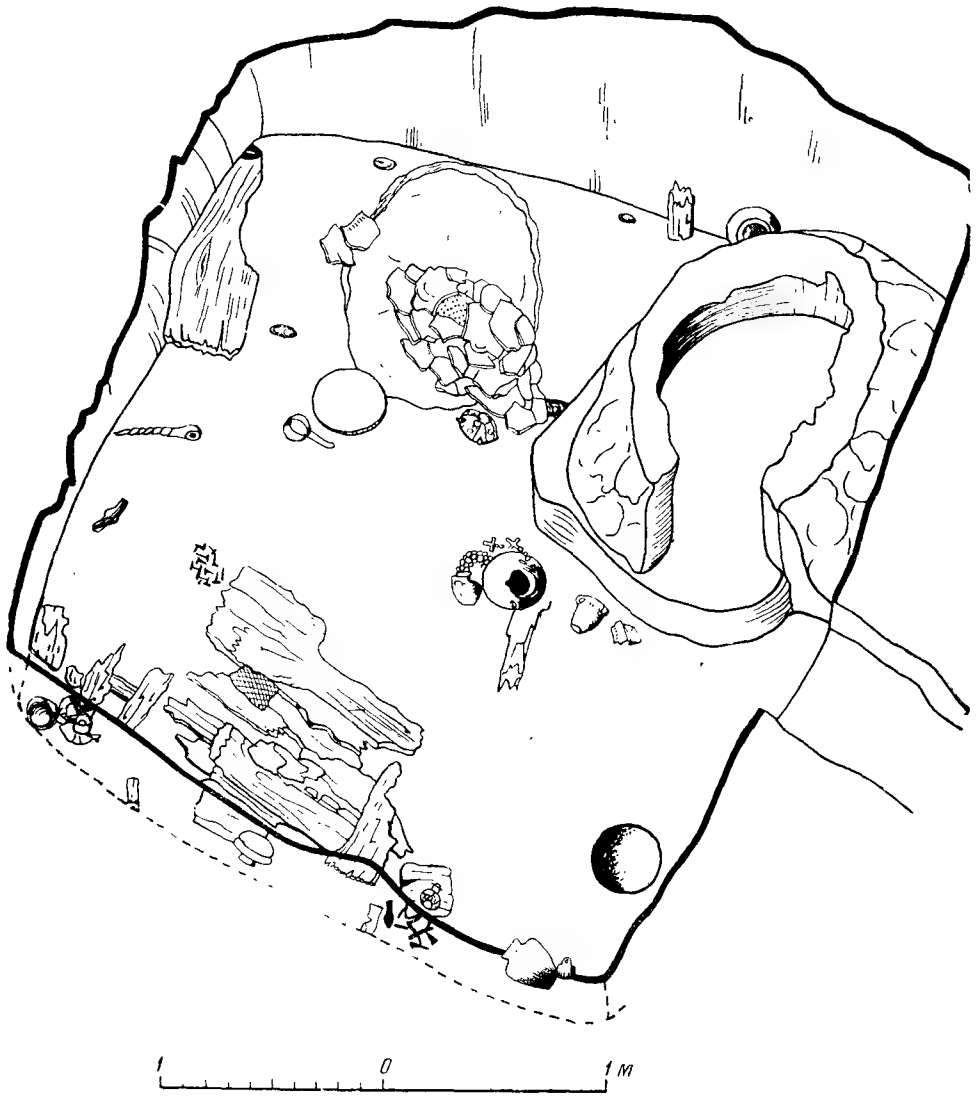


Рис. 64. «Жилище художника». Аксонометрия. Раскопки 1938 г.

внутри печи в виде вертикальных желобков-каннелюр (см. выше описание печи в полуземлянке I). Верхняя часть свода обвалилась, ввиду чего невозможно установить конструкцию дымохода. Нельзя установить даже, представлял ли этот дымоход просто отверстие в своде, через которое дым выходил в жилище (топка по черному), или же над отверстием печи устраивалась деревянная,

обмазанная глиной труба, выводившая дым наружу. Необходимо отметить, что печь чрезвычайно велика, особенно если принять во внимание небольшие размеры самого жилища. Размеры печи (по поду): длина 1.50 м, ширина 1.17 м, толщина стенок свода 0.15—0.17 м, высота сохранившихся частей свода 0.35—0.40 м, ширина устья печи (по поду) 0.55 м, кверху челюсть печи суживается. Внутри печи были найдены обгорелые кости животных и птиц, куски обгорелого хлеба и два фрагмента стеклянного браслета.

К западу от печи на полу жилища были обнаружены четыре неглубоких ямки небольшого диаметра, внутри которых при зачистке найдены истлевшие остатки деревянных столбиков. По-видимому, это остатки от ножек стола. Нижняя часть еще одного столбика, несколько большего диаметра, была обнаружена в углу между печью и столом; назначение его, по-видимому, связано с печью.

Внутри жилища найдено огромное количество разнообразных предметов, наиболее существенные из которых показаны на плане (рис. 64).

Предметы, обнаруженные в жилище, можно разделить на две группы, в первую из которых входит разнообразный бытовой инвентарь, принадлежавший владельцам жилища, во вторую — орудия производства, сырье, полуфабрикаты и готовые изделия, характеризующие полуземлянку VIII не только как жилище, но и как ремесленную мастерскую.

В первой группе предметов интерес вызывает прежде всего керамика. Если фрагменты глиняной посуды в раскопках древнерусских городов представляют наиболее обильный материал и число их измеряется в более или менее крупных раскопках не только тысячами, но часто десятками тысяч экземпляров, то целые экземпляры глиняной посуды являются единичными памятниками. Тем более ценен тот исключительный набор глиняной посуды, который был обнаружен в полуземлянке VIII.

Между четырьмя ножками стола был обнаружен раздавленный толстостенный широкогорлый сосуд, который удалось полностью восстановить. Сосуд этот, высотой в 0.62 м, с диаметром горла 0.20 м, содержал внутри более пуда обгорелой пшеницы. Он стоял в углублении неправильной формы, диаметром около 1.00 м, глубиной ниже уровня пола 0.20 м. Отверстие сосуда было прикрыто плиточным кирпичом.

Остальная глиняная посуда, найденная в полуземлянке, представлена в основном кухонными горшками с невысоким, слабо отогнутым венчиком, с одним или двумя ушками. Орнамент сосудов чрезвычайно стабильных типов: линейный, в виде запятых, реже волнистый. Все сосуды сделаны на круге, хорошо обожжены, черепок в изломе обычно серый, реже черный.

Среди столовой глиняной посуды, найденной в полуземлянке VIII, заслуживает внимания узкогорлый кувшин с одной ручкой, покрытый светло-желтой поливой, и небольшой белоглиняный ковш с сильно оттянутой ручкой, украшенный орнаментом в виде запятых. Ковш принадлежит к распространенному в киевской керамике XI—XIII вв. типу посуды. Сосуды подобной формы встре-

чены в раскопках Киева, Вышгорода, Княжой горы и в ряде других городских центров Киевской земли.

Помимо описанных выше целых сосудов, в жилище найдено значительное количество фрагментов разнообразной керамики, среди которых необходимо отметить обломки амфорной посуды из хорошо обожженной красной глины.

Вся глиняная посуда, описанная выше, служила для варки или хранения пищи. В одном из горшков сохранились запекшиеся от сильного жара комки разварившегося пшена, по-видимому, в горшке варилась каша.

Наряду с глиняной посудой в полуземлянке VIII найдено довольно значительное количество фрагментов разнообразной деревянной посуды. Среди них наиболее хорошо сохранились обломок деревянного ведра, обитого железными обручами, фрагменты нескольких неглубоких деревянных мисок, какой-то посуды, сделанной из лубка, и двух ложек. У одной из стенок землянки были найдены остатки обгорелой деревянной кадушки с перегоревшей рыхлой массой внутри, оказавшейся мукой. Из других деревянных предметов, найденных тут же, нужно упомянуть гребень, обломки деревянного предмета с одним заостренным концом и с отверстием на другом конце (назначение непонятно), плохо сохранившийся предмет, плетенный из прутьев, и пр.

Среди хозяйственно-бытового инвентаря необходимо, помимо посуды, отметить целый ряд железных предметов, а именно: три трубчатых замка, один из которых заперт на петле с накладкой, два ключа, один в форме лопаточки, другой в форме продолговатого стержня, значительное количество кованных гвоздей, скоба и петля, кресало, обломок ножа, железный вогнутый диск, напоминающий сковородку, и целый ряд других деформированных коррозией железных предметов.

Помимо керамики, железных и деревянных предметов, в жилище найдено несколько фрагментов и один совершенно целый глиняный светильник, обгорелые куски кожи со следами швов (по-видимому, остатки обуви), горелые нитки, перевитые между прутьями, обгорелая грубая ткань и горелое волокно, четыре шиферных пряслица, грузило, медная блесна и пр.

Среди предметов художественного ремесла необходимо отметить несколько фрагментов стеклянных браслетов, медную фигурную пряжку со стержнем, два медных креста-энколпиона и один маленький медный крестик с утолщением на концах.

К этой же группе предметов необходимо отнести еще две находки, представляющие большой интерес для истории киевского художественного ремесла. Подле обломков раздавленной корчаги была обнаружена медная литая лампада с рельефным изображением четырех нимбированных фигур и серебряная подвеска в форме лунницы с геральдическим изображением парных птиц с пышными хвостами, переходящими в ленточное плетение, служившая, по-видимому, частью богатого конского убора.

Каким образом лампада и серебряная подвеска очутились в полуземлянке VIII, были ли оба эти предмета «бытовыми вещами» владельца жилища, или же

они являлись продукцией его ремесла — к этому вопросу мы возвратимся несколько ниже, в связи с изучением целого комплекса разнообразных предметов, найденных в этой же полуземлянке, характеризующих ее уже не в качестве жилища, а в качестве ремесленной мастерской.

Среди железных предметов, найденных в полуземлянке VIII, помимо бытового инвентаря, охарактеризованного выше, был обнаружен целый набор деревообделочных инструментов, состоящий из пяти предметов, а именно: топора, сверла с втулкой для горизонтальной деревянной ручки, скобеля со следами деревянных ручек, резца (ложкаря) и обоюдоострой кирки с круглой втулкой посредине, служившей, по-видимому, для раскалывания дерева. Любопытно, что наряду с набором деревообделочных инструментов в той же полуземлянке были найдены три сильно стертых бруска для точки.

Если находка топора, являвшегося в древней Руси универсальным орудием городского и сельского населения, отнюдь не может служить основанием для определения характера ремесленной деятельности владельца полуземлянки, то сочетание пяти деревообделочных инструментов, из которых отдельные инструменты вообще представляют собой сравнительно редкие находки, позволяет предположить, что обработка дерева в полуземлянке VIII была как-то связана с ремеслом, которым занимался ее владелец.

Находки других орудий производства, однако, показывают, что считать владельца полуземлянки VIII простым плотником, было бы безусловно ошибочно. В углу жилища, почти на самом полу, было найдено четырнадцать маленьких глиняных горшочков, внутри которых сохранились остатки различных красок. Вместе с горшочками лежала одна раковина unio, на стенках которой были также следы краски. Горшочки имеют различную форму, одни передают в миниатюре большие глиняные горшки, другие представляют неглубокие плошки, два из них имеют ручки различной формы. В непосредственной близости от полуземлянки VIII был найден также сильно стертый со всех сторон камень со следами краски, служивший, по-видимому, для растирания красок.

Судя по находке еще одного замечательного комплекса, в полуземлянке-мастерской занимались не только живописью. В самом центре ее, недалеко от угла печи, на полу был обнаружен покрытый желтой поливой кувшин, упомянутый выше, при описании бытовой глиняной посуды, найденной в жилище. Подле него, а частично в нем было обнаружено 650 г янтаря. Янтарь представлял в большей части необработанные кусочки небольшого размера, среди которых находилось свыше пятидесяти полуобработанных заготовок для бус и несколько заготовок для крестиков-тельников. В этой же куче янтаря обнаружено несколько готовых бусин и небольшое количество бусин и крестиков, по-видимому, испорченных при обработке. Неподалеку от янтаря было найдено несколько кремней, служивших, по-видимому, орудиями для шлифовки янтарных изделий. Среди найденных в полуземлянке VIII предметов еще один, несмотря на всю загадочность его применения, по-видимому, также связан скорее с каким-то ремесленным производством, чем с бытовыми нуждами.

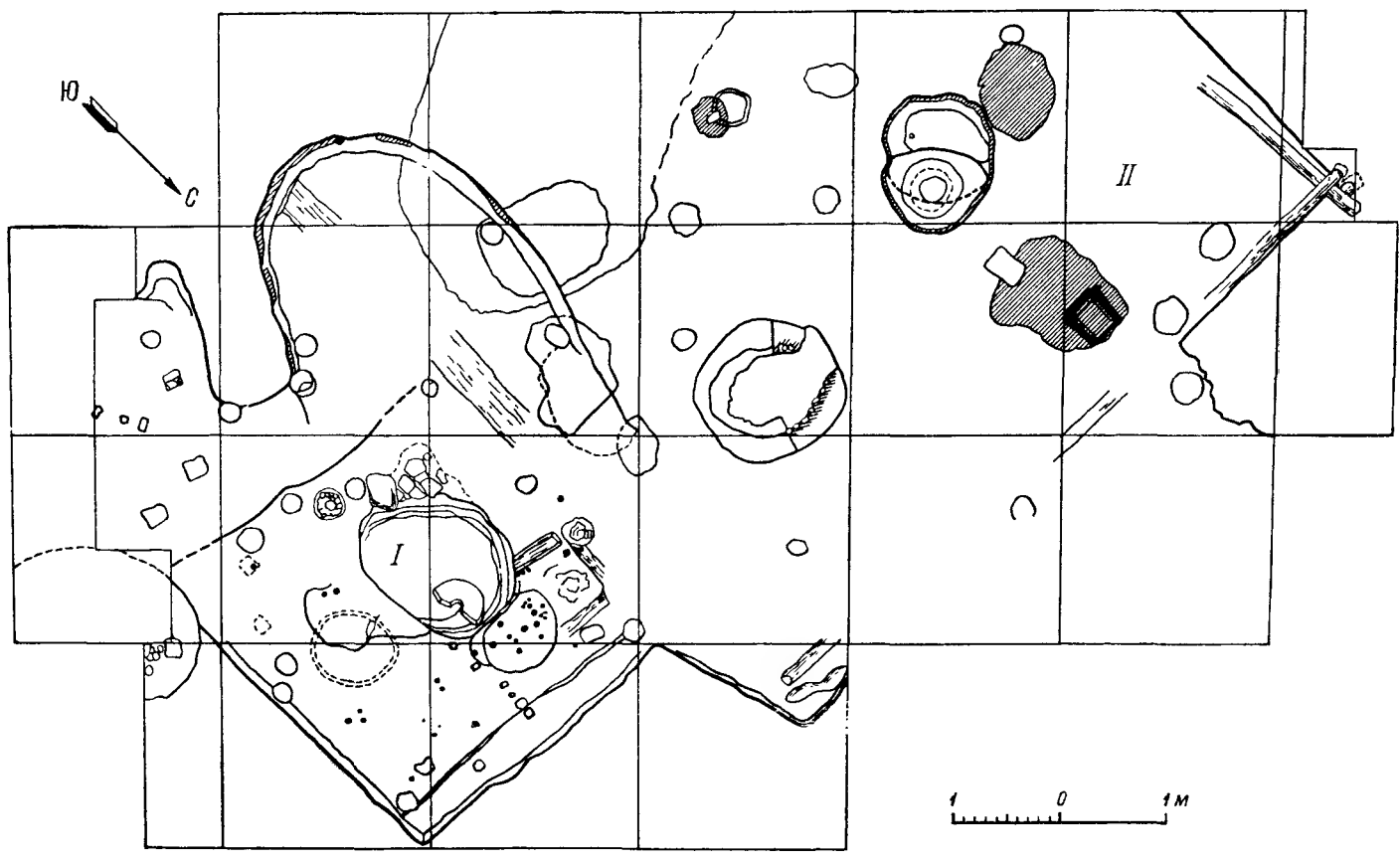


Рис. 65. План жилищ I и II. Усадьба Михайловского Златоверхого монастыря. Раскопки 1940 г.

Это небольшой медный сосуд с металлической ручкой в виде стержня, на котором была насажена деревянная рукоять. Особенностью этого сосуда является своеобразная приклепка дна сосуда с помощью загнутых, переплетенных между собой краев днища и стенок сосуда. Сосуд сделан из тонкой меди и употреблялся, по-видимому, для подогревания (но не плавления) какого-то материала.

Состав орудий производства, найденных в полуземлянке VIII, позволяет установить, что владелец ее занимался художественным ремеслом в нескольких разновидностях. При описании находок в полуземлянке VIII возник вопрос: каким образом в бедном жилище оказались серебряная подвеска от конской сбруи и медная лампада церковного типа? Не может быть сомнений в том, что эти предметы связаны не с удовлетворением личных потребностей владельца землянки, а с его производством. Находились ли эти два предмета в починке у мастера, или же они должны были пройти здесь какую-то дополнительную обработку, решить, конечно, не представляется возможным. Может быть, к этой же категории предметов нужно отнести и медную булаву, найденную в той же полуземлянке. Булава была в Киевской земле оружием довольно распространенным, как показывают находки ее на различных городищах XI—XIII вв., но едва ли можно все же предположить, что булавой располагал в качестве личного оружия средний городской ремесленник.

Комплекс жилищ-мастерских, открытых в 1938 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря, в 1940 г. был дополнен еще двумя постройками полуземляночного типа, раскопанными одним из отрядов Киевской археологической экспедиции Института археологии АН УССР.[1] Работы этого отряда велись на участке (общая площадь 100 м²) между южной стеной развалин собора Михайловского монастыря и северной стеной Трапезной церкви. Участок оказался сильно перекопанным на глубину до 2 м поздними ямами и погребениями XVII—XVIII вв. Но на глубине 2.00—2.80 м в материковом лёссе был обнаружен удовлетворительно сохранившийся комплекс жилых построек полуземляночного типа, отнесенных исследователем к концу XI—началу XII в., отчасти разрушенных каким-то сооружением хозяйственного назначения несколько более позднего времени (XII в.).

Открытые раскопками постройки представляют собой два смежных, вплотную один к другому прилегающих помещения, ориентированные по странам света (рис. 65).

Жилище I (табл. XXXVI) представляет полуземлянку, квадратную в плане (3.50×3.50 м). Высота сохранившихся стенок 0.40 м, стенки и пол глиняной обмазки не имеют. Вдоль всей восточной стенки расположен вырезанный в материковом грунте уступ — порожек (высота его над уровнем пола 0.10 м, ширина 0.40 м). Во всех четырех углах и посредине каждой стены — круглые ямы от вертикально стоявших столбов (диаметр 0.20, глубина 0.23—0.41 м),

[1] Г. Ф. Корзухина. Отчет о раскопках на уч. II Киевской археологической экспедиции 1940 г., стр. 1—5. Архив ИА АН УССР.

составлявших деревянную конструкцию наземных частей постройки и поддерживавших ее кровлю.

Почти в самом центре жилища находилась большая овальная в плане яма (1.60×1.20×0.70 м) более позднего происхождения. Она перерезает каменную с кирпичами вымостку с обожженным лёссом вокруг, представляющую, по-видимому, остаток печи.

В яме, перерезавшей вымостку, найдено большое количество обломков глиняных горшков, свинцовые пластины и половина каменного ручного жернова. Второй кусок жернова вместе с обломком железного сверла лежал у края ямы. Из других находок в жилище I нужно упомянуть разбитый горшок, стоявший в специально вырытой для него ямке (около вымостки), обломки глиняного кувшина и кусочки хрупкого стекла.

По сторонам поздней ямы, врезавшейся в жилище I, расположены две круглые ямы (диаметр 0.80, глубина 0.15 м). В одной из них — 16 маленьких ямок от деревянных колков (диаметр 0.03, длина 0.30 м). Назначение этого устройства неясно.

Северо-западный угол жилища был, по-видимому, выгорожен легкой перегородкой (кладовка?), о чем свидетельствуют ямки от кольев.

Вход в жилище, судя по расположению столбов, был с севера, в середине стены, рядом с кладовкой. Дверные столбы по диаметру меньше, чем угловые; два из них стояли рядом, третий на расстоянии 0.70 м от них. Вдоль восточной стенки найдено еще четыре ямки от столбов (лавка?).

Значительно сложнее вопрос о втором жилище, вплотную примыкающем к описанной выше полуземлянке. Исследователь трактовал жилище II как большое, полуземляночного типа помещение в виде вытянутого по оси В—З прямоугольника (7.50×3.5 м). Стенки углубленной части этого жилища местами сохранились на высоту до 0.55 м.

В отчете о раскопках 1940 г. жилище II интерпретируется как постройка со столбовой конструкцией. «Вдоль стен, — читаем мы, — прослежены круглые ямки от столбов, составлявших деревянный костяк постройки и поддерживавших ее кровлю. Столбы расположены по углам и по два вдоль стен. Один угловой столб был общим с жилищем I, в котором он являлся одним из средних столбов».[1]

На полевом чертеже, фиксирующем план раскопанного комплекса (рис. 65), вдоль северной и западной стен постройки изображены бревна, в северо-западном углу соединенные между собой рубкой «в обло».

Из отчета явствует, что не только в северо-западном и в северо-восточном углах полуземлянки сохранились следы венцов от сруба в виде отпечатков бревен в лёссе.[2] В полевом дневнике раскопок записано даже, что в северо-западном углу было обнаружено в лёссе «пересечение стенок сруба из трех вен-

[1] Там же, стр. 2.
[2] Там же, стр. 3.

цов; угол сруба сохранился в развале».[1] Из дальнейшего, правда, явствует, что «пересечение бревен установлено лишь на основании пустот в лёссе, заполненных гумусом, так как дерево сгнило»,[2] но это не меняет дела по существу.

Никаких столбов вдоль северной, западной и восточной стен жилища мы не усматриваем. Столбов вдоль западной стены нет даже и на чертеже; столбы у северной стены расположены случайно. Что касается столбов у восточной стены, то это несомненно столбы соседнего жилища I. При наличии достаточно хорошо сохранившихся вдоль северной и западной стен бревен, являющихся частями срубной конструкции, отсутствие здесь остатков столбовой конструкции вполне закономерно. Ошибочная, на наш взгляд, интерпретация конструкции жилища II как столбовой основана на толковании четырех ямок от круглых столбов, расположенных на прямой линии, параллельно северной стене жилища, на расстоянии 3.5 м к югу от нее, как остатков южной стены постройки. В действительности эти столбики являются остатками, по-видимому, какой-то внутренней конструкции жилища, южная же стена жилища не была обнаружена, так как осталась, как мы полагаем, в основном за пределами раскопа. Раскопками 1940 г., по нашему мнению, открыто сооружение, являющееся первым примером срубных построек, о существовании которых в Киеве и в других южнорусских городах известно из письменных источников, но которые до сих пор ни разу не были обнаружены раскопками. Мы не говорим здесь о постройках, которые в последние годы некоторыми исследователями выдавались за «срубные наземные постройки», без каких-либо к тому оснований, о чем будет речь несколько позже.

Полом жилища служит плотный материковый лёсс без глиняной обмазки. В восточной части жилища (но далеко от восточной стенки) расположена глинобитная печь полусферической формы (свод не сохранился), обращенная устьем на запад. В плане печь снаружи круглая, внутри овальная (длина 2.50 м, ширина устья 0.40 м, высота сохранившейся части стенок 0.60 м). Печь не стоит, как это бывает в большей части раскопанных киевских жилищ, на приподнятом над уровнем пола постаменте; наоборот, под ее лежит ниже уровня пола на 0.18 м, т. е. печь расположена как бы в яме. Предпечной ямы нет. Стенки печи сделаны из глины на деревянном каркасе. В отличие от применяемых обычно в киевских печах тонких прутьев, выгнутых в форме полусферы, здесь каркас состоит из толстых кольев, забитых в грунт с небольшим уклоном (рис. 66).

В западной части жилища на полу обнаружено сильно обожженное пятно (0.90×1.15 м), а у края его тоже сильно обожженная прямоугольная в плане ямка (0.34 × 0.26—0.24 м). Вторая яма, большего размера, овальная в плане (1.30×1.00×0.45 м), с обожженными докрасна стенками, находилась к западу от печи. В ней, кроме фрагментов керамики, найдена свинцовая печать с изоб-

[1] Дневник Киевской археологической экспедиции 1940 г., участок II, стр. 33. Архив ИА АН УССР.

[2] Там же, стр. 33.

ражением Богоматери с одной стороны и св. Николая с другой. Из других находок в жилище II заслуживают внимания бронзовый крестик XI—XII вв. и фрагмент поливного сосуда того же времени.[1]

Пол жилищ I и II находился почти на одном уровне. Судя по составу находок, оба жилища одновременны.

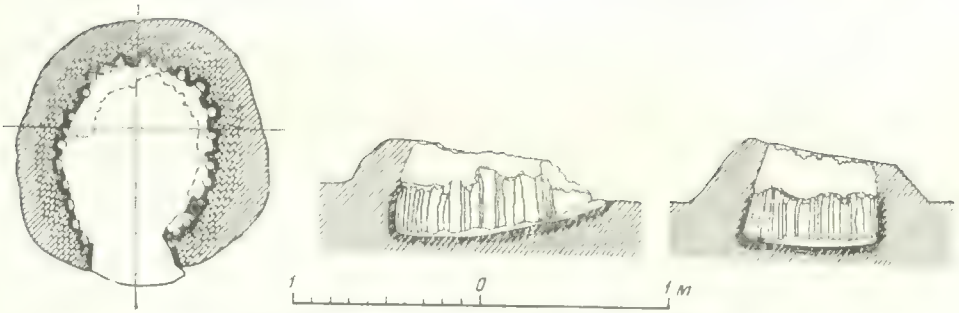


Рис. 66. Жилище II. Печь. Раскопки 1940 г.

Исследователь относил их к XI—началу XII в., полагая, что уже в XII в. над жилищем I и частично II возникло непонятное сооружение в виде овальной ямы (глубина до 0.3 м) с обожженными стенками и пятью столбами вдоль них с внутренней стороны. Засыпь ямы была насыщена фрагментами керамики, костями животных и рыб, обломками стеклянных браслетов. Здесь же были найдены обломки строительных материалов домонгольского времени, мозаичные смальты, фрагменты фресок, куски свинца и пр. Основания для отнесения этой ямы к XII в. не кажутся нам бесспорными.

[1] Там же, стр. 4.

Над жилищем I, выше его на 1 м, был найден клад, состоявший из пятнадцати монетных гривен и одного серебряного витого браслета с чернью. По мнению исследователя, клад был зарыт в XIII в.

В южной части раскопанного участка, рядом с жилищем I, обнаружено несколько ямок от столбов различного диаметра, относящихся, по-видимому, к надворным постройкам при жилищах I и II.

Раскопки на территории Михайловского Златоверхого монастыря, прерванные войной и временной оккупацией Киева немецко-фашистскими захватчиками, были возобновлены в 1948 г.

В 1941—1945 гг. значительная часть территории Михайловского монастыря была испорчена разнообразными хозяйственными и санитарными постройками, вследствие чего доступная для археологических исследований площадь значительно сократилась. Разведочного характера раскопки, проведенные на различных участках бывшей монастырской территории Киевской археологической экспедицией АН СССР и АН УССР в 1948 г., не увенчались серьезным успехом.

На участке, вплотную примыкающем к площади, раскопанной в 1938 г., удалось обнаружить лишь несколько древних хозяйственных ям полусферической формы (см. выше, стр. 304). Там же были найдены незначительные остатки древней мастерской стеклянных браслетов (тигель для плавки стекла, целые браслеты и перстни и многочисленные обломки).

Раскопками на двух других участках монастырской территории (в юго-восточном углу) удалось обнаружить кое-где лишь очень плохо сохранившиеся остатки глинобитных печей.[1]

Раскопки 1949 г., проведенные Киевской археологической экспедицией АН СССР и АН УССР при участии Государственного Эрмитажа, были развернуты на территории небольшого садика, расположенного между западной стеной бывш. Трапезной церкви Михайловского монастыря и оградой, опоясывающей бывшую монастырскую территорию со стороны ул. Жертв революции (бывш. Трехсвятительской). Общая площадь участка около 300 м², однако окаймляющие его со всех сторон деревья и кустарники значительно сокращали площадь, доступную для раскопок.

Разведочные раскопы общей площадью 60 м² дали возможность установить характер стратиграфии участка. Поздние разновременные ямы, прорезающие одна другую, глубокие фундаменты построек XVIII—XIX вв. и несколько водопроводных и канализационных магистралей почти полностью уничтожили древнюю стратиграфию участка. Вплоть до материка, на глубину до 3—3.5 м, доходят заполненные почти современным мусором и различными строительными остатками огромные ямы.

Только в трех квадратах, расположенных у северо-западной границы участка, под напластованием верхних поздних слоев, ниже уровня двух, почти

---

[1] М. К. Каргер. Отчет о работе Киевской археологической экспедиции 1948 г. Архив ИА АН УССР.

параллельно расположенных водопроводных магистралей, на глубине в среднем около 2 м от современной поверхности, в светло-желтом материковом лёссе были прослежены границы еще неполностью оконтуренного в плане пятна, в пределах которого в гумусированном заполнении уже в верхних горизонтах встречались разнообразные предметы XII—XIII вв.

Вскоре были обнаружены спускающиеся вниз ступени вырубленной в плотном материковом лёссе лестницы, не оставлявшей сомнений в том, что разведочный раскоп подвел нас прямо к входу в полуземляночного типа постройку домон-

Рис. 67. Общий вид жилища. Усадьба Михайловского Златоверхого монастыря. Раскопки 1949 г.

гольского периода. Для раскрытия постройки площадь раскопа была утроена. После того как верхние, поздние напластования на всей этой площади были удалены, определились контуры прямоугольного в плане сооружения, от которого сохранилась углубленная в материк нижняя часть его (рис. 67), заполненная обвалами верхних наземных частей постройки и гумусными отложениями, образовавшимися в период длительного запустения участка. По мере углубления раскопа находки разнообразных древних предметов становились все многочисленнее, а состав и характер их убеждал в том, что обнаружено еще одно прекрасно сохранившееся жилище полуземляночного типа конца XII—XIII вв., дополняющее замечательный комплекс жилых и производственных сооружений, раскопанных на изучаемой территории в 1937, 1938, 1940 и 1948 гг.[1]

[1] М. К. Каргер. Новые данные к истории древнерусского жилища. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 3—11.

Полуземлянка 1949 г. состоит из двух примыкающих вплотную одно к другому помещений (рис. 68), пол которых находится на разных уровнях: в основном (южном) помещении — на глубине 3.36 м от уровня современной поверхности земли, а во втором (северном) — на глубине 3.10 м; разница в уровнях полов двух помещений представляет уступ в 0.26 м высотой (рис. 69). Так как контуры углубленной в грунт части постройки, как уже сказано выше,

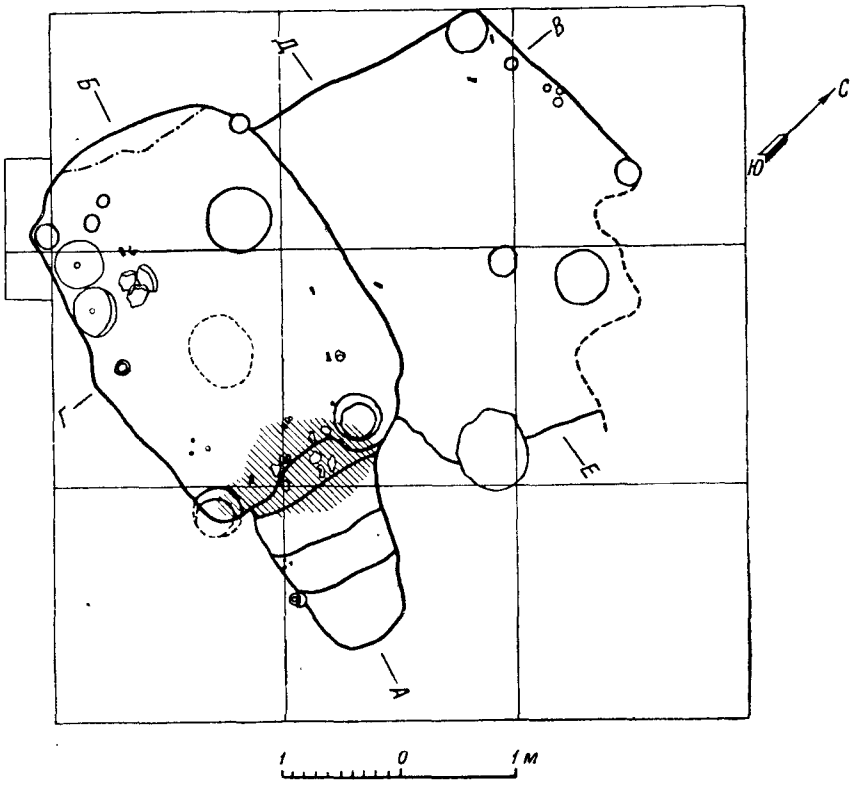


Рис. 68. План жилища. Раскопки 1949 г.

прослеживались на глубине около 2 м от современного уровня, а пол ее лежит на глубине 3.36—3.10 м, глубина подземной части постройки в главном помещении была 1.36 м, а во втором — 1.10 м. Обычная для известных нам киевских жилищ полуземляночного типа глубина заложения значительно меньше — 0.30, 0.50, 0.60 м.

Не вполне обычно для киевских жилищ XI—XIII вв. и соединение в постройке двух помещений с различными уровнями пола. Среди многочисленных киевских жилищ XI—XIII вв., раскопанных за последние два десятилетия, подобное сочетание двух помещений, вплотную примыкающих одно к другому, встречено лишь один раз в раскопках 1940 г., на участке, расположенном в ближайшем соседстве с полуземлянкой 1949 г. Однако в этом случае уро-

вень пола двух помещений был одинаковым. Из кратких записей в дневнике В. В. Хвойки (см. выше, стр. 291) явствует, что в его раскопках 1907—1908 гг. в усадьбе Петровского также попадались жилища, состоявшие из двух частей.

Необычность плана раскопанного в 1949 г. жилища вызывает естественное сомнение — являются ли обе части жилища одновременными. Еще в процессе раскопок вставал вопрос: не вырыта ли южная полуземлянка позднее северной и притом тогда, когда последняя уже была заброшена и засыпана? Судя по плану, такое предположение как будто бы имеет некоторое основание — южное помещение врезается частично в южную часть северного, и, следовательно, не исключено, что оба помещения были вырыты неодновременно: северное уже существовало, когда рыли углубленную часть южного. Гораздо важнее, однако, ответить на другой вопрос: при постройке южного помещения было ли включено существовавшее уже до этого северное помещение в новую постройку, как его составная часть, или же, наткнувшись на развалины этого более древнего сооружения, с ним уже как с постройкой не считались?

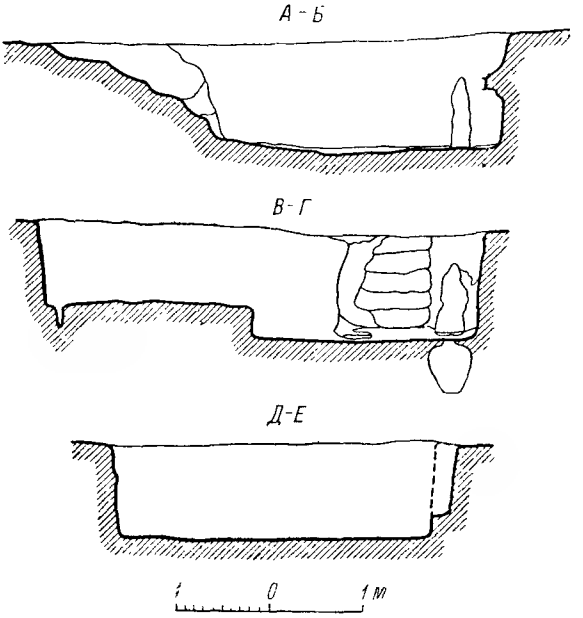


Рис. 69. Разрезы жилища. Раскопки 1949 г.

Ответ на этот вопрос был получен в результате изучения инвентаря, найденного в обеих частях постройки, и характера их заполнения. Заполнение южной части полуземлянки несколько отличалось от заполнения северной части. В первой было значительно больше остатков горелого дерева, во второй заполнение состояло в основном из плотно слежавшейся глины. По-видимому, конструкция кровли различных частей жилища была не вполне тождественна.

Инвентарь, лежавший под завалом обрушившихся наземных частей постройки, распределялся весьма неравномерно: большая часть описываемых ниже находок обнаружена в южной части жилища, однако по своему характеру они ничем не отличались от немногочисленных находок в северной части, в частности, на полу северного помещения было найдено и несколько хрустальных бус, основная масса которых была рассыпана на лестнице и на полу у нижней ступени в южной части жилища.

Сказанное позволяет утверждать, что южное и северное помещения, возникшие, по-видимому, не вполне одновременно, к моменту катастрофы существовали как части единой постройки и в одно и то же время были разрушены пожаром.

Прежде чем обратиться к изучению многочисленного и разнообразного инвентаря, найденного в заполнении углубленной части обоих помещений и особенно на полу первого из них, необходимо остановиться еще на некоторых конструктивных особенностях сооружения.

Северное помещение представляет в плане удлиненный прямоугольник (3.5×2.4 м) с несколько округленными углами; возможно, эта округленность непервоначальна и является результатом оплыва лёссовых стенок полуземлянки. Во всех четырех углах северного помещения сохранились круглые ямы от вертикально стоявших столбов. Ямы в северо-восточном и юго-восточном углах имеют весьма значительный диаметр и глубину; наоборот, ямки в северо-западном и юго-западном углах значительно меньшего диаметра и неглубоки.

В северном помещении большая глубокая яма (глубина 0.45 м) находилась в юго-восточном углу, несколько меньшая по диаметру и глубине (глубина 0.29 м) — в северо-западном углу и совсем незначительного диаметра (глубина 0.11 м) — посредине северной стены. Северо-восточный угол северного помещения полностью разрушен поздней глубокой ямой. Вдоль западной половины северной стенки северного помещения сохранились еще четыре маленьких ямки, очевидно, с основной конструкцией полуземлянки не связанные.

В средней части обоих помещений ниже уровня пола были расположены еще по две округлых в плане ямы различного диаметра и глубины, с разнообразным заполнением. В одной из ям южного помещения, расположенной почти у южной стенки, был зарыт по горловину большой толстостенный красноглиняный сосуд.

Печь находилась, по-видимому, у западной стенки южного помещения, напротив входа. Здесь на лёссовой стенке сохранились куски обожженной докрасна глиняной обмазки. Внизу к обмазке прилипли угли. Здесь же и особенно в северо-западном углу был обнаружен завал брусковых кирпичей с продольными бороздками; вероятно, печь была не глинобитной, как обычно, а, подобно описанной ниже печи в большом жилище XIII в., раскопанном в 1946 г. на Б. Житомирской ул., сложена из брусковых кирпичей.

Возможно, что две небольшие круглые ямки от вертикально врытых столбиков, сохранившиеся в западной части южного помещения, были связаны также с печью. Никаких следов печи в северном помещении не обнаружено.

Вход в полуземлянку представляет собой несколько расширяющуюся книзу лестницу с вырубленными в плотном лёссе, хорошо сохранившимися четырьмя ступенями. Стенки жилища, пол его и ступени лестницы никаких следов глиняной обмазки не имеют.

Заполнение южного помещения полуземлянки состояло в основном из обвала сгоревших деревянных наземных конструкций, в частности кровли, а также из завалов кусков глинобитных стен постройки, порой докрасна обожженых, порой превратившихся в плотную слежавшуюся глиняную массу. Особенно в большом количестве обуглившиеся обломки досок, балок, столбов лежали в нижних горизонтах и, в частности, на полу. Среди остатков сгоревших наземных частей постройки и особенно под ними на полу обнаружен подвергшийся действию огня разнообразный инвентарь, находившийся в жилище в момент катастрофы. По количеству и разнообразию находок полуземлянка 1949 г. может быть сопоставлена с «жилищем художника», раскопанным в 1938 г. в нескольких сотнях метров от полуземлянки 1949 г.

Как почти во всех других жилищах, раскопанных в Киеве, инвентарь полуземлянки 1949 г. можно разделить на две группы: к первой относятся предметы, связанные с хозяйством и личным бытом обитателей полуземляночного жилища, ко второй — предметы, характеризующие их занятия.

К первой группе относятся прежде всего остатки разнообразной глиняной посуды, представленной как многочисленными обломками, так и несколькими целыми (или почти целыми) сосудами. Основную массу керамических изделий, находившихся в жилище, составляет кухонная посуда типичных для XII—XIII вв. форм. Это разного размера горшки с сильно отогнутыми венчиками, с одним или двумя ушками. По плечикам орнамент линейный, волнистый или в виде запятых. Почти целый горшок этого типа лежал на верхней ступеньке лестницы; второй, несколько большего размера, лежавший на полу, был разбит на мелкие куски, но при реставрации собран полностью.

Среди найденных на полу фрагментов было несколько черепков, покрытых зеленовато-желтой или зеленой поливой. Некоторые сосуды имели поливу лишь на внешней поверхности, но встречались сосуды и с двухсторонней поливой. Как и во многих других киевских жилищах XII—начала XIII в., в полуземлянке 1949 г. был найден фрагментарно сохранившийся белоглиняный ковш.

К числу обычных для киевских жилищ XII—XIII вв. глиняных изделий нужно отнести большой, полностью сохранившийся толстостенный красноглиняный сосуд с широким низким горлом и двумя ушками. Сосуд был зарыт в землю. Горловина его находилась ниже уровня пола жилища и, по-видимому, прикрывалась доской или плиткой. В раскопанных ранее жилищах нам уже несколько раз приходилось отмечать, что подобные сосуды, служившие для хранения зерновых запасов, стояли обычно в специально вырытом в полу жилища углублении. В таком положении сосуд этого типа, наполненный обгорелой пшеницей, был найден в «жилище художника» и в полуземлянке VII, раскопанных в 1938 г. на территории Михайловского монастыря.

Среди керамических находок в полуземлянке 1949 г. особого внимания заслуживает амфора. Большая часть обломков этого сосуда лежала на ступенях лестницы и отчасти на полу жилища у самой лестницы. Находка огромного количества бус возле черепков амфоры позволяет предположить, что в сосуде

в момент пожара хранились бусы. Амфору удалось собрать почти полностью, за исключением днища и одной ручки. Она имеет яйцевидную форму, характерную для сосудов этого типа, распространенных в Поднепровье в XII—XIII вв. Поверхность ее покрыта неглубоким рифлением.

К числу керамических находок можно отнести также фрагмент половой майоликовой плитки, покрытой коричневой поливой; плитка несомненно происходит из какого-нибудь близ расположенного каменного здания и попала в жилище хотя и в древности, но случайно.

Наряду с глиняной посудой в жилище находились различные деревянные сосуды и ларцы, от которых сохранились лишь обуглившиеся кусочки дерева. Возле северного столба была найдена железная дужка от деревянного ведра. На полу лежали куски обуглившегося круглого плоского сосуда, наполненного зерном кользы. Сам сосуд сохранился очень плохо, но находившееся в нем зерно, превратившись под действием огня в обуглившуюся, плотно спекшуюся массу, позволило восстановить форму деревянного сосуда, в котором оно находилось.

Остатки обуглившихся зерен пшеницы встречались на полу порой весьма значительными скоплениями. По-видимому, хранившиеся в деревянных ларях запасы зерна, охваченные сначала пламенем пожара, потом под обвалом глинобитных стен жилища превратились в спекшиеся обуглившиеся массы.

Размол зерна производился тут же в жилище. Об этом свидетельствовала пара огромных каменных жерновов, лежавших в углу жилища, неподалеку от печи. Тут же были найдены обломки второй пары жерновов, значительно меньших по диаметру и по толщине.

Из других остатков пищи нужно отметить еще скопления рыбьих костей и чешуи.

Среди найденных предметов довольно значительное место принадлежит различным железным изделиям. В разных местах жилища найдено пять железных цилиндрических замков, ключ, нож, большое количество гвоздей, двузубая пешня (?) с поперечной круглой втулкой, кольцо и ряд бесформенных в результате коррозии предметов неизвестного назначения.

В жилище находилось немало изделий из бронзы, свинца и олова: две бронзовые круглые чашечки неизвестного назначения, бронзовая ручка от какого-то ларца (?), оловянная круглая ажурная подвеска, с крестом в середине. Кроме того, на полу найдено много расплавившихся от действия огня или испорченных коррозией бесформенных свинцовых, оловянных и бронзовых предметов.

К числу предметов личного имущества обитателей жилища нужно отнести, кроме перечисленных выше, фрагменты стеклянных витых и гладких браслетов и набор из 25 астрагалов для игры, о широком распространении которой в Киевской Руси с X в. свидетельствуют находки наборов астрагалов, нередко украшенных разнообразными гравированными рисунками, в богатых погребениях, в жилищах и в культурных слоях древнерусских городов X—XIII вв.

В верхних горизонтах заполнения полуземлянки были обнаружены золотая трехбусинная серьга и серебряная монетная гривна киевского типа. Трудно сказать, при каких обстоятельствах попали сюда эти драгоценные вещи.

Все перечисленные выше разнообразные предметы, найденные в заполнении углубленной части полуземлянки и непосредственно на полу ее, относятся к числу широко распространенных в Киеве и других городах Среднего Поднепровья изделий, вырабатывавшихся в XI—XIII вв. многочисленными городскими ремесленниками. Некоторые типы предметов (корчага, сосуд для хранения зерна, белоглиняный ковш, серебряная гривна) свидетельствуют о близости даты жилища скорее к концу этого периода (XII—начало XIII в.), чем к началу его. Найденная в завале постройки медная византийская монета VIII в. не связана со временем существования жилища.

Весь перечисленный выше инвентарь, находившийся в жилище к моменту его гибели, относится к числу предметов, связанных с бытовыми нуждами обитателей жилища.

Значение полуземлянки 1949 г., однако, не исчерпывается вышеизложенным. Предметы, характеризующие быт ее обитателей, описанные выше, отнюдь не исчерпывают всего комплекса находок. На ступенях лестницы и на полу жилища возле лестницы найдено 1339 бус различного размера и формы; из них 1274 из горного хрусталя и 65 из сердолика.

Как уже отмечалось выше, судя по обстоятельствам находки, бусы перед гибелью жилища, по-видимому, находились в корчаге. Выбегавший в спешке из горевшего жилища владелец в качестве самой драгоценной части своего имущества, вероятно, захватил с собой корчагу с бусами. Он был уже на верхней ступени лестницы, когда корчага вывалилась у него из рук и разбилась на мелкие куски. Около полуторы тысячи бус рассыпались по лестнице. Может быть, лишь в овальном днище корчаги удалось вынести какую-то часть драгоценных изделий (напомним, что дна амфоры в жилище не оказалось).

Как попали полторы тысячи хрустальных бус в убогое жилище киевского горожанина XIII в.? Не может быть и речи, что полторы тысячи бус составляли какое-то ожерелье. Из такого количества, учитывая известные нам по погребениям этой поры наборы,[1] можно изготовить сотню, а то и две небогатых ожерелий.

Среди находок в жилище нет заготовок, не найдено здесь и запасов сырья, как это было в «жилище художника», раскопанном в 1938 г., где наряду с готовой продукцией (янтарные бусы, крестики) было много заготовок, брака и значительный запас кусков необработанного янтаря.[2] В жилище не было найдено каких-либо инструментов, связанных с производством бус из горных пород. Обращает, однако, внимание значительное количество различных бру-

---

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 211 и рис. 151.

[2] М. К. Каргер. Землянка-мастерская киевского художника XIII в., стр. 13—14.

сков для точки или шлифовки. Не являются ли эти шлифовальные бруски остатками несложного инструментария, которым пользовались в древности для производства бус? Нельзя не обратить также внимания на то, что некоторые бусины, сверлившиеся с двух концов, не просверлены насквозь, следовательно, недоделаны и к употреблению еще не годны. Некоторые бусины расколоты пополам.

В том же жилище были найдены четыре свинцовые гирьки с различными знаками и бронзовая чашечка от весов.

Исключительный интерес для изучения киевских городских жилищ имеют две полуземляночного типа постройки, открытые раскопками Киевской археологической экспедиции в 1946 г. во дворе д. 4 по Б. Житомирской ул.

Раскопки, проведенные на двух почти смежных участках общей площадью в 104 м², позволили обнаружить отлично сохранившийся уголок древнего города (рис. 70 и табл. XXXVII).[1] Верхние слои на всем раскопанном участке были насыщены различными остатками XIX—XX вв. Лишь в виде исключения попадались предметы XVII—XVIII вв. и еще реже — отдельные находки домонгольского времени. Но уже на глубине 1.10—1.15 м начался слой, состоявший в основном из остатков строительных материалов домонгольской эпохи — обломков кирпичей, цемянки, фрагментов фресок, поливных половых плиток и пр. В этом же слое были найдены обломки медного колокола, части бронзового хороса, каменная литейная формочка для отливки двух различных по рисунку колтов.

Ниже этого завала, на глубине 1.30 м, обнаружилось значительное скопление человеческих скелетов, лежавших нередко в два-три-четыре слоя один над другим. Некоторые скелеты лежали ничком, нередко с широко раскинутыми руками и ногами. Скелеты лежали в завале обгорелого дерева и пережженной глины. Расчистка этого завала позволила обнаружить отлично сохранившиеся остатки жилища полуземляночного типа (жилище I), нижняя часть которого представляла вырытую в материке прямоугольную выемку глубиной до 0.60—0.70 м. Верхний край стенок углубленной части жилища был обнаружен в материковом лёссе, на глубине 1.50—1.60 м от современной поверхности (рис. 71). Стенки, вырубленные в плотном лёссе, хорошо прослеживались уже в верхних частях, а глубже сохранность их была еще лучше. Стенки были облицованы толстыми и широкими досками, концы которых, по-видимому, были врублены в пазы вертикальных столбов, стоявших в углах жилища. Во всех четырех углах были обнаружены круглые ямы с остатками этих столбов (рис. 70).[2]

---

[1] М. К. Каргер. 1) Розкопки у Києві в 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1948, стр. 7—20; 2) Киевская экспедиция (1946 г.). КСИИМК, XXI, 1947, стр. 38—40; 3) Археологические исследования древнего Киева, стр. 167—193.

[2] Яма в южном углу жилища имела глубину 0.40 м при диаметре 0.30 м, в северном углу (за печью) — 0.45 м при диаметре 0.28 м, в западном углу — 0.45 м при диаметре 0.32 м, в восточном — 0.40 м при диаметре 0.35 м.

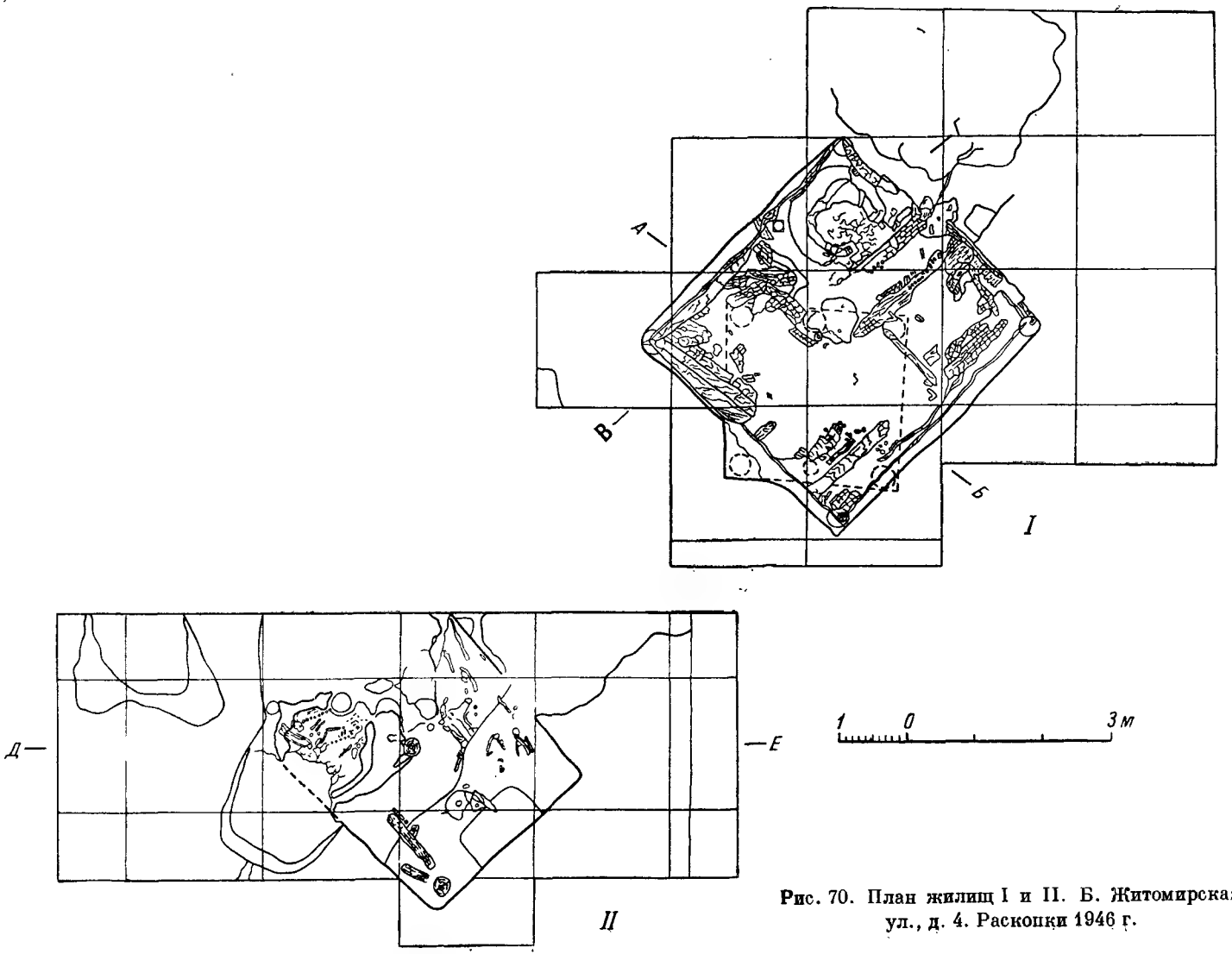


Рис. 70. План жилищ I и II. Б. Житомирская ул., д. 4. Раскопки 1946 г.

Доски, которыми были облицованы стены, лежали параллельно земляным стенкам выемки, на расстоянии 0.10—0.20 м от них. Образующаяся при этом щель засыпалась землей. Верхний край юго-восточной стенки обнаружен на глубине 1.60 м от дневной поверхности. Стенка сохранилась на глубину до 0.60—0.70 м; возможно, что первоначальная глубина подземной части жилища была несколько большей. Длина юго-восточной стенки 4.40 м. Вдоль нее сохранились in situ три обгорелых доски, одна над другой; в большом количестве обломки обгорелых досок лежали вдоль стены. Под нижней доской, на расстоянии 1.00 м от южного углового столба, при зачистке пола была обнаружена круглая яма (диаметр 0.26 м, глубина 0.55 м) с истлевшими, но не обгоревшими остатками вертикально стоявшего столба. Яма эта, однако, была перекрыта глиняным полом, поэтому рассматривать столб как элемент конструкции жилища было невозможно. Назначение этого столба стало понятно лишь после углубления раскопок ниже уровня пола жилища (см. далее).

Параллельная юго-восточной северо-западная стенка была обнаружена на глубине 1.50 м от дневной поверхности и прослеживалась на глубину до 0.70 м. Вдоль нее также лежали обгорелые доски, представлявшие деревянную обшивку углубленной части жилища. Длина стенки 4.20 м.

Юго-западная стенка жилища, перпендикулярная выше описанным юго-восточной и северо-западной стенкам, также вырезана в материковом лёссе, но она имела одну особенность, значение которой первоначально понять не удалось. Стенка эта в средней части делает какой-то прямоугольный выступ, образующий пятый угол (рис. 70). В этом углу была обнаружена круглая яма диаметром 0.25 м, глубиной 0.65 м. В засыпи этой ямы наблюдались следы вертикально поставленного деревянного столба. Следует подчеркнуть, что угол этот образуется лишь лёссовыми стенками землянки, доски обшивки, расположенные вдоль юго-западной стенки, лежат параллельно основному направлению стены и выступа не имеют. Смысл этой особенности раскрылся несколько позже и будет разъяснен ниже.

Северо-восточная стенка прослеживалась в материковом лёссе на протяжении 2.15 м от восточного угла землянки; дальше эта стенка прерывалась какой-то нишей. Ниша эта представляла две параллельные стенки, обмазанные обожженной глиной. Расстояние между стенками 0.65 м, длина их прослеживалась на протяжении 0.45—0.50 м, сохранились они на высоту 0.35 —0.40 м. Продолжение этих стенок обнаружить не удалось; не сохранилась и задняя стенка этой ниши. В заполнении этой ниши обнаружено значительное количество фрагментов керамики, обгорелое зерно, два железных замка, часть железной оковки заступа. На дне ниши, обмазанном обожженной глиной, ямка почти прямоугольной формы с несколько округленными углами (0.40×0.30 м, глубина 0.35 м). Стенки и дно ямы сильно обожжены. Северная половина северо-восточной стены была вырыта не в материке, а в засыпке ранее существовавшей здесь ямы.

В северном углу жилища находится отлично сохранившаяся печь, почти круглая в плане, лишь несколько усеченная со стороны устья (рис. 72). Под печи

поднят над уровнем пола жилища на 0.10—0.15 м и выступает несколько вперед перед устьем, образуя как бы приступок (шесток). Печь сложена из кирпича, имеющего форму продолговатых брусков, на постельной части которых встречаются неглубокие и очень слабо выраженные борозды (вдоль кирпича) (рис. 73).

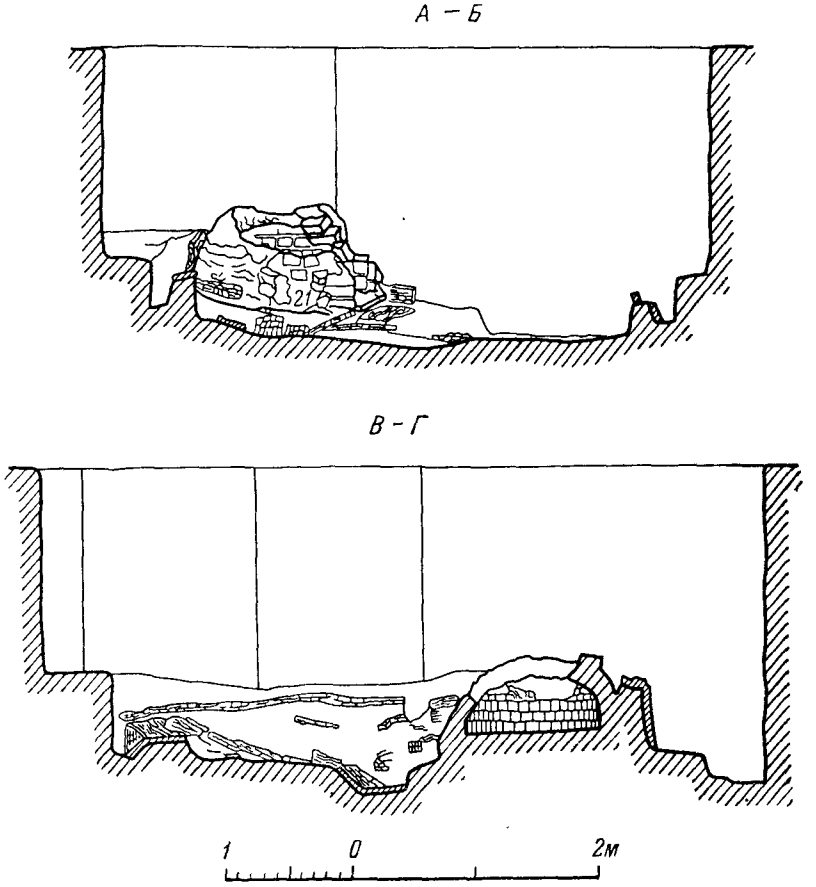


Рис. 71. Разрезы жилища I. Раскопки 1946 г.

Свод печи имеет полусферическую форму. Стенки сохранились на высоту от уровня пода до 0.57 м. Диаметр печи 1.40 м, ширина пода 1.25, толщина стенок 0.15 м. В кладке сохранилось пять рядов кирпича. Ввиду того, что верхняя часть свода печи была разрушена, наличие (или отсутствие) дымохода установить невозможно. Кирпичи сложены на глине. Использованы в кладке как целые кирпичи, так и бой (половинки). Наружная поверхность печи гладко обмазана глиной и хорошо обожжена. На внутренней поверхности обмазка не сохранилась. Пóд печи глиняный, сильно обожжен и местами имеет трещины. Толщина глиняной обмазки 0.03 м.

У северо-западной стенки жилища, на расстоянии 2.60 м от западного угла, обнаружилась небольшая ямка (0.10×0.10 м), прямоугольная в плане на уровне пола и круглая в глубине. Ямка эта находится у печи и, по-видимому, связана с ней. В средней части жилища, к югу от печи, под мощным завалом обгоревших деревянных досок и балок, упавших сверху, была расчищена яма, углублявшаяся под пол на 0.65—0.70 м. Ввиду полного разрушения стенок ямы, очертания ее не имели правильной формы.

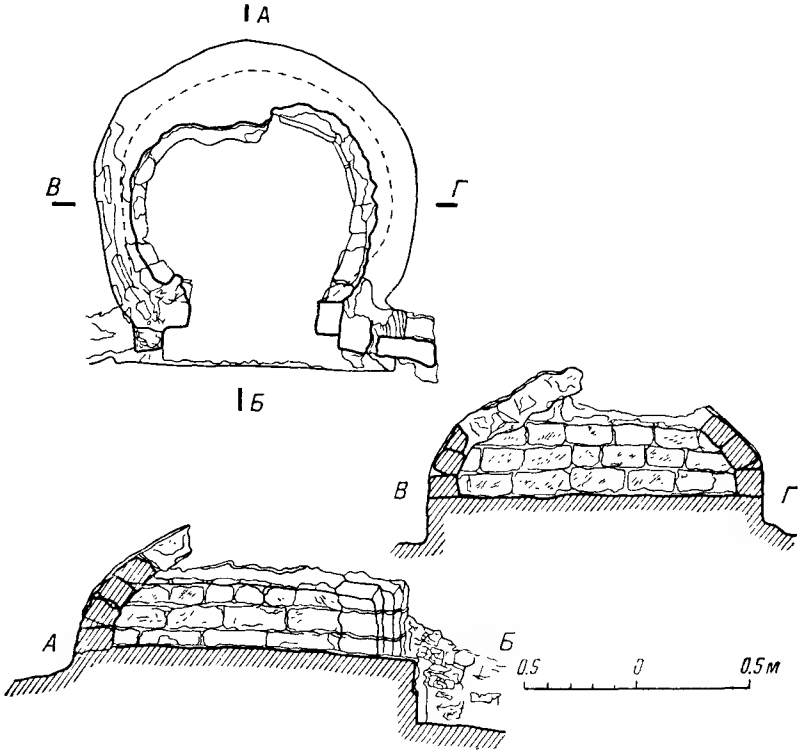


Рис. 72. Жилище I. План и разрез печи. Раскопки 1946 г.

Вся площадь жилища была завалена обгорелыми обломками деревянных частей постройки, обрушившихся при пожаре, и мощным пластом обгоревшей до красно-кирпичного цвета глины, из которой были, по-видимому, сделаны стены наземной части жилища. Особенно много обгорелого дерева и глины лежало вдоль стен (табл. XXXVIII).

Под этим завалом, на полу жилища или незначительно выше его, среди обгорелых деревянных обломков и обожженной глины, обнаружен разнообразный инвентарь, находившийся в жилище в момент катастрофы. Глиняная посуда, представленная в жилище как многочисленными фрагментами, так и целыми сосудами, принадлежит к широко распространенным в Киеве керамическим типам. Вся посуда сделана на гончарном круге. По форме большая часть фрагментов относится к типу горшков с отогнутым венчиком, покрытых в верхней

части волнистым или линейным орнаментом; распространен также орнамент в виде зарытых. Хорошо сохранившийся экземпляр этого типа посуды был найден у самого устья печи. Внутри горшка сохранились обгорелые зерна проса. Подле него, также у устья печи, был найден целый глиняный высокий кувшин, по форме близкий к типу сосудов, известных под названием «амфорок киевского типа», широко распространенных среди находок на городищах Среднего Поднепровья XII—XIII вв.

Рис. 73. Жилище I. Печь. Раскопки 1946 г.

Наряду с черной и серой кухонной посудой в жилище найдены также многочисленные фрагменты красноглиняной амфорной керамики отличного обжига.

К числу характерных для этого же периода находок нужно отнести также фрагменты стеклянных витых браслетов, шиферное пряслице, несколько железных трубчатых замков и два экземпляра железных оковок заступов, совершенно аналогичных по своей форме заступам, найденным на дне тайника, засыпанного в декабре 1240 г. под развалинами Десятинной церкви.[1]

[1] М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви. КСИИМК, X, 1941, рис. 27; см. также главу «Киев и монгольское нашествие» (стр. 501—502 настоящего исследования).

Среди вещей, характерных для домонгольского Киева, необходимо, кроме того, отметить находку отлично сохранившегося медного энколпиона с черневыми изображениями и несколько хрустальных шаровидных бус.

Большой интерес представляют многочисленные находки обгорелых зерен различных злаков (пшеница, просо, горох и др.), запасы которых хранились, по-видимому, в большом деревянном ларе. Днище этого ларя (1.60×1.60 м), состоявшее из восьми обгорелых плах разной ширины и одной поперечной балки (шириной 0.08 м), было обнаружено в восточном углу жилища. На днище ларя и в особенности в щелях между плахами и были найдены зерна различных злаков.

В том же углу жилища были обнаружены железные угловые оковки небольшого деревянного ларца и его обгорелые стенки, тут же лежали фрагменты обгорелых тканей нескольких видов. Обгорелые ткани и зерна были разбросаны также и по всей остальной площади жилища, в частности, грубая обгоревшая ткань была найдена возле печи.

К числу деревянных предметов, находившихся в жилище, нужно отнести фрагмент небольшого деревянного сосуда с остатками обгорелого зерна на дне, обломки ведра с железными обручами и дужкой и сундук, от которого сохранились лишь железные угольники и оковка с частями обгоревшего дерева.

Среди многочисленных остатков железных вещей следует упомянуть так называемый «чеснок», дверную накладку (пробой), фрагменты цепи и кусок волоченой проволоки.

На полу жилища были найдены обгорелые кости кота. Полный обгоревший скелет кота был обнаружен под развалинами описанного выше «жилища художника», раскопанного в 1938 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря.

Пол жилища ровный, обмазан глиной, степень его обжига различна; по-видимому, местами пол подвергся действию сильного огня во время пожара. Следов разновременных подмазок на полу не установлено. Толщина слоя глиняной обмазки в среднем 0.10 м, она лежит непосредственно на светлом материковом лёссе.

После окончательной зачистки пола и фиксации всех остатков деревянных конструкций, обгорелое дерево и глиняная обмазка пола были удалены. Как только после удаления глиняной обмазки пола открылся подстилавший его светлый материковый лёсс, стало ясно, что раскопанное жилище было выстроено не на пустом, нетронутом месте. В плотном светлом материковом лёссе обнаружилось четко оконтуренное большое прямоугольное, почти квадратное в плане пятно. Заполнение в пределах этого пятна состояло из более рыхлого и более *темного по сравнению с материковым лёссом культурного слоя.*

По удалении заполнения открылось почти квадратное углубление, стенки которого были ориентированы точно по странам света (рис. 74). Южная, восточная и западная стенки имели длину 2.60 м, северная 2.68 м, глубина 0.25—0.35 м. По углам этого углубления выявлены круглые в плане ямы от верти-

кально врытых столбов (диаметр 0.30—0.35 м). При этом выяснилось, что яма от столба, обнаруженная у юго-восточной стенки верхнего жилища, на расстоянии 1 м от западного угла, представляла собой несомненно остаток юго-восточного углового столба этого нижележащего сооружения. Рыхлое заполнение ямы, образовавшееся от сгнившего основания столба, послужило причиной того, что глиняная обмазка пола вышележащего жилища обрушилась в эту старую яму нижнего сооружения.

Рис. 74. Помещение со столбовой конструкцией под полом жилища 1. Раскопки 1946 г.

Только теперь стало понятно, что прямоугольный выступ, который, как отмечено выше, прерывал прямую линию юго-западной земляной стенки верхнего жилища, представлял не что иное, как юго-западный угол вырытого значительно раньше прямоугольного сооружения, к моменту постройки нового жилища уже разрушенного. Остатки круглого столба в углу этого выступа, обнаруженные еще при зачистке пола верхнего жилища, принадлежали также не вновь сооруженному жилищу, а тому, развалины которого были в это время уже засыпаны.

В средней части южной и северной стен нижнего сооружения были обнаружены несколько меньшего диаметра (0.30 м) круглые ямки от вертикальных столбов, по-видимому, поддерживавших двускатную кровлю этого сооружения. Глубина всех шести ям от столбов почти одинакова (0.30—0.45 м).

Культурный слой, заполнявший прямоугольное углубление не был столь насыщен, как заполнение вышележащей полуземлянки, и существенно отличался от него по составу находок. Прежде всего в заполнении нижнего сооружения совершенно не встречались остатки обожженного дерева, составлявшего в верхнем жилище основную массу заполнения. Отличен и состав инвентаря, правда, сравнительно немногочисленного.

На полу сооружения было найдено большое количество крупных фрагментов от двух или трех красноглиняных амфор, несколько фрагментов керамики, покрытой поливой — зеленой на внешней поверхности и зеленой с желтоватыми разводами на внутренних стенках сосуда. Большой интерес представляет находка на полу этого сооружения вислой свинцовой печати.

Общий характер сооружения, вырытого в материке, размеры его и особенно остатки конструкции в виде четырех угловых столбов и двух средних, по-видимому, поддерживавших двускатную крышу этой постройки, не оставляют сомнений в том, что перед нами тоже полуземляночного типа жилище, существовавшее, судя по его составу инвентаря, в несколько более раннюю пору исторической жизни Киева и разрушенное до постройки жилища, подробно описанного выше. В отличие от последнего более древнее жилище не имело (или не сохранило) печи. Если terminus ante quem разрушения этого нижнего жилища определяется датой постройки верхнего жилища, то совершенно неожиданно заключительная фаза раскопок позволила установить и terminus post quem для его постройки.

После снятия глиняной обмазки пола на всей площади верхнего жилища, в углу, образуемом северо-западной стеной и печью, в светлом материковом лёссе, на глубине 2.25 м от дневной поверхности выявилось прямоугольное пятно с более рыхлым и более темным по цвету заполнением. Этот же характер грунта прослеживался и в профиле северо-западной земляной стенки землянки, над пятном, причем в полном соответствии с границами пятна, которые выявились в плане.

Расчистка этого пятна привела к обнаружению парного погребения в срубе. Характер погребального сооружения и богатый инвентарь, найденный в нем, позволили отнести это погребение к составу грандиозного языческого некрополя IX—X вв., располагавшегося за рвом Киевского городища довладимировой поры.[1]

Выше уже говорилось, что как валы и рвы городища, так и расположенный за ними языческий некрополь, были уничтожены Владимиром Свя́тославичем, значительно расширившим границы города. Над древним некрополем IX—X вв. в конце X—начале XI в. вырос новый город, в центре которого была в 989 г. заложена Десятинная церковь.

[1] М. К. Каргер. 1) Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным. КСИИМК, I, 1939, стр. 9—10; 2) Погребение киевского дружинника X в. КСИИМК, V, 1940, стр. 79—82; 3) К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. КСИИМК, VI, 1940, стр. 61—66. См. также главу III настоящего исследования.

На расстоянии 7 м к юго-западу от юго-западной стенки вышеописанного жилища I было раскрыто жилище II, близкое по типу к жилищу I, но в то же время отличавшееся от него некоторыми существенными чертами своего устройства (рис. 70). Сохранившаяся нижняя часть жилища II также представляла вырытое в материковом лёссе прямоугольное углубление, стенки которого удалось проследить на высоту 0.65—0.75 м от пола жилища (рис. 75). Вырубленные в плотном лёссе стенки отчетливо выявлялись при зачистке, хотя они не были ни обмазаны глиной, как это практиковалось во многих известных нам киевских жилищах этого типа, ни обложены деревом, как это было в жилище I. Остатки обгорелых деревянных досок были, правда, встречены и здесь, но в весьма небольшом количестве; по-видимому, это были обломки перекрытий или верхних наземных частей постройки. К числу последних, без сомнения, нужно отнести найденные обломки дерева с кусками глиняной обмазки.

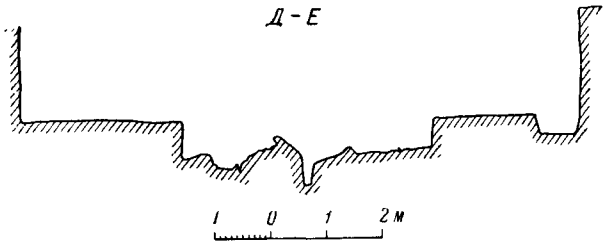


Рис. 75. Разрез жилища II. Раскопки 1946 г.

В южном углу жилища была обнаружена круглая яма с остатками вертикально стоявшего в ней столба. Остатки второго столба в круглой яме сохранились также в центре жилища. Столб стоял вплотную у самой стенки печи. Затрудняемся решить, составлял ли этот столб часть конструкции перекрытия жилища, или же он связан с каким-либо подсобным устройством палатей и т. п. Судя по диаметру столба, не уступающему угловому столбу, и одинаковой глубине ям, более правдоподобным представляется первое решение.

Контур углубленной части жилища сохранился не полностью (табл. XXXIX). Хорошо сохранилась лишь юго-восточная стенка жилища и почти полностью перпендикулярная к ней северо-восточная. Юго-западная стенка сохранилась лишь в южной своей половине, северная половина ее, так же как и вся северо-западная стенка, разрушены поздними глубокими ямами XIX в.

Вся северо-западная часть жилища прорезана глубоким погребом XIX в. с хорошо сохранившимися тремя большими вертикальными столбами (рис. 70). Глубокая поздняя яма прорезала и северную половину юго-западной стенки, разрушив заднюю (юго-западную) стенку печи. Несмотря на эти поздние разрушения, отличная сохранность всех других, не затронутых этими глубокими ямами частей жилища, позволяет реконструировать план жилища почти полностью.

Северная часть северо-восточной стенки обрезана поздней ямой почти у самого угла (северного) жилища, как это удалось проследить по хорошо сохранившемуся в этом месте глинобитному полу, границы которого позволили установить с полной несомненностью первоначальную длину северо-восточной стенки.

Хорошо сохранившаяся часть печи в западном углу жилища позволила подтвердить это наблюдение.

Жилище II имело почти квадратный план (3.00×3.15 м), было ориентировано совершенно аналогично жилищу I; северо-западная стенка жилища II расположена на одной линии с северо-западной стенкой жилища I.

В западном углу жилища сохранилась большая глинобитная печь, круглая в плане, имевшая полусферическую форму. Печь была обращена устьем к северо-восточной стенке жилища. Задняя юго-западная стенка печи, как уже сказано выше, срезана поздней ямой. Глубокий погреб, разрушивший северо-западную стенку жилища, послужил впоследствии причиной оползня и северо-западной половины печи, сильно накренившейся в сторону погреба, хотя и не обрушившейся туда целиком. Пóд печи не только получил сильный уклон в сторону ямы, но и глубокий разрыв почти по середине печи. Значительно сползла вниз и накренилась северо-западная половина свода.

Несмотря на эти разрушения, первоначальную форму и конструкцию печи удалось восстановить почти полностью (табл. XXXIX). Подобно многочисленным аналогичным печам, известным в ряде киевских построек XI—XIII вв., печь жилища II была сооружена на невысокой площадке невырубленного материкового лёсса и представляла глинобитную конструкцию с деревянным каркасом. Каркас этот, состоявший из тонких выгнутых прутьев, впоследствии выгорел, но прослеживался на внутренней поверхности свода печи в виде желобков-каннелюр, охватывавших всю внутреннюю поверхность печи. К сожалению, как и во всех подобных более ранних находках, обрушившаяся верхняя часть свода не позволила и в этом случае установить наличие или отсутствие дымохода.

Несмотря на оползень и разрывы, отлично сохранился сильно обожженный, совершенно гладкий пóд печи. Под глиняной обмазкой пода обнаружена выкладка из обломков керамики. Все сохранившиеся там фрагменты представляют образцы типичной киевской посуды, сделанной на гончарном круге с сильно отогнутыми венчиками, с характерным линейным и волнистым орнаментом. Многочисленные керамические находки на полу жилища почти не отличались по своим типам от этих фрагментов. Погребом, разрушившим северо-западную часть жилища, было сильно повреждено устье печи, вследствие чего устройство его проследить полностью не удалось.

Очень хорошо сохранился глиняный пол жилища, неоднократно (до четырех-пяти раз) наново подмазанный ровными слоями глины. Под полом у печи была обнаружена большая яма (глубиной 0.50—0.60 м), заполненная углем, золой и отбросами пищи. Дно этой ямы также неоднократно подмазывали

глиной. Ввиду разрушенности стенок этой ямы, первоначальную форму ее установить невозможно.

В отличие от жилища I, где не удалось обнаружить никаких признаков входа, в жилище II таковой хорошо прослеживался в северной части северо-восточной стенки в виде спуска сверху до уровня пола. Никаких ступеней не сохранилось. Необходимо отметить, что вход этот оказался сплошь заваленным обломками плоского, квадратного по форме кирпича древнейшего типа (X в.) и большими кусками шифера; тут же было найдено несколько фрагментов фресок. Как и многочисленные другие находки древних строительных материалов на изучаемой территории, эти находки, не связанные с жизнью самого жилища, свидетельствуют о близости развалин древнего каменного сооружения домонгольского периода.

Пол жилища был усеян многочисленными предметами, несомненно составлявшими инвентарь владельца жилища накануне катастрофы, послужившей причиной гибели не только жилища, но и его владельца. Степень сохранности обнаруженного в жилище инвентаря различна. Общий характер находок не только не оставляет сомнений в отношении их хронологической атрибуции, но и благодаря своеобразности подбора всего комплекса позволяет высказать некоторые предположения о социальном облике владельца жилища. Основным датирующим материалом и здесь являются многочисленные керамические фрагменты и один целый глиняный горшок, украшенный орнаментом в виде запятых и имеющий клеймо на донце. Гончарные клейма на донцах встречены в жилище II и на ряде фрагментов. Наряду с типичной кухонной посудой найдены многочисленные обломки большого толстостенного сосуда для хранения зерна и красноглиняных амфор. Общий характер керамических находок в жилище II совершенно тождествен составу находок жилища I.

Характерной особенностью инвентаря жилища II является обилие разнообразных железных изделий. Среди железных вещей, обнаруженных на полу жилища, многие предметы ввиду их крайней разрушенности в результате действия огня и коррозии, к сожалению, не поддаются определению. К числу их относятся изогнутая железная полоса, которая первоначально была принята за обломок меча, что при более тщательном рассмотрении не подтвердилось, и совершенно аморфные обломки железных изделий. Наряду с этим ряд железных вещей сохранился вполне удовлетворительно. К их числу относятся две косы, серп, безмен, замок, цепь от конских пут, долото, сверло, несколько ножей, стрелы. Обилия этих разнообразных по назначению железных предметов, может быть, было бы недостаточно для того, чтобы решить, что хозяин жилища-мастерской был кузнец, если бы наряду с этими вещами как в самом жилище, так и особенно за его северо-восточной стенкой (у входа) не было обнаружено большого количества криц и шлаков.

Кроме железных вещей, в жилище найдены разнообразные предметы, часть которых может быть связана не столько с производством, сколько с собственными нуждами хозяина: бронзовые чашки весов, свинцовые и глиняные гру-

зила, два каменных жернова, а также многочисленные кости животных и рыб.

Оба жилища по своему характеру относятся к широко распространенному в Киевской Руси типу полуземляночных построек с глинобитными стенами, возводившимися над вырезанным в материке прямоугольным углублением. Одно из жилищ было несколько больше по площади, чем второе, представляя сравнительно большую среди известных доныне киевских жилищ постройку.

В отличие от последних это жилище имело не глиняную, как обычно, а кирпичную печь, хотя и повторявшую по форме типичную для этого времени глинобитную печь с полусферическим сводом. Жилища, безусловно связанные между собой, расположены в нескольких метрах одно от другого на одной прямой линии и имеют одинаковую ориентировку.

Не вызывает никаких сомнений датировка всего комплекса инвентаря, найденного в обоих жилищах. Все находки в землянках относятся к широко распространенным в XII—XIII вв. в Киеве и в других городах Киевской земли типам вещей, что позволяет определить и дату обоих раскопанных жилищ в этих же пределах.

Состав инвентаря обоих жилищ и особенно обстоятельства гибели их в стихийном пожаре, сопровождавшемся ожесточенным сражением, результатом которого были груды скелетов в развалинах жилища I и костяки двух людей, спрятавшихся в печи жилища II, — все это позволило связать разрушение описанных жилищ с трагическими событиями разгрома Киева татаро-монгольскими полчищами в декабре 1240 г.[1]

Раскопки Киевской археологической экспедиции 1948—1949 гг. дали новые ценные материалы для характеристики киевского жилища домонгольской поры. Наряду с раскопками в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря, приведшими в 1949 г. к открытию описанного выше «жилища с бусами», экспедиция вновь развернула прерванные войной и временной оккупацией Киева раскопки на территории древнейшей части Киева. Территория бывших усадеб Петровского и Десятинной церкви (позже усадьба Художественной школы) в 1945 г. была передана Киевскому государственному историческому музею в качестве исторического заповедника. Одной из важнейших очередных задач в деле организации заповедника было завершение археологического исследования его территории.

Раскоп был заложен на небольшом участке между двумя жилыми домами в южной части усадьбы Исторического музея (рис. 76).

Ничтожная площадь, доступная для раскопок, при весьма значительной глубине культурных напластований очень затрудняла работу. Однако, несмотря на это, раскопки (общая площадь их всего 32 м²) дали новые материалы

[1] М. К. Каргер. Киев и монгольское завоевание. СА, XI, 1949, стр. 67—72; см. также главу IX настоящего исследования.

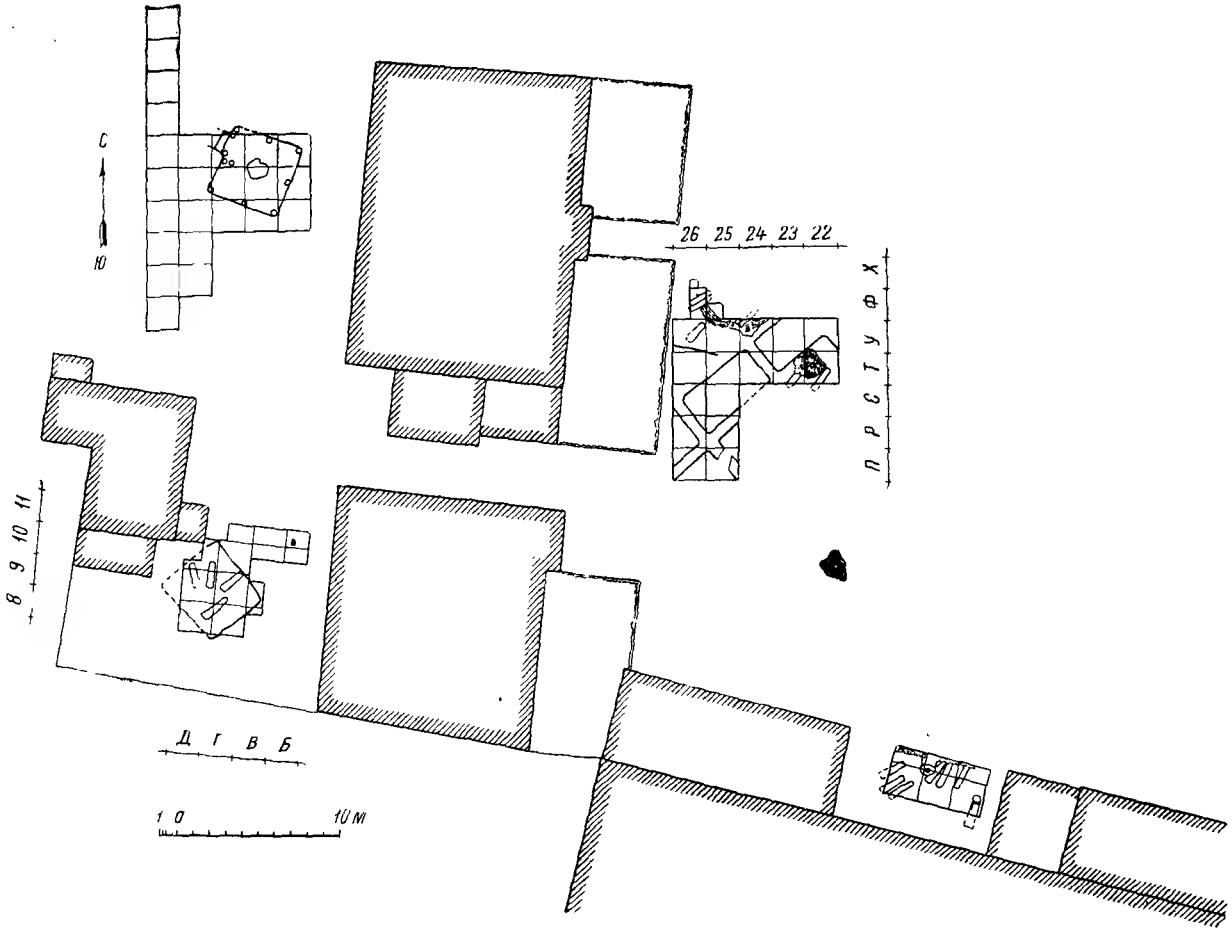


Рис. 76. План раскопок 1948—1949 гг. в усадьбе Киевского исторического музея.

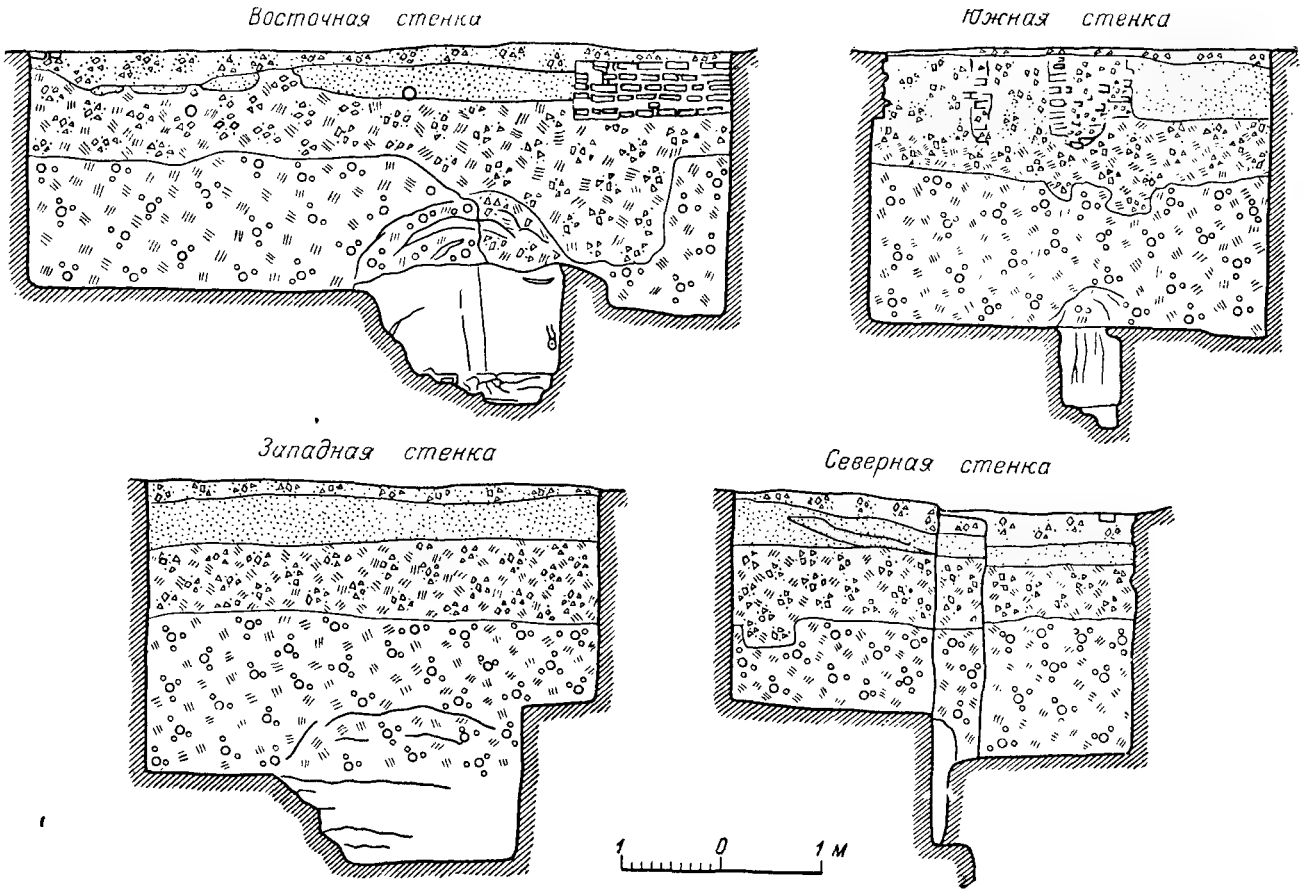


Рис. 77. Раскоп 1948 г. Профили.

для характеристики этого наиболее насыщенного древними памятниками района Верхнего Киева.[1]

Раскопанный участок по сравнению с другими участками заповедника, подвергавшимися в различное время археологическим исследованиям, отличался исключительно четкой неперебитой стратиграфией (рис. 77, 78), обещавшей хорошую сохранность глубоко лежавших, не тронутых в позднее время древних пластов. Уже на весьма небольшой глубине (0.50—0.70 м) лежал мощный гумусный слой толщиной до 0.4—0.5 м, насыщенный строительными остатками

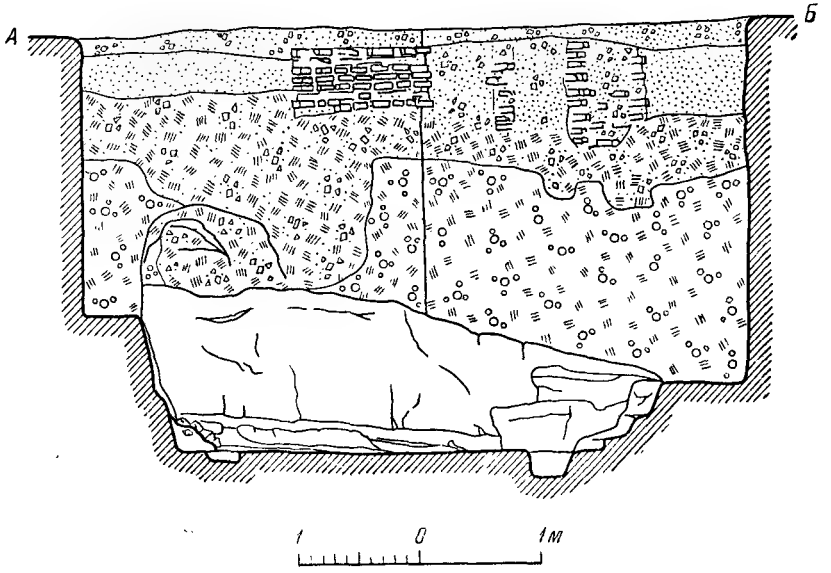


Рис. 78. Раскоп 1948 г. Разрез.

какой-то весьма древней постройки. Обломки плоских, очень тонких плинф, куски известкового раствора с примесью толченого кирпича (цемянки), обломки шиферных плит, обломки круглых оконных стекол с загнутыми бортиками и многочисленные фрагменты штукатурки, покрытой фресковой росписью, найденные в этом слое, не оставляли сомнений в глубокой древности здания, из которого они происходили.

Первоначально казалось, что этот насыщенный древними строительными остатками слой сигнализирует о близости развалин какой-то каменной, богато украшенной постройки. Однако на глубине 1.2—1.3 м от уровня современной поверхности этот слой кончился. Ниже, очень четко отделяясь от этого слоя со строительными остатками, лежал черный жирный гумусный слой, содержавший довольно многочисленные обломки древней керамики, стеклянных браслетов, шиферные пряслица и другие предметы, характерные для домонгольского

[1] М. К. Каргер. Розкопки на садибі Київського історичного музею. Археологічні пам'ятки УСРС, т. III, Київ, 1952, стр. 5—10.

периода. Толщина этого слоя достигала 1.30—1.45 м. В нижних горизонтах количество находок увеличивалось. На глубине 1.95—2.60 м обнаружено четыре поздних погребения с очень скудным инвентарем, относящихся, по-видимому, к послемонгольскому времени. На глубине 2.50—2.70 м в материковом лёссе четко прослеживались очертания прямоугольного в плане жилища полуземляночного типа (рис. 79). Стенки его местами сохраняли значительные следы глиняной обожженной обмазки. Пол жилища был плотно утоптан и также имел следы обжига, однако глиняной обмазки на нем не было.

Вдоль северо-восточной стенки обнаружены три ямы от вертикально стоявших столбов с остатками истлевшего дерева; две из них были расположены в углах, третья почти посредине стены. Глубина ям от уровня пола жилища 0.12, 0.08, 0.15 м. Столбы расположены не у самой стенки, а на расстоянии 0.30—0.40 м от нее. Такая же яма от столба была обнаружена и в южном углу жилища. Стены полуземлянки в этом углу сохранили остатки толстого слоя сильно обожженной глиняной обмазки. В южном углу жилища, по-видимому, находилась глинобитная печь, от которой, однако, сохранился лишь завал обожженной глины и много золы. Перед печью в полу была припечная яма для золы. На полу, особенно в восточном углу жилища, найдено значительное количество обгорелого дерева — очевидно, остатки перекрытия.

По своему типу и размерам открытая в 1948 г. постройка ближайшим образом напоминает описанные выше жилища полуземляночного типа, раскопанные на территории Михайловского Златоверхого монастыря.

В заполнении углубленной части полуземлянки, по преимуществу в нижних слоях этого заполнения и особенно на полу, было найдено весьма значительное количество разнообразных предметов, позволяющих понять, что полуземлянка 1948 г. была, как и большинство подобных сооружений, ранее раскопанных в различных районах древнего Киева, не только жилищем, но и ремесленной мастерской.

Инвентарь, найденный в полуземлянке, также распадается на две группы. К первой относятся предметы личного быта владельца постройки, служившей, как только что сказано, его жилищем, ко второй — предметы, связанные с ремесленным производством: орудия производства, различные отходы производства, отчасти готовая продукция.

К первой группе нужно отнести прежде всего многочисленные фрагменты керамики, в основном обломки кухонной и столовой посуды, типы и керамические особенности которой полностью повторяют широко распространенную в Киеве XII—XIII вв. глиняную посуду. Большая часть керамических находок представляет обломки горшков с сильно отогнутым венчиком, украшенных по плечикам линейным орнаментом, ниже которого расположены небольшие углубления в виде запятых. На донцах этих горшков нередки клейма. На внутренней поверхности стенок этого типа посуды следы запекшейся пищи; внешняя поверхность обычно сильно закопчена.

Как и во многих других киевских жилищах этой поры, на полу жилища были найдены обломки раздавленного большого толстостенного сосуда с довольно широким горлом и низкой шейкой, по-видимому, и здесь служившего в качестве хранилища запасов зерна. К распространенному в киевской керамике XII—XIII вв. типу посуды относится найденный в землянке белоглиняный

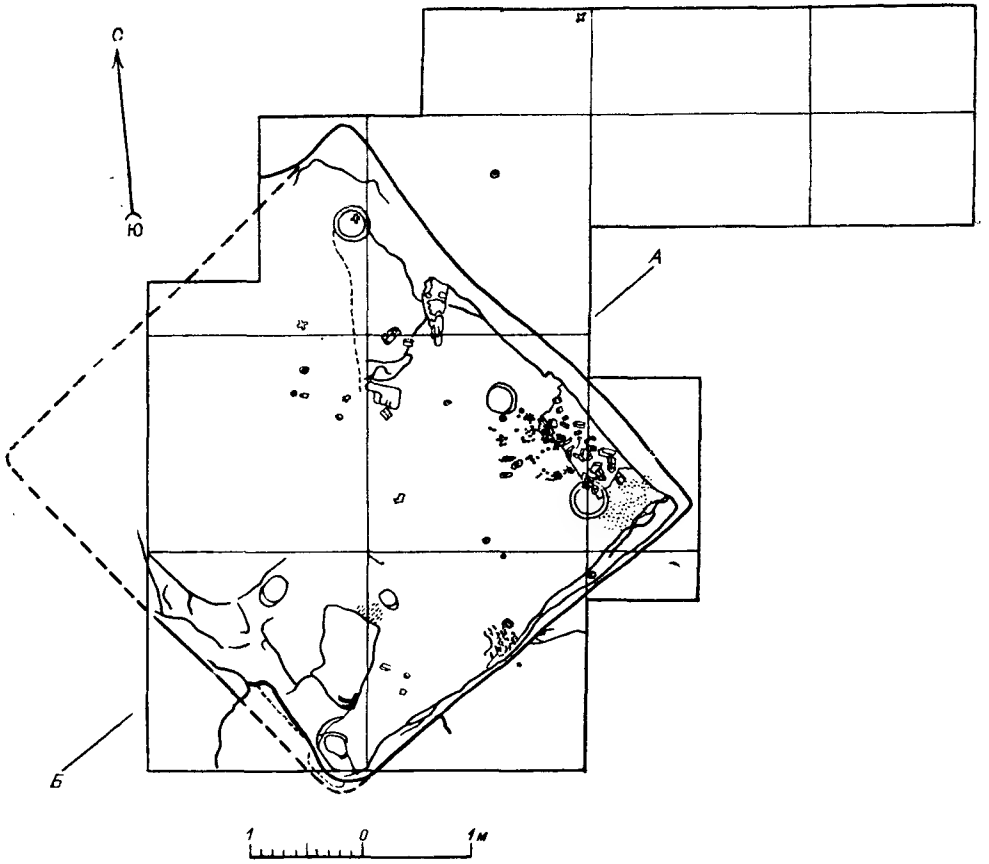


Рис. 79. План жилища. Раскопки 1948 г.

плоский ковш с сильно выступающей ручкой. Обломки красноглиняных амфор были немногочисленны.

Вновь найдены образцы местной поливной посуды, покрытой с двух сторон светло-желтой, несколько зеленоватой поливой, а также сравнительно редко встречающиеся образцы глиняной посуды с росписью.

К числу предметов личного обихода владельца нужно отнести также обломки глиняных светильников, железную дужку от деревянного ведра, железные ножи и гвозди, обуглившиеся обломки какого-то деревянного сосуда с остатками перегоревшей муки, разбросанные в различных частях жилища остатки

обуглившихся запасов зерна (пшеница, просо, горох), а также рыбьи кости и чешую.

По-видимому, к этой же категории бытовых вещей можно отнести два маленьких каменных крестика-тельника, янтарный крестик, хрустальную бусину и аморфные обломки каких-то костяных изделий.

Все перечисленные предметы и в особенности образцы керамики, глиняные светильники, пять шиферных пряслиц, обломки стеклянных браслетов, железные замки, позволяют с уверенностью отнести раскопанное жилище к XII—XIII вв.

Особый интерес вызывают находки, которые можно с полной уверенностью считать остатками ремесленного производства владельца жилища. По всему полу жилища в весьма значительном количестве были разбросаны различной формы обрезки бронзовых пластинок и проволоки и разнообразные предметы, сделанные из бронзы.

Изучение ближайшего окружения обнаруженного в 1948 г. жилища-мастерской было продолжено в 1949 г. Раскопки этого года были развернуты на более значительном участке (92 м^2), расположенном к северу от раскопа 1948 г., вдоль западного фасада одноэтажного кирпичного жилого дома (рис. 76).

В противоположность участку, раскопанному в 1948 г., отличавшемуся, как отмечено выше, четкой, неперебитой стратиграфией, участок, раскопанный в 1949 г., был испорчен многочисленными поздними ямами, траншеями и фундаментами поздних построек. Тем не менее и здесь удалось обнаружить хорошо сохранившуюся постройку полуземляночного типа (рис. 80).

Полуземлянка представляла вырытую в материковом лёссе прямоугольную выемку размером 4.10×4.30 м. Все углы и стенки, вырезанные в плотном лёссе, имели очень правильную геометрическую форму. По отношению к древнему горизонту пол землянки углублен на 0.7 м, по отношению к уровню современной поверхности — на 2.6 м. Стенки и пол глиняной обмазки не имели. Во всех четырех углах были обнаружены круглые ямки с хорошо сохранившимися остатками вертикально стоявших круглых столбов. Такие же столбы стояли у середины всех четырех стенок полуземлянки. Северная стенка частично разрушена траншеей каких-то старых археологических раскопок. В северной половине северо-западной стенки хорошо сохранились две нижние ступени входа, по сторонам которых расположены круглые ямки от столбов.

Посредине сохранилось пятно сильно обожженной глины; вокруг него — скопление золы и мелкого угля. Обожженная глина является, по-видимому, остатком пода глинобитной печи, перед которой расположена припечная яма, заполненная золой и углями. Необходимо отметить необычное для киевских жилищ положение печи в центре жилища. Между печью и южным угловым столбом находится еще одна неглубокая подпольная яма.

Никаких следов пожара, столь характерных для большей части киевских жилищ, разрушенных во время монгольского разгрома Киева в 1240 г., здесь нет. Сильно отличается полуземлянка 1949 г. и по характеру найденного в ней

инвентаря. В отличие от большей части ранее раскопанных киевских жилищ-мастерских, обычно наполненных разнообразным, порой весьма драгоценным инвентарем, в частности орудиями производства, запасами сырья, готовыми изделиями, хозяйственной посудой, запасами зерна и пр., в полуземлянке 1949 г. найдены лишь незначительные обломки керамики, несколько фрагментов стеклянных браслетов, шиферное пряслице, железный ножик, несколько

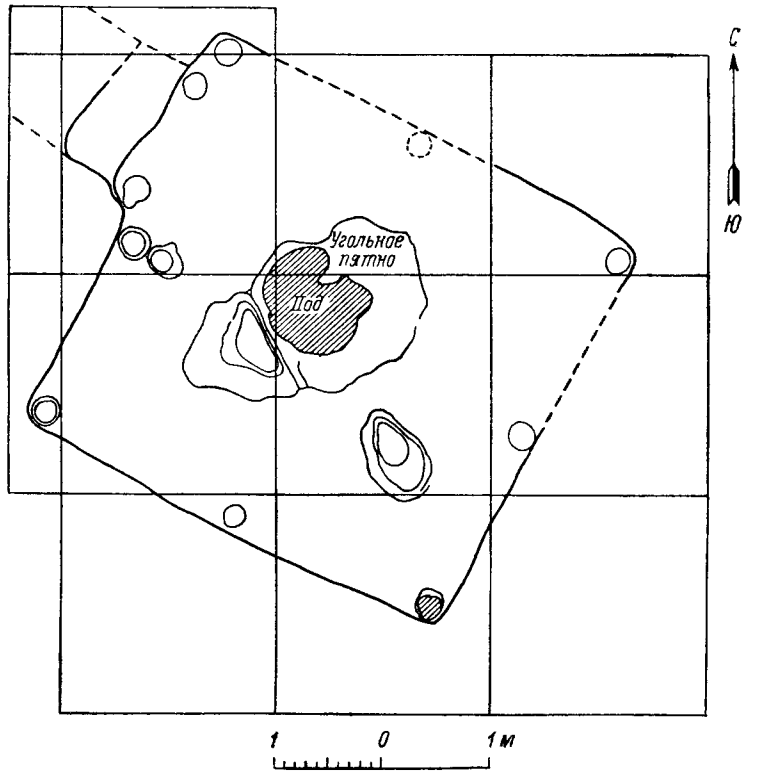


Рис. 80. План жилища. Раскопки 1949 г.

железных гвоздей и обломки кирпичей, среди которых были и плоские плинфы и брусковые кирпичи с бороздчатой поверхностью.

Особый интерес представляют найденные на полу жилища три фрагмента привозной поливной посуды. Первый из них представляет довольно большой обломок красноглиняного кувшина, декорированного орнаментальной росписью зеленой и желтой красками по ангобу. Рисунок обведен черной вдавленной линией. Кувшин с аналогичной орнаментацией был найден в Херсонесе в 1903 г.[1] Два других, меньшего размера фрагмента от блюд с росписью того же характера также имеют ближайшие аналогии в херсонесской керамике.

[1] К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году. ИАК, вып. 16, СПб., 1905, стр. 69, рис. 29.

По всем признакам жилище не было брошено своими обитателями в обстановке катастрофы, характерной для большей части ранее раскопанных киевских жилищ. Переместившиеся по тем или иным причинам на другое место обитатели жилища имели возможность забрать с собой все свое имущество, оставив на полу только ненужные черепки посуды и обломки костей. Может быть, это произошло при каких-либо работах по перепланировке княжого двора. Сказанное позволяет отнести жилище к несколько более раннему времени по сравнению с основной массой раскопанных в Киеве жилищ полуземляночного типа, но во всяком случае не ранее XI—начала XII в.

Среди древних предметов, найденных в окружении жилища, хотя с ним непосредственно не связанных, следует отметить ряд обычных массовых предметов, характерных для городских слоев XI—XIII вв.: фрагменты керамики с линейным, волнистым и зигзагообразным орнаментом, стеклянные витые и гладкие браслеты, шиферные пряслица. Кроме того, найдены боевой топорик, наконечник железной стрелы, лицевая створка большого креста-энколпиона с гравированным изображением распятия, сохранившаяся целиком «амфорка киевского типа» и фрагмент толстостенного глиняного тигля с остатками плавленого серебра на внутренней поверхности стенок.

В 1948 г. раскопками В. А. Богусевича на горе Киселевке были обнаружены еще два плохо сохранившихся жилища полуземляночного типа.[1] Нижняя часть обоих жилищ была вырыта в материковом грунте на глубину от 0.3 до 0.65 м. Вдоль стен обоих жилищ были обнаружены незначительные остатки обгоревших плах.

В. А. Богусевич утверждал, что обе полуземлянки представляли собой «чисто срубные постройки», изменяющие наши представления о характере жилищ домонгольского Киева.[2] Однако плохая сохранность сильно обгоревших деревянных частей построек не давала никаких оснований для реконструкции их в качестве «чисто срубных построек». Сам исследователь сообщал о том, что раскопками обнаружено большое количество глиняной обмазки деревянных стен,[3] что также отнюдь не свидетельствует в пользу «чисто срубного характера» построек.

Внутри обеих построек не обнаружено никаких остатков печей. В первой постройке найдены обломки глиняной посуды, две обгоревших деревянных бочки, фрагменты стеклянных браслетов, обломок каменной литейной формочки, железные ножи и наконечники стрел. Наиболее интересной находкой является однолезвийный меч. Все предметы относятся к началу XIII в., что свидетельствует, по-видимому, о разрушении постройки во время татаро-монгольского разгрома Киева.[4] Во второй постройке никакого инвентаря не обнаружено.[5]

[1] В. А. Богусевич. Розкопки на горі Киселівці. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 66—72.

[2] Там же, стр. 69.

[3] Там же, стр. 68.

[4] Там же, стр. 69.

[5] Там же.

В 1950 г. на Подоле В. А. Богусевичем был раскопан комплекс жилищ, истолкованный исследователем как «большой наземный дом».[1]

Весьма скудная документация, опубликованная исследователем, в частности полное отсутствие фотографий процесса раскопок, в то время как фиксация памятника состоит в основном из «реконструкций» автора, не убеждают в правильности интерпретации раскопанного им жилища как «большого трехкамерного наземного дома».

Группа жилищ полуземляночного типа была обнаружена раскопками Киевской археологической экспедиции Института археологии АН УССР в 1955 г. в усадьбах домов 7—9 по Владимирской ул. (руководитель раскопок В. К. Гончаров).[2] В связи со строительством нового дома здесь удалось провести раскопки на значительном участке, площадь которого достигала 1100 м². Участок этот расположен в юго-западной части города Владимира, в непосредственной близости к территории наших раскопок 1946 г., в усадьбе д. 4 по Б. Житомирской ул. Раскопками были открыты остатки девяти жилищ-полуземлянок с бытовым инвентарем XI—XIII вв., а также два горна производственного назначения. Все жилища имели прямоугольный план и были углублены в материковый лёсс на 0.4—0.5 м. В углах многих жилищ сохранились глинобитные печи на деревянном каркасе, следы которого прослеживались на внутренней поверхности свода. Во всех полуземлянках обнаружены круглые ямки от угловых столбов. Некоторые полуземлянки перерезали одна другую, что свидетельствует о неодновременности их постройки. Однако по составу бытового инвентаря они почти не отличаются. По-видимому, время их существования не было разделено длительным промежутком.

Бытовой материал, обнаруженный под обвалом верхних частей построек, состоит из многочисленных обломков керамики, шиферных пряслиц, фрагментов стеклянных браслетов и разнообразных железных изделий — трубчатых замков, ножей, обручей, гвоздей и пр. В одной из полуземлянок найдено большое количество отходов бронзолитейного производства, в том числе части бронзового хороса.

По составу инвентаря бóльшую часть жилищ исследователь отнес к первой половине XIII в. На полу одного жилища была обнаружена свинцовая печать Ярослава Мудрого с греческой надписью. Это жилище по составу керамических находок В. К. Гончаров считал более древним, относя его к XI в.[3] На том же участке были раскопаны плохо сохранившиеся остатки какой-то наземной постройки, план которой, однако, реконструировать не удалось. Под завалом был найден клад, состоявший из золотых и серебряных ювелирных изделий,

---

[1] В. А. Богусевич. 1) Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве. Тезисы доклада. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 47—48; 2) Археологічні розкопки в Киеві на Подолі в 1950 р. Археологія, т. IX, Київ, 1954, стр. 42—53.

[2] В. К. Гончаров. Археологічні розкопки в Киеві у 1955 р. Археологія, т. V, Київ, 1957, стр. 122—135.

[3] Там же, стр. 129—130.

зарытый, по-видимому, в 1240 г.[1] Раскопками удалось обнаружить следы частокола, который огораживал отдельные дворы, расположенные вдоль древней улицы, ось которой совпадала с осью открытых построек. Весьма правдоподобно предположение В. К. Гончарова о том, что часть открытых раскопками жилищ могла находиться на территории Федоровского Вотча монастыря или же входила в состав княжого Мстиславля двора.[2]

Недостаточно тщательные наблюдения в процессе раскопок жилищ и совершенно неудовлетворительная фиксация их, применявшаяся вплоть до недавнего времени, очень затрудняли задачу их реконструкции. Попытки реконструкции киевских и белгородских жилищ-мастерских, сделанные в начале XX в. В. В. Хвойкой, к сожалению, не сопровождались документальной графической фиксацией процесса раскопок, что делало малоубедительными все построения автора. Несмотря на довольно значительное количество жилищ, раскопанных в Киеве и в других городах южной Руси, наши представления о типе и конструкции массовых жилищ в южнорусских городах XI—XIII вв. до последнего времени были очень неточны и неполны.

Тщательно раскопанные за последние десятилетия остатки многочисленных жилищ-мастерских в различных городах южной Руси дали не только значительные новые материалы, но и позволили осмыслить и переоценить некоторые результаты предшествующих раскопок. Несколько десятков отлично сохранившихся жилых построек, раскопанных за это время в различных районах древнего Киева, позволяют достаточно детально изучить конструкции массовых городских жилищ, сделать попытку реконструкции их внешнего и внутреннего облика, исследовать вопрос о происхождении типа киевских жилищ и пр.

Многочисленные отлично сохранившиеся остатки жилищ, открытые в Киеве, неоспоримо свидетельствуют о том, что основным типом массового городского жилища, даже в самом крупном городском центре Киевской земли, вплоть до XII—XIII вв. продолжала оставаться полуземляночная постройка, нижняя часть которой представляла прямоугольное углубление, вырытое в грунте.

Над этим углублением возвышались глинобитные стены, деревянный каркас которых состоял из нескольких вертикальных столбов, врытых в землю, соединенных между собой немногочисленными деревянными перевязями, переплетенными тонкими прутьями.

Так как углубленность нижней части жилища в землю была обычно довольно незначительна (от 0.3 до 1 м), распространенное в археологической литературе наименование этого типа жилищ «землянками» не вполне точно и во всяком случае требует специальной оговорки. За последнее время в применении к описываемому типу жилищ получил распространение термин «полуземлянка», которым пользовался еще в 90-х годах прошлого века Н. Беляшевский, называвший так раскопанные им жилища на городище Княжа гора.

---

[1] В. К. Гончаров. Археологічні розкопки. . ., стр. 131—132 и табл. II.

[2] Там же, стр. 134.

Пол и стенки вырытого в грунте углубления обычно бывают покрыты глиняной обмазкой. В плотном материковом грунте вырубались ступени входа, тоже обычно обмазанные глиной.

Глиняная обмазка нижней части стен, пола, ступеней нередко имеет явные признаки обжига. Однако до сих пор не удалось установить с уверенностью, подвергалась ли глиняная обмазка жилища обжигу при постройке, т. е. до возведения деревянного каркаса наземной части постройки, или же следы обжига в раскопанных жилищах являются результатом действия огня во время пожара, разрушившего эти жилища.

В отдельных случаях вместо глиняной обмазки стенки углубленной части жилища были обложены досками, которые укреплялись в пазах угловых столбов. Наиболее хорошо сохранившийся пример подобной конструкции представлен жилищем I, раскопанным в 1946 г. на Б. Житомирской ул. Этот тип жилища отнюдь не следует относить к срубным постройкам, ибо конструктивной основой такого сооружения являются не венцы горизонтально положенных бревен, а вертикально врытые угловые столбы. Наземная часть такой постройки имела глинобитные стены на деревянном каркасе.

План описываемых полуземляночных сооружений всегда прямоугольный, чаще всего квадратный. Размеры постройки крайне незначительны, колебания в размерах невелики. Иногда попадались жилища, состоявшие из двух примыкающих вплотную одно к другому помещений.

Устройство кровли, как и вообще наземных частей жилища, пока не поддается точной реконструкции в деталях. Расстановка столбов в жилищах позволяет предположить обычно двускатную кровлю, хотя в отдельных случаях может быть применялась и односкатная. Над входом иногда устраивался навес — крыльцо на деревянных столбах, врытых в землю. В отдельных случаях исследователи отмечали наличие «сеней», примыкавших к основной постройке.

Чрезвычайно устойчивым является устройство глинобитной печи, которая по технике сооружения как бы повторяет конструкцию самого жилища. Конструктивной основой ее является деревянный каркас из прутьев, обмазанных глиной. В отдельных случаях основой глинобитного свода печи были деревянные колья. Печь обычно устраивалась на небольшом возвышении-постаменте, поднимавшемся над уровнем пола на 20—30 см. Под глиняной обмазкой пода печи нередко лежит слой битой глиняной посуды или кирпичей. По свидетельству, В. В. Хвойки, ему попадались печи, под которых был забит обломками камня. В. В. Хвойка отмечал, что печи в жилищах, открытых им в усадьбе Петровского, снаружи были тщательно сглажены и часто расписаны двух-трехцветным узором.[1]

Среди киевских жилищ, раскопанных в последние годы, дважды встречены печи, сложенные из брускового кирпича с бороздками на постельной части. Кирпич этого типа, известный под названием «литовского», обычно отно-

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 73.

сили к XV—XVII вв. Неоспоримые факты свидетельствуют, однако, что в хозяйственных постройках этот тип кирпича в Киеве начали применять еще в XIII в., накануне монгольского нашествия. Наиболее хорошо сохранившийся образец кирпичной печи обнаружен в жилище I, раскопанном в 1946 г. на Б. Житомирской ул. По форме и размерам кирпичная печь в этом жилище ничем не отличается от глинобитных печей того же времени.

Лишь однажды в киевских жилищах была обнаружена печь, сложенная из камня (раскопки Д. В. Милеева в усадьбе Митрополичьего дома). По форме и она повторяла типичную сводчатую глинобитную печь. В полуземляночных жилищах Галича и Плеснеска, как показали раскопки этих городищ, каменные печи, сложенные на глине, представляли наиболее распространенный тип печей.[1]

Не только конструкция, но и самое наличие дымоходов пока не установлено.

Характерной особенностью киевских жилищ XI—XIII вв. является наличие во многих из них подпольных ям. Некоторые из этих ям служили, по-видимому, для хранения различных запасов, другие, размещавшиеся обычно возле печи,— для выгребания золы и угля из печи. Распространенным был обычай зарывать под пол большой глиняный сосуд для хранения в нем запасов зерна.

Подле жилищ, иногда примыкая к ним вплотную, также располагались разных размеров ямы, служившие хранилищем различных хозяйственных предметов и продуктов. Сверху они были, очевидно, прикрыты деревянными навесами. Распространенное наименование «зерновые» далеко не всегда правильно определяет их назначение.[2] Об этом свидетельствует большое количество костей животных и обломков различной посуды, найденных в этих ямах. Внутренняя поверхность ям часто бывает обмазана обожженной глиной.

Большая часть жилищ, раскопанных в Киеве, несомненно относится к концу XII—XIII в. Многие из них, как указывалось выше, были разорены и сожжены во время разгрома города татаро-монгольскими полчищами в 1240 г. Однако не все киевские жилища относятся к этой поре. Жилище, раскопанное в 1949 г. в усадьбе Исторического музея, небольшая постройка, перекрытая жилищем XIII в. на Б. Житомирской ул. (раскопки 1946 г.), жилище на Детинке (раскопки 1930 г.), два жилища, раскопанные в 1940 г. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря, должны быть отнесены к XI или началу XII в. Никакими существенными особенностями эти более ранние постройки не отличаются. Как будет показано ниже, традиции массового жилища горожан уходят своими корнями в еще более далекое прошлое восточного славянства.

Крайне незначительные по площади участки, доступные для производства археологических раскопок в Киеве, не позволяют до настоящего времени

---

[1] І. Д. Старчук. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 383 и сл.

[2] Распространенное в археологической литературе наименование этих ям «зерновыми» восходит к Русской Правде, где сказано: «Аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их будеть крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун» (Правда Русская, II, стр. 393).

изучить вопрос о характере планировки городских усадеб, улиц и площадей. Даже в редких случаях, когда на более или менее значительной территории удавалось раскопать группу жилищ, — решать вопрос о их взаимосвязи было очень трудно. Жилища, раскопанные на территории Михайловского монастыря, расположены несомненно какими-то группами. Полуземлянки I и II, VI и VII явно связаны между собой. Обращает внимание устойчивая ориентация всех жилищ, раскопанных в 1938 г. в усадьбе Михайловского монастыря. Тесно связаны между собой и одинаково ориентированы два жилища, раскопанные в 1946 г. на Б. Житомирской ул. Однако эти наблюдения совершенно недостаточны для решения вопросов планировки городских усадеб, в состав которых некогда входили эти жилища.

Перечисляя достаточно подробно разнообразный инвентарь, обнаруженный под развалинами жилищ, мы преследовали две цели. Находящиеся в жилищах разнообразные предметы, связанные с бытовыми нуждами их обитателей, позволяли точнее определить время разрушения жилищ, т. е. установить верхнюю дату их существования. Для решения одной этой задачи можно было бы, конечно, значительно сократить описание находок, сосредоточив внимание лишь на тех категориях предметов, которые поддаются наиболее точной датировке. Не делая этого, мы исходили из необходимости собрать материал и для решения другой не менее важной задачи. Бытовой инвентарь, находимый в жилищах, позволяет нагляднее, полнее и глубже понять социальный характер изучаемых жилищ.

Типичность, если не сказать стандартность, этого инвентаря и повторяющийся в различных городских жилищах Среднего Поднепровья его состав позволяет видеть в нем, по-видимому, характерный облик личного быта городского ремесленника XII—XIII вв., с его скудным достатком и крайне непритязательными условиями существования. Эти условия прекрасно отражены в литературном памятнике, почти современном изучаемым нами киевским жилищам. Рисуя приемом контрастного сопоставления с бытом господствующих классов быт «убогих», автор писал: «Сидяшту ти в зиму в тепле храмине и без боязни изнаживъшуся; въздъхни, помыслив о убогых, како клянять над малъмь огньцемь съкърчившеся большу же беду очима оть дыма имуште, руце же тъкмо съгревающе, плешти же и вьсе тело морозъмь измьрьзже».[1] Отрывок этот взят из «Стословца Геннадия», вошедшего в известный Изборник Святослава 1076 г. Автор этого сочинения и русские читатели XI в. в этом отрывке могли в полной мере почувствовать реальный быт окружавшей их действительности с ее резкими социальными контрастами. Эти социальные контрасты были тем острее, что сопоставление быта господствующих верхов и «убогих» не являлось только литературным приемом. Эти сопоставления были реальным фактом повседневной жизни для тех и других социальных слоев древнерусского города, ибо

[1] В. Шимановский. К истории древнерусских говоров. Варшава, 1887, стр. 426.

убогие полуземляночные жилища одних ютились в непосредственной близости от преисполненных расточительным богатством и сказочной роскошью деревянных хором и каменных дворцов других.

2. МАССОВЫЕ ЖИЛИЩА В ГОРОДАХ ЮЖНОЙ РУСИ

Многочисленные жилища полуземляночного типа с глинобитными на деревянном каркасе стенами, открытые раскопками в Киеве, по их облику и конструктивной схеме ближайшим образом напоминают жилища X—XIII вв., раскопанные в ряде других южнорусских городов.

Значительно раньше, чем в Киеве, массовые жилища горожан были обнаружены на многочисленных городищах Среднего Поднепровья. В числе наиболее ранних исследований этого рода, давших весьма ценные материалы для характеристики городского жилища, следует упомянуть раскопки, проведенные в 1891—1892 и в 1899 гг. Н. Ф. Беляшевским на известном городище Княжа гора (к югу от г. Канева). Несмотря на то, что бóльшая часть городища оказалась полностью разрушенной кладоискателями, Н. Беляшевскому все же удалось обнаружить десятки сохранившихся в различной степени древних жилищ и хозяйственных построек.[1]

К сожалению, графическая фиксация процесса раскопок либо вовсе отсутствовала, либо осталась в записных книжках Н. Ф. Беляшевского. План и многие конструктивные особенности жилищ были и для самого исследователя не вполне ясными, однако уже в первый год раскопок он совершенно правильно уловил основные черты жилищ Княжой горы. «Остатков дерева, — писал Н. Ф. Беляшевский, — сгнившего или обугленного, за небольшими исключениями, совсем не найдено; некоторые указания могут дать найденные сравнительно в небольшом числе куски обожженной глины, на которых с одной стороны находятся отпечатки плетеных ветвей, — это остатки обмазки; следовательно, — справедливо заключал автор, — на Княжой горе были постройки плетеные, обмазанные глиной».[2]

Вывод Н. Ф. Беляшевского о том, что на Княжой горе существовали также и деревянные постройки, сделанный на основании находок гвоздей, костылей и различного рода пробоев,[3] едва ли может быть признан убедительным. Сам исследователь тут же подчеркивал, что на городище обугленного дерева было найдено очень мало — всего несколько незначительных кусков брусьев. Обнаруженный же в овраге под обрывом мощный завал мелкого угля Беляшевский

---

[1] Н. Ф. Беляшевский. 1) Раскопки на Княжей горе в 1891 г. КС, т. XXXVI, Киев, 1892, январь, стр. 61—104; 2) Раскопки на Княжей горе в 1892 г. КС, т. XLI, Киев, 1893, апрель, стр. 134—142; 3) Раскопки на Княжей горе. ДТМАО, т. XVI, М., 1900, стр. 82—84. См. также: Раскопки на городище «Княжа гора». АЛЮР, т. I, Киев, 1899, май, Исслед. и раскопки, стр. 60—61.

[2] Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей горе в 1891 г., стр. 64.

[3] Там же.

справедливо считал остатками сгнившего деревянного частокола, которым было обнесено городище.

Все открытые на Княжой горе жилища, судя по описанию Н. Ф. Беляшевского, относились к типу полуземляночных построек. Следует отметить, что и сам исследователь назвал одно из раскопанных им жилищ «полуземлянкой».[1]

Раскопками на Княжой горе были обнаружены остатки глинобитных печей, число которых только в первый год раскопок превысило два десятка. В 1892 г. была открыта печь, сохранившаяся почти полностью и потому достаточно подробно описанная исследователем. Она имела конусообразную форму со срезанным верхом (высота 0.7 м, диаметр основания 1.4 м, диаметр вершины 0.7 м). По наблюдениям исследователя, внутри печи в глине были видны отпечатки поставленных наклонно кольев, служивших основой, на которую накладывалась глина. Эта конструкция неоднократно отмечалась выше, при описании печей киевских жилищ.

Многочисленные находки в жилищах не оставляют никаких сомнений в том, что основная масса их относится к XII—началу XIII в.

Несмотря на отсутствие чертежей и фотографий, описания жилищ, раскопанных на Княжой горе, позволяют достаточно наглядно представить их облик. Характеризуя одно из наиболее сохранившихся жилищ, исследователь отметил, что помещение это было тесным и неудобным, но с этим, по его мнению, «русским поселенцам половины XIII в., жившим на окраине Киевского княжества, в близком соседстве с дикими степняками, приходилось мириться».[2]

Остатки разрушенных полуземлянок, относимых, судя по находкам в них, также к XII—XIII вв., были обнаружены в 1899 г. у подошвы так называемого Малого городища на Марьиной горе, смежной с городищем Княжа гора.[3] Жилища эти, к сожалению, не были исследованы.

Следы полуземляночных жилищ с сохранившимися остатками глинобитных печей были обнаружены в 1898 г. разведочными раскопками В. В. Хвойки на городище у с. Витачева.[4] Городище это, обнесенное двумя валами, является остатком города Святополчь, упоминаемого летописью.

В 1901 г. раскопками В. Е. Гезе на городище «Девичь-гора» у с. Сахновка также были обнаружены остатки жилищ-полуземлянок XI—XIII вв.[5] Поскольку раскопки носили кладоискательский характер, жилища не привлекли серьезного внимания.

---

[1] Раскопки на городище «Княжа гора», стр. 61.

[2] Там же.

[3] На «Марьиной горе». АЛЮР, т. I, Киев, 1899, сентябрь, стр. 119—120.

[4] АЛЮР, т. I, Киев, 1899, апрель, стр. 49.

[5] Раскопки В. Е. Гезе в Каневском уезде Киевской губ. АЛЮР, т. III, Киев, 1901, декабрь, стр. 210—211.

В том же году остатки жилищ-полуземлянок XI—XII вв. с разрушившимися печами были обнаружены раскопками В. В. Хвойки на городище у с. Конончи (у впадения р. Росавы в Рось).[1]

Значительный и весьма интересный материал для характеристики жилищ полуземляночного типа был получен в результате раскопок на обширном городище Шаргород (Васильковский район Киевской области), производившихся в течение нескольких лет в начале 1900-х годов В. В. Хвойкой. К сожалению, результаты раскопок остались почти неопубликованными, если не считать кратких информаций в различных периодических изданиях того времени[2] и весьма поверхностной публикации результатов раскопок, сделанной самим автором в докладе на XII археологическом съезде в Харькове.[3]

В восточной части городища, около внутреннего вала, было обнаружено около десяти разрушенных полуземлянок. Размеры их были различны, глубина не превышала 1.1 м, ширина 3—4 м, длина 4—7 м. Все полуземлянки были заполнены землей и комками глиняной обмазки со следами побелки, остатками истлевшего или перегоревшего дерева, золой и углем. В каждом жилище были найдены обвалившиеся четырехугольные печи: одни из них были выдолблены в стене в виде сводчатой пещерки, другие имели глиняные стенки и под, вымощенный камнем и обмазанный сверху глиной. Как в самых помещениях, так и возле них обнаружено множество предметов домашнего обихода.

Жилища на городище Шаргород В. В. Хвойка сближал с жилищами, раскопанными им же на городищах у с. Витачева и у с. Конончи, упомянутыми выше. По составу находок В. В. Хвойка считал, что городище Шаргород, как и городище у с. Конончи, возникли еще в «языческое славянское время», но продолжали существовать вплоть до монгольского нашествия.[4]

Комплекс разнообразных жилищ был обнаружен в 1909—1910 гг. раскопками В. В. Хвойки на городище древнего Белгорода.[5] Среди них особый интерес вызывают жилища знати, богато декорированные поливными майоликовыми плитками. К сожалению, облик этих жилищ не был выяснен раскопками с достаточной степенью полноты, что делает малоубедительными и попытки реконструкций их. Наряду с жилищами знати, которые, судя по описаниям В. В. Хвойки, представляли довольно крупные сооружения, в Белгороде были обнаружены и массовые жилища горожан. По словам исследователя, «жилища

---

[1] АЛЮР, т. III, Киев, 1902, ноябрь, стр. 182.

[2] Раскопки городища Шаргород. КС, т. XXII, Киев, 1901, март, стр. 201—202. — Раскопки В. В. Хвойки летом 1901 г. КС, т. XXV, ноябрь, стр. 145. См. также: АЛЮР, т. III, Киев, 1901, март, стр. 39—40; АЛЮР, т. III, Киев, 1901, ноябрь, стр. 183; ИАК, Прибавл. к вып. 2, СПб., 1902, Арх. хроника, стр. 30.

[3] В. В. Хвойка. Городища Среднего Поднепровья, их значение, древность и народность. Тр. XII АС в Харькове (1902), I, М., 1905, стр. 100—102.

[4] Там же, стр. 102.

[5] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья. . ., стр. 85—88. — Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в местечке Белгородке. Тр. Моск. предв. комитета по устройству XV арх. съезда, М., 1911, стр. 62—64.

эти представляли собой полуземлянки, незначительно возвышавшиеся над поверхностью земли. Пол и большая часть их деревянных стен находились в четырехугольном углублении, всегда вырытом в материковой глине. Эти полуземлянки были наибольших размеров; внутри они состояли из одного или двух помещений и в последнем случае разделялись деревянной стеной — перегородкой; в одном из помещений находилась печь или очаг. Нередко постройки эти имели крытые сенца, расположенные выше жилых помещений и соединявшиеся с ними земляными ступенями».[1]

Возросший интерес к изучению поселений и, в частности, к изучению древнерусских городов, характерный для советской археологической науки, позволил значительно умножить за последние три десятилетия наши материалы для характеристики массовых жилищ горожан. Раскопанные и тщательно изученные городские жилища-мастерские исчисляются теперь уже не десятками, а сотнями.

Свыше десятка жилищ-полуземлянок было обнаружено в 1932—1934 гг. на известном Райковецком городище, детинец которого был раскопан полностью.[2] Значительное количество жилищ этого же типа раскопано также в приселках расположенных за валами и рвами городища.[3] Жилища имели прямоугольный, несколько вытянутый по линии В—З план. Средние размеры жилищ 2.8×3.2 м. Пол в жилищах обычно земляной, сильно утрамбованный. В некоторых жилищах не только пол, но и стены углубленной части были обмазаны глиной и обожжены. В полуземлянках найден разнообразный инвентарь, характеризующий их не только в качестве жилищ, но почти во всех случаях и как ремесленные мастерские.

Значительный комплекс построек полуземляночного типа был открыт раскопками 1934—1937 гг. в Вышгороде.[4] Здесь благодаря тому, что раскопки проводились на достаточно широкой площади, удалось обнаружить целую систему жилищ и хозяйственных построек, расположенных двумя параллельными рядами вдоль восточного края городища. Между двумя рядами построек тянулась незастроенная полоса шириной около 10 м — по-видимому, одна из улиц древнего Вышгорода. В углах построек расположены ямы от вертикально врытых столбов, на которые опиралась кровля. В некоторых постройках сохранились остатки сгоревших столбов и досок, которыми были облицованы стены

---

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья. . ., стр. 88.

[2] Т. Молчанівський. 1) Райковецьке городище XI—XIII ст. НЗІІМК, кн. 5—6, Київ, 1935, стр. 139—140; 2) Матеріали дослідної роботи Райковецькоі археологічної експедиції в 1934 р. НЗІІМК, кн. 2, Київ, 1937, стр. 47—50. — В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 48—49.

[3] Т. Молчанівський. Райковецьке городище XI—XIII ст., стр. 145—147. — В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 49—57. О новых раскопках на посаде см.: В. К. Гончаров. Посад і сільскі поселення коло Райковецького городища. (За матеріолами експедиції 1946 р.). Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 35—47.

[4] В. Й. Довженок. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. Археологія, т. III, Київ, 1950, стр. 68—72.

углубленной части жилищ. Во многих жилищах сохранились глинобитные печи. Вдоль стен иногда располагались лавки, вырезанные в плотном грунте. В некоторых жилищах сохранились входы в виде ступенек, вырезанных в лёссовом грунте. Вокруг жилищ и внутри их обнаружено много ям хозяйственного назначения, различных размеров и форм.

Несколько новых жилищ и хозяйственных построек полуземляночного типа было открыто в Вышгороде раскопками В. И. Довженка в 1947 г. Заслуживает внимания способ облицовки стен в одном из жилищ. Вдоль стен, кроме того участка, где был вход, расположены ямки от маленьких столбиков (диаметр 5—7 см), отстоявших один от другого на расстояние около 15 см. На поверхности стен полуземлянки сохранились следы от этих же столбиков в виде вертикальных параллельных желобков, образовавшихся в результате обмазки стен глиной. Слой этой обмазки сохранился между столбиками, что свидетельствует о том, что стены были облицованы рядом вбитых столбиков и обмазаны глиной.[1]

Большого размера полуземлянка с очагом в центре была открыта в 1934 г. на одном из четырех городищ, расположенных у Коростеня. На полу жилища находился многочисленный инвентарь, относящиися к X—XII вв.: железные топоры, тесла, долота, точила, жернова, обломки глиняной посуды, пряслица и пр.[2]

Шесть жилищ полуземляночного типа открыто в 1946 г. раскопками А. Дмитриевской на одном из городищ у с. Городск (Коростышевский район Житомирской области).[3] В следующем году раскопками В. К. Гончарова и М. Ю. Брайчевского на том же городище были раскопаны еще четыре жилища. Анализ стратиграфии городища позволил установить, что жилища относятся к различному времени, от конца IX—X до XII—начала XIII в.[4]

Замечательный комплекс, состоящий из шестнадцати жилищ полуземляночного типа, открыт раскопками В. К. Гончарова в 1948—1950 гг. на городище у с. Колодяжное (Житомирской области), представляющем остатки древнерусского города Колодяжин, упомянутого в летописи под 1241 г. в связи с взятием его татарами.[5]

Все жилища четырехугольной формы, средней площадью 10—10.3 м². По углам находятся углубления от столбов. На полу отдельных жилищ обнаружено

---

[1] В. Й. Довженок. Розкопки древнього Вишгорода. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 15—18.

[2] Дослідження Коростеньского городища. НЗІІМК, кн. 3—5, Київ, 1935, Хроника, стр. 103—104.

[3] А. Дмитревська. Звіт Городської експедиції 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 47—49.

[4] М. Ю. Брайчевський. Розкопки на третьому Городському городище. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ. 1952, стр. 187—196.

[5] В. К. Гончаров. 1) Работи Волинської експедиції 1948 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 172—174; 2) Древний Колодяжин. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 51—53.

много угля, золы, куски обгорелых брусьев и досок — очевидно, остатки перекрытий и деревянной обшивки стен. В одном из жилищ вдоль стены была расположена лежанка, вырезанная в плотном грунте; над уровнем пола она возвышалась не более чем на 15—20 см В углу всех жилищ расположены глинобитные печи, построенные на деревянном каркасе, от которого внутри свода сохранились каннелюры. Возле печей расположены предпечные ямы. В жилищах найден разнообразный хозяйственный инвентарь, позволивший установить дату гибели городища (1241 г.).

Как и на Райковецком городище, в Колодяжине существовали, кроме того, жилые и производственные постройки, размещавшиеся в деревянных клетях внутри земляного вала, опоясывавшего городище. Как полуземлянки, так и жилища в валу были сожжены и разорены во время разгрома городища татарами в 1241 г.[1]

Рассмотренные выше городища довольно кучно расположены по правобережью среднего течения Днепра и его притоков. Все они в XI—XIII вв. входили в состав Киевской земли и составляли ближайшее окружение Киева. Не следует, однако, думать, что распространение интересующего нас типа жилилища в это время ограничивалось указанной территорией.

Жилища полуземляночного типа хорошо известны в городах Днепровского Левобережья. Еще на XII археологическом съезде в Харькове (1902 г.) наряду с докладом В. В. Хвойки о раскопанных им городищах Среднего Поднепровья состоялся доклад В. А. Городцова о результатах первых раскопок Донецкого городища, расположенного на правом берегу р. Уд (в 7 км к югу от Харькова).[2]

Несмотря на то, что раскопки велись узкими траншеями, удалось выявить два жилища, одно из которых было раскопано полностью. Жилища Донецкого городища представляли собой прямоугольные углубления. Стенки их были облицованы досками, укрепленными в угловых столбах, от которых сохранились обуглившиеся остатки. В жилище вела лестница, вырезанная в плотном лёссовом грунте.

На полу сохранились остатки печи, основание которой покоилось на особой земляной присыпке и состояло из ряда камней, обмазанных глиной. Стенки печи были сделаны также из глины на деревянном каркасе, по словам исследова-

---

[1] В. К. Гончаров. Работи Волинської експедиції 1948 р., стр. 175—180; см. также: В. К. Гончаров. Древний Колодяжин. Вісник АН УРСР, 1950, № 6, стр. 58—65. В этой статье автор даже не упоминает о существовании на городище жилищ полуземляночного типа.

[2] В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экспедициями XII археологического съезда. Тр. XII АС в Харькове (1902), т. I, М., 1905, стр. 111—121; см. также: Б. Е. Данилевич. Донецкое и Хорошевское городища. Труды Харьковского предв. комитета по устройству XII АС в Харькове, т. II, ч. I и II, Харьков, 1902, стр. 227—228.

теля, — на плетенке или решетке, отпечатки которой хорошо сохранились на многих кусках обожженной глины.[1]

По основному составу находок В. А. Городцов относил жилища Донецкого городища к XI—XIII вв., рассматривая само городище как одно из южных поселений, выдвинутых Переяславским или Черниговским княжеством при сыновьях Ярослава. Сгоревшие стены жилищ, обильно рассыпанные повсюду уголь и золу исследователь склонен был считать доказательством насильственного разорения городища татарами.[2]

Раскопками 1929 г. на Донецком городище было открыто еще семь жилищ полуземляночного типа. Они представляют, прямоугольные в плане углубления, с остатками столбов в углах, очевидно, поддерживавших кровлю. Пол обмазан глиной. В некоторых полуземлянках встречались вырезанные в лёссе лежанки, ступени входа. В одном жилище, большого размера и наиболее глубоком, прекрасно сохранилась глинобитная печь. Глиняный пол возле печи был докрасна обожжен, очевидно, сюда выгребали угли и золу из печи. Обломки обожженной глины с отпечатками соломы и досок, найденные в большом количестве в полуземлянках, представляли остатки наземных частей жилищ. В жилищах найдены многочисленные предметы быта и ремесленного производства, позволившие отнести их к XI—XII вв.[3]

Ближайшую аналогию жилищам Донецкого городища представляет прямоугольная в плане полуземлянка, раскопанная в 1902 г. на городище у с. Ницаха (Харьковская область).

В углубленной части жилища были обнаружены остатки обугленных бревен (досок?), которые, по выражению В. А. Городцова, служили «одеждой стен» землянки. В углах находились «остатки столбов, служивших для связи и упора деревянных стен землянки». В одном из углов жилища беспорядочным слоем лежали камни и обожженная глина — остатки глинобитной печи.[4]

Две полуземлянки XI—XIII вв. открыты в 1946 г. раскопками И. И. Ляпушкина в Полтаве. Обе имели прямоугольный, почти квадратный план, в углах и у двух стенок шесть ямок от столбов. Глубина 0.37—0.85 м. Следов обмазки глиной или обкладки деревом не обнаружено. В обеих полуземлянках сохранились остатки развалившихся глинобитных печей.[5]

Хорошо сохранившееся жилище полуземляночного типа обнаружено разведочными раскопками 1948 г. в древнем Любече. Жилище имело прямоугольный план. В углах и в середине вдоль двух противоположных стенок — шесть

---

[1] В. А. Городцов. Результаты исследований. . ., стр. 113.

[2] Там же, стр. 120—121.

[3] О. Федоровский. Археологічні розкопи в околицях Харкова. ХАМ, ч. I, Київ, 1930, стр. 6.

[4] В. А. Городцов. Результаты исследований. . ., стр. 129.

[5] І. І. Ляпушкін. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. на території м. Полтава. (За матеріалами польових розшуків 1940, 1945 і 1946 рр.). Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 60—75.

круглых ямок от столбов. В углу — развал глинобитной печи. На полу вдоль стен сохранились остатки деревянных досок, которыми, по-видимому, были облицованы стены. По составу находок жилище было отнесено к XI в. Возле жилища обнаружено пять расположенных вплотную одна к другой «зерновых» ям с обожженными стенками.[1]

Остатки жилищ полуземляночного типа и различных хозяйственных построек при них обнаружены недавно в Чернигове. Среди них заслуживает внимания постройка, внутри которой были найдены поливные плитки пола, что, по-видимому, свидетельствует о том, что постройка принадлежала к числу жилищ знати. К сожалению, она была раскопана не полностью.[2]

Два жилища полуземляночного типа были открыты нашими раскопками 1952 г. в окольном городе древнего Переяславля. Хотя одно из них, более позднее, перерезало другое, оба они, судя по находкам и по устройству, относятся к XII—XIII вв. В обоих хорошо сохранились глинобитные печи, под которых был забит обломками керамики.[3]

Раскопками последних двух десятилетий жилища полуземляночного типа с глинобитными стенами на деревянном каркасе обнаружены и на городищах XI—XIII вв. Галицко-Волынской земли.

Несколько полуземлянок с печами были раскопаны в 1934—1936 гг. на большом городище у с. Коршив Луцкого района Волынской области, одна полуземлянка этого же типа была открыта за валами городища. Инвентарь, найденный в жилищах, относился к периоду Киевской Руси. К сожалению, конструктивные особенности жилищ не привлекли внимания исследователей.[4]

Три прямоугольных в плане полуземлянки с печами в одном из углов раскопаны в 1938—1939 гг. М. Ю. Смишко на городище Городница на Днестре (Городенковского района Станиславской области). На полу жилищ найдены человеческие костяки с остатками оружия и немногочисленный инвентарь. По мнению исследователя, городище и, в частности, раскопанные жилища были разрушены во время татаро-монгольского нашествия.[5]

Характер массовых жилищ древнего Галича долгое время был неясен. На различных участках городища и, в частности, на урочище «Золотой ток», были

---

[1] В. К. Гончаров. Розкопки древнього Любеча. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 135—138.

[2] В. А. Богусевич. 1) Про топографію древнього Чернігова. Археологія, V, Київ, 1951, стр. 125; 2) Роботи Чернігівської експедиції. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 120—121.

[3] М. К. Каргер. Раскопки в Переяславе Хмельницком в 1952—1953 гг. СА, XX, 1954, стр. 9 и рис. 3.

[4] О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Киев, 1957, стр. 10; см. также: Z. Leski. Wczesnohistoryczne grodzisko w Korszowie, pow. Luckim, woj. Wołyńskim. Poznań, 1937, стр. 1—4.

[5] О. Ратич, ук. соч., стр. 44—45; см. также: Wiadomości archeologiczne, VI, стр. 184—185.

обнаружены в значительном количестве остатки глинобитных печей на деревянном каркасе и печей-каменок.[1]

Возле печей находились ямки от столбов, которые исследователь справедливо считал остатками жилых сооружений. Только одно из них было изучено более тщательно. Жилище имело почти квадратный план (7.5×7.5 м). Стены его состояли из вертикально врытых толстых столбов и плетня, обмазанного глиной. Исследователь называл эту постройку «ліп'янкой» (т. е. мазанкой).[2] Три полуземлянки X—XI вв. отличной сохранности были открыты нашими раскопками в 1955 г.

Замечательный комплекс жилищ полуземляночного типа открыт раскопками 1946—1948 гг. на городище Плеснеск, представляющем развалины древнерусского города, упомянутого в летописи и в «Слове о полку Игореве». В западной части детинца городища было открыто двадцать отлично сохранившихся жилищ полуземляночного типа.[3] В углах жилищ сохранились остатки вертикально врытых столбов. Нередко остатки столбов обнаруживались также и посредине стен, иногда по два, а то и по три рядом.

В некоторых жилищах к столбам была прикреплена деревянная, плетенная из прутьев или сделанная из колотых тесанных досок обшивка стен. В углах жилищ находились печи-каменки. Вдоль стен во многих полуземлянках были расположены лавки-лежанки, вырезанные в плотном материковом грунте и обшитые тесаными досками. Исследователь высказывал предположение, что к некоторым земляным лежанкам примыкали также деревянные нары. Под полом жилищ часто устраивались ямы с обожженными стенками. На дне одной из них сохранились остатки деревянной выстилки; в другой яме находились обломки большого глиняного сосуда. Много хозяйственных ям расположено и возле жилищ.

По мнению исследователя, жилища полуземляночного типа существовали в Плеснеске с IX по XI в. В XI в. на месте полуземлянок возникли наземные жилища. И. Старчук пытался связать новый тип жилищ с новым этапом в развитии города. «Раскопки, — писал он, — показывают, что в насыпи валов встречается материал, который датируется не раньше XI ст. Следовательно, укрепления могли возникнуть приблизительно в XI ст. Они, как и другие показатели дальнейшего закабаления населения, роста феодальной верхушки, свидетельствовали о новой ступени общественного развития, в результате которого полуземляночные жилища исчезли и появились жилища наземные»[4] (!? — *М. К.*). Ни план, ни общий характер этих «наземных» жилищ раскоп-

---

[1] Я. Пастернак. Старий Галич. Археологічно-історичні досліди у 1850—1943 рр. Краків—Львів, 1944, стр. 141—179.

[2] Там же, стр. 174.

[3] І. Д. Старчук. 1) Розкопки на городищі Пліснеськo. Археологічні пам'ятки УРСР, т. І, Київ, 1949, стр. 76—85; 2) Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр., стр. 379—394. — О. Ратич, ук. соч., стр. 25—30.

[4] І. Д. Старчук. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр., стр. 385.

ками не был выяснен. В качестве единственного свидетельства их существования исследователь указывал на развалы глинобитных печей с деревянным каркасом, найденные в верхнем слое городища.[1]

Вплоть до недавнего времени жилища полуземляночного типа, с глинобитными стенами, на деревянном каркасе считались характерной особенностью домостроительства лишь в южнорусских городах. Северной границей распространения этого типа жилища считалась граница лесостепи и леса. Для жилищ лесной полосы характерным признавалось срубное наземное жилище.[2] Углубленное археологическое изучение севернорусских городов заставляет внести в этот вопрос существенную поправку.

Полуземляночные жилища южнорусского типа были обнаружены в 1946—1948 гг. раскопками А. Л. Монгайта в Старой Рязани. После раскопок на этом городище, проведенных в 1926 г. В. А. Городцовым, считалось, что массовые жилища Рязани относятся к типу наземных срубных построек с большими ямами под деревянным полом, приподнятым над уровнем земли.[3]

Раскопками последних лет установлено, что наряду со срубными наземными постройками в Рязани был достаточно широко распространен и тип полуземляночных жилищ с глинобитными стенами на деревянном каркасе.[4]

В раскопках 1946 г. этот тип жилища был представлен одной постройкой, раскопками 1948 г. открыто еще три полуземлянки. В результате дальнейших работ на городище число жилищ этого типа еще возросло.[5]

Остатки рязанских полуземлянок представляют прямоугольные в плане углубления размером около 4×3 м с хозяйственными подпольными ямами. При выкапывании ямы для жилища в углу оставлялась небольшая площадка высотой около 0.7 м над уровнем пола, на которой устраивалась глинобитная печь. Под печи прослеживался в виде остатков досчатого настила, многократно смазанного глиной. Вход в жилище представлял лестницу в несколько ступеней, вырубленных в материковом грунте. У стен жилищ местами были обнаружены доски, впущенные в паз вертикально стоящего бревна; они составляли облицовку нижней части стен жилища.

Многочисленные куски глиняной обмазки, разбросанные по всему жилищу, лежавшие иногда в значительном отдалении от печи, по мнению исследователя, представляли остатки обмазки деревянных (досчатых или из хвороста) стен

---

[1] Там же, стр. 388.

[2] М. К. Каргер. Жилище Киевской земли. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение истории и философии АН СССР. М.—Л., 1947, стр. 84—85.

[3] А. А. Мансуров. Древнерусские жилища. Истор. записки, т. 12, М., 1941, стр. 61—95. См. также: В. Городцов. Раскопки городища Старой Рязани. «Хочу все знать», 1927, № 1, стр. 5—7.

[4] А. Л. Монгайт. 1) Древнерусские жилища XI—XIII вв. (по раскопкам в Старой Рязани). СЭ, 1948, № 4, М.—Л., 1948, стр. 54—69; 2) Старая Рязань. МИА СССР, № 49, М., 1955, стр. 50—62 и 71—75.

[5] А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища XI—XIII вв., стр. 56.

жилища.[1] Жилища полуземляночного типа, открытые в Рязани, относятся к тому же времени, что и срубные жилища, т. е. к XI—XIII вв.

Полуземляночные жилища, открытые в 1936—1940 гг. раскопками А. Ф. Дубынина в Суздале, отличаются от южнорусских весьма существенными конструктивными особенностями.[2] Мысль об их южнорусском происхождении мы считаем маловероятной.

3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В последние годы некоторые украинские археологи высказывали сомнения в правильности изложенной выше характеристики массовых жилищ Киева и других городов Среднего Поднепровья. Так, В. К. Гончаров писал в 1948 г.: «Я полагаю, что выводы некоторых исследователей о землянках как основном типе жилищ в Поднепровье ошибочны. Целый ряд городов Киевской Руси, которые исследовались большими площадями (Райковецкое городище, древний Городск на реке Тетерев, Искоростень и др.), ясно показывают, что древние русские города строились из р у б л е н ы х н а з е м н ы х д е р е в я н н ы х ж и л и щ».[3]

О каких с р у б н ы х, н а з е м н ы х, д е р е в я н н ы х ж и л и щ а х здесь идет речь? Где, когда и кем они были открыты? В качестве доказательства, отвергающего изложенные выше документально и бесспорно установленные многочисленные факты, В. К. Гончаров ссылается на открытые в названных им городищах деревянные клети в земляном валу, ограждавшем эти городища, часть которых, как известно, действительно использовалась в качестве жилья. Нет необходимости доказывать, что деревянные конструкции в н у т р и з е м л я н ы х в а л о в, даже в тех случаях, когда они в немногочисленных городищах определенного типа действительно использовались в качестве жилья, не имеют ни малейшего отношения к вопросу о массовых жилищах горожан. Кстати, эти «срубные жилища» ни в какой степени нельзя назвать «наземными», ибо они находились целиком под высокой земляной насыпью валов.

Теорию о срубных жилищах как основном типе массовых жилищ в южнорусских городах, и в том числе в домонгольском Киеве, дважды пытался подкрепить результатами своих раскопок В. А. Богусевич. Еще в 1948 г., обнаружив на горе Киселевке два полуземляночных жилища с плохо сохранившимися остатками дерева вдоль стен, В. А. Богусевич пытался интерпретировать их как «чисто срубные постройки», хотя в ту пору все же не отрицал их полуземляночного характера.[4] По мнению В. А. Богусевича, открытые им полуземлянки

[1] А. Л. М о н г а й т. Древнерусские жилища XI—XIII вв., стр. 56—57.

[2] А. Ф. Д у б ы н и н. Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 гг.). КСИИМК, XI, 1945, стр. 91—97.

[3] В. К. Г о н ч а р о в. Райковецьке феодальне городище XI—XIII ст. ст. Вісник АН УРСР, Київ, 1948, № 7, стр. 50; см. также: В. К. Г о н ч а р о в. Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 43.

[4] В. А. Б о г у с е в и ч. Розкопки на горі Киселівці, стр. 68—72.

являлись «чисто срубными постройками, которые существенно дополняют и изменяют наши представления о характере жилищ Киева домонгольской поры».[1] «Существование срубных сооружений при постройке жилых и фортификационных комплексов, — по словам В. А. Богусевича, — было уже известно, однако срубные постройки считались, как и когда-то, характерными для севера и не характерными для Киева и других южнорусских городов. Теперь, на основе наблюдений над культурными слоями Киевского Подола, выявленными на улицах во время земляных работ, было установлено, что в период Киевской Руси там были многочисленные деревянные срубные постройки наземного типа».[2] Автор полагал, что «срубные постройки, найденные на Киселевке в 1948 г., имеют непосредственное отношение к типам деревянного строительства эпохи Киевской Руси на Подоле».[3]

Выше, при характеристике результатов раскопок 1948 г., уже говорилось, что открытые на Киселевке две полуземлянки нет никаких оснований признать «чисто срубными постройками». Что касается наблюдений за земляными работами при прокладке магистралей газопровода, якобы позволивших установить «многочисленные деревянные срубные постройки наземного типа эпохи Киевской Руси», то необходимо со всей решительностью отвести этот аргумент вплоть до организации серьезных научных раскопок на Подоле. Осуществляя в течение ряда месяцев летом и осенью 1949 и 1950 гг. регулярные наблюдения за этими работами, мы действительно имели возможность установить наличие в е р х н и х культурных слоях (более глубокие пласты траншеями газопровода не затрагивались!) незначительные остатки деревянных построек, связать которые с эпохой Киевской Руси не было никаких оснований. К тому же ничтожные по ширине траншеи (0.5 м) не давали ни малейшей возможности устанавливать типы построек, и рассуждения на эту тему, к сожалению, не могут быть подкреплены какими-либо серьезными аргументами.

Отрицая, вслед за В. К. Гончаровым распространенность жилищ полуземляночного типа в Киеве, В. А. Богусевич выдвинул теорию о том, что «полуземлянки были результатом лишь временных тяжелых обстоятельств, как например великий разгром, пожары и другие крупные бедствия».[4] Предположение это стоит в вопиющем несоответствии с многочисленными приведенными выше фактами, прочно и убедительно установленными раскопками как в Киеве, так и в целом ряде других южнорусских городов.

Совершенно невозможно признать убедительной попытку В. А. Богусевича интерпретировать остатки обнаруженного им в 1950 г. на Подоле плохо сохранившегося жилища обычного полуземляночного типа в качестве «боль-

---

[1] Там же, стр. 69.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] В. А. Б о г у с е в и ч. Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве. Тезисы доклада. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 47—48.

шого наземного деревянного дома».[1] Интерпретация эта, предложенная автором в докладе, прочитанном на Пленуме ИИМК АН СССР, посвященном древнерусским городам, вызвала весьма серьезные возражения.[2]

Теория о «срубных наземных домах» как основном типе жилищ в Киеве и в других городах Среднего Поднепровья в последние годы повторяется в изданиях Института археологии АН УРСР по различным поводам вопреки очевидным фактам. Так, несмотря на то, что раскопками, проведенными экспедициями того же Института в Вышгороде в 1934—1937 гг. были открыты многочисленные, хорошо сохранившиеся жилища полуземляночного типа, иногда представлявшие целые улицы,[3] В. И. Довженок, давая сводную характеристику результатов археологических исследований Вышгорода, утверждал, что «не отвечающая действительности мысль о том, что полуземляночный тип жилищ был доминирующим в Киевской Руси, обусловлена лишь тем, что наземные деревянные постройки в этих городах трудно выявить».[4] Несмотря на серьезно обоснованные сомнения, высказанные на пленуме ИИМК АН СССР по поводу упомянутого выше доклада В. А. Богусевича, в отчете о научной деятельности Института археологии за 1950 г., И. Г. Шовкопляс писал два года спустя: «Открытие большого деревянного дома, принадлежавшего ремесленнику, подтверждает, что в древнем Киеве строили не только землянки. Более того, в свете раскопок на Подоле можно считать, что землянки, обнаруженные возле каменных княжеских и боярских дворцов и храмов Верхнего города, не были характерным типом жилищ для основной массы населения Киева».[5]

Многочисленные остатки массовых жилищ, открытые раскопками в южнорусских городах X—XIII вв., несмотря на некоторые отличительные особенности, характерные для отдельных групп жилищ, несомненно свидетельствуют о широком и повсеместном для южной Руси распространении типа полуземляночных жилищ с глинобитными стенами на деревянном каркасе. Именно этот тип жилищ, судя по материалам раскопок на территории многочисленных южнорусских городов и городищ, далеко не полно перечисленных выше, являлся основным для архитектурного облика этих городов в X—XIII вв.

Разумеется, сказанное ни в какой мере не исключает того, что наряду с массовым типом жилищ в тех же городах существовали и деревянные срубные хоромы знати и богатых людей, не говоря уже о том, что во многих крупных городах далеко не исключительными были и каменные жилые постройки дворцового характера. Терема и хоромы, нередко упоминаемые в письменных источниках, несомненно, представляли собой сложные деревянные постройки,

---

[1] В. А. Богусевич, ук. соч., стр. 47.

[2] См. примечание редакции к тезисам В. А. Богусевича: там же.

[3] См.: Отчет о раскопках в Вышгороде в 1935—1937 гг. Архив ИА АН УССР.

[4] В. Й. Довженок. Огляд археологічного вивчення древнього Вышгорода. . ., стр. 71—72.

[5] І. Г. Шовкопляс. Наукова діяльність Інституту археології в 1950 р. Археологія, VI, Київ, 1952, стр. 147.

которые безусловно в дальнейшем будут обнаружены и археологами. Открытая раскопками 1940 г. в усадьбе Михайловского монастыря срубная постройка свидетельствует о возможности таких находок в Киеве.

Тип полуземляночных построек с глинобитными стенами на деревянном каркасе, характерный для южнорусских городов X—XIII вв., в такой же мере был присущ и сельским поселениям той же поры, к сожалению, очень мало изученным. Об этом свидетельствуют результаты раскопок 1946 г., проведенных Д. И. Блифельдом у с. Днепровского (Днепропетровской области),[1] где были открыты сельские жилища XII—XIII вв., совершенно аналогичные вышеописанным жилищам южнорусских городов.

Тип полуземляночных построек с дерево-глинобитными стенами уходит своими корнями в более ранний период истории восточного славянства. Нельзя не заметить, что описанные выше жилища X—XIII вв. в основных их особенностях не отличаются от тех полуземляночных жилищ, которые характерны для славянских поселений VIII—X вв. в лесостепной полосе Восточной Европы. Жилища этого типа, обнаруженные впервые около полувека тому назад раскопками Н. Е. Макаренко на городищах Днепровского Левобережья,[2] получивших позже название «городищ роменско-боршевского типа», в настоящее время известны на многочисленных поселениях лесостепной полосы Восточной Европы, от Ужгорода на западе и до бассейна Дона на востоке.

Жилища, раскопанные на городище Монастырище,[3] на городищах у с. Петровское,[4] у с. Опошня,[5] у с. Курган,[6] на озере Буромка,[7] у с. Песочный Ров,[8] у с. Новстроицкое,[9] у с. Боршево[10] и на ряде других городищ в районе Воронежа,[11]

---

[1] Д. І. Бліфельд. Розкопки слов'янського поселення коло с. Дніпровського Дніпропетровської області. Археологічні пам'ятки УРСР, т. І, Київ, 1949, стр. 99—104.

[2] Н. Е. Макаренко. 1) Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 38—90; 2) Городище Монастирище. Науковий збірник за р. 1924, Київ, 1925, стр. 1—23.

[3] М. Макаренко. Городище Монастырище, стр. 1—23.

[4] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, І, Київ, 1947, стр. 129—134.

[5] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КСИММК, XII, 1946, стр. 118—127.

[6] В. Й. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого Сумської області. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 253—259.

[7] В. Козловская. Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромка Черниговской губ. Сосницкого уезда. ИТУАК, Симферополь, 1912, стр. 135—151.

[8] М. В. Воеводский. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. КСИИМК, XX, 1948, стр. 39—40.

[9] Раскопки И. И. Ляпушкина в 1952—1955 гг. Материал не опубликован.

[10] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, № 8, М.—Л., 1948, стр. 18—34.

[11] Там же, стр. 91—110.— А. Н. Москаленко. Раскопки городища у хутора Титчиха Воронежской обл. в 1954 г. Труды Воронежского гос. университета, т. 42, вып. 3, Воронеж, 1955, стр. 31—34.

на селищах у урочищ «Лука Райковецкая,[1] Запасека,[2] у с. Волынцева,[3] в предместьях Ужгорода[4] и др., чрезвычайно близки по плану и конструктивным основам к массовым жилищам Киева, Чернигова, Вышгорода, Переяславля, Княжой горы, Плеснеска и других южнорусских городов X—XIII вв.

Вопросы датировки названных поселений, еще недавно возбуждавшие много противоречивых толкований,[5] в настоящее время могут считаться решенными. Основная масса этих поселений, по крайней мере на Левобережье Днепра, относится к VIII—X вв.[6] Весьма вероятно, что поселения этого типа, обнаруженные в последнее время на Днепровском Правобережье, окажутся несколько более древними.

В настоящем исследовании, посвященном вопросам истории материальной культуры древнейшей столицы Русского государства, нет необходимости выяснять более глубокие корни процесса формирования восточнославянских жилищ. Углубленное изучение этого вопроса тесно связано с не решенными еще более общими вопросами формирования восточного славянства и восточнославянской культуры. В настоящем контексте для нас вполне достаточным является вывод о том, что массовые жилища древнего Киева, как и городские и сельские жилища Киевской, Черниговской, Переяславской и Галицко-Волынской земель в XI—XIII вв., представляют дальнейшее развитие восточнославянских деревоглинобитных жилищ полуземляночного типа, повсеместно распространенных в VIII—X вв. в лесостепной полосе Восточной Европы.

---

[1] В. К. Гончаров. 1) Посад і сільскі поселення коло Райковецького городища. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 32—35; 2) Райковецкое городище, стр. 11—13.

[2] В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 11.

[3] Д. Т. Березовець. 1) Дослідження на території Путівльского району Сумькоі області. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 244—247; 2) Дослідження слов'янских пам'яток на Сеймé в 1949—1950 рр. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V, Київ, 1955, стр. 49—52.

[4] К. В. Бернякович. Исследование древнеславянского поселения VIII—IX вв. в г. Ужгороде. КСИА, вып. 3, Киев, 1954, стр. 39—48.

[5] Б. А. Рыбаков. 1) Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, 1, стр. 322; 2) Ранняя культура восточных славян. Исторический журнал, 1943, № 11—12, стр. 73—80.

[6] И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 121—135.

Глава VIII

ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО

Ремесла — причина градом.

В. Татищев. История Российская. 1768.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Киевские летописи часто и подробно повествуют о деятельности князей и крупнейшего боярства, значительно реже упоминают о купцах и лишь в отдельных эпизодических репликах вспоминают о ремесленниках, составлявших основную массу городского населения. Несомненно, однако, что в составе нередко упоминаемой летописцем «простой чади» или под термином «люди» подразумевался прежде всего городской ремесленный люд, игравший порой не последнюю роль в политических событиях, разыгрывавшихся на улицах и площадях древнерусской столицы. Ремесленник и ремесленница упоминаются в статье Пространной Русской Правды, определяющей штрафы за убийство различных представителей княжеского двора. Пространная Правда оценивает «ремественника» в 12 гривен, приравнивая его к сельскому и ратайному тиунам, т. е. к представителям княжеской администрации. Простого смерда или холопа та же Правда оценивает только в 5 гривен.[1]

Весьма любопытны, но очень случайны повествования о ремесленниках, сохранившиеся в Печерском патерике и в некоторых древних житиях.

До тех пор пока исследователи древнего Киева опирались почти исключительно на письменные источники, облик Киева как крупнейшего центра древнерусского ремесла оставался непонятым; значение ремесленников в сложении богатой культуры Киевской Руси явно недооценивалось.

---

[1] Правда Русская, т. II. М.—Л., 1947, стр. 317—318.

Остатки массовых жилищ древнего Киева, подробно охарактеризованные в предыдущей главе, неоспоримо свидетельствуют о том, что почти каждый городской дом был не только жилищем, но одновременно служил и мастерской. Об этом говорят найденные внутри жилищ и возле них многочисленные орудия производства, заготовки, полуфабрикаты и отходы различных производств.

Нередки находки и специальных производственных сооружений (гончарные, стекловарные и литейные горны, кирпичеобжигательная печь и т. п.), не связанных непосредственно с жилищами.

Не только окраинные районы, сплошь заселенные «черным» городским ремесленным людом, но и центральные участки древнего Киева оказались в значительной мере занятыми ремесленными мастерскими. Число раскопанных жилищ-мастерских увеличивается с каждым годом. Тщательное изучение этих памятников позволяет уже теперь в основных чертах нарисовать правдивую картину жизни феодального города и основу этой жизни — городское ремесленное производство. Многие предметы ремесленного производства, ранее известные только по случайным находкам и потому обычно трактовавшиеся старыми археологами и историками как предметы импорта, ныне обнаружены в мастерских в различных стадиях производства наряду с орудиями производства этих предметов.

Чрезвычайно развитое и разнообразное ремесленное производство было обнаружено раскопками, начатыми еще В. В. Хвойкой в 1907—1908 гг. и продолжающимися с исключительными результатами доныне. Многолетние раскопки в районе Десятинной церкви позволили установить, что даже в этом центральном, наиболее аристократическом районе Киева X—XIII вв. вблизи от роскошных княжеских дворцов и отличавшейся исключительной пышностью Десятинной церкви, ютились землянки — мастерские княжеских холопов. Тем бóльшие надежды в отношении изучения городского ремесла должны вызывать еще почти не подвергавшиеся серьезным раскопкам окраинные районы города, некогда сплошь заселенные «черным» городским людом.

О развитом городском ремесле свидетельствуют также бесчисленные остатки разнообразнейшей продукции киевских ремесленников, не только удовлетворявшей нужды различных социальных слоев древнерусской столицы, но и широко распространявшейся за ее пределами.

Учитывая незначительность открытой раскопками части древней городской территории, не следует, разумеется, обольщаться надеждой, что археологические материалы уже сейчас позволяют охарактеризовать состояние городского ремесла IX—XIII вв. с достаточной степенью полноты. Значительные районы древнего города: территория Ярославова города, Копырев конец, Печерск, Берестово и, наконец, заселенные, по-видимому, преимущественно ремесленниками Подол, Гончары, Кожемяки и некоторые другие районы — до настоящего времени еще почти не затронуты археологическими исследованиями.

При решении вопросов, связанных с изучением городского ремесла, нужно также иметь в виду, что и территория Владимирова города и примыкающая

к ней территория Михайловского Златоверхого монастыря, которые представляют наиболее исследованные районы древнего города, подверглись раскопкам весьма неполно и отрывочно. Даже на этой территории ввиду почти сплошной застройки ее в позднейшее время археологические исследования могли быть осуществлены лишь на отдельных, разобщенных между собой довольно незначительных участках.

Из сказанного отнюдь не следует, что материалы, накопленные в результате археологических исследований Киева, бесполезны для изучения вопросов городского ремесла. Наоборот, мы уже отмечали, что раскопки древнего Киева дали огромный и исключительно важный материал для характеристики этого города в качестве крупнейшего ремесленного центра древней Руси. При всей неполноте этого материала он уже давно заслуживает систематизации и более широкого, чем это делалось доныне, привлечения для решения важнейших общеисторических задач.

При пользовании археологическими материалами для изучения вопросов истории древнерусского городского ремесла необходимо преодолеть две традиции, глубоко укоренившиеся в нашей историографии. Первая из них присуща исследованиям различных древнерусских городов, вторая характерна для историографии Киева.

Отнюдь не всякая единичная находка предмета, связанного с тем или иным ремесленным производством, может быть истолкована как свидетельство наличия в данном жилище или близ него ремесленной мастерской. Б. А. Рыбаков подверг справедливой критике выводы А. А. Мансурова, взявшего на себя труд обработать материалы раскопок В. В. Городцова в Старой Рязани.[1] Скрупулезный анализ инвентаря, найденного в жилищах Старой Рязани, привел А. А. Мансурова к выводу, что почти в каждом доме занимались несколькими различными ремеслами. Сводная таблица, приведенная в работе Мансурова, свидетельствует, по убеждению самого автора, о множественности ремесел в каждом жилище (от трех до пяти в одном доме). Проверка этого существенного вывода Б. А. Рыбаковым показала, однако, что выводы А. А. Мансурова основаны на ошибочной методике. Автор устанавливает по единичным в данном жилище находкам железных шлаков наличие варки железа, по одному обломку глиняного пряслица — наличие гончарного производства, по одной находке опиленого рога — мастерской костереза и т. д. и т. п.[2] Как справедливо указано Б. А. Рыбаковым, этот неверный принцип приводит «к ложным выводам о сочетании несовместимых производств, выводам, не подтвержденным фактическим материалом».[3]

Неверная методика, примененная А. А. Мансуровым для изучения ремесла Старой Рязани, в еще более откровенной форме применяется В. А. Богусеви-

[1] А. А. Мансуров. Древнерусские жилища (по материалам археологических раскопок в Старой Рязани). Исторические записки, вып. 12, М., 1941.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 502—504.

[3] Там же, стр. 503.

чем на материале раскопок в Киеве. Так, на небольшом участке, раскопанном названным исследователем в 1950 г. на Подоле, оказались одновременно и «мастерская токаря, изготовлявшего деревянную посуду» (XI—XII вв.), и «медно-литейное производство», и «производство стеклянных изделий, смальты (!) и поливных керамических плиток» того же времени, и «железоделательное производство» IX—X вв.[1] Наличие этих производств устанавливалось иногда лишь по отдельным случайным находкам.

Вторая традиция, преодоление которой стало возможным в результате исследований последних лет, имеет гораздо более давнее происхождение. С первых лет археологических исследований Киева и вплоть до наших дней датировка памятников киевского ремесла отличалась чрезвычайно большой обобщенностью. Наиболее распространенные типы продукции киевских ремесленников в области керамики, в области кузнечного дела, ювелирного ремесла и пр. было принято датировать X—XIII вв. Обнаруженные раскопками В. В. Хвойки мастерские, под развалинами которых были найдены разнообразные орудия производства, запасы сырья, полуфабрикаты и остатки готовой продукции, сам исследователь, а вслед за ним и все, кто позже пользовался этими материалами, склонны были относить также к X—XIII вв.

Наряду с чрезмерно обобщенной датировкой памятников киевского ремесла X—XIII вв. порой выдвигались более уточненные даты, однако, как правило, ничем не подтвержденные. Так, остатки мастерских поливных плиток, обнаруженные В. В. Хвойкой в усадьбе Петровского, сам исследователь и М. Довнар-Запольский относили к эпохе Владимира и Ярослава.[2]

Б. Д. Греков относил открытые В. В. Хвойкой ремесленные мастерские безоговорочно к X в., считая, что «город в это время несомненно был уже большим ремесленным центром».[3]

В результате археологических исследований последних двух десятилетий удалось значительно уточнить хронологию основных фактов истории киевского ремесла. Тщательное изучение обстоятельств гибели многочисленных мастерских, обнаруженных новыми раскопками, позволило установить, что основная масса этих мастерских была разрушена и прекратила свое существование в результате разгрома Верхнего Киева татаро-монгольскими полчищами в декабре 1240 г.[4] Именно этим и объясняется тот примечательный факт, что значительная часть находок, обнаруженных при раскопках жилищ и ма-

---

[1] В. А. Богусевич. 1) Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 47; 2) Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р. Археологія, т. IX, Київ, 1954, стр. 42—53.

[2] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 70—71. — М. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, I. Киев, 1911, стр. 274—275.

[3] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 103.

[4] Подробнее об этом см. в главе IX — «Киев и монгольское нашествие».

стерских в различных районах Верхнего города, отличается исключительной близостью, порой тождественностью форм различных предметов. Это наблюдение касается железных изделий, керамики, изделий из кости, различных орудий ремесленного производства и пр. Все это позволило прийти к выводу, что бóльшая часть известных доныне произведений киевского ремесла и сами мастерские относятся к концу XII—первой половине XIII вв. Изделия XI—начала XII вв. встречаются в раскопках Киева значительно реже и потому известны намного хуже. Более ранние изделия конца IX—X вв. известны главным образом по находкам в погребальных комплексах киевского некрополя и потому для характеристики ремесленного производства имеют несколько меньшее значение.

2. КУЗНЕЧНОЕ ДЕЛО

Среди городских ремесленников на первом месте следует упомянуть кузнецов. Кузнечное дело выделилось в самостоятельное ремесло еще задолго до сложения феодального общества. «Русский термин „кузнец", — по справедливому замечанию Б. А. Колчина, — в древности, очевидно еще в докиевский период, означал ремесленника вообще. „Кузнь", т. е. изделия кузнеца, в древнейших русских письменных памятниках означала изделия из черного, цветного и благородного металла, из стекла и других материалов».[1]

IX—XI вв., как установлено исследователями древнерусской черной металлургии и металлообработки, были временем великих изобретений в этой области. В эту пору были созданы новые виды орудий труда, новые инструменты и новая техника обработки железа и стали.[2] Кузнецы, выделившиеся из сельской общины и превратившиеся в самостоятельных ремесленников еще в докиевский период, в Киевской Руси уже делились, повидимому, на ряд специальностей, связанных с изготовлением на рынок или по заказу различных видов железных и стальных изделий.

«Важнейшим вопросом истории экономики древней Руси, — писал Б. А. Колчин, — является выяснение характера товарных отношений между городскими ремесленниками и сельскими производителями, выяснение производственной дифференциации между городскими и деревенскими кузнецами».[3]

Не менее важным вопросом истории городского кузнечного ремесла является вопрос о взаимоотношениях городских свободных ремесленников, работавших на рынок, и ремесленников-холопов в крупных княжеских, боярских и монастырских вотчинах, не только обслуживавших многообразные потребности хозяйства крупных феодалов, но порой выпускавших свою продукцию и на широкий городской и даже сельский рынок.

---

[1] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период). МИА СССР, № 32, М., 1953, стр. 189.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 190.

В древнерусских городах свободные кузнецы селились часто на окраинах городского посада. Об этом свидетельствует не только существование «Кузнечных ворот» в валу Окольного города Переяславля Русского,[1] но и урочище «Кузнецы» в Новгороде, расположенное подле земляного вала, ограждавшего городской посад.

В древнем Киеве не сохранилось урочищ или древних названий улиц, связанных с кузнечным делом.[2] В киевской письменности кузнец упоминается только один раз. По рассказу Несторова жития Феодосия Печерского, «Феодосий шед к единому от кузньць, повеле ему железо с чепи то съковати»; выкованной кузнецом железной цепью Феодосий препоясал себя и так ходил.[3]

Археологическими раскопками на территории Киева не удалось до сих пор открыть ни одной кузницы. Однако при раскопках в 1946 г. полуземляночного жилища на Б. Житомирской ул. обратило на себя внимание не только обилие разнообразных кузнечных изделий — две косы, серп, безмен, замки, цепь от конских пут, долото, скобель, сверло, ножи, стрелы, рыболовные крючки и множество аморфных обломков различных железных предметов, лежавших на полу жилища (табл. XL—XLI), но и значительное количество криц и шлаков, найденных возле него. Все это позволяло высказать предположение о том, что хозяином жилища был кузнец.[4] К сожалению, теснота дворика, на котором производились раскопки, не позволила исследовать территорию возле жилища, где, возможно, и была расположена кузница.

В главе, посвященной жилищам горожан, описана полуземлянка, открытая раскопками 1930 г. на горе Детинке. Наряду с остатками глинобитной печи, расположенной в углу жилища, в другом углу его были обнаружены остатки огнища, где найдено несколько кусков железного шлака. Высказанное исследователем предположение о том, что это мог быть очаг для кузнечных работ, не лишено вероятия. Жилище-мастерская относится ко второй половине XII в.[5]

Об огромном значении кузнечного ремесла в жизни древнего Киева свидетельствуют многочисленные находки разнообразнейших железных изделий, изготовлявшихся городскими кузнецами. Б. А. Колчин, изучавший изделия древнерусских кузнецов IX—XIII вв. по археологическим материалам, хранящимся в музейных коллекциях и по изданиям, насчитывал более 150 отдель-

---

[1] Ипат. лет. 6657 (1149) г.

[2] М. Н. Тихомиров (Древнерусские города. Ученые записки МГУ, вып. 93, М., 1946, стр. 128), по-видимому по недоразумению, считал, что «Кузнецкие ворота» существовали в Киеве; во втором переработанном издании этой книги (М., 1956, стр. 312) эта ошибка исправлена.

[3] Сборник XII века Московского Успенского собора. Вып. I, изданный под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М., 1899, стр. 47.

[4] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева (1938—1947). Киев, 1950, стр. 187.

[5] В. Козловська. Розкопи р. 1930 у Києві на горі Дитинці. ХАМ, ч. III, Київ, 1931, стр. 49—52; см. также стр. 294 настоящего исследования.

ных видов изделий из железа и стали, изготовлявшихся в древнерусских кузницах, в том числе орудий труда — 23 вида, оружия — 15, ремесленных инструментов — 46, конской сбруи — 10, домашней утвари и предметов обихода — 35 и принадлежностей костюма и украшений — 19.[1] Уже сама разветвленная номенклатура железных и стальных изделий является наглядным показателем широты распространения и многообразия применения железа в древней Руси. Все основные земледельческие орудия (лемехи, сошники, чересла, лопаты, мотыги, серпы, косы, топоры), многие орудия сельских промыслов (наконечники стрел охотничьих, древолазные шипы, медорезка, гарпуны, рыболовные крючки, остроги, блесны, пешни), многочисленные ремесленные инструменты кузнецов, ювелиров, плотников и столяров, кожевников, костерезов и камнерезов, все виды вооружения, части конской сбруи и снаряжение всадника, многочисленные предметы домашней утвари и, наконец, некоторые принадлежности костюма и украшения изготовлялись в огромном количестве древнерусскими кузнецами.

Сравнивая весь этот разнообразнейший инвентарь с железным инвентарем предшествующих эпох, нельзя не заметить резкого различия как в составе, так и в форме изделий. «За весь двухтысячелетний период железного века в Восточной Европе, — как справедливо утверждал Б. А. Колчин, — не было создано и пятой части видов того инвентаря, который мы встречаем уже в IX—X вв. в древней Руси».[2]

На основании изучения технологических особенностей, сложности техники изготовления, широты применения данного изделия и серийности производства Б. А. Колчин составил список специальностей, состоящий из 16 разновидностей кузнечного ремесла.[3]

Многочисленные железные изделия, обнаруженные при раскопках древнего Киева, не оставляют сомнений в том, что киевскими кузнецами изготовлялись все основные разновидности изделий из железа и стали, известные по материалам различных центров древнерусской металлургии, а из этого следует, что в Киеве можно предположить и существование всех шестнадцати специальностей кузнечного дела.

3. «КУЗНЕЦЫ ЗЛАТУ, СЕРЕБРУ И МЕДИ»

Если многочисленные изделия из железа и стали, созданные киевскими кузнецами, являются наглядным выражением высокого развития производительных сил молодого Древнерусского государства, то изумительные по своей виртуозной технике разнообразные произведения «кузнецов злату, серебру и меди» свидетельствуют о многогранной высокоразвитой материальной и духовной культуре Киевской Руси.

---

[1] Б. А. Колчин, ук. соч., стр. 195, см. также стр. 18—19.

[2] Там же, стр. 19.

[3] Там же, стр. 195.

В обработке цветных и благородных металлов ремесленники Киева и многих других больших и малых городов Древнерусского государства достигли исключительного совершенства и утонченного мастерства. Они владели всеми техническими приемами, известными в ту пору мастерам наиболее передовых стран мира, и во многих отношениях смогли превзойти последних в своем изощренном мастерстве.

По словам Б. А. Рыбакова, «не было, пожалуй, такой отрасли художественного ремесла, в которой русские ремесленники XI—XII вв. не создали бы замечательных, поражающих своим совершенством вещей».[1] Среди русских «кузнецов злату, серебру и меди» киевским мастерам XI—XIII вв. принадлежало несомненно первое место.

Как свидетельствуют многочисленные и разнообразные остатки их деятельности, не было ни одной технической разновидности обработки цветных и благородных металлов, которой бы не владели киевские «златокузнецы». Литейное дело, ковка и чеканка металлов, тиснение и штамповка, чернь, зернь, филигрань и инкрустация и, наконец, наиболее сложная техника перегородчатой эмали — все эти разновидности обработки цветных и благородных металлов были в совершенстве освоены не только киевскими ремесленниками, работавшими на княжих и боярских дворах и в монастырских вотчинах, но и многочисленными свободными ремесленниками, населявшими городской посад.

Разнообразная изысканная продукция этих мастеров обратила на себя внимание ученых задолго до того, как на территории древнего Киева развернулись систематические археологические исследования. Уже в первой половине XIX в. при случайных земляных работах были открыты богатейшие клады, состоявшие из многочисленных ювелирных изделий. В середине и особенно во второй половине XIX в., в связи с интенсификацией городского строительства, находки этого рода увеличивались с каждым годом. К сожалению, драгоценные вещи из многих кладов, обнаруженных на частновладельческих землях, нередко безжалостно переливались на металл или распродавались по частям. Состав многих кладов бесследно пропал для науки. Лишь во второй половине XIX в. Археологической комиссией были предприняты меры, обеспечивавшие сохранение новых находок. Несколько кладов, найденных во второй половине XIX—начале XX в., поступило в государственные музеи Петербурга, Москвы и Киева.

Ювелирные изделия, найденные в составе кладов, изучались преимущественно под углом зрения чисто искусствоведческих проблем (И. П. Кондаков, А. С. Гущин). Только в последние годы в работах советских исследователей (Б. А. Рыбаков, Г. Ф. Корзухина) ювелирные изделия из кладов рассматриваются в качестве источников по истории древнерусского ремесла.

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло. В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М., 1948, стр. 118—119.

Большая часть киевских кладов была зарыта в середине XIII в. в связи с татаро-монгольским вторжением. Однако отдельные клады, по-видимому, зарывались и раньше. В работе Г. Ф. Корзухиной «Русские клады IX—XIII вв.» сделана попытка уточнить хронологию кладов, причем автор не только устанавливает дату зарытия кладов, но и пытается в ряде случаев выяснить время изготовления различных вещей в кладе.[1]

Ценным источником для изучения наиболее древнего периода киевского ювелирного ремесла являются различные изделия, найденные в составе погребальных комплексов киевского некрополя IX—X вв.[2] В отличие от кладов, в составе которых порой находятся разновременные вещи, с трудом поддающиеся хронологической атрибуции, инвентарь погребений позволяет установить более точную датировку различных ювелирных изделий. Разумеется, нужно учитывать, что в составе погребальных комплексов IX—X вв. наряду с местными изделиями нередки находки и привозных вещей различного происхождения.

Важнейшим источником для изучения ремесла киевских «златокузнецов» являются остатки ремесленных мастерских, открытые в значительном количестве археологическими раскопками в различных районах древнего города. Открытиям этого рода положил начало В. В. Хвойка, обнаруживший на территории знаменитой усадьбы доктора Петровского остатки нескольких мастерских. Интереснейшие материалы для характеристики мастерства «златокузнецов» были получены в результате раскопок, проведенных на этой же территории Институтом археологии АН УССР в 1936—1937 гг., а также раскопками Киевской экспедиции АН СССР и АН УССР в 1938—1939 и 1948—1949 гг.

Остатки различных мастерских были обнаружены также раскопками той же экспедиции в 1938, 1940, 1948—1949 гг. в усадьбе бывш. Михайловского Златоверхого монастыря и раскопками Киевского исторического музея в 1933 г. на горе Киселевке.

Мастерству обработки цветных и благородных металлов была присуща несомненно не меньшая дифференциация, чем та, что отмечалась выше в кузнечном деле. Однако многие «златокузнецы» в своих мастерских выполняли, по-видимому, работы, связанные с различной техникой: литьем, чеканкой, филигранью, зернью, чернью и т. д. Об этом свидетельствуют находки различных инструментов, отходов производства, бракованных изделий в одной мастерской. Впрочем, для того чтобы судить о том, как был организован труд в этих мастерских, материалы раскопок пока еще явно недостаточны.

Одним из важнейших способов обработки меди, серебра и их сплавов являлось литье. Киевские литейщики изготовляли самые разнообразные изделия, начиная от мелких медных крестиков или наконечников ножен мечей и вплоть до церковных колоколов достаточно крупного размера, литье которых тре-

---

[1] Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. Л., 1954.

[2] См. главу IV настоящего исследования.

бовало большой технической зрелости мастера. Киевские литейщики древнейшей поры (IX—X вв.), так же как и деревенские литейщики, преимущественно пользовались техникой литья по восковой модели в двух ее вариантах (по плоской модели с сохранением глиняной формы и по объемной модели с утратой формы). Значительно позже входят в употребление каменные литейные формы.[1]

Достаточно ранним примером отливки с потерей формы может служить найденный в княжеском погребении XI в. наконечник ножен меча, украшенный изображением птицы и орнаментом (табл. XLII).[2]

Литье с утратой формы применялось в Киеве для изготовления колоколов. Находки колоколов в Киеве [3] и в небольших городах Киевской земли,[4] где едва ли существовали колокололитейные мастерские, достаточно многочисленны.[5] Однако до недавнего времени не было уверенности в том, что эти колокола действительно местного происхождения. В 1946 г. при раскопках на Б. Жи-

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 245.

[2] М. К. Каргер. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви. КСИИМК, IV, 1940, стр. 12—20.

[3] Два древних колокола были найдены в 1824 г. при раскопках развалин Десятинной церкви (табл. XLIII, *1*, *2*) (Н. Закревский. Описание Киева, I. М., 1868, стр. 289). Еще один почти целый колокол найден в 1937 г. неподалеку от Десятинной церкви, в нескольких метрах к востоку от капища (табл. XLIII, *3*). (Отчет о работах Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 55. Архив ИА АН УССР). В том же районе (усадьба Кривцова) обломок колокола найден в 1892 г. раскопками И. Хойновского (И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весною 1892 г. Киев, 1893, стр. 32). Обломки колокола нашел в развалинах храма XI в. на углу Владимирской и Ириниской улиц К. Лохвицкий (О ходе открытия древностей в Киеве до 1836 г. ЖМНП, 1836, ч. XII, ноябрь, стр. 268). Хорошей сохранности колокол найден вместе с бронзовым хоросом и некоторыми другими церковными вещами на Хоревой ул. на Подоле (табл. XLIII, *4*). (Древности Приднепровья, вып. VI. Киев, 1907, табл. XLII, № 599). Обломок колокола найден в развалинах древнего храма на Кудрявце (Н. И. Петров. Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. 2-е изд., Киев, 1897, стр. 87). См. также стр. 41 и 387 настоящего исследования.

[4] Большой медный колокол (до 3 пудов весом) найден на городище Девичь-гора у с. Сахновки (Архив ИИМК, ф. АК, д. № 65/1901, л. 8). На том же городище раскопками В. Е. Гезе найдена верхняя часть колокола с петлеобразным ухом, близко напоминающим колокола, найденные у Десятинной церкви. (Раскопки В. Е. Гезе в Каневском у. Киевской губ. АЛЮР, т. III, 1901, стр. 201). Обломки трех колоколов происходят с Княжой горы (Каталог украинских древностей коллекции Тарновского. Киев, 1898, стр. 25). Ухо от небольшого церковного колокола найдено раскопками В. Е. Гезе на городище Очаков у дер. Набутово [В. Е. Гезе. Раскопки на городище «Очаков» у дер. Набутово (1901—1902). АЛЮР, 1904, № 3, стр. 94]. Обломки древнего колокола были обнаружены нашими раскопками так называемой «Летской божницы» (М. К. Каргер. «Летская божница» Владимира Мономаха. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 18). Кусок колокола был найден при разведках на городище Снепород (П. А. Раппопорт. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 185).

[5] О колоколах в киевских храмах не раз упоминают летописи. Так, в 1146 г. «Изяслав в Киеве взя колоколы» (Ипат. лет. 1146 г.). Под 1259 г. в той же летописи говорится о перенесении кн. Данилом Галицким киевских колоколов в Холм [Ипат. лет. 6767 (1259) г.].

томирской ул. нам удалось близ развалин жилища XIII в. найти обломок колокола, на котором сохранилась часть рельефной надписи русскими буквами (Гь. . .), что свидетельствует о местной (по-видимому, киевской) отливке колокола.

Литьем с утратой формы изготовлялись бронзовые лампады. Интересный образец их найден в «жилище художника» XIII в. (рис. 81). Отливкой в двух

Рис. 81. Бронзовая лампада, найденная в «жилище художника». Раскопки 1938 г.

или трех соединенных вместе глиняных формах изготовлялись булавы и боевые гири — кистени (рис. 82, 83).

Особенно широкое распространение имело литье разнообразных медных крестов-энколпионов, амулетов-змеевиков, иконок (табл. XLIV, *1*). Нередко эти отливки дополнительно украшались эмалью или чернью (табл. XLIV, *2*).

Наиболее сложными образцами киевского литья являются огромные паникадила — хоросы, обломки которых нередко встречаются при раскопках развалин древних храмов XI—XIII вв. Большой хорос состоял обычно из нескольких десятков отдельных отливок, скрепленных между собой клепкой (рис. 84). Наиболее древний образец монументального хороса, по-видимому

киевского происхождения, был найден в 1953 г. в развалинах храма-усыпальницы XI в. в Переяславле Русском.[1] Обломки еще более монументального хороса обнаружены нашими раскопками в Киевской Софии (рис. 85).

Наряду с литьем по восковой модели киевские литейщики широко пользовались техникой литья в каменных формах. В этой технике отливались две совершенно различных группы изделий. Каменные формочки применялись киевскими литейщиками для отливки мелких, большей частью плоских бронзовых, оловянных и свинцовых подвесок различных форм, лунниц, перстней,

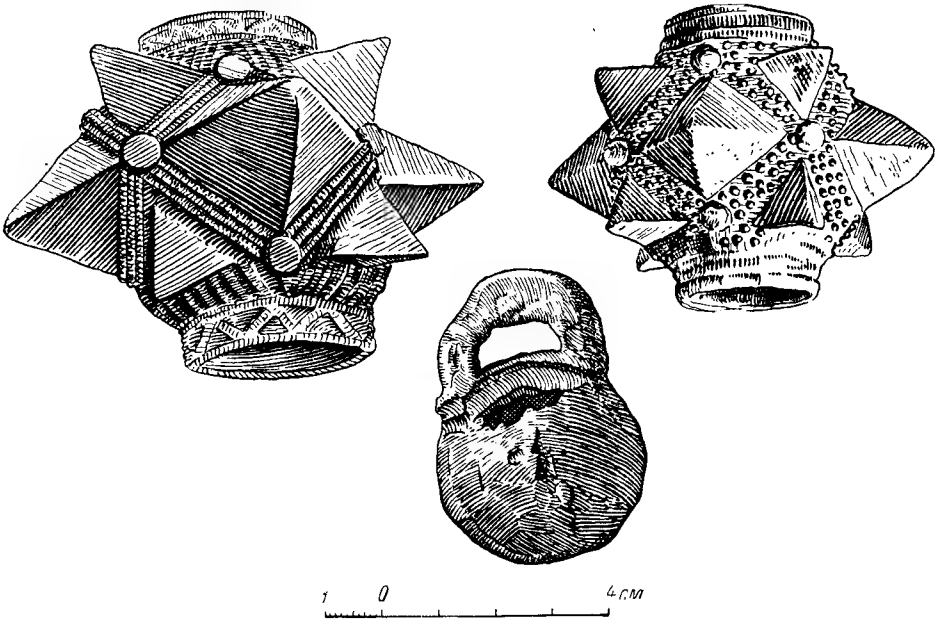


Рис. 82. Боевая гиря и булавы. Раскопки 1936—1937 и 1938 гг.

пуговиц, крестиков и т. п. Формочки для отливки этого типа изделий весьма многочисленны (табл. XLV—XLVII). Большая коллекция их была обнаружена в 1893 г. на Флоровой горе (Киселевка) (табл. XLVIII, XLIX), что позволяет предположить существование там специальной мастерской. Наряду с каменными формочками иногда встречаются и глиняные, хорошо обожженные (табл. L). Металлические формочки, очень редко встречающиеся на других древнерусских городищах, в Киеве неизвестны.[2] Бóльшая часть этих формочек односторонние, но встречаются и двусторонние, соединявшиеся попарно. Время появления этой разновидности формочек установить затруднительно.

[1] М. К. Каргер. Раскопки 1952—1953 гг. в Переяславе Хмельницком. СА, XX, 1954, стр. 17 и рис. 7.

[2] Бронзовая формочка для отливки колта найдена на Княжой горе (КИМ, инв. № 68273), вторая — для отливки мелких шариков — происходит из Саркела, на нерабочей поверхности ее — знак Рюриковичей (см.: М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, Л., 1935, стр. 21 и рис. 4, *1*).

Судя по тому, что некоторые из них имитируют арабские диргемы, пользование такими формочками следует отнести не позже чем к началу XI в.[1]

Значительно больший интерес представляет вторая группа формочек, также достаточно многочисленная. Формочки этой группы служили для отливки трехбусинных серег или височных колец разнообразнейшего рисунка, колтов с рельефным изображением зверя или плетеного орнамента, звездчатых подвесок, неширокиx наручей и ложновитых браслетов (табл. LI—LVII). Все пред-

Рис. 83. Глиняные формы для отливки кистеня (?).

меты, отливавшиеся в этой группе формочек, имитировали драгоценные золотые и серебряные тисненые изделия, изготовлявшиеся древнерусскими «златокузнецами». Именно поэтому они получили наименование «имитационные» (Б. А. Рыбаков).

Формочки эти вырезаны обычно в мягком, но плотном камне (шифер, черный жировик, реже известняк), позволявшем передать сложнейший мелкий рисунок всех деталей изделия, вплоть до мелкой зерни или филиграни. Бо́льшая часть формочек составлялась из двух парных створок. Парные створки обычно имели очень тщательно притертые плоскости, что устраняло появление литейных швов при заливке в формочку металла. Для точного совмещения двух (или трех) створок формочки в них просверливались круглые гнезда, в одном из которых укреплялся свинцовый стержень, своим выступающим

[1] Формочка для отливки диргема, хранящаяся в собрании КИМ, происходит из с. Григоровки Киевской области. О двух других формочках для отливки диргемов см.: Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, 1950, стр. 218 и прим. 4.

концом точно входящий в гнездо парной створки формочки. Все формочки этого типа выполнены исключительно тщательно, представляя порой заме-

Рис. 84. Бронзовый хорос, найденный на Хоревой ул.

чательные образцы камнерезного искусства. Даже наружная их нерабочая поверхность в большинстве случаев отделана весьма тщательно. Иногда на

наружной стороне резчики делали «пробы резца» — различные рисунки, не вызванные производственным назначением формочки. Так, на торцовой части одной из них сохранился резной рисунок бородатого человека в остроконечной шапке [1] (табл. XLVIII).

На нерабочей стороне одной из формочек для отливки трехбусинных серег процарапано имя мастера — владельца формочки — «Макосимов», что обозначало «формочка Максима» (рис. 86, *1*, *2*). На другой формочке, происходящей с Флоровой горы, вырезаны буквы «НТ» (рис. 86, *3*).

Все формочки имеют в верхней части канал для заливки металла (литок), а в формочках для изготовления изделий сложного рисунка от главного литка отходят обычно дополнительные каналы к различным частям изделия, чтобы расплавленный металл мог одновременно заполнить все части формочки. В нижней части формочек прорезался канал для отвода воздуха из полостей формочки при заливке металлом. Иногда формочки вырезаны на обеих сторонах камня. В этих случаях каждая сторона использовалась для отливки разных предметов. Подавляющее большинство «имитационных» формочек, известных поныне, найдено в Киеве, в основном на территории бывш. усадьбы Петровского, бывш. усадьбы Десятинной церкви и близ расположенной бывш. усадьбы Трубецкого, т. е. на древней территории княжеского двора или вблизи него.

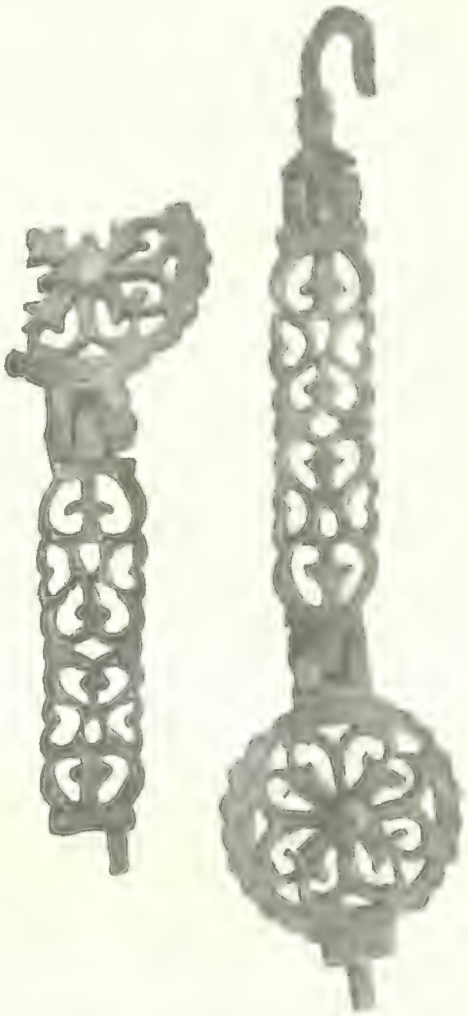


Рис. 85. Фрагменты бронзового хороса из Киевской Софии. Раскопки 1940 г.

Тридцать шесть фрагментов литейных формочек, из которых удалось склеить девятнадцать формочек для отливки трехбусинных серег, колтов, звездчатых подвесок и ложковитого браслета, были найдены в тайнике под развалинами Десятинной церкви [2] (табл. LV, LVI). Несколько формочек найдено в других

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 261.

[2] М. К. Каргер. 1) Археологические исследования древнего Киева, стр. 119 и рис. 84—85; 2) Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. КСИИМК, X, 1941, стр. 77 и рис. 24.

районах верхнего города. Пять «имитационных» формочек наряду с формочками для отливки простейших изделий были найдены на Флоровой горе (табл. LVII).

Одно непонятное на первый взгляд обстоятельство, связанное с «имитационными» формочками, обратило на себя внимание исследователей киевского ювелирного ремесла. При обилии находок «имитационных» формочек поражало почти полное отсутствие изделий, отлитых в этих формочках. По словам Б. А. Рыбакова, «обычно археологический материал обильно представляет продукцию мастеров и крайне скудно — орудия производства. Здесь же наоборот: налицо инструменты литейщика, а сделанные при помощи этих литейных форм колты и браслеты не найдены».[1]

Разгадку этого «странного явления» Б. А. Рыбаков предлагал искать «в топографическом размещении находок формочек внутри города, другими словами — в социальной топографии русского города XII—XIII вв.».[2] Если объединить все формочки, найденные в Старом городе, вблизи княжеского дворца и Десятинной церкви, и формочки, найденные на Флоровой горе, вдалеке от аристократической части города, отобрать при этом сомнительные, как полагал Б. А. Рыбаков, в смысле районирования материалы из тайника Десятинной церкви,[3] то, по мнению названного исследователя, получается следующая картина: в первом, центральном районе (близ Десятинной церкви) встречаются литейные формы для широких браслетов, энколпионов, а однажды найдена формочка для перстня с княжеским знаком на щитке.[4] Другими словами — мастера, работавшие на княжом дворе, отливали, по мнению Б. А. Рыбакова, те вещи, которые попадали в боярско-княжеские клады XIII в.

Иную картину дает, по его мнению, ремесленный посад на Флоровой горе. Только там литьем в «имитационных» формах воспроизводили сложные ювелирные изделия, украшенные зернью и сканью, создававшиеся ювелирами Старого города.[5]

Учет топографии находок формочек, по мнению Б. А. Рыбакова, объясняет и отсутствие литых подражаний в кладах, поскольку все дошедшие до нас клады связаны с княжеско-боярской средой, «а златокузнецы, обслуживавшие ее, были не подражателями, а законодателями мод».[6] «На другом социальном полюсе города — в обширном ремесленном посаде, на Подоле и в иных местах — работали ювелиры, не располагавшие ни сложным обору-

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 273.

[2] Там же.

[3] Б. А. Рыбаков считает, что мастер-литейщик, погибший в тайнике под Десятинной церковью, пришел сюда не из ближайших мастерских этой древнейшей части города, а из более удаленного ремесленного посада, может быть с той же Флоровой горы (там же, стр. 274).

[4] В действительности эта формочка найдена на Флоровой горе (см.: Архив ИИМК ф. АК, д. 122/1894 г. и фотоархив ИИМК, F. 114, 7).

[5] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 275.

[6] Там же.

дованием для волочения скани и паяния зерни, ни временем для трудоемкой и кропотливой отделки индивидуальных заказов, их рынок был шире, и для них вопрос массового выпуска стоял, очевидно, острее, чем для придворных мастеров. Это и толкало их на путь выполнения украшений посредством литья в каменных формах».[1]

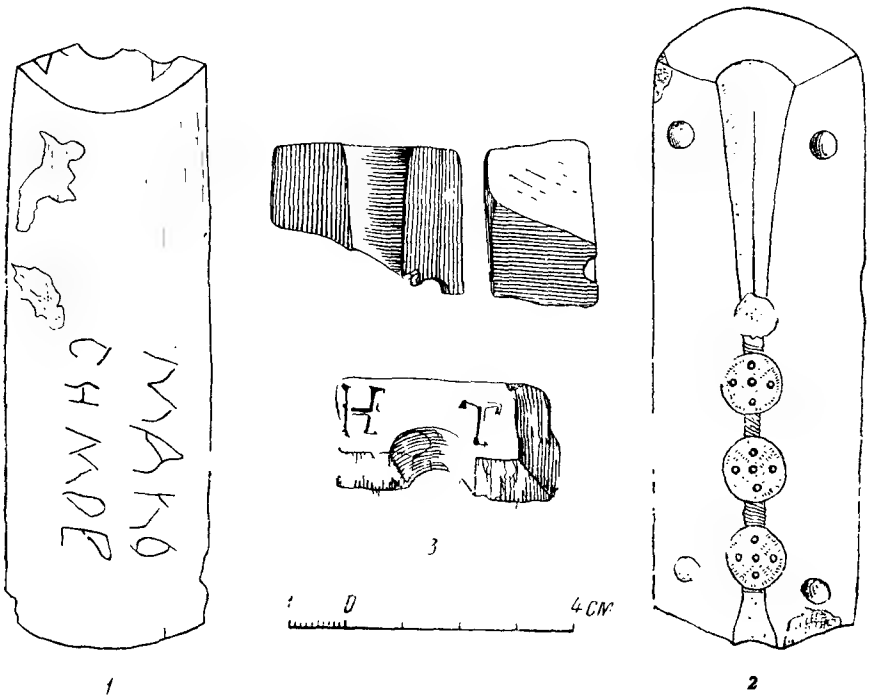


Рис. 86. Формочки с надписями. Раскопки 1937 и 1940 гг.

1, 2 — формочки с надписью «Макосимов»; *3* — формочка с вырезанными буквами «Н Т».

Необычное преобладание литейных форм над готовыми изделиями, по мнению Б. А. Рыбакова, объясняется тем, что украшения, бытовавшие у рядовых жителей городского посада, совершенно неизвестны нам ни по кладам, ни по погребениям.[2]

---

[1] Там же, стр. 277.

[2] Там же; эту же мысль высказывал десятилетием раньше А. С. Гущин. Противопоставляя ювелирную мастерскую на Флоровой горе, принадлежавшую, как думал А. С. Гущин, свободным мастерам, изготовлявшим различные предметы личного убранства, металлическую утварь, оправу для оружия и т. п., мастерским на княжом дворе, он утверждал, что «характерной чертой этой мастерской являлось наличие в ней ряда формочек для изготовления украшений на более широкого потребителя». Изделия этой мастерской, по мнению А. С. Гущина, «представляли, таким образом, более дешевый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространенным украшениям господствующего класса» (А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, стр. 26).

Эта стройная, на первый взгляд, концепция, казалось бы, исчерпывающе объясняющая непонятное явление в истории киевского ремесла, однако, от начала до конца построена на ошибочной локализации находок или неверной их трактовке, что было убедительно показано Г. Ф. Корзухиной.[1] В действительности основная масса «имитационных» формочек для отливки колтов, звездчатых подвесок и трехбусинных серег найдена именно в районе княжого двора и лишь пять формочек этого типа были найдены на Флоровой горе.[2] Таким образом, стройная картина «социальной топографии» находок не имеет под собой никаких оснований. И в мастерских на княжом дворе и в мастерской на Флоровой горе отливали изделия, имитировавшие драгоценные украшения; и здесь и там отливали в каменных формах и простые мелкие изделия — пуговицы, подвески, крестики и т. п.

Среди маловыразительных ювелирных изделий с Княжой горы и Поросья, хранящихся в коллекциях Киевского исторического музея, Г. Ф. Корзухиной удалось разыскать ряд вещей (звездчатая подвеска, два колта), несомненно выполненных в «имитационных» формочках. Свинцовый колт и свинцовый наруч (рис. 87, *1*, *3*), довольно близко напоминающий одну из киевских формочек (рис. 87, *2*), были найдены при раскопках 1938 и 1940 гг. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря.[3]

Эти и другие подобные находки, изученные Г. Ф. Корзухиной, дали ей серьезное основание утверждать, что изделия, отлитые в «имитационных» формочках, при всей их незначительности все же существуют.[4]

По свидетельству В. К. Гончарова, при раскопках на Райковецком городище была найдена свинцовая трехбусинная серьга, отлитая в «имитационной» формочке. Оловянный звездчатый колт и пластина створчатого браслета-наруча с ложнозерненым узором, происходящие из Гродно, опубликованы Н. Н. Ворониным.[5] Немногочисленность известных нам изделий этого рода Г. Ф. Корзухина правильно объясняет появлением этой новой ювелирной техники в начале XIII в., незадолго до монгольского нашествия. По мнению того же автора, идея изготовления литых украшений, подобных тисненым, принадлежала опытным ювелирам наиболее крупных ремесленных центров, в частности ювелирам Киева, где и найдено подавляющее большинство «имитационных» формочек.[6] Появление техники свинцовых или оловянных отливок в «имитационных» формочках свидетельствует о весьма важных процессах в развитии киевского ремесла; от изготовления отдельных чрезвычайно

[1] Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, 1950, стр. 220 и 229.

[2] Три формочки для отливки перстней и одна для отливки медальона, найденные на Флоровой горе, отнесены Г. Ф. Корзухиной (там же, табл. I) к числу «имитационных» без достаточных оснований.

[3] Г. Ф. Корзухина. Там же, стр. 221—223.

[4] Там же, стр. 227.

[5] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА СССР, № 41, М., 1954, стр. 67 и рис. 32.

[6] Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры. . ., стр. 227.

дорогих изделий, выполнявшихся по индивидуальному заказу, киевские ремесленники и те, что работали на княжом и боярских дворах, и свободные городские ремесленники переходили к изготовлению массовой продукции, выпускавшейся на широкий городской рынок. С проявлениями этого же процесса в других видах киевского ремесла мы столкнемся еще не раз.

Интересная по составу находок мастерская литейщика была раскопана нами в 1948 г. в усадьбе Киевского исторического музея (бывш. усадьба Петровского).[1] На полу полуземляночного жилища лежало множество различной формы обломков толстых бронзовых пластин, куски медной проволоки, а также обломки разнообразных бронзовых предметов: две створки от одного энколпиона, по одной створке еще от двух разных энколпионов и обломок верхней части четвертого, крестик с выемчатой желтой эмалью, большая булавка со щитком, на котором плохо сохранилось какое-то изображение, почти такого же размера булавка с петлей на конце, массивное кольцо, ажурная прорезная пластинка, обломки различных колец, пряжка и аморфные обломки других бронзовых изделий (табл. LVIII). В этом же жилище был найден обломок церковного колокола и часть весьма массивного

Рис. 87. Свинцовые колт (*1*) и наруч (*3*) из раскопок в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря и формочка для наруча (*2*).

[1] М. К. Каргер. Розкопки на садибі Київського історичного музею. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 7—10.

бронзового предмета в форме розетки (рис. 88), назначение которого установить не удалось.

Все эти предметы и особенно значительное количество разбросанных по полу обломков бронзовых пластинок и проволоки свидетельствовали о том, что в полуземлянке находилась мастерская по выработке мелких бронзовых изделий. Полагаем, что обломки колокола и массивного бронзового предмета попали сюда, вероятно, уже в качестве материала для мелких поделок.

Обращает внимание находка на полу шести трубчатых железных замков, покрытых бронзовой обкладкой (табл. LIX). Находки замков в киевских жилищах XII—XIII вв. нередки, однако в количестве не более двух-трех экземпляров. Не является ли большое количество замков, найденных к тому же среди обрезков бронзовых пластинок, свидетельством того, что изготовленные в кузнечной мастерской железные замки проходили здесь какую-то дополнительную обработку (обтяжку бронзой?).

Среди находок, характеризующих полуземлянку 1948 г. как мастерскую, необходимо отметить еще два предмета: золотую трехбусинную серьгу киевского типа и фрагмент каменной литейной формочки.[1] Последний (табл. LIII,

[1] М. К. Каргер. Розкопки на садибі Київського історичного музею, стр. 10. Значение этой замечательной находки недавно пыталась дискредитировать Г. Ф. Корзухина, утверждавшая, что «связь формочки с жилищем из-за неясности и противоречивости (!—*М. К.*) сведений об условиях ее находки не может быть установлена». В примечании Г. Ф. Корзухина разъясняет это безапелляционное утверждение следующим образом: «В сборнике „По следам древних культур“ (1953, стр. 70) М. К. Каргер пишет, что формочка найдена на полу землянки. Однако в первоначальной публикации материалов раскопок 1948 г. он не упоминает ее в числе находок на полу. Из контекста же следует, что формочка была найдена либо в заполнении землянки, либо в культурном слое над ней» (Г. Ф. Корзухина. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. СА, XXV, 1956, стр. 328, прим. 1). В предварительной отчетной публикации раскопок жилища-мастерской в усадьбе Киевского исторического музея о находке фрагмента формочки сообщалось: «В заполнении углубленной в материк части землянки, преимущественно в нижних его слоях и особенно на полу землянки найдено значительное количество разнообразных предметов, которые дают основание утверждать, что землянка 1948 г. была, как и большинство подобных сооружений, ранее обнаруженных в различных районах древнего Киева, не только жилищем, но и ремесленной мастерской» (М. К. Каргер. Розкопки на садибі Київського історичного музею, стр. 9). Среди предметов, найденных в «нижних слоях и особенно на полу землянки», назван и фрагмент формочки для отливки трехбусинных серег (там же, стр. 10). Позже в популярной статье того же автора, в рассказе о монгольском погроме Киева, говорилось: «Одна из них (литейная формочка), найденная нашими раскопками 1948 г. на полу жилища мастерской, расположенного неподалеку от церкви, позволила установить, откуда прибежал в Десятинную церковь ремесленник-ювелир, погибший под развалинами храма» (М. К. Каргер. Древний Киев. В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. 1953, стр. 70). Даже не учитывая того, что второй отрывок взят из популярной статьи, где позволительно отказаться от специального археологического определения горизонта находки, между приведенными сведениями о находке формочки нет решительно никакой «противоречивости». Находка 1948 г. действительно «противоречит» только доводам Г. Ф. Корзухиной о том, где жил и работал в декабре 1240 г. мастер Максим (Г. Ф. Корзухина. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко. . ., стр. 330).

средняя в нижнем ряду) заслуживает особого внимания. Он представляет собой обломок одной из трех частей трехдольной формочки для отливки трехбусинных серег. Формочка вырезана из светло-серого мягкого сланца; углубленная резьба бусин поражает исключительным изяществом рисунка и мастерством исполнения. На обломке сохранились лишь углубления для двух бусин, от третьей — лишь совсем незначительная часть.

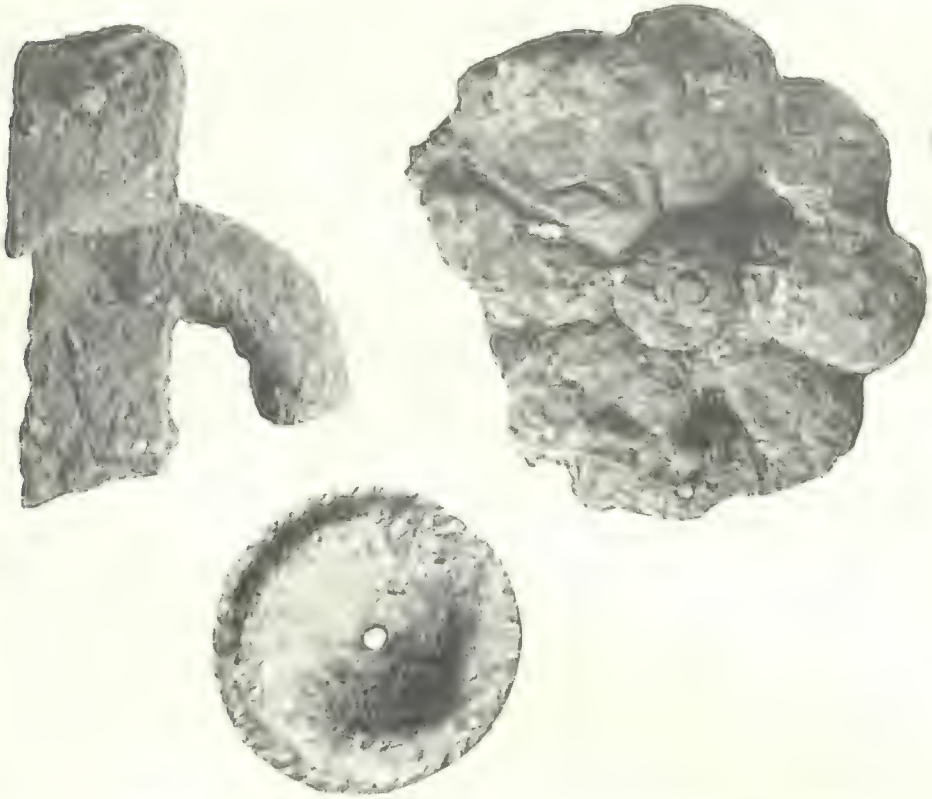


Рис. 88. Бронзовые изделия, найденные в мастерской литейщика. Раскопки 1948 г.

Уже в первый момент после очистки формочки от земли бросилось в глаза сходство вновь найденного фрагмента с одной из каменных формочек, обнаруженных В. В. Хвойкой при раскопках в 1907—1908 гг. в усадьбе Петровского. Сопоставление с этой формочкой, хранящейся в Киевском историческом музее, позволило убедиться, что формочка, найденная в землянке 1948 г., и формочка из раскопок Хвойки (табл. LIII, средняя в верхнем ряду) составляют две доли одной трехдольной формочки. Находка частей одной и той же литейной формы раскопками, разделенными несколькими десятилетиями, на интересующей нас территории древнего Киева не является неожиданностью. Раскопками Института археологии в 1936 г. на участке «S, раск. А», распо-

ложенного на границе бывш. усадьбы Петровского и соседней с нею усадьбы Слюсаревского, был найден фрагмент литейной формочки для отливки наруча с изображением чудовища в плетении, оказавшийся парной створкой к известной, многократно опубликованной формочке с изображением двух сиринов в плетении, найденной раскопками В. В. Хвойки в 1907—1908 гг. (табл. LI).

Нашими раскопками 1939 г. среди многих формочек для отливки различных предметов убора, обнаруженных в тайнике под развалинами Десятинной церкви, была найдена формочка для отливки трехбусинных серег (табл. LVI), которая, как это было подмечено Г. Ф. Корзухиной, оказалась частью трехдольной формочки, вторая доля которой была найдена раскопками В. В. Хвойки в усадьбе Петровского (табл. LIII).[1]

На основании этого наблюдения Г. Ф. Корзухина пыталась определить положение мастерской, в которой работал мастер-ювелир, погибший вместе со своим инструментарием под рухнувшими сводами Десятинной церкви. Считая расположение раскопов Хвойки неизвестным, Г. Ф. Корзухина [2] приходила к выводу, что мастерская эта должна была находиться там, где раскопками 1936 г. был обнаружен фрагмент формочки наруча, полагая, что он находился вместе с формочкой парной для него створки с изображением сиринов и полагая также, что эта последняя была найдена в 1907—1908 гг. вместе с частью формочки трехбусинной серьги, вторая часть которой найдена в тайнике.

Ссылаясь на «выписки из дневников В. В. Хвойки, сохранившиеся в Киеве в частных руках», Г. Ф. Корзухина утверждала, что из этих выписок видно, что «формочки найдены в пределах одной ювелирной мастерской, точное местонахождение которой нам неизвестно».[3]

С этим утверждением нельзя согласиться: из выписок отнюдь не явствует, что все формочки найдены в одной мастерской. Под понятием «мастерской» в записях В. В. Хвойки скрываются отнюдь не конкретные, раскрытые рас-

---

[1] Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры. . . ., стр. 230.

[2] Там же, стр. 229—230; ср. более позднее утверждение Г. Ф. Корзухиной о том, что опубликованный Д. И. Багалеем (Русская история, т. I. М., 1914, стр. 504, рис. 175) план усадьбы Петровского с нанесенными на него раскопанными участками оставался «немым» до обнаружения ею выписок А. А. Спицына из дневника В. В. Хвойки (Г. Ф. Корзухина. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. СА, XXV, 1956, стр. 320). В действительности легенда к плану раскопок В. В. Хвойки в усадьбе Петровского, почти полностью раскрывающая топографию раскопанных участков, была обнаружена уже около пятнадцати лет назад (Центральный исторический архив УССР, фонд Общества охраны памятников старины и искусства 1910—1919, д. 9, лл. 56—57) и использовалась не только при изучении наследия В. В. Хвойки, но и при планировании раскопок в усадьбе Исторического музея, в состав которой вошла усадьба Петровского.

[3] Там же, стр. 230. Позже, обнаружив выписки А. А. Спицына из дневника В. В. Хвойки, Г. Ф. Корзухина считала, что предположение ее подтвердилось и мастерская мастера Максима «получила точную локализацию» (Г. Ф. Корзухина. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко. . ., стр. 330).

копками остатки мастерских. «Мастерская» в записях Хвойки — понятие собирательное: это различные орудия производства, сырье, полуфабрикаты, отбросы производства и т. п., найденные отнюдь не всегда в одном месте. Есть и более определенные доказательства того, что остатки ювелирного производства были обнаружены В. В. Хвойкой не в одном месте, как утверждает Г. Ф. Корзухина. В объяснительном тексте к плану раскопок В. Хвойки остатки мастерской ювелирных и эмалевых изделий показаны в двух далеко отстоящих одна от другой точках. Первая из них, названная «мастерской ювелирных и эмалевых изделий», была раскопана в центральной части усадьбы, примерно там, где ныне находится садик перед зданием музея, вторая, названная «мастерской эмалевых изразцов и ювелирных изделий», раскопана в юго-западном углу усадьбы на границе с соседней усадьбой Слюсаревского. Добавим к этому, что и в 1936—1937 гг. остатки ювелирного производства и, в частности, литейные формочки были найдены также на двух весьма отдаленных один от другого участках бывш. усадьбы Петровского. Из сказанного следует, что стремление автора связать все найденные на территории бывш. усадьбы Петровского и в тайнике под Десятинной церковью формочки с какой-то единой ювелирной мастерской — плод недоразумения.

Обнаруженная раскопками 1948 г. мастерская, судя по обилию обрезков бронзовых пластинок и проволоки, а также ввиду наличия в ней ряда бронзовых изделий, может быть понята, по-видимому, как мастерская по изготовлению мелких бронзовых вещей.

Находка на полу мастерской фрагмента литейной формочки свидетельствует, однако, о том, что в этой же мастерской может быть занимались наряду с выработкой бронзовых изделий и литьем предметов личного убора в «имитационных» формочках. Не исключена возможность, что некоторые из формочек, найденных в 1907—1908 гг., и, в частности, вторая половина найденной нами формочки происходят из этой именно мастерской. Возможно, что и три формочки, найденные в 1936 г. на участке, соседнем с усадьбой Слюсаревского, т. е. на территории, смежной с нашими раскопками 1948 г., также связаны с обнаруженной нами мастерской. Но все эти не лишенные вероятия предположения отнюдь не должны приводить к обязательному выводу о связи раскопанной в 1948 г. мастерской со всем комплексом формочек, найденных в усадьбе Петровского в 1907—1908 гг., а через них с находками 1936—1937 гг. на той же территории и с формочками из тайника Десятинной церкви.

Литьем в «имитационных» формочках занимались различные мастера, работавшие на княжом дворе и на соседних с ним дворах киевской знати; вот почему нас нисколько не должны удивлять находки совершенно аналогичных формочек и в бывш. усадьбе Трубецкого, и на дворе д. 4 по Б. Житомирской ул., и даже на более отдаленной территории Михайловского Златоверхого монастыря. Все эти находки, обнаруженные в различных мастерских первой половины XIII в., ничем не связанных одна с другой, заставляют ре-

шительно отбросить мысль о какой-то якобы единой «крупной ювелирной мастерской», монопольно владевшей производством удешевленных ювелирных изделий, повторявших более старые, дорого стоившие предметы убора по новому в техническом отношении способу отливки в «имитационных» формах.

Наряду с литьем широкое распространение имела обработка цветных и благородных металлов в технике ковки и чекана.

Среди древнейших киевских изделий этого рода следует указать на обломок толстого бронзового позолоченного листа с чеканным изображением апостола Павла, найденный при раскопках в алтарной части Софийского собора (табл. LX). Лицо Павла выполнено с исключительным реализмом. Возле изображения — чеканная надпись «ПАВЕЛОС». «Наивный» грецизм ее свидетельствует о русском происхождении мастера.

Из кованых серебряных пластин изготовлялись весьма распространенные в быту социальных верхов киевского общества широкие наручи, украшенные чеканным орнаментом и изображениями звериного стиля, а иногда и жанровых сценок (табл. LXI). Мнение Б. А. Рыбакова об отливке их в каменных литейных формочках ошибочно.[1] О миниатюрных оловянных или свинцовых наручах, изготовлявшихся в подражание кованым серебряным, была речь выше.

С техникой чекана тесно связана сопутствовавшая ей техника позолоты, как сплошной, так и в виде инкрустации.

Техника позолоты медных листов имела широкое применение при изготовлении оружия и различных бытовых изделий и особенно в строительном деле. «Златоверхие» терема и «златоглавые» храмы не раз упоминаются в памятниках киевской письменности. Нередки и находки обломков толстых медных листов от кровли, покрытых отлично сохранившейся позолотой. Технологический анализ этих обломков показывает, что хорошо прокованный медный лист густо покрывался золотой амальгамой, после чего прокаливался на сильном огне.

Особого рассмотрения заслуживает техника золотой росписи по меди, распространенная в древней Руси в качестве декоративного приема украшения дверей. Общеизвестны медные двери с золотой росписью, сохранившиеся в Суздале (XIII в.), знаменитые Васильевские врата, изготовленные для Новгородской Софии, и целый ряд фрагментов подобных изделий из других городов. Техника золотого письма на меди была детально исследована И. А. Гальнбеком и Ф. Я. Мишуковым, доказавшими, что распространенное мнение о том, что упомянутые изделия выполнены в технике золотой инкрустации, ошибочно; в действительности рисунок исполнялся способом письма жидким золотом.[2]

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 265—270; ошибочность мнения об отливке широких наручей в каменных литейных формах была отмечена Г. Ф. Корзухиной (Киевские ювелиры. . ., стр. 221, прим. 1).

[2] И. А. Гальнбек. О технике золоченых изображений на Лихачевских вратах в Гос. Русском музее. Материалы по русскому искусству, т. I. Изд. ГРМ, Л., 1928, стр. 22—31. —

Одним из интереснейших памятников этого рода является фрагмент бронзовой пластинки с золотым рисунком, изображающим городскую стену, башню, ладью с высоким загнутым носом и на переднем плане — трех воинов, вооруженных щитами и копьями (табл. LXII, *1*).[1] Б. А. Рыбаков полагал,что в отличие от других дошедших до нас дверей церковного назначения описанный фрагмент принадлежал двери светского дворцового здания в Киеве.[2] В действительности описанный фрагмент происходит из раскопок на Княжой горе и прямого отношения к Киеву не имеет, но не исключено, что двери эти были выполнены киевским мастером. О том, что изделия подобного рода в Киеве действительно изготовлялись, свидетельствуют найденные в 1937 г. при раскопках в усадьбе Десятинной церкви два обломка медного листа с орнаментальной золотой росписью, выполненной в той же технике (табл. LXII, *2*, *3*).

В 1933 г. в северной части горы Киселевки, над Житным базаром, были раскопаны три отлично сохранившиеся полуземлянки, две из которых являлись мастерскими медных изделий. На полу их обнаружено огромное количество обрезков меди, куски и слитки меди, олова, а также готовые изделия.[3]

Заслуживает при этом внимания одна деталь, установленная при исследовании пода печи в большей землянке. По утверждению исследователя, в результате действия высоких температур глиняная обмазка пода печи была местами остеклована. Этот факт свидетельствует о том, что печь служила не только для варки пищи, но, может быть, и для плавки металлов.

Раскопками Киевского исторического музея в 1939 г. на другом участке северо-западного склона Киселевки был обнаружен древний завал обрезков медных листов в виде узких полос и другие отходы металлического производства.[4]

Мастерская, изготовлявшая какие-то мелкие медные изделия, была раскопана в 1938 г. в усадьбе бывш. Михайловского Златоверхого монастыря. На полу полуземляночного жилища (VII) находилось множество обрезков тонких листов меди, а также небольшое количество заготовок каких-то изделий.[5]

Мастерская чеканщика, содержавшая листы тонкой меди, миниатюрные молоточки, зубильца и пунсоны, была раскопана в Вышгороде.[6]

Еще во второй половине X в. «златокузнецы» Среднего Поднепровья овладели новой техникой обработки золота, серебра и меди, явившейся несомнен-

---

Ф. Я. Мишуков. К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в древней Руси. КСИИМК, XI, 1945, стр. 113.

[1] Древности Придненровья, вып. V. Киев, 1902, стр. 23.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 326.

[3] С. Магура. Розкопи на горі Киселівці в Києві 1933 р. НЗІІМК АН УРСР, кн. I, Київ, 1934, стр. 212.

[4] Розкони в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. (З матеріалов наукового архіву Інституту археології АН УССР. Археологія, I, Київ, 1947, стр. 142).

[5] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 17.

[6] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 291.

ным усовершенствованием и механизацией техники чекана. Новшество заключалось в применении медных или стальных штампов — матриц, при помощи которых на тонких, предварительно хорошо прокованных листах металла оттискивался рельефный рисунок.[1]

До недавнего времени серебряные тисненые изделия, украшенные зернью, нередко встречающиеся в кладах и погребениях X в., безоговорочно относились к числу привозных вещей с Востока. Мнение о местном, русском происхождении изделий этой техники было впервые высказано А. С. Гущиным, ничем, однако, не подтвердившим его.[2]

Г. Ф. Корзухиной было бесспорно доказано производство этих изделий в Среднем Поднепровье, где не только найдена бóльшая часть известных доныне изделий этого рода, но обнаружен в составе погребального инвентаря и набор матриц для тиснения различных предметов, принадлежавших умершему ювелиру X в.[3]

Б. А. Рыбаков усматривал в появлении этого нового технического приема в работе русских городских «златокузнецов» влияние византийской культуры, полагая, что эта техника явилась одним из положительных результатов сближения Руси с Византией.[4]

О массовом применении техники тиснения киевскими «златокузнецами» свидетельствуют многочисленные ювелирные изделия из серебра и золота, найденные в составе киевских кладов.

Техникой тиснения в XI—XIII вв. киевские «златокузнецы» выполняли различные изделия: серебряные с чернью колты, звездчатые подвески (табл. LXIII), золотые и серебряные нашивные оляшки, полые лилиевидные подвески — «крины» (табл. LXIV), полые бусы, украшенные зернью (табл. LXIV, LXV), миниатюрные золотые и серебряные «колодочки» полуцилиндрической формы, нашивавшиеся на ленты, басму на иконах, небольшие иконки и пр.

При раскопках древнерусских городищ (Княжа гора, Сахновка, Райки, Вышгород и др.) найдено немало матриц для тиснения различных изделий. В музейных коллекциях Москвы, Ленинграда и Киева хранится ряд интереснейших матриц, к сожалению, неизвестного происхождения. На территории Киева матрицы были обнаружены в ювелирной мастерской, раскопанной В. В. Хвойкой,[5] а также в ряде других мест (рис. 89, *2*).

Особый интерес представляет найденная в жилище XIII в. на Б. Житомирской ул. (раскопки 1946 г.) круглая свинцовая подушка около 9 см в диаметре,

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 301 сл.

[2] А. С. Гущин, ук. соч., стр. 31.

[3] Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XII вв. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 45—52.

[4] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 305.

[5] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 71.

обтянутая по краю железным кольцом, не позволявшим свинцу расплющиваться под ударами молотка (рис. 89, *1*).

Процесс тиснения заключался в том, что на бронзовую или стальную литую матрицу, имевшую выпуклый рисунок, накладывался тонкий лист металла, на котором должен быть оттиснут рисунок. Поверх листа «златокузнец» накладывал свинцовую подушку, по которой ударял деревянным молотком. Свинец, а вместе с ним лист металла, от ударов приобретал форму матрицы. Следует отметить, что «подушка» найдена в помещении, о котором выше была речь как о жилище кузнеца. По-видимому, кузнец изготовил железную обойму, обтягивавшую края подушки.

Рис. 89. Круглая свинцовая подушка, обтянутая железным кольцом, раскопки 1946 г. (*1*); матрица для тиснения бус (*2*).

Совершенно аналогичная свинцовая подушка несколько меньших размеров обнаружена при раскопках 1936 г. в Вышгороде.[1]

Как справедливо отмечал Б. А. Рыбаков, очевидное преимущество техники тиснения перед техникой чекана «состояло в несравненно большей продуктивности тиснения, в убыстрении процесса производства, так как мастеру не нужно было тысячи раз ударять по орнаментируемому листу пуансоном».[2]

Затратив значительный труд на отливку матрицы, изготовлявшейся по восковой модели, «златокузнец» мог пользоваться ею, по-видимому, достаточно длительный период. Удары деревянного молотка через толстую свинцовую подушку и лист металла, очевидно, не причиняли матрице больших повреждений, и потому набор матриц не требовал частой замены. В отношении ускорения производственного процесса техника тиснения напоминала в известной мере рассмотренную выше технику литья в каменных формах. Значительный труд на отливку штампа (в технике тиснения), так же как затрата труда на резьбу каменной формочки (в технике литья), оправдывался в обоих случаях убыстрением и облегчением производства самой продукции.

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 301.

[2] Там же, стр. 303.

Обе рассмотренные разновидности ювелирной техники отражают общую тенденцию древнерусского городского ремесла XII—XIII вв. к повышению массовости продукции в связи с непрерывно возраставшей ролью товарного производства, обслуживавшего широкий городской и даже сельский рынок. Даже мастера, работавшие на княжом дворе или в монастырской вотчине, постепенно втягивались в этот процесс, продолжая обслуживать в то же время нужды того феодального хозяйства, частью которого они являлись.

Одним из наиболее распространенных видов ювелирной техники были изделия из проволоки. Киевские «златокузнецы» с древнейших времен изготовляли из медной, серебряной и золотой проволоки разнообразнейшие изделия, начиная от простейшего проволочного перстня или височного кольца и кончая изощренными филигранями, нередко сочетавшимися с перегородчатой эмалью, чернью и другими приемами. Все эти изделия требовали прежде всего изготовления самой проволоки различных диаметров, производившейся как с помощью техники ковки, так и более совершенной техники волочения.

Среди киевских находок, характеризующих изделия из толстой проволоки, заслуживает внимания интересная заготовка медного проволочного жгута для изготовления шейных гривен (рис. 90).[1] Заготовка представляет толстую проволоку, свитую в жгут, а затем закрученную в несколько колец. По мере надобности от заготовки отрезали кусок, из которого делали гривну. Интересны соображения, высказанные Б. А. Рыбаковым по поводу этой старой находки. «Перед нами, — пишет он, — любопытный пример перехода от работы на заказ к работе на рынок. Мастер тянет проволоку заранее, еще до получения заказа на гривны, готовит сырье для них — жгут. Если бы мастер работал целиком на рынок, он неизбежно разрезывал бы проволоку на одинаковые куски и сделал бы из них гривны, а не стал бы укладывать жгут в спираль. Совершенно очевидно, что мастер сделал заготовку в расчете на будущие заказы и резать проволоку не решался, так как гривны могли быть заказаны разных размеров. Отсюда один шаг до того, чтобы мастер решился готовить впрок не только проволоку, но и самые гривны; в таком случае его мастерская стала бы одновременно и местом продажи украшений».[2]

Широкое применение в ювелирной технике имела скань, или филигрань. Основой ее была тонкая крученая проволока, из которой киевские «златокузнецы» образовывали разнообразные сложнейшие узоры. Скань применялась в двух видах: в ажурной скани сами проволочки образуют каркас изделия, накладной сканый узор припаивался к золотой или серебряной основе изделия. Сканый узор нередко сочетался с техникой зерни, представлявшей мельчайшие зерна металла (серебра или золота), которые припаивались в виде различных узоров к основе изделия. Скань и зернь известны уже в изделиях рус-

---

[1] Сведение о находке опубликовано в ОАК за 1906 г., СПб., 1909, стр. 124 и рис. 177; см. также: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 331.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 331.

ских «златокузнецов» X в. В XI—XIII вв. обе эти разновидности ювелирной техники были излюбленным приемом киевских «златокузнецов» (табл. LXIII—LXV).

Наряду с зернью и сканью уже в древнейших русских ювелирных изделиях из серебра широко применялась техника черни. Чернью заполняли углубленный фон серебряного изделия, а иногда и углубленные контурные линии изображения (табл. LXIII). В состав черневой массы, употреблявшейся русскими мастерами, входили серебро, свинец, красная медь, сера, поташ, бура и соль.[1] Порошок черни разводили водой и густо покрывали им фон изделия, предварительно процарапанный резцом для лучшего сцепления черни с серебром. Затем пластинка прокаливалась на жаровне, благодаря чему чернь плотно соединялась с серебром.[2] По-видимому, чернением занимались в основном в тех киевских мастерских, где изготовляли тисненые серебряные изделия. К сожалению, никаких производственных остатков этой техники в киевских ювелирных мастерских до сих пор не обнаружено, так же как и остатков производств зерни и филиграни.

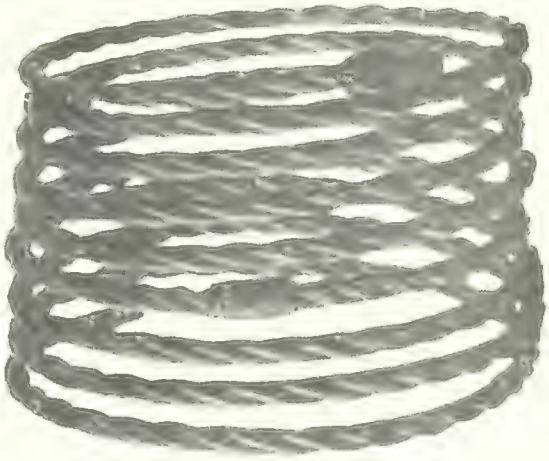


Рис. 90. Медный жгут-заготовка для изготовления шейных гривен. Случайная находка.

Среди изделий киевских «златокузнецов» заслуживает внимания еще одна разновидность техники — инкрустация железных и бронзовых изделий золотом или серебром. В раскаленном железе тонким зубилом прорубался углубленный рисунок, после чего в углубления забивалась золотая или серебряная проволока. Техника инкрустации была распространена еще в X в., как показывают бляшки, встречающиеся в погребениях киевского некрополя. Позже эта техника применялась для орнаментации железных изделий конского снаряжения и оружия.

Наивысшим достижением киевских «златокузнецов» XI—XIII вв. была техника перегородчатых эмалей. В производстве изысканных золотых изделий, обильно украшенных как орнаментальными, так и изобразительными эмалями, киевские ремесленники достигли высот подлинного большого искусства. Многочисленные, разнообразные по назначению золотые изделия с перегородчатой эмалью стали известны уже давно, со времени находки первых кладов в Старой Рязани и в Киеве. Количество их непрерывно возрастает

[1] Там же, стр. 320.

[2] Там же.

в результате новых раскопок и случайных находок в древнерусских городах. Давно обратили на себя внимание на ряде эмалевых изделий русские надписи, к тому же нередко с диалектологическими особенностями, что не оставляло сомнений в местном происхождении этих изделий. Большая заслуга в изучении древнерусских перегородчатых эмалей принадлежит Н. П. Кондакову, который не только собрал весьма значительный материал, но и подверг его исследованию с художественной и технической стороны.[1]

Н. П. Кондаков не отрицал местного русского производства перегородчатых эмалей, однако в то же время считал их всякий раз лишь огрубевшими провинциальными вариантами византийского эмальерного искусства. Большинство этих изделий, по его словам, «настолько грубо, что при всей подражательности более напоминает древние варварские эмали, чем свой прекрасный образец».[2] Исключительно высокие художественные и технические качества русских эмалей Н. П. Кондаков не смог понять и должным образом оценить. За полвека после выхода работ Н. П. Кондакова не только значительно возросло количество древнерусских эмалей, но, что гораздо существеннее, в Киеве были открыты ювелирные мастерские, производившие среди прочих изделий и перегородчатые эмали.

Две таких мастерских были открыты раскопками В. В. Хвойки на территории усадьбы Петровского. Вот что писал о них сам исследователь: «Не менее интересными являются остатки мастерских ювелирных изделий и дорогих предметов эмальерного производства. Здесь были обнаружены уцелевшие горны и печи специального устройства, а также каменные формочки, служившие для отливки колтов, колец, браслетов, металлических бус, складных крестов и т. д., штампы для выбивания орнамента на металлических украшениях и множество кусков разноцветной эмали двух видов — легковесной и тяжеловесной».[3] Теми же раскопками были обнаружены остатки другой обширной мастерской с целым рядом глиняных горнов и печей «особого устройства», где, по словам исследователя, «было найдено большое количество сломанных, поврежденных огнем и отчасти расплавленных стеклянных браслетов и таких же колец, большие куски расплавленной и в таком виде застывшей разноцветной эмалевой массы, а также и штамп с отдельной бронзовой пластинкой с прорезанным изображением двух птиц, очевидно, служившей для выделки колтов».[4]

Из приведенных полностью описаний при всей их краткости можно все же понять, что в обеих мастерских наряду с изготовлением в первой из них — литых в каменных формочках изделий, а во второй — стеклянных браслетов и перстней изготовлялись и изделия с перегородчатой эмалью. Об этом сви-

---

[1] Н. П. Кондаков. 1) Византийские эмали. Собрание А. В. Звенигородского. СПб., 1892; 2) Русские клады, т. I. СПб., 1896.

[2] Н. П. Кондаков. Византийские эмали, стр. 186—188.

[3] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 71.

[4] Там же.

детельствуют найденная в первой мастерской разноцветная эмаль, а во второй — не только «большие куски расплавленной и в таком виде застывшей разноцветной эмалевой массы», но и штамп с отдельной бронзовой пластинкой с прорезанным изображением двух птиц, служивший для изготовления золотых колтов с перегородчатой эмалью.

Последние два предмета заслуживают более детального описания. Первый из них представляет бронзовый шаблон в виде плоской тонкой, почти круглой пластинки с небольшой полукруглой выемкой в верхней части (рис. 91, *1*). В пластинке прорезаны сквозные отверстия в виде силуэтного изображения

Рис. 91. Инструменты для производства колтов с перегородчатой эмалью. Раскопки В. В. Хвойки.

1 — бронзовый шаблон; *2* — бронзовая болванка

пары птиц, между которыми расположено также силуэтное, очень схематизированное изображение растения. Второй предмет представляет собой бронзовый кружок с выпуклой верхней поверхностью и плоской нижней (рис. 91, *2*).

Пользование шаблонами исследователи представляли различно. Б. А. Рыбаков считал, что тонкий золотой лист накладывался на матрицу и в нем продавливались углубления, соответствующие контурам дерева и птиц. Таким образом, «рисунок, подлежащий дальнейшей расцветке посредством эмали, оказывался как бы в лоточке, углубленном по отношению к поверхности щитка колта на 1—1.5 мм».[1] По мнению того же исследователя, лишь в некоторых случаях дно этого лоточка приходилось припаивать. Это делалось в том случае, если тонкий золотой лист рвался при тиснении на матрице.[2]

При этой реконструкции остается необъяснимым, как же плоская золотая пластинка с продавленным контурным рисунком получала в дальнейшем выпуклую форму. Учитывая эту особенность колтов и принимая во внимание

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 379.

[2] Там же.

находку в этой же мастерской выпуклого бронзового штампа, приходится считать более правдоподобной реконструкцию Г. Ф. Корзухиной, которая считала, что при изготовлении колта шаблон накладывался на золотую пластинку и по нему вырезались основные контуры птиц и «древа», а также края самого колта. После этого золотая пластинка накладывалась на выпуклый бронзовый кружок и при помощи молоточка ей придавалась сферическая форма. Вырезанные из золотой пластинки части, по мнению Г. Ф. Корзухиной, «припаивались снизу при помощи вертикально поставленных ленточек и служили дном углублений, заполнявшихся эмалью».[1] Внутри основных контуров на дно углубления припаивались на ребро перегородочки.

Еще одна ювелирная мастерская, производившая среди прочих изделий и перегородчатую эмаль, была обнаружена на той же территории усадьбы Петровского раскопками 1936—1937 гг. В главе, посвященной городским жилищам, описана полуземлянка, раскопанная в 1936 г. в усадьбе Художественной школы (северо-западная часть бывш. усадьбы Петровского). Среди многочисленных находок на полу жилища была каменная литейная формочка и небольшой тигелек. Возле этого жилища были найдены остатки небольшого литейного горна, предназначенного для плавки в небольших тиглях меди, серебра и золота, а также эмалевой массы и стекла.[2] Как горн, так и упомянутая полуземлянка-мастерская возле него располагались на северо-западном склоне рва, ограждавшего древнейшее Киевское городище. Однако исследованием было неоспоримо установлено, что мастерская и горн возникли тут уже после того, как ров был засыпан: слой земли с остатками ювелирного производства лежал всюду поверх засыпки рва древнейшего городища и был перекрыт завалом строительных материалов из кирпичной постройки X—XI вв. Основываясь на том, что засыпка рва относится к концу X в., исследователь относил существование мастерской к концу X или к первой половине XI в., в чем безусловно ошибался. Весь состав находок свидетельствовал о том, что мастерская существовала в первой половине XIII в. и погибла во время татарского разгрома Киева. От горна сохранилась лишь нижняя часть (под) и часть глиняных стенок. Исследованием остатков горна было выяснено, что глиняные стенки и свод его имели внутри каркас из свинцового дрота, переплетенного клеткой; стенки были сильно обожжены.

Возле горна лежал толстый слой золы и угля, в котором найдены куски шлака и две каменных формочки. К югу от развалин горна раскопками следующего (1937) года в слое, состоявшем из золы и мелких угольков,[3] были обнаружены многочисленные остатки ювелирного производства: несколько сот обломков маленьких тигельков (рис. 92) и множество обломков глиняной

---

[1] Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения. . ., стр. 53.

[2] Отчет о работах Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 33—35. Архив ИА АН УССР.

[3] Слой золы с остатками ювелирного производства лежал на расстоянии до 5—8 км к югу и юго-востоку от горна. Общая площадь его была достаточно велика (7.5×3.5 м).

посуды довольно значительного размера с остатками золота, серебра, меди, разноцветной эмалевой массы, минеральной краски и т. п. Тут же было найдено несколько фрагментов каменных формочек, металлические матрицы-штампы, глиняные льячки и обломки различных изделий из меди, свинца и олова.

Глиняные тигельки имеют стандартную форму и размеры (высота 3.5 см, диаметр по венчику 4 см, толщина стенок 3—4 мм). Льячки, изготовленные из такой же глины, имеют два отверстия — более широкое для наливания растопленного металла и более узкое для выливания его в формочки.

Характерной чертой всех трех мастерских является наличие в них нескольких технических разновидностей ювелирного ремесла (изготовление перего-

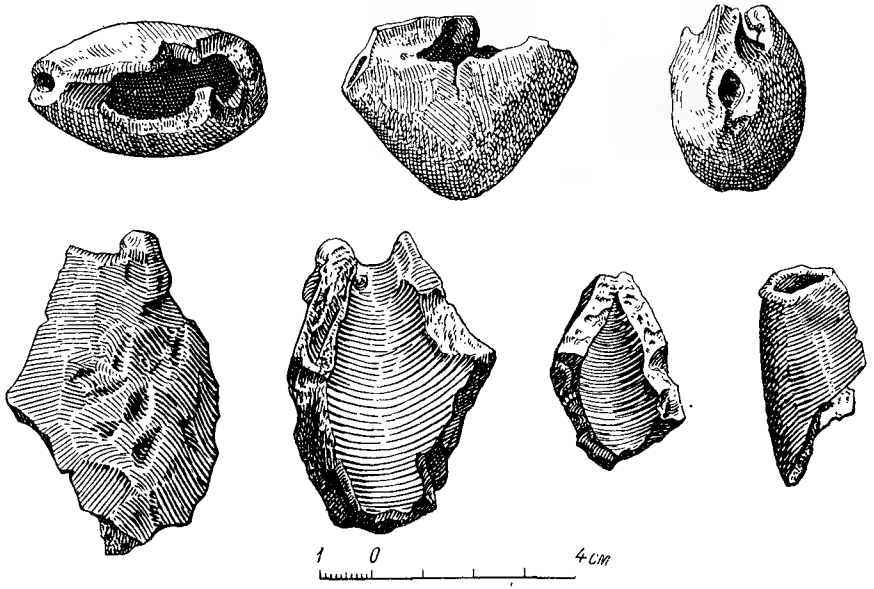


Рис. 92. Обломки тигельков для плавки золота, серебра, меди и эмали. Раскопки 1937 г.

родчатых эмалей, литье в каменных формочках, тиснение по металлу и стекловарение). Этот факт указывает на то, что техника изготовления эмали в Киеве была неразрывно связана с техникой стекловарения. Киевские эмальеры не нуждались в привозном сырье, ибо отлично умели изготовлять его сами.

Ассортимент золотых изделий, украшенных перегородчатой эмалью, очень разнообразен: киевские эмальеры изготовляли диадемы (табл. LXVI), колты (табл. LXVII, LXVIII), цепи из полых бляшек (табл. LXVIII), кресты, детали книжных переплетов и пр.

Остается невыясненным вопрос о времени освоения киевскими ювелирами техники перегородчатой эмали. Древнейшие русские изделия с эмалью не восходят глубже XI в., именно поэтому Н. П. Кондаков связывал появление этой техники на Руси со временем Ярослава Мудрого, считая ее одним из наиболее очевидных проявлений влияния Византии. Б. А. Рыбаков, не отри-

цая факта византийского влияния в развитии этого искусства, в то же время считал, что время появления русского эмальерного искусства может быть пересмотрено.[1] Опираясь на трактат Теофила, который вслед за новейшими его исследователями Б. А. Рыбаков относит не к XI—XII вв., как ранее, а ко второй половине X в., он считает возможным относить появление эмалей на Руси к более раннему времени.[2] Полагая, что уже в IX—X вв. в Киеве, «возможно, возникает производство медных колтов с выемчатой эмалью кеттлахского типа», Б. А. Рыбаков утверждал, что уже «около середины X в. киевские мастера переходят от выемчатой техники к перегородчатой» в результате тесных сношений с Византией. «К этому времени,— по мнению исследователя,— относится появление стеклянных браслетов в Приднепровье, что косвенно может быть связано с производством эмалевой массы. Во второй половине X в. о производстве хороших эмалей в „Руссии" знают в тех странах, с которыми Киев вел оживленную торговлю в IX—X вв.».[3]

В противовес этому мнению Г. Ф. Корзухина, на наш взгляд, с бóльшим основанием, решительно настаивает на более позднем освоении техники перегородчатой эмали на Руси, относя появление первых русских изделий этой техники к середине XI в.[4]

Совершенно несомненно, что в XI—XII вв. Киев был крупнейшим и наиболее передовым центром производства перегородчатых эмалей. Памятники этого замечательного искусства весьма высоко ценились уже современниками, как свидетельствует запись на знаменитом Мстиславовом евангелии, которое по поручению князя Мстислава Наслав возил в Царьград и Киев для изготовления драгоценного переплета, украшенного «химипетом» (т. е. финифтью). «Цену же евангелия сего,— читаем мы в этой записи,— один бог ведае».[5]

Наряду с драгоценной перегородчатой эмалью в киевских мастерских изготовлялись и более дешевые бронзовые изделия, украшенные выемчатой эмалью. Бронзовая основа этих изделий отливалась в формах. Углубления заполнялись эмалью. В этой технике изготовлялись крестики и различные бляшки. В отличие от перегородчатых эмалей, изготовлявшихся, очевидно, по специальному заказу, бронзовые изделия с выемчатой эмалью выпускались на широкий рынок.

4. СТЕКЛОДЕЛИЕ

Среди разнообразных изделий киевского ремесла XI—XIII вв., находимых при раскопках на территории самого Киева и в других городах Среднего Поднепровья, достаточно многочисленны фрагменты различных стеклянных пред-

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 393.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 396.

[4] Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв., стр. 73—74.

[5] П. К. Симони. Мстиславово евангелие нач. XII в. в археологическом и палеографическом отношениях. СПб., 1904, стр. 2—3.

метов. Исследователи древнерусской культуры долгое время безоговорочно считали все эти предметы привозными и рассматривали их как свидетельство торговых связей Руси с Византией и Востоком. Так, не только Н. Аристов утверждал, что стекло на Руси не умели приготовлять до XV в.,[1] но и Д. И. Багалей, книга которого была опубликована спустя шесть лет после завершения раскопок В. В. Хвойки в усадьбе Петровского, считал все стеклянные изделия из киевских раскопок привозными из Сирии и Херсонеса.[2]

Н. П. Кондаков также считал, что стеклянные изделия на Русь доставлялись исключительно из Сирии. Стекло, по Кондакову, вообще — предмет привозной промышленности.[3]

Нельзя не отметить при этом, что еще в начале 90-х годов прошлого века И. А. Хойновский энергично защищал мысль о местном производстве не только стеклянных браслетов, но и толстостенной стеклянной посуды, образцы которой, найденные при раскопках в усадьбе Кривцова, были впервые им опубликованы.[4] В качестве доказательства местного производства стекла И. Хойновский приводил обнаруженные им в окрестностях с. Збранки (в Овручском у.) остатки стеклянного производства и в том числе «большой ком наполовину сплавленных кусков битых стеклянных браслетов».[5] Разнообразие в цветах стекла и «правильность отделки» позволяли исследователю считать овручских древлян искусными мастерами стеклянного производства.[6] Только тонкостенные сосуды на высоких ножках и обломки круглого оконного стекла, ошибочно принятые Хойновским за «стеклянные дискосы», он считал привозными из Греции.[7]

Раскопками В. В. Хвойки в усадьбе Петровского были обнаружены остатки «обширной мастерской с целым рядом глиняных горнов и печей особого устройства».[8] В этой же мастерской, по словам исследователя, «было найдено большое количество сломанных, поврежденных огнем и отчасти расплавленных стеклянных браслетов и таких же колец, большие куски расплавленной и в таком виде застывшей разноцветной эмалевой массы».[9] Наряду с остатками стекловарного производства в мастерской была обнаружена упоминавшаяся выше отдельная бронзовая пластинка с прорезанным изображением двух птиц, служившая для изготовления колтов.[10] Последняя находка, как отмечено выше, свиде-

---

[1] Н. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 110—111.

[2] Д. И. Багалей. Русская история, т. I. М., 1914, стр. 205.

[3] Н. П. Кондаков. Русские клады, стр. 36.

[4] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора. . ., стр. 20—21 и табл. IX—X.

[5] Там же, стр. 20.

[6] Там же, стр. 21.

[7] Там же, стр. 20.

[8] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 71.

[9] Там же.

[10] Там же.

тельствовала о том, что в мастерской изготовлялись не только стеклянные браслеты и перстни, но и ювелирные изделия, украшенные перегородчатой эмалью.

К сожалению, в весьма краткой публикации материалов раскопок исследователь не дал ни детального описания обнаруженных им горнов и печей «особого устройства», ни их изображений. Ничего не добавляют к этим кратким описаниям и выписки из дневника В. В. Хвойки.

Незначительные остатки разрушенной мастерской стеклянных браслетов были обнаружены нашими раскопками 1948 г. в усадьбе бывш. Михайловского Златоверхого монастыря, неподалеку от раскопанной в 1938 г. «мастерской художника». Сама мастерская была полностью разрушена при постройке в 1944 г. овощехранилища. Раскопками удалось обнаружить только многочисленные отходы производства, выброшенные из мастерской,— свыше пятидесяти полурасплавленных обломков браслетов и перстней, тигельки с остатками расплавленного стекла на стенках (рис. 93) и несколько целых браслетов и перстней.[1] Необходимо подчеркнуть, что тигельки, найденные в этом выбросе, были очень малы и для изготовления браслетов безусловно недостаточны. По-видимому, в мастерской изготовлялись, кроме браслетов, также какие-то мелкие украшения с эмалью, как это было и в мастерской, открытой В. В. Хвойкой в усадьбе Петровского.

Остатки стекловарной мастерской были открыты в 1950 г. раскопками В. А. Богусевича на Подоле. По словам исследователя, несмотря на сильное разрушение открытого комплекса ямами XX в., на небольшом участке (не более 20 м²) «было обнаружено несколько глинобитных разрушенных печей-горнов, среди которых найдены куски стеклянных сплавов и смальты, обломки стеклянных браслетов, перстней и тонкостенной посуды (стенки небольших бокалов и круглые донца), а также разноцветные стеклянные бусы».[2] О наличии стекловарного производства свидетельствуют, по словам исследователя, найденные тут же запасы свинца, состоявшие из большого толстого листа и двух больших болванок — общим весом около 100 кг.[3]

Исключительный интерес представляет большая стекловарная мастерская, обнаруженная в 1951 г. на территории Киево-Печерской лавры. Недалеко от древней стены, ограждавшей Печерский монастырь в XII—XIII вв., были найдены развалины двух больших горнов, сложенных из кирпича и глины. Возле горнов обнаружены большие куски стеклянных сплавов, значительное число керамических тиглей, плошек и горшков с разноцветной стеклянной массой, а также много осколков разнообразной тонкостенной стеклянной

---

[1] Дневник Киевской археологической экспедиции 1948 г., № 1, стр. 34. Архив ИИМК АН СССР. См. также главу VII «Жилища горожан XI—XIII вв.» (стр. 304 настоящего исследования).

[2] В. А. Богусевич. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве по материалам раскопок 1951 г. КСИА, вып. 3, Киев, 1954, стр. 14—15.

[3] Там же, стр. 15.

посуды, обломки небольших круглых оконных стекол, заготовки разноцветной мозаичной смальты. Тут же были найдены обломки желтых, зеленых и коричневых майоликовых плиток для пола.[1]

Кирпич, из которого были сложены горны, был подобен кирпичу конца XI в., из которого сложены стены Успенского собора. По мнению В. А. Богусевича, руководившего раскопками горнов, это дает возможность датировать разрушенные печерские горны этим временем.[2] Едва ли можно признать этот аргумент достаточным основанием для датировки горнов: кирпич XI в. мог быть использован для сооружения горнов и в более позднее время. Гораздо более серьезным аргументом в пользу отнесения мастерской к XI в. является

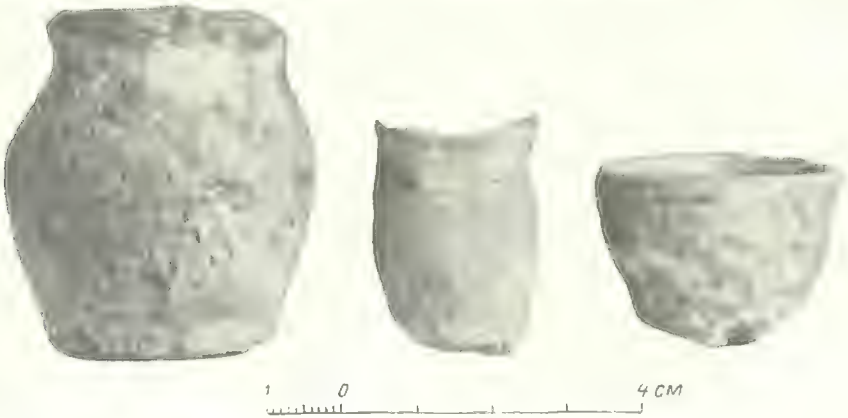


Рис. 93. Тигельки для плавки стекла. Раскопки 1948 г

множество заготовок и вполне готовой мозаичной смальты, найденных возле горнов. Украшение киевских храмов мозаиками, широко распространенное в X—XI вв., в XII в. полностью вытесняется фресковой живописью. Мозаичное искусство в Киеве и на Руси вообще с XII в. почти полностью исчезает, возрождаясь лишь в XVIII в.

Конструкция горнов не была отчетливо понята исследователем. По его словам, раскопками были обнаружены «лишь две параллельные стенки, ориентированные с юга на север, между которыми находился провал, заполненный слоями печины, кирпичом и стеклянными сплавами».[3] Более отчетливо была прослежена западная стенка, сохранившая «следы кладки, выложенной на глине из кирпича половняка».[4] С северной стороны от горна были обнаружены «части упавшей арочной кладки», как полагал исследователь, от свода горна.

[1] П. П. Ефименко и И. Г. Шовкопляс. Итоги полевых археологических исследований на территории Украинской ССР в 1951 г. СА, XVII, 1953, стр. 312—313. — В. А. Богусевич. Мастерские XI в. . . ., стр. 14—20.

[2] В. А. Богусевич. Мастерские XI в. . . ., стр. 15.

[3] Там же, стр. 18.

[4] Там же.

Горн, по-видимому, разделялся на несколько ярусов, о чем свидетельствовала находка стенок круглых отверстий (люфтов) диаметром около 8 см. Стенки их были прожжены докрасна, а в верхней части оплавлены разноцветной стеклянной массой.[1]

Особый интерес для реконструкции технологических процессов стекловарения представляют найденные в развалах горна обломки глиняных тиглей со стеклянной массой внутри них. Тигли представляли собой крупные сосуды типа плошек с венчиком в виде простого среза с прямоугольными краями и с небольшим выступом снаружи. Наряду с такими тиглями использовались и обычные горшки со специально отбитыми верхними частями.[2] В развале горна найдены куски свинца, серы и кобальта. Свинец, как показали анализы, был составной частью в сплаве смальт, доходя там до 60—70%. Сера и кобальт использовались в качестве красителей.[3]

Стекловарная мастерская, открытая в 1951 г., раскопана, по-видимому, далеко не полностью. Тщательное исследование всего участка лаврской территории, примыкающего к открытым горнам, является одной из первоочередных задач археологических исследований древнего Киева.

Обнаруженные на территории Киева четыре стекловарных мастерских свидетельствуют о широком развитии киевского ремесла по изготовлению стеклянных изделий и исключают возможность каких-либо сомнений в местном производстве многочисленных и разнообразных стеклянных изделий, обнаруживаемых раскопками в развалинах жилищ, на дворах и на улицах древнего Киева.

Остановимся несколько подробнее на различных видах стеклянных изделий, производившихся киевскими ремесленниками.

Наиболее массовую продукцию киевских стекловаров несомненно составляли браслеты (табл. LXIX, *1*). Стеклянные браслеты различных цветов, гладкие или витые, являются одной из наиболее распространенных находок при раскопках древнерусских городов от Тмуторокани на юге до Ладоги и Белозерска на севере. В Киеве при раскопках достаточно крупного масштаба обломки браслетов исчисляются сотнями, а иногда и тысячами, что объясняется не только хрупкостью материала, но и дешевизной самих изделий.

Несмотря на массовость находок ни время появления стеклянных браслетов в древнерусских городах, ни местные особенности, присущие различным центрам их производства, до сих пор не были предметом серьезного исследования. Б. А. Рыбаков, опираясь на находки стеклянных браслетов в Черной могиле, относил время появления их на Руси ко второй половине X в., подчеркивая при этом одновременность возникновения производства стеклянных браслетов и производства эмалей. Такая «сопряженность стеклоделия и эмальерного

---

[1] В. А. Богусевич. Мастерские XI в. . . ., стр. 3.

[2] Там же, стр. 19.

[3] Там же.

ремесла,— по словам Б. А. Рыбакова,— вполне закономерна и объясняется технологическим единством производства стекла и эмалевой массы».[1] Обломки стеклянных браслетов Б. А. Рыбаков считает характерной особенностью для всех слоев древнерусских городов от X до XIII в.[2]

А. В. Арциховский, наоборот, полагает, что «и для XI в. бытование на Руси этих украшений, хотя и признается всеми археологами, окончательно не доказано пока нигде, если не считать Белой Вежи на Дону».[3] Ссылку на Черную могилу названный исследователь считает ошибочной, ввиду того что обломок стеклянного браслета был найден там, по словам Д. Я. Самоквасова, «непосредственно под дерном», т. е. он моложе самого кургана.[4] Массовое распространение стеклянных браслетов в древнерусских городах А. В. Арциховский относит лишь к XII в.[5]

Выше, в главе, посвященной киевскому некрополю, отмечалось наличие браслетов в одном из ранних погребений, однако возможно, что в этом случае мы имеем дело с импортным херсонесским (?) изделием.

Со времени открытия мастерской стеклянных браслетов на киевском княжом дворе (раскопки в усадьбе Петровского) не раз высказывалась мысль о том, что центром производства стеклянных браслетов был Киев; оттуда браслеты вывозились во все древнерусские города «от Дрогичина до Мурома и от Ладоги до Белой Вежи».[6] По словам Б. А. Рыбакова, «район сбыта вполне соответствовал производственному размаху киевской мастерской».[7] Развоз продукции киевских стеклоделов он связывал с деятельностью мелких торговцев-коробейников, разносивших по медвежьим углам древней Руси «щепетильные» товары киевских мастеров.[8] Совсем недавно мысль о том, что стеклянные браслеты изготовлялись преимущественно в Киеве, вновь высказал В. И. Довженок.[9]

Только детальное исследование производственных особенностей браслетов, находимых в различных древнерусских городах, их формы, расцветки позволит когда-нибудь ответить на этот вопрос с достаточным основанием. Однако уже и сейчас версия об обслуживании «киевской мастерской» (или даже мастерскими) рынка от Дрогичина до Мурома и от Ладоги до Белой Вежи не кажется нам правдоподобной. Огромное количество обломков браслетов, характерное для культурных слоев Новгорода, Рязани, Галича и других весьма удаленных от Киева крупных городских ремесленных центров, позволяет

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 398.

[2] Там же, стр. 460.

[3] А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 349.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 459—460.

[7] Там же, стр. 460.

[8] Там же, стр. 465.

[9] В. И. Довженок. К вопросу о сложении древнерусской народности. Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР, Киев, 1953, стр. 55.

предположить наличие самостоятельных центров производства стеклянных изделий в ряде городов. Предположение это подтверждается новыми археологическими находками.

В 1948—1949 гг. стекловарная мастерская была открыта раскопками В. К. Гончарова на городище Колодяжин. Помимо большого количества разноцветных браслетов и бус, в развалинах мастерской обнаружены куски сплавившейся стеклянной массы.[1] Колодяжин был маленьким укрепленным городком на западной границе Киевской земли. Свидетельством существования местного производства стеклянных браслетов в старой Рязани А. Л. Монгайт считал находку бракованного экземпляра браслета, испорченного в процессе производства.[2] Следы производства стеклянных браслетов обнаружены в 1951 г. даже в таком незначительном и далеком от Киева городском центре, как Кострома.[3]

Для решения вопроса о самостоятельных центрах производства браслетов имеет большое значение факт, установленный исследованием стратиграфии находок стеклянных браслетов в Новгороде. Наличие браслетов не только в слоях XII—начала XIII в., но и в слоях, относящихся к концу XIII—первой половине XIV в., т. е. ко времени после татаро-монгольского разгрома южнорусских городов, позволяет предположить новгородское производство их.[4]

Находки стеклянных браслетов в Болгарах в золотоордынском слое второй половины XIII—XIV в. также свидетельствуют о некиевском происхождении этих изделий.[5]

Значительно меньшее распространение имели стеклянные перстни. Находки их связаны преимущественно с Киевом и некоторыми городами Среднего Поднепровья. По-видимому, производство их связано в основном с деятельностью киевских стеклоделов.

Большое распространение имела в Киеве и в других южнорусских городах разнообразная стеклянная посуда, упоминаемая и в письменных источниках Киевской Руси. На вопрос Кирика, «достоит ли глиняну сосуду молитву даяти осквернившуся, цили толико древяну, а инех избывати?», епископ отвечал:

---

[1] В. К. Гончаров. 1) Древний Колодяжин. Вісник АН УРСР, 1950, № 6, стр. 63; 2) Древний Колодяжин. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 52.

[2] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА СССР, № 49, М., 1955, стр. 131 и рис. 94.

[3] М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. (К вопросу о времени возникновения Костромы и ее первоначальном местоположении). КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 106. По словам исследовательницы, ею был обнаружен «развал глинобитной печи, в непосредственной близости от которого найдены куски застывшей белой стеклянной массы, обломок расплавленного стеклянного браслета (зеленого цвета), — по-видимому производственный брак, — и железный шлак, применявшийся, как известно, для изготовления стекла» (там же). К сожалению, по техническим условиям раскрыть полностью комплекс, связанный с печью, не удалось.

[4] А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде, стр. 349.

[5] Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 24.

«яко же древяну, такоже глиняну, тако меди и стьклу и сребру и всему твориться молитва».[1]

Достаточно многочисленные находки стеклянной посуды можно разделить в основном на две группы, резко различающиеся по технологическим качествам. К первой относятся бокалы из тонкого, очень хрупкого бесцветного, полупрозрачного стекла на круглом донце. В раскопках попадаются обычно именно эти донца (табл. LXIX, 2); остальные части сосудов рассыпаются на мелкие хрупкие кусочки. Только однажды такой бокал сохранился целиком. Эта редчайшая находка происходит из женского погребения, обнаруженного возле каменной гробницы кн. Ярослава Осмомысла в Успенском соборе в Галиче.[2] Бокал этот (высотой около 10 см) выполнен путем выдувания из целой заготовки. Верхняя часть его отделена от круглой ножки коротким перехватом, дно вдавлено внутрь. Обломки бокалов этого типа встречаются в Киеве и в других южнорусских городах в огромном количестве. По свидетельству Б. А. Рыбакова при раскопках 1935 г. в Вышгороде было найдено около сотни днищ таких бокалов.[3] Сосуды этого типа не только И. Хойновский, но и В. Хвойка считали привозными.[4]

Рис. 94. Фрагмент толстостенного стеклянного сосуда с налепными жгутами. Раскопки 1948 г.

Многочисленность находок, стандартность формы и размера бокалов свидетельствуют об их массовой выработке. Предположение о местном киевском происхождении этих изделий, высказанное Б. А. Рыбаковым,[5] подтвердилось находкой обломков подобных бокалов в развалинах стекловарной мастерской в Печерском монастыре. Как и в отношении стеклянных браслетов, остается невыясненным время появления бокалов описанного типа. Древнейшие образцы каких-то тонкостенных сосудов («слезниц») известны в погребальных комплексах киевского некрополя. В ту пору это были, по-видимому, привозные вещи. Местное производство сосудов этого типа представлено массовыми находками в слоях XII—XIII вв.

Наряду с тонкостенными сосудами описанного типа нередко встречаются обломки крупных сосудов из очень толстого зеленоватого стекла. Это кубки, флаконы и небольшие кувшины. Сосуды имеют достаточно простую форму;

[1] П. Аристов, ук. соч., стр. 110.
[2] Я. Пастернак. Старий Галич. Краків—Львів, 1944, стр. 140 и рис. 48.
[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 398.
[4] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 72.
[5] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси.

но поверхности часто украшены гофрированными налепными жгутами из того же стекла. Серия сосудов этого типа, найденных как в Киеве, так и в других городах Среднего Поднепровья, представлена в коллекции Б. И. и В. Н. Хаченко (ныне собрание Киевского исторического музея). Ряд таких сосудов был найден И. А. Хойновским при раскопках в усадьбе Кривцова; немало обломков сосудов этого рода обнаружено при раскопках последних двух десятилетий (рис. 94). Уже давно высказывались мнения о местном происхождении толстостенной стеклянной посуды.[1]

Раскопками стекловарной мастерской в Печерском монастыре бесспорно установлено также местное изготовление стеклянной мозаичной смальты. Мозаика, покрывавшая роскошным ковром полы, своды и стены киевских храмов и дворцов X—XI вв., вызывала необходимость огромного количества разноцветной стеклянной смальты, так как применение различных пород естественного камня, широко распространенное в античной мозаике, в интересующую нас эпоху ограничивалось использованием мрамора и шифера, да и то в весьма незначительном количестве. Широко распространенное мнение о привозе приезжими мастерами-мозаичистами готовой смальты с собой опиралось на рассказ Печерского патерика о том, что прибывшие из Царьграда художники отдали игумену «мусию, иже бе принесли на продание, ею же святый алтарь строиша».[2] Известно, однако, что сказания о пришествии мастеров-строителей и «писцов церковных» из Царьграда в Киев для постройки и украшения Печерского собора представляют часть так называемого жития Антония, грекофильствующий автор которого исказил действительную историю монастыря.[3]

Раскопки стекловарной мастерской в Печерском монастыре позволили окончательно выяснить вопрос еще об одном виде стеклянных изделий, широко распространенных в южнорусских городах и, в частности, в Киеве. Еще при раскопках в 1907—1908 гг. руин каменного дворца в усадьбе Петровского среди завалов строительных материалов были обнаружены многочисленные обломки, а порой и целые стекла круглой формы с характерным загнутым бортиком, которые сам исследователь уверенно назвал «оконными».[4] Такие же стекла были известны и ранее, но обнаруживший их при раскопках в усадьбе Кривцова И. А. Хойновский считал их обломками «стеклянных дискосов».[5]

Обломки круглых оконных стекол с загнутыми бортиками обнаружены в значительном количестве в развалинах различных зданий Киева, Переяславля.

---

[1] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора. . ., стр. 20. — Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, стр. 58. — C. Lamm. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin, 1930.

[2] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 8.

[3] М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 250—252.

[4] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 68.

[5] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора. . ., стр. 20.

Вышгорода, Белгорода и др. Раскопками 1937 г. возле руин Десятинной церкви в завале строительных материалов были обнаружены многочисленные обломки оконных стекол не круглой, как обычно, а квадратной формы с прямолинейными загнутыми краями.

Найденные возле стекловарных горнов в Печерском монастыре многочисленные обломки оконных стекол неоспоримо свидетельствуют о местном производстве и этой разновидности стеклянных изделий.

Многочисленность церковных и гражданских построек Киева и Киевской Руси несомненно вызывала необходимость организации весьма значительного производства оконного стекла, потребность в котором, разумеется, не могла быть удовлетворена продукцией одной мастерской — в Печерском монастыре, тем более, что последняя изготовляла и смальту и стеклянную посуду. Едва ли можно сомневаться, что дальнейшие раскопки позволят обнаружить еще не одну мастерскую такого рода.

Упоминание Ипатьевской летописи об окнах, «украшенных стеклы римьскими», в церкви Ивана в Холме, выстроенной князем Даниилом Галицким в 1259 г.,[1] по-видимому, следует понимать как указание на применение витражей, т. е. окон, состоящих из наборов привозных цветных стекол. Нельзя согласиться с А. И. Некрасовым, считавшим, что всякое оконное стекло называлось на Руси «римским», потому что оно было привозным материалом.[2]

5. ГОНЧАРНОЕ ДЕЛО

Остатки разнообразных керамических изделий составляют львиную долю среди археологических находок при раскопках древнерусских городов. Фрагменты керамических изделий при раскопках более или менее значительных масштабов исчисляются десятками тысяч. Нередки и находки различных керамических изделий в целом виде или с незначительными, легко восстанавливаемыми изъянами. Насыщенность культурных слоев древнерусских поселений, городов в особенности, керамическими материалами обусловлена в первую очередь свойством обожженной глины противостоять разрушительному действию переменных почвенных условий, влажности и температуры — свойством, которым в такой мере не обладает ни один другой вид вещественных памятников, за исключением некоторых пород камня. Вполне справедливо поэтому утверждение, что керамические остатки того или иного поселения, подвергшегося раскопкам широкой площадью, позволяют представить керамический инвентарь этого поселения почти с исчерпывающей полнотой. С удивлением приходится вспомнить мнение Н. Аристова, считавшего гончарное производство древней Руси малоизвестным на том основании, что «глиняная посуда по своей

---

[1] Ипат. лет. 6767 (1259) г.

[2] А. И. Некрасов. Древнерусское каменное зодчество. Из истории русского строительства. «Строитель», 1929, № 8—9, стр. 5.

ломкости не сохранилась до нашего времени, а памятники (письменные, — *М. К.*) молчат о ней».[1]

Изобилие керамических находок в культурных слоях древнерусских городов объясняется, однако, отнюдь не только отмеченным свойством керамики. Различные керамические изделия, связанные с удовлетворением разнообразных материальных и духовных потребностей всех слоев общества, изготовлялись многочисленными городскими ремесленниками — гончарами — в колоссальном количестве. Относительная дешевизна керамических изделий и благодаря этому доступность значительной части разнообразного керамического ассортимента для всех слоев общества, хрупкость большей части керамических изделий, обусловившая недолговечность бытового пользования ими и тем самым необходимость постоянного воспроизводства их, — все это является причиной того, что керамические изделия представляют среди всех прочих вещественных остатков жизни древнерусского города безусловно самый массовый материал.

Тем более удивительно, что керамическое производство древнерусских городов до настоящего времени отнюдь не принадлежит к числу хорошо изученных разделов истории древнерусского ремесла. Ни вопросы технологии керамического производства, ни ассортимент керамических изделий, характерных для различных центров керамического производства, ни вопросы социальной организации городских ремесленников — гончаров, ни тем более вопросы генезиса различных видов керамических изделий до настоящего времени не изучены с надлежащей полнотой и глубиной.

Главы, посвященные сельскому и городскому гончарному делу в исследовании Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси», представляют первую серьезную попытку подойти к решению ряда важнейших вопросов истории и технологии гончарного ремесла на Руси. Правильно и глубоко намеченные Б. А. Рыбаковым пути решения основных вопросов истории керамического ремесла древней Руси в то же время насущно требуют углубленных региональных исследований истории керамического производства в различных центрах древней Руси.

Колоссальный материал, добытый раскопками различных городов древней Руси, к сожалению, в большей своей части остается недоступным для исследования. Исчисляемые тысячами, а нередко и десятками тысяч, фрагменты керамики из раскопок обычно остаются в основном в состоянии почти не разобранных и не систематизированных музейных фондов, постепенно к тому же депаспортизуемых и нередко теряющих какое-либо научное значение. Огромные, часто перепутанные, а нередко вовсе лишенные какой-либо документации залежи керамики в фондах Киевского исторического музея, к сожалению, отнюдь не являются в этом отношении исключением. Из десятков тысяч образцов керамики, тщательно собранных в процессе раскопок и стратиграфически

[1] Н. Аристов, ук. соч., стр. 109.

строго локализованных, обычно только несколько единичных экземпляров получают характеристику и воспроизведение в отчетах о раскопках и в последующих монографических разработках.

Раскопками, ведущимися более ста лет на территории древнего Киева, обнаружено огромное количество разнообразных керамических изделий. Старые исследователи древнего Киева из огромного количества находок этого рода оставляли лишь наиболее сохранившиеся, единичные экземпляры; все остальное выбрасывалось вон и бесследно пропадало для науки. Но к сожалению, и сохранившиеся в музеях образцы обычно лишены каких-либо паспортных данных об обстоятельствах находки и потому в значительной мере научно обесценены: сбор массового керамического материала вошел в практику киевских археологов лишь в сравнительно недавнее время. Раскопками, проведенными в Киеве Институтом археологии АН УССР в 1936—1937 гг., собрано немало керамических материалов, к сожалению, оставшихся почти необработанными самим исследователем, руководившим раскопками. Материалы эти, хранящиеся в Киевском историческом музее, использованы в настоящем исследовании, как и другие фонды этого музея. Однако в качестве основного фонда источников для изучения киевской керамики в настоящей работе привлечены в первую очередь разнообразные керамические материалы из раскопок Киевской археологической экспедиции АН СССР и АН УССР (1938—1952 гг.). Значительное количество фрагментов керамических изделий было обнаружено и исследовано автором в составе депаспортизованных коллекций из раскопок Д. В. Милеева (1908—1914 гг.).[1]

Керамические изделия киевских гончаров отнюдь не исчерпываются огромным количеством фрагментов глиняной посуды, насыщающих древние культурные слои Киевского городища. Особое значение имеют находки целых и частично фрагментированных сосудов и других глиняных предметов в составе комплексов жилых, хозяйственных и производственных сооружений, позволяющих изучать вопросы керамики в тесной связи с другими проблемами киевской культуры домонгольского периода.

В дополнение к этим комплексам, порой определяемым с предельной точностью в отношении хронологии, может быть привлечена серия глиняных сосудов, найденных в качестве вместилищ для известных киевских вещевых и монетных кладов XI—XIII вв.

Огромный размах церковного и дворцового строительства в Киеве с X по XIII вв. вызвал широкое развитие производства разнообразных керамических строительных материалов: кирпича, черепицы, половых и облицовочных майоликовых плиток, голосников и других видов архитектурной керамики.

Большое распространение в Киеве имело производство терракотовой мелкой пластики, поливных писанок, глиняных иконок и пр. Многие изделия киев-

[1] Материалы из раскопок Д. В. Милеева хранились до 1939 г. в числе прочих депаспортизованных фондов бывш. Археологической комиссии в хранилищах ГАИМК-ИИМК.

ских гончаров шли на широкий рынок далеко за пределы Киева и Киевской земли. Все сказанное делает изучение керамического наследия древнего Киева одной из важнейших проблем истории городского ремесленного производства.

О распространенности керамического ремесла в Киеве, помимо многочисленных находок продукции этого ремесла, свидетельствует также сохранившееся доныне урочище «Гончары», расположенное в глубоком «удолии» у подножья Андреевской горы, на которой находился древнейший Киевский детинец. Хотя название этого урочища не зафиксировано памятниками древней киевской письменности, едва ли можно сомневаться в том, что возникновение его уходит в глубокую древность.

До недавнего времени на территории древнего Киева не было обнаружено остатков древних керамических печей. Впервые в 1946 г. возле Софийского собора удалось раскопать большую печь для обжига кирпича, относящуюся ко второй половине XI в., о которой будет речь ниже.

В 1948 г. при земляных работах на той же территории, связанных с прокладкой магистрали газопровода, были обнаружены остатки глиняной керамической печи, под обвалами которой сохранились пять сосудов, известных под названием «амфорок киевского типа».[1] К сожалению, остатки печи не были тщательно исследованы и потому о конструкции печи невозможно составить какое-либо представление.

Городские гончары Киева, как и гончары Смоленска, Чернигова, Новгорода и других крупнейших древнерусских городов, уже в IX—X вв. овладели техникой гончарного круга. Обжиг посуды, производившийся не в домашних печах, как раньше, а в специальных горнах, давал равномерную прокаленность черепка, имеющего в изломе достаточно ровный цвет.[2]

Первые образцы посуды, изготовленной на гончарном круге, отличались еще грубоватостью формовки, толстыми стенками. Ассортимент изделий в эту пору был, по-видимому, весьма ограничен, хотя следует заметить, что немногочисленность хорошо датированных образцов киевской керамики IX—X вв. не дает уверенности в том, что в действительности этот ассортимент не был несколько богаче.

При раскопках в 1940 г. жилища IX—X вв. на северо-западном склоне горы Киселевки были встречены в значительном количестве обломки горшков (без ушков), изготовленных на гончарном круге, украшенных неглубоким линейным орнаментом, покрывающим почти всю поверхность сосуда.[3] Обломки таких же сосудов попадались и в нарушенных слоях при раскопках на территории города Владимира (рис. 95). Сопоставление этой керамики с сосудами, найден-

---

[1] І. М. Самойловський. Розвідкі і розкопки в Києві та його околицях в 1947—1948 рр. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 75.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 342—343.

[3] Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. Археологія, I, Київ, 1947, стр. 145—146.

ными в некоторых погребениях киевского некрополя, позволяет считать этот тип посуды характерным для киевского гончарного ремесла X в. Сосуды этого типа передки в курганах X в. в Гнездовском, Черниговском и Шестовицком могильниках. Распространенность такой же посуды на городищах верхней Десны отмечал М. В. Воеводский, относивший ее также к X в.[1]

Многочисленные изделия киевских гончаров XI—XIII вв. представлены прежде всего разнообразной глиняной посудой. Глиняная посуда, служившая как для приготовления пищи и хранения запасов, так и в качестве столовой посуды, широко бытовала не только в утлых жилищах городских ремесленников, но и на богатых дворах киевской знати и в княжеском дворце.

Рис. 95. Глиняный сосуд X в. Раскопки 1937 г.

Посуда, изготовлявшаяся киевскими гончарами XI—XIII вв., отличалась от более ранней не только тем, что глиняное тесто ее было значительно лучше приготовлено (городские гончары XI—XIII вв. не применяли уже, как ранее, грубых примесей вроде дресвы), но и тем, что формовка посуды на гончарном круге производилась гораздо тщательнее, стенки сосудов стали значительно тоньше.

Характерной чертой киевской керамики XI—XIII вв. является большое разнообразие ассортимента и тщательность отделки сосудов. Если гончарное ремесло в русских городах в XI—XIII вв. повсеместно сделало значительные успехи, далеко опередив современное деревенское гончарное дело, то киевским гончарам, как и связанным с ними гончарам других городов Среднего Поднепровья, принадлежало безусловно одно из первых мест.

Многочисленные образцы керамики, собранные при раскопках на территории Киева, позволяют наглядно представить разнообразный ассортимент киевской гончарной посуды XI—XIII вв. Значительное количество керамических изделий, происходящих из точно датированных комплексов конца XII—XIII вв., дает возможность для многих типов посуды установить если не дату возникно-

[1] М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 76.

вения данного типа посуды, то во всяком случае время наиболее широкого бытования ее.

Глиняный горшок, служивший для варки пищи, был наиболее распространенным типом глиняной посуды XI—XIII вв.; в этом убеждают не только закопченность наружных стенок, но и следы пригоревшей пищи на внутренних стенках сосудов этого типа. Нередки случаи находок горшков в печи киевских жилищ XII—XIII вв. Древним названием посуды этого типа было «гърнець» (гръньць) — слово, существующее во всех славянских языках, засвидетельствованное как переводными памятниками письменности, так и оригинальными.[1]

Размеры горшков бывают различны, но формы и даже пропорции устойчиво повторяются (рис. 96). Разновидностью, вызванной, по-видимому, своеобразием назначения, является горшок с одним ушком, он также входит в обязательный ассортимент глиняной посуды в комплексах киевских жилищ XII—XIII вв.

На табл. LXX представлены четыре экземпляра сосудов этого типа, попарно близко повторяющие один другой. Все они происходят из точно датированных комплексов: первый из «жилища художника»,[2] второй служил вместилищем известного клада, найденного на территории Михайловского Златоверхого монастыря, неподалеку от «жилища художника», в 1907 г. (зарыт в XIII в.),[3] третий из жилища в усадьбе Исторического музея (раскопки 1937 г.),[4] четвертый из жилища на Б. Житомирской ул. (раскопки 1946 г.).[5] Все три жилища погибли от пожара во время монгольского разгрома 1240 г.

Лишь незначительно отличаются от упомянутых три горшка, также с одним ушком, изображенные на табл. LXXI. Первый из них происходит из жилища, раскопанного в 1949 г. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря,[6] второй и третий служили вместилищами кладов, зарытых в XIII в. (клад, найденный в 1903 г. на территории того же монастыря,[7] и клад, найденный в 1885 г. в усадьбе Есикорского).[8]

От приведенных выше образцов резко отличается горшок с ушком, в котором был зарыт клад, найденный в 1893 г. на М. Владимирской ул., попавший в землю, по-видимому, в XIII в. По своим тяжелым, грузным пропорциям этот сосуд (рис. 97, *1*) весьма далек от киевской керамики, отличающейся несомненным

---

[1] В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. 5, М., 1929, стр. 34—35.

[2] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 22—23.

[3] Архив ИИМК АН СССР, ф. АК, д. 89/1907 г.

[4] Коллекция КИМ.

[5] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 177.

[6] М. К. Каргер. Новые данные к истории древнерусского жилища. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 7—8.

[7] Н. Ф. Беляшевский. Ценный клад великокняжеской эпохи. АЛЮР, 1903, № 5, стр. 299.

[8] Н. П. Кондаков. Русские клады, стр. 125.

изяществом форм. Близкой аналогией ему является сосуд, найденный в Киеве на Флоровой горе (Киселевка) [1] (рис. 97, 2).

От кухонных горшков следует отличать довольно близкие к ним по форме сосуды с двумя плоскими ушками, через которые просверлены незначительные круглые отверстия, предназначавшиеся, очевидно, для подвески сосуда. По верхнему краю сосуда на равном расстоянии от ушков делается незначительно выступающий носик. По-видимому, этот тип сосудов служил в качестве рукомойника. Отлично сохранившиеся, почти тождественные по формам и пропор-

Рис. 96. Горшок из «жилища художника», раскопки 1938 г. (*1*); горшок из жилища XIII в. на Б. Житомирской ул., раскопки 1946 г. (*2*).

циям образцы таких рукомойников найдены в «жилище художника» [2] и в тайнике под Десятинной церковью (рис, 98);[3] оба, следовательно, относятся к первой половине XIII в.

Среди керамических изделий, сохранившихся в развалинах киевских жилищ, нередки находки широкогорлых кувшинов с одной ручкой. Замечательный экземпляр такого сосуда, покрытый одноцветной светло-желтой поливой, был обнаружен в «жилище художника»[4] (табл. LXXII, *1*). Близкий по форме кувшин, найденный в 1937 г. неподалеку от Десятинной церкви, служил вместилищем небольшого клада монетных гривен (табл. LXXII, *2*).[5] По-видимому,

[1] В. Козловська. Таврований посуд слов'янської доби. Науковий збірник за р. 1926, Київ, 1926, рис. 9.

[2] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 22.

[3] Там же, стр. 125.

[4] Там же, стр. 22.

[5] Коллекция КИМ.

такого же типа кувшин, найденный в 1892 г. в усадьбе Кривцова, опубликовал в неточном рисунке И. А. Хойновский (табл. LXXII, *3*).[1]

Нередки находки фрагментов узкогорлых кувшинов, покрытых в верхней части обильной орнаментацией, состоящей из прямых концентрических линий, чередующихся с глубокими наколами (рис. 99, *1*).[2] Целый экземпляр такого кувшина был найден в 1940 г. на северной окраине Киева (Лукьяновка; рис. 99, *2*). Значительно реже встречаются большие широкогорлые кувшины с двумя ручками, плоские миски и блюда.

1 *2*

Рис. 97. Горшок, в котором был найден клад 1893 г. (*1*) и горшок, найденный на Флоровой горе (*2*).

Почти в каждом из раскопанных киевских жилищ XII—XIII вв. были встречены характерные белоглиняные сосуды в виде плоскодонной чашки с большой ручкой (табл. LXXIII, *1*, *2*). Такой же чашкой был покрыт сосуд, в котором был зарыт клад, найденный в 1885 г. в усадьбе Есикорского (табл. LXXIII, *3*).[3] Б. А. Рыбаков, связывавший этот тип сосуда с термином «чьрпало» (ковш), встречающимся в памятниках древнерусской письменности, в то же время отмечал близость формы этого типа сосудов к скифской керамике.[4]

К числу широко распространенных изделий киевских гончаров принадлежат огромные сосуды с невысоким узким горлом и двумя ручками, служившие в качестве хранилищ запасов зерна. Всегда тщательно сформованные и отлично обожженные, они свидетельствуют о высоком уровне керамической техники киевских гончаров. Сосуды эти обычно зарывались по самое горло в землю, а узкое отверстие их прикрывалось плиткой или кирпичем. В таком положении сосуды этого типа были обнаружены в «жилище художника» (рис. 100, в этом

[1] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора. . ., табл. III, рис. 4.
[2] Коллекция КИМ.
[3] П. П. Кондаков. Русские клады, стр. 125.
[4] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 355.

Рис. 98. Горшок-рукомойник из «жилища художника» (*1*) и горшок-рукомойник из тайника под Десятинной церковью (*2*).

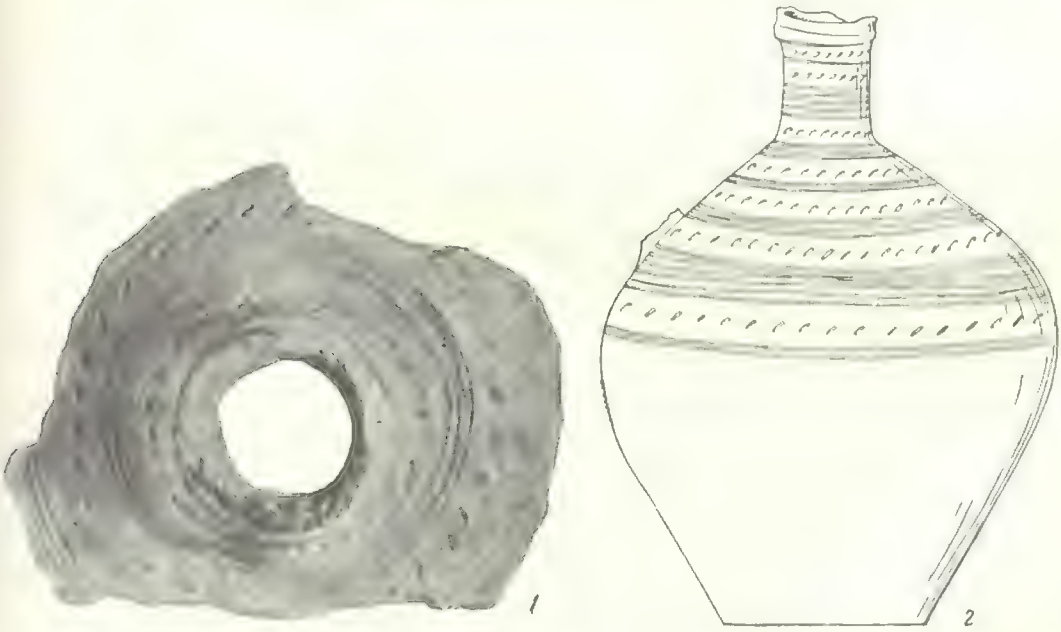


Рис. 99. Фрагмент узкогорлого кувшина, раскопки Д. В. Милеева (*1*); узкогорлый кувшин, найденный в 1940 г. на Лукьяновке (*2*).

случае в сосуде сохранилось более пуда зерна),[1] в жилище, раскопанном в 1949 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря[2] (табл. LXXIV), в жилище, раскопанном В. А. Богусевичем на Подоле;[3] на донце этого сосуда оказалось клеймо в виде знака Рюриковичей (см. ниже). Дважды такие сосуды

Рис. 100. Сосуд для хранения зерна, найденный в «жилище художника». Раскопки 1938 г.

были найдены под древним полом Софийского собора, где они служили, по-видимому, потайными хранилищами драгоценностей (рис. 101).[4]

Обломки аналогичного большого сосуда были найдены в 1948 г. в одной из древних хозяйственных ям, раскопанных на территории Михайловского Златоверхого монастыря, в непосредственном соседстве с полуземлянками, раскопанными там же в 1938 г.[5]

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 21 и рис. 29.

[2] М. К. Каргер. Новые данные к истории древнерусского жилища. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 8 и рис. 3.

[3] Коллекция КИМ.

[4] Оба хранятся в Музее Софийского заповедника в Киеве.

[5] Дневник Киевской археологической экспедиции 1948 г., № 1, стр. 34. Архив ИИМК АН СССР.

Случайная находка в 1914 г. двух таких сосудов вместе с двумя глиняными горшками возле развалин каменного дворца (рис. 102) была ошибочно истолкована как погребальный комплекс X—XI вв.[1]

Особого внимания заслуживает вопрос о производстве амфорной керамики. Широко распространенное мнение о том, что амфоры на Руси были исключительно привозными, было отвергнуто Б. А. Рыбаковым. О местной выработке амфор-корчаг, по мнению Б. А. Рыбакова, свидетельствует находка в Киеве

Рис. 101. Сосуд, найденный под древним полом Софии. Раскопки 1940 г.

обломка верхней части амфоры с русской надписью, сделанной, по мнению названного исследователя, «рукой мастера-гончара на сырой глине до обжига сосуда» и отнесенной исследователем на основе палеографических и лингвистических наблюдений к XI в.[2]

Киевская находка в действительности свидетельствует о другом. Замечательный фрагмент киевской амфоры, случайно найденный при земляных работах 1915 г. на территории Старого города и опубликованный впервые в 1931 г. в виде очень мелкого цинкографического воспроизведения на обложке археологического сборника,[3] до недавней поры считался бесследно пропавшим. По

[1] Находки древних сосудов вблизи Десятинной церкви. ИАК. Прибавл. к вып. 56, СПб., 1914, стр. 93.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 367—369 и 374.

[3] В. Козловська. Розкопи року 1930 у Києві на горі Дитинці. ХАМ, ч. III, Київ, 1931, стр. 51 и рис. на обложке.

упомянутому воспроизведению было весьма затруднительно установить, сделана ли надпись по сырой глине, или процарапана после обжига сосуда, т. е. сделана ли она действительно мастером-гончаром, или же одним из последующих владельцев сосуда. Недавно интересующий нас фрагмент обнаружился в самом неожиданном месте... — в Киевском музее западного и восточного искусства, где он в течение нескольких десятилетий пребывал среди фрагментов античной керамики.[1] Достаточно взглянуть на этот вторично обнаруженный

Рис. 102. Сосуд для хранения зерна. Раскопки 1914 г.

замечательный фрагмент (рис. 103), чтобы убедиться, что интересующая нас надпись глубоко и довольно грубо процарапана острием по обожженному сосуду одним из его владельцев и тем самым не может служить материалом для решения вопроса о производстве сосуда на Руси. К этому следует добавить, что отнесение надписи к XI в. совершенно бесспорно исключается уже тем, что по форме самого сосуда (не совсем точно в деталях, но в основном верно реконструированного Б. А. Рыбаковым) дату его нельзя отнести ранее XII—начала XIII в. Ближайшей аналогией киевской амфоре с надписью является киевская амфора-корчага, наполненная хрустальными бусами из жилища, раскопанного в 1949 г. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря

[1] За указание места хранения фрагмента и предоставление возможности сфотографировать его приношу сердечную благодарность сотруднице музея Ф. М. Штительман.

(табл. LXXV), амфоры из Ковшаровского городища,[1] из Вышгорода, из Бакожинского городища и др. Все эти памятники относятся к XII—XIII вв. и очень далеки по форме и от амфор XI—начала XII в. и от более ранних амфор X в.[2]

Рис. 103. Обломок корчаги с надписью, найденный в 1915 г. в Старом городе.

Близкую аналогию киевской амфоре представляет недавно найденный в Старой Рязани фрагмент амфоры-корчаги, также относящейся к XII—XIII вв., с процарапанной на нем надписью одного из владельцев сосуда.[3]

[1] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского гос. университета, т. III, вып. 3, Смоленск, 1926, рис. 42.

[2] Вопросам датировки амфор посвящена статья А. Л. Якобсона «Средневековые амфоры северного Причерноморья. (Опыт хронологической классификации)». СА, XV, 1951, стр. 325—344.

[3] А. Л. Монгайт. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г. ИАН, сер. истории и философии, т. VI, № 5, М., 1949, сентябрь—октябрь, стр. 459. См. также надпись XI—XII вв. на корчаге из Пинска (Г. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 150—153).

Содержание надписи на киевской амфоре вызывало различные толкования. Надпись сохранилась весьма фрагментарно; отчетливо читается лишь: «..нена плона корчага си.....». В. Ф. Ржига считал, что надпись, «начарапанная» почерком XII в., вероятно, обозначала собственника корчаги.[1] Б. А. Рыбаков, привлекая для восстановления утраченных частей надписи опубликованную А. Н. Бернштамом согдийскую надпись на ручке амфоры

Рис. 104. Миниатюра Радзивилловской летописи.

VII—VIII вв. («да будет полным»),[2] рассматривает киевскую надпись как благопожелание: «благодатнена плона корчага спя» (т. е. «благодатна полная эта корчага»).[3] М. Н. Тихомиров, считавший реконструкцию Б. А. Рыбакова недостаточно убедительной, полагал, что надпись, вероятно, обозначала собственника сосуда, но могла быть сделана и мастером.[4]

Исключение надписи на киевской амфоре из состава доказательств, свидетельствующих о местном происхождении этой амфоры, разумеется, не дает оснований полностью отвергать возможность местного производства амфор в Под-

---

[1] В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 38.

[2] А. Н. Бернштам. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941, табл. VI.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 340.

[4] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Ученые записки МГУ, вып. 99, М., 1946, стр. 133.

непровье и, в частности, в Киеве. О широком бытовании амфор в южной Руси в XI—XIII вв. свидетельствует не только распространенность в древнерусской письменности термина «корчага», обозначавшего амфору, но и изображение амфор на миниатюре Радзивилловской летописи (мастер которой копировал древний оригинал), передающей известный летописный рассказ о белгородском киселе (рис. 104). Многочисленность находок амфорной керамики в Киеве и в других городах Среднего Поднепровья, свидетельствующая о распространенном бытовании посуды этого рода на Руси, все же не является доказательством местного ее производства. Для доказательства этого предположения необходимы дальнейшие поиски.

Среди киевских находок, кроме вышеупомянутых, следует отметить ряд более древних амфор, относящихся к XI в. Это обломки удлиненных амфор с высоко поднятыми ручками, в большом количестве встреченные при раскопках на территории Софийского заповедника (рис. 105). Некоторые из них несомненно были использованы в кладке сводов собора наряду со специальными сосудами-голосниками.

О применении амфор в кладке сводов свидетельствуют также многочисленные находки амфорных обломков с приставшим к ним древним известковым раствором с примесью цемянки при раскопках рухнувших сводов Золотых ворот Ярославова города.[1] В значительном количестве

Рис. 105. Фрагменты амфор-корчаг. Усадьба Софийского заповедника. Раскопки 1946 г.

[1] В. Г. Лясковронський. Звідомлення про розкопи біля «Золотой брами» у

обломки амфор с приставшим к ним известковым раствором с цемянкой были найдены при раскопках в 1947 г. развалин храма конца XI в. в усадьбе Киев-

Рис. 106. Фрагмент амфоры с арабской надписью. Раскопки 1947 г.

ского художественного института.[1] Среди этих обломков заслуживает внимания один с процарапанной арабской надписью (рис. 106). По определению

Київ восені 1927 р. ХАМ, ч. III, Київ, 1931, стр. 45—47. Как показали раскопки Константинопольского дворца в квартале Манганы, амфоры употреблялись широко в византийском зодчестве для заполнения щелыг сводов и куполов (R. Demangel et Mamboury. Le quartier des Manganes et la première région de Constantinople. Paris, 1939, стр. 46, 148—149, рис. 198).

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 211.

В. А. Крачковской, надпись, сделанная почерком XI в., представляет, по-видимому, имя владельца сосуда («Кабус»).[1]

Наряду с этой арабской надписью можно привести многочисленные примеры процарапанных на стенках амфор разнообразных меток, являющихся несо-

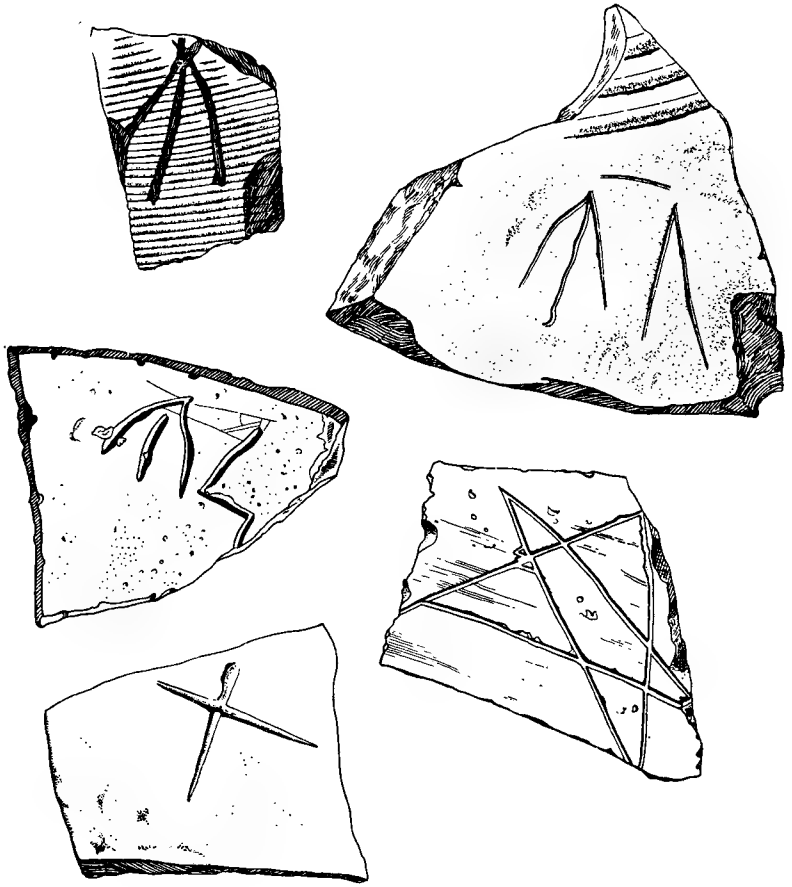


Рис. 107. Метки собственников сосудов на амфорах.

мненно знаками собственников сосудов (рис. 107). Некоторые из них явно воспроизводят буквы славянского алфавита.

В памятниках древнерусской письменности, часто упоминающих «корчагу» (кърчага, кръчага, корчага), почти во всех случаях речь идет о сосуде для хранения или перевозки вина.[2] Производным от «корчаги» является несомненно термин «корчажец», обозначающий небольшой сосуд с вином, который ставят на стол. Среди керамических изделий, широко известных в городах Сред-

[1] Пользуюсь случаем принести мою благодарность В. А. Крачковской за любезную консультацию.

[2] В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 35.

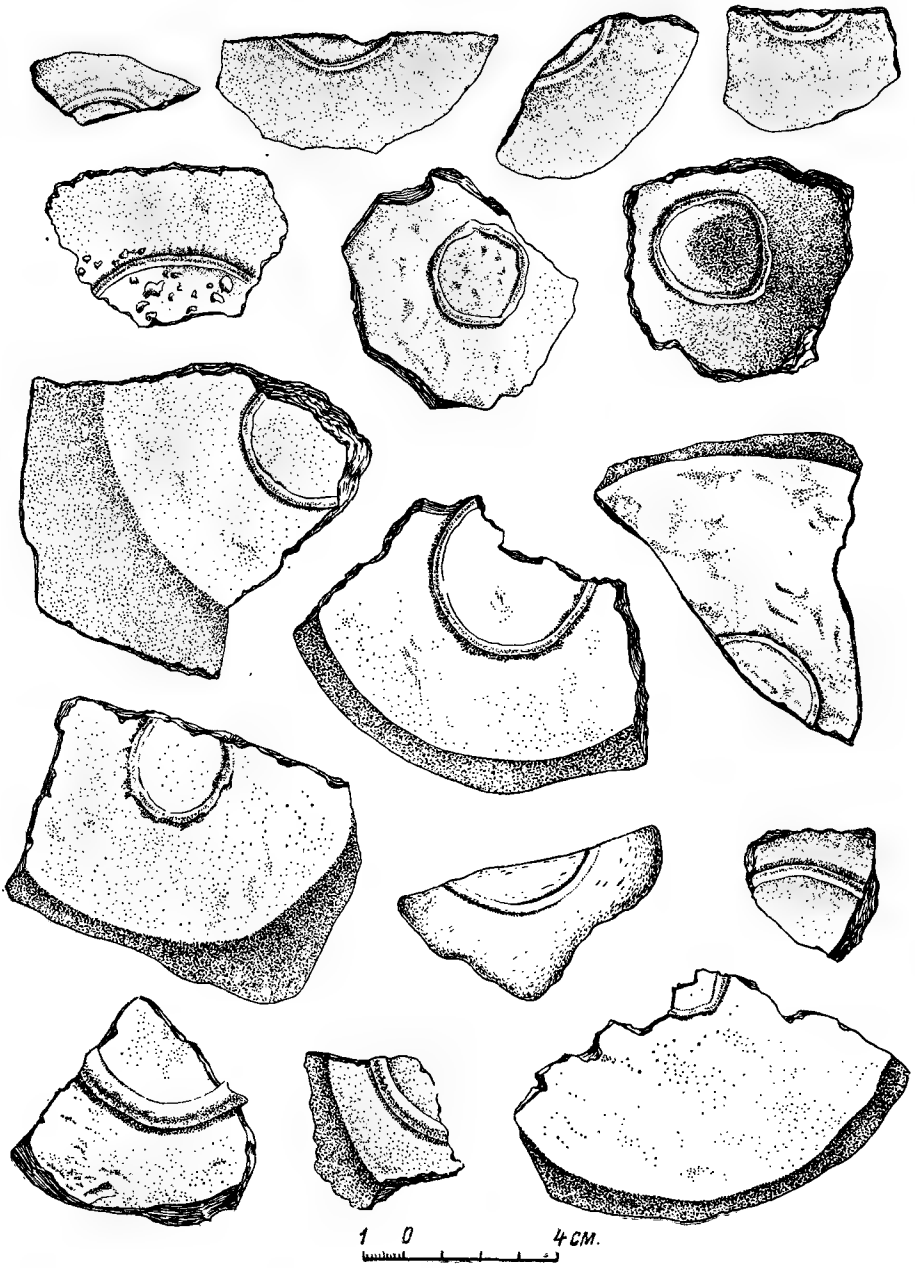


Рис. 108. Клейма на донцах сосудов.

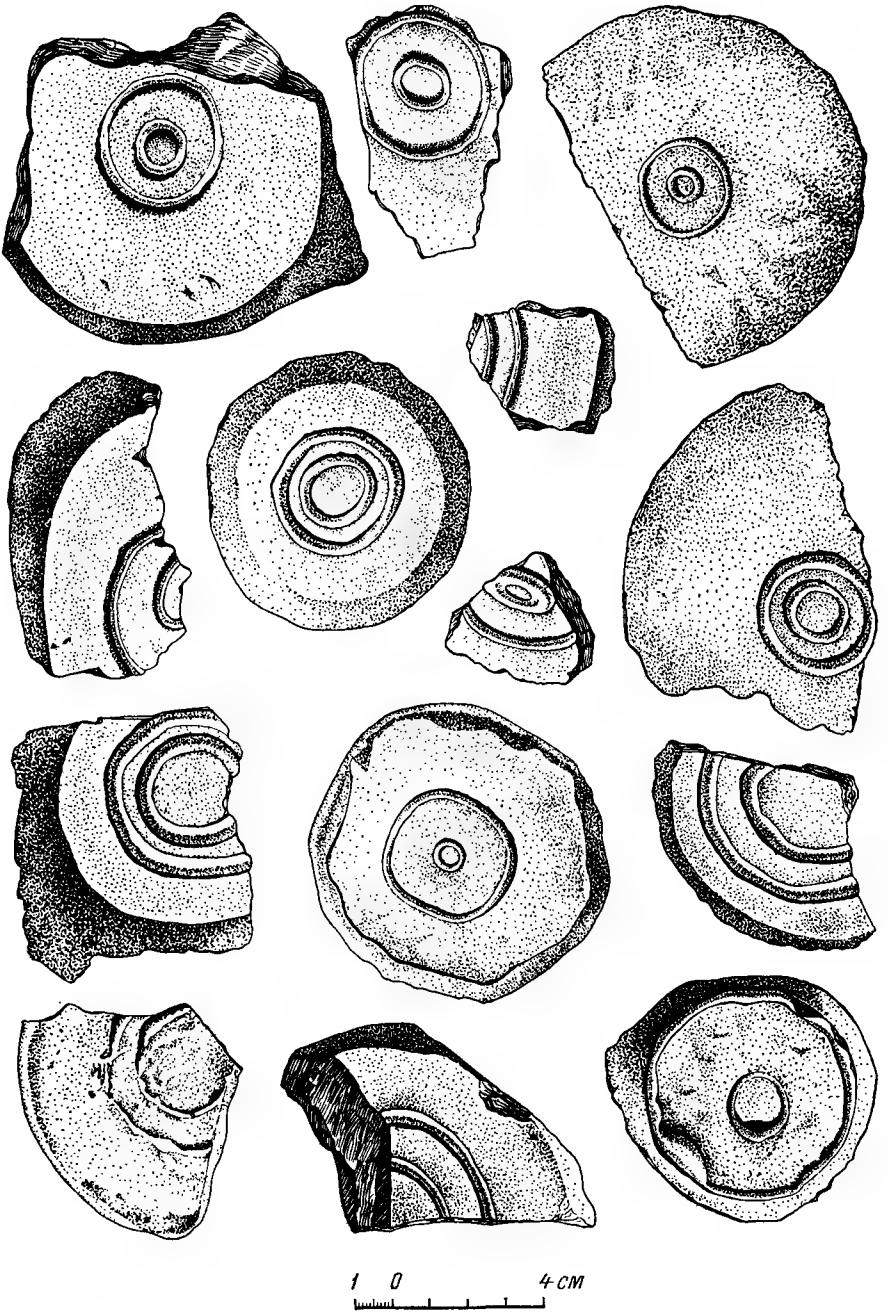


Рис. 109. Клейма на донцах сосудов.

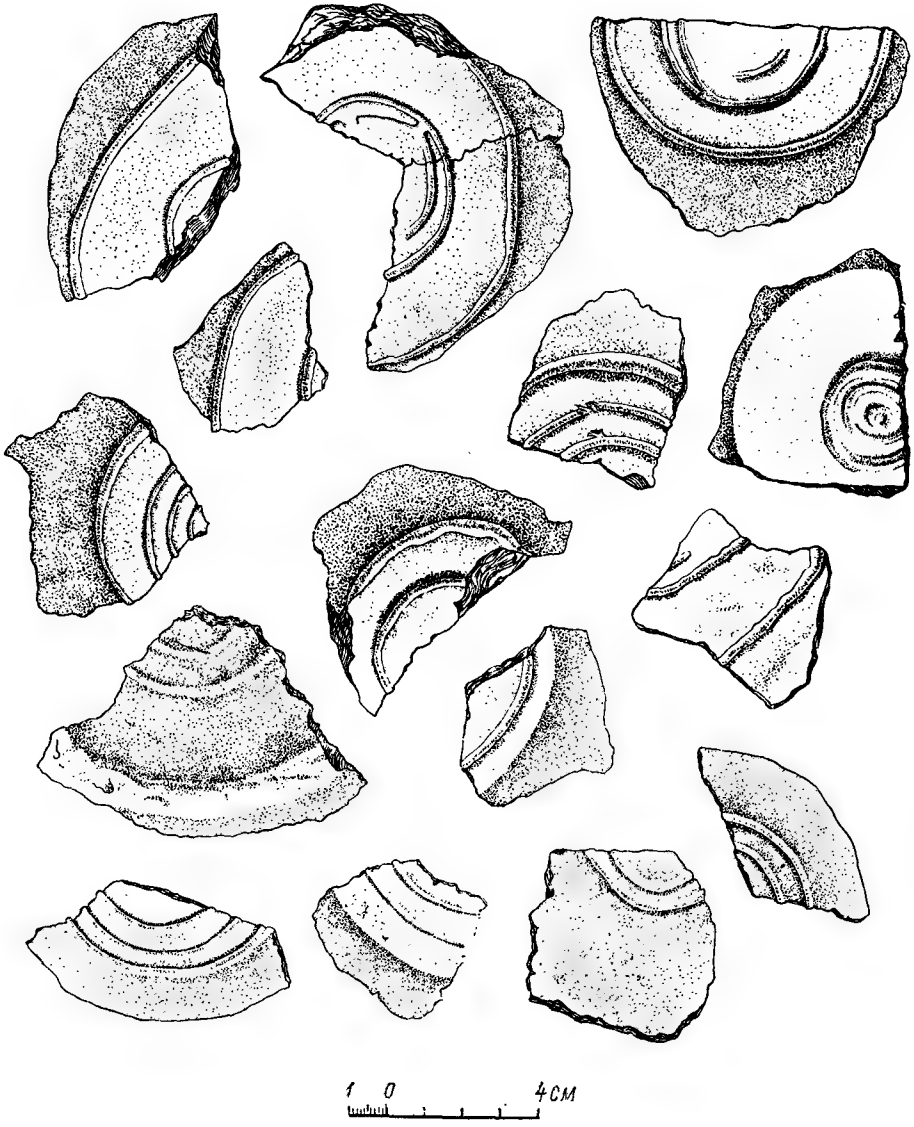


Рис. 110. Клейма на донцах сосудов.

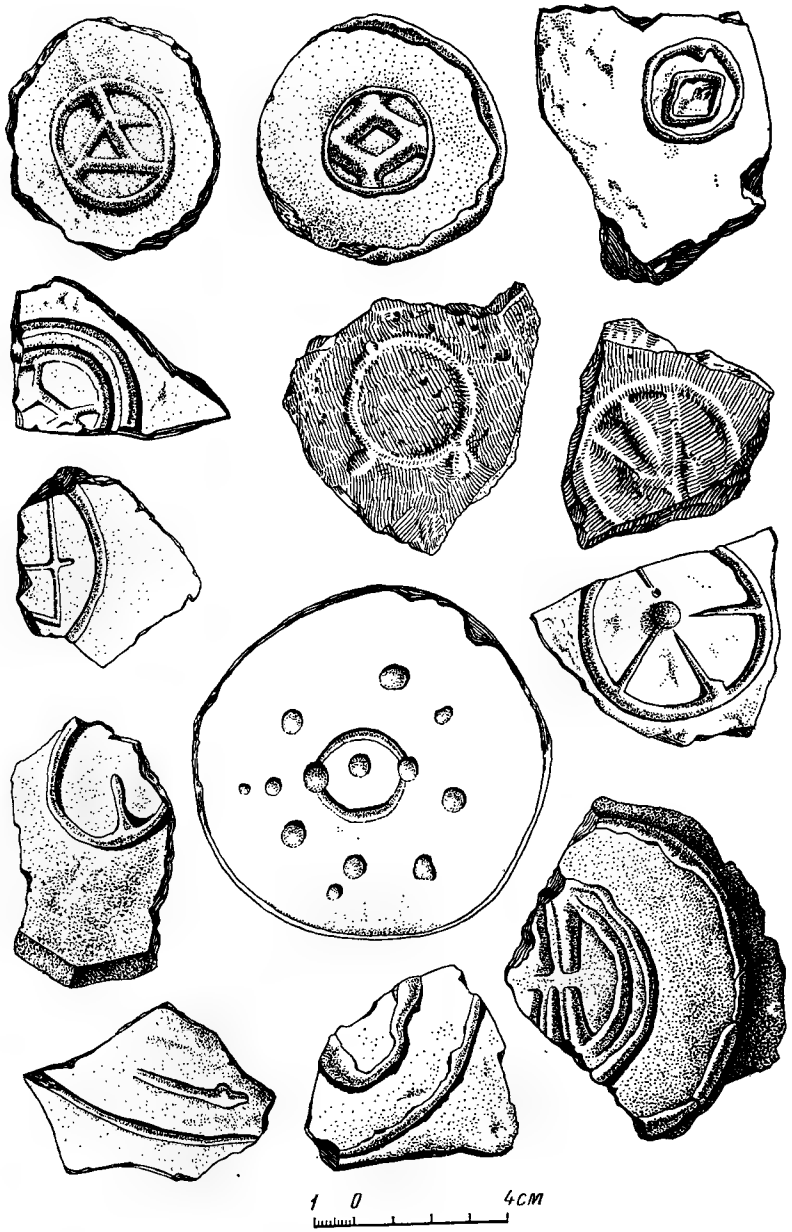


Рис. 111. Клейма на донцах сосудов.

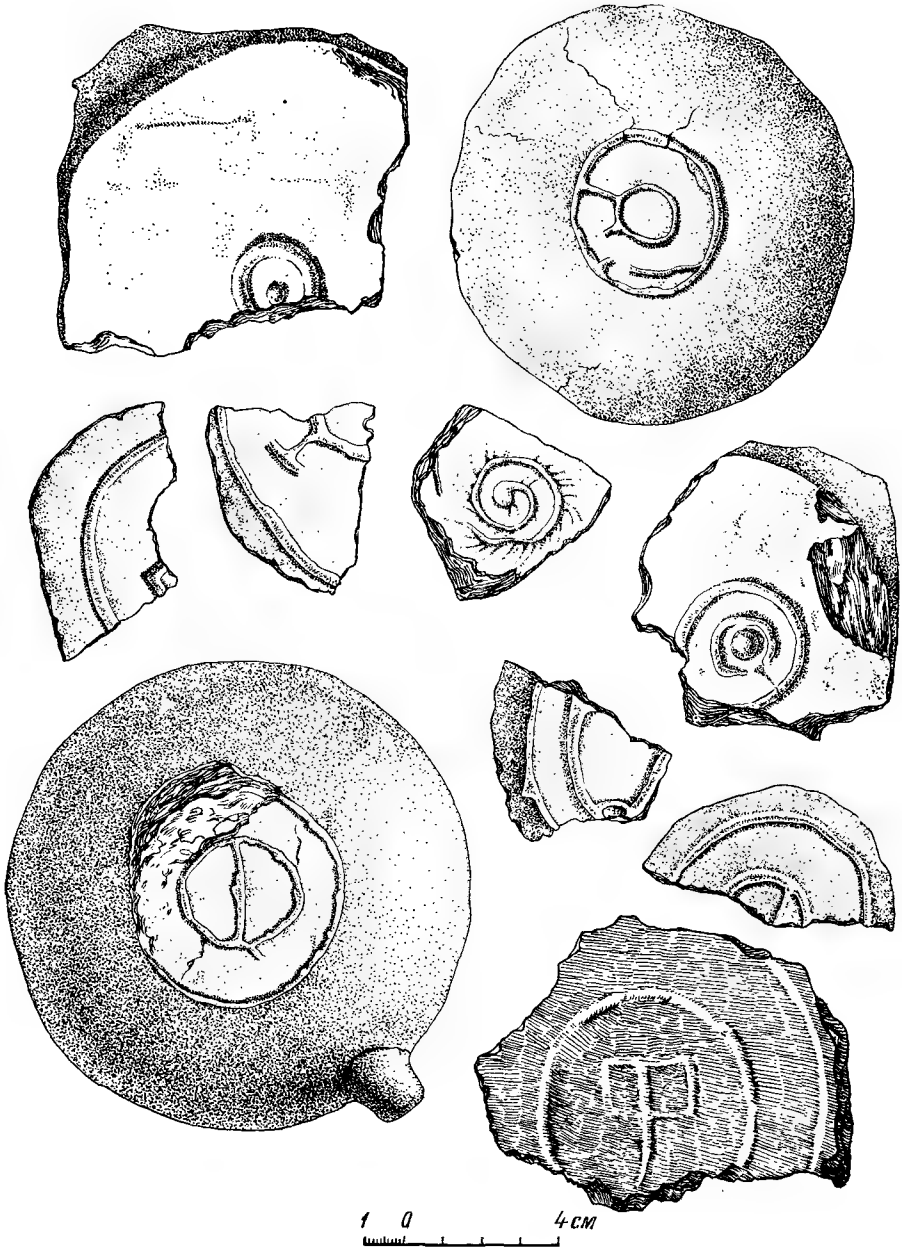


Рис. 112. Клейма на донцах сосудов.

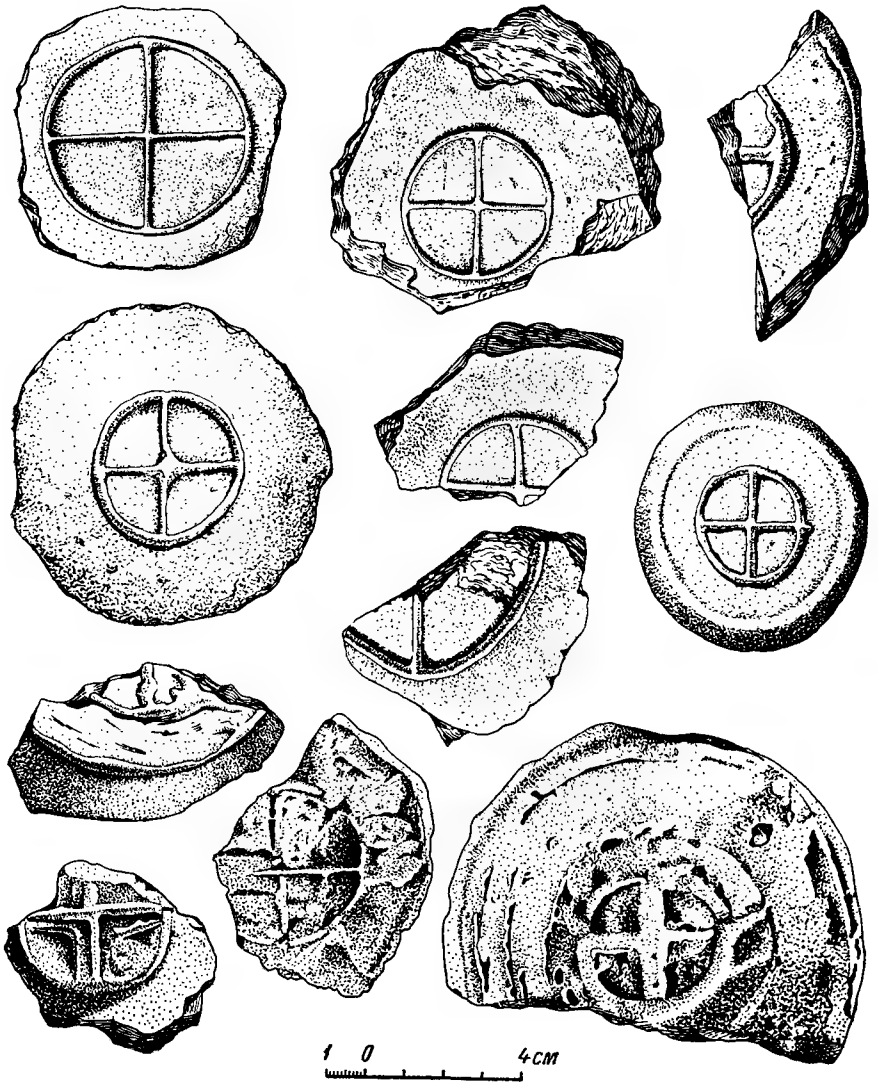


Рис. 113. Клейма на донцах сосудов.

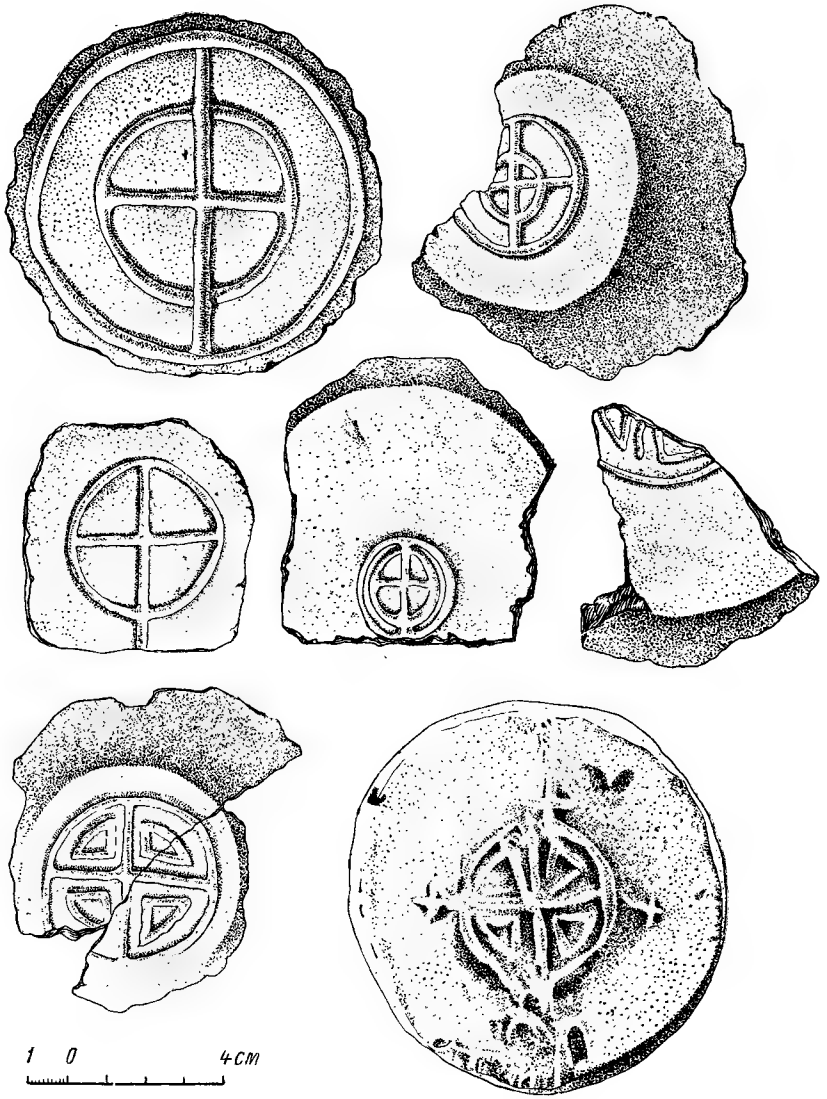


Рис. 114. Клейма на донцах сосудов.

него Подненровья и, в частности в Киеве, уже давно обратили на себя внимание небольшие сосуды с узким горлом и двумя плоскими ушками с небольшим отверстием в них (табл. LXXVI), именовавшиеся обычно «амфорками киевского типа».[1] По-видимому, это и были «корчажцы». Выше была уже речь о том, что сосуды интересующего нас типа были найдены в гончарной печи, сохранившейся на территории Софийского заповедника.

Значительный интерес для изучения вопросов социальной организации гончарного ремесла представляют многочисленные клейма на донцах сосудов,

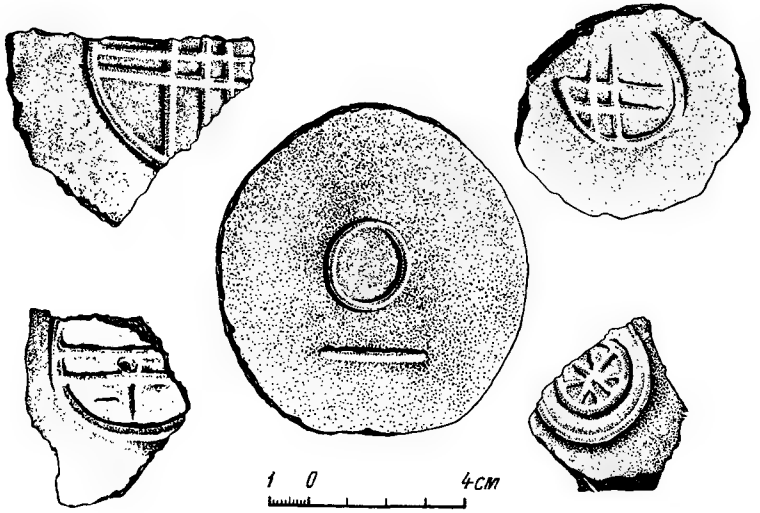


Рис. 115. Клейма на донцах сосудов.

которыми гончары метили свои изделия. Рисунки клейм киевских гончаров характеризуются исключительным разнообразием (рис. 108—124), что свидетельствует о многочисленности мастерских, изготовлявших глиняную посуду. Это наблюдение приобретает особенную выразительность, если учесть, что основная часть керамических материалов, использованных для составления наших таблиц, относится, по-видимому, к сравнительно короткому периоду истории гончарного дела (XII—начало XIII в.).

Необходимо вместе с тем отметить, что среди клейм, сведенных на наших таблицах по типологическим признакам, нет ни одного случая точного повторения одного и того же клейма. Это обстоятельство, даже при учете неполноты собранного материала, не позволяющего делать какие-либо статистические вычисления, все же свидетельствует о незначительности продукции каждой мастерской.

Среди приведенных на таблицах клейм бросается в глаза несколько групп, близких между собой по основному типу рисунка, но в то же время отличаю-

[1] Под этим названием указанные сосуды неоднократно упоминаются еще киевскими археологами конца XIX в.

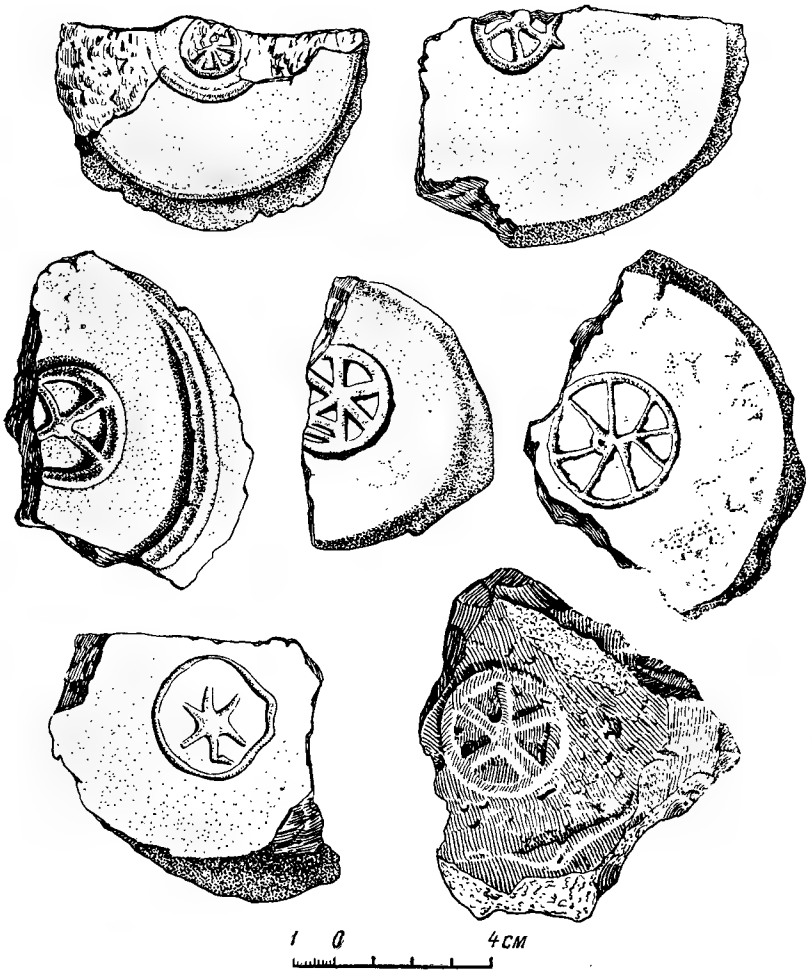


Рис. 116. Клейма на донцах сосудов.

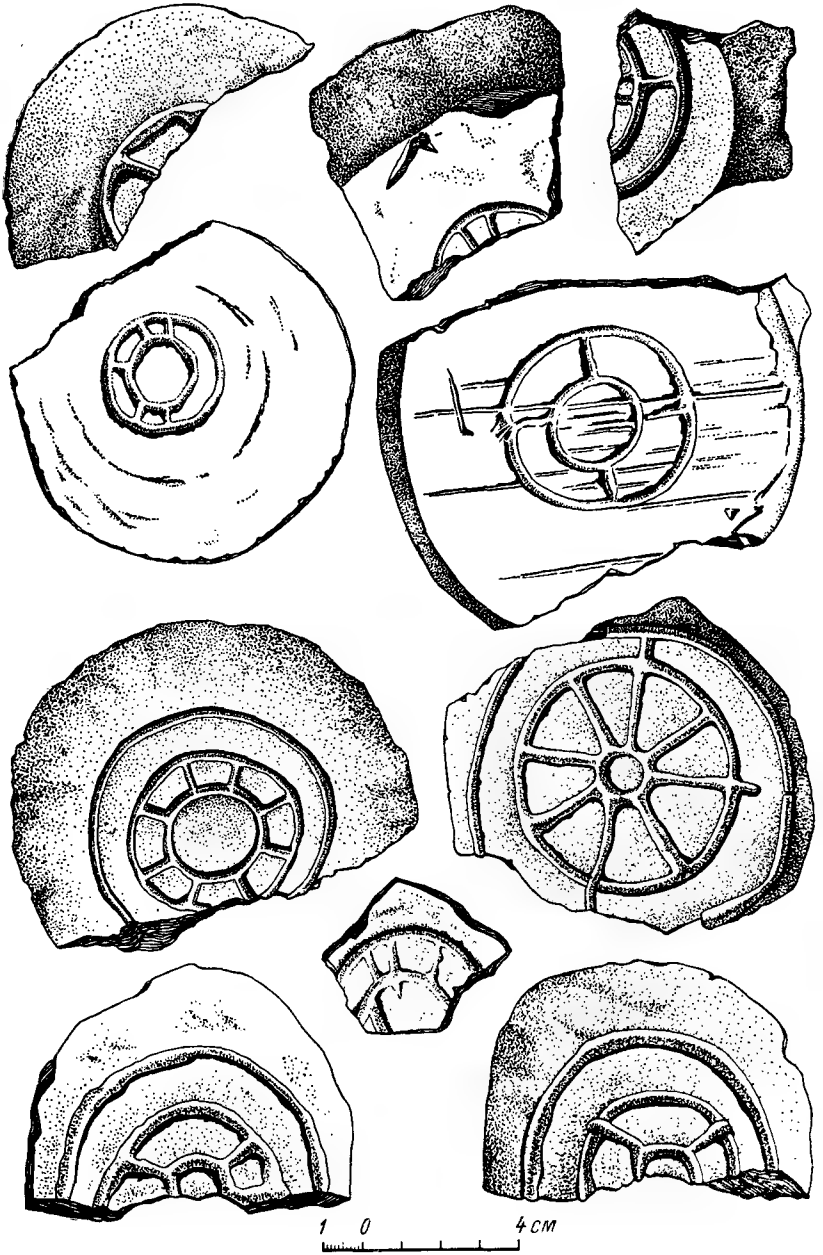


Рис. 117. Клейма на донцах сосудов.

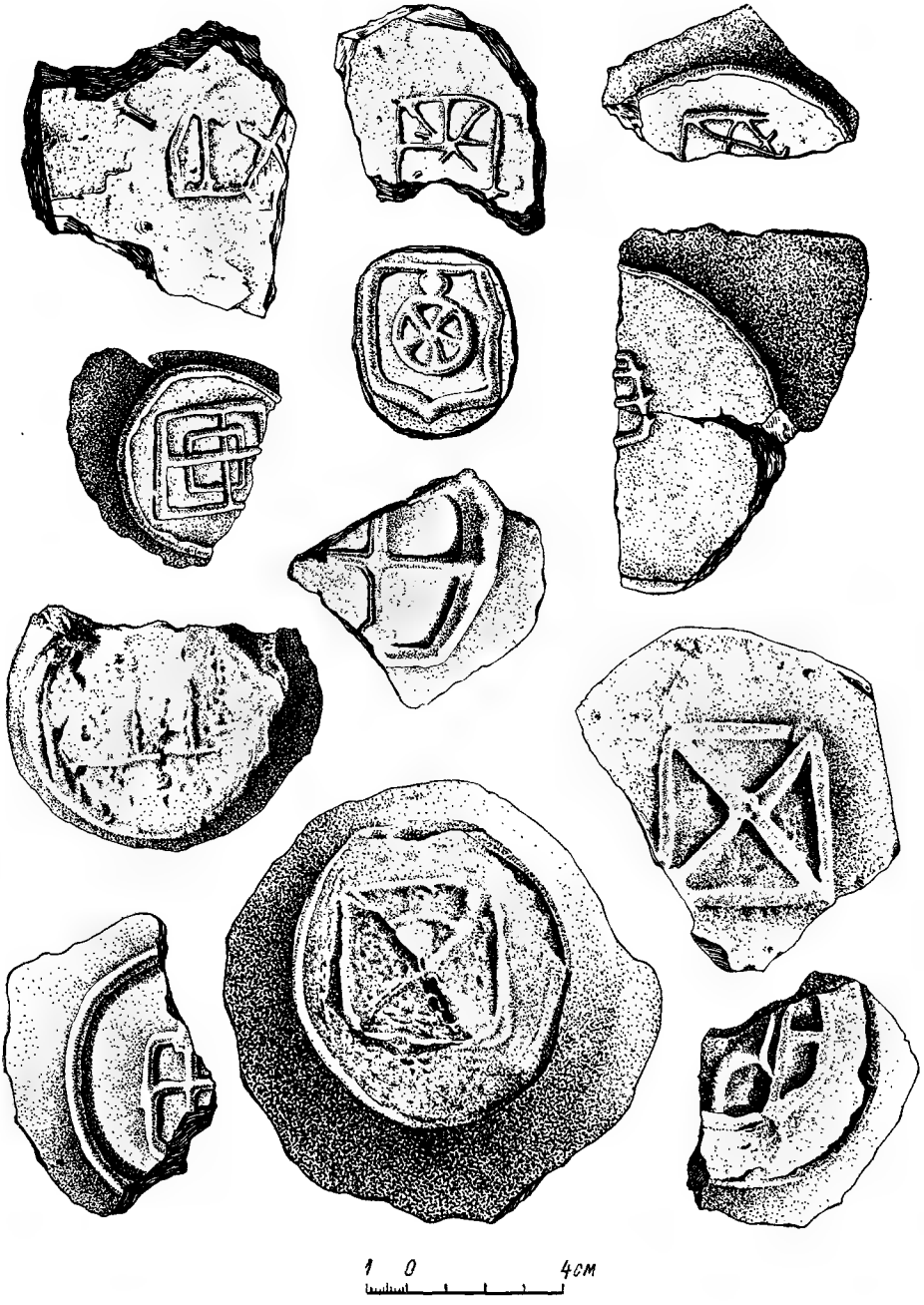


Рис. 118. Клейма на донцах сосудов.

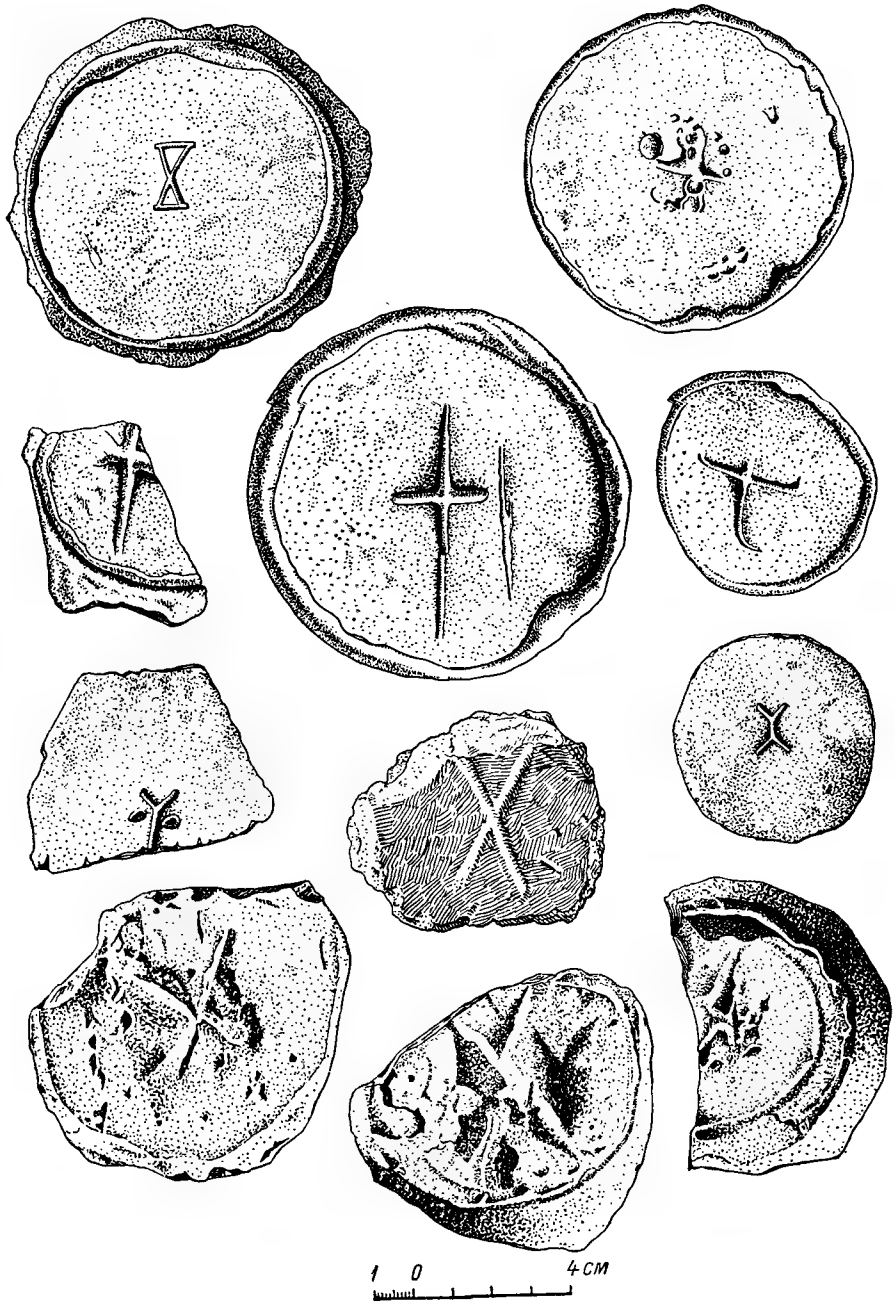


Рис. 119. Клейма на донцах сосудов.

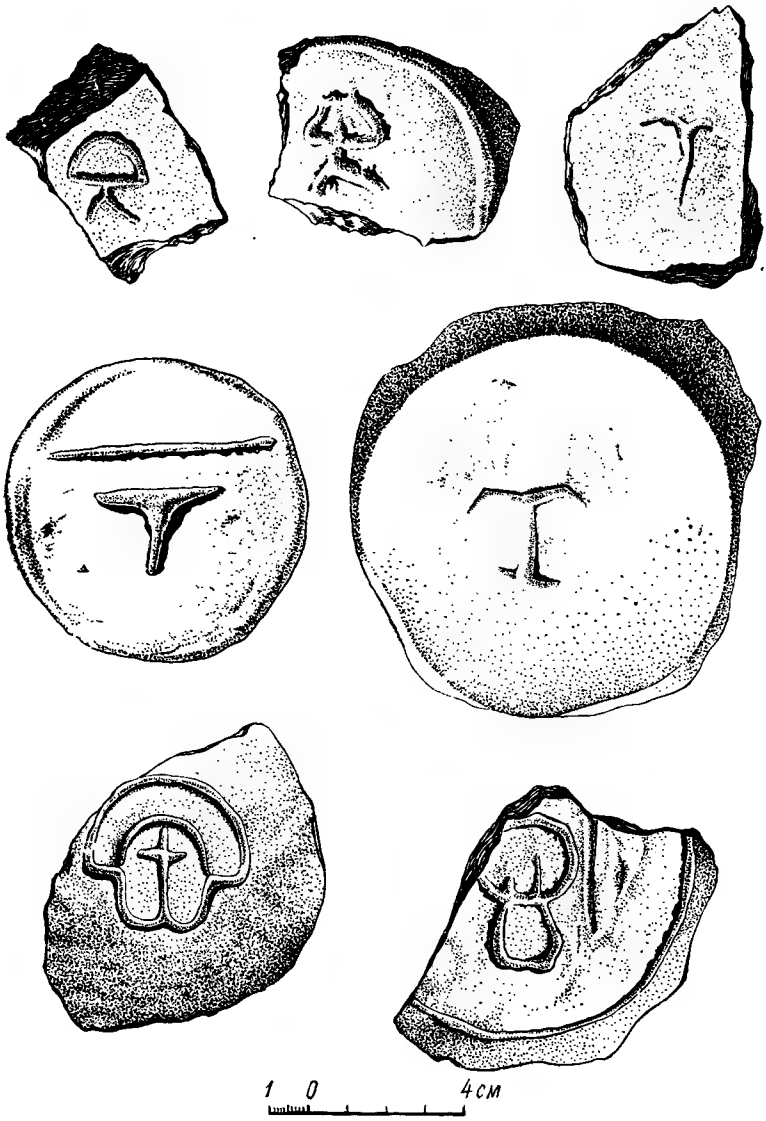


Рис. 120. Клейма на донцах сосудов.

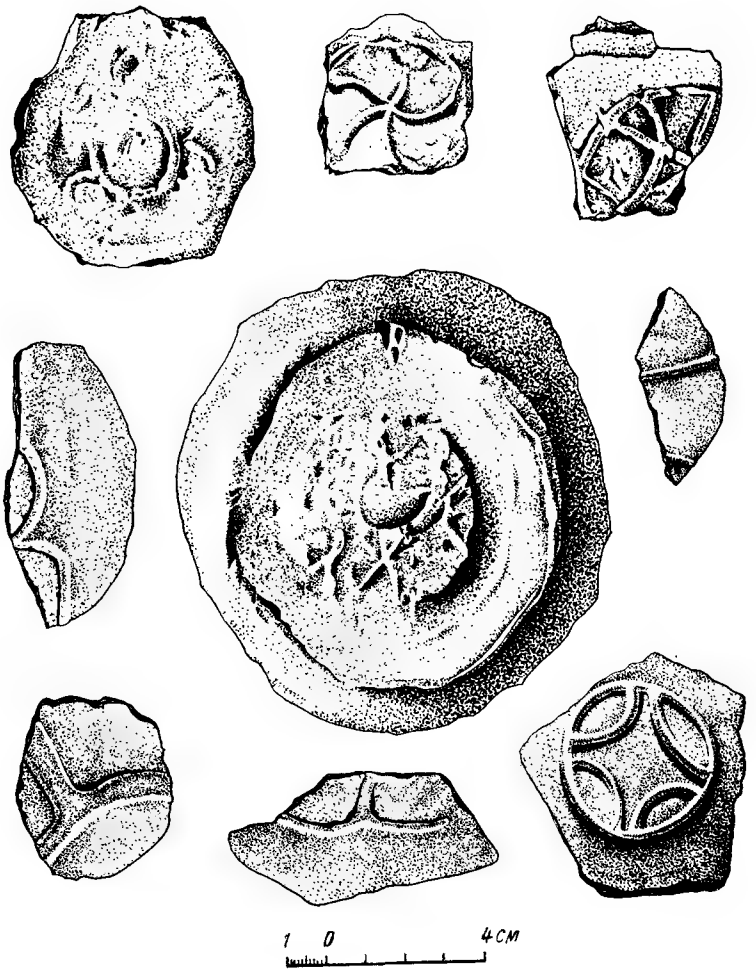


Рис. 121. Клейма на донцах сосудов.

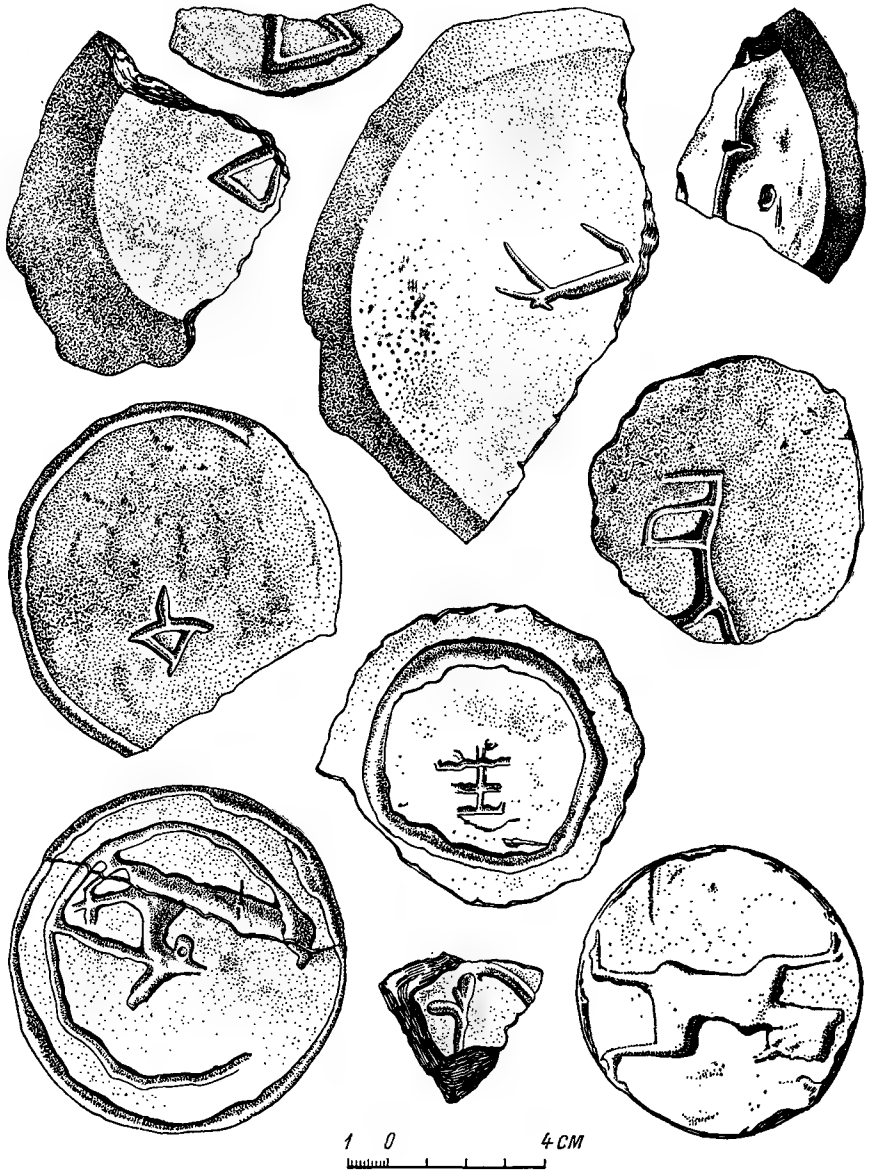


Рис. 122. Клейма на донцах сосудов.

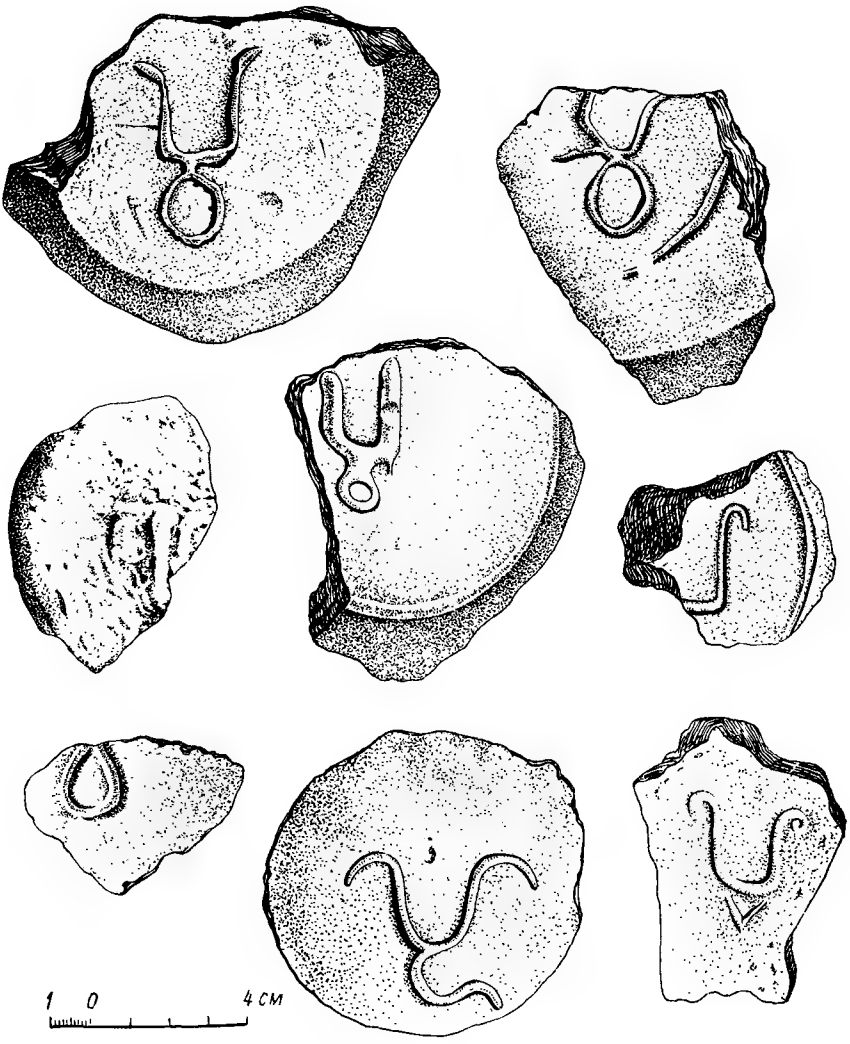


Рис. 123. Клейма на донцах сосудов.

щихся той или иной дополнительной особенностью («отпятнышем»). По-видимому, и в таком развитом городском ремесле, каким было киевское гончарное дело, постепенное усложнение рисунка клейма одного типа свидетельствует о наследственности гончарного дела, что с большей убедительностью было прослежено в сельском гончарном производстве.[1]

Среди разнообразных гончарных клейм киевской керамики особый интерес вызывают клейма, представляющие рисунки различных княжеских гербов. Такие клейма уже не раз были зарегистрированы на донцах глиняной посуды, найденной в различных древнерусских городах. Серия киевских клейм этого рода наиболее многочисленна и к тому же растет в результате новых археологических исследований. Еще недавно Б. А. Рыбаков, специально занимавшийся исследованием клейм с княжескими знаками, мог указать всего лишь два таких клейма на киевской посуде.[2] Теперь их уже значительно больше (рис. 123, 124). По характеру рисунка они близки к княжеским знакам XII в.

Особого внимания заслуживает тот факт, что далеко не все находки княжеских клейм на посуде происходят с территории княжого двора или его ближайшего окружения. Клеймо со знаком в виде трезубца, который В. Козловская считала близким к знакам на монетах Святополка, оказалось на днище горшка в полуземлянке, раскопанной в 1930 г. на горе Детинке.[3] Жилище это, как отмечалось выше, по-видимому, служило мастерской. Фрагмент белоглиняного кувшина распространенной в киевской керамике формы, с клеймом — княжеским знаком на донце (рис. 124, верхнее клеймо слева) был найден в 1940 г. на северной окраине Киева (Лукьяновка). Большой сосуд для хранения зерна, на днище которого отчетливо видно клеймо в виде княжеского знака (рис. 125), найден в жилище ремесленника, раскопанном в 1950 г. на Подоле.

Находки глиняной посуды с княжескими знаками далеко от княжого двора свидетельствуют о том, что продукция княжеских гончаров не только удовлетворяла потребности самого княжеского хозяйства, но шла, по-видимому, и на городской рынок. Напомним, что на широкий городской рынок шла частично и продукция княжеских ювелиров (см. выше). Клейма в виде княжеских знаков на днищах глиняной посуды, происходящей с городищ Киевской земли — Белгорода,[4] Вышгорода,[5] Канева,[6] Липлявы,[7] разумеется,

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 363.

[2] Там же, стр. 365—366.

[3] В. Козловська. Розкопи р. 1930 у Київі на горі Дитинці, стр. 51.

[4] В. Козловська. Таврований посуд. . ., рис. 21. — Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940, стр. 248 и рис. 72.

[5] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 249 и рис. 73—74.

[6] В. Козловська. Таврований посуд. . ., рис. 20. — Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 248 и рис. 71.

[7] В. Козловська. Таврований посуд. . ., рис.19. Другое клеймо из Липлявы (ныне в собрании Гос. Эрмитажа) издано Б. А. Рыбаковым (Ремесло древней Руси, стр. 248 и рис. 77).

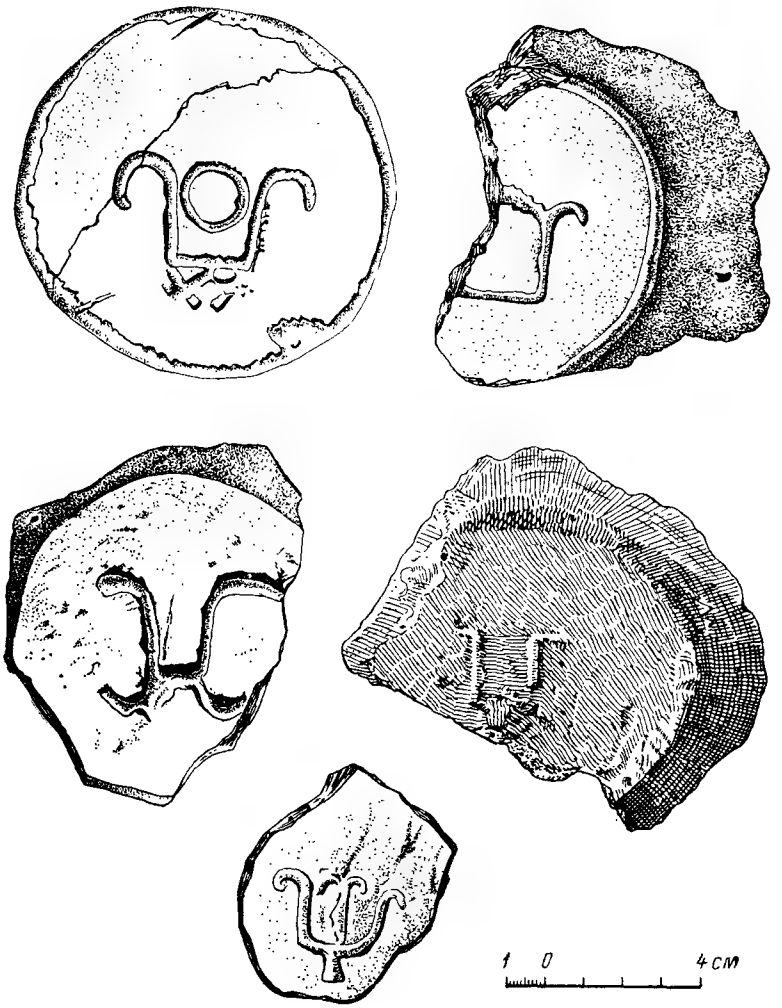


Рис. 124. Клейма на донцах сосудов.

не следует рассматривать как свидетельство о распространении продукции мастерских княжеского двора в Киеве за пределы города. Такие мастерские князья имели, разумеется, не только в Киеве.

Особый интерес представляют княжеские клейма на кирпичах и майоликовых плитках, но к этому вопросу мы вернемся ниже, при рассмотрении производства строительной керамики.

Наряду с простой глиняной посудой, служившей как для варки и хранения пищи, так и в качестве столовой посуды, киевские гончары изготовляли посуду поливную и расписную.

В дореволюционной науке было распространено убеждение, что вся поливная керамика в Киевской Руси была привозной. Так, все фрагменты посуды, покрытой глазурью, из раскопок на городище Княжа гора Н. Ф. Беляшевский безоговорочно относил к категории импорта.[1] Однако уже В. В. Хвойка, характеризуя керамику из раскопок в усадьбе Петровского, отмечал редкие, как ему казалось, находки сосудов, украшенных поливой; на местное происхождение этих сосудов указывает, по мнению того же исследователя, глина, из которой они были вылеплены.[2]

Раскопки последних двух десятилетий на территории Киева и ряда других городов Среднего Поднепровья воочию показали, что посуда типичных местных форм, покрытая как с наружной так и с внутренней стороны одноцветной поливой зеленого или желтого цвета, была в XII—XIII вв. достаточно распространенным явлением. Расцвет киевской поливной керамики несомненно был связан и даже в известной мере обусловлен развитием эмальерного дела и стекловарения. Как справедливо указывал Б. А. Рыбаков, только наличие местного производства эмалевой массы могло позволить гончарам расходовать огромное количество эмали на украшение строительных изразцов и других изделий.[3]

В 1911 г. при земляных работах на территории Владимирова города (Б. Житомирская ул., д. 6) был найден фрагмент расписной чаши с изображением птицы (утки) в круге. Фрагмент этот был дважды опубликован на цветных таблицах.[4] Оба автора, издавшие фрагмент, считали его привозным переднеазиатским изделием. Б. К. Жук относил чашу к X—XI вв., Н. Е. Макаренко датировал ее более обще X—XII вв.

Сопоставление киевской чаши с аналогичной чашей, найденной в 1931 г. при раскопках в Тамани, и рядом других расписных сосудов, в том числе с фрагментом известной поливной тарелки с изображением Сенмурва из Гнездовского могильника, привело Б. А. Шелковникова к выводу о том, что это

---

[1] Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей горе в 1891 г. КС, т. XXXVI, Киев, 1892, стр. 81.

[2] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Поднепровья. . ., стр. 72.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 362—363.

[4] Б. К. Жук. Керамічний пам'яток Київського дитинця. Київ, 1930. — М. Макаренко. Малоазийська миска в Київі. Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва, Збірник I, Київ, 1930, стр. 97—140.

местное киевское изделие X в., из чего автор делал и более общий вывод о существовании в Киеве в домонгольский период местного производства расписной посуды, техника которого, возможно, была перенесена в Киев болгарскими мастерами, переселившимися на Русь или во время походов Святослава, или после разрушения Преславы Цимисхием.[1] По мнению названного исследователя, только «укрепившееся убеждение в отсутствии на Руси этой от-

Рис. 125. Донце большого сосуда с изображением княжеского знака. Раскопки В. А. Богусевича на Подоле.

расли керамической промышленности приводило к тому, что находимые образцы расписной поливной посуды или приписывали без всяких оснований Переднему Востоку, или относили к более позднему времени».[2]

Специализированной отраслью производства поливной керамики, тесно связанной с производством поливных строительных плиток, о которых будет речь ниже, было изготовление терракотовых яиц-писанок, покрытых поливным узором, напоминающим фигурные скобки. Исключительная близость орнамента-

[1] Б. А. Шелковников. Киевская керамика X—XI вв., расписанная цветными эмалями. СА, XXIII, 1955, стр. 169—182.

[2] Там же, стр. 170.

ции этих писанок к узорам на керамических плитках, распространенных в архитектуре Белгорода и Вышгорода, и находки в Киеве тигельков-льячек для их изготовления позволяют предположить, что и поливные писанки производились киевскими гончарами.[1]

Эти нарядные и портативные изделия имели весьма широкий сбыт. Помимо Киева и других городов Киевской земли (Канев, Белгород), где находки этих предметов известны уже давно,[2] писанки киевского типа найдены в слоях XII—XIII вв. при раскопках в Галиче [3] и на некоторых других городищах Галицкой земли — в Плеснеске [4] и у с. Толсте близ Скалата,[5] в Старой Рязани,[6] Гродно,[7] Новгороде;[8] встречаются писанки в радимичских курганах;[9] известны случайные находки на Черниговщине,[10] на Волыни,[11] в районе Саркела,[12] на Кавказе (Натухайская станица близ Черного моря),[13] в ряде мест в Польше, а именно в Гнезно,[14] в Белостокском районе [15] и у с. Кальдус в Поморье;[16] на Готланде [17] и в Сигтуне.[18]

Наряду с поливной посудой киевские гончары производили также расписную неполивную посуду. Эта разновидность гончарной техники заслуживает того, чтобы на ней остановиться несколько подробнее. Еще В. В. Хвойка, характеризуя местную киевскую керамику, образцы которой были обнаружены им при раскопках в усадьбе Петровского, отмечал наряду с распространенной гончарной посудой разной величины и форм, в большинстве случаев украшенной ниже венчика типичным «разновидным орнаментом», значительно реже

---

[1] Б. А. Рыбаков (Ремесло древней Руси, стр. 362) считает, что писанки выделывались либо в Киеве, либо в Белгороде.

[2] К. В. Болсуновский. Писанки как предмет языческого культа. Киев, 1909.

[3] Я. Пастернак. Старый Галич. Краків—Львів, 1944, стр. 194.

[4] І. Д. Старчук. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 392—393.

[5] Я. Пастернак, ук. соч., стр. 194.

[6] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 362. А. Л. Монгайт (Старая Рязань. МИА СССР, № 49, М., 1955, стр. 127) считает рязанские писанки местными изделиями.

[7] Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 140.

[8] А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА СССР, № 11, М., 1949, стр. 171—172.

[9] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. Працы Археолёгічнай Камісіі, т. III, Менск, 1932, стр. 87, табл. II.

[10] T. Arne. La Suède et l'Orient. Upsal, 1914, стр. 216.

[11] Там же.

[12] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, рис. 7, № 54 и 56.

[13] T. Arne, ук. соч., стр. 216.

[14] Я. Пастернак, ук. соч., стр. 194.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] T. Arne, ук. соч., стр. 216, рис. 364.

[18] Acta Archaeologica, I, 1930, стр. 107, рис. 9.

встречавшиеся сосуды «с расписным орнаментом, произведенным краской коричневого или красноватого цвета».[1]

В рукописном дневнике раскопок исследователь сообщал об обломках керамики, «орнаментированной по поверхности светло- и темно-коричневой краской», обнаруженной в развалинах одного из жилищ, раскопанных в усадьбе Петровского.[2]

О находках фрагментов керамики из светлой глины с расписным орнаментом красного и коричневого цвета при раскопках 1926 г. в усадьбе Трубецкого сообщал С. Гамченко.[3] Там же был найден фрагмент верхней части сосуда из белой глины, украшенный врезными линиями и краской красного цвета между ними.[4]

Два фрагмента расписной керамики были в 1948 г. найдены при раскопках полуземлянки-мастерской середины XIII в. в усадьбе Исторического музея. Первый из них представлял верхнюю часть горшка с сильно отогнутым венчиком, украшенного по плечикам врезным орнаментом. Поверх врезного орнамента сосуд был расписан овалами, черной краской. Второй фрагмент представлял собой розоватого цвета сосуд, по плечикам которого поверх врезного линейного орнамента черной краской был нанесен орнамент в виде овалов, примыкающих друг к другу. По тулову сосуда той же краской были нанесены кружки (табл. LXXVII).

Многочисленные фрагменты нескольких сосудов, стенки которых были почти целиком покрыты коричневой росписью (табл. LXXVII), были обнаружены при раскопках 1949 г. в северной башне Киевской Софии.

Расписная посуда изредка попадается при раскопках и на городищах Среднего Поднепровья XI—XIII вв. Фрагменты ее были обнаружены в 1930 г. при раскопках городища у с. Буки (в районе г. Белой церкви). Верхняя часть найденных здесь сосудов была орнаментирована не только прямыми врезными линиями, но и покрыта росписью, исполненной белой краской.[5] Обломки расписанных минеральной краской глиняных сосудов найдены также в древнем Любече [6] и на Райковецком городище.[7]

Среди керамических изделий, принадлежащих наряду с разнообразной посудой к числу массовой продукции киевских гончаров, необходимо отметить

---

[1] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 72.

[2] Выписки из рукописного дневника раскопок В. В. Хвойки, стр. 29; см. также главу VII — «Жилища горожан XI—XIII вв.» (стр. 291 настоящего исследования).

[3] С. Гамченко. Розкопи 1946 року в Київі. (Давніша садиба В. П. Трубецького). Коротке звідомлення ВУАК за р. 1926, Київ, 1927, стр. 34.

[4] Там же.

[5] Виявлення фарбованої слов'янської кераміки. ХАМ, ч. III, Київ, 1931, Varia, стр. 84—85.

[6] В. К. Гончаров. Розкопки древнього Любеча. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 134.

[7] Ф. Молчанівський. Райковецьке городіще XI—XIII ст. НЗІІМК, кн. 5—6, Київ, 1935, стр. 154.

светильники, представляющие собой вертикальный стояк в виде полого цилиндра, к которому крепятся две круглых плоских тарелочки.

Впервые на находки этого рода в Киеве обратил внимание И. А. Хойновский, считавший их, однако, «гончарными жертвенными сосудами».[1] Характеризуя шесть почти целых экземпляров светильников, найденных в 1892 г. при раскопках в усадьбе Кривцова, И. А. Хойновский описывал их следующим образом: «Самыми интересными сосудами я считаю мисочки на стоянцах, на которых, вероятно, приносились и ставились перед идолами приношения. Близость храма Перуна от места, где найдены эти стоянцы, вынуждает меня сделать это предположение. Другого практического житейского употребления эти сосуды не могли иметь».[2] И. А. Хойновский полагал, что на эти мисочки «клались: мед, жертвенные хлебы, плоды, брашно или мясо, а может быть, по летописным преданиям, отрезанный клок волос из головы или бороды жертвователя, и небогатые киевляне ставили эти жертвы перед идолом Перуна».[3] Хойновский считал древность этих сосудов «весьма значительной», полагая, что своей формой они похожи на сосуды, найденные Шлиманом при раскопках развалин Трои.[4]

Несмотря на многочисленность находок светильников, назначение предметов оставалось долгое время загадочным. Так, киевский археолог А. Д. Эртель, перечисляя различные находки древностей, сделанные в 1912 г. при земляных работах на различных участках Ярославова города, сообщал об обнаружении «нескольких целых и обломанных, белой глины, грубой работы сосудов, имеющих форму короткого и широкого бокала, поставленного на толстое донышко, вроде плошки».[5] «На середине этих бокалов, — по словам того же автора, — имеются ободки, как бы повторяющие нижнее донышко, но меньших размеров». По мнению автора, описанные предметы «могли служить и чарками, и подсвечниками, и своего рода малороссийскими „каганцами“».[6] Автор уверял даже, что в Церковщине (под Киевом) были найдены не только «такие же чарки или подсвечники», но и «остатки восковых свечей, лепленных руками, которые по размеру соответствуют отверстиям этих глиняных сосудов».[7]

Находки светильников, как в обломках, так нередко и в виде почти целых экземпляров, весьма многочисленны. Особенно часто встречаются они при раскопках городских жилищ как в самом Киеве, так и в других южнорусских

---

[1] Тр. IX АС в Вильне (1893), т. II, М., 1897, Протоколы, стр. 54.

[2] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора. . ., стр. 57; см. также табл. XIV, *102—103*.

[3] Там же, стр. 57; ср.: И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси, вып. I. Киев, 1896, стр. 104.

[4] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора. . ., стр. 57.

[5] А. Д. Эртель. Отчет о наблюдении за земляными работами в районе Старокиевского участка в 1912 году и о найденных при этом предметах. ВИВ, Киев, 1913, кн. 4, стр. 3.

[6] Там же.

[7] Там же, стр. 5.

городах XI—XIII вв. Форма их почти стандартна, хотя существует несколько вариантов, отличающихся незначительными особенностями (табл. LXXVIII). Очень редко встречаются фрагменты светильников, покрытых одноцветной (зеленой) поливой.[1]

Форма киевских светильников, по-видимому, восходит к весьма древней традиции, о чем свидетельствуют светильники, относящиеся к первым векам нашей эры, найденные при раскопках боспорских поселений.

Высказывалось мнение, что светильники «киевского типа» были распространены только в Приднепровье и в северо-восточной и северо-западной Руси неизвестны.[2] В действительности светильники «киевского типа» уже давно известны среди находок домонгольского периода в Смоленске.[3] Однако необычность этих изделий вызывала и там недоумения даже высококвалифицированных археологов. Так, А. Н. Лявданский, опубликовав рисунок одного из найденных в Смоленске светильников в перевернутом виде, в сопроводительном тексте назвал его «глиняным [малопонятным сосудиком, сделанным на гончарном колесе».[4]

В последние годы светильники «киевского типа» обнаружены при раскопках городища Старой Рязани.[5]

До настоящего времени, насколько нам известно, не зарегистрированы находки их ни в Новгороде, ни в городах Владимиро-Суздальской земли.

Среди керамических изделий киевского происхождения наряду со светильниками необходимо упомянуть еще о глиняных «фонарях» оригинальной конструкции, в виде кувшина с ручкой и глухим верхом; в передней части фонаря располагалось широкое отверстие, из которого падал свет горевшей внутри свечи; в верхней части сбоку располагалось маленькое круглое отверстие, обеспечивавшее тягу воздуха. Находки обломков глиняных фонарей в Киеве и в других южнорусских городах очень редки. В севернорусских городах они вовсе неизвестны.

Среди изделий киевских гончаров давно уже обратила на себя внимание еще одна группа предметов, находки которых связаны преимущественно с территорией древнего Киева. Речь идет о различных глиняных фигурках, среди которых наиболее распространенными являются фигурки женщины в широкой, своеобразного покроя одежде и в причудливом высоком головном уборе. Почти

---

[1] Фрагменты поливного светильника обнаружены в жилище, раскопанном Киевской экспедицией 1948 г. в усадьбе Исторического музея.

[2] Н. Н. Воронин. Жилище. В кн.: История культуры древней Руси, т. II. М., 1948, стр. 232.

[3] М. К. Неклюдов и С. П. Писарев. О раскопках в Смоленске. Смоленск, 1901, стр. 32.

[4] А. Н. Лявданский, ук. соч., стр. 207 и рис. 18.

[5] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 127 и рис. 93. Следует, однако, отметить, что опубликованный А. Л. Монгайтом светильник по форме существенно отличается от киевских светильников.

всегда на руках женщины ребенок. Кроме женских статуэток, встречаются также фигурки коня, кентавра, птиц, медведя и собак.

Первые находки статуэток были сделаны при раскопках И. А. Хойновского в усадьбе Кривцова. Это были две белоглиняных головки, одна из которых в высоком головном уборе, и четыре статуэтки, изображающие животных и птиц (утка с утятами, голова какого-то зверя и две свистульки в форме конька и уточки). Три статуэтки были покрыты светло-желтой поливой.[1]

В начале 90-х годов прошлого столетия, при земляных работах, связанных с прокладкой канализации на Подоле, были найдены новые образцы статуэток. Несколько статуэток было обнаружено при случайных земляных работах на горе Киселевке и в районе Кирилловских высот. Последние находки этого рода связаны с раскопками на территории Верхнего Киева, проводившимися здесь начиная с 1908 г.

По вопросу о дате киевских терракот высказывались различные мнения: И. А. Хойновский считал их «архаическими»,[2] не уточняя, однако, этой датировки, В. Б. Антонович относил их к „великокняжеской эпохе",[3] В. В. Хвойка и В. Козловская связывали их с культурой славянских городищ Приднепровья X—XIII вв.,[4] Л. А. Динцес относил их к «раннему русскому средневековью»,[5] Н. В. Валукинский датировал киевские статуэтки XVII—XVIII вв.[6]

Нет единства мнений и по вопросу о назначении киевских терракот. В. Б. Антонович считал их детскими игрушками, полагая, что головные уборы этих куколок «представляют современные им моды убранства».[7] Л. А. Динцес пытался проследить связь киевских статуэток со скифскими культовыми изображениями, усматривая и в одежде женских фигурок и особенно в их головном уборе черты великой богини, богини матери скифского мира.[8] Б. А. Рыбаков считал возможным допустить, что коньки, птицы и свистульки, сделанные крайне примитивно и прочно, были детскими игрушками. В то же время выполненные очень тщательно хрупкие фигурки матери с ребенком он склонен был рассматривать как ритуальные изображения богини — покровительницы дома (скифской Табиты).[9] По мнению упомянутого исследователя,

---

[1] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора. . ., стр. 62 и табл. XVIII, рис. 123—124.

[2] Там же, стр. 62.

[3] Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, стр. 17, 62—63.

[4] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 52 и 60. — В. Козловська. Провідник по археологічному відділу. Київ, 1928, стр. 39.

[5] Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка. Происхождение, путь исторического развития. М.—Л., 1936, стр. 30.

[6] Н. В. Валукинский. Глиняные игрушки. Сборник Воронежского гос. историко-культурного музея, вып. I, Воронеж, 1925, стр. 45—47.

[7] Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, стр. 17.

[8] Л. А. Динцес, ук. соч., стр. 40—47.

[9] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 355—356.

«в X—XII вв. население Киева еще настолько прочно было привязано к своей тысячелетней земледельческой религии, к своим Родам и Роженицам, тщетно бичуемым христианскими проповедниками, что в фигурах женщины с младенцем мы должны видеть именно богиню, ее священное изображение, а не детскую забаву».[1]

Отличительной особенностью производства женских статуэток было изготовление головы, которая во всех известных ныне находках вылеплена отдельно от туловища, что дало основание Б. А. Рыбакову утверждать, что головы киевских статуэток «обязательно изготовлялись при помощи специального штампа, аналогичного типосам античных коропластов».[2]

Образцом такого штампа Б. А. Рыбаков считал найденную в Киеве (на Киселевке) белоглиняную, хорошо обожженную матрицу для оттиска реалистической женской (или детской) головки.

В недавнее время А. М. Шовкопляс подвергла вопрос о киевских терракотах кардинальному пересмотру, утверждая, что хранящиеся в Киевском историческом музее многократно опубликованные терракоты представляют изделия XVII—XVIII вв. и не имеют никакого отношения к керамике домонгольского периода.[3] Для женских статуэток с высокими головными уборами, в которых исследователи усматривали скифские традиции, вывод А. М. Шовкопляс следует, на наш взгляд, считать правильным. Бесспорен он и для статуэток типа коньков-свистулек. Однако при окончательном решении этого вопроса следует избежать огульного отрицания факта существования глиняных терракотовых статуэток домонгольского периода. Найденные в Киеве и в некоторых других городах Среднего Поднепровья фрагменты терракотовых статуэток, представляющих фигурки животных и птиц, а также отдельные человеческие, главным образом мужские фигурки, по нашему убеждению, следует тщательно выделить из массы весьма грубых изделий XVII—XVIII вв. Существенным подспорьем в датировке терракот должны служить тщательные стратиграфические наблюдения при новых находках этого рода.

С конца X в. в Киеве широко развивается несколько разновидностей гончарного дела, связанных с массовым производством строительных материалов. Древнейшие каменные постройки Киева — княжеские дворцы-гридницы и Десятинная церковь — выстроены в технике так называемой «смешанной кладки» («opus mixtum»), представляющей чередование рядов кирпича с кладкой из больших блоков очень грубо отесанного камня. Наряду с значительным количеством естественного камня, необходимого для кладки стен и особенно фундаментов зданий, потребность в кирпиче была огромна. Она особенно возросла со второго десятилетия XII в., когда от техники «смешанной кладки» стен

---

[1] Там же, стр. 356.

[2] Там же.

[3] А. М. Шовкопляс. Киевские статуэтки. Доклад на Секции славяно-русской археологии Пленума ИИМК в Москве, посвященный полевым исследованиям за 1956 г., 28 III 1957.

киевские зодчие перешли к системе кладки из одного кирпича, применяя камень лишь для бутовой кладки фундаментов.

Как техника кладки древнейших киевских каменных построек, отличающаяся исключительно высоким мастерством и сложностью, так и высокие керамические качества кирпича, происходящего из развалин этих построек, неоспоримо свидетельствуют о том, что основы строительной техники были заимствованы киевскими зодчими в одной из соседних стран с высокоразвитой строительной культурой. Источником знакомства древнерусских зодчих с основами кирпичной строительной техники Б. А. Рыбаков считал византийские города вроде Херсонеса и даже северные хазарские крепости с кирпичными стенами (например, Саркелское городище). «Не исключена, по мнению того же исследователя, возможность влияния и Дунайской Болгарии, где уже в эпоху царя Симеона (конец IX—начало X в.) в Преславе существовало местное изготовление кирпича болгарами, что доказывается наличием на них болгарских букв».[1]

Из приведенного круга возможных источников знакомства Руси с основами строительной техники нужно решительно исключить прежде всего хазарские города. Раскопки хазарской крепости в Саркеле свидетельствуют о том, что и характер примененного там кирпича и самая техника кладки не имеет ничего общего с техникой древнейших киевских построек.

В обстоятельно изученных архитектурных памятниках Херсонеса IX—X вв. также невозможно усмотреть какие-либо черты, сближающие их с памятниками киевского зодчества X—XI вв. Уровень строительной техники киевских построек прежде всего неизмеримо выше по сравнению с достаточно примитивной архитектурой Херсонеса. При постройке ряда киевских зданий X—первой половины XI в. руины некоторых херсонесских построек использовались, по-видимому, лишь как место добычи мрамора.

Вопрос о роли Дунайской Болгарии в сложении киевской строительной техники, учитывая болгаро-русские церковные взаимоотношения в X в., заслуживает пристального изучения. Известные доныне памятники древнеболгарского зодчества не свидетельствуют о том, что источником характерных особенностей древнейшей строительной техники на Руси является Болгария, но возможно, что дальнейшие раскопки древнеболгарских архитектурных памятников внесут в решение этого вопроса новые данные.

Таким образом, вопрос о происхождении весьма высокой строительной техники, характерной для древнейших построек Киева, остается пока открытым. Единственное летописное свидетельство об участии в постройках времени Владимира Святославича мастеров '«от Грек»[2] слишком обще и не позволяет уточнить происхождение древнейшей строительной традиции на Руси.

Следует, однако, подчеркнуть, что вне зависимости от решения этой проблемы можно предполагать, что уже в древнейших киевских постройках прини-

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 357.

[2] Лавр. лет. 6497 (989) г.

мали весьма значительное участие кадры местных русских строителей. Речь идет не только о том, что в ряде особенностей художественного образа древнейших киевских построек (Десятинная церковь, Киевская София) проявились несомненные воздействия древнерусского деревянного зодчества. В настоящей главе нас интересуют другие факты, непосредственно связанные с проблемами истории древнейшего киевского ремесла.

Изучение многочисленных образцов кирпича, происходящих из развалин Десятинной церкви и других построек конца X в., обогатило нашу науку чрезвычайно важными новыми данными. Производство кирпича состояло из заготовки глины, формовки кирпича в деревянных рамах, просушки его и обжига в специальных печах («пещь плинфяна»). Просушка кирпича происходила на открытом воздухе, для чего отформованные кирпичи раскладывали на земле на подстилке из соломы (отпечатки ее нередко бывают видны на одной из постелей кирпича). На верхней постели кирпича в большом количестве встречаются отпечатки лап различных животных и домашней птицы, а нередко и детских ног (табл. LXXIX). Иногда на кирпиче видны отпечатки не вовремя выпавшего дождя.

Особый интерес представляют клейма и знаки мастеров, делавшиеся в древнейший период на широкой постелистой части кирпича, а позже и на боковых его сторонах.

На кирпичах, происходящих из руин Десятинной церкви, дважды обнаружены клейма, представляющие надпись рельефными греческими буквами на углубленном прямоугольном поле (табл. LXXX). Ввиду фрагментарности обоих клейм расшифровать надписи не удалось. Однако самый тип клейма, близко напоминающий клейма на византийской и римской керамике (и, в частности, на кирпичах), не оставляет сомнения в том, что перед нами клейма тех мастеров «от Грек», о которых сообщает летописец.

Наряду с этими византийскими клеймами на ряде кирпичей, один из которых происходит из развалин дворца X в., находившегося возле Десятинной церкви, а остальные из руин самой церкви, обнаружен родовой знак князя Владимира. Первая находка этого рода была комментирована как облицовочный кирпич, покрытый цветной поливой, служивший элементом внутреннего декора дворца.[1] Тщательное изучение этого кирпича, хранящегося в Киевском историческом музее, позволило убедиться, что никаких следов поливы на кирпиче нет (табл. LXXX). Рельефные полоски трезубца в действительности слегка прорисованы белой гуашью, по-видимому, для удобства фотографирования. На старых фотографиях В. В. Хвойки (1907 г.) трезубец выглядит действительно белым на темном фоне кирпича.

Второй фрагмент подобного кирпича, найденный в 1908 г. при раскопках развалин Десятинной церкви, не вызывал ни у кого ни малейших сомнений в том, что это обыкновенный кирпич с клеймом в виде родового герба князя Вла-

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 359—360.

димира Святославича (табл. LXXXI).[1] На многочисленных кирпичах, собранных при исследовании руин Десятинной церкви в 1938—1939 и 1948—1949 гг., нам удалось обнаружить еще ряд клейм с тем же знаком Владимира (табл. LXXXII, LXXXIII).

Не может быть сомнений в том, что клеймо в виде знака князя могли ставить кирпичники, либо сами принадлежавшие к составу княжеских зависимых людей, либо работавшие по заказу княжого двора, что менее вероятно.

В последние годы удалось обнаружить дополнительные веские доказательства участия русских гончаров-«плинфотворителей» в заготовке строительных материалов для постройки Десятинной церкви. На двух кирпичах оказались русские надписи, сделанные по сырой глине до обжига кирпича[2] (табл. LXXXIV).

Приведенные выше новые факты свидетельствуют о том, что кирпичи для древнейших киевских построек, называвшиеся греческим термином «плинфа», изготовлялись не только приезжими мастерами — греками, но и киевскими гончарами. Учитывая огромные потребности в кирпиче, вызванные почти одновременным строительством большого храма и нескольких дворцовых зданий, следует думать, что на первых русских «плинфотворителей» легла основная часть работы по производству строительных материалов.

Кирпич, изготовлявшийся киевскими гончарами с X по XIII в., не был одинаков ни по форме, ни по размерам, ни по своим керамическим качествам. Кирпич X в. имеет почти квадратную форму (31×31 см) и весьма незначительную толщину (2.5 см). Отличительной особенностью его являются скошенные края. Кирпич из построек времени Ярослава имеет несколько бóльшую толщину (3.5 см) и другие размеры (37×27, 39×29, 30×40, 31×35 см).

Еще более отличается кирпич из киевских построек второй половины XI—начала XII в. Он еще толще (4 см), размеры его почти стандартны (35×28, 37×32, 35×27 см и др.). Кирпич XII в. становится еще толще (4.5—5 см). Размеры несколько уменьшаются (29×24, 32×23, 29×23 см). Сильно отличается кирпич из немногочисленных киевских построек первой половины XIII в. Он значительно меньше по размерам (28×22 см), часто плохо обожжен, во влажной среде легко раскисает и крошится.

Следует отметить, что кирпичи, происходящие из одной постройки и безусловно из одновременных ее частей, по своим размерам иногда представляют несколько вариантов. Различие это вызывалось, по-видимому, нестандартностью деревянных форм у различных артелей, участвовавших в производстве строительных материалов для одной и той же постройки.

На кирпичах из построек Ярослава (первая половина XI в.), так же как и на кирпичах второй половины XI—начала XII в., нам не приходилось встречать каких-либо клейм или знаков. Наоборот, на кирпичах XII—XIII вв. нередки клейма на боковых гранях в виде различных знаков или букв. Вопрос

[1] ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 137—139 и рис. 193.

[2] М. К. Каргер. Надписи и рисунки на древнерусских кирпичах. КСИИМК (в печати).

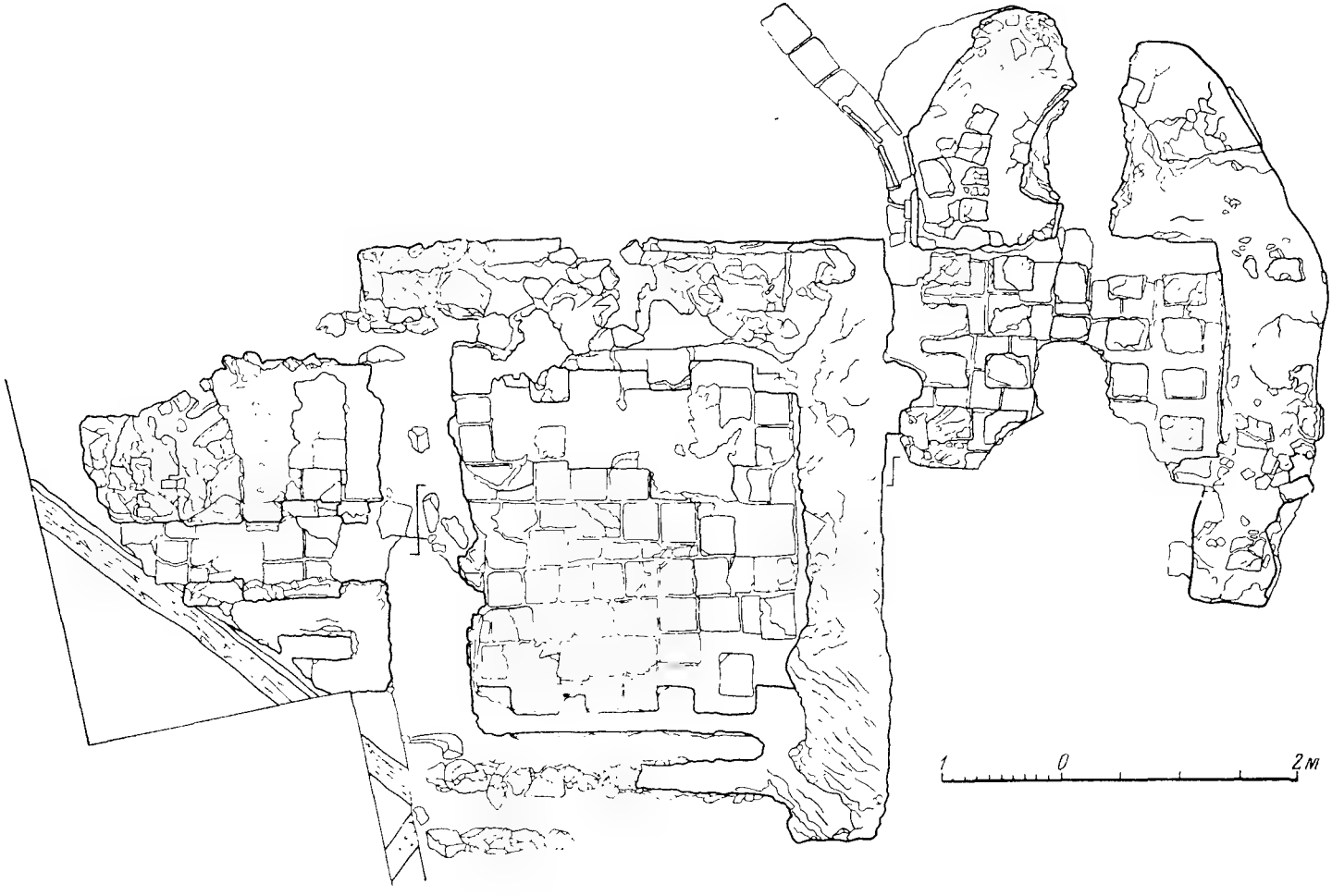


Рис. 126. Печь для обжига кирпича. План. Раскопки 1946 г.

о значении этих весьма разнообразных клейм, особенно распространенных в черниговском и смоленском зодчестве XII—XIII вв., остается не вполне ясным.

Исключительный интерес для изучения производства строительных материалов в древнем Киеве имеет печь для обжига кирпича, открытая в 1946 г. нашими раскопками в усадьбе Софийского заповедника, неподалеку от северной стены Софийского собора.[1]

Развалины печи представляют собой остатки большого сооружения, сложенного из бутового камня и древнего плоского кирпича.

Сооружение состоит из двух примыкающих одна к другой камер (табл. LXXXV и рис. 126). Бóльшая по размеру (северная) камера имеет почти квадратный план. Сохранились лишь нижние части стен, сложенные из бутового камня на растворе извести, и кирпичная вымостка пола. Внутренняя поверхность стен облицована кирпичом в один ряд.

На внутренней поверхности стен хорошо прослеживались остатки выступов (лопаток), по четыре с каждой стороны. В растворе бутовой кладки стен сохранились следы бревен (связи), положенных вдоль стен. На полу этой камеры лежал слой золы и мелкого угля, сплошь покрывавший всю площадь пола.

С северной стороны к камере примыкала вплотную какая-то другая, несколько меньшая по ширине пристройка, от которой сохранилась, по-видимому, лишь незначительная часть. Остальное уничтожено поздней глубокой ямой, обложенной деревом. На всей площади камеры лежал мощный слой развала верхних частей сооружения, состоявший из плоских квадратных кирпичей и незначительного количества бутового камня.

С юга к центральной камере вплотную примыкала вторая, меньшая по площади камера, западная часть которой разрушена поздней ямой. По-видимому, камера имела тоже квадратный план. Стены ее сложены из мелкого битого камня; внутренняя поверхность их облицована кирпичом, поставленным на ребро. На кирпичном полу камеры сохранились нижние части кирпичных столбиков, между которыми образуются узкие продольные и поперечные каналы (рис. 127). С восточной стороны к камере примыкает овальная в плане небольшая камера, стенки которой обложены кирпичом (в один ряд). Кирпич сильно пережжен. На полу овальной камеры лежал завал золы и углей (рис. 128).

Кладка стен третьей (малой) камеры значительно хуже, чем кладка первой (большой) камеры. Основной массив ее стен состоит из мелкого каменного и кирпичного щебня и даже кусков глины.

От северо-восточного угла камеры начинается узкий канал, выложенный кирпичами, поставленными на ребро, дно которого также выстлано кирпичом. Канал имеет направление к северо-востоку, он сохранился на протяжении около 1.5 м.

---

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 246—250.

Рис. 127. Печь для обжига кирпича. Деталь. Раскопки 1946 г.

Рис. 128. Печь для обжига кирпича. Деталь. Раскопки 1946 г.

К востоку от обеих камер обнаружен большой, глубокий котлован, вырытый в материке, с круто падающими стенками. Котлован сплошь заполнен обломками бракованного пережженного кирпича, размеры и керамические качества которого аналогичны кирпичу, из которого были сложены обе камеры.

План и конструктивные особенности камер, а также заполнение расположенного подле них котлована обломками бракованного пережженного кирпича позволяют с несомненностью установить назначение открытого сооружения. Перед нами древние керамические печи для обжига кирпича. Время их сооружения и работы не может быть связано с постройкой древнейшей части Софийского собора (30-е годы XI в.). И кирпич, из которого сложены печи, и обломки бракованной продукции, найденные в котловане в огромном количестве, относятся к типу, широко распространенному в киевском зодчестве конца XI—начала XII в.

Конструктивная схема раскопанной в 1946 г. печи, расположенной в нескольких десятках метров от северной стены Софийского собора, к сожалению, не во всех ее частях полностью ясна. В достаточной степени точно может быть реконструирована меньшая по размерам южная камера. Она представляет собой нижнюю часть топочной камеры, над которой находилась верхняя, несохранившаяся камера, предназначенная для размещения обжигаемой продукции. Внутреннее пространство топочной камеры, почти квадратное в плане, расчленено двадцатью кирпичными столбиками-устоями на ряд узких продольных и поперечных жаропроводных каналов, расположение которых обеспечивало равномерное распределение пламени и топочных газов на всю площадь выше расположенной камеры обжига. Западная стенка топочной камеры не сохранилась, однако план этой части камеры может быть восстановлен без особых затруднений. С восточной стороны к топочной камере примыкает овальная по внутреннему очертанию небольшая камера, представляющая собственно топку, или топливник (то, что в римских керамических печах называлось praefurnium), предназначенный для сжигания топлива. Отсюда же в печь поступал необходимый для горения воздух. Выше отмечалось, что на полу этой камеры лежал толстый слой слежавшейся золы и угля. Кирпичная облицовка внутренних стенок этой камеры носила следы сильного и длительного обжига, в результате чего кирпич местами был ошлакован и имел фиолетово-синий оттенок. Возле устья топливника, к востоку от него, было также много золы, которая выгребалась из печи после окончания обжига. Размещением топливника за пределами обжигательной камеры устранялась концентрация жара в одной части печи и достигалось более равномерное распределение его в камере обжига.

Пол топочной камеры, выложенный кирпичом, находился на глубине 1.20 м от уровня современной поверхности. Изучение стратиграфии всего раскопанного участка привело к выводу, что внутренний объем топочной камеры находился несколько ниже древнего горизонта, а нижняя часть камеры была даже впущена в материк. Углубление топочной камеры в землю делалось,

конечно, с целью уменьшения непроизводительной потери тепла от охлаждения наружных стен камеры. Чтобы закончить описание нижнего, топочного отделения печи, нужно упомянуть еще о вытяжном канале, примыкающем к северо-восточному углу камеры.

Продольные и поперечные жаропроводные каналы были перекрыты, по-видимому, сводиками, опиравшимися на кирпичные столбики-устои, или, учитывая незначительную ширину каналов, может быть, даже плоскими перекрытиями, служившими подом для верхней «камеры обжига». Эта последняя, не сохранившаяся ни в одной своей части, может быть, однако, реконструирована достаточно убедительно на основании многочисленных аналогий. Камера обжига соединялась с топочной камерой печи многочисленными жаропроводными, или, как их принято называть в современной керамической технике, прогарными, отверстиями, расположенными над каналами нижней топочной камеры. Размещенные в камере обжига керамические изделия, в данном случае кирпичи, подвергались действию восходящих вверх через вертикально расположенные жаропроводные отверстия топочных газов и даже прорывавшегося из топливника пламени. Как было устроено перекрытие камеры обжига, сказать трудно. Обыкновенно в подобных печах, по-видимому, устраивали постоянный кирпичный свод с отверстием, сквозь которое производилась загрузка печи. Отверстие это на время производства обжига закладывали плитой и замазывали глиной. Иногда камеру обжига перекрывали, по-видимому, временным глинобитным сводом, который после окончания обжига для разгрузки готовой продукции разбивали.

Значительно труднее понять конструктивную схему второй (северной) камеры. Выступы на ее внутренних стенках имеют несомненно то же значение, которое в южной камере выполняли столбики-устои, — на них опирался под верхней камеры обжига. Однако в средней части топочной камеры не сохранилось никаких остатков от устоев. Разумеется, что топочная камера при ее незначительной площади могла быть перекрыта сводом и без этих средних подпор, однако при этой конструкции камера представляла бы единое пространство, не расчлененное на ряд жаропроводных каналов, что так характерно для конструктивной схемы этого типа печей. Главное затруднение при реконструкции этой камеры заключается, однако, в том, что здесь нет отдельного устройства для топки (топливника), если не принимать за возможный вариант устройство топливника несколько выше сохранившегося уровня развала бутовой кладки стен камеры. Конструкция и назначение почти полностью разрушенной небольшой пристройки с севера для нас совсем непонятны. Необъяснимым элементом конструкции остается также наличие в стенах камеры деревянных связей. Нельзя не подчеркнуть, наконец, что в отличие от южной камеры, пол северной камеры был покрыт сплошным, достаточно толстым слоем золы и мелких угольков.

Принципы конструктивной схемы софийской печи уходят своими корнями в далекое прошлое. Если до недавнего времени было широко распространено убеждение в том, что эти принципы ведут свое происхождение от античных рим-

ских печей,[1] то раскопками последних лет в Мингечауре (Азербайджан) были обнаружены многочисленные печи аналогичных конструкций, восходящие к значительно более раннему времени.[2] К тому же комплекс мингечаурских печей дает возможность детально проследить историю конструктивной схемы печей интересующего нас типа от самых простейших устройств, недалеко ушедших от элементарного очажного обжига, до самых сложных конструкций, позволяющих считать эти последние несомненно результатом развития местной традиции керамической техники.[3]

О широком распространении керамических печей интересующего нас типа в позднеримский период говорят многочисленные находки в Западной Германии.[4] Советским археологам принадлежит открытие печей этой системы в городах Боспора.[5] Средневековая печь, близкая к киевской не только по конструктивной схеме, но и по времени (IX—X вв.), найдена раскопками 1932 г. у с. Мадара в Болгарии.[6] Несмотря на некоторые отличия в плане, к этому же типу несомненно относятся печи средневекового Херсонеса, раскопанные в 1940 г.[7]

До недавнего времени софийская печь стояла совершенно особняком среди известных в настоящее время древнерусских керамических (кирпичных) печей. В 1949 г. аналогичная печь, сложенная из плинфы, была открыта А. Д. Варгановым в Суздале.[8]

Киевские «плинфотворители» изготовляли не только кирпич. Нашими раскопками 1948 г. неподалеку от западной стены Десятинной церкви были обнаружены остатки упавших сводов храма, перекрытых черепицей в виде огромных кирпичей корытообразной формы, с неглубокими желобками (рис. 129).[9] Использование черепицы для покрытия каменных построек в дальнейшем не привилось. Киевские постройки XI—XIII вв. покрывались обычно свинцо-

---

[1] А. Л. Якобсон. Гончарные печи средневекового Херсонеса. КСИИМК, X, 1941, стр. 58.

[2] Г. И. Ионе. Гончарные печи древнего Мингечаура. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 42—54.

[3] Сообщением о последних, еще не опубликованных результатах раскопок печей в Мингечауре в 1950 г., я обязан любезности Г. И. Ионе, которому пользуюсь случаем принести мою благодарность.

[4] J. Loeschcke. Die römischen Ziegelöfen im Gemeindewald von Speicher. Trierer Zeitschrift, VI, 1931. — Neeb. Bericht über die Vermehrung der Sammlungen des Altertumsmuseums der Stadt Mainz. Mainzer Zeitschrift, VIII—IX, 1913—1914, стр. 129.

[5] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, М.—Л., 1934, стр. 22—42.

[6] Мадара, разкопки и проучьвания, кн. II. София, 1936, стр 25—26.

[7] А. Л. Якобсон, ук. соч., стр. 53—60.

[8] А. Д. Варганов. Обжигательные печи XI—XII вв. в Суздале. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 49—51.

[9] М. К. Каргер. Розкопки на садибі Київського історичного музею. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 12—13.

Рис. 129. Черепица из развалин Десятинной церкви. Раскопки 1948 г.

Рис. 130. Голосники из собора Михайловского Златоверхого монастыря.

выми (оловянными) листами. Обломки черепицы в последние годы обнаружены раскопками в Новгороде [1] и Полоцке.[2]

Среди киевских гончаров, связанных с производством строительных материалов, необходимо отметить еще одну группу мастеров, занятых изготовлением специальной строительной керамики — высоких узкогорлых сосудов, так называемых «голосников» (рис. 130). Сосуды эти, как показали наши исследования Киевской Софии, почти сплошь заполняют пазухи сводов и кладку куполов храма. Количество голосников, примененных в кладке Софии, исчисляется десятками тысяч. Бóльшая часть их совершенно не имеет функций резонаторов и служит исключительно для разгрузки сводов и куполов. Производством этой разновидности строительной керамики, по-видимому, занималась обособленная группа гончаров, хотя технология этого производства принципиально не отличалась от производства обычных горшечников. Голосники всегда делались из хорошо отмученной светлой глины и отлично обжигались, что, по-видимому, обеспечивалось особым контролем качества продукции. На донцах голосников Киевской Софии обычно имеются клейма нередко повторяющегося рисунка (рис. 131).

Наряду с голосниками в развалинах ряда построек, воздвигнутых киевскими зодчими XI—начала XII в., как отмечалось выше, нередко в большом количестве обнаруживаются обломки обыкновенных амфор-корчаг. Приставший к их наружным стенкам известковый раствор с примесью цемянки свидетельствует о том, что сосуды эти подобно голосникам использовались в кладке сводов здания.

Обособленную, весьма значительную группу гончаров-«плинфотворителей» составляли мастера, изготовлявшие полихромные поливные плитки, применявшиеся наряду с мозаичными наборами для полов, а иногда, по-видимому, и для облицовки нижней части стен в богатых жилых постройках.

Производство полихромной поливной строительной керамики, как и отмеченное выше производство поливной посуды, игрушек и так называемых «писанок», является наглядным свидетельством чрезвычайно высокого уровня киевского керамического ремесла. Считается, что древнейшими образцами строительной поливной керамики являются плитки, составлявшие будто бы орнаментальный фриз, украшавший некогда стены гридницы X в.[3] Выше отмечалось, что эта реконструкция является плодом недоразумения.

Керамические поливные плитки делались обычно из тщательно отмученной светлой глины. Размеры их различны, от совсем незначительных до очень крупных (30×30 см) при толщине от 1.5 до 2.5—3 см. Лицевая сторона плиток покрыта обычно одноцветной (желтой, зеленой, коричневой) блестящей поливой. Плитки этого типа широко распространены в киевских постройках XI—XIII вв.

---

[1] А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде, стр. 172.

[2] Наши раскопки 1957 г. возле собора Софии.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 360.

Полы из керамических поливных плиток встречаются в киевских постройках X—XI вв., обычно лишь в боковых частях здания, тогда как полы центральной части состоят из мозаичных наборов. В начале XII в. керамические плитки полностью вытесняют мозаику.

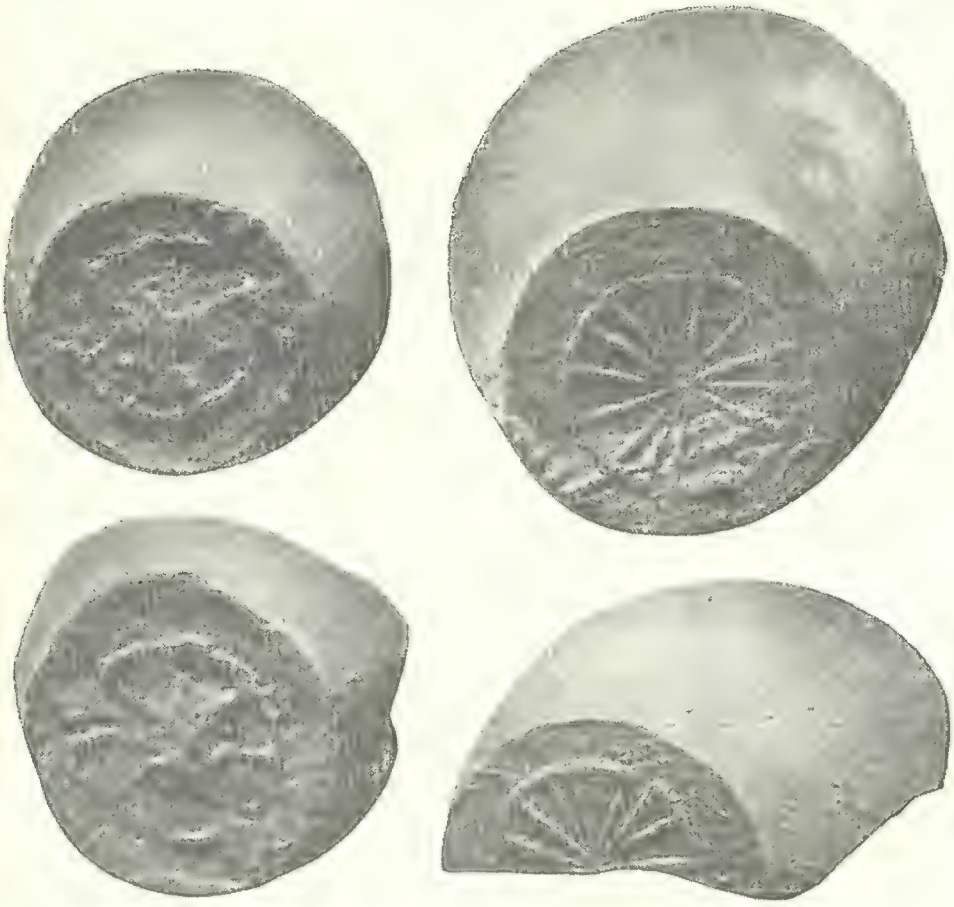


Рис. 131. Клейма на голосниках из Софийского собора. Раскопки 1949 г.

Наряду с одноцветными широкое распространение имели также полихромные плитки, украшенные орнаментальным узором разных цветов. Сложная техника орнаментации поливных плиток давно известна по материалам раскопок В. В. Хвойки в Белгороде. Основной фон плиток красновато-коричневый. Рисунок в виде волнистых линий, кругов с пятнами внутри, а иногда и в виде стилизованных цветов и гирлянд наносится в технике «настилажа» поливой белого, желтого, синего или зеленого цвета. Особенно характерным является орнамент из рядов цветных линий, напоминающих фигурные скобки (табл. LXXXVI). Выше отмечалось, что именно этот узор типичен для глиняных яиц-писанок,

изготовлявшихся киевскими гончарами и широко расходившихся по городам и селам древней Руси.

Раскопками последних лет установлено, что описанные выше полихромные плитки отнюдь не являются какой-то специфической особенностью белгородских построек и производство их не связано с Белгородом. Плитки этого типа найдены как в самом Киеве, так и в развалинах храма-усыпальницы Бориса и Глеба в Вышгороде (табл. LXXXVII), а также в развалинах храма XII в. во Владимире-Волынском (наши раскопки 1955 г.). Полихромные поливные плитки с исключительно своеобразным узором были найдены при раскопках в Киевской Софии (табл. LXXXVIII, LXXXIX).

Раскопками В. В. Хвойки в усадьбе Петровского были открыты остатки мастерской, в которой, по словам исследователя, «изготовлялись превосходные изразцы, покрытые толстым слоем плотной массы в виде эмалевой поливы».[1] Тут же были найдены куски разноцветной эмалевой массы и особой формы глиняные тигельки-льячки с двумя ячейками для одновременной плавки эмали разного цвета. У каждой ячейки имелось свое выходное отверстие. В обеих ячейках сохранились остатки эмали двух цветов, прилипшей к стенкам тигелька. Обломки таких же тигельков вновь найдены на той же территории раскопками 1936—1937 гг. (рис. 132).

Изучение многочисленных образцов полихромных поливных плиток, найденных в Киеве, Белгороде и Вышгороде, а также находка описанных выше тигельков-льячек позволили убедительно восстановить весь технологический процесс изготовления плиток.[2]

Плитки первоначально покрывались поливой одного цвета и обжигались в печи. Затем в ячейки двойного тигелька засыпалась эмаль двух различных цветов и на жаровне расплавлялась до жидкого состояния. После этого мастер, попеременно наклоняя тигелек-льячек то в одну, то в другую сторону, выливал через отверстия расплавленную эмаль на горячую плитку. При наклоне льячка в сторону отверстий получались две параллельные полоски разного цвета. Вытягивая эти полоски каким-либо острием то в одну, то в другую сторону, мастер получал характерные ряды фигурных скобок.

Кроме этого приема нанесения узора льячкой с двойным отверстием, применялся и другой способ изготовления полихромных плиток: на горячую плитку, уже покрытую одноцветной поливой, мастер набрасывал мелко толченые кусочки твердой эмали, после чего, подогревая плитку на жаровне, втирал плавившиеся постепенно кусочки эмали в эмаль фона. В результате получались плитки,

---

[1] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 70.

[2] Там же, стр. 70, 93. — Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в мест. Белгородке. Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда, М., 1911, стр. 60—62. — А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, вып. I. М., 1938, стр. 12. — Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 361—362.

полихромная поверхность которых напоминала мрамор или камни с разноцветными прожилками.

Способ нанесения эмалевого узора в технике «настилажа», широко распространенной среди киевских гончаров, свидетельствует об очень высоком уровне киевского керамического ремесла. По словам А. В. Филиппова, в этом отношении Киевская Русь опередила Западную Европу, где техника настилажа появилась значительно позже.[1]

Рис. 132. Тигли для эмали.

Находка описанной мастерской свидетельствует о том, что среди многочисленных ремесленников, работавших на княжом дворе, были и мастера, занятые производством полихромных поливных плиток для княжеского строительства. Подтверждением этого является находка на территории того же княжого двора поливной плитки, на оборотной стороне которой отчетливо видно рельефное клеймо в виде княжеского знака (табл. XC).[2] Какому князю принадлежит этот знак, установить пока не удалось. Наиболее близок он к княжеским знакам XII в. Это свидетельствует о том, что различные княжеские мастерские,

[1] А. В. Филиппов, ук. соч., стр. 12.

[2] Раскопки 1948 г. в усадьбе Киевского исторического музея.

производившие строительные материалы, обнаруженные в разное время на княжом дворе, не следует трактовать как остатки подсобных производств, связанных с постройкой в конце X в. самой Десятинной церкви, как это предполагал в свое время В. В. Хвойка.

6. ОБРАБОТКА ДЕРЕВА, КОСТИ И КАМНЯ

Несмотря на то, что дерево в качестве строительного материала имело в южнорусских городах гораздо меньшее значение, чем на севере Руси, деревянные постройки и различные деревянные изделия были в Киеве очень многочисленны.

О роли плотников-«древоделей» достаточно говорит грандиозное строительство оборонительных сооружений Ярославова города, в конструкции которых весьма значительное место принадлежало системе деревянных клетей, подробно охарактеризованных в главе, посвященной оборонительным сооружениям Киева.

Об участии «древоделей» в церковном строительстве красноречиво повествуют авторы Сказания и Чтений о Борисе и Глебе. Решив построить новый храм-усыпальницу для своих братьев Бориса и Глеба, Ярослав «повеле древоделям приготовлять древо на согражение церкви, бе бо уже время зимно».[1] Выполнив повеление князя, «древодели» выстроили в Вышгороде «храм о пяти верхах», который князь богато украсил «всякими красотами, иконами и иными писмены».[2] Спустя полвека князь Изяслав Ярославич взамен обветшалого храма, выстроенного отцом, соорудил новый храм «в вьрх в один».[3] Небезынтересны некоторые подробности, связанные с этой второй постройкой. Изяслав, призвав «старейшину древоделям, повеле ему церковь възградити». «Старейшина же ту абие събра вся сущая под ним древоделя, съконцав же повеленное ему от благоверного князя».[4] Перед нами артель плотников середины XI в., возглавляемая «старейшиной».

Наряду с церковными и военными оборонительными сооружениями плотники строили деревянные хоромы знати. Они же, по-видимому, сооружали деревянный каркас «дерево-глинобитных» массовых жилищ горожан.

Ремесло, связанное с обработкой дерева, не ограничивалось строительным делом. Из дерева делали ладьи, телеги, стенобитные орудия, домашнюю мебель, посуду и различную утварь: бочки, кадки, корыта, чаши, уполовники, ковши, ложки и многие другие вещи.[5] В отличие от севернорусских городов — Новгорода, Ладоги, Белозерска, — где благодаря особым физико-химическим условиям почвы древние деревянные изделия отлично сохраняются, в Киеве и дру-

---

[1] Жития муч. Бориса и Глеба. Памятники древнерусской литературы. Изд. ОРЯС АН, вып. 2, Пгр., 1916, стр. 18.

[2] Там же. См. также: М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI в. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. СА, XVI, 1952, стр. 77—81.

[3] Жития муч. Бориса и Глеба, стр. 55.

[4] Там же.

[5] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 407.

гих южнорусских городах деревянные вещи в раскопках встречаются крайне редко. Только по этой причине из огромного ассортимента деревянных изделий, известных по материалам Новгорода и Ладоги, в Киеве представлены лишь очень немногие вещи.

Раскопками последних десятилетий удалось найти остатки деревянных сундучков и шкатулок, скрепленных железными угольниками, ведер и кадушек в железных обручах (рис. 133), лопат с железной оковкой, различной посуды, в том числе обломки двух резных, орнаментированных блюд и ложку (рис. 133).

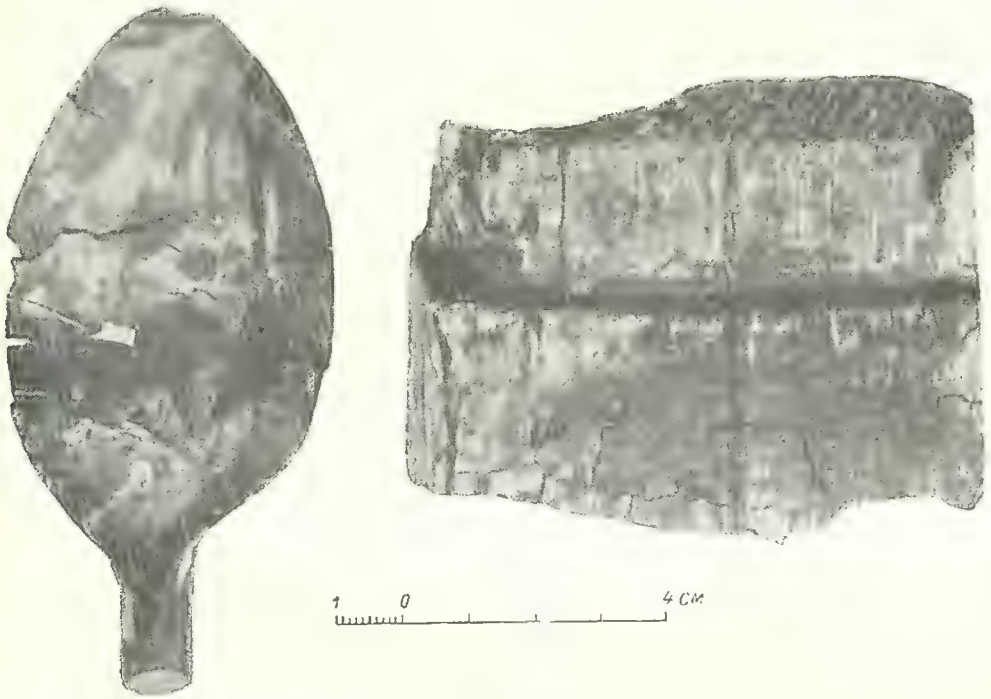


Рис 133. Деревянные изделия из «жилища художника». Раскопки 1938 г.

В «жилище художника» сохранились нижние части четырех ножек, врытых в землю, от стола. В этом же жилище был обнаружен почти полный набор железных инструментов по обработке дерева: топор, сверло, скобель, резец (ложкарь), кирка (рис. 134). Из других инструментов по обработке дерева нередки находки тесла, втульчатого и простого долота. Пила, употреблявшаяся в древней Руси только для мелких работ, среди киевских находок неизвестна.

Несомненным свидетельством о применении киевскими столярами токарного станка являются обломки двух деревянных блюд, выточенных на станке, найденные в тайнике под развалинами Десятинной церкви (табл. XCI, XCII). Не следует думать, что киевская находка является исключительной. Деревянные изделия, выточенные на токарном станке, найдены на Райковецком горо-

дище, представлявшем в XIII в. небольшой пограничный городок Киевской земли.

Как предполагает Б. А. Рыбаков, ремесло по обработке дерева в русских городах XI—XIII вв. уже распадалось на ряд узких специальностей. В городах существовали огородники (строители крупных зданий), «древоделн» (плотники), тесли (столяры), они же могли выступать то как токари, то как бондари или бочкари.[1]

Весьма широкое распространение в Киеве имело ремесло костерезов. По свидетельству письма митрополита Дристры (XII в.), резьба по кости в то время считалась «искусством руссов».[2] Технические приемы обработки кости во многих отношениях близки к технике изготовления мелких деревянных изделий. Костяные изделия, широко бытовавшие в Киеве, очень разнообразны и многочисленны. Наиболее распространенными являются гребни, уховертки, шпильки, рукояти ножей, пуговицы, стрелы (табл. XCIII). Более редкими находками являются игральные кости, шахматы, шашки обкладки луков и седел.

Изучение костяных изделий приводит к выводу о применении в костерезных мастерских целого набора различных инструментов: ножа, резца, сверла, пилы, напильника.[3] Несомненно, что костерезы, как и столяры, пользовались токарным станком. Только на токарном станке могли быть изготовлены круглые шашки и некоторые другие изделия.

В разных районах древнего Киева раскопками удалось обнаружить мастерские по обработке кости. Остатки двух мастерских, в которых выделывались различные предметы из кости и рога — рукоятки и ручки к мечам и ножам, гребешки, пуговки, уховертки, шпильки, всевозможные игрушки и другие костяные и роговые изделия, были открыты раскопками В. В. Хвойки в усадьбе Петровского.[4] Собранный в этих мастерских материал позволяет восстановить весь процесс производства. На ряде изделий, по словам исследователя, были видны «последовательные фазисы обработки кости и рога, например, можно проследить постепенную обработку пуговок и застежек, начиная от первичной стадии и кончая полной отделкой».[5]

Остатки костерезного производства — несколько сот опиленных и частично обработанных костей животных, а также готовые изделия из кости — пуговицы, проколки, стрелы (табл. XCIV) — были обнаружены в сильно разрушенном полуземляночном жилище раскопками 1936 г. в юго-западной части усадьбы Художественной школы (бывш. усадьба Петровского).[6]

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 413.

[2] Н. П. Кондаков. Русские клады, стр. 80, прим. 1.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 416.

[4] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 71.

[5] Там же, стр. 72.

[6] Отчет о работах Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг., стр. 25—26. Архив ИА АН УССР, см. также главу VII — «Жилища горожан XI—XII вв.» (стр. 297—298 настоящего исследования).

Весьма значительная коллекция разнообразных костяных изделий и заготовок для них, происходящих из раскопок ряда лет на горе Киселевке, хранится в Киевском историческом музее.[1] Свыше двухсот костяных изделий и заготовок поступили в музей в 1897 г. из раскопок В. В. Хвойки, по-видимому, открывшего на Киселевке не только ювелирную (см. выше), но и костерезную мастерскую.

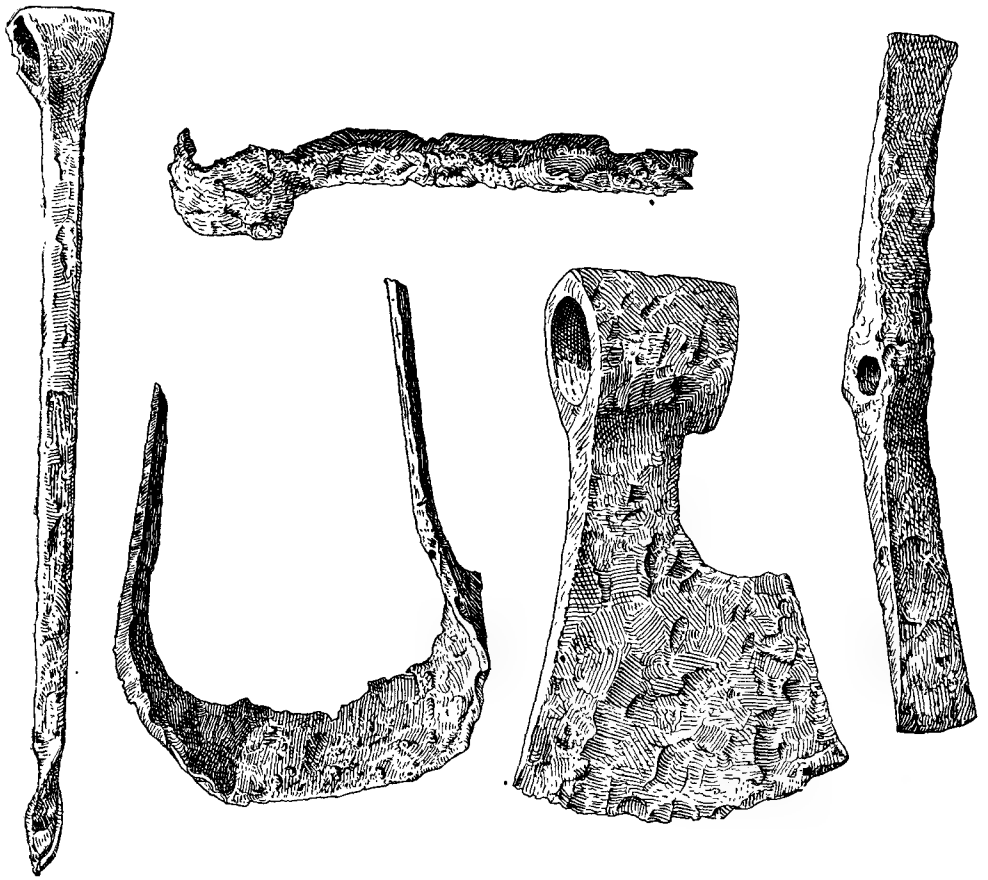


Рис. 134. Набор инструментов по обработке дерева из «жилища художника». Раскопки 1938 г.

Раскопками 1928—1929 гг. на Киселевке была открыта еще одна мастерская, из которой в музей поступило 280 различных костяных изделий.[2]

Не последнее место среди других киевских ремесленников занимали мастера по обработке камня. Ремесло это уже в XI—XII вв. несомненно членилось на ряд самостоятельных специальностей. Огромный размах строительного дела вызвал к жизни специальность каменотесов, занятых заготовкой строительных

[1] А. М. Шовкоплияс. Некоторые данные о костерезном ремесле в древнем Киеве. КСИА, вып. 3, Киев, 1954, стр. 27.

[2] Там же, стр. 27; см. также: ХАМ, ч. I, Киев, 1930, стр. 58.

материалов (овручского кварцита, каневского песчаника, известняка). Со строительным делом была тесно связана и специальность резчиков по камню, изготовлявших барельефные, резанные из шифера парапеты, а также капители, карнизы, наличники дверей, резные плиты пола, инкрустированные мозаичными наборами, и другие архитектурные детали для киевских храмов и дворцов.

В развалинах древних киевских построек, открытых раскопками, обнаружено огромное количество обломков резного камня, свидетельствующих о высоком мастерстве киевских резчиков-монументалистов. Особое внимание среди них привлекают два монументальных барельефа, найденные при раскопках в Дмитриевском-Изяславле монастыре, с изображением парных конных фигур, среди которых некоторые исследователи усматривают портретные изображения князей Ярослава и Изяслава. Большой интерес представляют также шиферные плиты с барельефными изображениями Геракла и Кибелы, сохранившиеся в Печерском монастыре, и фрагменты рельефов из руин храма XI в., открытого раскопками на углу Владимирской и Ирининской улиц.

Раскопками В. В. Хвойки в усадьбе Петровского были открыты остатки мастерской, которая, по словам исследователя, «служила для выделки всевозможных изделий из камня — здесь выделывались мраморные и шиферные, гранитные и изготовленные из других пород камня карнизы, плиты и т. д., иногда украшенные орнаментом».[1] Сравнивая породы камня, употребленного в постройке храма, и характер обработки его с теми законченными или же только начатыми обработкой камнями, которые были обнаружены в мастерской, В. В. Хвойка приходил к выводу о том, что мастерская эта была связана со строительством Десятинной церкви и что в ней изготовлялись преимущественно украшения для этого храма.[2]

Вывод этот едва ли соответствует действительности. От мастерской, функционировавшей в период строительства храма, едва ли столь значительные остатки могли сохраниться до 1240 г., когда княжеский двор и все мастерские на нем были разорены татаро-монголами. Полагаем, что описанная мастерская была разрушена вместе с другими в 1240 г.

По-видимому, уже в XI в. в самостоятельную группу выделились мастера, изготовлявшие многочисленные шиферные саркофаги для погребений киевской знати. Среди них наряду с гладкостенными известны и саркофаги, сплошь покрытые барельефной резьбой (табл. XCV), аналогичной резьбе на архитектурных деталях.

Особой отраслью каменосечного дела было изготовление ручных мукомольных жерновов, встречающихся почти в каждом киевском жилище (рис. 135). По наблюдению Б. А. Рыбакова, не все изделия этого рода являлись в действительности мукомольными жерновами: некоторые из них служили, по-видимому, в качестве циркульных точил.[3]

[1] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 69—70.

[2] Там же, стр. 70.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 420.

Наряду с перечисленными выше специальностями камнерезного дела широкое распространение имели различные специальности по изготовлению мелких каменных изделий: бус, крестиков, иконок, литейных формочек и др.

Раскопками в Киеве были обнаружены две мастерские, в которых производились бусы. В упомянутой уже не раз «мастерской художника», раскопанной в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря, среди прочих вещей было найдено около 650 г янтаря, который представлял в большей части необработанные крупные куски. Среди них было свыше 50 полуобработанных заготовок для

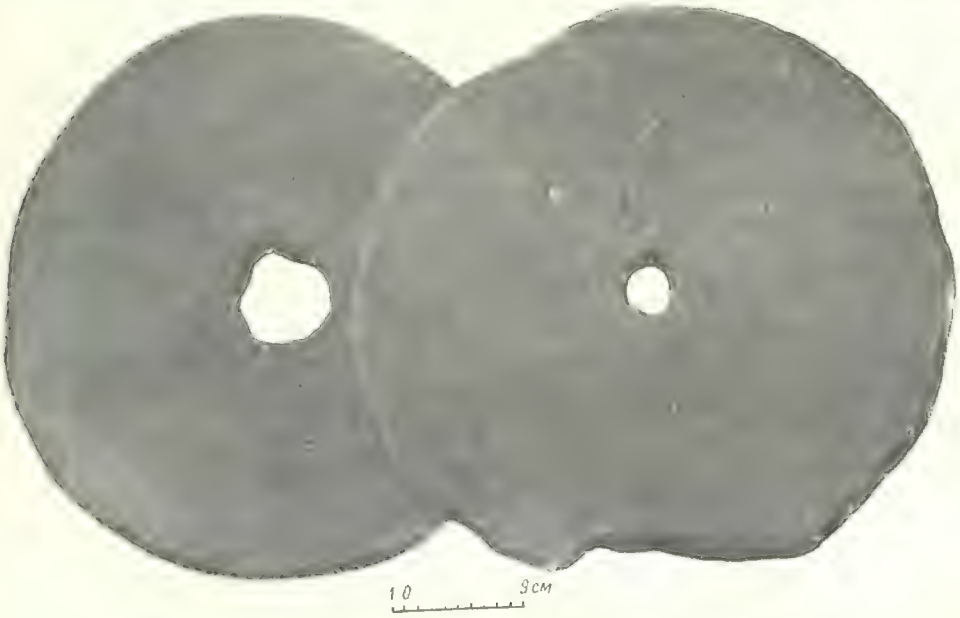


Рис. 135. Каменные жернова из жилища. Усадьба Михайловского Златоверхого монастыря. Раскопки 1949 г.

бус и несколько заготовок для крестиков-тельников (рис. 136). В этой же куче янтаря обнаружено несколько готовых бусин и небольшое количество бусин и крестиков, испорченных, очевидно, в процессе обработки.[1]

Находки янтарных изделий в киевских жилищах и в погребальных комплексах нередки. По количеству материала и полуфабрикатов киевская мастерская значительно превосходит мастерскую янтарных изделий, открытую в Старой Рязани раскопками В. А. Городцова.[2]

Неподалеку от «жилища художника» раскопками 1949 г. была открыта еще одна землянка, на ступенях лестницы и на полу которой было найдено 1339 бус различного размера и формы; из них 1274 из горного хрусталя и 65 из сердо-

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 33.
[2] А. А. Мансуров. Древнерусские жилища, стр. 86.

лика (табл. XCVI).[1] Среди находок в этой землянке нет заготовок, не найдено здесь и запасов сырья, как это было в «жилище художника», что не позволяет с уверенностью признать ее «мастерской» по изготовлению бус. Однако обращает на себя внимание, что некоторые бусины, сверлившиеся с двух концов, не просверлены насквозь, следовательно не доделаны и к употреблению еще не годны. Некоторые бусины расколоты пополам. В землянке найдено много брусков для точки или шлифовки.[2]

В коллекциях Киевского исторического музея хранится несколько миниатюрных каменных иконок, резанных из сланца или шифера. Бóльшая их часть, по-видимому, с Княжой горы и лишь отдельные — из Киева.[3] Несколько резных каменных иконок найдено при раскопках на территории усадьбы Десятинной церкви. Все эти любопытные памятники свидетельствуют о существовании в Киеве, а вероятно, и в других городах Киевской земли мастеров-камнерезов, специализировавшихся на мелкой пластике. Южнорусские иконки сильно отличаются от многочисленных каменных иконок большей утонченностью формы.

Выше, при рассмотрении вопроса о каменных литейных формочках, уже была речь о том, что изготовление их, по-видимому, не входило в компетенцию мастеров-литейщиков. Утонченная, порой виртуозно выполненная резьба многих формочек заставляет предположить, что изготовлением их стали заниматься камнерезы, специализировавшиеся на мелкой пластике.

7. ОБРАБОТКА КОЖИ, ТКАЦКОЕ И ПОРТНЯЖНОЕ ДЕЛО

Многие разновидности киевского ремесла засвидетельствованы лишь отдельными находками готовой продукции или случайными репликами письменных источников. К их числу относятся ремесло кожевников, ткачей и портняжное дело, в широком развитии которых трудно сомневаться.

В Киеве поныне существует урочище «Кожемяки» — по-видимому, один из районов, в древности густо заселенных кожевниками. Городские мастера кожевенного дела изготовляли обувь, оружейные ремни, пояса, кожаную сбрую, седла, колчаны, щиты, сумки, рукавицы, книжные переплеты и, наконец, пергамен, служивший в древности единственным материалом для «книжного строения».[4] Все эти предметы нередко попадаются в развалинах городских жилищ,

---

[1] М. К. Каргер. Новые данные к истории древнерусского жилища, стр. 11.

[2] Там же. В. Л. Янин, сопоставляя находку 1339 бус с находками в том же жилище четырех свинцовых гирек, бронзовой чашечки от весов, шестиугольного слитка и медной византийской монеты, высказывал предположение, что хранившиеся в амфоре бусы являлись накоплением «товаро-денег». Такую же роль «товаро-денег» названный автор придает шиферным пряслицам и стеклянным браслетам (В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 188—189).

[3] Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. XXXVII; вып. VI, Киев, 1907, табл. XXXVIII.

[4] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 400.

Рис. 136. Остатки производства янтарных изделий в «жилище художника» Раскопки 1938 г

а еще чаще в погребальном инвентаре. Многообразие ассортимента кожаных изделий вызвало несомненно большую дифференциацию ремесленников, занятых их изготовлением.

Наряду с готовыми изделиями кожевенное ремесло представлено и отдельными находками инструментов — в первую очередь шильев и «усморезного ножа». В монастырском уставе, принятом в Киеве в XI в., упомянуты именно эти инструменты: «О усмошьвци: аще небрежением переломит шило, или ине что, им же усние режуть, да поклониться 30 и 50 или 100».[1]

О киевских ткачах мы не знаем почти ничего, кроме сравнительно редких находок небольших обрывков различных тканей. Среди них наряду с богатыми заморскими шелковыми и парчовыми тканями византийского и восточного происхождения немало льняных и шерстяных тканей несомненно местного производства.

Большая коллекция тканей, найденных при раскопках тайника под развалинами Десятинной церкви, к сожалению, до сих пор не привлекла внимания специалистов. Так как основные части ткацких станков были деревянными, рассчитывать на находку их в Киеве не приходится.

Среди простых тканей местного производства, обрывки которых находят археологи, разумеется, далеко не все изготовлялись в городе. Домотканное полотно на княжеский и боярские дворы в большом количестве поступало из деревенских вотчин в порядке феодальной повинности. О деревенском производстве тканей в эту пору мы знаем так же мало, как и о городском.

Единственным письменным источником, свидетельствующим о ремесле «швецов» (портных) в Киеве, является рассказ Печерского патерика, повествующий о черноризце, «иже бе своима рукома работаа стяжал имениа мало, бе бо порьтный швець».[2]

Из археологических материалов о ремесле «швецов» могут свидетельствовать нередкие находки железных осевых ножниц. Однако этот инструмент, разумеется, отнюдь не обязательно говорит о ремесле, ибо им пользовались, конечно, и в домашнем рукоделии.

Многочисленные находки шиферных пряслиц, применявшихся для прядения льна и шерсти, судя по находкам их не только почти в каждом жилище, но иногда и в составе кладов драгоценных ювелирных изделий, говорят также скорее о домашнем «рукоделии», чем о ремесле.

Выделение городских ремесленников-ткачей, обособившихся от княжеского или боярского двора, по мнению Б. А. Рыбакова, началось с обработки шерсти, тогда как льняные ткани долгое время в основном поставлялись из деревенских вотчин.[3]

---

[1] Цит. по: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 402.

[2] Д. И. Абрамович. Киево-Печерский патерик. Киев, 1930, стр. 56.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 405.

8. «КНИЖНОЕ СТРОЕНИЕ» И ИКОНОПИСЬ

Наиболее наглядно высокую духовную культуру Киевской Руси отражает ремесло «книжного строения».

К сожалению, в древнерусском рукописном наследии, сохранившемся до нашего времени, книги киевского происхождения представлены значительно хуже, чем новгородская письменность. Объяснение этого факта отнюдь не в пренебрежении киевского общества к книжной премудрости; бо́льшая часть киевских книг погибла в бурях татаро-монгольского разгрома.

Уже в середине XI в. дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира было создано в Киеве знаменитое Остромирово евангелие – выдаю-

Рис. 137. Горшочки с красками из «жилища художника». Раскопки 1938 г.

щийся памятник древнерусской книжной графики и миниатюры. Двадцатью годами позже, в 1073 и 1076 гг., для киевского князя были написаны знаменитые Изборники, один из которых украшен выходной миниатюрой, представляющей коллективный портрет княжеской семьи.

Переписной, украшением и переплетом пергаменных книг в Киеве и в других крупнейших городах в XI—XIII вв. занимались не только церковники. Среди известных по книжным записям и послесловиям имен киевских книжных писцов наряду с духовными лицами уже с конца XI в. выступают и светские писцы-ремесленники (Моисей Киянин и др.).

В сложном деле «книжного строения» участвовали мастера различных специальностей. Наряду с писцами, выполнявшими основную работу, художники и «златописцы» украшали книгу заставками, концовками и миниатюрами, а также вписывали сложные орнаментальные, а иногда и изобразительные инициалы. О работе переплетчиков была уже речь в связи с мастерством «златокузнецов».

О ремесленниках-живописцах, создавших замечательные монументальные циклы фресковых росписей и мозаик, сохранившихся на стенах киевских храмов, и поражающие нас своим изумительным мастерством станковые иконы, большая часть которых бесследно пропала в бурях монгольского разгрома Киева, мы знаем значительно меньше, чем о «златокузнецах», литейщиках, гончарах и костерезах. Тем больший интерес представляет раскопанное в 1938 г. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря жилище-мастерская, за которым прочно установилось название, данное ему во время раскопок — «жилище-мастерская киевского художника XIII в.».

На полу этой исключительной по составу находок полуземлянки, кроме разнообразного бытового инвентаря, был обнаружен описанный выше комплект инструментов по обработке дерева. Однако было бы ошибкой считать владельца этого жилища-мастерской простым плотником. В углу на полу жилища лежали четырнадцать маленьких глиняных горшочков, внутри которых сохранились остатки различных минеральных красок. Вместе с горшочками лежала одна раковина unio, на стенках которой также были следы краски. Горшочки имеют различную форму: одни передают в миниатюре форму больших глиняных горшков, другие сделаны по образцу неглубоких плошек, два из них имеют ручки разной формы (рис. 137).[1] Находка эта совершенно исключительна, — ничего подобного среди остатков ремесленных производств древней Руси до сих пор не было известно. Некоторое представление о процессе труда древнерусских художников давали лишь изображения художников-иконописцев за работой на миниатюрах XVI—XVII вв., но не говоря уже о большой условности этих изображений, все они относятся к значительно более позднему времени.

Горшочки с красками, найденные наряду с инструментами по обработке дерева, позволяют, казалось бы, прийти к выводу о том, что здесь жил и работал мастер-иконописец. Однако находка в этой же мастерской остатков производства янтарных бус (см. выше, стр. 473) позволяет думать, что в мастерской занимались художественным ремеслом по меньшей мере в двух его разновидностях.

В той же мастерской были найдены некоторые предметы, появление которых здесь мы затрудняемся понять. В мастерской находились бронзовая лампада, серебряная лунница от конской сбруи с рельефным изображением двух птиц (табл. XCVII, *1*) и еще один предмет, применение которого осталось невыясненным, но связь его с каким-то производственным процессом казалась бесспорной. Это небольшой медный сосуд с металлической ручкой в виде стержня, на который была насажена деревянная рукоять (табл. XCVII, *2*). Особенностью этого сосуда является своеобразная приклепка дна с помощью загнутых, переплетенных между собой краев днищ и стенок. Сосуд сделан из тонкой листовой меди и употреблялся, по-видимому, для подогревания (но не плавки) какого-то материала.

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 30—31.

Серебряную подвеску-лунницу и бронзовую лампаду церковного типа невозможно связать с личными потребностями владельца жилища-мастерской. Находились ли эти предметы в починке у мастера, или же они должны были пройти здесь какую-то дополнительную обработку, ответить на этот вопрос едва ли возможно.

9. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕМЕСЛА

Характеристики многочисленных разновидностей киевского ремесла, изложенные в предыдущих разделах главы, свидетельствуют о высоком уровне киевского ремесла, уже к началу XI в. освоившего ряд сложнейших в техническом отношении производств. Характерной чертой киевского ремесла является непрерывный рост его технической зрелости, усовершенствование старых технических приемов, разработка и освоение новых. Мы убедились, что некоторые разновидности техники, такие, например, как литье в «имитационных» формочках, были введены в практику буквально накануне монгольского нашествия.

Однако изучение ремесла как важнейшего социального фактора в истории древнерусского города отнюдь не может быть ограничено вопросами истории ремесленной техники.

Изучение социальной стороны ремесленного производства не могло не привлекать наше внимание уже при характеристике отдельных разновидностей ремесленной техники. Однако эти вопросы необходимо углубить и обобщить. Социальная организация ремесла в древнерусском городе, роль различных форм ремесленного производства в общей экономике феодального общества, значение ремесла в формировании феодального города — все эти вопросы являются важнейшими проблемами истории древнерусского города вообще и истории Киева — крупнейшего города древней Руси — в частности. Само отделение города от деревни и возникновение противоположности их интересов было итогом «отделения промышленного и торгового труда от труда земледельческого».[1] «Город в смысле сосредоточения ремесла и торговли, — писал Б. Д. Греков, имея в виду древнерусские города, какого бы происхождения он не был — возникал ли он из „града“ — замка, вотчины, крестьянского поселения или крепости — всегда есть результат общественного разделения труда и является поселением с преобладающим населением ремесленного и торгового характера».[2]

Отделение города от деревни представляет длительный и сложный процесс. К. Маркс считал, что в Германии он происходил в IX—XII вв.[3]

Изучение социальной основы городского ремесленного производства вызывает необходимость исследовать вопрос о связях городских ремесленников

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, М., 1933, стр. 12.

[2] Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 96.

[3] К. Маркс. Письмо к П. В. Анненкову 28 XII 1846. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произведения, т. II, М., 1948, стр. 425.

с потребителями их продукции, т. е. коснуться вопроса о формах сбыта ремесленной продукции. Изучение проблемы сбыта требует в первую очередь расчленения ремесленников древнерусского города на две, хотя и не вполне разобщенные, но все же резко отличные по своей социальной природе группы. Мы имеем в виду, с одной стороны, вотчинных ремесленников, входивших в состав княжеских, боярских или монастырских феодальных вотчин, и свободных городских ремесленников, составлявших основное население посада древнерусского города.

Археологические исследования древнего Киева, наиболее широко развернувшиеся на территории, которая с конца X и вплоть до середины XIII в. была занята главным княжеским двором, с середины XII в. именовавшимся «Большим» или «Ярославовым», а также «Мстиславовым двором», и княжескими монастырями, позволили изучить вопросы вотчинного ремесла более полно и разносторонне, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Наоборот, в изучении ремесленников городского посада, территория которого стала привлекать внимание археологов лишь в последние годы, сделаны лишь первые шаги.

На территории, либо непосредственно входившей в границы княжого двора, либо в ближайшем окружении последнего раскопками В. В. Хвойки в 1907—1908 гг., Института археологии АН УССР в 1936—1937 гг. и Киевской экспедиции АН СССР и АН УССР в 1938—1939, 1948—1949 гг. было открыто несколько мастерских, подробно описанных выше. Это были мастерская по обработке строительного камня, мастерская, изготовлявшая поливные плитки, мастерская по изготовлению перегородчатых эмалей и стеклянных браслетов, ювелирная, литейная и костерезная мастерские.

Не только местоположение всех этих мастерских в непосредственном соседстве с каменными княжескими дворцами, но и характерные черты значительной части продукции этих мастерских, связанной с обслуживанием княжеско-боярской верхушки киевского общества, свидетельствуют о дворцовом, вотчинном характере перечисленных выше мастерских. Едва ли можно сомневаться в том, что именно в этих мастерских или им подобных изготовлялись золотые с перегородчатой эмалью или серебряные, украшенные чернью, зернью и филигранью изысканные изделия, сохранившиеся в составе многочисленных киевских кладов, поражающие нас и поныне своим изумительным мастерством.

Но мастера, работавшие на княжом дворе, как показано выше, изготовляли не только драгоценную «кузнь» княжеско-боярского убора. Княжеские мастерские обслуживали разнообразные потребности княжого двора, изготовляя и простую глиняную посуду (напомним о горшках с княжескими знаками на донце), и все виды строительных материалов (напомним о кирпичах и поливных плитках с такими же знаками и мастерскую камнерезов, открытую раскопками В. В. Хвойки), и многое другое.

Выше приводился текст одной из статей Пространной Русской Правды, говорящей о ремесленниках в составе хозяйства княжого двора. Княжеское законодательство приравнивало штраф за убийство ремесленников княжого двора

к штрафу за убийство таких представителей княжеской администрации, как сельский или ратайный тиун, что несомненно свидетельствует о большой ценности ремесленника в системе вотчинного хозяйства.

Приведенные выше археологические материалы, позволившие до некоторой степени реконструировать техническую сторону различных видов ремесла, разумеется, недостаточны для того, чтобы восстановить с желательной полнотой социально-экономический характер вотчинного ремесла на княжом дворе.

Нет никаких оснований согласиться с мнением А. С. Гущина, полагавшего, что мастерские на киевском княжом дворе были основаны на рабском труде: «Зная о наличии и характере рабовладения в Киевской Руси, — писал названный исследователь, — можем заключить, что и труд работавших в них был трудом подневольным, для раннего же периода вероятнее всего — трудом рабским».[1]

«Такими иноземными рабами, — развивал А. С. Гущин свою гипотезу, — были, возможно, вывезенные пленниками из походов на юго-восток первые мастера цветных поливных плиток, рабами или полусвободными могли быть и отдававшиеся им в помощь и выучку местные жители».[2] Первыми руководителями этих мастерских и учителями первых русских мастеров А. С. Гущин считал греков: «В этих мастерских, — писал он, — работали, возможно, и лично свободные иноземные мастера, например греки, знавшие и обучившие местных мастеров технике перегородчатых эмалей на золотых изделиях, так широко распространенной, как местное уже производство, в XI и XII вв., но и они могли быть также рабами из военнопленных, подобно тем рабыням-гречанкам, каких знают наши письменные источники».[3]

Труд ремесленников княжого двора, как и вотчинных ремесленников вообще, был действительно «трудом подневольным», но подневольность эта выражалась в интересующую нас эпоху в формах феодальной зависимости, а отнюдь не в форме рабства. Гипотеза А. С. Гущина о вывезенных из походов на юго-восток «рабах-пленниках» и о греческих учителях из рабов-военнопленных, обучивших первых русских ремесленников, не может быть подтверждена какими-либо доказательствами.

Археологические материалы позволяют выяснить ряд особенностей организации ремесла на княжом дворе. Необходимо прежде всего подчеркнуть, что мастера, работавшие на княжом дворе, отнюдь не ограничивали свою деятельность удовлетворением потребностей только самого княжеского хозяйства. При описании остатков ювелирной мастерской на княжом дворе отмечалось, что наряду с изготовлением изысканных золотых изделий с перегородчатой эмалью в той же мастерской изготовлялись обыкновенные стеклянные браслеты, которые несомненно шли на широкий городской рынок.

---

[1] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла. . ., стр. 25.

[2] Там же.

[3] Там же.

Княжеские ювелиры наряду с изготовлением по индивидуальному заказу сложнейших серебряных и золотых изделий одновременно выбрасывали на широкий городской рынок свинцовые и оловянные отливки этих же изделий, изготовлявшиеся с помощью новой техники литья в каменных «имитационных» формочках.

В мастерских на княжом дворе, по-видимому, изготовляли на городской рынок также простые медные литые кресты, украшенные одноцветной выемчатой эмалью. Более того, при описании клейм на массовой гончарной посуде мы отмечали немалое количество простых глиняных сосудов разных типов, найденных весьма далеко от территории княжого двора и тем не менее имевших на донцах клеймо в виде княжеского знака, что свидетельствует об изготовлении их в княжеских мастерских.

Все эти факты говорят, по образному выражению Б. А. Рыбакова, о том, что «стены древнего Владимирова города, внутри которых располагались дома княжеских ремесленников, не препятствовали им совмещать работу по заказу своего господина с работой на рынок».[1]

Связь между мастерскими княжого двора и городскими ремесленниками, по мнению названного исследователя, выражалась также и в том, что «ремесленники городского посада стремились подражать княжеским мастерам и при помощи упрощенных технических приемов воспроизводить тонкости их ювелирного искусства для широких слоев городского населения».[2] Эту мысль можно принять лишь с той поправкой, о которой была речь при описании техники литья в «имитационных» формочках. Воспроизведением изысканных ювелирных изделий при помощи упрощенных технических приемов занимались не только ремесленники городского посада, но в первую очередь и сами княжеские мастерские, применявшие с середины XII в. обе эти техники. В этом отношении не они «подражали посадским ремесленникам Флоровой горы», как утверждает Б. А. Рыбаков, а ремесленники Флоровой горы подхватили новую технику, примененную на княжом дворе с целью овладеть широким городским рынком.

Весьма важно выяснить время, когда княжеские мастерские наряду с удовлетворением потребностей самого княжеского двора перешли к работе на рынок. Известные нам факты говорят в основном о периоде, непосредственно предшествующем татаро-монгольскому нашествию. К этой именно поре, как показано выше, относятся все мастерские, расположенные в усадьбе Петровского.

Изготовление стеклянных браслетов на княжом дворе, которое Б. А. Рыбаков отнес к XI в.,[3] в действительности оказывается бесспорно зарегистрированным лишь для середины XIII в. К этой же поре должно быть отнесено, как это установлено выше, и широкое внедрение техники отливки свинцовых и оловянных изделий в «имитационных» формочках.

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 497.
[2] Там же, стр. 498.
[3] Там же.

Известные доныне клейма в виде княжеских знаков на глиняной посуде, найденной за пределами княжого двора, по характеру знаков могут быть отнесены как к XII в., так отчасти и к более раннему времени. Если это наблюдение удалось бы подтвердить новыми находками, можно было бы прийти к заключению о том, что продукция керамических мастерских княжого двора раньше, чем продукция других мастерских, вышла на городской рынок.

Б. А. Рыбаков пытался поставить еще один очень важный вопрос, для решения которого мы, к сожалению, не располагаем какими-либо данными. «По отношению к стеклянным браслетам, производство которых с самого начала носило массовый характер, — по мысли Б. А. Рыбакова, — может быть, следует поставить вопрос не о самостоятельной работе стеклодела на рынок, а об особой организации княжеского хозяйства, использовавшего своих дворовых мастеров для производства ходкого товара, собственником которого мог быть сам владелец двора».[1]

Едва ли производство стеклянных браслетов в отношении сбыта представляло какое-то исключение. Метя свою посуду княжеским знаком, т. е. тем самым подчеркивая несамостоятельный характер своего производства, гончар с княжого двора едва ли мог распоряжаться своей продукцией как ее собственник.

То же самое следует сказать и об отливках в «имитационных» формочках. На широкий городской рынок во всех случаях выходил со своей продукцией не ремесленник, являвшийся человеком социально зависимым, а само феодальное хозяйство. Вывод этот, разумеется, следует рассматривать лишь как предварительную гипотезу, нуждающуюся в подкреплении новыми фактами.

Вотчинное ремесло в Киеве, как и в других городских центрах, выступает не только как ремесло, развивавшееся на княжом дворе. От вотчинного ремесла княжого двора ремесло крупных боярских или монастырских вотчин отличалось, по-видимому, лишь в количественном отношении.

О дворах киевских бояр, представлявших порой весьма крупные хозяйственные организмы, мы знаем преимущественно по летописным сказаниям, нередко упоминающим о дворах киевской знати в связи с различными событиями политической истории. Письменные источники, с исчерпывающей полнотой собранные и проанализированные в одной из предыдущих глав, не дают почти ничего для характеристики хозяйственной жизни этих дворов.

Несколько интереснейших мастерских на территории Михайловского Златоверхого монастыря, раскопанных в 1938, 1948 и 1949 гг., могут служить прекрасным материалом для характеристики вотчинного монастырского ремесла, ибо можно с уверенностью связать эти мастерские с хозяйственной жизнью Михайловского монастыря Изяславичей.

О хозяйственной жизни митрополичьего двора до недавнего времени не было известно ничего. Открытая в 1946 г. внутри каменных стен митрополичьего двора

[1] Там же.

кирпичеобжигательная печь не столько характеризует нормальную хозяйственную деятельность митрополичьего двора, сколько один из важных этапов строительной истории храма Софии.

Трудно сказать, к составу какого хозяйства принадлежала открытая в 1948 г. за стеной митрополичьего двора керамическая печь. По-видимому, она находилась на территории монастыря Георгия — фамильного монастыря Ярослава Мудрого.

О вотчинном ремесле крупнейшего монастыря свидетельствуют не только ряд сказаний Печерского патерика, но и открытые в 1950 г. у монастырской стены развалины стекловарных горнов, описанные выше.

Материалы для характеристики свободного городского ремесла в Киеве весьма неполны и отрывочны. Раскопки в тех районах древнего города, которые в основном были заселены посадскими ремесленниками, крайне затруднены условиями жизни современного города. Раскопки Института археологии на Подоле (1950 г.), кроме того, показали, что по сохранности древних слоев этот район значительно уступает Верхнему городу.

Важнейшей проблемой истории городского ремесла является вопрос о сбыте продукции. Сколь широкий рынок обслуживало городское ремесленное производство, каков был характер связей городских мастеров с потребителями их продукции — на эти вопросы археологи могут дать ответ, изучив районы распространения различных видов продукции городского ремесла. Весьма интересные попытки в этом отношении были сделаны Б. А. Рыбаковым, разработавшим особую методику, основы которой сводились к тому, «чтобы во всей массе продукции русских ремесленников X—XIII вв., сохраненной нам в городищах, курганах, кладах и монастырских ризницах, уловить вещи, изготовленные одним мастером или в одной мастерской».[1] Результаты этих тщательных наблюдений, требовавших нередко десятков тысяч сопоставлений, наносились автором на карту, которая затем подвергалась историко-географическому пересмотру, чтобы исключить из нее элемент случайности, относящийся к явлениям не экономического порядка.[2]

Применение этой методики к массовому материалу деревенских курганных древностей позволило автору установить ряд бесспорных положений для характеристики деревенского ремесла древней Руси. Однако пользование этой методикой в отношении продукции городских мастеров в силу ряда особенностей этого вида археологических материалов и прежде всего ввиду отсутствия устойчивого статистического фундамента для наблюдений связано с большими трудностями и не всегда обеспечивает те выводы, которые удавалось сделать в отношении деревенского ремесла.

Наиболее массовой продукцией городского ремесла несомненно была глиняная посуда. Об этом свидетельствует не только огромное количество остатков

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 435.

[2] Там же.

ее, находимых во всех районах древнего Киева, но и отмеченная выше стандартность форм разных типов посуды.

Важнейшим материалом для установления количества мастерских, изготовлявших эту посуду, для выяснения производственных возможностей этих мастерских и, наконец, для изучения района сбыта продукции этих мастерских являются многочисленные клейма гончаров. Однако при характеристике этого материала уже отмечалось, что среди почти двух сотен зарегистрированных на киевской керамике клейм не обнаружено и двух, вполне совпадающих, т. е. клейм одного мастера (или мастерской). Даже учитывая неполноту и случайность находок, все же приходится сделать заключение о том, что при огромном количестве керамических мастерских продукция каждой из них была, по-видимому, незначительна.

Стандартность ряда типов глиняной посуды, найденной не только в Киеве, но и на многих городищах Киевской земли (Вышгород, Белгород, Сахновка, Княжа гора, Райки), отнюдь не свидетельствует, разумеется, в пользу киевского (городского) производства этой посуды. Причина этой стандартности лежит в том, что гончары названных городов Киевской земли выпускали точно такую же посуду, как и их столичные собратья по ремеслу. Тем самым задача выяснения района распространения продукции киевских гончаров становится весьма затруднительной.

Киевские гончары выпускали на очень широкий рынок некоторые виды продукции, составлявшие, по-видимому, их производственный секрет: писанки киевского типа, терракотовые статуэтки, может быть, светильники и расписную керамику. Следует оговориться, что гончары отдельных городских центров Среднего Поднепровья, возможно, пытались изготовлять ту же продукцию.

По массовости продукции городским гончарам немного уступали стекловары, изготовлявшие браслеты. До тех пор пока единственным центром их производства признавался Киев, находки стеклянных браслетов служили, казалось бы, убедительным доказательством того, что «от Дрогичина до Мурома и от Ладоги до Белой Вежи и Тмуторокани» простирался огромный «район сбыта» киевской мастерской, что в свою очередь свидетельствовало об огромном «производственном размахе» этой мастерской.[1]

Однако выше приведены факты, заставляющие усомниться в убедительности этой картины. Киевские мастерские стеклянных браслетов, как показывают новые археологические открытия, отнюдь не являлись единственными поставщиками этих изделий во все древнерусские города. Если не только в Новгороде, но и в таком маленьком пограничном городке, как Колодяжин, или в далекой Костроме в XII—XIII вв. были свои мастерские, производившие браслеты, район сбыта киевских мастерских следует, по-видимому, значительно сузить.

Несомненный приоритет киевских мастеров в применении свинцовых или оловянных отливок в «имитационных» формочках позволяет, казалось бы, уста-

[1] Там же, стр. 459—460.

новить район обыта этих мастерских. Однако, как показано выше, при обилии самих формочек находки изделий этого рода пока единичны. К тому же находки их на Княжой горе не обязательно следует связывать с Киевом, ибо само городище на Княжой горе было, по-видимому, крупным ремесленным центром, в частности и по производству различных ювелирных изделий.

Следует учесть также, что отливками в «имитационных» формочках, как выяснено выше, занимались не только ремесленники киевского посада, но и в весьма значительных размерах ювелиры княжого двора.

Б. А. Рыбаков и Г. Ф. Корзухина исследовали вопрос о сбыте массовой продукции киевских литейщиков, выпускавших медные кресты различных типов, змеевики, иконки и т. п. Количество киевских изделий этого вида поистине огромно. Б. А. Рыбаков упоминает о 342 исследованных им энколпионах,[1] различные медные кресты, энколпионы и иконки, исследованные Г. Ф. Корзухиной, исчисляются тысячами. Для некоторых видов этой продукции удалось установить и дату выпуска и, с известной степенью вероятности, мастерскую.[2]

Производством этих изделий занимались ремесленники княжого двора (там найдены каменные литейные формочки некоторых типов крестов),[3] и, судя по находкам формочек для отливки крестов на Флоровой горе и в других районах города, ремесленники городского посада. Весьма вероятно активное участие в производстве этих изделий монастырских ремесленников.

Широкий ареал распространения изделий этого рода объясняется крупнейшей ролью Киева как центра религиозной и церковной жизни страны. Наряду с многочисленными находками их в городских центрах Киевской земли и в других древнерусских городах установлено, что значительная часть изделий (например, крестики с желтой эмалью) шла в деревню, проникая в самые глухие уголки различных русских княжеств.[4]

Широкий сбыт не только на киевском городском рынке имели многие изделия городских кузнецов. Особенно далеко шла слава о трубчатых замках со сложным механизмом, которые изготовляли киевские кузнецы. Изделия эти встречаются не только на любом городище Киевской земли, но и далеко за ее пределами.

Значительный интерес для изучения свободного городского ремесла представляют немногочисленные известия письменных источников о киевских строителях. О деятельности артели «древоделей» XI в., возглавлявшейся «старейшиной», была уже речь выше. В сказании об освящении храма Георгия, зане-

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 454 сл.

[2] Там же.

[3] Б. А. Рыбаков (там же, стр. 455 сл.) ошибочно считает, что одна из этих формочек служила для отливки весьма распространенного типа энколпионов, найденных в ряде хорошо датированных комплексов предмонгольской поры. В действительности эта формочка не имеет никакого отношения к энколпионам этого типа (см. по этому вопросу: Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры. . ., стр. 219, прим. 2).

[4] Б. А. Рыбаков. Там же, стр. 459.

сенном в некоторые списки славяно-русского Пролога, имеется чрезвычайно интересное известие о городских строителях каменных построек. При постройке церкви выяснилось, что «не бе многа делатель у нея», в результате чего постройка шла слишком медленно. Князь Ярослав, призвав тиуна, очевидно ведавшего постройкой, спросил его: «Почто не много у церкве стражющих», на что тиун ответил: «понеже дело властелское боятся люди труд подимше наима лишени будут». Князь приказал «куны возити на телегах в комары Златых врат», а на торгу возвестили, что за работу будут платить по ногате в день, «и бысть множество делающих».[1] Перед нами свободные посадские ремесленники-строители, выполняющие работу по найму.

Дореволюционные исследователи при изучении русских древностей нередко рассматривали изделия бесспорно русского происхождения как предметы импорта, явно недооценивая собственные возможности древнерусского ремесла. Понятно, что в свете этих представлений никому не приходила мысль искать произведения русского ремесла в составе древнерусского экспорта, который обычно рассматривался лишь как вывоз рабов или меда и мехов.

Попытка Б. А. Рыбакова изучить экспорт изделий русских мастеров в IX—XIII вв. воочию показала, что целый ряд изделий киевского ремесла имел достаточно широкий сбыт за пределами Древнерусского государства. В числе этих предметов, оказавшихся далеко за пределами Руси, и изделия из серебра с чернью, известные по находкам в Волжской Болгарии, и русские кольчуги, попадавшие к кочевникам южнорусских степей, и изящные поливные киевские писанки, находки которых на территории Польши и Швеции отмечались выше, и железные замки, называвшиеся в Чехии в XIV в. «русскими замками», и разнообразные киевские ювелирные изделия, обнаруженные западнославянскими учеными среди археологических материалов в Чехии и Польше.[2]

Находки киевских литых крестов и энколпионов в жилых кварталах Херсонеса и Мангупа известны давно, но лишь недавно они получили правильное истолкование.

Экспорт изделий киевского ремесла имел, разумеется, немаловажное значение для дальнейшего развития и укрепления самого ремесла. Вместе с тем замечательные русские изделия, попадавшие в страны Востока, Запада, Севера и Юга, далеко за пределы Руси распространяли славу русских «хитрецов» и «умельцев».

[1] М. А. Максимович. О построении и освящении киевской церкви св. Георгия. «Киевлянин», кн. III, М., 1950, стр. 66—67.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 471 сл.

Глава IX

КИЕВ И МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

> . . . Братья и чада наша в плен ведени быша; села наше лядиною поростоша, и величьство наша смирися; красота наша погыбе; богатство наше онемь в корысть бысть; труд наш погании наследоваша, земля наша иноплеменникомь в достояние бысть. . .
>
> Серапион Владимирский. XIII в.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вопрос о роли монгольского завоевания для последующих исторических судеб Среднего Поднепровья и стольного города разоренной Киевской земли, в частности, был поднят в нашей исторической науке давно и с тех пор неоднократно вновь и вновь дебатировался в русской, украинской и польской историографии. Необходимо подчеркнуть, что проблема эта обсуждалась почти всякий раз в обстановке чрезвычайного политического накала. Вопрос, касающийся, казалось бы, очень отдаленного периода в жизни нашей родины, нередко становился плацдармом острых политических дискуссий и не раз использовался для «обоснования» различных, порой весьма далеко идущих политических концепций.

Более ста лет тому назад, в 1856 г., в очередном томе «Известий Второго отделения Академии наук» М. П. Погодин выступил с знаменитой впоследствии «Запиской о древнем языке русском»,[1] в связи с появлением работ И. И. Срезневского и П. А. Лавровского, посвященных некоторым вопросам истории древнерусского языка. Погодин обратил внимание на то, что язык древнейших памят-

[1] М. П. Погодин. Записка о древнем языке русском. (Письмо к И. И. Срезневскому). ИАН по отд. русск. языка и слов., ч. V, вып. 2, СПб., 1856, стр. 70—92.

ников киевской письменности не обнаруживал, как ему казалось, никаких признаков украинского языка. Язык памятников древнейшей киевской письменности ни в чем не обнаруживал ни малейшего родства с языком украинских документов XVI—XVII вв., решительно отличался он и от того языка, на котором говорили украинцы — современники Погодина. Рассуждения Погодина шли по следующему пути: «Если б Нестор, — писал он, — и продолжатели его, киевские летописатели были малороссияне, то каким бы образом могло случиться, чтоб они не дали нигде приметить своего малороссийского происхождения? Каким бы образом могло случиться, чтоб они не обронили там-сям какого-нибудь малороссийского слова, не употребили малороссийского оборота, не вставили иной поговорки или удержались от междометия?».[1]

Вывод Погодина был сформулирован им весьма решительно: «. . . летописи принадлежат не малороссиянам, а какому-нибудь другому племени. Следовательно, и племя другое жило в Киеве, а не малороссияне».[2]

Считая, что «в летописях господствует великороссийское наречие, а малороссийского нет», Погодин подходил к дальнейшему, основному выводу: «. . .в Киеве жили до татар не малороссияне, а великороссияне».[3]

Если к этим выводам Погодин приходил на основе филологических размышлений, то как историк он подкреплял их соответственной интерпретацией известных ему исторических фактов. Сравнение характера русских князей, характера военного сословия Киевской Руси, облика людей домонгольского Киева, их нравов, обычаев, жилища, одежды, пищи, одним словом, сравнение культуры древнерусской с украинской культурой позднейшего времени окончательно убеждало Погодина в правильности его филологических рассуждений. «Великороссияне, — заключал он, — древнейшие поселенцы, по крайней мере в Киеве и окрестностях. Малороссияне пришли в эту страну после Татар».[4] Передвижение «великороссиян» на север Погодин связывал с результатами монгольского завоевания. Старое население покинуло после монгольского завоевания разоренную Киевскую землю, переселилось на север. Поэтому-то, как казалось Погодину, песни о Владимире и его витязях поются в Архангельске, Владимире, Костроме и Сибири, в то время как на Украине они давно забыты. Поэтому все то, что связано с периодом Киевской Руси, так близко сердцу «великороссиян» и так непохоже на последующую украинскую историю.

Освободившиеся земли в Среднем Поднепровье были заселены, по мнению Погодина, новыми пришельцами. «Они пришли после Татар от Карпатских гор и заняли Киевскую губернию, так, как потомки их в XVI ст. заняли Харьковскую, подвинулись к Воронежу и Курску».[5] Язык этих выходцев из запад-

---

[1] Там же, стр. 73.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 83.
[5] Там же, стр. 81.

ных украинских земель и выступает, по мнению Погодина, в поздних памятниках украинской письменности.

В нашу задачу отнюдь не входит разбор этой концепции по существу. Примитивность и ошибочность основных, исходных представлений в вопросах происхождения и истории украинского и древнерусского языков в концепции Погодина сейчас слишком очевидны и едва ли требуют разъяснений. К тому же выступление Погодина интересует нас в данном случае лишь как начало длительной дискуссии по вопросу, который для самого Погодина отнюдь не был основным, — о роли монгольского завоевания для последующих судеб древней столицы Киевской Руси — города Киева.

Вскоре после появления «Записки» М. П. Погодина с резкой критикой его основных положений выступили представители тогдашней украинской науки, в первую очередь М. А. Максимович [1] и А. А. Котляревский.[2] Преодолевая, хотя и не без ошибок, филологическую часть доказательств Погодина, оба эти исследователя пытались со своих позиций объяснить поднятые Погодиным вопросы о сохранении былин киевского цикла на севере, о «национальном характере» исторических деятелей Киевской Руси, выдвигая в то же время и некоторые новые вопросы для защиты своих основных положений. Не входя в подробности этой длительной дискуссии,[3] нередко обострявшейся постановкой больших национально-политических проблем, мы должны здесь все же подчеркнуть, что в борьбе с бесспорно ошибочной концепцией Погодина украинские историки и филологи 50—60-х годов прошлого века в полемическом задоре допускали и сами немало явных ошибок, в частности, они безусловно ошибались в решении интересующего нас вопроса.

Если М. П. Погодин для объяснения своего основного положения явно преувеличенно трактовал роль монгольского завоевания, то его оппоненты, особенно М. Максимович, впадали в обратную крайность — они доказывали, что роль монгольского завоевания для Украины была незначительна, что Киев не был разорен и разрушен, что на некоторое время лишь пало его значение, перешедшее к другим центрам и т. п.

С новой силой и политической заостренностью вопрос о роли монгольского завоевания был вновь поднят в трудах представителей украинской буржуазно-националистической историографии в последние десятилетия прошлого века.

---

[1] М. А. Максимович. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом. Русская беседа, 1857, кн. IV, стр. 22—35 = Собр. соч., т. I, Киев, 1876, стр. 131—145. О филологической стороне спора с Погодиным см. также: Филологические, ответные и новые письма к Погодину. Собр. соч., т. III, стр. 183 и сл.

[2] А. А. Котляревский. Были ли малороссы исконными обитателями Полянской земли, или пришли из-за Карпат в XIV веке? «Основа», 1862, кн. IX; см. также: Собр. соч., т. I, СПб., 1893, стр. 624—637.

[3] Вопрос о роли монгольского завоевания для последующей истории Украины породил, как известно, значительную литературу, в основной части посвященную проблемам языка. История вопроса и библиография изложены в статье Пыпина «Спор южан и северян о малорусском языке». (Вестник Европы, 1886, VI).

В начале 80-х годов в журнале «Киевская старина» была опубликована статья В. Б. Антоновича «Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие».[1] «Одно из общих мест, установившихся с конца XVI столетия, — утверждал Антонович, — и вследствие частого повторения сделавшихся общепринятым историческим убеждением, составляет то мнение, будто после Батыева нашествия Киев был превращен в развалины, Киевская область совершенно опустела и перестала принимать какое-бы то ни было участие в политической и культурной жизни Руси».[2]

По мнению Антоновича, мысль о запустении южной Руси с XIII по XVI в. — «не более, как исторический мираж».[3] «Батыево разорение, — утверждал он, — есть последнее постигшее Киев бедствие, записанное древними русскими летописями; затем после долгого перерыва, в XVI ст. путешественники, посещавшие Киев или писавшие о нем, — Герберштейн, Гваньини, Ляссота, Гейденштейн и пр. описывают развалины, загромоздившие нагорную часть Киева, и сожалеют об упадке величия этого некогда знаменитого города».[4] Антонович полагал, что еще в конце XVI в. появилось стремление связать записанное древними русскими летописцами известие о Батыевом нашествии с картиной разоренного города, открывавшейся перед глазами путешественников, как причину и следствие. С той поры и утвердилось ложное, по мнению Антоновича, убеждение о разорении Киева полчищами Батыя, тогда как в древних источниках о разрушении города нет никаких упоминаний, кроме известия о падении сводов Десятинной церкви.[5]

Собрав все немногочисленные летописные известия конца XIII—XIV в., упоминающие о Киево-Печерском монастыре и Киево-Софийском соборе в связи с различными событиями церковной истории, Антонович полагал, что этих фактов достаточно для того, чтобы устранить убеждение о запустении Киева в конце XIII—XIV.

С неменьшей решительностью отстаивал эту же точку зрения признанный лидер украинской буржуазно-националистической историографии М. С. Грушевский.[6] Справедливо возражая против погодинской теории о передвижении старого населения Киевской Руси под натиском татар на северо-восток, спра-

---

[1] В. Б. Антонович. Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие. КС, т. I, Киев, 1882, январь, стр. 223—264. Позже эта же статья была переиздана автором в сборнике его статей «Монографии по истории западной и юго-западной России», т. I (Киев, 1885, стр. 223—264). Все дальнейшие ссылки даются на последнее издание. Вскоре после выхода в свет названного сборника критический разбор основных положений В. Антоновича был сделан А. И. Соболевским в статье «К вопросу об исторических судьбах Киева» (Университетские известия, Киев, 1885, № 8, август, Критика и библ., стр. 281—292).

[2] В. Б. Антонович. Киев, его судьба и значение. . ., стр. 223.

[3] Там же, стр. 224.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] М. С. Грушевский. История Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891, стр. 427—465.

ведливо протестуя против теорий, распространяемых в польской историографии (Грабовский, Шайноха), о полном запустении Украины после татарского разгрома и о последующей сплошной колонизации ее поляками, Грушевский в то же время не только всячески старался умалить значение татарского нашествия, но и рассматривал татарское завоевание как благоприятный для дальнейшего развития украинского народа фактор, способствовавший созданию на Украине нового, своеобразного, в некотором смысле бесклассового общественного строя, который Грушевский называл «общинным».

«Я не могу признать за монгольским нашествием, — заявлял Грушевский, — решительного, фатального значения для состояния страны — я зато. . . придаю ему большое значение в другом отношении — в отношении перестройки политико-общественных отношений».[1] В результате татарского погрома, по мнению Грушевского, «население нивелировалось вследствие обеднения и эмиграции богатого класса. Такая нивелировка содействовала большей демократизации общественных отношений и обратно — находила себе опору в строе демократической общины»[2] (разрядка наша, — *М. К.*).

В вопросе о роли монгольского завоевания для последующих судеб Киева Грушевский полностью разделял и поддерживал точку зрения Антоновича. «Мы не имеем твердых положительных оснований, — писал он, — для того, чтобы предполагать поголовное избиение и совершенное разорение, запустение Киева. В ряду других разорений, более или менее опустошительных, постигавших Киев, как разорения 1169, 1202, 1416, 1482 гг., и погром 1240 г. повредил благосостоянию, торговле города, уменьшил его население, может быть, и в большей степени, чем другие, но фатального значения приписывать ему мы не вправе».[3]

Грушевский усматривал в древних известиях о разгроме Киева не более чем литературный прием летописца, который, по его мнению, «одевал свои известия в готовые, шаблонные формы, мало заботясь о том, насколько соответствовали они действительности.[4] Сохранившиеся, по словам Грушевского, «в целости» некоторые древние сооружения также приводили его к выводу о том, что «Киев не подвергся совершенному разорению».[5] В числе этих «сохранившихся в целости» киевских памятников Грушевский называл Софийский собор, Выдубицкий, Михайловский Златоверхий и Печерский монастыри. Разорение Печерского монастыря, относимое летописцем XVII в. ко времени Бытыя, Грушевский связывал с разгромом Киева Едигеем.[6]

---

[1] М. С. Грушевский, ук. соч., стр. 443.

[2] Там же, стр. 458—459. Анализ этой концепции Грушевского см.: акад. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 254—255.

[3] М. С. Грушевский, ук. соч., стр. 432.

[4] Там же, стр. 430.

[5] Там же.

[6] Там же, стр. 431.

Исследователи XIX в., обращавшиеся к вопросу о значении монгольского завоевания в истории Киева, вынуждены были решать его, основываясь исключительно на той или иной интерпретации довольно скудных летописных текстов. Если некоторые историки и пытались порой привлечь к решению проблемы отдельные архитектурные памятники Киева, то пользовались ими лишь в качестве дополнительной иллюстрации к своим, сложившимся на анализе летописных известий представлениям. Неисчислимые богатства археологических источников по истории города оставались для историков XIX в. почти недоступными, несмотря на то, что археологическое изучение Киева широко развернулось уже во второй четверти XIX в. Мы уже неоднократно подчеркивали выше, что археологическое исследование Киева, развивавшееся до начала нашего века как замкнутое вещеведение, было оторвано от исторической науки.

Вскрытые в 1907—1908 гг. в центре древнего Киева остатки разрушенных княжеских дворцов, жилищ, ремесленных мастерских, древних погребений и пр. и пр. впервые вызвали живой интерес в широких кругах общественности и привлекли, наконец, и внимание историков древней Руси к добытым раскопками новым материалам. Среди комплексов, раскрытых раскопками В. В. Хвойки в усадьбе Петровского, т. е. в непосредственной близости к развалинам Десятинной церкви, большой интерес представляла огромная коллективная могила, которую исследователь рассматривал как погребение погибших защитников Десятинной церкви.[1] Разрушение княжеского дворца и многочисленных жилищ и мастерских, находившихся возле Десятинной церкви, В. В. Хвойка относил к различному времени и с монгольским разгромом не связывал.

Основные этапы исторического развития города, облик его яркой, своеобразной культуры с исключительной убедительностью и полнотой, недостижимой ранее, при изучении одних письменных источников, раскрылись в полной мере лишь в результате исследований советских археологов. С изумительной и неожиданной яркостью в результате раскопок последних двух десятилетий предстали трагические страницы истории Киева, отобразившие ожесточенную битву за город в декабре 1240 г.

Еще в первые годы работ Киевской археологической экспедиции АН СССР и АН УССР, начатых в 1938 г., нельзя было не обратить внимания на специфические черты, присущие своеобразной культурно-исторической стратиграфии древнего Киева. Несмотря на многочисленные раскопки предшествующих лет в Киеве, это своеобразие стратиграфии не было отмечено исследователями.

Раскопка широкой площадью на территории бывш. Михайловского Златоверхого монастыря в 1938 г. обратила наше внимание на отличие стратиграфии Киева от стратиграфии, столь привычной для исследователя северных рус-

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 75.

ских городов. Исследователь, воспитанный на раскопках Новгорода, Старой Ладоги, Пскова и других севернорусских городов, привык к тому, что под современным уровнем дневной поверхности города, медленно углубляясь вниз, он постепенно, шаг за шагом, раскрывает последовательные этапы истории поселения. Эту картину рисуют многолетние раскопки в Старой Ладоге и с еще большей полнотой раскопки в Великом Новгороде. Для стратиграфии Новгорода, как это известно из раскопок, проведенных в последние годы в различных районах города, характерны обычно довольно четко прослеживаемые слои, ведущие исследователя из века в век, иногда из десятилетия в десятилетие.

В противовес этому в Киеве, где раскопки производятся в центре большого современного города, под верхним мощным слоем, отражающим в основном очень позднюю историю города XIX—XX вв., слоем, который отложился в результате бурной строительной и планировочной деятельности, развернувшейся в середине XIX в., под этим слоем, достигающим 1.5—2 м, исследователь нередко попадает непосредственно в слои, насыщенные находками эпохи Киевской Руси.

Весьма нередки случаи, когда поздние слои XIX в. перекрывают (или перерезают) отлично сохранившиеся остатки жилых и производственных сооружений, развалины каменных дворцов, храмов и пр. Лишь иногда, далеко не во всех районах древнего Киева, между слоем XIX в., отражающим жизнь или строительные работы современного города, и древними слоями XI—XIII вв. лежит прослойка, которая по составу находок может быть связана с Киевом XVII—XVIII вв.

На отдельных участках нам удавалось установить довольно мощные слои, относящиеся к XVII—XVIII вв., но необходимо подчеркнуть, что слои эти также лежали непосредственно на древних слоях домонгольского Киева, иногда отделенные от них лишь незначительной, почти стерильной прослойкой. Нередки случаи, когда предметы XVII в. попадаются в нижележащих древних слоях и, наоборот, предметы домонгольского времени встречаются в слоях XVII—XVIII вв. благодаря «диффузии» этих смежных культурных пластов. Длительный период, отделяющий древний город XI—XIII вв. от города XVII—XVIII вв. (здесь, как и в других местах, имеется в виду лишь Верхний Киев — «Гора», как обычно называли его древние летописцы), в культурно-исторической стратиграфии почти не представлен. Даже единичные находки XIV—XVI вв. представляют сравнительно редкое явление; что же касается остатков жилищ, мастерских, развалин каменных построек, то таковые в раскопках почти не встречаются.

Отметим, наконец, что хорошо сохранившиеся древние слои Верхнего Киева лежат иногда на весьма небольшой глубине. Отдельные жилища начала XIII в. на территории Михайловского монастыря были открыты на глубине, не превышавшей 1 м.

Под охарактеризованными выше поздними напластованиями XVII—XVIII и XIX вв. перед исследователем Киева открывается (разумеется, по условиям

сохранности это бывает не везде) поразительная по своей яркости, по своей полноте и документальной убедительности картина. Руины каменных построек дворцового характера, развалины храмов, сгоревшие или разрушенные жилища и мастерские, хозяйственные помещения и потайные хранилища, коллективные могилы с сотнями похороненных — все это несет на себе отпечаток страшного, стихийного разрушения и гибели. Картина эта повторяется в различных районах Верхнего города, что исключает возможность видеть в этом узко локальные явления.

Как известно всем занимающимся археологическим изучением поселений, степень сохранности городища или селища определяется в значительной мере обстоятельствами прекращения жизни на данном поселении, или, если таковая не прекращалась, условиями смены эпох в его историческом развитии.

Известно немалое количество поселений, жители которых покинули их, уйдя куда-то в другое место, нередко при этом забрав с собой все свое основное имущество. Ярким примером подобного рода поселений является известное Боршевское городище на Дону, жители которого покинули его, оставив в своих жилищах только битую посуду.[1] При бедности инвентаря в городищах этого типа нередко отлично сохраняются заброшенные жилища. Не случайно в городищах этого типа (Боршевское, Опошнянское [2] и др.) полуземляночные сооружения бывают видны как заплывшие ямы на современной поверхности, несмотря на то, что тысячелетие отделяет нас от конца жизни городища.

Гораздо более распространенным типом поселений являются городища (города), жизнь которых непрерывно длится многие столетия. Культурные слои на этих поселениях нарастают постепенно, частично разрушая остатки предшествующих периодов, частично погребая их под собой. Минуя большие катастрофы или крупные, капитального характера перепланировки и реконструкции, город этого типа в стратиграфическом отношении представляет нередко сложнейшую картину перекрывающихся одно другим, часто переплетающихся между собой напластований. Классическими образцами подобного рода поселений являются Новгород, Старая Ладога и др.

Известен и третий тип поселений, представляющий для археолога наиболее заманчивый и увлекательный объект исследования. Жизнь этого типа поселений оборвалась катастрофически, единовременно или в очень короткий срок, после чего наступил период длительного запустения, превративший былой город в «городище», село — в «селище».

Всемирно известным образцом такого поселения является засыпанная извержением вулкана Помпея. Она потому и стала нарицательным именем городищ этого типа. Катастрофа такого города как бы запечатлевает последние дни или часы его существования.

---

[1] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, № 8, М., 1948.

[2] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, XII, 1946, стр. 117—127.

Такого рода поселения есть и на Руси. К их числу относится в первую очередь раскопанное в 1929—1934 гг. городище Райки на Украине.[1] Страшная катастрофа прервала жизнь этого небольшого городка в середине XIII в. Город был сожжен и разрушен. Жилища, крепостные стены, вся площадь городища покрыты сотнями человеческих скелетов. Раскопанная площадь городища представляла как бы сплошное поле битвы. Повсюду распростерты скелеты непогребенных людей с перерубленными руками и ногами, с железными наконечниками стрел, воткнувшимися в кости. Другую часть населения гибель настигла под завалом горящих домов, в мастерских и подвалах.

В развалинах городища найдено огромное количество разнообразных вещей, характеризующих быт и культуру населения. Заброшенный городок вскоре превратился в «городище».

С неменьшей яркостью аналогичная картина катастрофы, прервавшей в середине XIII в. мирную жизнь маленвкого пограничного городка Киевской земли, раскрылась в результате раскопок 1948—1952 гг. на городище возле с. Колодяжное (на среднем течении р. Случь), представляющем руины древнего города Колодяжин, упомянутого в Ипатьевской летописи под 1241 г.

Под обвалами сгоревших жилищ и хозяйственных построек выявлены тысячи разнообразных хозяйственных и бытовых предметов, обгорелые остатки запасов зерна, орудий земледелия, инструментов ремесленников, оружие, украшения и пр. Под развалинами построек найдены многочисленные скелеты погибших в 1241 г. жителей города. На многих скелетах сохранились остатки обгоревших одежд и украшений.[2]

Итоги археологических исследований последних лет в Киеве привели нас к убеждению, что археологический облик древнего Киевского городища, раскрывающийся с каждым годом все полнее и полнее, во многих отношениях напоминает городища третьего типа, в том числе обнаруживает много общего с судьбой городищ Райки и Колодяжин. Все это позволяет, на наш взгляд, заново пересмотреть вопрос о значении монгольского разгрома 1240 г. для последующей истории Киева.

2. ПАМЯТНИКИ ТРАГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЗА КИЕВ В ДЕКАБРЕ 1240 г.

Как подробно рассказано выше, нашими раскопками 1938 г. на территории бывш. Михайловского Златоверхого монастыря был вскрыт хорошо сохранившийся участок городского поселения, занятый развалинами жилых, хозяйственных и производственных сооружений.

---

[1] Ф. М. Молчанівський. Райковецьке городище XI—XIII ст. НЗІМК АН УССР, кн. 5—6, 1935, стр. 125—178. — В. К. Гончаров. 1) Райковецьке феодальне городище XI—XIII ст. Вісник АН УССР, 1948, № 7, стр. 39—51; 2) Райковецкое городище. Киев, 1950.

[2] В. К. Гончаров. 1) Древній Колодяжин. Вісник АН УССР, Київ, 1950, № 6, стр. 58—65; 2) Древний Колодяжин. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 49—53.

Весь раскрытый комплекс, состоявший из восьми полуземляночного типа жилищ и различных хозяйственных сооружений, в основном одновременен и относится, судя по инвентарю, к концу XII—началу XIII в. В пользу этой датировки говорит не только керамика, найденная в многочисленных фрагментах и целыми сосудами, но и ряд типичных для киевской культуры XII—XIII вв. находок.

Чрезвычайно важно было установить, когда и при каких обстоятельствах перестал существовать этот район города. Почти на всех раскопанных жилищах были видны следы большого стихийного пожара, уничтожившего некоторые жилища даже в отсутствие хозяев. Особенно ясна была картина пожара в наиболее хорошо сохранившейся землянке VIII, замечательный инвентарь которой позволил дать ей название «жилища художника». Все деревянные предметы и деревянные части самой постройки, сохранившиеся под обвалом,носили следы сильного огня. Действию огня подверглись даже металлические предметы, найденные в этой землянке. Судя по огромному количеству вещей, оставшихся под обвалом, среди которых, кроме глиняной посуды, были и такие драгоценные вещи, как янтарь (сырье и полуфабрикаты в количестве около 600 г), серебряная лунница, бронзовая лампада, медные кресты-энколпионы, булава, полный набор столярных инструментов, горшочки с красками и пр., — хозяева землянки не только отсутствовали во время гибели их жилища, но и по каким-то причинам не могли вернуться на пепелище, чтобы извлечь из-под обвала хотя бы драгоценные вещи, ставшие благодаря этому достоянием науки. Дверь в жилище была заперта. Об этом свидетельствует не только сохранившийся замок, висевший на петле со скобой, но и еще один факт. На полу землянки был обнаружен полуобгоревший скелет кота, не сумевшего выбраться из горящего запертого жилища. Подле «жилища художника» был найден детский скелет, на руке которого сохранились три стеклянных браслета. Первоначально казалось непонятным это «погребение» у самой стены жилища. Позже стало ясно, что это скелет ребенка, погибшего под обвалом горящего жилища.

При изучении стратиграфии всего раскопанного участка бросалось в глаза, что над слоем XII—XIII вв. нет культурных напластований XIV—XVI вв. Заплывшие гумусом сгоревшие жилища, по-видимому, в течение долгого времени оставались нетронутыми. Они были перекрыты небольшим напластованием культурных слоев только в значительно более позднее время — в XVII—XVIII вв.

Еще в предварительной публикации материалов из раскопок нами было высказано предположение, что стихийный пожар в середине XIII в., прервавший на много столетий кипучую жизнь этого района, был связан с разгромом Киева татарскими полчищами в декабре 1240 г.[1]

---

[1] М. К. Каргер. 1) Землянка киевского художника XIII в. КСИИМК, XI, 1945, стр. 15; 2) Раскопки древнего Киева. Наука и жизнь, 1940, № 2, стр. 39—40; 3) Археологические исследования древнего Киева (1938—1947). Киев, 1950, стр. 41—42.

Открытые нашими раскопками 1946 г. на Б. Житомирской ул. два полуземляночных жилища явились значительным дополнением к той картине, которая была раскрыта в 1938 г. на территории бывш. Михайловского монастыря. Состав инвентаря обоих жилищ и особенно обстоятельства гибели их в стихийном пожаре, сопровождавшемся ожесточенным сражением, — все это близко напоминало картину стихийной катастрофы, постигшей жилища, раскопанные в 1938 г.[1]

На полу жилищ под обвалами сгоревших деревянных верхних частей найден разнообразный бытовой инвентарь, находившийся там в момент катастрофы. В жилищах обнаружены наряду с целыми сосудами многочисленные обломки глиняной посуды, разнообразные железные изделия, в том числе две косы, серп, безмен, замки, железные оковки заступов, цепь от конских пут, долото, сверло, скобель, несколько ножей. Найдены многочисленные фрагменты обуглившейся ткани, крест-энколпион с черневыми изображениями, хрустальные шаровидные бусы, множество обгоревших деревянных предметов, запасы разнообразных злаков и пр. Все вещи в обоих жилищах несли на себе следы действия огня.

Наиболее неожиданной была находка, сделанная при зачистке пода глиняной печи в жилище II. В печи лежали на боку скелеты двух прижавшихся друг к другу девочек-подростков с поджатыми ногами (табл. XXXIX). На шее у одной из них сохранились два миниатюрных крестика — медный и янтарный. Необычная находка в печи раскрыла с изумительной образностью трагический характер гибели жилища. С не меньшей силой об этом свидетельствовало также значительное скопление человеческих скелетов, лежавших в два-три-четыре слоя, один над другим, на завале обгорелого дерева и пережженной глины в жилище I. Некоторые скелеты лежали ничком, нередко с широко раскинутыми руками и ногами (рис. 138). Среди скелетов два резко отличались от остальных характерным монгольским типом черепа.

Ниже мы попытаемся разобраться несколько подробнее в обстоятельствах гибели этих жилищ, расположенных в нескольких метрах одно от другого. Здесь отметим лишь, что жилища расположены внутри укреплений города Владимира, в непосредственной близости от земляного вала, в районе так называемых Батыевых ворот, соединявших город Владимира с городом Ярослава.

Не менее ярким памятником трагической истории борьбы за Киев в декабре 1240 г. является раскопанный нами в 1939 г. тайник под развалинами Десятинной церкви.[2]

Напомним лишь в основных чертах результаты раскопок тайника. В западной части центрального нефа развалин Десятинной церкви при зачистке уровня древнего пола была обнаружена квадратная в плане яма, заполнение которой,

[1] М. К. Каргер. 1) Розкопки у Києві в 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 7—20; 2) Археологические исследования древнего Киева, стр. 167—191.

[2] М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. КСИИМК, X, 1941, стр. 75—85.

Рис. 138. Скелеты киевлян, погибших в битве с татарами. Раскопки 1946 г.

начиная с глубины 0.20—0.30 м, состояло в основном из обломков древних строительных материалов: кирпича, раствора, камня, половых плиток с поливой, шифера, мрамора, фрагментов фресок и пр. Среди этих строительных материалов попадались в большом количестве железные кованые гвозди, петли и бесформенные куски перержавевшего железа, фрагменты древних круглых оконных стекол с загнутым бортиком, нередко искривленных от действия огня, куски расплавленного свинца и пр. Необходимо подчеркнуть, что уже в самых верхних слоях этой ямы не было встречено ни одного позднего предмета.[1]

На глубине около 1.00 м обнаружился завал кладки здания X—XI вв. Здесь найдены огромное количество древнего плиточного кирпича (плинфы), фрагменты штукатурки, покрытой фресковой росписью, большие куски древнего, розоватого от примеси толченого кирпича известкового раствора, куски шифера, известняка, мрамора, оббитая капитель с четырехгранным отверстием, залитым свинцом. Тут же были найдены два больших куска кладки стен. Один из них представлял собой фрагмент двухуступчатой ниши с полуциркульным верхом, на втором большом блоке кладки сохранилась штукатурка с древней росписью. И на этом уровне встречалось много обожженного дерева, железа, гвоздей.

Ниже, на глубине 1.40—2.00 м, было найдено тридцать шесть фрагментов литейных формочек, вырезанных из сланца. Из фрагментов удалось собрать и склеить шестнадцать формочек для отливки различных украшений (табл. LV, LVa, LVI). Большая часть формочек служила для отливки трехбусинных серег, три формочки — для отливки звездчатых колтов, две — для колтов с изображением зверя, одна — для браслета. На глубине 1.20 м в завале древних строительных материалов найден скелет собаки, на глубине 1.80—2.20 м — человеческие кости двух взрослых людей и одного подростка. Многие кости сильно обгорели. На глубине 2.40 м среди обломков строительных материалов обнаружен горизонтально лежавший железный меч с отломанными рукоятью и острым концом (табл. XCVIII). Обе эти части лежали тут же.

Начиная с этой глубины, находки вещей становились все более многочисленными. На различных горизонтах были найдены железный, сильно поржавевший и подвергшийся действию огня шлем (табл. XCVIII), бронзовый энколпион с изображением распятия на одной стороне и богоматери на другой (табл. XCIX), ажурная бронзовая подвеска типа игольников, бронзовый наперсток, железный топор с остатками обгорелой рукояти во втулке, глиняный горшок с двумя ушками, несколько железных ножей с костяными и деревянными рукоятями, железная дужка и обручи от деревянного ведра, стеклянный браслет, четыре ключа.

На глубине 4.40—4.45 м лежал сплошной слой угля и обгоревших кусков дерева. В этом слое и несколько ниже обнаружены вновь кости от двух чело-

---

[1] М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве, стр. 75.

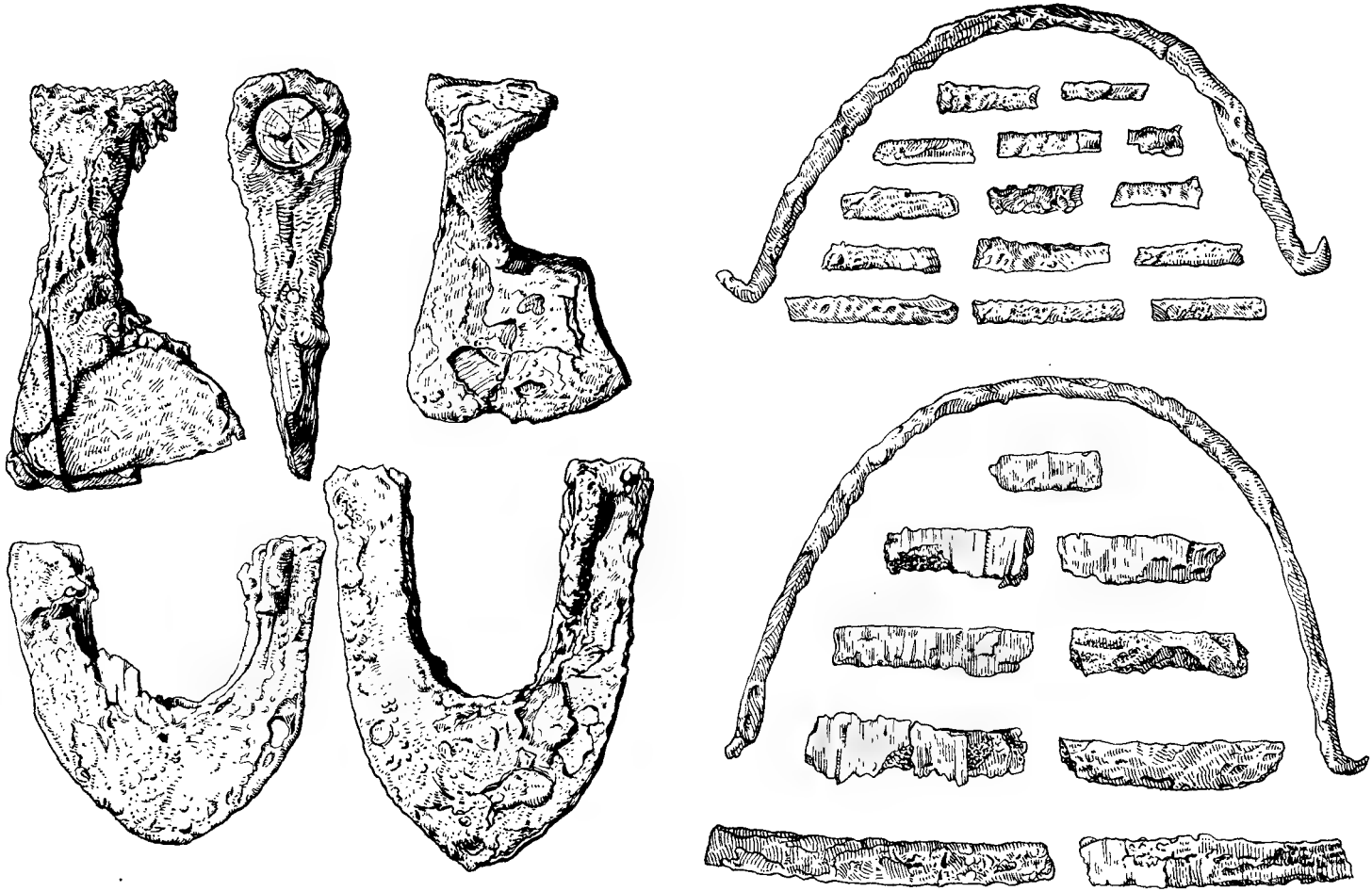


Рис. 139. Железные оковки лопат, топоры, обручи и дужки от деревянных ведер, найденные в тайнике под Десятинной церковью. Раскопки 1939 г.

веческих скелетов, очень плохой сохранности. Один скелет старого человека, вероятно, женщины, второй — молодого человека 17—18 лет.

Около первого костяка обнаружено большое количество кожи и фрагменты ткани, среди которых лежало шесть серебряных медальонов с черневыми изображениями святых (табл. XCIX). Рядом лежала целая груда кусков кожи и тканей с нашитыми орнаментированными золотыми бляшками с нитями мелкого жемчуга (табл. C). Под тканями — плетеная серебряная гривна с пластинчатыми концами, серебряная позолоченная венецианская монета дожа Дандоло (1192—1205) с припаянным ушком для подвески, золотой перстень со сканью и драгоценными камнями (табл. XCIX), обломки серебряных трехбусинных аграфов, несколько крестиков-корсунчиков и любопытная ладонка, представляющая две тонких дощечки с вырубками по краям для перевязки их шнурком. Между дощечками хорошо сохранились высохшие листья растения, произрастающего лишь на далеком юге.

На том же уровне в углу лежали обгорелые, плетенные из лыка шнуры. Тут же найдены обгорелые фрагменты большого деревянного блюда, покрытого резным рисунком, и чаши на поддоне.

Еще ниже, в слое рыхлого лёсса, были обнаружены второй железный топор, железная дужка от второго ведра (рис. 139), несколько гвоздей и фрагменты маленького глиняного горшочка с линейным орнаментом по плечикам.

На глубине 4.60 м от уровня древнего пола Десятинной церкви засыпь ямы кончилась и открылось дно из плотного материкового лёсса. На дне ямы в юго-западном углу стоял воткнутый вертикально в землю деревянный заступ с железной оковкой. В юго-восточном углу стоял второй такой же заступ с хорошо сохранившейся деревянной рукоятью.

Все сооружение представляло вырытый в материковом лёссе почти квадратный в плане тайник (рис. 140) глубиной около 5.00 м, в двух углах которого по диагонали сделаны небольшие ниши. В северо-восточной нише найден скелет собаки и неполный человеческий скелет. На восточной и южной стенках ямы сделаны маленькие углубления в виде ступенек для спуска в яму. У самого дна колодца начинается ход под северную стенку, однако ход этот был прорыт всего на 0.5 м и почему-то не был закончен.

Изучение этого загадочного сооружения привело нас к выводу, что раскопанный под развалинами Десятинной церкви погреб представляет древний тайник, служивший или для хранения драгоценностей, или же для каких-либо других целей.[1] Когда он был сооружен, установить невозможно, но во всяком случае это было уже после постройки церкви, так как до ее постройки территория эта была занята языческим курганным могильником.

Однако в данном случае нас интересует не столько дата сооружения тайника, сколько дата его гибели. Изучение многочисленного и разнообразного инвентаря, найденного в тайнике, не оставляет ни малейших сомнений, что все пере-

[1] М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве, стр. 83—85.

численные вещи относятся к XII—XIII вв., за исключением строительных материалов, которыми в основном был засыпан тайник. Строительные материалы происходили явно из самой Десятинной церкви, обвалом стен и сводов которой был завален тайник.

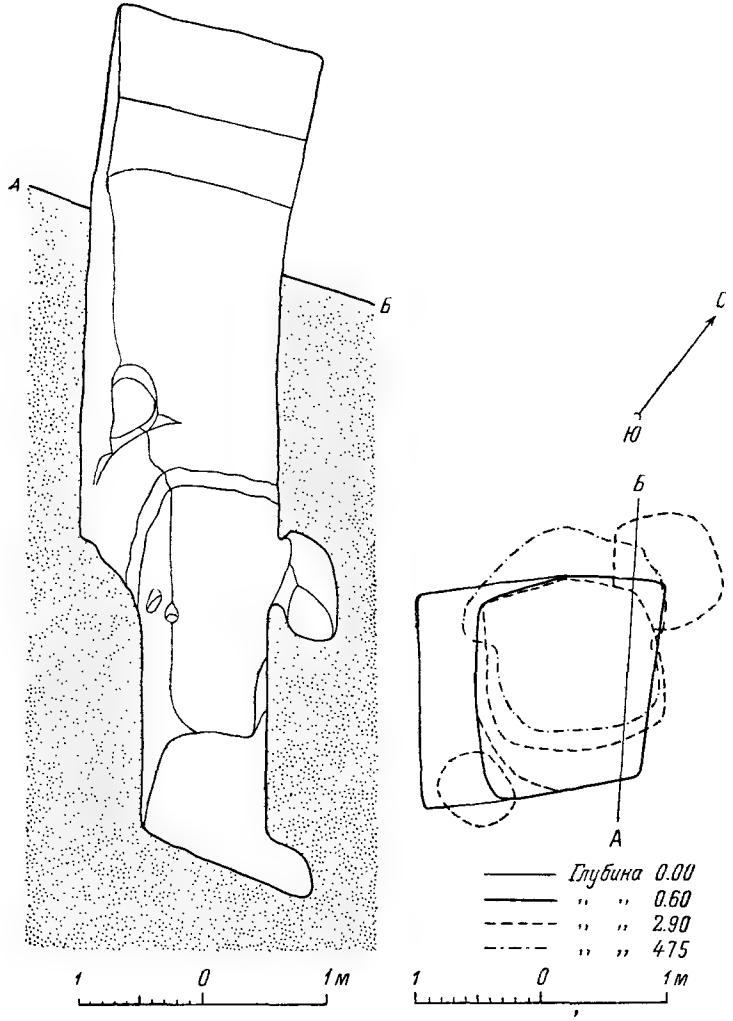


Рис. 140. Тайник под Десятинной церковью. План и разрез. Раскопки 1939 г.

Трагическая картина гибели находившихся в тайнике людей, на наш взгляд, представляет одну из наиболее ярких иллюстраций к летописному рассказу о последних часах обороны древнего Киева. К этому рассказу мы обратимся несколько позже.

Изучение обстоятельств обнаружения некоторых замечательных кладов, которыми столь богат и славен древний Киев, позволяет убедиться в том, что

Десятинный тайник не был случайным или исключительным сооружением домонгольского Киева.

Почти за сто лет до раскопок тайника под Десятинной церковью в непосредственном соседстве с ним был обнаружен, по-видимому, совершенно аналогичный тайник, замечательный инвентарь которого мог бы с успехом конкурировать с инвентарем Десятинного тайника. Обстоятельства обнаружения этого тайника оставались неизвестными более семидесяти лет. Лишь в 1913 г. В. Г. Ляскоронский рассказал о печальнейшей судьбе изумительной находки, сделанной еще в начале 40-х годов XIX в.[1]

В 1842 г. при производстве планировочных работ вокруг вновь выстроенной Десятинной церкви землекопы Анненкова наткнулись, по-видимому, в непосредственном соседстве с храмом, на колоссальных размеров клад, по количеству вещей едва ли имеющий себе равный среди киевских кладов XI—XIII вв. Завладев кладом, Анненков держал в строжайшем секрете самый факт его открытия.

В настоящем контексте нас интересует, однако, не состав вещей этого клада, который, по словам очевидцев, с трудом поместился в двух больших мешках,— для нас сейчас гораздо важнее обстоятельства его находки. По словам слуги Анненкова, старика, рассказавшего много лет спустя историю этого замечательного клада, драгоценности были найдены в пещере, или, по его словам, в лёхе, напоминавшем собой погреб, вырытый отвесно в толще земли.[2]

В совершенно аналогичных, по-видимому, условиях был обнаружен 10 сентября 1901 г. ценный клад в усадьбе Б. А. Орлова на Трехсвятительской ул.[3] Усадьба Орлова находилась в юго-западном углу Владимирова города, неподалеку от Трехсвятительской церкви. При земляных работах во дворе этой усадьбы наткнулись на «остатки старого погреба». Земля в этом месте оказалась на значительную глубину рушеной; в засыпи погреба встречались булыжники, куски шифера и шиферных плит, обломки кирпича, фрагменты керамики, человеческие кости и кости животных. На дне ямы лежал слой угля и золы. На глубине 4.5 арш. рабочие-землекопы дошли до материка; когда дно ямы было очищено, в нем обнаружилось небольшое углубление. В этой расчищенной ямке и был найден глиняный горшок, наполненный золотыми и серебряными ювелирными изделиями.

Подземное сооружение аналогичного характера было обнаружено и на территории Софийского заповедника нашими раскопками 1946 г.

К востоку от развалин Десятинной церкви раскопками В. В. Хвойки была обнаружена большая братская могила.[4] Она была расположена на том же

---

[1] В. Г. Ляскоронский. Судьба одной археологической находки. ЖМНП, СПб., 1913, III (март), стр. 90—98.

[2] Там же, стр. 92.

[3] Клад в усадьбе Б. А. Орлова на Трехсвятительской ул. в Киеве. АЛЮР, т. III, Киев, 1901, Случайные находки, стр. 185.

[4] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 75.

месте, где были открыты остатки каменного княжеского дворца. К сожалению, стратиграфическое соотношение могилы и развалин дворца не было достаточно охарактеризовано исследователем. В могиле, по словам В. В. Хвойки, «было обнаружено огромное количество человеческих костяков обоих полов и разных возрастов, начиная с младенческого. Некоторые черепа были рассечены и разломаны; при некоторых покойниках у шеи оказались кресты, а на руках нескольких детских костяков были надеты стеклянные браслеты. Над этой грудой костяков на небольшом расстоянии от поверхности земли лежал скелет татарина, характерный монгольский череп которого оказался рассеченным боевым топором. На дне братской могилы, под костяками, на остатках древних фундаментов некогда стоявшего здесь здания, был обнаружен в высшей степени интересный крест греческой работы; длина его в продольном измерении 62 см, в поперечном 40 см, а длина части железного стержня внизу креста 10 см. Крест покрыт серебряной пластинкой и, как можно заключить по остаткам металлических ячеек, был украшен по краям дорогими камнями и разноцветной эмалью. На средней части креста находится медальон с изображением святого и греческой надписью „св. Феодор"».[1]

В. В. Хвойка высказывал предположение, что крест, найденный на дне братской могилы, являлся «запрестольным крестом Десятинной церкви и был положен в братскую могилу последними защитниками Киева, оставшимися в живых, из опасения, чтобы почитаемая ими святыня не попала в руки неверных».[2]

Недалеко от описанной могилы в 1892 г. при земляных работах на усадьбе Кривцова была обнаружена вторая братская могила. Судя по описанию И. А. Хойновского, на глубине около 2.5 м открылся сплошной пласт человеческих скелетов, сваленных в ров протяжением около 14 м, при более чем полуметровой толщине слоя.[3] Хойновский утверждал, что сплошная масса костей, заполнивших ров, «оказалась здесь потому, что монголы, избив киевлян в последний час борьбы и сняв с них одежду и все, что они при себе имели, снесли тела их в этот ров и присыпали землей».[4]

По-видимому, продолжение этой же могилы было раскрыто раскопками Д. В. Милеева на углу Владимирской и Трехсвятительской улиц (рис. 141).

Огромная братская могила, вмещавшая около 2 тысяч скелетов, была обнаружена в 1870 г. на Подоле, в районе Кирилловской ул., на территории пивоваренного завода. По свидетельству В. Б. Антоновича,[5] несмотря на огромное

---

[1] Там же, стр. 75.

[2] Там же.

[3] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весною 1892 г. Киев, 1893, стр. 16 и табл. I, рис. 2.

[4] Там же, стр. 16.

[5] В. Б. Антонович. Обозрение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве и ближайших его окрестностях и хранящихся в Музее древностей и Мюнц-кабинете Университета св. Владимира. КС, т. XXII, 1888, июль, стр. 130—131.

количество покойников, среди костей найдено было ничтожное количество предметов: это были маленькие мраморные крестики, обломки стеклянных браслетов, черепки от остродонных амфор, несколько бронзовых перстней и т. п. Кроме мелких предметов, среди костей было найдено также два железных меча.

Связана ли эта могила на Подоле с событиями татарского разгрома Киева, сказать с уверенностью нельзя. Хотя летописный рассказ об осаде и штурме Киева связывает основные моменты борьбы за город только с Верхним городом, участие жителей Подола в сражении за город более чем правдоподобно. Не исключена также возможность видеть в огромной братской могиле на Подоле результат расправы татар с горожанами уже после взятия города.

Картина страшной катастрофы, превратившей огромный цветущий город в дымящиеся развалины, раскрывающаяся с исключительной яркостью и документальной убедительностью в описанных выше комплексах, находит подтверждение и в целом ряде других фактов, установленных раскопками в различных районах Киева.

Раскопками В. В. Хвойки в 1907—1908 гг., раскопками Д. В. Милеева в 1908—1914 гг., раскопками Института археологии АН УССР в 1936—1937 гг. и, наконец, нашими раскопками 1938—1952 гг. открыто значительное количество древних жилищ, мастерских, различных хозяйственных построек. Под развалинами многих из этих сооружений сохранился многочисленный и разнообразный инвентарь, находившийся в них в момент разрушения. Запасы зерна, муки, глиняная и деревянная посуда, нередко с остатками пищи, разнообразные бытовые предметы, находимые в жилищах, свидетельствуют о том, что разрушение значительной части жилищ, раскопанных в Верхнем Киеве, произошло также в результате стихийной катастрофы, после которой разрушенные постройки не восстанавливались.

Характерной чертой раскопанных в Киеве построек является обилие находимых в них и возле них разнообразных орудий и инструментов ремесленного производства — различные инструменты по обработке дерева, тигли для плавки металла, матрицы и многочисленные литейные формочки для отливки разнообразных украшений — все это встречается в развалинах жилищ и мастерских столь часто и в таком количестве, что невольно возникает мысль о том, что владельцы этих предметов не только вынуждены были бросить их вместе со своими жилищами на произвол судьбы, но и не смогли вернуться на развалины своих жилищ за этими ценными для них вещами. Все это убеждает в том, что значительная часть обнаруженных раскопками жилищ, мастерских, развалин каменных дворцов и храмов, отличающихся хорошей сохранностью и обилием находок, была разорена и заброшена после монгольского разгрома 1240 г.

В главе, посвященной киевскому ремеслу, уже обращалось внимание на то, что значительная часть находок, обнаруживаемых раскопками в различных районах Киева, отличается исключительной близостью, порой тождественностью форм различных предметов данной категории. Это наблюдение касается кера-

Рис. 141. Братская могила киевлян в районе Десятинной церкви. Раскопки Д. В. Милеева.

мики, железных изделий, изделий из кости, различных орудий ремесленного производства и, в частности, весьма многочисленных литейных формочек. До недавнего времени многие материалы из киевских раскопок было принято датировать слишком широко — от XI до XIII в. Более тщательное изучение как продукции, так и орудий производства киевского ремесла приводит к выводу, что в действительности значительная часть киевских находок относится к последней поре истории города и потому хронологически может быть определена в более узких границах — XII—середины XIII в.

3. ЛЕТОПИСНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ ОБ ОСАДЕ КИЕВА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Летописное повествование о втором походе Бату на южную Русь отличается, как известно, краткостью и недостаточной определенностью в хронологии. Именно этим вызваны разноречивые даты взятия татарами Киева, отсутствие точной даты падения Чернигова, Переяславля и ряд других неясностей в изучении этих насыщенных событиями лет истории южной Руси.

Основные контуры исторических событий, предшествовавших падению Киева, на основе летописных известий обрисовываются, однако, достаточно отчетливо.

Разгромив в 1236—1238 гг. Бóлгарское царство, опустошив и разорив Рязанскую и Владимиро-Суздальскую земли, татарские полчища хана Бату (Батыя) повернули на юго-восток. Разбив войска половецкого хана Котяна, татары удалились за Волгу. Здесь, в половецких (кипчакских) степях, оставались они около года, очевидно, накапливая силы для нового и окончательного удара. Оттуда Бату посылал пока отдельные отряды в южную Русь («оттуда же поча посылати на грады русьскые»).[1] Один из таких отрядов взял и разрушил Переяславль и Чернигов. Южнорусский летописец повествует об этом драматично, но не определяя точных дат событий: «Взят град Переяславль копьемь изби всь и церковь архангела Михаила съкруши, и сосуды церьковныя бещисленыя златыа, и драгаго каменья взят, и епископа преподобнаго Семеона убиша».[2]

Не менее трагична была судьба другого старейшего города южной Руси — Чернигова. «В то же время посла на Чернигов обьступиша град в силе тяжце слышав же Мьстислав Глебовичь нападение на град иноплеменных приде на ны со всими вои бившимся им побежен бысть Мьстислав и множество от вои его избьеным бысть и град взяша и запалиша огньм епископа оставиша жива и ведоша и во Глухов».[3]

По-видимому, во время этого набега на крупнейшие южнорусские города один из татарских отрядов под командованием хана Менгу — двоюродного брата Бату — подошел к самому Киеву. Царственная красота и величие древней сто-

---

[1] Ипат. лет. 6745 (1237) г.

[2] Там же.

[3] Там же.

лицы Руси произвели огромное впечатление на татар: «Меньгуканови же пришедшу сглядат град Кыева, ставшу же ему на оной стране Днепра во градъка Песочнаго, видив град, удивися красоте его и величеству его».[1]

Менгу-хан, по-видимому, не решился штурмовать огромный город, но сделал попытку «прельстити» киевлян и князя Михаила Всеволодовича, сидевшего тогда на киевском столе. Попытки не увенчались успехом: «не послушаша его». Предложение о сдаче города было отвергнуто.

Смертельная опасность нависла над Киевом. Перед лицом наступавших грозных событий струсил незадачливый киевский князь Михаил, убежавший вскоре в Угры. После его бегства на киевский стол сел один из смоленских князей Ростислав Мстиславич, по-видимому, воспользовавшийся сложившейся обстановкой, может быть, не без участия самих киевлян, оказавшихся накануне надвигавшихся событий без военачальника.

Однако его пребывание на киевском столе было недолговременным. В Киев немедленно явился галицкий князь Даниил, схватил Ростислава, но сам в Киеве не остался, а посадил там тысяцкого Дмитра, поручив ему «обьдержати противу иноплеменных язык безбожьных татаров» былую столицу древней Руси, судьбой которой сам Даниил был, по-видимому, не слишком озабочен.

Осенью следующего, 1240 г. основные силы татарской орды под командованием самого хана Бату двинулись на запад.

Первый и основной удар был направлен на Киев. Поздней осенью полчища монголов подошли к Киеву, переправились через Днепр и окружили город. Современник-летописец кратко, но с потрясающей силой описал появление невиданного войска, расположившегося табором под стенами города в походных кибитках, с бесчисленными стадами ржущих коней и ревущих верблюдов:

«Приде Батый Кыеву в силе тяжьце многомь множьствомь силы своей и окружи град, и остолпи сила татарская, и бысть град в обьдержаньи велице. И бе Батый у города и отроци его обьседаху град, и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревения вельблуд его и рьжания от гласа стад конь его и бе исполнена земля Руская ратных».[2]

В этом красочном и правдивом описании осажденного Киева, а еще более в дальнейшем повествовании о штурме города слышится взволнованная речь современника-очевидца, если не участника событий. Топографическая конкретность повествования о штурме города делает этот летописный отрывок незаменимым источником не только для уяснения последовательности ожесточенной борьбы за город, но и для понимания результатов этой борьбы для дальнейшей судьбы Киева.

Затруднительно установить, долго ли продолжалась осада города. Южнорусская летопись, являющаяся основным источником, при отмеченной выше топографической конкретности ведет рассказ, не приурочивая развертывающиеся события к уточненным датам. По значительно более краткому сказанию, занесен-

[1] Ипат. лет. 6745 (1237) г.

[2] Ипат. лет. 6748 (1240) г.

ному в Суздальскую летопись, взятие Киева «приключися до Рождества Господня на Николин день»,[1] т. е. 6 декабря 1240 г. Эта дата и считается общепринятой в русской историографии. Однако нужно отметить, что в ряде северно-русских летописных сводов — в Псковской I, Супрасльской, летописи Авраамки — приводится другая дата штурма Киева, сопровождающаяся к тому же датой прихода татарских полчищ к Киеву и точным указанием срока осады города: «Приидоша Татарове к Киеву сентября 5 и стояша 10 недель и 4 дни, и едва взяша и ноября в 19, в понедельник». Происхождение этой версии и степень ее достоверности остаются до сих пор невыясненными.

После рассказа о появлении татарского войска под Киевом летописец сообщает о захвате в плен татарина по имени Товрул, который «исповеда им всю силу их» (т. е. татар). От него киевляне узнали по именам важнейших «воевод» татарского войска, среди которых были знаменитые монгольские полководцы Себедяй-богатур и Бурундай-богатур, «иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую», двоюродный брат Бату — хан Менгу «и инех бещисла».

Наступил день штурма. Основной удар монгольские войска наносили с юга. «Постави же Батый порокы городу подъле врат Лядьскых ту бо беаху пришли дебри». Лядские ворота, как известно, вели из Ярославова города в Крещатицкую долину, густо поросшую лесом («дебри»). Прикрываясь сильно пересеченной и лесистой местностью, здесь и сосредоточились несметные полчища татаро-монгольского войска. Непрерывно, днем и почью метательные орудия били огромными камнями по воротам и деревянным стенам, стоявшим на земляных валах Ярославова города: «. . . пороком же бес престани бьющим день и нощь; выбиша стены». Когда стены были пробиты, киевляне продолжали отбиваться на остатках крепостных укреплений — «и возидоша горожаны на избыть стены». Началась ожесточенная рукопашная схватка — «и ту беаше видити лом копейны и щет скепание, стрелы омрачиша свет побеженым».

Руководивший обороной города тысяцкий Дмитр был ранен. Преодолев ожесточенное сопротивление, татары ворвались на стены Ярославова города. Главная оборонительная линия Киева была прорвана. Однако татарские полчища, утомленные отчаянным сопротивлением киевлян, вынуждены были временно прекратить дальнейшее наступление — «седоша того дне и нощи».

Воспользовавшись небольшой передышкой, киевляне укрепились на новой, последней для них оборонительной линии: «Гражане же создаша паки другий град около святое Богородице». Едва ли правильно понимать эти слова летописного рассказа как известие о постройке вокруг Десятинной церкви наскоро какого-то временного укрепления.[2] Нужно вспомнить, что расширенная территория Ярославова города, выстроенного в 30-х годах XI в., примыкала к старым стенам и рвам Владимирова города, центром которого была упоминаемая летописным рассказом Десятинная церковь. Остатки этих внутренних го-

[1] Лавр. лет. 6748 (1240) г. Эта же дата повторяется в более поздних Густынской, Софийской, IV Новгородской, Воскресенской, Тверской и Никоновской летописях.

[2] М. С. Грушевский, ук. соч., стр. 424.

родских укреплений не только в виде вала и рва, но и каменных воротных башен существовали вплоть до XVII в., когда были даже подновлены московскими воеводами. Именно эти старые укрепления, а отнюдь не какие-то выстроенные вновь за одну ночь, по-видимому, и были подготовлены к обороне в то время, пока отдыхали татары.

Наутро сражение возобновилось с все возраставшим ожесточением: «наутрея же придоша на не и бысть брань межи ими велика». Вскоре и укрепления Владимирова города были взяты. Бой продолжался за стенами Владимирова города. Отступавшие горожане пытались использовать в качестве оборонительных рубежей каждую улицу, каждый дом.

Летописный рассказ крайне скупо, лапидарно повествует о ходе ожесточенного сражения киевлян за свой родной город. Тем большее значение приобретают результаты археологических раскопок, проведенных на территории древнего Владимирова города. Именно об этом этапе сражения рассказывают раскопки во дворе дома 4 по Б. Житомирской ул. Жилища, раскопанные здесь в 1946 г., находились за стеной Владимирова города, в непосредственной близости к Батыевым воротам. На развалинах сгоревшего жилища лежат в беспорядке многочисленные костяки последних защитников города. Неожиданно ворвавшиеся в ворота татары были так близко, что отступать дальше успевают не все. Взрослые находят смерть в рукопашной схватке, дети ищут ненадежное убежище в глиняной печке, где их и застает гибель.

Последние часы сопротивления киевлян южнорусский летописец связал с судьбой древнейшего храма Киева. В северо-западном углу Владимирова города стоял мощный каменный храм Богородицы Десятинной. В этом храме, как тремя годами ранее в Успенском соборе во Владимире, оборонялась последняя горстка оставшихся в живых защитников Киева. Храм был наполнен людьми, сбежавшимися сюда со своим имуществом: «Людем же узбегшим и на церковь и на комары церковныя и с товары своими. От тягости повалишася с ними стены церковныя и прият бысть град сице воима».[1]

Едва ли летописец правильно объяснял причину катастрофы здания. Каменный сводчатый храм не упал бы от тяжести забравшихся на его своды людей. Использованная обороняющимися в качестве последней цитадели Десятинная церковь, вероятно, подверглась действию таких же «пороков», которыми до этого уже были разбиты Лядские ворота и ворота Владимирова города, через которые татары прорвались к стенам Богородицы Десятинной.

Набившиеся в церковь люди, забравшиеся даже на «комары» церковные, естественно, использовали в качестве убежища и Десятинный тайник, описанный выше. О существовании его, конечно, знали далеко не все, и церковное духовенство могло предоставить его лишь наиболее избранной знати. Обилие драгоценностей — золота, серебра, тканей с золотыми нашивками, — найденных внизу тайника, не оставляет сомнения в том, кому был предоставлен тай-

---

[1] Ипат. лет. 6748 (1240) г.

ник в качестве убежища. Один из забравшихся в тайник спрятался вместе со своей собакой в нише, вырубленной в северо-восточном углу тайника.

Забравшиеся в тайник люди, по-видимому, имели безрассудную мысль прорубить под землей в лёссе выход из-под церкви к склону горы. При описании тайника выше было отмечено, что у самого дна его начинается ход под северную стену (т. е. к обрыву Киевской горы). Именно в этом же месте были найдены два воткнутых в землю заступа. Напомним, что на дне тайника были найдены, кроме того, два деревянных ведра с железными обручами и дужками и около одного из них целая куча плетенных из лыка веревок. По-видимому, с помощью этих приспособлений стоявшие вверху люди вытаскивали землю наверх. Рыхлый лёсс, лежавший на дне тайника, выбранный из бокового хода, не успели поднять из тайника наверх, так как в этот момент разразилась катастрофа. Не столько под влиянием тяжести огромного количества людей, забравшихся вместе со своим имуществом на комары церковные, сколько, по-видимому, от ударов стенобитных орудий осаждавших татар, здание рухнуло. Обвалившиеся своды и стены засыпали тайник доверху. Находившиеся внизу люди не успели осуществить свою безрассудную мысль пробиться к склону горы.

При описании находок в тайнике было отмечено, что на глубине от 1.40 до 2.00 м, т. е. значительно выше дна, был найден целый набор литейных формочек и на этой же глубине (1.80—2.00 м) — скелеты трех человек (среди них один подросток). Люди эти и набор формочек не находились в момент катастрофы на дне тайника. И люди и формочки несомненно упали сверху в уже более чем наполовину заваленный тайник. Находились ли они на хорах (тайник помещается как раз под западными хорами) и упали оттуда, или же они были среди тех, которые вытаскивали деревянными ведрами на веревке землю из тайника — об этом можно только фантазировать, но что разбившиеся на тридцать шесть кусков литейные формочки принадлежали одному из этих людей и были принесены в церковь как самое ценное из всего имущества, представляется нам единственным возможным объяснением этой исключительной находки.[1]

Тридцать шесть фрагментов формочек, найденных в тайнике под развалинами храма вместе с костяком хозяина, в одном отношении представляют для нас особый интерес. Сопоставление одной из формочек из тайника с рядом других подобных формочек, найденных раскопками разных лет на территории, окружающей Десятинную церковь, позволило обнаружить различные части одних и тех же формочек. Одна из них, найденная нашими раскопками 1948 г. на полу жилища-мастерской, расположенного неподалеку от церкви, позволила установить, откуда прибежал в Десятинную церковь ремесленник-ювелир, погибший под развалинами храма. Связь между разрушенными жилищами-мастерскими возле Десятинной церкви и тайником стала очевидной.

Южнорусский летописец, последовательно обрисовавший важнейшие этапы ожесточенной борьбы за Киев, не обмолвился ни словом о том, как вели себя победители в захваченном городе. Это обстоятельство не раз использовали те

[1] М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве, стр. 75.

исследователи, которые из разных побуждений стремились ослабить картину разорения и опустошения древнего Киева.

Однако самый характер ожесточенной и затяжной борьбы за город едва ли свидетельствует о благодушном отношении победителей к побежденному городу и его населению. В значительно более кратком известии Суздальской летописи о киевских событиях 1240 г. отмечено то, о чем по неизвестным причинам умолчал южный летописец: «Того же лета взяша Кыев татарове и святую Софью разграбиша, и монастыри все, и иконы и кресты, и вся узорочья церковная взяша, а люди от мала и до велика вся убиша мечем; си же злоба приключися до Рожества господня на Николин день».[1] Едва ли после изучения обстановки борьбы за город рассказ северного летописца покажется риторическим преувеличением или обыкновенным литературным шаблоном, как это казалось Антоновичу, Грушевскому и их последователям.

Достаточно сравнить рассказ северной летописи о взятии Киева с рассказом южной летописи о взятии Чернигова и Переяславля, чтобы убедиться в том, что рассказ о киевском разорении попал в Суздальскую летопись из достоверных источников (не даром же он сообщает и дату события!). Особенный скептицизм Антоновича и его единомышленников вызывала фраза летописца «а люди от мала и до велика вся убиша мечем».

Поголовного истребления горожан действительно не было в Чернигове, если следовать летописному рассказу. В летописи говорится лишь о большом количестве убитых воинов. В летописных рассказах о хозяйничании татар в захваченных ими городах нельзя не обратить внимания на различное отношение победителей к различным городам в зависимости от степени сопротивления, оказанного данным городом. Быстро сдававшиеся города отделывались, по-видимому, разграблением населения и особенно богатых монастырей и храмов. Но такие города на Руси татары встречали редко.

Судьба Киева больше напоминает судьбу маленького городка Козельска, героическое население которого выдержало семинедельную осаду, после чего в жесточайшей рукопашной схватке козляне с мужеством отчаяния «ножи резахуся» с татарами и, истребив до четырех тысяч монгольских воинов, «сами же избьени быша». Взяв город Козельск, Бату «изби вси и не пощаде от отрочат до сосущих млеко».[2]

Татары, разыскивая после боя трупы своих трех «темников», «не могоша их изнайти во множестве труп мертвых».[3] Летописец добавляет, что с той поры татары «не смеють его нарещи град Козлеск, но град злый, понеже бишася семь недель».[4] Неужели это тоже литературный шаблон?

Не менее ярко и правдиво описаны летописцем последствия татарского разгрома в городах Галицко-Волынской земли. Даниил с братом, услышав об уходе

[1] Лавр. лет. 6748 (1240) г.
[2] Ипат. лет. 6746 (1238) г.
[3] Там же.
[4] Там же.

татар на Восток, возвращались из Польши в родную землю. Дойдя до города Берестья, они не могли продолжать свой путь к Владимиру: «Не возмогоста ити в поле смрада ради и множьства избьеных, не бе бо на Володимере не остал живыи; церкви святой Богородицы исполнена трупья, иныа церкви наполнены быша трупиа и телес мертвых».[1]

Вскоре после разгрома Киева через южную Русь пробирался в ханскую ставку францисканец Плано Карпини, возглавлявший миссию, снаряженную папой Иннокентием IV в 1246 г., имевшую задачей войти с татарским ханом в мирные отношения и попытаться обратить его в христианскую веру.[2] Проезжая через южную Русь, Плано Карпини мог видеть с наглядной очевидностью все ужасы татарского погрома, от которых, по выражению современников, мог бы прослезиться антихрист.[3] Немногие строки, посвященные Карпини Киеву и Русской земле, представляют огромный интерес. Карпини писал в своем донесении: «. . . они (татары) произвели великое избиение в стране Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города, отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле, ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве».[4]

Захватив и разорив Киев, Бату продолжал свой поход на Запад. Огнем и мечом прошли татаро-монгольские полчища по Волынской и Галицкой землям, откуда направились в Польшу, Венгрию и Чехию. Татаро-монгольское вторжение в Центральную Европу повергло в ужас народы всей Западной Европы. Однако истощенные тяжелыми кровопролитными боями на Руси, татары уже не смогли преодолеть сопротивления чехов и их союзников и летом 1242 г. повернули обратно. На Нижней Волге образовался центр Золотой Орды. Все русские земли, включая непокоренный Новгород, подпали под господство татар.

Начался продолжительный период истории русского государства, названный К. Марксом «кровавым болотом монгольского ига». Это иго, продолжавшееся более двух столетий, по словам К. Маркса, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой».[5]

Великая освободительная роль героической борьбы русского народа для исторических судеб народов Западной Европы уже давно была высоко оценена передовой русской общественной мыслью. «России определено было великое предназначение, — писал А. С. Пушкин. — Ее необозримые равнины погло-

---

[1] Ипат. лет. 6748 (1240) г.

[2] Иоанн де П л а н о К а р п и н и. История Монголов. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. VII—IX.

[3] Там же, стр. VII.

[4] Там же, стр. 25.

[5] К. М а р к с. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. London, 1899.

тили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего востока».[1]

Много позже великий русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский утверждал: «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей».[2]

Татаро-монгольское нашествие, обрушившееся на древнейшую столицу Руси, не только превратило в руины этот величественный город. Значение Киева, заметно упавшее уже к середине XII в. в связи с ростом экономического и политического влияния других центров Руси и прежде всего Владимира на Клязьме, после 1240 г. окончательно упало, а некоторое время спустя Киев вместе с другими крупнейшими городами юго-западной Руси подпал под власть Литвы, а потом Польши государства.

Только в 1654 г. решением Переяславской Рады Киев как возрожденная столица Украины вновь вошел в состав Русского государства.

4. КИЕВ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ПОГРОМА

После разгрома Киева в 1240 г. летописные известия о нем становятся случайными и отрывочными. Составить по ним какое-либо представление о жизни Киева во второй половине XIII—XIV вв. невозможно. Отдельные летописные свидетельства южной и северных летописей заслуживают, однако, внимания.

Вскоре после ухода татарских войск в Венгрию в Киев вернулся князь Михаил. Летописец сообщает, что князь поселился, однако, не в самом городе, а «живяше под Киевом во острове».[3] А. И. Соболевский,[4] комментируя этот отрывок летописи, правильно, на наш взгляд, утверждал, что необходимость поселиться под Киевом была вызвана тем, что княжий двор и лучшие дома старого города лежали в развалинах.

В. Б. Антонович, стремившийся во что бы то ни стало доказать, что в XIII—XV вв. Киев не находился в «совершенном запустении», приводил в доказательство этой мысли несколько известий конца XIII—XIV в. о продолжавшемся существовании в это время некоторых старых монастырей и храмов.

Так, действительно, под 1277 г. в Воскресенской и Густынской летописях сообщается о посвящении архимандрита Киево-Печерского монастыря в епископы во Владимир.[5] Под 1289 г. при описании похорон волынского князя Владимира Васильковича упоминается другой архимандрит киево-печерский —

---

[1] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. VI, 1936, стр. 209.

[2] Литературное наследство, т. II, 1928, стр. 44.

[3] Ипат. лет. 6748 (1240) г.

[4] А. И. Соболевский. К вопросу об исторических судьбах Киева, стр. 284.

[5] Густ. лет. (ПСРЛ, II, стр. 345); Воскр. лет. 6782 (1274) г.

Агапит.[1] Третий архимандрит того же монастыря — Давид — известен как духовник второй жены Ольгерда.[2]

От конца XIV в. сохранились известия о погребении в Киево-Печерском монастыре многих знатных лиц — нареченного митрополита Дионисия (1385 г.), князя Иоанна (Скиргайла) Ольгердовича (1396 г.) и князя Владимира Ольгердовича. Наконец, в 1399 г. Киево-Печерский монастырь, откупаясь от орды Темир-Кутлука, напавшей на Киев, дал татарам «окупу 30 рублев».[3]

Из всех перечисленных выше фактов можно сделать лишь один неоспоримый вывод о том, что в XIII—XIV вв. под Киевом продолжал существовать Киево-Печерский монастырь. Но продолжающееся существование одного из многочисленных когда-то киевских монастырей отнюдь не является свидетельством, опровергающим в какой-либо степени нарисованной выше по летописным и археологическим источникам картины полного разорения и опустошения Верхнего города, произведенного монголами в 1240 г.

Более того, существование в конце XIII—XIV вв. Киево-Печерского монастыря как церковной организации не говорит даже о том, в каком состоянии находились в это время его основные сооружения и, в частности, Успенская соборная церковь.

Среди надгробий над погребенными в монастыре знатными лицами заслуживает внимания надгробие князя Симеона Олельковича, погребенного 3 декабря 1471 г. (6978 г.). А. Кальнофойский в своей «Тератургиме» привел текст надгробия, представляющий несомненно значение для освещения поставленного выше вопроса. Над гробом кн. Симеона в начале XVII в. существовала следующая надпись: «Посетитель! Каким образом ты видишь это великое здание? Каким образом ты осматриваешь это художественно воздвигнутое сооружение? Двести тридцать три года тому назад здесь были одни только обломки камней, когда церкви Батыем лишены были своей красоты. Оно воздвигнуто было иждивением князя Симеона в честь Бога и Пречистой Его Матери».[4]

Изучение техники кладки Успенского собора уже исследователей конца XIX в. приводило к выводу, что от здания XI в. в составе существующей постройки сохранились лишь незначительные остатки. Исследование руин собора после взрыва его немецко-фашистскими захватчиками в 1941 г. приводит нас к еще более определенным выводам — эпитафия Симеону как одному из «фундаторов» Лавры не преувеличивает его участия в реставрации собора из руин.

Текст эпитафии, переведенной Кальнофойским на польский язык силлабическими стихами, был исполнен, по-видимому, одновременно с многими другими

---

[1] Густ. лет., стр. 604.

[2] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, V, прим. 44.

[3] В. Б. Антонович. Киев, его судьба и значение. . ., стр. 227.

[4] Сборник материалов для исторической топографии Киева. Киев, 1874, отд. II, стр. 28—29.

надгробиями значительно позже погребения, но возможно, что он в какой-то степени повторяет (по содержанию) текст древнего надгробия.

Мнение В. Б. Антоновича,[1] повторявшееся позже неоднократно, о том, что разрушение Успенского храма, относимое в эпитафии ко временам разгрома Киева Батыем, в действительности произошло в 1416 г., при набеге крымских татар Едигея, ничем не подтверждено.

В памяти людей XV—XVII вв. события начала XV в., казалось бы, должны сохраниться лучше, чем события начала XIII в., однако и текст эпитафии, и Синопсис, и свидетельства путешественников XVI—XVII вв. связывают разрушение Печерского монастыря с разгромом Киева в 1240 г.

Несколько раз северные летописи сообщают о различных событиях, происходивших в конце XIII—XIV в. в Киево-Софийском соборе. Так, в 1280 г. в соборе был погребен митрополит Кирилл, скончавшийся в Переяславле Суздальском,[2] в 1288 г. митрополит Максим рукополагал «в святой Софии в Киеве» Иакова в епископы владимирские,[3] а в 1289 г. — Тарасия в епископы ростовские,[4] с 1376 г. по 1380 г. и позже с 1382 по 1390 г. в Киеве, на митрополичьем дворе, «у святой Софьи», жил непризнанный в Москве князем Дмитрием Донским митрополит Киприан,[5] наконец, в 1396 г. киевский князь Скиргайло пировал на митрополичьем дворе «у святой Софии», у наместника Фомы.[6]

Все эти факты говорят о том, что Софийский собор в Киеве после монгольского разгрома и расхищения оставался все же пригодным для богослужения и в течение указанного периода продолжал оставаться городским действующим храмом. Как свидетельствуют путешественники конца XVI—XVII в., несмотря на крайнюю степень разрушения, до которой этот храм был доведен к началу XVII в., он все же и тогда наряду с собором Михайловского Златоверхого монастыря оставался действующим храмом, переходя от православных к униатам и обратно.

Значительный интерес для изучения состояния Верхнего Киева представляют известия иностранных путешественников, посещавших Киев в XVI—XVII вв.

В записках и донесениях С. Герберштейна, А. Гваньини, Э. Ляссоты, Р. Гейденштейна с восхищением повествуется о царственном величии руин, укреплений храмов и монастырей древнего города, расположенных «на соседних горах». Чтобы понять эти топографические указания, нужно иметь в виду, что в литовский и польский периоды жизнь города была сосредоточена в основном на Подоле. Киево-Подол в послемонгольское время стал синонимом Киева; вот почему развалины старого (Верхнего) Киева, его церквей и монастырей описываются как находящиеся на соседних горах.

---

[1] В. Б. Антонович. Киев, его судьба и значение. . ., стр. 239.

[2] Ник. лет., 6788 (1280)г.

[3] Ник. лет. 6796 (1288) г.

[4] Ник. лет. 6797 (1289) г.

[5] Ник. лет. 6884 (1376), 6888 (1380), 6890 (1382), 6998 (1390) гг.

[6] В. Б. Антонович. Киев, его судьба и значение. . ., стр. 239.

Когда московские воеводы с кн. Федором Куракиным во главе в 1654 г. прибыли в Киев и приступили к обновлению оборонительных сооружений города, они отказались от восстановления литовского замка на Киселевке, подробно обосновав в донесении царю Алексею Михайловичу недостатки этого укрепления. Наоборот, они высоко оценили фортификационные возможности древнейших киевских укреплений, к восстановлению которых вскоре и приступили, несмотря на сопротивление киевского митрополита Сильвестра, который не хотел отдавать московским воеводам «Софийской слободы», как назывался в это время Верхний Киев. Опустевшая территория Ярославова и Владимирова городов принадлежала в XVII в. митрополиту, который считал ее неотъемлемой собственностью киевской митрополии. За древними валами Ярославова города ютилось лишь несколько десятков казачьих и крестьянских хат, принадлежавших новым поселенцам, созванным в 1600 г. киевским воеводой кн. Константином Острожским «на запустелое место».[1]

В течение второй половины XVII в. древние укрепления Верхнего города обновлялись неоднократно. В это же время появились в Верхнем городе сооружения, необходимые для обеспечения московского гарнизона, разместившегося в обновленной великокняжеской крепости. В это же время начались работы по восстановлению отдельных наиболее сохранившихся древних храмов.

В начале XVIII в. древние киевские укрепления, обновленные московскими воеводами, были вновь и окончательно заброшены. Петр I выстроил новую Киевскую крепость на Печерске. Территория Верхнего Киева вновь опустела, гарнизон был переведен на Печерск, укрепления постепенно разрушались.

Как место для «загородных» прогулок среди пустынных романтических руин древних укреплений описывают Верхний Киев по воспоминаниям юности еще киевские старожилы второй половины XIX в.[2] Только в 40-х годах XIX в. реконструкция города по вновь утвержденному плану стерла с лица земли последние остатки древних укреплений, а многочисленные руины древних княжеских дворцов, храмов и монастырей оказались под вновь проложенными улицами и жилыми кварталами нового города.

---

[1] П. Г. Лебединцев. Росписной список г. Киева 1700 г. Киев, 1892, стр. 51.

[2] П. Г. Лебединцев. К материалам для исторической топографии Киева. Чтения в Церковно-археологическом обществе при Киевской дух. акад., вып. X, 1910, стр. 1—26. — И. Д. Богатинов. Воспоминания. Русский архив, 1899, № 3, стр. 422—425.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1

Древнейший период истории Киева носил полулегендарный характер до тех пор, пока историки пользовались лишь сведениями, почерпнутыми из летописей и некоторых других письменных источников, игнорируя или не умея использовать в качестве исторических источников археологические памятники.

Сказочный туман легенд, которым долгое время была овеяна древнейшая история Киева, в результате археологических исследований на территории города и его окрестности, широко развернувшихся начиная с первых десятилетий нашего века, постепенно развеивается, позволяя восстановить основные исторические этапы формирования древнейшей столицы Русского государства.

Более полувека назад А. А. Спицын, характеризуя известные в ту пору археологические памятники, связанные с территорией Киева, утверждал, что лишь два предмета могут быть отнесены ко времени II—IV вв., считая при этом, что местное происхождение и этих двух предметов сомнительно. Подробно охарактеризованные в первой главе настоящего исследования серии разнообразных памятников первой половины I тысячелетия н. э., обнаруженные в разное время на территории Киева, — керамика как зарубинецко-корчеватовского, так и черняховского типов, многочисленные клады римских монет, различные случайные вещи, а также несколько погребений корчеватовского и черняховского типов неоспоримо свидетельствуют о существовании на территории будущей столицы Древнерусского государства значительно более древних поселений. Время их возникновения в настоящее время не может быть уточнено. Можно, однако, с уверенностью утверждать, что они существовали уже в первые века нашей эры, возникнув, по-видимому, еще в конце предшествующего тысячелетия.

Поскольку находки кладов римских монет долгое время связывались преимущественно с Подолом, давно возникла мысль, что поселение первых веков

нашей эры было расположено в Подольской части Киева, где-то в устье Почайны. Эту мысль особенно энергично отстаивал в конце XIX в. В. Б. Антонович.

Топография известных ныне кладов, случайных находок и нескольких погребений этой поры дает основание решительно отвергнуть это предположение. Находки, относящиеся к первой половине I тысячелетия н. э., обнаружены, как это видно на сводном плане археологических находок, в нескольких, весьма удаленных один от другого районах современного города.

Наиболее богатые по своему составу и наиболее древние клады римских монет найдены в Верхнем нагорном Киеве в районе Львовских ворот, т. е. в северо-западной части города Ярослава.

В северо-западной части Верхнего Киева, на Андреевской горе, на территории, где в IX—X вв. раснолагалось городище, в дальнейшем сыгравшее решающую роль в сложении Киева, обнаружены остатки древнейшего некрополя типа полей погребений. Несмотря на немногочисленность открытых здесь захоронений, есть основание утверждать, что могильник этот существовал длительное время. Наномним, что погребения, раскопанные на Андреевской горе, относятся как к раннему (корчеватовско-зарубинецкому), так и к более позднему (черняховскому) типу культуры полей погребений.

Значительная группа кладов римских монет III—IV вв. и ряд отдельных находок связаны с Подолом, что и послужило основанием широко распространенного и долго державшегося убеждения, что именно здесь, в устье р. Почайны, следует искать древнейшее поселение — зародыш будущего города.

Достаточно многочисленные фрагменты керамики как корчеватовского, так и черняховского типов обнаружены на различных участках горы Киселевки. Там же известны несколько случайных находок римских монет. Характер керамических находок на Киселевке свидетельствует о существовании здесь поселения, а не некрополя.

Клад римских монет и несколько случайных находок обнаружены на Печерске и на прилегающей к нему территории.

Итак, клады, случайные находки и погребения первых веков нашей эры локализуются в основном в пяти районах Киева, порой весьма отдаленных один от другого.

Следует также наномнить, что недалеко за современной городской чертой, южнее древних пригородных киевских монастырей Печерского и Выдубицкого, расположен известный Корчеватовский могильник.

Разумеется, грубейшей ошибкой следует признать нонытки рассматривать упомянутые выше памятники как свидетельство существования на территории будущего города какого-то огромного поселения, превосходившего по площади не только Киев XI—XIII вв., но и современный город. Именно эту ошибку допускал в свое время Ляскоронский, пытавшийся связать разбросанные по огромной территории современного Киева клады римских монет первых веков нашей эры с хозяйственной жизнью и исторической тонографией позднейшего княжеского Киева. Рассматривая поселение нервых веков нашей эры не только

как единый, крупнейший по размерам город, и к тому же как город, топография которого в основном предопределила историческую топографию Киева XI—XIII вв., Ляскоронский не учитывал то, что даже в городе конца X в. и тем более в поселениях конца VIII—X в., существовавших на территории будущего Киева, еще далеко не определились черты исторической топографии города XI—XIII вв. В этих ошибочных сопоставлениях нельзя не усматривать отголосок широко распространенной некогда теории о существовании на месте Киева большого «Днепровского города» — мифической столицы готской империи Эрманарика.

Случайный, эпизодичный характер бо́льшей части находок, связанных с поселениями первых веков нашей эры, на территории Киева не позволяет дать развернутую социально-экономическую характеристику этих поселений. Несомненна связь упомянутых выше разнообразных памятников с культурой полей погребений как с зарубинецко-корчеватовским, так и с черняховским ее этапами. Как известно, интерпретация социальных и этнических основ этой культуры связана со многими, до сих пор не преодоленными трудностями, вызванными прежде всего совершенно недостаточной степенью изученности памятников.

Существенной особенностью ранних поселений на территории Киева являются развитые связи их населения с периферией римского мира. Об этом свидетельствуют многочисленные находки римских монет как отдельными экземплярами, так и в виде крупных кладов, а также находки различных изделий римского происхождения (светильник, камея, фибула и пр.).

Характер этих связей в трудах, посвященных изучению культуры полей погребений, трактовался, как известно, весьма различно, так же как весьма несходны между собой выдвигавшиеся за последние полтора десятилетия общие исторические концепции этого периода. Разбирать их здесь в связи с историей древнейших поселений на территории Киева, разумеется, нет необходимости. Углубленное изучение этого периода в истории Восточной Европы, требующее прежде всего новых систематических раскопок хорошо сохранившихся поселений и могильников этой поры, позволит уточнить историческое значение и тех древнейших поселений на территории Киева, случайные остатки которых, при самом тщательном их собирании и изучении, не позволяют реконструировать социально-экономический характер этих поселений с желаемой полнотой и убедительностью.

Клады римских монет и другие памятники, связанные с культурой полей погребений на территории Киева, не переходят за грань середины V в. Длительный период от середины V до второй половины VIII в. является, как известно, наиболее темным в истории Восточной Европы. Сказанное вполне подтверждается и историей Киева. Среди многочисленных археологических памятников, найденных на территории города, к этому периоду можно отнести лишь несколько случайных находок ювелирных изделий, исчерпывающе перечисленных и коротко охарактеризованных в первой главе настоящего исследования. На-

ходки эти, несмотря на эпизодический характер их, несомненно свидетельствуют о том, что в VI—VIII вв. на территории Киева существовали какие-то славянские поселения, преемственная связь которых с поселениями эпохи полей погребений пока отнюдь не может считаться бесспорно доказанной. Характер поселений VI—начала VIII в. на территории Киева, о самом существовании которых мы можем лишь догадываться по нескольким случайным находкам ювелирных изделий, остается до настоящего времени загадочным. Даже общий облик материальной культуры поселений этого времени, в частности тип жилищ, керамика, орудия производства, пока неизвестны. Попытку отнести к этому периоду лепную керамику, обнаруженную раскопками на горе Киселевка, нельзя признать обоснованной. Сказанное о поселениях VI—VIII вв. на территории Киева может быть почти полностью отнесено и к другим поселениям лесостепной полосы Восточной Европы этого периода, самый факт существования которых порой подвергался сомнению.

2

В конце VIII, а особенно в IX—X вв. исторический путь развития города становится значительно более ясным и конкретным благодаря замечательным по своей убедительности археологическим источникам, добытым раскопками последних десятилетий.

До недавнего времени было широко распространено убеждение, что первоначальным ядром Киева был так называемый «город Владимира», т. е. город, который при князе Владимире Святославиче был укреплен земляным валом и рвом.

Археологическими раскопками на территории Владимирова города было с несомненностью доказано, что этот «город» не может быть признан древнейшим ядром Киева. Раскопками был обнаружен глубокий ров, являющийся остатком значительно более древних оборонительных сооружений Киевского городища, расположенного на северо-западной оконечности Андреевской горы, защищенной с запада и с севера крутым обрывом этой горы. Этот ров и находившийся за ним земляной вал ограждали Киев VIII—X вв., территория которого была значительно меньше территории города Владимира.

В центре этого маленького, но прекрасно укрепленного городка раскопками В. В. Хвойки были обнаружены развалины языческого капища — жертвенника, сложенного из глыб неотесанного камня, возле которого были найдены многочисленные обломки костей жертвенных животных и фрагменты лепной керамики. За рвом древнейшего городища, вплотную примыкая к нему, был расположен древний языческий курганный могильник, изучение которого дало исключительно ценные материалы для характеристики Киева в IX—X вв.

Археологическими исследованиями установлено, что на территории современного города в конце VIII—первой половине X в., помимо городища на Андреевской горе, существовало еще не менее двух укрепленных поселений. Первое

из них, расположенное на горе над Иорданской церковью, привлекло к себе внимание киевских археологов еще в 70-х годах прошлого века. В. Б. Антонович, связывая это городище с летописным названием горы Хоревицы, считал, что здесь в IX—X вв. был «многолюдный торговый центр». К сожалению, все внимание археологов 70-х годов было привлечено к погребениям и кладам, открытым в этом же районе, городище же осталось совершенно неисследованным. Не подвергнул это городище серьезному археологическому исследованию и В. В. Хвойка, занимавшийся в 70-х годах обследованием этого района Киева. Городище к этому времени было уже сильно разрушено оползнями. Как показало новое обследование этого района, в настоящее время от городища почти ничего не сохранилось.

От третьего славянского поселения VIII—X вв., расположенного на северо-западном склоне горы Киселевки, сохранилась лишь незначительная часть, бóльшая часть его была уничтожена, по-видимому, в XIV в. при устройстве северного въезда в замок, разместившийся на горе в период литовского владычества. Раскопками 1932 и 1940 гг. здесь обнаружены многочисленные фрагменты лепной и гончарной керамики, костяных изделий и остатки двух плохо сохранившихся жилищ IX—X вв.

Таким образом, наряду с городищем на Андреевской горе, охарактеризованным выше, и ныне полностью разрушившимся городищем над Иорданской церковью городище на Киселевке являлось одним из трех известных ныне поселений конца VIII—X в. на территории будущего города. Было бы ошибкой, опираясь на совпадение количества городищ, случайно уцелевших поныне на территории Киева, с числом братьев, упомянутых в легенде об основателях города, рассматривать это совпадение как прямое подтверждение народной легенды, сохраненной летописцем. Вместе с тем несомненно, что легенда о трех братьях — основателях города отражает реальный исторический факт существования на территории Киева нескольких самостоятельных поселений, лишь позже (по-видимому, в конце X в.) слившихся в один большой город. Следует подчеркнуть, что преемственная связь этих поселений с поселениями VI—VIII вв. на территории Киева пока также не доказана, как не доказана преемственная связь поселений VI—VIII вв. с поселениями первых веков нашей эры, остатки которых подробно охарактеризованы выше. Изучение исторической топографии целого ряда древнейших русских городов позволило установить, что многие из них также сформировались в конце IX—X в. из нескольких самостоятельных укрепленных городищ, одно из которых стало ядром детинца нового города, а другие либо вошли в состав городского посада, либо постепенно запустели.

3

Остатки трех городищ конца VIII—X в., одно из которых в X в. становится детинцем столицы Древнерусского государства, весьма незначительны и не дают возможности с желательной полнотой реконструировать социально-эко-

номический облик этих поселений — прямых предшественников исторического Киева. Тем большее значение для изучения исторических судеб Киева в IX—X вв. представляют замечательные материалы древнего киевского некроноля.

Подобно некрополям Чернигова и Смоленска, погребальные комплексы которых уже давно привлекли к себе внимание археологов, киевский некрополь в результате исследований последних лет выступил в качестве одного из важнейших исторических источников для изучения древнейшего периода истории города.

Обнаруженные на территории Киева многочисленные погребения IX—X вв., несмотря на хронологическую близость их между собой, отнюдь нельзя рассматривать как части какого-то единого грандиозного могильника. Бóльшую часть погребений IX—X вв., открытых раскопками разных лет, несомненно следует рассматривать как древний могильник у городища на Андреевской горе. Основная часть этого могильника была расположена к юго-востоку от земляного вала и рва, ограждавших это городище. Вплоть до последних десятилетий X в., когда по инициативе князя Владимира Святославича здесь началось строительство Десятинной церкви и каменных княжеских дворов, весьма значительная площадь, примыкавшая к земляному валу древнего городища, была сплошь занята сотнями больших и малых курганов. Восточную границу этого могильника установить трудно, но, судя по находкам отдельных погребений, древний могильник располагался почти по всей площади, которая в конце X в. вошла в границы Владимирова города.

Вплоть до 30-х годов XI в., т. е. до начала строительства нового грандиозного архитектурного ансамбля Ярославова города, к югу и юго-западу от границ Владимирова города было расположено «поле вне града», на котором высились огромные курганы, один из которых «Дирова могила», по словам летописца, сохранился «за святою Ориною» даже и тогда, когда вырос архитектурный ансамбль Ярославова города. Находка богатых погребений на Софийском дворе и богатейшее погребение дружинника, случайно обнаруженное в 1900 г. при земляных работах на углу Рейтарской и М. Владимирской улиц, свидетельствуют о том, что Дирова могила в IX—X вв. была далеко не единичным курганом на «поле вне града». Были ли эти курганы частью могильника на Андреевской горе, или же их следует рассматривать в какой-то иной связи — сказать с уверенностью трудно. Следует напомнить лишь, что никаких остатков городища этого времени на территории Ярославова города не обнаружено.

Несколько весьма значительных курганных групп IX—X вв. хорошо сохранилось вплоть до настоящего века на взгорьях вдоль Кирилловской ул. (ныне ул. Фрунзе). Значительная часть их разновременно была подвергнута раскопкам. Могильник на Кирилловских взгорьях, по-видимому, примыкал к городищу, расположенному некогда над Иорданской церковью. Однако трудно сказать, следует ли связывать с этим городищем все многочисленные курганные группы, расположенные вдоль Кирилловской ул., начиная от Верхней Юрковицы и вплоть до Кирилловского монастыря. Очень возможно, что наибо-

лее удаленные из них являлись частью самостоятельного могильника, примыкавшего к какому-то неизвестному нам поселению в районе Дорогожичей.

Погребальные комплексы обоих киевских могильников распадаются на две группы, резко различающиеся между собой по богатству инвентаря и большей или меньшей сложности погребального обряда. К первой группе мы относим многочисленные погребения с простым, но устойчивым обрядом захоронения и несложным, бедным инвентарем. В составе этой группы можно выделить погребения с трупоположением (ингумацией) и погребения с трупосожжением (кремацией). По характеру инвентаря обе эти разновидности погребений не отличаются.

Ко второй группе отнесены значительно менее многочисленные погребения, встречающиеся в обоих могильниках, с исключительно богатым и разнообразным инвентарем и сложным устройством могильных сооружений в виде деревянных камер различных конструкций. В качестве самостоятельной подгруппы и в этом случае необходимо рассматривать погребения с сожжением, богатый инвентарь которых очень близок к инвентарю богатых погребений с трупоположениями.

Несмотря на то, что рядовые погребения с бедным инвентарем, не привлекая к себе внимание, нередко разрушались без научной регистрации, соотношение между богатыми погребениями со сложным обрядом и скромными рядовыми погребениями отнюдь не подтверждает мысль об аристократическом характере могильников IX—X вв., расположенных у древнерусских городов, нередко изображавшихся как кладбища дружинной знати.

Рядовые захоронения киевского некрополя характеризуются в основном устойчивым обрядом погребения и, в частности, устройством могилы. В то же время следует отметить и некоторые отличительные особенности. Так, среди массовых захоронений с трупоположением зарегистрированы случаи захоронений, где скелеты были окружены железными гвоздями, воткнутыми в землю на небольшом расстоянии один от другого, что свидетельствовало о замене деревянного гроба покрытием покойника какой-то тканью или рогожей.

Известны в киевском некрополе случаи посыпания покойника золой и углями, что несомненно следует рассматривать как пережиток обряда трупосожжения. Отголоском еще более древних представлений является обряд посыпания покойника зерном (пшеницей, просом, льняным семенем).

Как уже сказано выше, погребальный инвентарь в рядовых захоронениях киевского некрополя очень несложен и незначителен по количеству. В мужских захоронениях этой группы встречаются железные ножи с костяной рукоятью, кресало и кремень для высекания огня, оселок для заточки ножа или стрел, костяной гребень в футляре, костяные роговые поделки в виде тупого острия, кабаньи клыки. Несколько богаче по инвентарю рядовые женские погребения, для которых характерны ожерелья, височные кольца, серьги, очень редки перстни, совсем не встречены металлические браслеты. Нередка в рядовых погребениях киевского некрополя глиняная посуда или в виде целых сосудов, по

видимому с пищей, или в виде обломков, может быть, представляющих остатки погребальной тризны. Погребальный инвентарь массовых захоронений киевского некрополя не отличается от изделий, известных по находкам на городищах той же поры, и, за исключением привозных бус, является продукцией местного ремесла, процесс выделения которого форсированно протекал именно в эту пору.

Среди массовых захоронений киевского некрополя заслуживают особого упоминания несколько погребений рядовых дружинников, составлявших основную массу княжеской дружины. Судя по характеру погребального инвентаря и особенно погребального обряда, эта группа княжой дружины по своему социальному положению резко выделялась от обособляющейся аристократической верхушки дружины. Особняком среди захоронений киевского некрополя стоит единственное погребение купца, возле скелета которого лежали медные чашки от весов, складное коромысло к ним, 9 гирек и одна золотая византийская монета (913—959 гг.).

Наличие в киевском некрополе двух различных погребальных обрядов, что характерно не только для массовых захоронений, но и для богатых погребений киевской знати, известно не только в Киеве IX—X ст. Сосуществование погребальных обрядов ингумации и кремации типично и для могильников Чернигова, причем материалы и киевского и черниговского некрополей свидетельствуют об одновременности обоих обрядов. Сосуществование погребальных обрядов ингумации и кремации, как известно, было характерно еще для полей погребений. В. В. Хвойка считал, что славяне VIII—X вв. унаследовали эту черту именно оттуда. Однако простой ссылкой на более древнюю традицию происхождение самого явления объяснить нельзя. Только глубокое и всестороннее изучение общего процесса формирования восточного славянства позволит когда-нибудь подойти к обоснованному решению и интересующего нас частного вопроса о сосуществовании двух различных погребальных обрядов в некоторых русских городских некрополях IX—X вв.

Наряду с массовыми погребениями в составе киевского некрополя давно уже обратила на себя внимание гораздо менее значительная по количеству группа богатых по инвентарю погребений с гораздо более сложным устройством могильных сооружений. Богатое вооружение, пышные одежды и драгоценные украшения, скелет коня и роскошная конская упряжь, находимые в погребениях этой группы, свидетельствуют о том, что это погребения знатных представителей княжеской дружины. В нескольких случаях погребенного сопровождает женщина, по-видимому, убитая рабыня. К числу богатых погребений знати относится также несколько погребений с кремацией покойников, по характеру погребального инвентаря не отличающихся от погребений в срубах.

Погребениям знатных дружинников по богатству инвентаря не уступали и погребения знатных женщин той же поры, хотя по устройству могильных сооружений эти погребения несколько проще.

В составе погребального инвентаря киевского некрополя наряду с многочисленными местными изделиями, характеризующими растущее городское

ремесло, нельзя не заметить и ряда вещей, несомненно привезенных в Киев издалека, свидетельствующих о многообразных связях верхушки киевского общества.

Вопреки широко распространенному взгляду о большом значении Византии в сложении древнерусской культуры и, в частности, о крупной роли византийского импорта, следует подчеркнуть, что вещей византийского и, в частности, херсонесского происхождения в погребальном инвентаре киевского некрополя почти нет, если не считать четырех византийских монет X в. и одного местного подражания византийской монете IX в., а также херсонесского ключика, найденного в одном из погребений.

Связи с Халифатом в инвентаре киевского некрополя отражены довольно многочисленными диргемами X в., превращенными в подвески, настовыми («глазчатыми») бусами, как известно, в огромном количестве ввозившимися не только в Восточную Европу, но и в Скандинавию и на Запад, и отдельными предметами художественного ремесла (бронзовая курильница, поливная керамика). Связи Киева с Халифатом отражены, помимо вещей погребального инвентаря, также и в материалах нескольких нумизматических и вещевых кладов, найденных на территории Киева.

О связях с северо-восточными районами Восточной Европы свидетельствует кресало с фигурной бронзовой ручкой в виде двух хищных птиц, клюющих в голову человека, найденное в большом кургане на Кирилловских взгорьях. Близкие аналогии этого изделия известны среди древностей Прикамья.

Из числа изделий, ввозившихся в Киев из Западной Европы, можно отметить только франкские мечи, найденные в нескольких богатых погребениях. Особый и явно преувеличенный интерес издавна вызывали вещи скандинавского происхождения. В составе погребального инвентаря киевского некрополя есть ряд вещей несомненно скандинавского происхождения (несколько скорлупообразных и кольцевых бронзовых фибул и две круглые серебряные фибулы, украшенные филигранью и зернью). Вещи скандинавского происхождения, найденные в составе погребальных комплексов киевского некрополя, и отдельные случайные находки этого же рода, обнаруженные на территории города, неоспоримо свидетельствуют о крайне незначительной роли их даже в жизни социальных верхов киевского общества IX—X вв., не говоря уже о массах городского населения, в культурном облике которого нет ни одной черты, которую можно было бы отнести за счет норманского влияния.

Наличие в киевском некрополе, как и в ряде других городских могильников Среднего Поднепровья, наряду с широко известными дружинными погребениями с кремацией покойников дружинных же погребений с трупоположением в срубных гробницах вызывало различные попытки истолкования этой двойственности погребального обряда. Ни одно из предлагавшихся решений, однако, нельзя признать удовлетворительным. Погребальный инвентарь и некоторые особенности погребального обряда, характерные для обеих групп, с несомненностью свидетельствуют об общности социальных признаков тех и других погре-

бений. Однако общность социальных черт, присущих погребениям различных типов, отнюдь не позволяет игнорировать весьма существенных отличий в обряде погребения в срубной гробнице от обряда кремации, тем более, что, как уже отмечалось выше, эти отличия в обряде погребения были в ту пору присущи и массовым погребениям горожан. Причины этих отличий следует, по-видимому, искать в неоднородности этнографического состава населения крупнейших древнерусских городов Среднего Поднепровья.

Для окончательного решения вопроса об этнической принадлежности срубных гробниц киевского некрополя необходимо не только изучение всех срубных гробниц Среднего Поднепровья и Поросья, но и глубокое исследование проблемы двойственности обрядов погребения в различные периоды истории восточного славянства.

4

В конце X в. старое, наиболее укрепленное городище на Андреевской горе, очевидно, уже оказалось недостаточным для роли детинца быстро растущего города. Князь Владимир Святославич сооружает новые укрепления, значительно расширив территорию древнего городища. Древний ров и вал, оказавшиеся внутри новых укреплений, были уничтожены, а языческие курганы старого могильника, расположенные теперь в центре нового детинца, были снесены. В 989 г. на площади, образовавшейся в результате сноса курганных насыпей, была заложена каменная Десятинная церковь, под глубоким фундаментом которой сохранилось немало древних языческих захоронений.

Ставшая центром нового детинца, площадь могильника в X—XI вв. застраивается княжескими дворцами и хоромами знати, а на территории древнего городища и на трассе засыпанного рва возникают жилища-мастерские княжеских холопов-ремесленников.

Границы не дошедших до нашего времени укреплений Владимирова города достаточно точно устанавливаются по письменным и графическим источникам значительно более позднего времени. Единственным реальным остатком Владимирова города являются развалины каменной воротной башни, известной под более поздним названием «Батыевых ворот», обнаруженные раскопками на углу Владимирской и Б. Житомирской улиц.

Укрепления Киевского детинца, созданные в конце X в. князем Владимиром Святославичем, охватывали территорию, значительно бо́льшую по сравнению с территорией древнего городища на Андреевской горе, на месте которого они возникли. Однако в результате быстро возраставшего в конце X—начале XI в. экономического и политического значения Киева как столицы Древнерусского государства уже вскоре появилась необходимость нового значительного расширения территории детинца и создания новой более мощной системы оборонительных сооружений. Строительство новых укреплений, начатое по инициативе Ярослава Мудрого в конце 30-х годов XI в., продолжалось, по-видимому,

ряд лет. Киевские летописцы крайне скупо освещают грандиозные работы по строительству оборонительных сооружений. В сообщении о закладке Ярославом в 1037 г. «города великого» упомянуты только одни Золотые ворота. О других воротах Ярославова города — Жидовских и Лядских — летописцы упоминают лишь попутно, повествуя о различных событиях военной истории города в XII—XIII вв.

Надолго заброшенные после татаро-монгольского разгрома укрепления Ярославова города вновь привлекли к себе внимание лишь в середине XVII в. С первых дней воссоединения Украины с Русским государством московское правительство проявляло чрезвычайную заботу об укреплении обороноспособности Киева. Московские воеводы, прибывшие в Киев в феврале 1654 г., правильно подметив крупные недостатки литовского замка, сооруженного вместо старых укреплений Ярославова города на горе Киселевке, решительно отказались от возобновления этого укрепления. Наоборот, очень высоко оценив фортификационные возможности старых, уже давно заброшенных земляных валов Ярославова города, они решили «делать городовое строение» на киевских высотах. Исключительная быстрота строительства укреплений, охвативших огромную территорию Верхнего Киева, свидетельствует о том, что московские воеводы в 1654—1655 гг. отнюдь не строили новую крепость, а лишь обновляли укрепления Ярославова города, в полной мере использовав при этом огромные земляные валы XI в., на которых после небольшого ремонта и частичной подсыпки был поставлен «тын стоячий, в одно бревно», т. е. простейшая система деревянных укреплений.

Несмотря на ряд позднейших ремонтов и перестроек, проводившихся в XVII—XVIII вв., древние укрепления Ярославова города в значительной степени сохранялись вплоть до 30-х годов XIX в., когда в связи с перепланировкой города их начали постепенно сносить. Значительные части древних валов на различных участках города сохранились до наших дней.

Чрезвычайно ценным источником для изучения древних укреплений Ярославова города являются многочисленные планы Киева XVII—первой половины XIX в. и несколько «росписных списков» XVII—XVIII вв., несмотря на то, что все эти планы и описания фиксируют состояние киевских укреплений, разумеется, уже после восстановления их московскими воеводами.

Еще в конце XIX в. П. Лебединцев, опираясь на эти источники, в противовес широко распространенной в ту пору ошибочной реконструкции плана Ярославовых укреплений, в которой за древнюю восточную границу укреплений принимался вал, выстроенный в 1679 г. внутри древних валов от Золотых ворот до Михайловского монастыря, предложил новую серьезно обоснованную реконструкцию восточной части Ярославова города. Реконструкцию П. Лебединцева, по-видимому, не зная о ее существовании, в недавнее время вновь серьезно аргументировали А. М. Тихонович и Н. Н. Ткаченко.

Подробные описания оборонительных сооружений в «росписях» XVII—начала XVIII в., а также планы Киева XVIII—начала XIX в. позволяют с уве-

ренностью восстановить план мощных укреплений Ярославова города. От Золотых ворот Ярославов вал шел на запад параллельно современной улице Ворошилова (бывш. Б. Подвальная или Ярославов вал), по краю нагорья, круто обрывающегося к долине среднего течения р. Лыбеди. В районе Сенного базара (Львовская площадь) находились Жидовские ворота. Далее вал поворачивал на восток, проходя по обрывистому краю нагорья над Кожемяцким ущельем и Гончарами, параллельно современной Б. Житомирской ул., и примыкал к более древним укреплениям Владимирова города, вблизи от Софийских (Батыевых) ворот. Восточная половина Ярославова города может быть реконструирована столь же уверенно. От Золотых ворот, пересекая современную Владимирскую ул., вал тянулся до пересечения М. Подвальной ул. и Михайловского переулка и спускался в Крещатицкую долину, в район современной площади Калинина, где находились в древности Лядские ворота. Оттуда вдоль современной Костельной ул. вал поднимался к Михайловскому Златоверхому монастырю, охватывая его вдоль обрыва Владимирской горки.

До недавнего времени было широко распространено мнение о том, что древние оборонительные сооружения Ярославова города в результате огромных работ по перепланировке Киева, проведенных в середине XIX в., полностью исчезли, за исключением развалин Золотых ворот. При различных земляных работах, проводившихся на территории Верхнего города, изредка удавалось проследить лишь отдельные элементы деревянных конструкций, сохранившихся внутри земляных валов и особенно у их основания. Исключительный интерес представляют результаты археологических раскопок восточной части Ярославова вала, проведенных Институтом археологии в 1952 г. Важнейшим результатом этих раскопок было обнаружение на довольно значительном участке хорошо сохранившихся остатков деревянных, плотно забитых землей клетей, составлявших внутривальную конструкцию оборонительных сооружений. Разумеется, не только деревянные стены, стоявшие некогда на валу, но и верхняя часть самого вала не сохранились. Лишь гипотетически удалось представить высоту древнего вала, превышавшую на изученном участке 12 м.

Раскопки 1952 г. еще раз подтвердили грандиозный масштаб строительства Ярославова города, протяжение валов которого превышало 3.5 км. По своей мощи валы Ярославова города, достигавшие 20 м в ширину и 12 м в высоту, не имели себе равных в истории градостроительства Киевской Руси. Колоссальный объем земляных работ, работ по заготовке леса и, наконец, плотничьих работ, связанных с сооружением как внутривальных конструкций, так и деревянных стен на валу, свидетельствует о необычайной мощи Киевского государства накануне приближавшегося его распада.

Лишь случайно при изложении различных событий военной истории города киевские летописцы упоминают оборонительные сооружения Подола. В результате многократных перестроек в позднейшие периоды истории города, от древних сооружений, оборонявших городской посад Киева, до наших дней, по-видимому, не сохранилось каких-либо значительных остатков.

Письменные источники и в первую очередь летописи сообщают немало сведений о многочисленных дворах князей и именитых бояр, расположенных в различных концах города и в его окрестностях.

Княж двор являлся одним из важнейших центров политической, административной и хозяйственной жизни древнего Киева. Уже в наиболее древних известиях о Киеве летописцы упоминают и о княжих дворах как важнейших центрах города.

Воссоздавая облик древнейшего Киева и повествуя о княжеских дворах и теремах, летописец стремился уточнить их местоположение ссылками на существовавшие в его время, по-видимому, известные всем киевлянам крупные боярские дворы.

Однако историки и археологи XVIII—XIX вв., обратившиеся к летописному тексту как к единственному в то время источнику для реконструкции исторической топографии города, оказались в значительно более трудном положении, ибо одно неизвестное приходилось определять другим неизвестным. По вопросам топографии древнейших княжих дворов в Киеве высказано огромное количество взаимоисключающих догадок и предположений, число которых увеличивается и поныне. Уточненное определение территории древнейших княжеских дворов в Киеве на основе интерпретации кратких летописных известий, на наш взгляд, является задачей невыполнимой. Огромный интерес представляют результаты археологических поисков остатков княжих дворов, но следует подчеркнуть, что и эта задача связана с весьма существенными трудностями. Необходимо учитывать прежде всего, что территория княжих дворов в Киеве на протяжении IX—XIII вв. далеко не была постоянной. Нужно помнить также, что княж двор представлял во все периоды его существования чрезвычайно сложный комплекс, состоявший отнюдь не только из дворцовых построек, хотя до настоящего времени наиболее бесспорными вехами в археологическом изучении этой проблемы являются развалины нескольких древнейших дворцовых построек (гридниц).

Крайняя лаконичность летописных известий о древнейших княжеских дворах в Киеве лишает возможности ответить на вопрос, чем было обусловлено наличие в Киеве в эту пору двух княжеских дворов, один из которых к тому же находился «вне града». Затруднительно решить, почему на этом дворе «вне града», т. е. расположенном вне городских укреплений, а не на княжом дворе в городе, развертываются в середине и второй половине X в. наиболее крупные события государственной важности.

Из весьма лаконичных упоминаний княжого двора в событиях второй половины XI в. можно уловить существенные новые черты, которые приобрел княж двор в это время. Главным зданием княжого двора, в котором происходят основные события, становятся сени. Оттуда находящийся со своей дружиной князь ведет переговоры со стоящими внизу на дворе восставшими киевлянами.

В середине XII в. на страницах киевской летописи появляется новое наименование княжа двора — «Ярославль двор», иногда с эпитетом «Великий». Впервые это название встречается в летописном рассказе о бурных событиях 1146 г., развернувшихся после смерти кн. Всеволода Ольговича. В последний раз Великий (Ярославов) двор упомянут под 1183 г. в связи с освящением дворцовой церкви Василия, выстроенной князем Святославом Всеволодовичем. Не может быть сомнений в том, что под новым названием выступает не какой-то новый, ранее неизвестный княжеский двор. Великий Ярославов двор, который некоторые исследователи ошибочно связывали со строительством нового архитектурного ансамбля Ярославова города, в действительности, как и прежде, расположен во Владимировом городе. Наименование старого княжеского двора «Ярославовым», появившееся в середине XII в., имело несомненно политическое значение. Оно появилось в ту пору, когда значение киевских князей в политической жизни Киева сильно упало, когда князья, занимая княжеский стол, были обязаны не только считаться с мнением киевского веча, но иногда именно от него получать княжение, когда киевский стол стал переходить из рук в руки в результате междоусобной борьбы различных обособившихся княжеских династий. В эту пору прививающееся наименование княжого двора в Киеве «Ярославовым» должно было в известной мере способствовать поднятию упавшего авторитета киевских князей, как в их собственных глазах, так и в глазах киевского городского населения.

В 90-х годах XII в. Киевская летопись дважды упоминает о существовании еще одного княжеского двора в Киеве, который в отличие от Ярославова Великого двора называется «Новым». Местоположение этого двора остается спорным.

Некоторые исследователи рассматривали Новый двор как княжеский двор, возникший вместо древнего Ярославова двора на прежнем месте или по соседству с ним; другие, опираясь на летописный рассказ о последних днях жизни кн. Святослава, готовы были локализовать этот двор в районе Кирилловского монастыря. Неясен и характер этого двора. Нет никаких оснований считать его фамильным загородным двором Ольговичей, как это делал Д. Иловайский.

Наряду с основным княжеским двором в городе, являвшимся официальной резиденцией князей, сидевших на киевском столе, с начала XI в. и вплоть до середины XII в. в письменных источниках встречаются упоминания о существовании княжеского двора на Берестове, выступающего также в качестве официальной резиденции киевских князей. Этот двор, упомянутый в роли княжеской резиденции впервые под 1015 г. в связи со смертью кн. Владимира Святославича, особое значение приобретает при Ярославичах. В летописном рассказе о захвате Киева Святославом и Всеволодом Ярославичами, объединившимися против своего старшего брата Изяслава, выражение «стол на Берестовом» недвусмысленно заменяет «киевский стол», т. е. берестовский княж двор выступает в качестве вполне официальной резиденции киевских князей. Напомним, что именно здесь в 1113 г. состоялось совещание, собранное Владимиром Мономa-

хом, с участием тысяцких Киева, Переяславля и Белгорода, на котором был разработан известный Устав.

Летописные известия, упоминающие еще один княжеский двор, находившийся также вне города, «под Угорским», т. е. где-то между Берестовым и Верхним городом, слишком эпизодичны и потому не дают возможности уточнить ни местоположение этого двора, ни его функции. На этом дворе в 1146 г. кн. Игорь собирал «всех киян», которые целовали ему там крест. В 1151 г. там же сидел соправитель Вячеслава князь Изяслав Мстиславич.

Наряду с официальными княжескими резиденциями в городе и на Берестове в Киеве с XI в. известен целый ряд других дворов либо принадлежавших князьям, не занимавшим в данное время киевский стол, либо являвшихся фамильными вотчинами тех или иных княжеских фамилий.

К югу от Киева, на Выдубицком холме, находился Красный двор Всеволода Ярославича, возникший, по-видимому, еще до вокняжения Всеволода на киевском столе.

К числу княжеских дворов, возможно, принадлежал Брячиславль двор, бывший двором полоцких князей. В непосредственном соседстве с Великим Ярославовым двором располагался Мстиславль двор, на котором во время грозных событий 1147 г. был убит князь Игорь. Какой-то княжеский двор существовал «на Острове», напротив Выдубицкого монастыря. Здесь в 1149 г. останавливался кн. Изяслав Мстиславич, а после разорения Киева татарами в 1240 г. жил кн. Михаил Всеволодович. О каком-то загородном княжеском «теремце у Кыева» сообщает под 1150 г. летописный рассказ, повествующий о борьбе кн. Изяслава с Володимирком Галицким.

Имел свой «Красный двор» в Киеве и Юрий Долгорукий, многие годы боровшийся за киевский стол и трижды сидевший на нем. После смерти Юрия в 1158 г. восставшие киевляне обрушились не только на этот двор, но и на его же другой, расположенный за Днепром, двор, который сам князь называл «Раем».

Наряду с княжескими дворами, игравшими огромную роль в политической жизни Киева, в XI—XIII вв. в городе приобретают большое значение многочисленные дворы бояр, дружинников и других представителей феодальной знати. Рост местной феодальной знати в Киеве наглядно отражается в увеличении боярских дворов в самом городе, не говоря уже о сельских боярских вотчинах. Уже на первых страницах летописи упомянут Олмин двор на горе в Угорском, существовавший во времена летописца. К числу древнейших упоминаний о боярских владениях в Киеве можно отнести и наименование «Боричев взвоз», происходящее, по-видимому, от имени Борича, упомянутого в числе послов кн. Игоря, участвовавших в 945 г. в заключении договора с греками.

В летописном рассказе под 945 г. упоминаются дворы Гордятин, Никифоров, Воротиславль и Чюдин. Богатые дворы этих знатных киевлян были столь хорошо известны в городе, что ссылкой на них летописец определял местоположение древнейшего города на Горе и княжа двора в нем. Чюдин и Никифор —

знатные киевские бояре, имена которых не раз фигурируют в киевской летописи и в Правде Ярославичей. К этой же верхушке киевского боярства несомненно принадлежали и Гордята и Воротислав.

Крупнейшим представителем киевского боярства был и Коснячко, двор которого упомянут летописцем в рассказе о киевском восстании 1068 г. Летописный рассказ позволяет установить, что двор Коснячка находился в новом Ярославовом городе.

Значительно более часто упоминают киевские летописцы о боярских дворах в Киеве в связи с различными событиями политической жизни города XII в. Во время киевского восстания 1113 г. был разграблен «двор Путятин». Путята — первый известный нам киевский тысяцкий — был крупнейшим представителем знаменитой боярской фамилии, родоначальник которой боярин Вышата в качестве воеводы Ярослава участвовал в неудачном походе на Царьград в 1043 г.

Под 1146 г. в летописи упомянут «Ратьшин двор», на который обрушился гнев киевлян после знаменитого веча у Туровой божницы. Ратша принадлежал к числу бояр, связанных с Ольговичами.

В событиях 1147 г. фигурирует «Глебов двор», принадлежавший, по-видимому, Глебу, или Улебу, бывшему тысяцким в княжение Всеволода Ольговича.

Под 1151 г. упоминается «Бориславль двор», находившийся в Ярославовом городе, где-то между Золотыми и Жидовскими воротами.

Дворы наиболее знатных бояр располагались в Верхнем Киеве, однако в летописных рассказах изредка фигурируют и боярские дворы на Подоле. Таков двор Радслава, зажженный половцами, прорвавшимися в 1161 г. на Подол.

Отрывочный характер упоминаний о боярских дворах в Киеве не позволяет восстановить даже в самых общих чертах архитектурно-планировочный облик этих дворов. Судя по отдельным репликам летописца, это были огороженные высокими заборами, достаточно сильно укрепленные крупные внутригородские усадьбы, заставляющие вспомнить термин «хоромы», известный по одной из статей древнейшей Правды. По интерпретации Б. Д. Грекова, в «хоромах» Русской Правды следует видеть укрепленные места — дворы, находившиеся в черте городских укреплений.

О расточительной роскоши боярских теремов, о богатых запасах, хранившихся на боярских дворах, образно рассказывают произведения древнерусской литературы. К сожалению, до настоящего времени боярский двор ни разу не был успешно разрешенной задачей археологического исследования.

6

Представления о многих древнерусских городах связаны прежде всего с монументальными памятниками каменного зодчества. Не избежал этой судьбы и Киев. Вплоть до начала нашего века столица Древнерусского государства изображалась исключительно как город парадных каменных храмов, дворцов и крепостных сооружений. О рядовых жилищах горожан приходилось обычно умал-

чивать по той причине, что археологическими раскопками, достаточно широко проводившимися в Киеве уже с 20-х годов XIX в. вплоть до начала нашего века, не было обнаружено ни одного рядового городского жилища. Нетрудно понять, что единственным объяснением этого положения является то, что раскопки жилищ, требующие особенно совершенной методики археологического исследования, были не под силу археологам-дилетантам, в руках которых в основном находилось в ту пору изучение Киева.

Впервые в 1907—1908 гг. раскопками В. В. Хвойки в усадьбе Петровского было открыто несколько жилищ-мастерских. При всем несовершенстве методики работ В. В. Хвойки, открытые им жилища позволили поставить вопрос об архитектурном облике массовых жилищ домонгольского Киева на реальную почву археологически документированных фактов. Отбрасывая некоторые неясности в характеристике отдельных особенностей открытых В. В. Хвойкой жилищ-мастерских, можно с уверенностью утверждать, что все они принадлежали к типу полуземляночных построек, известных ранее по материалам раскопок на других городищах X—XIII вв. Среднего Поднепровья.

Раскопками В. В. Хвойки в деле изучения рядовых жилищ Киева были сделаны лишь первые шаги. Широкое и более углубленное изучение их является заслугой советской археологии.

Отдельные жилища X—XIII вв. были обнаружены раскопками Всеукраинского археологического комитета на горе Детинке (1930 г.), раскопками Киевского исторического музея на Киселевке (1933 г.), Института археологии АН УССР в усадьбе Художественной школы (бывш. усадьба Петровского) (1936—1937 гг.).

В работах Киевской археологической экспедиции АН СССР и АН УССР, проводившихся в 1938, 1939, 1946, 1948 и 1949 гг. на различных участках города, изучению массовых городских жилищ уделялось основное внимание.

Тщательно исследованные новые памятники позволяют ныне глубже и увереннее решить основные вопросы реконструкции древнего облика массовых жилищ горожан домонгольского Киева. Остатки жилищ, открытые в Киеве, неоспоримо свидетельствуют о том, что основным типом массового городского жилища здесь, как и в других городских центрах Среднего Приднепровья, вплоть до XII—XIII вв. была полуземляночная постройка, нижняя часть которой представляла прямоугольное углубление, вырытое в грунте. Верхняя наземная часть постройки состояла из глинобитных стен, деревянный каркас которых представлял несколько вертикальных столбов, врытых в землю и соединенных между собой немногочисленными деревянными перевязями, переплетенными тонкими прутьями. Следует подчеркнуть, что углубление нижней части жилища в землю делалось обычно довольно незначительным (от 0.3 до 1 м), что и объясняет в применении к постройкам этого рода термин «полуземлянка».

Пол и стенки вырытого в грунте углубления обычно бывают покрыты глиняной обмазкой. Вырезанные в плотном материковом грунте ступени входа

в жилище также обычно обмазывались глиной. В отдельных случаях вместо глиняной обмазки стенки углубленной части жилища бывают обложены досками, укрепленными в пазах угловых столбов.

План полуземляночных жилищ всегда прямоугольный, чаще всего квадратный. Размеры построек незначительны, колебания в размерах невелики. Иногда попадались жилища, состоявшие из двух или трех вплотную примыкающих одно к другому помещений.

Расстановка столбов в жилищах позволяет предположить обычно двускатную кровлю, хотя устройство кровли, как и других наземных частей жилища, можно реконструировать лишь сугубо предположительно.

Устойчивым компонентом жилищ является глинобитная печь, конструктивной основой которой обычно служит каркас из прутьев или в редких случаях деревянные колья. Печь обычно устраивалась на невысоком возвышении, поднимавшемся над уровнем пола на 20—30 см. Под глиняной обмазкой пода печи обычно устраивалась подготовка из черепков глиняной посуды, реже из обломков кирпичей.

Среди киевских жилищ, относящихся к середине XII в., раскопанных за последние годы, дважды были встречены печи, сложенные из брусковых кирпичей с продольными бороздками на постельной части. Применение этого типа кирпича до недавней поры обычно связывали с более поздней порой. В действительности этот тип кирпича в Киеве начали применять еще в первой половине XIII в., накануне монгольского нашествия. Лишь однажды в киевских жилищах встречена печь, сложенная из камня. Все обнаруженные в киевских жилищах печи топились по-черному.

Характерной особенностью киевских жилищ является наличие во многих из них подпольных ям, служивших для хранения различных запасов. Предпечная яма служила обычно для выгребания из печи золы и угля.

Ямы различных размеров для хранения продуктов и различных хозяйственных предметов нередко устраивались также возле жилищ, иногда примыкая к ним вплотную. Внутренняя поверхность ям часто бывает обмазана обожженной глиной. Сверху они, очевидно, прикрывались деревянными навесами или крышками.

Среди раскопанных в Киеве жилищ только очень немногие могут быть отнесены к XI—XII вв., бóльшая часть их несет на себе печать монгольского разгрома Киева в декабре 1240 г. По своим конструктивным особенностям жилища XIII в. не отличаются какими-либо существенными особенностями от более древних киевских жилищ.

Ограниченность участков, доступных для раскопок, не позволяет до настоящего времени изучить вопрос о характере планировки отдельных городских усадеб, улиц и площадей. Даже в тех редких случаях, когда удавалось раскопать более или менее значительную группу жилищ, решать вопросы их взаимосвязи было крайне затруднительно. Некоторые жилища оказывались несомненно

связанными между собой. Обращает внимание устойчивая ориентация жилищ по странам света.

Для многих жилищ характерен устойчивый состав бытового инвентаря, отражающий личный быт городского ремесленника XII—XIII вв. с его скудным достатком и чрезвычайно непритязательными условиями существования. Эти особенности быта горожан приобретали особую остроту социальных контрастов, когда убогие полуземляночные жилища оказывались в непосредственной близости от преисполненных расточительным богатством и сказочной роскошью каменных храмов и дворцов.

Жилища-мастерские полуземляночного типа с глинобитными на деревянном каркасе стенами, открытые раскопками в Киеве, по их внешнему облику и конструктивной схеме не отличаются от жилищ X—XIII вв., раскопанных в ряде других южнорусских городов. Жилища этого типа были обнаружены на многочисленных городищах Среднего Поднепровья значительно раньше, чем в Киеве. Еще раскопками Н. Ф. Беляшевского на городище Княжа гора (1891—1892 гг.) и В. В. Хвойки на городищах Шаргород (1901 г.), Белгород (1909—1910 гг.), у с. Витачев (1898 г.) и у с. Конончи (1901 г.) были обнаружены многие десятки жилищ, близко напоминающих охарактеризованные выше жилища Киева. Раскопки советских археологов, проведенные за последние два-три десятилетия в различных городах Среднего Поднепровья и Поднестровья, во много раз преумножили материалы для характеристики массовых жилищ южнорусских городов.

Несмотря на некоторые отличительные особенности, характерные для южнорусских жилищ различных районов, многочисленные остатки массовых жилищ свидетельствуют о широком и повсеместном для южной Руси распространении типа полуземляночных жилищ с глинобитными стенами на деревянном каркасе. Именно этот тип жилищ, судя по многочисленным неоспоримым фактам, добытым археологическими раскопками, являлся основным для архитектурного облика этих городов в X—XIII вв.

Разумеется, сказанное ни в коей мере не исключает того, что наряду с массовым типом жилья в тех же городах существовали деревянные срубные хоромы знати и богатых людей, нередко упоминаемые в письменных источниках. В дальнейшем они безусловно будут обнаружены и археологами.

Массовые жилища Киева, так же как и городские и сельские жилища Киевской, Черниговской, Переяславской и Галицко-Волынской земель в XI—XIII вв. представляют дальнейшее развитие восточнославянских дерево-глинобитных жилищ полуземляночного типа, повсеместно распространенных в лесостепной полосе Восточной Европы в VIII—X вв.

7

Многочисленные остатки рядовых жилищ древнего Киева, открытые раскопками, убедительно свидетельствуют о том, что почти каждый дом этого крупнейшего города древней Руси являлся в то же время и ремесленной мастерской.

Об этом наглядно рассказывают разнообразные орудия производства, заготовки, полуфабрикаты, а также отходы различных производств, обнаруживаемые внутри жилищ или возле них. Увеличиваются с каждым годом и находки специальных производственных сооружений — гончарные, стекловарные и литейные горны, не связанные непосредственно с жилищами. Чем шире и глубже развертываются археологические исследования Киева, тем отчетливее становится значение этого города в качестве крупнейшего центра древнерусского ремесла. Многие изделия ремесленного производства, известные еще недавно только по случайным находкам и потому истолковывавшиеся как предметы заморского импорта, обнаружены теперь в мастерских в различных стадиях производства, нередко наряду с орудиями производства этих предметов.

Археологические открытия последних десятилетий убедительно показали, сколь явно недооценивалась роль Киева как крупнейшего центра древнерусского ремесла теми исследователями, которые вынуждены были опираться в своих построениях почти исключительно на письменные источники.

Широкое привлечение археологических материалов для характеристики городского ремесла, характерное для исторической науки последних десятилетий, породило некоторые увлечения, иногда подрывавшие доверие к этому виду источников. Следует решительно подчеркнуть, что отнюдь не всякая находка предмета, связанного с тем или иным ремесленным производством, может быть истолкована как свидетельство о наличии в данном жилище или близ него ремесленной мастерской. Нельзя не согласиться со справедливой критикой, которой Б. А. Рыбаков подверг выводы А. А. Мансурова, по единичным находкам тех или иных изделий в развалинах жилищ Старой Рязани делавшего ложные выводы о множественности ремесленных производств почти в каждом жилище. Не менее поспешные выводы о различных видах ремесленного производства в Киеве характерны для некоторых работ В. А. Богусевича.

Изучение киевского ремесла настоятельно требует преодоления еще одной традиции, уже давно укоренившейся среди исследователей древнего Киева. Продукцию киевских ремесленников и даже те или иные конкретные мастерские, открытые раскопками, до последнего времени было принято датировать слишком обобщенно X—XIII вв. Наряду с этой чрезмерно обобщенной датировкой отдельными исследователями порой выдвигались уточненные, но ничем не подтвержденные даты.

Тщательное изучение обстоятельств гибели многочисленных мастерских, обнаруженных раскопками на различных участках древнего Киева, привело нас к выводу, что основная масса этих мастерских была разрушена и прекратила свое существование в результате разгрома Верхнего Киева татаро-монгольскими полчищами в декабре 1240 г. Именно в этом находит объяснение тот факт, что обнаруженные при раскопках жилищ и мастерских в разных районах города не только разнообразные изделия, но и орудия прозводства отличаются исключительным сходством. Большая часть известных доныне изделий киевского

ремесла и особенно мастерские, открытые раскопками, относятся к концу XII—первой половине XIII в.

Изделия киевских ремесленников XI—первой половины XII в. встречаются значительно реже и потому известны значительно хуже.

Продукция киевских ремесленников, изготовлявших все необходимое, от простой глиняной посуды и до утонченных художественных изделий из серебра и золота, не только удовлетворяла основные потребности всех слоев городского населения, но в значительной мере и вывозилась далеко за пределы города.

Киевские кузнецы изготовляли все основные разновидности изделий из железа и стали — разнообразные орудия труда, оружие, ремесленные инструменты, конскую сбрую, домашнюю утварь и принадлежности костюма, известные по находкам на древнерусских городищах IX—XIII вв. Б. А. Колчин, составивший список изделий древнерусских кузнецов, насчитывал более 150 отдельных видов железных изделий. Он насчитывал в древнерусском кузнечном деле до шестнадцати обособившихся специальностей. Многочисленные железные изделия, обнаруженные раскопками в Киеве, позволяют думать, что среди киевских кузнецов были представлены все эти специальности.

Исключительного совершенства и утонченного мастерства достигли киевские ремесленники, занятые обработкой цветных и благородных металлов, владевшие всеми техническими приемами, известными в ту пору мастерам наиболее передовых стран средневекового мира.

Ремеслу, связанному с обработкой цветных и благородных металлов, несомненно была присуща не меньшая дифференциация, чем та, что отмечалась в кузнечном деле, однако многие «златокузнецы» выполняли в своих мастерских работы, связанные с различной техникой.

Одним из важнейших способов обработки меди, серебра и их сплавов было литье. Киевские литейщики владели многими разновидностями этой техники, умея изготовлять самые разнообразные предметы, от мелких медных крестиков до церковных колоколов достаточно крупного размера.

В середине XIII в. киевские ювелиры-литейщики вводят новую технику оловянных и свинцовых отливок, представлявших имитации драгоценных золотых и серебряных изделий. Отливки эти выполнялись в резных каменных формочках, в большом количестве обнаруженных при раскопках киевских жилищ-мастерских.

Наряду с литьем широкое распространение имела обработка цветных и благородных металлов в технике ковки и чекана, применявшейся для самых различных изделий. Усовершенствованием и механизацией техники чекана была техника тиснения. Новшество заключалось в применении медных штампов-матриц, при помощи которых на тонких, предварительно хорошо прокованных листах металла оттискивался рельефный рисунок. В технике тиснения киевские «златокузнецы» выполняли разнообразные изысканные ювелирные изделия из серебра и золота — колты, подвески, нашивные бляшки, полые бусы, басму для икон и т. п. Техника тиснения по сравнению с чеканом убыстряла

процесс производства. Затратив труд на производство штампа-матрицы, мастер мог пользоваться ею достаточно длительный период.

Одним из наиболее распространенных видов ювелирной техники были изделия из медной, серебряной и золотой проволоки. Киевские «златокузнецы» изготовляли в этой технике разнообразнейшие изделия от простейшего перстня или височного кольца и до сложнейших филиграней, нередко сочетавшихся с перегородчатой эмалью, зернью, чернью и другими приемами. Широкое применение в киевской ювелирной технике имела скань, или филигрань, зернь и чернь.

Наивысшим достижением киевских ювелиров XI—XIII вв. несомненно была техника перегородчатой эмали. В разнообразных золотых изделиях, украшенных перегородчатой эмалью, киевские ремесленники достигли высот подлинного большого искусства. Ассортимент изделий, украшавшихся перегородчатой эмалью, был разнообразен: киевские эмальеры изготовляли колты, диадемы, цепи из полых бляшек, детали книжных предметов и т. д. Освоение киевскими ремесленниками техники перегородчатой эмали произошло, по-видимому, в середине XI в. Развитие эмальерной техники в Киеве обеспечивалось собственным производством стеклянной массы. Наряду с драгоценной перегородчатой эмалью в киевских мастерских изготовлялись и более дешевые бронзовые изделия, украшенные выемчатой эмалью.

Широчайшее развитие в Киеве имело стекловарение. Киевские ремесленники в XI—XIII вв. изготовляли разнообразный ассортимент стеклянных изделий, в первую очередь браслеты, перстни и различную посуду. Необходимо подчеркнуть массовый характер этой продукции, широко распространявшейся в самых различных социальных прослойках древнерусских городов. В огромном количестве изготовлялось оконное стекло для каменных построек и мозаичная смальта различных цветов и оттенков.

Наиболее массовой продукцией были изделия киевских гончаров. Они изготовляли разнообразную глиняную посуду и некоторые бытовые предметы: горшки для варки пищи, рукомойники, кувшины, ковши, огромные сосуды для хранения зерна, амфоры-корчаги и небольшие корчажцы для вина, светильники, фонари. Наряду с простой глиняной посудой, служившей как для варки и хранения пищи, так и в качестве столовой посуды, киевские гончары изготовляли поливную и расписную посуду. Специализированной отраслью производства поливной керамики было изготовление яиц-писанок, имевших очень широкий сбыт, в том числе и за пределами Руси.

С конца X в. в Киеве чрезвычайно широко развивается производство различных видов строительных материалов, в первую очередь кирпича — плинфы. В этом производстве наряду с приезжими мастерами (греками) уже с X в. несомненно участвовали и местные мастера. Кроме кирпича, киевские «плинфотворители» изготовляли черепицу и терракотовые плитки. Киевские гончары, связанные с производством строительных материалов, изготовляли также узкогорлые сосуды-голосники, применявшиеся в кладке сводов и куполов.

Несмотря на то, что в южнорусских городах дерево в качестве строительного материала имело несомненно меньшее значение, чем на севере Руси, деревянные постройки и здесь были очень многочисленны. О значении «древоделей» в Киеве достаточно свидетельствует грандиозный размах плотничьих работ, связанных со строительством оборонительных укреплений при Ярославе. Об участии «древоделей» в церковном строительстве свидетельствуют письменные источники (летописи, Сказание и Чтения о Борисе и Глебе). Ремесло, связанное с обработкой дерева, разумеется, не ограничивалось строительным делом. Разнообразные изделия из дерева были широко распространены в быту горожан. Только плохой сохранностью дерева в условиях киевской почвы объясняется незначительное количество деревянных изделий, находимых при раскопках.

Весьма широкое распространение имело в Киеве ремесло костерезов, изготовлявших гребни, уховертки, рукоятки ножей, пуговицы, стрелы и пр. В костерезных мастерских применялся набор различных инструментов. Несомненно, что киевские костерезы, как и столяры, пользовались токарным станком.

Ремесло по обработке камня уже в XI—XII вв. несомненно членилось на ряд самостоятельных специальностей. Огромный размах каменного строительства определял развитие специальности камнетесов и резчиков по камню. По-видимому, в самостоятельную группу рано выделились мастера, изготовлявшие каменные гробницы. Особой отраслью каменосечного дела было изготовление ручных жерновов. Широко были распространены специальности по изготовлению мелких каменных изделий: бус, крестиков, икон, литейных формочек и т. д.

Некоторые разновидности киевского ремесла засвидетельствованы только отдельными находками или случайными упоминаниями в письменных источниках. К их числу относится ремесло кожевников, ткачей и портняжное дело.

О высокой духовной культуре Киевской Руси свидетельствуют дошедшие до нас памятники «книжного строения» — роскошные рукописи, украшенные миниатюрами и заставками. Еще более выразительными свидетельствами этой культуры являются произведения станковой и монументальной живописи, созданные киевскими художниками.

Характерной чертой киевского ремесла во многих его разновидностях является непрерывный рост его технической зрелости, усовершенствование старых технических приемов, разработка и освоение новых.

Важнейшее значение имеет вопрос о роли различных форм ремесленного производства в историческом развитии крупнейшего города древней Руси, каковым был Киев в течение ряда столетий. Необходимо подчеркнуть, что изучение городского ремесла требует расчленения ремесленников на две, хотя и не вполне разобщенные, но все же резко отличные по своей социальной природе группы — ремесленников, входивших в состав княжеских, боярских или монастырских феодальных вотчин, и свободных городских ремесленников, составлявших основное население городского посада.

Вследствие того, что основные археологические работы в Киеве проводились до сих пор на территориях, связанных или с княжеским двором, или с мона-

стырскими дворами, вопросы вотчинного ремесла изучены более полно, чем в каком-либо другом городе древней Руси. Наоборот, в изучении ремесленников городского посада сделаны лишь первые шаги.

Труд ремесленников княжого двора несомненно был трудом подневольным, но рассматривать этот труд, следуя за А. С. Гущиным, как рабский, нет решительно никаких оснований. Подневольность эта выражалась в интересующую нас эпоху в формах феодальной зависимости, а отнюдь не в формах рабства.

Мастера, работавшие на княжом дворе, не ограничивали свою деятельность только удовлетворением потребностей самого княжеского хозяйства. В тех же мастерских, где выполнялись изысканные золотые изделия с перегородчатой эмалью, изготовляли и стеклянные браслеты, которые несомненно шли на городской рынок. Несомненно, для широкого городского рынка предназначались оловянные отливки, изготовлявшиеся в каменных «имитационных» формочках. Даже простая гончарная посуда, изготовлявшаяся в мастерских княжого двора, по-видимому, иногда шла на городской рынок.

Материалы для социальной характеристики свободного городского ремесла в Киеве пока весьма отрывочны и случайны. Наблюдения по вопросу о сбыте отдельных видов продукции свободных городских ремесленников позволяют предположить наличие достаточно широкого рынка, отнюдь не ограниченного территорией городского посада самого Киева. Замечательные изделия киевских ремесленников распространялись не только в городах и селах Киевского государства, но нередко попадали и далеко за пределы Руси, распространяя там славу русских «хитрецов» и «умельцев».

8

Археологические исследования с исключительной убедительностью и полнотой, недоступной ранее при изучении одних письменных источников, позволили раскрыть основные этапы исторического развития Киева, облик его высокой самобытной культуры. С поразительной и неожиданной яркостью в результате раскопок последних десятилетий предстали трагические страницы истории Киева, отобразившие героическую эпопею борьбы с татаро-монгольскими полчищами, ворвавшимися в город в декабре 1240 г. Картина страшной катастрофы, превратившей огромный цветущий город в дымящиеся развалины, с документальной убедительностью раскрылась в раскопках руин каменных дворцов, развалин храмов, сгоревших или разоренных жилищ и мастерских, хозяйственных помещений, потайных хранилищ и коллективных братских могил с сотнями похороненных.

Под развалинами жилищ и мастерских почти повсюду сохранился многочисленный и разнообразный инвентарь, находившийся в них в момент катастрофы. Запасы зерна, муки, глиняная и деревянная посуда, нередко с остатками пищи, разнообразные бытовые предметы, в изобилии находимые в жилищах, открытых раскопками, свидетельствуют о том, что разрушение их про-

изошло в результате какой-то катастрофы, после которой постройки не восстанавливались.

Еще более характерной особенностью раскопанных в Киеве массовых жилищ-мастерских является обилие находимых в них и возле них разнообразных орудий ремесленного производства. Многочисленность этих находок может быть объяснима только тем, что владельцы этих предметов не только вынуждены были бросить их вместе со своими жилищами, но и не смогли вернуться на развалины своих жилищ за этими ценными для них вещами.

Многие из найденных на этих пепелищах предметов позволяют уверенно отнести дату катастрофы к середине XIII в. и связать ее с татаро-монгольским разгромом Киева в декабре 1240 г.

Красочное и правдивое летописное повествование об осаде и штурме Киева татаро-монгольскими полчищами в сопоставлении с фактами, установленными раскопками, не оставляет сомнений в том, как далеки от истины были историки Киева, усматривавшие в повествовании о разгроме Киева не более чем литературный прием летописца, который «одевал свои известия в готовые шаблонные формы, мало заботясь о том, насколько они соответствовали действительности» (М. Грушевский). Эта антиисторическая трактовка событий нужна была М. Грушевскому, очевидно, для того, чтобы оправдать его глубоко ошибочный антиисторический вывод, согласно которому татарское завоевание было благоприятным для дальнейшего развития украинского народа фактором, способствовавшим созданию на Украине нового, своеобразного, в некотором смысле бесклассового общественного строя, который признанный лидер украинской буржуазно-националистической историографии называл «общинным».

Многочисленные и весьма разнообразные памятники, открытые и исследованные в Киеве за последние десятилетия, убедительно свидетельствуют о том, какие огромные новые перспективы открывают археологические раскопки древнего Киева. Глубокое, всестороннее освещение вопросов древней истории Киева, изучение основных проблем истории культуры Киевской Руси в настоящее время немыслимо без широкого привлечения в качестве исторических источников разнообразных археологических памятников. Материалы, добытые археологическими раскопками позволили по-новому поставить, а отчасти и решить ряд важнейших вопросов древнейшей истории Киева.

Археологическое изучение Киева еще далеко не закончено. Можно с уверенностью сказать, что дальнейшие систематические исследования позволят осветить многие наиболее трудные, до сих пор не решенные вопросы истории Киева — древнейшей столицы Русского государства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА СССР	— Академия архитектуры СССР.
АА УССР	— Академия архитектуры УССР.
АИЗ	— Археологические известия и заметки.
АК	— Археологическая комиссия.
АЛЮР	— Археологическая летопись южной России.
АН СССР	— Академия наук СССР.
АРУ	— Архітектура Радянської України.
АЮЗР	— Акты юго-западной России.
ВАИ	— Вестник археологии и истории.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИВ	— Военно-исторический вестник.
Воскр. лет.	— Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ, VII.
ВУАК	— Всеукраинский археологический комитет.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.
ГИИИ	— Государственный институт истории искусств.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГРМ	— Государственный Русский музей.
Густ. лет.	— Густынская летопись. ПСРЛ, II.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж.
ДАН СССР	— Доклады Академии наук СССР.
ДТМАО	— Древности. Труды Московского археологического общества.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗАО	— Записки Археологического общества.
ЗВО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ЗІФВ УАН	— Записки Історично-філологічного відділу Української Академії наук.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ЗТОИДР	— Записки и труды Общества истории и древностей российских.
ЗУНТК	— Записки Украинского наукового товариства в Київі
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии наук УССР.
ИАИ РАНИОН	— Институт археологии и искусствознания Российской ассоциации научных институтов общественных наук.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.

ИАН СССР — Известия Академии наук СССР.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИЖ — Исторический журнал.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.
ИОНЛ — Историческое общество Нестора летописца.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. ПСРЛ, II.
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры.
ИРАО — Известия Русского археологического общества.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КДА — Киевская духовная академия.
КЕВ — Киевские епархиальные ведомости.
КИМ — Киевский государственный исторический музей.
КС — Киевская старина.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
Лавр. лет. — Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры.
МАО — Московское археологическое общество.
МАР — Материалы по археологии России.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР.
НЗІІМК — Наукові записки Інституту історії матеріальної культури Академії наук УРСР.
Ник. лет. — Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновской летописью. ПСРЛ, IX—XIII.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук СССР.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры (позже — ГАИМК).
РАО — Русское археологическое общество.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея.
ТЗОИДР — Труды и записки Общества истории и древностей российских.
ТКДА — Труды Киевской духовной академии.
ТЛОИДР — Труды и летописи Общества истории и древностей российских.
ТМНО — Труды Московского нумизматического общества.
Тр. . . . АС — Труды I—XV археологических съездов.
ХАМ — Хроніка археології та мистецтва.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив. Москва.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца.
ЧОИДР — Чтения в Московском обществе истории и древностей российских.
ЧЦАО при КДА — Чтения в Церковно-археологическом обществе при Киевской духовной академии.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абегян М. Х. — 66
Абрамович Д. И. — 476
Абу-Джафар аль-Мансур, халиф аббасидский — 210, 224
Авдусин Д. А. — 161, 162, 201, 214
Агапит, архимандрит печерский — 515
Агеев, домовладелец — 266
Адриан, император римский — 75, 77—79
Айналов Д. В. — 51, 53
Александр Македонский — 70
Александр Север, император римский — 79
Алексей Комнин, император византийский — 303
Алексей Михайлович, царь — 234, 517
Алеппский Павел — 25
Амин, халиф аббасидский — 122
Анастасий I, император византийский —96
Андрей, апостол — 36, 66
Андрей Юрьевич Боголюбский, в. князь владимирский — 200, 278
Андриевский А. — 27
Анненков А. С. — 39, 40, 162, 163, 285, 504
Антоний Печерский — 16
Антонин Пий, император римский — 75, 77
Антонович В. Б. — 46, 47, 71, 73—76, 89, 92, 112, 121, 123—126, 154, 159, 164, 166, 189, 190, 211, 213, 216, 224, 227, 265, 266, 271, 452, 491, 505, 512, 514, 515, 519, 522
Арбман Х. — 204, 212, 215
Аристов Н. — 403, 409, 411, 412
Арне Т. — 138, 206, 208, 210, 211, 213, 215, 219, 220, 228, 448
Артамонов М. И. — 164, 203, 308, 448
Арциховский А. В. — 215, 407, 408, 448, 464
Асеев Ю. С. — 60, 61
Аскольд, князь киевский — 12, 18, 135, 280
Аттила — 69, 70
Ахилл — 26
Ахмед Ибн Исмаил, эмир саманидский — 176, 180, 205, 223, 224

Багалей Д. И. — 390, 403
Багреев, домовладелец — 130, 156, 164, 225
де Бай И. — 92, 129, 208, 220
Байер Г. З. — 65, 67
Бакмейстер И. — 47
Балтин Аверкий — 238
Барсов Е. В. — 27, 116
Батый, (Бату), хан — 233, 491, 493, 507—509, 513, 516
Беляшевский Н. Ф. — 46, 73, 74, 117—121, 124, 125, 191, 193, 194, 350, 354, 355, 416, 446
Бередников Я. И. — 67
Березовец Д. Т. — 95, 368
Берлинский М. Ф. — 11, 30—33, 37—39, 50, 244, 250, 265, 271, 275
Бернштам А. Н. — 424
Бернякович К. В. — 368
Бибиков Д. Г., генерал-губернатор — 41—43
Блифельд Д. И. — 174, 218, 229, 367
Блуд, воевода киевский — 12
Богар, славянское солнечное божество — 108
Богатинов И. Д. — 517
Богданов, архитектор — 246

Богусевич В. А. — 60, 115, 254, 260, 348, 349, 361, 364—366, 371, 372, 404—406, 420, 537
Болсуновский К. В. — 74, 106—108, 155, 159, 448
Болтин И. М. — 64, 65
Болховитинов Евгений — 34—36, 38—40
Боняк, хан половецкий — 274
Боплан В., военный инженер — 25, 27, 234, 241
Борис Владимирович, князь, сын в. князя Владимира Святославича — 14
Борис Всеволодович, князь городенский — 233
Борис Юрьевич, князь, сын Юрия Долгорукого — 277
Борислав, боярин киевский — 282, 533
Борич, посол в. князя Игоря — 280, 532
Бороздин К. М. — 29, 30, 244
де Боскет Д., полковник — 243
Брайчевский М. Ю. — 95, 358
Брандепбург Н. Е. — 159, 218
Браун Ф. Г. — 71
Бродский Л. И., домовладелец — 125
Броссе М., академик — 119, 120
Брун Ф. К. — 68
Бурундай-богатур, полководец монгольский — 509
Брунов Н. И. — 108, 109, 251
Брячислав Изяславич, князь полоцкий — 276, 277, 532
Быков А. А. — 143, 146, 176, 180, 208

Валукинский Н. В. — 452
Варганов А. Д. — 115, 462
Василий I, император византийский — 125, 206, 225
Василий II, император византийский — 125, 225
Василько Ростиславич, князь теребовльский — 268
Василько Юрьевич, князь, сын Юрия Долгорукого — 277
Вельмин С. П. — 55, 56, 98, 101, 102, 143—145, 147, 164, 174—176, 202, 203, 206, 222, 223
Веспасиан, император римский — 75
Вигфуссон Г. — 68—72
Владимир Андреевич, князь дорогобужский — 167
Владимир Василькович, князь волынский — 514, 515
Владимир Мономах, в. князь киевский — 274, 282, 378, 531
Владимир Мстиславич, князь дорогобужский — 276
Владимир Ольгердович, князь киевский — 515
Владимир Святославич, в. князь киевский — 12—14, 18, 20, 35, 43, 111, 134, 202, 264, 265, 267, 271, 274, 277, 278, 372, 454, 521, 523, 527, 531
Владимир Ярославич, князь новгородский — 281
Воеводский М. В. — 367, 415
Волков В. П. — 60
Волконский Ф. Ф., князь — 234, 235
Володимирко Володаревич, князь галицкий — 277, 532
Волошинский Я. — 44, 45, 127, 128
Волусиан, император римский — 74, 76, 79
Воронин Н. Н. — 251, 386, 448, 451
Воротислав, боярин киевский — 14, 19, 264, 280, 532, 533
Востоков А. — 33
Всеволод Ольгович, в. князь киевский — 268, 274, 282, 531, 533
Всеволод Ярославич, в. князь киевский — 274, 275, 531, 532
Всеслав Брячиславич, князь полоцкий — 268, 276, 277
Выговский Д. — 238
Вышата, воевода киевский — 281, 533
Вяземский П. А., поэт — 33
Вятко, легендарный родоначальник племени вятичей — 116
Вячеслав Владимирович, князь туровский — 233, 268, 269, 274, 532

Гайдукевич В. Ф. — 462
Галларт, генерал — 242, 243
Галлиен, император римский — 74
Гальнбек И. А. — 392
Гампель И. — 172
Гамченко С. С. — 58, 132, 139, 147—150, 157, 177, 187, 213, 221, 449
Гваньини Александр — 23, 26, 491, 516
Гезе В. Е. — 169, 170, 224, 355, 378
Гейденштейн Рейнольд, секретарь королевский — 24, 25, 234, 491, 516
Гейдрек, король готский — 68
Гектор — 26
Герасимов М. М. — 88
Гербини Иоанп — 26

Герберштейн Сигизмунд — 23, 491, 516
Гизель Иннокентий, архимандрит — 26
Гиферик, король готский — 69
Глаголев А. — 246, 248
Глак Зеноб, историк армянский — 66
Глеб Владимирович, князь муромский — 14
Глеб (Улеб), тысяцкий киевский — 233, 282, 533
Голубев С. Т. — 48—50, 241
Голубева Л. А. — 130, 133—135, 222—224
Гончаров В. К. — 60, 97, 198, 349, 350, 357—359, 361, 364, 368, 408, 449, 496
Гордиан III, император римский — 76
Гордон Патрик, генерал — 239
Гордята, боярин киевский — 14, 19, 280, 532, 533
Городцов В. А. — 359, 360, 363, 473
Готье Ю. В. — 33
Грабовский — 492
Греков Б. Д., академик — 6, 283, 372, 479, 492, 533
Грибоедов А. С. — 34
Григорий, дьякон — 477
Григорьев В. В. — 117, 122
Гримм Я. — 68
Грушевский М. С. — 58, 68, 276, 277, 491—493, 509, 512, 542
Гущин А. С. — 212, 376, 385, 394, 481, 541

Давид, архимандрит печерский — 515
Давид Игоревич, князь владимиро-волынский — 268, 281
Дажьбог — 108
Даль Л. — 50
Дандоло, дож — 502
Даниил Романович, князь галицко-волынский — 283, 379, 411, 508
Данилевич В. Е. — 58, 74, 121, 125, 359
Дашкевич Н. П. — 67, 70, 71
Державин Г. Р. — 34
Державин Н. С. — 232
Деций Траян, император римский — 65, 74
Динцес Л. А. — 108, 112, 452
Дионисий, митрополит — 515
Дир, князь киевский — 12, 18, 135
Длугош Я., летописец польский — 66
Дмитр, тысяцкий киевский — 508, 509
Дмитрий Иванович Донской, в. князь московский — 516
Дмитриевская А. — 358
Добровольский Л. — 250, 253
Довженок В. И. — 357, 358, 366, 367, 407
Довнар-Запольский М. В. — 372
Догматырский, домовладелец — 77
Додина К. П. — 232
Долгорукий Н. М. — 35
Домициан, император римский — 75
Дубынин А. Ф. — 364

Едигей, князь Ногайской орды — 493, 516
Екатерина II, императрица — 28
Еремеев, составитель плана Киева 1861 г. — 246
Ермолаев А. И. — 29
Есикорский М., домовладелец — 194, 270
Ефименко П. П. — 158, 204, 260, 367, 405, 495
Ефимов, архитектор — 38, 41

Жук Б. Б. — 446

Забава Путятишна, былинная — 282
Забелин И. Е. — 271, 278
Забелло С. — 232
Завитневич В. З. — 213
Закревский Н. — 48—50, 247, 250, 271—273, 276, 378
Заремба, домовладелец — 130
Захарченко А. — 135
Звенигородский А. В. — 266
Зивал, домовладелец — 130, 156, 164, 225
Зноско-Боровский Е. А. — 101

Иаков, епископ владимирский — 516
Иван Войтишич, боярин киевский — 233, 282
Иванишев Н. Д. — 43, 44, 124
Иванов, художник-рисовальщик — 29
Игорь, в. князь киевский — 12, 18, 38, 112, 280, 532
Игорь Ольгович, князь черниговский — 233, 265, 268, 274, 276, 278, 282, 532
Изяслав Мстиславич, в. князь киевский — 233, 268, 269, 274, 276—278, 378, 532
Изяслав Ярославич, в. князь киевский — 14, 18, 267—269, 274, 468, 531
Иконников В. С. — 71, 89, 92, 239
Иларион, митрополит киевский — 16, 17, 21, 22, 98, 231, 274
Иловайский Д. И. — 63, 272, 531
Ильинский Г. — 65
Иннокентий IV, папа римский — 513
Иоанн I Цимисхий, император византийский — 124
Ионе Г. И. — 462

Иордан — 69
Исмаил ибн Ахмед, эмир саманидский — 143, 146, 171, 180, 222—224
Истахри, географ арабский — 123

Кальнофойский Афанасий — 26, 241, 515
Канишка, царь кушанский — 79
Карамзин Н. М. — 33, 62, 65, 515
Каргер М. К. — 40, 57, 59—61, 73, 80, 83, 85, 86, 96, 103, 104, 132, 133, 153, 154, 182, 187, 201, 229, 250, 271, 298—316, 320—348, 361, 363, 374, 378, 380, 383, 387, 388, 393, 416, 417, 420, 426, 456, 462, 468, 473, 474, 498, 500—504, 511
Кене Б. В. — 73
Кеппен П. Н. — 32
Кибальчич Т. В. — 46, 80, 129, 155, 161, 167
Кий, легендарный князь — 14, 63—65
Киприан, митрополит — 516
Кирик, дьякон новгородский — 408
Кирилл, митрополит — 516
Кисель Адам, воевода — 235
Климович, домовладелец — 266
Книве, король готский — 65
Козловская В. — 58, 187, 200, 293, 367, 374, 417, 421, 444, 452
Колчин Б. А. — 373—375, 538
Коммод, император римский — 73, 75, 77, 79
Кондаков Н. П., академик — 51, 53, 54, 271, 376, 398, 401, 403, 416, 418, 470
Констант, император римский — 79
Константин, сын императора византийского Василия I — 125, 206, 225
Константин, сын императора византийского Романа I — 210, 226
Константин VII Багрянородный, император византийский — 125, 155, 161, 210, 226
Константин VIII, император византийский — 125, 225
Константин Великий, император — 74—76
Константин Острожский, князь — 517
Констанций II, император римский — 74, 76
Копылов Ф. В. — 208
Корзухина Г. Ф. — 80—82, 92, 93, 194, 205, 212, 219, 226, 227, 286, 316—320, 376, 377, 381, 386, 388, 390—392, 394, 400, 402, 486
Корнелия Салонина, жена императора римского Галлиена — 75
Королев, домовладелец — 41, 273
Коснячко, воевода киевский — 267, 281, 533
Коссов Сильвестр, митрополит киевский — 236, 237, 517
Косцюшко-Валюжинич К. К. — 347
Котляревский А. А. — 123, 157, 166, 167, 490
Котян, хан половецкий — 507
Крачковская В. А. — 427
Кресальный Н. О. — 60, 61
Кривцов Я., домовладелец — 130, 134, 150, 151, 163, 221, 266, 378, 403, 410, 418, 449, 452, 505
Кропоткин В. В. — 73, 408
Куар, легендарный основатель Киева — 66
Кулаковский Ю. — 71
Куник А. А. — 68
Куракин Ф. С., воевода московский — 234, 235, 248, 517

Лавровский П. А. — 488
Ламм — 410
Ласковский Ф. — 232, 239, 240, 243
Лашкарев П. А. — 51
Лебединцев П. Г. — 46, 51, 157, 166, 167, 243, 247, 251, 252, 517, 528
Лев VI, император византийский — 198, 225
Левин, владелец завода — 154, 191
Левицкий О. И. — 42, 44
Лейбович Л. И. — 264
Леопардов Н. А. — 75, 76, 92
Линка-Геппенер Н. В. — 212
Лихачев Д. С. — 15, 16, 21, 66, 116, 276
Ломоносов М. В. — 63
Лохвицкий К. А. — 35—39, 41, 43, 50, 198, 200, 285, 378
Лурье, владелец завода — 154, 191
Лутковский — 232
Лыбедь, сестра легендарного князя Кия — 64, 65
Львов Никита — 239
Люций Вер, император римский — 78
Люцилла, жена римского императора Люция Вера — 75
Лявданский А. Н. — 423, 451
Ляпушкин И. И. — 212, 360, 367, 368, 495
Ляскоронский В. Г. — 57, 73—79, 89, 90, 241, 425, 504, 519, 520
Ляссота Эрих — 23, 24, 233, 491, 516
Лященко А. И. — 65

Магура С. — 58, 59, 86, 113, 294, 393
Магурин, домовладелец — 74, 77
Мазепа, гетман — 27, 116, 239
Макаренко Н. Е. — 367, 446
Макарий, патриарх антиохийский — 25

Максим, митрополит — 516
Максимин II Даза, император римский — 74
Максимович М. А. — 39, 44, 47—50, 231, 248, 250, 265, 270, 487, 490
Максютин П. С., архитектор — 29, 270
Малеин А. И. — 513
Мансур ибн Нух, эмир саманидский — 205, 208, 223
аль Мансур, халиф аббасидский — 118
Мансуров А. А. — 363, 371, 473, 537
Марк Аврелий, император римский — 75, 77
Маркевич Яков — 243
Марков А. К. — 117, 119—121, 225
Маркс К. — 5, 479, 514
Марр, владелец завода — 112, 121, 128, 154, 164, 190, 210, 211, 224
Марр Н. Я., академик — 66
Махно Е. В. — 80.
Меленский А. И. — 244
Меллер Иван — 244
Мельник Е. Н. — 212, 213
Менгу, хан — 118, 507—509
Ментей, легендарный основатель Киева — 66
Меншиков А. Д. — 239
Мерван II, халиф омейядский — 119, 120
Микыфор Кыянин — см. Никифор Кыянин
Милеев Д. В. — 53—58, 79, 80, 83, 98, 100—103, 131, 132, 138—147, 163, 164, 172—174, 189, 202, 205, 222—224, 292, 293, 352, 413, 505, 506
Миллер В. — 282
Миллер Г. Ф. — 65, 67
Миних, граф — 240
Мирославский Самуил, митрополит — 28
Михаил Всеволодович, князь киевский — 276, 508, 514, 532
Мишуков Ф. Я. — 392
Моисей киянин, писец — 477
Молчановский Ф. М. — 132, 182, 220, 357, 449, 496
Монгайт А. Л. — 363, 408, 451
Монтелиус О. — 219
Моргилевский И. В. — 60
Москаленко А. Н. — 367
Мстислав Владимирович, в. князь киевский — 276, 532
Мстислав Владимирович, князь черниговский и тмутороканский — 19
Мстислав Глебович, князь черниговский — 507
Мурзакевич Н. Н. — 39
Мясоедов В. К. — 51
Наср ибн Ахмед, эмир саманидский — 121, 171, 180, 224
Неклюдов М. К. — 451
Некрасов А. И. — 411
Немиров А., дьяк — 234, 235
Нерман Б. — 219
Нестор, летописец — 15, 17, 22, 66, 374, 489
Нидерле Л. — 108, 286
Никифор Кыянин, боярин киевский — 14, 19, 264, 280, 532, 533
Никифор, митрополит киевский — 125
Никифор Фока, император византийский — 125
Николаев В. Н., архитектор — 47, 189, 190
Николай I, император — 34, 43
Никон Печерский, летописец — 11, 17, 19—22

Оборин В. В. — 216
Оглоблин Н. Н. — 247
Одоевский В. Ф. — 34
Октавиан-Август, император римский — 73
Окунев Н. А. — 51
Олег, в. князь киевский — 12, 18, 112
Олег Святославич, князь древлянский — 18, 21, 22
Олизар, граф — 42
Олма, киевлянин — 12, 18, 280
Ольга, княгиня — 14, 18, 19, 263—265, 271
Ольгерд Гедиминович, в. князь литовский — 515
Орлов Б. А. — 504
Остромир, посадник — 477

Палей Иван, ученик киевского городового архитектора — 244
Пальм Ф. — 108
Пантелеев М. Н. — 77
Пастернак Я. — 251, 362, 409, 448
Перовский, граф — 45
Перун, славянское божество — 112, 450
Петр I, император — 113, 117, 239—242, 517
Петров Н. И. — 48—50, 71, 92, 241, 243, 266, 271, 273, 274, 277, 278
Петровский М. М. — 52—54, 98, 100, 102—104, 131, 157, 162, 285, 286, 288—292, 329, 351, 372, 383, 389, 390, 398, 403, 404, 410, 470, 482, 492, 533
Писарев А. — 275
Писарев С. П. — 451
Пискарев А. — 73
Плано Карпини Иоанн — 513

Погодин А. — 72
Погодин М. П. — 30, 35, 232, 488—490
Покрышкин П. П. — 57, 88
Полевой П. — 135, 136
Поленов Д. В. — 30
Полонская Н. Д. — 356, 466
Порфиридов Н. Г. — 232
Прахов А. В. — 270
Пресняков А. Е. — 226
Приам — 26
Приселков М. Д. — 15—17, 19—21, 410
Прокопий, император римский — 74
Прохоров В. — 50, 271
Путята Вышатич, тысяцкий киевский — 281, 533
Путятин Путятович, былинный — 282
Пушкин А. С. — 33, 513, 514
Пыпин А. Н. — 68, 490

Равдоникас В. И. — 205
Радим, легендарный родоначальник племени радимичей — 116
Радьслав, боярин киевский — 282, 533
Райнегс И. — 65
Раппопорт П. А. — 60, 254—260, 378
Ратич А. А. — 361, 362
Ратия Ш. Е. — 232
Ратьша, тиун киевский — 282, 533
Редедя, косожский князь — 19
Редин Е. К. — 51
Ржига В. Ф. — 277, 278, 416, 424, 427
Риккерт, владелец завода — 12, 208, 217
Рогнеда, жена князя киевского Владимира Святославича — 14, 19
Рогович А. — 164, 190
Роженецкий С. — 72
Роман I, император византийский — 125, 210, 226
Роман II, император византийский — 125
Роман Мстиславич, князь галицкий — 233
Романович-Славитинский А. В. — 42, 43
Ростислав Мстиславич, в. князь киевский — 233, 269, 276, 508
Ротмистрова Н. Г. — 77, 78
Ротс В. — 125, 210
Румянцев Н. П., граф — 31, 33, 35
Рыбаков Б. А. — 81, 82, 93, 94, 158, 160, 203, 204, 212—215, 228, 230, 368, 371, 376, 378, 379, 381, 383—385, 392—397, 399, 402, 406, 407, 409, 412, 414, 418, 421, 422, 424, 448, 452, 454, 455, 464, 466, 468, 470, 472, 474, 476, 482—487, 537
Рюрик, легендарный князь новгородский — 116
Рюрик Ростиславич, князь черниговский, позднее в. князь киевский — 233, 270, 272

Сабина, жена императора римского Адриана — 75
Савельев П. С. — 117—119, 123
Самойловский И. М. — 73, 79, 80, 82, 83, 87, 88, 254, 414
Самоквасов Д. Я. — 161, 203, 213, 215, 227, 407
Сарницкий Станислав — 26
Световид, славянское солнечное божество — 107, 108
Святополк Владимирович («Окаянный»), князь — 18
Святополк Изяславич, в. князь киевский — 17, 89, 268, 281, 282, 294, 444
Святослав Всеволодович, в. князь киевский — 270—273, 531
Святослав (Святоша) Давыдович, князь городецкий — 281
Святослав Игоревич, в. князь киевский — 18, 20, 37, 112, 226
Святослав Ольгович, князь черниговский — 278
Святослав Ярославич, князь киевский — 274, 531
Святославский, домовладелец — 88, 130, 156, 165
Себедей-богатур, полководец монгольский — 509
Сенковский О. — 67
Септимий Гета, император римский — 73
Серапион Владимирский — 488
Сизов В. Н. — 215, 218
Сикорский И. А. — 121, 122
Симеон, епископ переяславский — 507
Симеон Олелькович, князь киевский — 515
Симзен-Сычевский А. — 250
Симони П. К. — 402
Синеус, легендарный князь — 116
Скиргайло Ольгердович, князь киевский — 515, 516
Славин В. — 72
Слюсаревский, домовладелец — 59, 86, 100—102, 104
Смирнов Козьма, прапорщик — 243
Смишко М. Ю. — 361
Смоличев П. И. — 214, 215, 227
Соболевский А. И. — 71, 421, 514
Солнцев Ф. Г., академик — 42, 43

Соловьева Г. Ф. — 408
Спицын А. А. — 88, 94, 138, 161, 205, 213, 215, 216, 218, 219, 286, 518
Срезневский И. И., академик — 278, 284, 488
Ставровский А. И. — 41—45, 285
Станкевич Я. В. — 162, 215, 218, 227
Старчук И. Д. — 352, 362, 363, 448
Стасов В. П. — 54
Стеллецкий И. — 72
Стефан, сын императора византийского Романа I — 210, 226
Страшкевич К. — 119, 120, 123
Строев Б. Н. — 32
Струков Д. М. — 242
Стрыйковский — 32, 64, 66

Талицкий М. В. — 204
Тараканова С. А. — 215
Тарасий, епископ ростовский — 516
Татищев В. Н. — 28, 32, 64, 369
Темир-Кутулук, хан татарский — 515
Теофил, монах — 402
Терещенко Е. М. — 93
Тизенгаузен В. Г. — 118, 119, 121
Тимковский Ф. — 200
Титов Ф. И. — 47
Тихомиров М. Н., академик — 6, 279, 280, 282, 374, 424
Тихонович А. М. — 246, 251, 252, 528
Ткаченко Н. Н. — 246, 251, 252, 528
Товрул, татарин — 509
Толстой В. А. — 253
Траян, император римский — 75
Третьяков П. Н. — 97, 115, 116, 158, 204, 229, 367, 495
Трубецкой, домовладелец — 54, 55, 58, 128, 132, 134, 137, 144, 147—150, 157, 160, 167, 177, 187, 221, 266, 383, 391, 449
Трувор, легендарный князь — 116
Тудор, тиун вышгородский — 282
Тукы, боярин киевский — 280
Турчанинова А. — 33, 35, 285

Ушаков, подполковник — 241, 242

Фармаковский Б. В. — 54, 202
Фасмер Р. Р. — 122
Фаустина Младшая, жена императора римского Марка Аврелия — 73
Фаустина Старшая, жена императора римского Антонина Пия — 75
Федоровский А. — 360
Феодосий II, император римский — 65
Феодосий печерский — 17, 374
Феттих Н. — 174
Фехнер М. В. — 408
Филипп Араб, император римский — 74, 75
Филиппов А. В. — 466, 467
Фома, наместник митрополита киевского — 516
Фремерсдорф Ф. — 80
Френ Х. — 117
Фундуклей И. — 48, 118, 119, 124, 250
Фурман, домовладелец — 169

Хованский Петр, воевода киевский — 241, 242
Ханенко Б. Н. — 81, 172, 200, 241, 410
Ханенко В. И. — 81, 172, 200, 241, 410
Ханзен Г. — 219
Хвойка В. В. — 52—54, 56, 75, 79, 81—83, 104—112, 125, 130, 138, 155—157, 159, 162, 164, 187, 195, 200, 213, 225, 285—293, 323, 350, 351, 356, 357, 359, 370, 372, 389, 390, 394, 398, 403, 409, 410, 446, 448, 449, 452, 455, 464—466, 470, 472, 480, 493, 504—506, 521, 522, 525, 533, 534, 536
Хереан, легендарный основатель Киева — 66
Хмельницкий Богдан — 337
Хойновский И. А. — 46, 82, 92—94, 130, 132, 150, 159, 163, 167, 168, 221, 285, 378, 403, 409, 410, 418, 450, 452, 505
Холостенко Н. В. — 61
Хорив, легендарный основатель Киева — 63—66
Хряков, владелец завода — 189

Целларий Андрей — 26

Черкаский М., князь — 239, 248, 250
Чернышевский Н. Г. — 514
Чудин Микула, боярин — 14, 19, 280, 532, 533
Чудновский Д. Н. — 121

Шайноха — 492
Шахматов А. А., академик — 15—17, 19, 21, 264
Шевченко Т. Г. — 43
Шелковников Б. А. — 446, 447
Шереметев В. — 238—240
Шероцкий К. — 72, 173, 241, 262, 271
Шимановский В. — 353
Шлецер А. — 66, 67

Шлиман Г. — 450
Шмигельский — 246
Шовкопляс А. М. — 453, 471
Шовкопляс И. Г. — 366, 405
Шувалов А. — 244

Щек, легендарный основатель Киева — 63—66
Щербатов М., князь — 64
Щербина В. — 33

Эдинг Б. — 92
Энгельс Ф. — 5, 479
Эрманарик, король готский — 69—72, 90, 520
Эртель А. Д. — 450

Юзефович — 119
Юрий Владимирович (Долгорукий), князь суздальский, позднее в. князь киевский — 88, 268, 269, 277, 532
Юстиниан I, император византийский — 96

Якобсон А. Л. — 423, 462
Якубовский А. Ю. — 492
Ян Вышатич, воевода киевский — 281
Янин В. Л. — 474
Ярила, славянское солнечное божество — 108
Ярополк Святославич, в. князь киевский — 12, 21, 267, 277
Ярослав Владимирович (Мудрый), в. князь киевский — 11, 16, 37, 232, 272—274, 281, 402, 484, 487, 528, 540
Ярослав Осмомысл, князь галицкий — 409
Яроцкий В. Я. — 213
Ячменев Н. И. — 132, 182, 220

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

I. Общий

Аль Аббасия, г. — 118, 119
Андераба, г. — 119, 121
Антиохия, г. — 74, 76
Аркона, г. — 108, 109
Багдад, г. — 118, 119
Бакожинское городище — 423
Балх, г. — 119, 121
Белая Вежа (Саркел), городище — 203, 380, 407, 448, 454
Белгород, г. — 253, 274, 356, 410, 444, 448, 465, 466, 485, 532, 536
Белозерск, г. — 406, 468
Бердаа, г. — 119
Берестье, г. — 513
Бирка, могильник — 212, 215
Бо́лгар, г. на Волге — 119, 123, 408, 487, 506, 509
Болгария Дунайская — 454
Борисполь, г. — 60
Боршевское городище — 158, 204, 215, 367, 495
Буки, с., городище — 449
Булгар — см. Бо́лгар
Буромка озеро, городище — 367
Бухара, г. — 118
Васильков, г. — 43
Венгрия — 513, 514
Верхне-Салтовский могильник — 137
Верхняя Волга, могильники — 218
Вильно, г. — 23
Владимир-Волынский, г. — 466, 513
Владимир на Клязьме, г. — 510, 514
Владимиро-Суздальская земля — 451, 506
Владимиро-Суздальская земля, могильники — 218
Волынская земля — 513
Волынцево, с., городище — 368
Вщиж, г. — 160
Вышгород, г. — 14, 18, 28, 31, 33, 43, 60, 269, 277, 280, 313, 357, 358, 366, 393—395, 409, 410, 444, 448, 466, 468, 485
Галич, г. — 283, 293, 361, 362, 407, 409, 448
Галицко-Волынская земля — 512, 513
Глухов, г. — 506
Гнездовский могильник под Смоленском — 161, 165, 201, 213, 215, 218, 228, 414, 446, 523
Гнезно, г. — 448
Городница, с., Станиславская обл., городище — 361
Городск, городище — 358, 364
Готланд, остров — 448
Гочевское городище — 158, 212
Григоровка, с., Киевская обл. — 381
Гродно, г. — 386, 448
«Девичь-гора», городище у с. Сахновки — 355, 378, 394
Донецкое городище — 359, 360
Дрогичин, г. — 407
Житомирский могильник — 213
Запасека, селище — 368
Заречьск, г. — 281
Зарубский монастырь — 60
Золотая орда — 513

Игорево сельцо — 278
Искоростень, г. — 18, 364
Искоростеньский могильник — 213
Истахр, г. — 122
Кальдус, с. в Поморье — 448
Канев, г. — 444
Киев, г. — см. отдельный указатель
Княжа гора, городище — 97, 219, 313, 350, 354, 355, 378, 380, 386, 393, 394, 446, 485, 486, 536
Ковшаровское городище — 423
Козельск, г. — 512
Колодяжин, городище — 358, 408, 495
Кононча, с., городище — 356, 536
Константинополь (Царьград), г. — 16, 281, 402, 410, 533
Коростень, г. — 358
Корсунь, г. — 13, 18, 20, 347, 403, 454, 462, 487
Коршив, с., Волынская обл., городище — 361
Корчеватовский могильник — 87, 519
Кострома, г. — 408
Курган, с., городище — 367
Куфа, г. — 121, 210, 224
Липлява, с., городище — 444
Литва — 514
Лука Райковецкая, селище — 368
Лучьск (Луцк), г. — 281
Любеч, г. — 12, 360, 361, 449
Мадара, с. (Болгария) — 462
Мангуп, г. — 487
Марьина гора, городище — 355
Мах аль-Куфа (Хамадан), г. — 118, 119
Мерв, г. — 119, 121, 180, 224
Метроноль, г. — 71
Мингечаур — 462
Минск, г. — 281
Михайловский могильник, близ Ярославля — 162, 221
Монастырище, городище — 367
Москва, г. — 26, 516
Муром, г. — 26, 516
аль-Мухаммедия, г. — 118
Нисабур, г. — 121, 122
Ницаха, с., Харьковская обл., городище — 360
Новгород, г. — 12, 26, 215, 232, 374, 392, 407, 408, 414, 448, 451, 464, 468, 469, 494, 495, 513
Новотроицкое городище — 212, 367
Овруч, г. — 18, 21, 22, 43
Опошнянское городище — 367, 495
Очаков, городище у д. Набутово — 378
Пастерское городище — 92, 97
Пенджхир, г. — 121
Пересопницкий могильник — 212
Переяславль Залесский, г. — 516
Переяславль Русский (ныне Переяслав Хмельницкий), г. — 274, 275, 361, 374, 380, 410, 506, 507, 512, 532
Песочный ров, с., городище — 367
Петровское, с., городище — 204, 367
Печора — 26
Плеснеск, городище — 293, 352, 362, 363, 448
Полоцк, г. — 464
Полтава, г. — 360
Польша — 513, 514
Прикамье — 526
Псков, г. — 18, 215, 232, 494
Путивль, г. — 278
Райковецкое городище — 357, 364, 386, 394, 449, 469, 470, 485, 495
Речицкий могильник — 213
Рязанская земля — 507
Сабур, г. — 122
Самарканд, г. — 119, 121, 122, 146, 171, 180, 224
Саркел, г. — см. Белая Вежа
Святополчь, г. — 355, 536
Седнев, могильник — 161, 213
Сигтуна, г. — 448
Сирия — 403
Скандинавия — 526
Смоленск, г. — 12, 26, 115, 133, 414
Смоленск, могильник — см. Гнездовский могильник
Снепород, городище — 378
Старая Ладога, городище — 12, 406, 407, 468, 494, 495
Старая Рязань, городище — 363, 364, 371, 407, 408, 423, 448
Суздаль, г. — 115, 364, 392, 492
Суздальская земля — 509
Табаристан — 123
Тверь, г. — 115
Тиверцев города (на Днестре) — 18
Тимеревский могильник (близ Ярославля) — 162
Тмуторокань, г. — 18—21, 406
Тудга, г. — 122
Толсте, с. (близ Скалата), городище — 448
Треполь, г. (ныне с. Триполье) — 75, 126
Троя, г. — 26, 450
Туркестан — 123

Ужгород, г. — 367, 368
Фарс — 120
Херсонес — см. Корсунь
Холм, г. — 378, 411
Царьград — см. Константинополь
Чернигов, г. — 26, 115, 361, 414, 507, 512
Черниговский могильник — 115, 133, 165, 201, 203, 204, 213—215, 221, 226—229, 406, 407, 414, 523, 525
Чехия — 513
Чигирин, г. — 239, 248, 250
Шаргород, городище — 356, 536
аш-Шаш, г. — 119, 121, 122, 171, 176, 180, 202, 223, 224
Шестовицкий могильник — 194, 213—215 219, 221, 227, 228, 415
Южное Приладожье, могильники — 218

II. Киев

Древние урочища и районы города

Андреевская гора — 37, 86, 98, 102, 104, 105, 111, 162, 414, 519, 527
Аскольдова могила — 11, 18, 118, 280
Бабин торжок — 265, 268, 276
Батыева гора (могила) — 45, 87, 128
Берестово, село — 19, 273, 274, 370
Боричев взвоз — 14, 19, 218, 264, 280, 532
Верхний (Старый) город — 23—25, 28, 32, 39, 52, 76, 77, 88, 90, 93, 94, 120, 135, 172, 231, 240—243, 248, 250, 252, 264, 267, 271, 281, 282, 366, 452, 491, 506, 515—517, 519, 536
Верхняя Юрковица — 129, 135, 154, 155, 191, 216, 523
Выдубицкий холм — 275, 532
Глубочица, ручей — 74—76, 79, 112, 129
Гончары, урочище — 270, 414, 529
Город Владимира — 90, 100, 134, 135, 162, 218, 221, 241, 242, 247, 267, 270, 271, 281, 282, 349, 370, 414, 482, 498, 504, 509, 510, 517, 521, 527, 529, 531
Город Ярослава — 89, 90, 124, 135, 221, 231, 232, 235, 236, 238, 241, 242, 246—262, 267, 270, 275, 281, 282, 370, 450, 498, 509, 517, 523, 528, 529, 533
Городище на Андреевской горе — 54, 55, 57, 62, 98—112, 115, 134, 135, 250, 251, 519, 521, 527
Городище над Иорданской церковью — 90, 91, 112, 115, 135, 521—523
Городище на Киселевке — 90, 91, 112—115, 522
Детинка, гора — 58, 293, 352, 374, 444
Дирова могила — 11, 12, 18, 37, 135—523
Дорогожичи — 12, 135, 524
«Жидове» — 89
Иорданское кладбище — 155
Киянка, ручей — 112
Киселевка (Флорова гора) — 25, 58—60, 79, 86, 91, 96, 113—115, 122, 125, 234, 235, 294, 348, 349, 365, 380, 384, 414, 417, 452, 453, 471, 482, 519, 521, 522
Кожемяки, урочище — 102, 124, 294, 370, 474, 529
Козаре, урочище — 13, 18
Козье болото — 248
Копырев конец — 233, 370
Крещатицкая долина (овраг) — 40, 162, 242, 247, 252, 255, 509, 529
Крещатицкий базар — 248
Кудрявец — 246, 378
Лукьяновка — 79, 80, 128, 246, 418, 444
Лыбедь, река — 14, 28, 90, 128, 247, 254, 529
Могильник на Андреевской горе — 103, 130—134, 138—154, 162—188, 195—200, 205—208
Могильник на Кирилловской ул. — 112, 129, 135, 154—156, 162, 164, 165, 189—194, 208—211, 523
Оболонь («Болонье») — 74
Олегова могила — 12, 18
«Пасынча беседа», урочище — 13, 18
Перевесище — 248, 264
Перунов холм — 13, 265, 266
Песочный городок — 507
Печерск — 27, 32, 71, 76, 88, 90, 91, 116—118, 124, 240, 242, 370, 517, 519
Печерская часть Ярославова города — 242, 248, 250
Плоская часть — 74, 128, 154
Подол — 13, 23, 25, 28, 32, 60, 71, 74—76, 88—91, 120, 121, 217, 231, 233, 240—242, 265, 348, 365, 366, 370, 444, 452, 505, 506, 516, 518, 519, 529, 533
«Поле вне града» — 14, 89, 135, 221, 523
Предславино сельцо — 14, 19
Ручей («Ручай») — 13
Софийская слобода — 236, 517

Теремец у Киева (хутор Теремки на Васильковской дороге) — 277, 532
Торговище — 267
Труханов остров — 277
Угорское — 11, 12, 19, 233, 279, 532
Хоревица, гора — 112
Церковщина, урочище под Киевом — 450
Шековица, гора — 12, 93, 94, 115

Оборонительные сооружения

Верхнего (Старого) города — 28, 54, 55, 60, 98—103, 233—262, 517, 528—530; Батыевы (Софийские) ворота — 242, 247, 498, 510, 527, 529; Жидовские (Львовские) ворота — 89, 90, 233, 242, 282, 519, 528, 529, 533; Золотые ворота — 58, 90, 232, 233, 238, 242, 247, 248, 250, 252—254, 256, 275, 282, 425, 487, 528, 529, 533; Киевские ворота — 242; Лядские (Печерские) ворота — 90, 233, 242, 248, 252, 262, 275, 509, 528, 529; Михайловские ворота — 242, 252
Киселевки — 25, 235, 236, 517, 522, 528
Печерска — 242—244, 547; Угорские ворота — 275
Подола — 13, 18, 28, 233, 235, 243, 282; Подольские ворота — 233

Дворы княжеские

Берестовский — 273, 274, 282, 529
Брячиславль — 275, 281, 532
Васильков — 277
Княж «в городе» — 14, 19, 52, 53, 55, 56, 103, 145, 147, 263—268, 271, 281, 383, 530
Красный на Выдубицком холме — 275, 532
Красный (Юрия Долгорукого) — 277, 532
Мстиславль — 268, 278, 350, 480, 532
Новый — 270, 272, 273, 529
на Острове — 276, 532
«Рай» (Юрия Долгорукого) — 277, 532
Теремной «вне града» — 14, 19, 264—267
Угорский — 269, 274, 275, 532
Ярославов Великий — 268—273, 276, 278, 280, 281, 531

Дворы боярские

Бориславль — 233, 282, 533
Варяга — 19
Воротиславль — 14, 19, 264, 265, 277, 280, 532
Глебов — 282, 533
Гордятин — 14, 19, 264
Коснячков — 281, 532
Никифоров — 14, 19, 264, 265, 280, 532, 533
Олмин — 12, 18, 19, 279, 532
Путятин — 89, 281, 282, 533
Радьславль — 233, 282, 533
Ратьшин — 282, 533
Чудин — 14, 19, 264, 265, 280, 532, 533

Дворы прочие

Деместиков — 14, 19, 264
Лихачев попов — 233, 282
Митрополичий — 483, 484

Монастыри

Андреевский (Янчин) — 130
Выдубицкий (Всеволож) — 28, 50, 60, 79, 275, 492, 519
Георгия — 232, 484, 487
Дмитриевский (Изяславль) — 40, 41
Кирилловский — 50, 61, 135, 272, 523
Михайловской Златоверхий — 24, 28, 29, 35, 40, 50, 79, 236, 241, 248, 250, 252, 492, 516, 528, 529
Печерский — 11, 16, 17, 28, 30, 35, 50, 60, 190, 234, 239—241, 491, 492, 515, 519
Пустынно-Никольский — 274
Софийский — 235, 236
Федоровский (Вотч) — 42, 273, 276, 350

Церкви

Андреевская — 36, 47, 265, 266
Апостолов в Берестове — 273, 274
Благовещения на Золотых воротах — 232, 233
Богородицы (Десятинная) — 13, 14, 19—22, 25, 27, 30, 35, 36, 39—41, 43, 56, 100, 103, 133, 161, 172, 174, 182, 202, 203, 207, 221, 223, 224, 236, 264, 265, 271, 336, 390, 391, 410, 417, 469, 491, 498, 500—504, 509, 510, 511, 527
Василия, деревянная — 25, 29, 41, 50, 265, 531
Василия на Новом дворе — 270, 272
Василия (Трехсвятительская) на Ярославовом Великом дворе — 40, 252, 265, 266, 270, 271, 273, 278

Десятинная — см. ц. Богородицы
Екатерины — 24
Ильи — 13, 18, 38
Иоанна Предтечи в Печерском монастыре — 50
Иорданская — 112, 123, 129, 154, 189, 190, 217, 522
Ирины — 11, 12, 18, 37, 43, 56, 135, 232, 523
Крестовоздвиженская — 36, 121
Николы на Аскольдовой могиле — 12, 18, 280
Петра в Михайловском Златоверхом монастыре — 41
Руины в усадьбе Киевского художественного института — 426
Руины в усадьбе Митрополичьего дома — 54, 56, 79
Руины над Иорданским ручьем — 38
Софии собор — 11, 14, 24, 25, 28—31, 35, 50, 51, 58, 60, 135, 232, 248, 268—270, 380, 392, 414, 420, 449, 458, 464, 491, 492, 512, 516
Спаса на Брестове — 30, 50, 57, 88
Трехсвятительская — см. Василия ц. на Ярославовом Великом дворе
Турова божница — 282, 533
Успения на Подоле — 50
Успенский собор Печерской лавры — 47, 50, 405, 410, 515, 516

Улицы, переулки, площади

Александровская ул. (ныне ул. Кирова) — 73
Андреевский спуск — 100, 280, 298
Б. Дорогожицкая ул. — 161, 226
Б. Житомирская ул. — 41, 80, 134, 185, 187, 200, 218, 221, 247, 349, 374, 498, 510, 527, 529
Б. Подвальная или Ярославов вал (ныне ул. Ворошилова) — 247, 253
Баггаутовская ул. на Лукьяновке (ныне ул. 9 января) — 80
Бессарабская пл. — 125
Богословский пер. — 129
Боричев ток — 280
Владимирская горка — 79, 252, 529
Владимирская ул. — 41, 80, 134, 139, 167, 198, 218, 247, 252, 265, 266, 505, 527, 529
Воздвиженская ул. — 75
Ворошилова ул. — см. Б. Подвальная или Ярославов вал
Георгиевский пер. — 54
Героев Перекопа пл. (бывш. Софийская пл.) — 120
Десятинный пер. — 102
Екатерининская ул. (ныне ул. Р. Люксембург) — 125
Елисаветинская ул. (ныне Пушкинская ул.) — 135, 136
Жертв революции ул. — см. Трехсвятительская ул.
Иорданский пер. — 129
Калинина пл. (бывш. Крещатицкая пл.) — 248, 250, 252, 255, 527
Караваевская ул. (ныне ул. Льва Толстого) — 79, 80
Кецховели Ладо ул. (ныне ул. Чкалова) — 253
Кирилловская ул. (ныне ул. Фрунзе) — 112, 129, 130, 135, 140, 154—157, 162, 164, 165, 189, 213, 226, 452, 505, 523, 526
Костельная ул. (ныне ул. Челюскинцев) — 252, 529
Крутая гора — 129
Ленина ул. (бывш. Фундуклеевская) — 135
Львовская пл. (бывш. Сенная пл. и базар) — 88, 89, 247, 529
М. Владимирская ул. (ныне ул. Чкалова) — 125, 135, 172, 198, 214, 222, 223, 254, 523
М. Житомирская ул. — 92, 94
М. Подвальная ул. — 252, 255, 529
Михайловская пл. (ныне Правительственная пл.) — 252
Михайловский пер. — 252, 529
Некрасовская ул. — 77, 78
Овручская ул. на Лукьяновке — 79
Прорезная ул. (ныне ул. Свердлова) — 135, 136
Пушкинская ул. — см. Елисаветинская ул.
Рейтарская ул. — 135, 172, 198, 214, 222, 223, 523
Сенная пл. и базар — см. Львовская пл.
Софийская ул. (ныне ул. Калинина) — 248
Толстого Льва ул. — см. Караваевская ул.
Трехсвятительская ул. (ул. Жертв революции, ныне — Героев революции) — 151, 320, 504, 505
Франка ул. (бывш. Нестеровская ул.) — 254
Фрунзе ул. — см. Кирилловская ул.
Фундуклеевская ул. — см. ул. Ленина
Хорева ул. на Подоле — 378
Царский сад (ныне Парк Ватутина) — 73
Чкалова ул. — см. М. Владимирская ул.
Ярославов вал — см. Б. Подвальная ул.

Усадьбы — места раскопок и отдельных находок

Агеева, Трехсвятительская ул. — 266
Багреева, Кирилловская ул., д. 61 — 130, 156, 164, 225
Беляшевского Н. Ф., М. Владимирская ул. — 125
Б. Житомирская ул., д. 4 — 134, 185, 221, 226, 328—340, 352, 391, 416, 510
Бродского Л. И., Екатерининская ул., д. 9 — 125
Владимирская ул., д. 7/9 — 198, 349, 350
Десятинной церкви (ныне Киевского исторического музея) — 55, 56, 78, 83, 86, 100, 102, 139—147, 159, 160, 164, 172—174, 182, 189, 200, 201, 204, 205, 292, 378, 383, 393
Догматырского, Сенная пл. — 77
Есикорского М., Троицкий (Рыльский) пер. — 194, 270
Зарембских, Кирилловская ул., д. 71 — 130
Зивала, Кирилловская ул., д. 59 — 130, 156, 164, 225
Иванишева Н. Д., Подол — 124
Кибальчича Т. В., Б. Дорогожицкая ул. — 155, 161
Киевского исторического музея, Владимирская ул., д. 2 — 104, 154, 340—348, 352, 387, 390, 416, 449
Кирпичного завода — 76
Климовича, Владимирская ул. — 266
Королева, Владимирская ул. — 41, 273
Крестьянского банка (ныне Киевского телеграфа, Владимирская ул., д. 10) — 55, 102, 139, 143, 144
Кривцова, Трехсвятительская ул. (ул. Жертв революции) — 130, 134, 150, 151, 163, 221, 266, 378, 403, 410, 418, 450, 452, 505
Лурье и Левина, Верхняя Юрковица — 154, 191
Магурина, Подол — 74, 77
Марра, Кирилловская ул. — 112, 121, 128, 154, 164, 190, 210, 211, 224
Михайловского Златоверхого монастыря — 59, 134, 162, 298—328, 352, 367, 370, 386, 391, 416, 420, 422, 483, 493—497
Некрасовская ул., д. 16 — 78
Орлова Б. А., Трехсвятительская ул. (ул. Жертв революции) — 504
Петровского М. М., Владимирская ул., д. 2 (ныне усадьба Киевского исторического музея) — 52—54, 98, 100, 102—104, 131, 157, 162, 285, 286, 288—292, 329, 351, 372, 383, 389, 390, 398, 403, 404, 410, 470, 482, 492, 533
Пивоваренного завода Риккерта, Кирилловская ул. — 12, 208, 217
Пивоваренного завода Хрякова, Кирилловская ул. — 189
Реального училища — 217
Святославского, Кирилловская ул., д. 81 — 88, 130, 156, 165
Сикорского И. А., Б. Подвальная ул., д. 15 — 121, 122
Слюсаревского, Десятинный пер., д. 4 — 59, 86, 100—102, 104
Софийского архитектурно-исторического заповедника (бывш. ус. Митрополичьего дома, Владимирская ул., д. 24) — 54, 57, 60, 135, 157, 158, 166, 195, 198, 222, 227, 271, 292, 352, 420, 452, 504, 523
Старокиевской аптеки, Владимирская ул. — 41
Телевизионного центра, М. Подвальная ул., д. 13 — 255
Трубецкого, Владимирская ул., д. 1 — 54, 55, 58, 128, 132, 134, 137, 144, 147—150, 157, 160, 167, 177, 187, 221, 266, 383, 391, 449
Фурмана, уг. Рейтарской и М. Владимирской ул., ныне ул. Чкалова — 169
Художественной школы (бывш. усадьба Петровского, ныне усадьба Киевского исторического музея, Владимирская ул., д. 2) — 59, 82, 83, 86, 100, 101, 151, 152, 206, 295, 400

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ, АРХИВОВ, МУЗЕЕВ, ВЫСТАВОК И КОЛЛЕКЦИЙ ДРЕВНОСТЕЙ

Антропологическая выставка в Москве —129
Археологическая комиссия, СПб. — 53, 54, 57, 99—103, 122, 125, 130, 131, 139—147, 163, 164, 172, 174, 175, 189, 205, 208, 224, 292, 293, 413, 506
Археологические съезды, III (в Киеве) — 46, 50; IX (в Вильне) — 77; XI (в Киеве) — 47, 87, 137, 155, 211; XIV (в Чернигове) — 106
Архив Военно-топографического депо при Главном штабе — 243
Архив Главного военно-инженерного управления — 243
Архив ИА АН УССР — 42, 83, 100—102, 110, 132, 149, 150, 151, 153, 178, 182, 196, 208, 255, 470
Архив ИИМК АН СССР — 53, 54, 56, 57, 92, 101, 120, 122, 125, 154, 174, 208, 255, 286, 378, 384, 404, 416, 420
Архив Инженерного департамента — 243
Архив Киевского Горсовета — 243
Архив Министерства иностранных дел — 242
Архив Софийского архитектурного-исторического заповедника АА УССР — 244
Временный комитет изыскания древностей в Киеве — 39—43, 162, 163
Всеукраинский археологический комитет (ВУАК) — 57, 58, 132, 139, 147—150, 177, 187, 293, 534
Государственная (ранее Российская) академия истории материальной культуры — 57, 139
Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Лгр. — 30, 244, 246
Государственный исторический музей (ГИМ), Москва — 130, 208, 209
Государственный Эрмитаж — 75, 120, 122, 141, 146, 147, 206, 225
Дерптский музей — 119
Институт археологии (ИА) АН УССР — 7, 59, 60, 83, 86, 88, 96, 100, 101, 104, 109, 110, 112, 132, 133, 151, 178—180, 182, 196, 198, 206, 218, 224, 254—261, 295—298, 316—320, 348—350, 366, 377, 378, 388—390, 400, 412, 506, 529, 534
Институт живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств СССР — 7
Институт истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР — 7, 59, 60, 83, 85, 86, 100, 102, 104, 132, 133, 152—154, 182—187, 298—316, 320—348, 377, 387, 413, 493, 494, 506, 534
Институт истории материальной культуры (ИИМК) АН УССР — см. Институт археологии АН УССР
Историческое общество Нестора летописца, Киев — 166
Киевская комиссия для разбора древних актов — 41—45. 128, 242, 252

Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (ранее Киевский университет св. Владимира) — 7, 44—46, 127, 128
Киевский исторический музей (КИМ) — 7, 58, 59, 79—82, 86, 88, 92, 106, 112, 113, 120, 131, 137, 156, 163, 166, 170, 172, 182, 211, 217, 218, 294, 295, 381, 389, 410, 412, 416, 420, 453, 471, 534
Киевский музей древностей и искусств — 93
Киевское общество древностей и искусств — 93
Коллекция древностей Б. Н. и В. И. Ханенко — 172, 200, 410
Коллекция древностей В. Гезе — 170
Коллекция древностей И. А. Хойновского — 92—94
Коллекция древностей Тарновского — 378
Коллекция нумизматическая Юзефовича — 119
Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова — 7
Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР (ЛОИИМК) — см. Институт истории материальной культуры АН СССР
Музей древностей при Киевском университете св. Владимира — 39, 40, 42, 44—46, 120, 128, 129, 163, 166, 211
Музей западного и восточного искусства, Киев — 422
Музей Русского археологического общества, СПб. — 119
Мюнц-кабинет Киевского университета св. Владимира — см. Музей древностей при Киевском университете св. Владимира
Нумизматический кабинет Азиатского музея, СПб. — 117
Русское археологическое общество, СПб. — 119
Софийский архитектурно-исторический заповедник Академии архитектуры УССР — 60, 61, 271, 425, 458—461
Харьковский исторический музей — 141, 146, 206
Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии — 75, 92, 121, 124, 243, 378
Центральный государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА) — 241, 242
Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА) — 243, 244
Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ) — 243, 244, 246
Центральный государственный исторический архив УССР — 390

СПИСОК РИСУНКОВ

Стр.

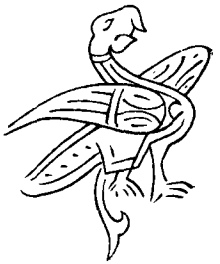
1. Римский светильник, найденный на территории Киева 81
2. Погребение III—IV вв. Усадьба Художественной школы (ныне усадьба Киевского исторического музея). Раскопки 1937 г. 83
3. Глиняный сосуд из погребения III—IV вв. Раскопки 1937 г. 84
4. Инвентарь погребений III—IV вв. Раскопки 1937 г. 85
5. Пара серебряных браслетов с расширяющимися полыми концами. Случайная находка на территории Старого города. Коллекция И. А. Хойновского 94
6. Пять серебряных браслетов с расширяющимися полыми концами. Случайная находка 95
7. Профиль рва древнейшего Киевского городища. Раскопки 1909 г. 99
8. Разрез рва древнейшего Киевского городища. Раскопки 1909 г. 101
9. План жилища с лепной керамикой. Усадьба Киевского исторического музея (бывш. усадьба Художественной школы). Раскопки 1939 г. 104
10. Печь из жилища с лепной керамикой 105
11. Глиняная обмазка с отпечатками прутьев 106
12. Капище. Раскопки 1908 г. Рисунок В. В. Хвойки 107
13. Капище. Макет. Киевский исторический музей 109
14. Капище. Общий вид. Раскопки 1937 г. 111
15. Два фрагмента греческих амфор с клеймами, найденные в могильнике на Прорезной ул. 136
16. Глиняный сосуд салтовского типа 137
17. Общий вид погребения 85 и разрез могильной ямы 152
18. Общий вид погребения 86 153
19. Общий вид погребения 87 154
20. Священный дуб с засаженными в него кабаньими клыками 159
21. Наконечники стрел из колчана (погребение 105) 168
22. Погребальный инвентарь (погребение 106) 169
23. Боевой топор (погребение 108) 171
24. План раскопок восточной части Десятинной церкви (под южной апсидой — сруб погребения 109) . . . . . 172—173
25. Погребальный инвентарь (погребение 109) 175
26. Могильная камера (погребение 110) 177
27. Орнаментированные астрагалы и «битки» (погребение 110) 178

Стр.
28. Общий вид погребения 111 179
29. Наконечник копья, боевой топорик, удила, стремена, железные пряжки, бронзовые бляшки и серебряная накладка (погребение 113) 181
30. Фрагмент глиняного сосуда (погребение 113) 183
31. Семь бронзовых бляшек от конской сбруи и одна серебряная прорезная накладка (погребение 113) 184
32. Стрелы, железные обломки колчана, куски кожи (погребение 113) . . . . 184—185
33. Железные обручи и дужка от деревянного ведра (погребение 113) 185
34. Общий вид погребения 114 186
35. Бронзовые украшения конского убора и подвеска из песчаника (погребение 115) 187
36. Кольцевая бронзовая фибула (погребение 116) 189
37. Общий вид кургана в процессе раскопок (погребение 118) 191
38. Шпоры, пряжка, бронзовое кольцо, настовые бусы, миниатюрный стеклянный сосудик, серебряная оковка деревянной чаши (погребение 118) 192
39. *1—2* — бронзовая ручка от кресала (погребение 118); *3—4* — аналогии из Прикамья 193
40. Костяная пластина из распиленного лосиного рога (погребение 118) 195
41. Бронзовая курильница (погребение 119) 196
42. Костяные орнаментированные пластинки (погребение 120) 197
43. Бронзовые литые бляшки, наконечник ремня, пряжка, бубенчик, сердоликовая, костяная и пастовая бусы, глиняное пряслице, два астрагала для игры и обломки железных предметов (погребение 120) 199
44. План и разрез могильного сруба (погребение 123) 207
45. Две скорлупообразные фибулы (погребение 124) 209
46. Меч, найденный на Подоле 217
47. План Киева, 1787 г. 245
48. План-реконструкция Старого Киева М. Максимовича 249
49. План-реконструкция Ярославова города А. Тихонович и Н. Ткаченко 251
50. План внутривальных клетей Ярославова города. Раскопки 1952 г. 256
51. Деталь рубки клетей Ярославова города. Раскопки 1952 г. 257
52. Торцы бревен клетей Ярославова города (деталь). Раскопки 1952 г. 258
53. План и разрез деревянной конструкции перед лицевой стенкой срубов Ярославова города. Раскопки 1952 г. 259
54. Поперечный разрез вала Ярославова города. Раскопки 1952 г. 261
55. Рисунки киевских жилищ, раскопанных В. Хвойкой 287
56. План жилища в усадьбе митрополичьего дома. Раскопки 1909 г. 293
57. Жилище в усадьбе Художественной школы. Забивка пода печи. Раскопки 1936 г. . 297
58. План жилищ и хозяйственных сооружений. Усадьба Михайловского Златоверхого монастыря. Раскопки 1938 г. 299
59. План жилищ I и II и лестницы в подземное помещение. Раскопки 1938 г. . . . 301
60. План жилищ III—V и хозяйственных ям. Раскопки 1938 г. 303
61. План жилищ IV—VII и хозяйственных ям. Раскопки 1938 г. 305
62. Жилище VII. Аксонометрия. Раскопки 1938 г. 307
63. Жилище VII. Лестница, у нижней ступеньки — два обломка жернова. Раскопки 1938 г. 309
64. «Жилище художника». Аксонометрия. Раскопки 1938 г. 311
65. План жилищ I и II. Усадьба Михайловского Златоверхого монастыря. Раскопки 1940 г. 315
66. Жилище II. Печь. Раскопки 1940 г. 319
67. Общий вид жилища. Усадьба Михайловского Златоверхого монастыря. Раскопки 1949 г. 321

Стр.
68. План жилища. Раскопки 1949 г. . . . 322
69. Разрезы жилища. Раскопки 1949 г. . . . 323
70. План жилищ I и II. Б. Житомирская ул., д. 4. Раскопки 1946 г. . . . 329
71. Разрезы жилища I. Раскопки 1946 г. . . . 331
72. Жилище I. План и разрез печи. Раскопки 1946 г. . . . 332
73. Жилище I. Печь. Раскопки 1946 г. . . . 333
74. Помещение со столбовой конструкцией под полом жилища I. Раскопки 1946 г. . . . 335
75. Разрез жилища II. Раскопки 1946 г. . . . 337
76. План раскопок 1948—1949 гг. в усадьбе Киевского исторического музея 341
77. Раскоп 1948 г. Профили 342
78. Раскоп 1948 г. Разрез 343
79. План жилища. Раскопки 1948 г. . . . 345
80. План жилища. Раскопки 1949 г. . . . 347
81. Бронзовая лампада, найденная в «жилище художника». Раскопки 1938 г. . . . 379
82. Боевая гиря и булавы. Раскопки 1936—1937 и 1938 гг. . . . 380
83. Глиняные формы для отливки кистеня (?). . . . 381
84. Бронзовый хорос, найденный на Хоревой ул. . . . 382
85. Фрагменты бронзового хороса из Киевской Софии. Раскопки 1940 г. . . . 383
86. Формочки с надписями. Раскопки 1937 и 1940 гг. . . . 385
87. Свинцовые колт (*1*) и наруч (*3*) из раскопок в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря и формочка для наруча (*2*) 387
88. Бронзовые изделия, найденные в мастерской литейщика. Раскопки 1948 г. . . . 389
89. Круглая свинцовая подушка, обтянутая железным кольцом, раскопки 1946 г. (*1*); матрица для тиснения бус (*2*) 395
90. Медный жгут-заготовка для изготовления шейных гривен. Случайная находка . . 397
91. Инструменты для производства колтов с перегородчатой эмалью. Раскопки В. В. Хвойки 399
92. Обломки тигельков для плавки золота, серебра, меди и эмали. Раскопки 1937 г. . 401
93. Тигельки для плавки стекла. Раскопки 1948 г. . . . 405
94. Фрагмент толстостенного стеклянного сосуда с налепными жгутами. Раскопки 1948 г. . . . 409
95. Глиняный сосуд X в. Раскопки 1937 г. . . . 415
96. Горшок из «жилища художника», раскопки 1938 г. (*1*); горшок из жилища XIII в. на Б. Житомирской ул., раскопки 1946 г. (*2*) 417
97. Горшок, в котором был найден клад 1893 г. (*1*), и горшок, найденный на Флоровой горе (*2*) 418
98. Горшок-рукомойник из «жилища художника» (*1*) и горшок-рукомойник из тайника под Десятинной церковью (*2*) 419
99. Фрагмент узкогорлого кувшина, раскопки Д. В. Милеева (*1*); узкогорлый кувшин, найденный в 1940 г. на Лукьяновке (*2*) 419
100. Сосуд для хранения зерна, найденный в «жилище художника». Раскопки 1938 г. . . . 420
101. Сосуд, найденный под древним полом Софии. Раскопки 1940 г. . . . 421
102. Сосуд для хранения зерна. Раскопки 1914 г. . . . 422
103. Обломок корчаги с надписью, найденный в 1915 г. в Старом городе 423
104. Миниатюра Радзивилловской летописи 424
105. Фрагменты амфор-корчаг. Усадьба Софийского заповедника. Раскопки 1946 г. . . . 425
106. Фрагмент амфоры с арабской надписью. Раскопки 1947 г. . . . 426
107. Метки собственников сосудов на амфорах 427
108. Клейма на донцах сосудов 428
109. Клейма на донцах сосудов 429

Стр.
110. Клейма на донцах сосудов 430
111. Клейма на донцах сосудов 431
112. Клейма на донцах сосудов 432
113. Клейма на донцах сосудов 433
114. Клейма на донцах сосудов 434
115. Клейма на донцах сосудов 435
116. Клейма на донцах сосудов 436
117. Клейма на донцах сосудов 437
118. Клейма на донцах сосудов 438
119. Клейма на донцах сосудов 439
120. Клейма на донцах сосудов 440
121. Клейма на донцах сосудов 441
122. Клейма на донцах сосудов 442
123. Клейма на донцах сосудов 443
124. Клейма на донцах сосудов 445
125. Днище большого сосуда с изображением княжеского знака. Раскопки В. А. Богусевича на Подоле 447
126. Печь для обжига кирпича. План. Раскопки 1946 г. 457
127. Печь для обжига кирпича. Деталь. Раскопки 1946 г. 459
128. Печь для обжига кирпича. Деталь. Раскопки 1946 г. 459
129. Черепица из развалин Десятинной церкви. Раскопки 1948 г. 463
130. Голосники из собора Михайловского Златоверхого монастыря 463
131. Клейма на голосниках из Софийского собора. Раскопки 1949 г. 465
132. Тигли для эмали 467
133. Деревянные изделия из «жилища художника». Раскопки 1938 г. 469
134. Набор инструментов по обработке дерева из «жилища художника». Раскопки 1938 г. 471
135. Каменные жернова из жилища. Усадьба Михайловского Златоверхого монастыря. Раскопки 1949 г. 473
136. Остатки производства янтарных изделий в «жилище художника». Раскопки 1938 г. 475
137. Горшочки с красками из «жилища художника». Раскопки 1938 г. 477
138. Скелеты киевлян, погибших в битве с татарами. Раскопки 1946 г. 499
139. Железные оковки лопат, топоры, обручи и дужки от деревянных ведер, найденные в тайнике под Десятинной церковью. Раскопки 1939 г. 501
140. Тайник под Десятинной церковью. План и разрез. Раскопки 1939 г. 503
141. Братская могила киевлян в районе Десятинной церкви. Раскопки Д. В. Милеева 507

ТАБЛИЦЫ



ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

Табл. I. Находки римского происхождения на территории Киева. *1—4* — монеты; *5* — камея; *6* — бронзовая бляшка с эмалью.

Табл. II. Бронзовые антропоморфные фибулы. *1* — фибула, найденная в Киеве на М. Житомирской ул.; *2* — фибула из Пастерского клада 1892 г.

Табл. III. Фрагменты керамики IX—X вв. Раскопки 1932 г. на горе Киселевке.

Табл. IV. Шесть золотых браслетов из клада, найденного в 1913 г. в усадьбе И. А. Сикорского.

Табл. V. Погребальный инвентарь. *1* — две пастовые бусы с инкрустациями (погребение 3); *2* — сердоликовые, пастовые и стеклянные бусы из ожерелья и подвеска-диргем (погребение 14); *3* — пастовые и стеклянные бусы из ожерелья (погребение 15).

Табл. VI. Погребальный инвентарь (погребение 24). *1*, *2* — костяной гребень в футляре; *3* — костяное острие.

Табл. VII. Погребальный инвентарь (погребение 25). *1* — железный нож; *2*, *3* — кремень и кресало; *4* — кожаный ремешок с бронзовыми бляшками; *5* — костяное острие; *6* — бронзовая ромбовидная бляха.

Табл. VIII. Общий вид погребений. *1* — погребение 26; *2* — погребение 30.

Табл. IX. Погребальный инвентарь. *1* — стеклянные, сердоликовые, хрустальные, янтарные и серебряные с зернью бусы, два серебряных височных кольца, трехбусинная серьга, пластинчатый серебряный перстень (погребение 26); *2* — стеклянные, сердоликовая, хрустальная и пастовая бусы (погребение 27); *3* — стеклянные бусы (погребение 28); *4* — стеклянные и сердоликовые бусы (погребение 29).

Табл. X. Погребальный инвентарь (погребение 30). *1* — стеклянные, пастовые и сердоликовые бусы; *2*, *3* — подвески-диргемы; *4* — восемь височных колец с несомкнутыми концами.

Табл. XI. Погребальный инвентарь. *1* — сердоликовые, стеклянные, пастовые и серебряные бусы, серебряная лунница и височное кольцо с завязанными концами (погребение 83); *2* — серебряное височное колечко и железные гвозди от гробовища (погребение 84).

Табл. XII. Погребальный инвентарь (погребение 86). *1* — боевой топорик; *2—5* — стрелы; *6—8* — три бронзовых кольца; *9* — кресало; *10* — кремень.

Табл. XIII. Меч (погребение 108).

Табл. XIV. Серебряные бляхи, стеклянные шашки, игральная кость, бубенчики (погребение 108).

Табл. XV. Кольцевая серебряная фибула (погребение 108).

Т а б л. XVI. Погребальный инвентарь (погребение 110). *1—4* — подвески-диргемы; *5* — железный ножичек; *6*, *8* — миниатюрные оселки; *7* — бронзовая пряжка; *9* — костяная свистулька; *10* — миниатюрный топорик; *11* — крестообразная серебряная накладка; *12* — коромысло миниатюрных бронзовых весов; *13* — просверленная пяточная кость; *14* — костяной гребень; *15* — железное изделие.

Т а б л. XVII. Костяная ложка (погребение 110).

Т а б л. XVIII. Набор астрагалов для игры (погребение 110).

Т а б л. XIX. Погребальный инвентарь (погребение 110). *1* — кабаньи клыки; *2* — просверленные раковины unio.

Т а б л. XX. Погребение 112. *1* — общий вид могильной камеры; *2* — погребальный инвентарь: *а* — сердоликовые бусы; *б* — височные кольца; *в* — перстень; *г* — бронзовый ключик.

Т а б л. XXI. Подвески-диргемы (погребение 112).

Т а б л. XXII. Кольцевая серебряная фибула (погребение 112).

Т а б л. XXIII. Погребение 113. *1* — план; *2* — общий вид могильной камеры.

Т а б л. XXIV. Общий вид погребения 114.

Т а б л. XXV. Погребальный инвентарь (погребение 114). *1*, *2* — меч; *3* — стрелы из колчана.

Т а б л. XXVI. Наносник от шлема и погребальный инвентарь. *1* — наносник от шлема, найденного в усадьбе Десятинной церкви; *2* — инвентарь из погребения 122: *а* — сердоликовые, пастовые и серебряные с зернью бусы; *б*, *в* — имитация византийского солида императоров Василия I и Константина (869—879 гг.); *г*, *д* — серебряная фибула, превращенная в медальон; *е* — серебряный ободок деревянного ковша.

Т а б л. XXVII. Золотые височные кольца, подвеска, сердоликовые, пастовые и серебряные ажурные бусы, пара браслетов, золотые перстни, серебряная пряжка, диргем, фрагменты ткани (погребение 123).

Т а б л. XXVIII. Круглая серебряная фибула, пара серебряных височных колец «волынского типа», серебряная серьга с насаженной пастовой бусиной, золотое колечко из рубчатой проволоки, ожерелье из сердоликовых, хрустальных, пастовых, янтарной, стеклянной и серебряной бус, бронзовая крестообразная подвеска, серебряная подвеска, две византийских серебряных монеты (931—944 гг.) (погребение 124).

Т а б л. XXIX. Четыре серебряные и одна золотая серьга с насаженными бусами, диргем, серебряные крестообразные подвески, бусы, скорлупообразная фибула, точильный брусок (погребение 125).

Т а б л. XXX. Скорлупообразные фибулы. Случайные находки в Киеве.

Т а б л. XXXI. План Киева 1745 г.

Т а б л. XXXII. Планы Киева. *1* — 1774 г.; *2* — 1811 г.

Т а б л. XXXIII. Лицевая стенка срубов Ярославова города. Раскопки 1952 г.

Т а б л. XXXIV. Жилища на Киселевке. Раскопки 1933 г. *1* — жилище I; *2* — жилище II.

Т а б л. XXXV. «Жилище художника» (VIII). Общий вид. Раскопки 1938 г.

Т а б л. XXXVI. Жилище I. Общий вид. Раскопки 1940 г.

Т а б л. XXXVII. Общий вид раскопа во дворе д. 4 по Б. Житомирской ул. Раскопки 1946 г.

Т а б л. XXXVIII. Жилище I. Общий вид. Раскопки 1946 г.

Т а б л. XXXIX. Жилище II. Общий вид. Раскопки 1946 г.

Т а б л. XL. Железные изделия из «жилища кузнеца». Раскопки 1946 г.

Т а б л. XLI. Железные изделия из «жилища кузнеца». Раскопки 1946 г.

Т а б л. XLII. Наконечник ножен меча. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви. Раскопки 1939 г.

Т а б л. XLIII. Древние колокола. *1*, *2* — колокола из развалин Десятинной церкви, раскопки 1824 г.; *3* — колокол, найденный неподалеку от Десятинной церкви, раскопки 1937 г.; *4* — колокол, найденный на Хоревой ул.

Т а б л. XLIV. Медные кресты-энколпионы.

Табл. XLV. Каменные формочки для отливки мелких предметов и креста-энколпиона, найденные в Старом городе.

Табл. XLVI. Каменные формочки для отливки мелких предметов, найденные в Старом городе.

Табл. XLVII. Каменные формочки для отливки крестов-энколпионов, найденные в Старом городе.

Табл. XLVIII. Каменные формочки для отливки мелких предметов, найденные на Флоровой горе.

Табл. XLIX. Каменные формочки для отливки мелких предметов, найденные на Флоровой горе.

Табл. L. Глиняные формочки.

Табл. LI. «Имитационные» формочки, найденные в Старом городе.

Табл. LII. «Имитационные» формочки, найденные в Старом городе.

Табл. LIII. «Имитационные» формочки, найденные в Старом городе.

Табл. LIV. «Имитационные» формочки, найденные в Старом городе.

Табл. LV. «Имитационные» формочки, найденные в тайнике под Десятинной церковью.

Табл. LVa. «Имитационные» формочки, найденные в тайнике под Десятинной церковью.

Табл. LVI. «Имитационные» формочки, найденные в тайнике под Десятинной церковью.

Табл. LVII. «Имитационные» формочки, найденные на Флоровой горе.

Табл. LVIII. Бронзовые изделия и отходы производства, найденные в мастерской литейщика. Раскопки 1948 г.

Табл. LIX. Трубчатые замки из мастерской литейщика. Раскопки 1948 г.

Табл. LX. Обломок бронзового позолоченного листа с чеканным изображением апостола Павла, найденный в Киевской Софии и деталь того же листа. Раскопки 1940 г.

Табл. LXI. Серебряные наручи из киевских кладов.

Табл. LXII. Фрагменты бронзовых листов с золотой росписью. *1* — случайная находка на городище Княжа Гора; *2*, *3* — раскопки 1937 г. в усадьбе Художественной школы (ныне Киевского исторического музея).

Табл. LXIII. Серебряные изделия из клада, найденного в 1903 г. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря.

Табл. LXIV. Серебряные изделия из клада, найденного в 1903 г. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря.

Табл. LXV. Золотые изделия из клада, найденного в 1887 г. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря.

Табл. LXVI. Золотая диадема из клада, найденного в усадьбе Гребеновского.

Табл. LXVII. Золотые изделия из клада, найденного в 1887 г. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря.

Табл. LXVIII. Золотые изделия из клада, найденного в 1827 г. в усадьбе Августиновича.

Табл. LXIX. Стеклянные изделия. *1* — браслеты, раскопки 1936 г.; *2* — донца бокалов, раскопки 1936—1937 гг.

Табл. LXX. Керамические изделия. *1* — горшок из «жилища художника», раскопки 1938 г.; *2* — горшок, в котором был найден клад 1907 г.; *3* — горшок из жилища в усадьбе Киевского исторического музея, раскопки 1937 г.; *4* — горшок из жилища на Б. Житомирской ул., раскопки 1946 г.

Табл. LXXI. Керамические изделия. *1* — горшок из жилища в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря, раскопки 1949 г.; *2* — горшок, в котором был найден клад 1903 г.; *3* — горшок, в котором был найден клад 1885 г.

Табл. LXXII. Керамические изделия. *1* — кувшин поливной из «жилища художника»; *2* — кувшин, в котором неподалеку от Десятинной церкви был найден клад монетных гривен; *3* — кувшин, найденный в усадьбе Кривцова (раскопки И. А. Хойновского).

Т а б л. LXXIII. Белоглиняные ковши. *1* — ковш, найденный в «жилище художника»; *2* — ковш, найденный в жилище, раскопанном в 1948 г. в усадьбе Исторического музея; *3* — ковш, которым был покрыт сосуд с кладом 1885 г.

Т а б л. LXXIV. Сосуд для хранения зерна, найденный в жилище в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря. Раскопки 1949 г.

Т а б л. LXXV. Корчага (амфора), в которой хранились хрустальные бусы. Раскопки 1949 г.

Т а б л. LXXVI. Корчажцы («амфорки киевского типа»).

Т а б л. LXXVII. Фрагменты расписной керамики. Раскопки 1948—1949 гг.

Т а б л. LXXVIII. Глиняные светильники. Раскопки 1938 и 1948 гг.

Т а б л. LXXIX. Отпечатки лап различных животных и птиц на кирпичах из развалин Десятинной церкви.

Т а б л. LXXX. Византийские клейма на кирпичах из развалин Десятинной церкви.

Т а б л. LXXXI. Клейма на кирпичах из развалин княжеской гридницы и Десятинной церкви.

Т а б л. LXXXII. Клейма на кирпичах из развалин Десятинной церкви.

Т а б л. LXXXIII. Клейма на кирпичах из развалин Десятинной церкви.

Т а б л. LXXXIV. Надписи на кирпичах из развалин гридницы и Десятинной церкви.

Т а б л. LXXXV. Печь для обжига кирпича возле Софийского собора. Общий вид. Раскопки 1946 г.

Т а б л. LXXXVI. Майоликовые плитки из развалин храмов в Белгороде. Раскопки В. В. Хвойки.

Т а б л. LXXXVII. Майоликовые плитки из развалин храма Бориса и Глеба в Вышгороде. Раскопки 1952 г.

Т а б л. LXXXVIII. Майоликовые плитки из раскопок в Софии. Раскопки 1952 г.

Т а б л. LXXXIX. Майоликовые плитки из раскопок в Софии. Раскопки 1952 г.

Т а б л. XC. Клеймо в виде княжеского знака на майоликовой плитке. Раскопки 1948 г.

Т а б л. XCI. Обломки резного блюда из тайника под Десятинной церковью. Раскопки 1939 г.

Т а б л. XCII. Обломки резного блюда с резным орнаментом из тайника под Десятинной церковью. Раскопки 1939 г.

Т а б л. XCIII. Костяные изделия.

Т а б л. XCIV. Остатки костерезного производства из мастерской. Усадьба Киевского исторического музея. Раскопки 1937 г.

Т а б л. XCV. Шиферный саркофаг из Десятинной церкви. Раскопки Д. В. Милеева.

Т а б л. XCVI. Хрустальные бусы из мастерской. Раскопки 1949 г.

Т а б л. XCVII. Инвентарь из «жилища художника». Раскопки 1938 г. *1* — серебряная лунница; *2* — медный сосуд.

Т а б л. XCVIII. Шлем и меч из тайника под Десятинной церковью. Раскопки 1939 г.

Т а б л. XCIX. Золотые, серебряные и бронзовые изделия из тайника под Десятинной церковью. Раскопки 1939 г.

Т а б л. C. Серебряные и золотые бляшки с жемчугом из тайника под Десятинной церковью. Раскопки 1939 г.

Таблица I

1

5

2

3

4

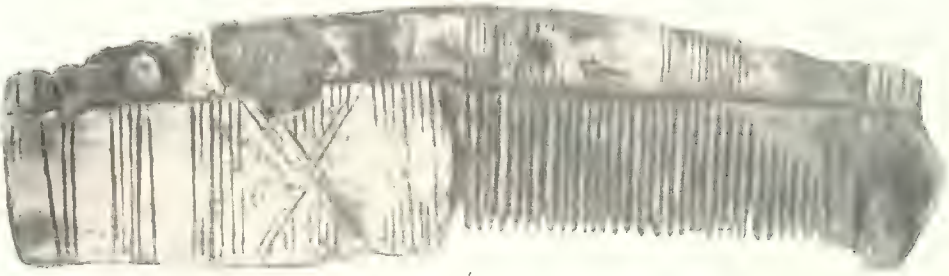
6

1

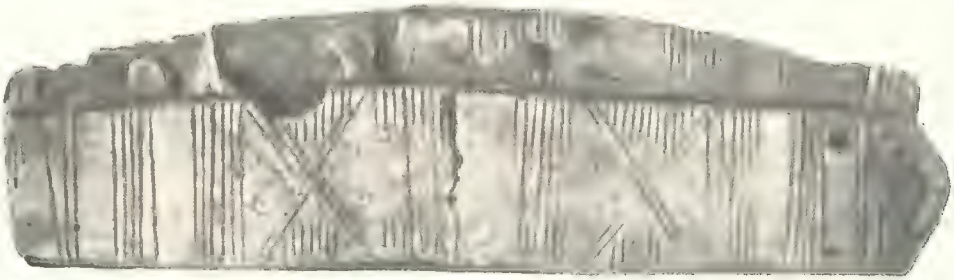
2

1 0 4см

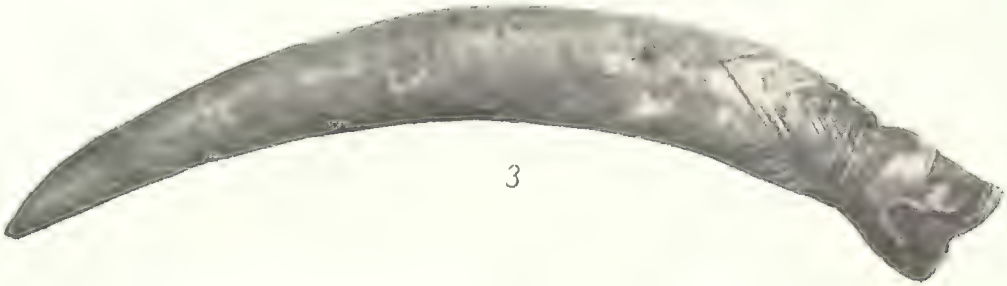
1
2
3
1 0 3 4 cm



1



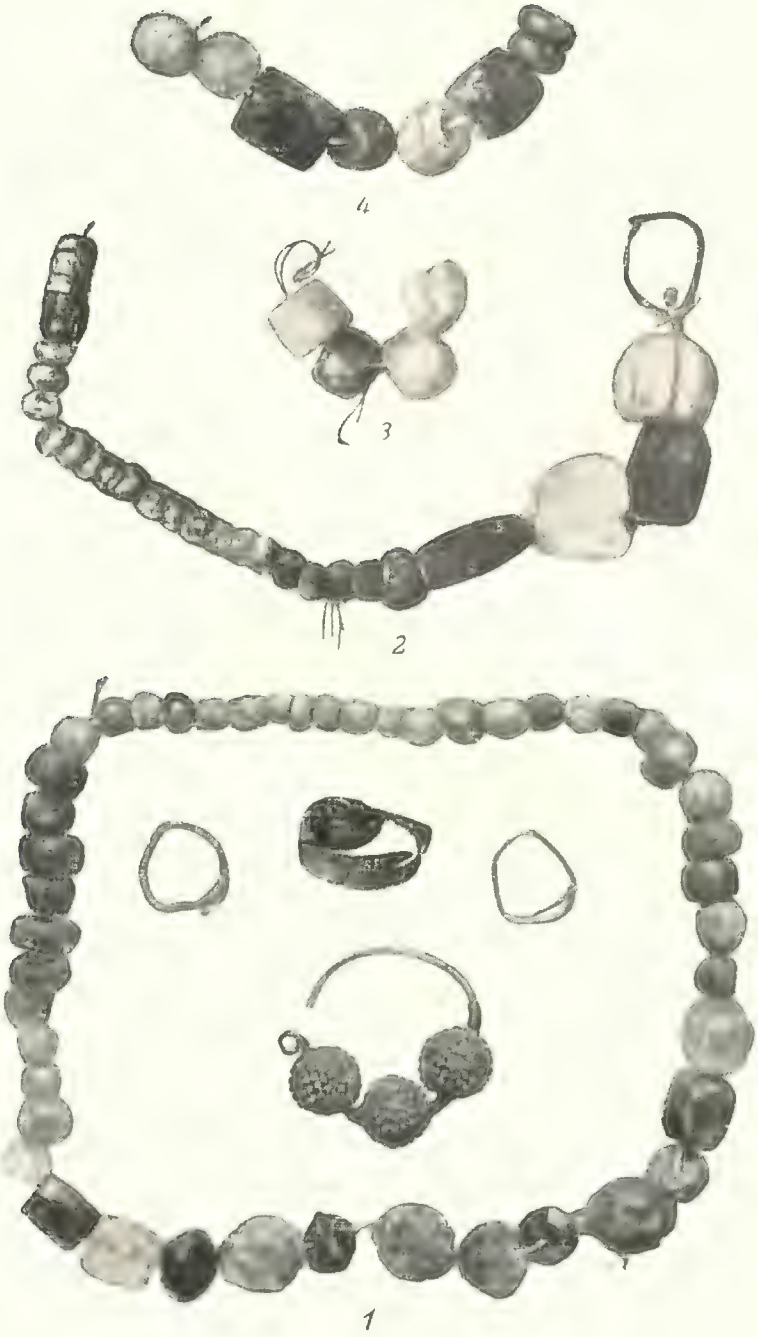
2



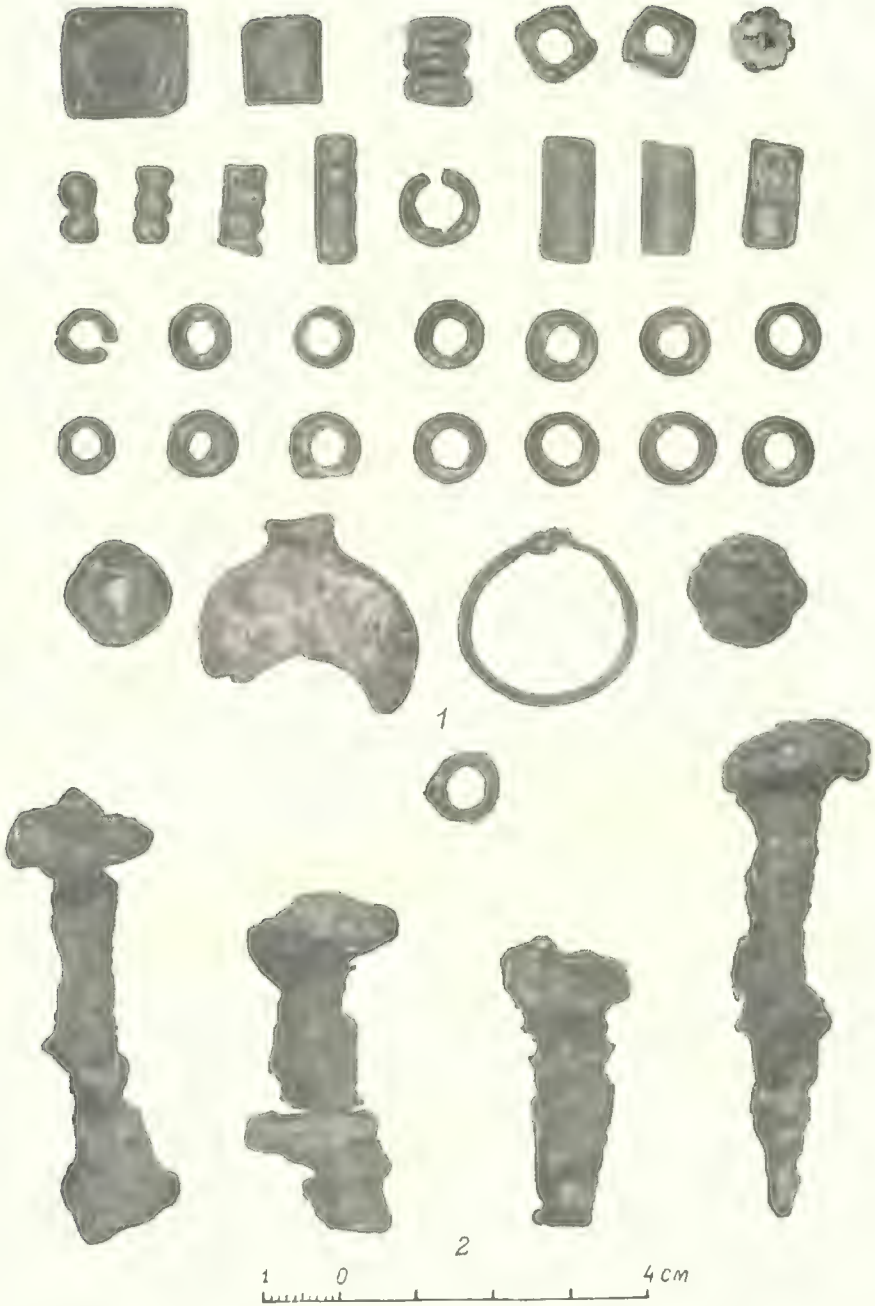
3

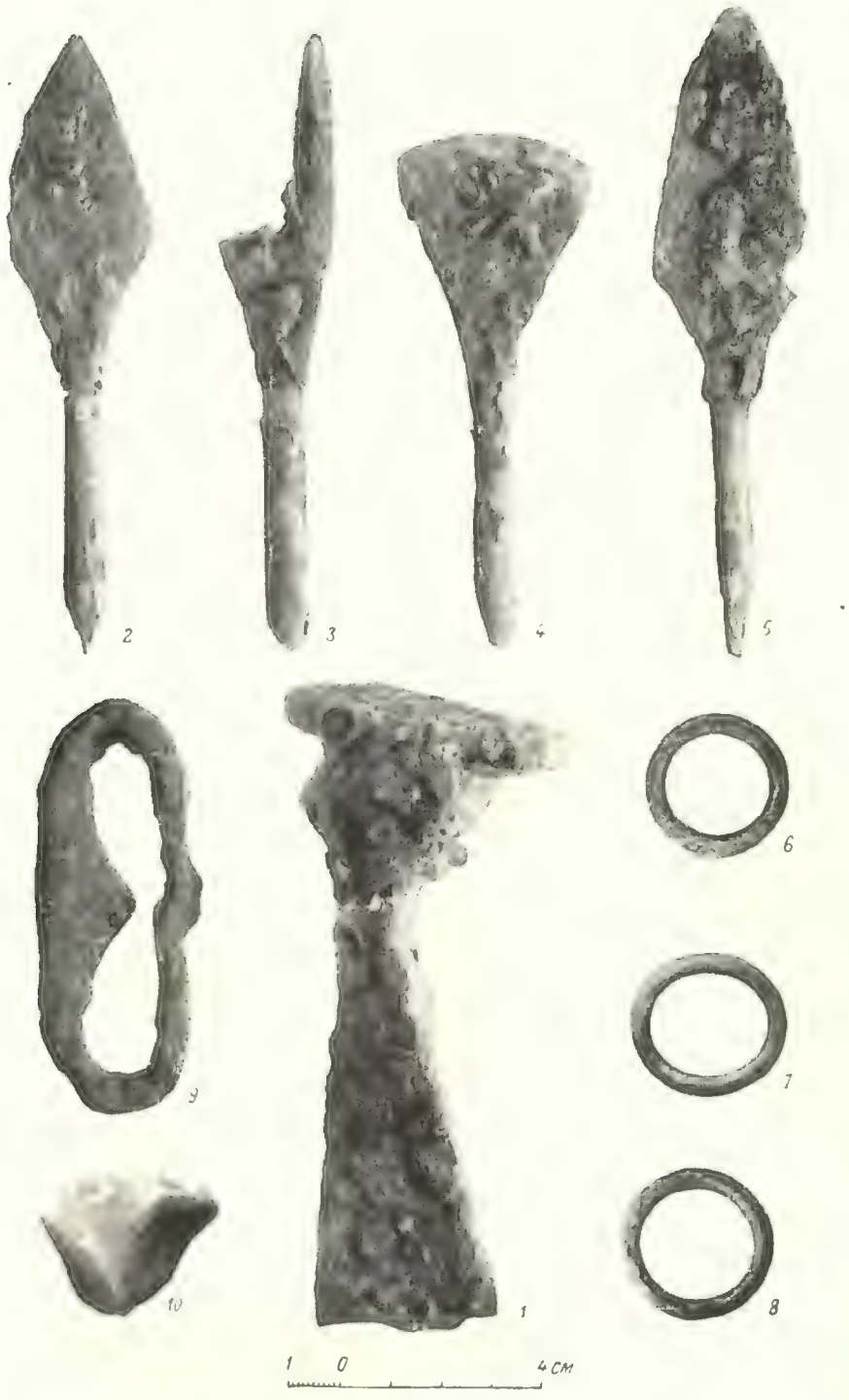
Таблица VII

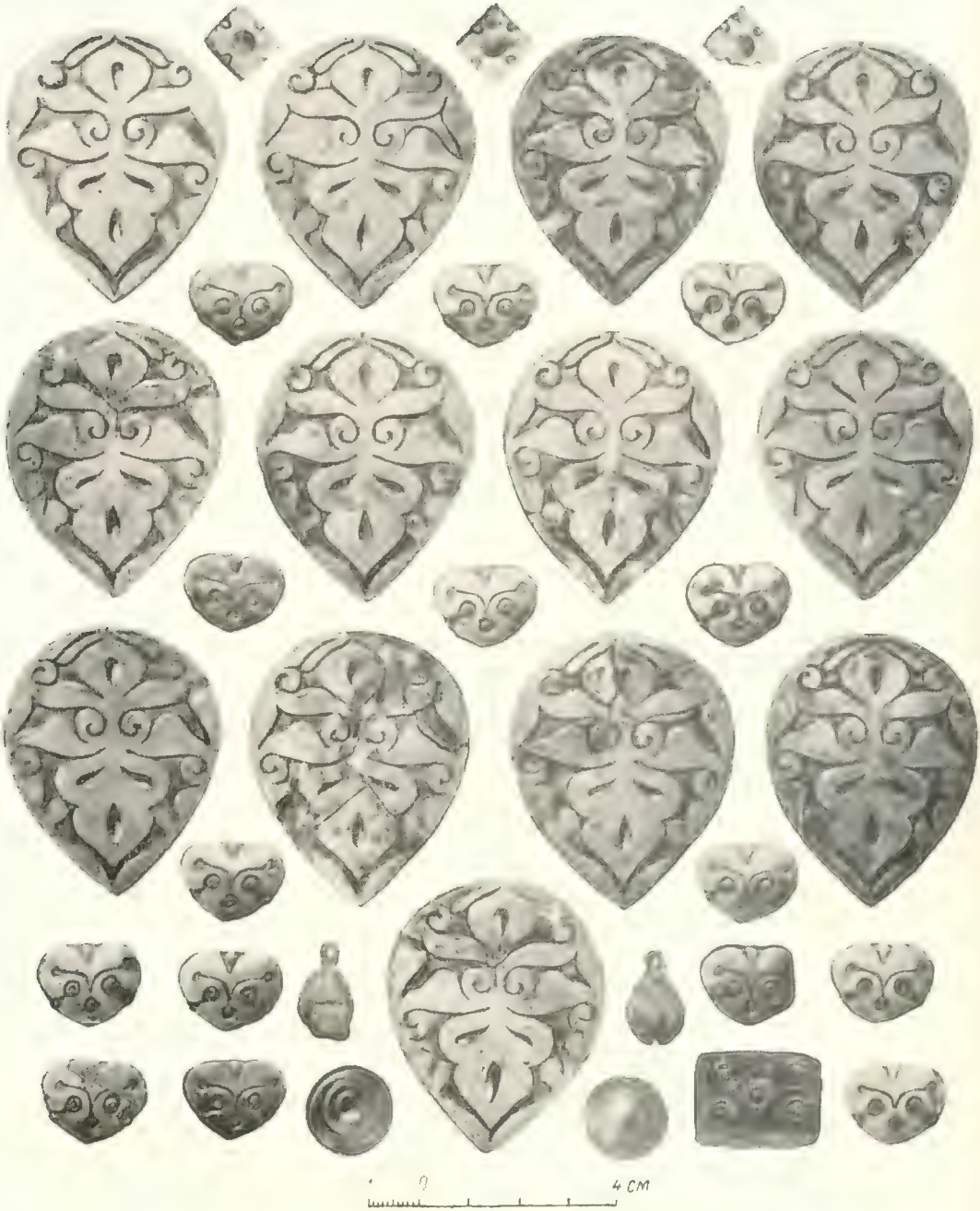
2


4
3
2
1

0
4 cm

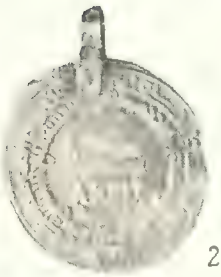

1
2
1 0 4 cm


2
3
4
5
9
1
6
7
10
8
1 0 4 см


0
4 см

1 0 2см

1

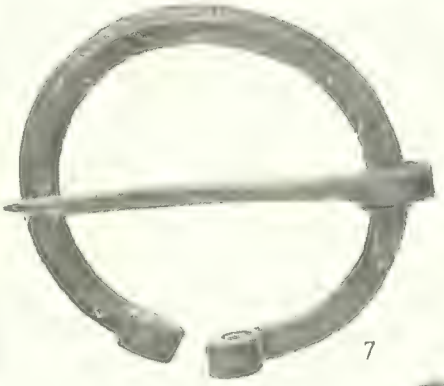

2

3

4

5

6


7

8

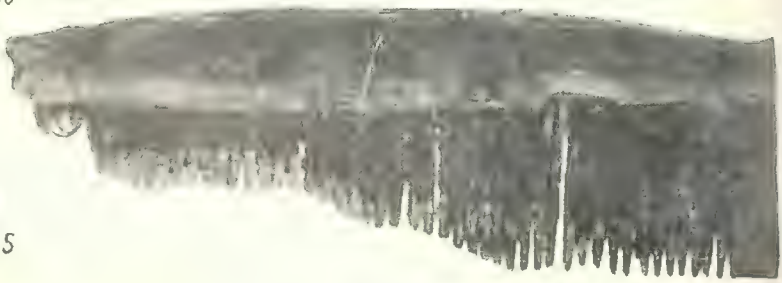
9

10

11

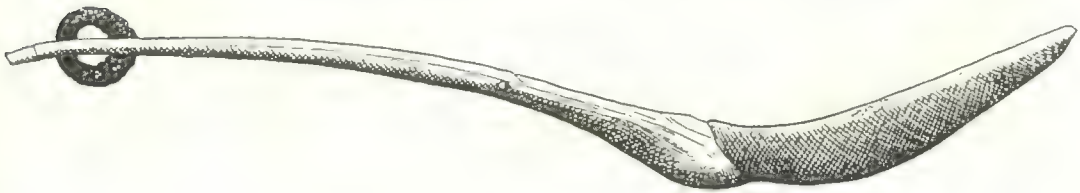
12

13


14

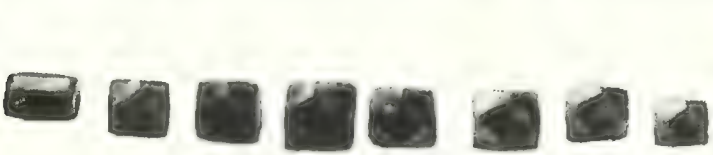
15

1 0 4 cm



1 0 4 см

1



а

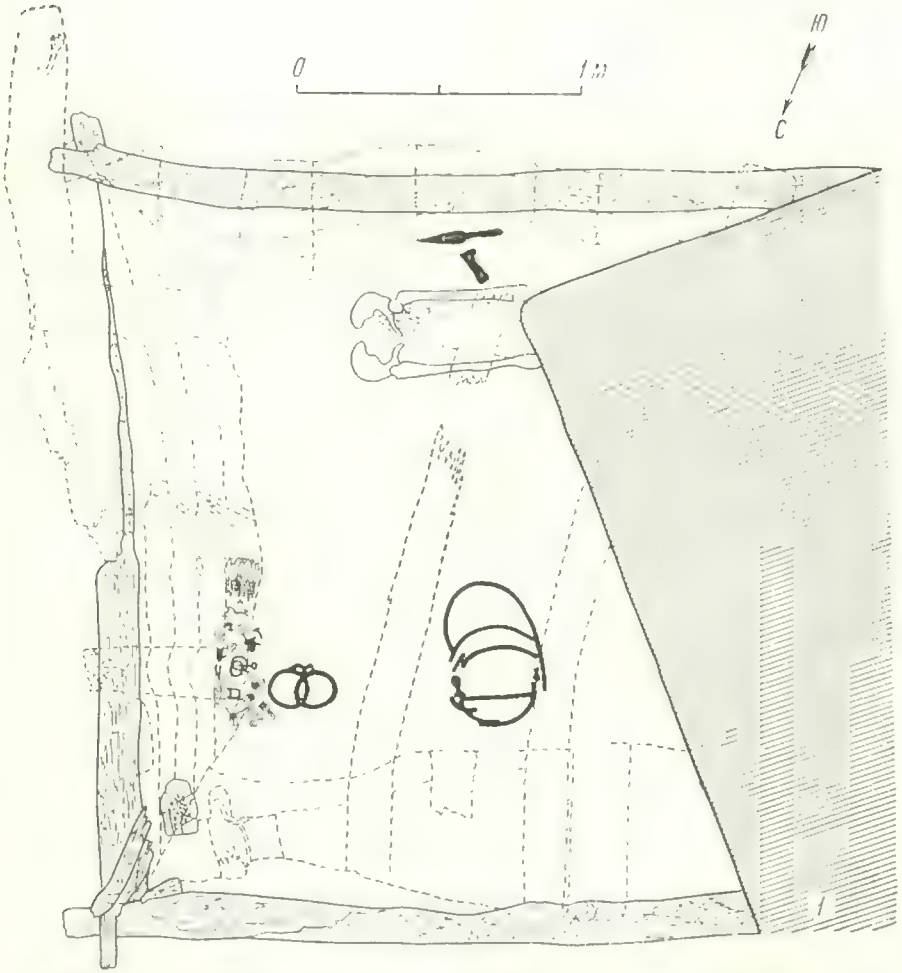
г

2

1 0 4 см

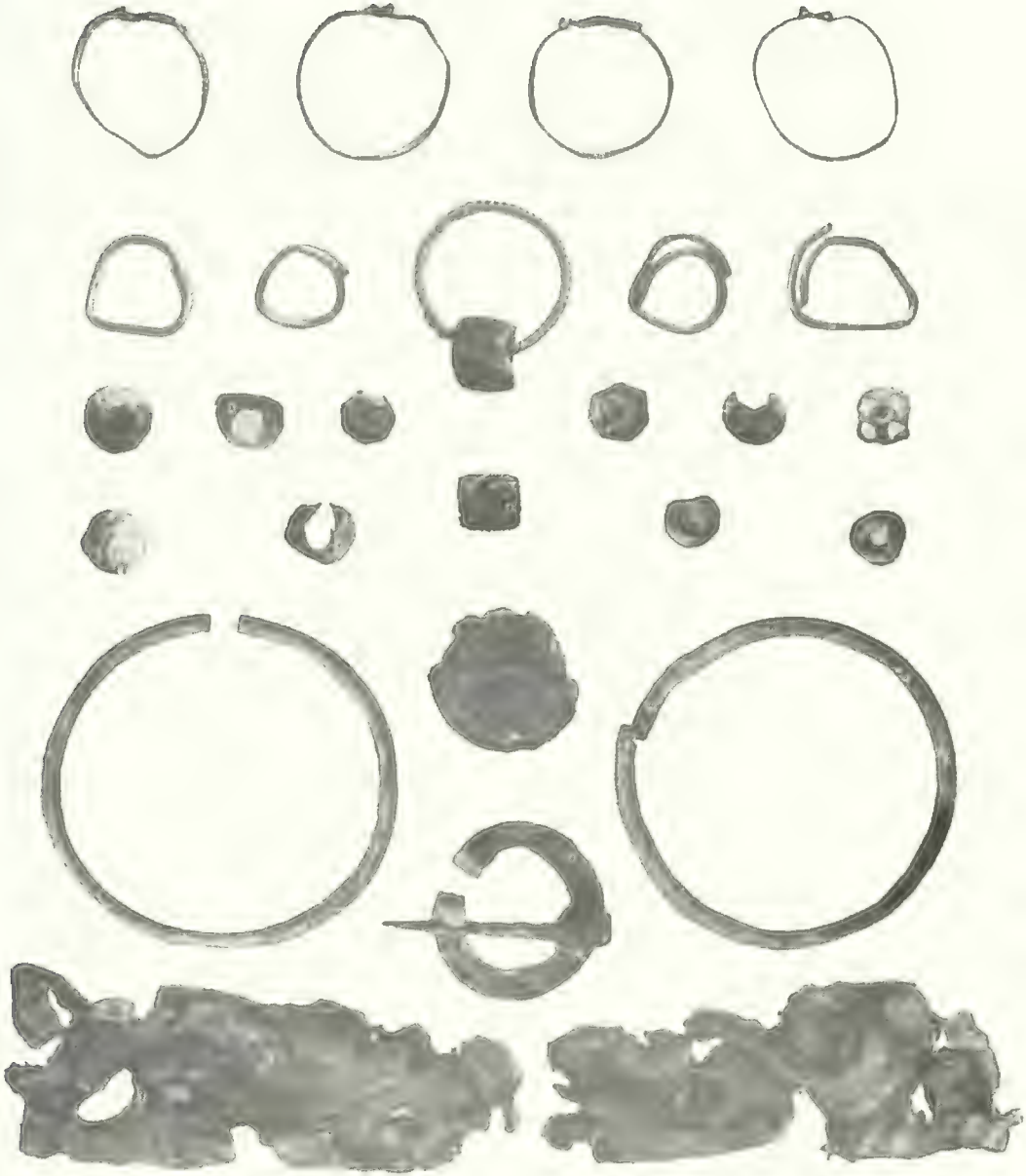
1 0 4 см

1 0 4 см


0
1 m
Ю
С
1

2

1
г
б
в
д
а
е



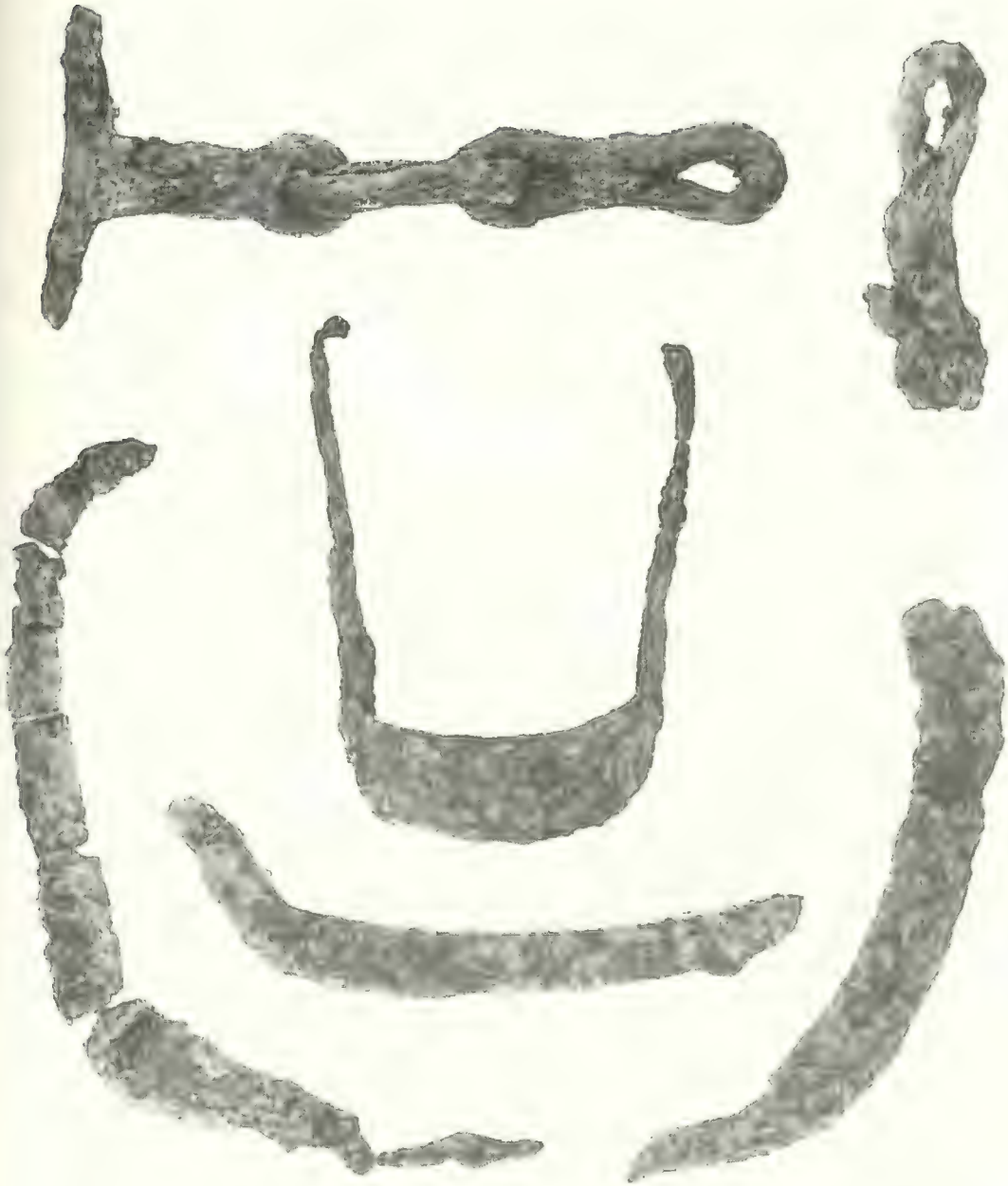
1 0 4 см

1

2

1

2


1 0
6см

1 0 4 cm

4

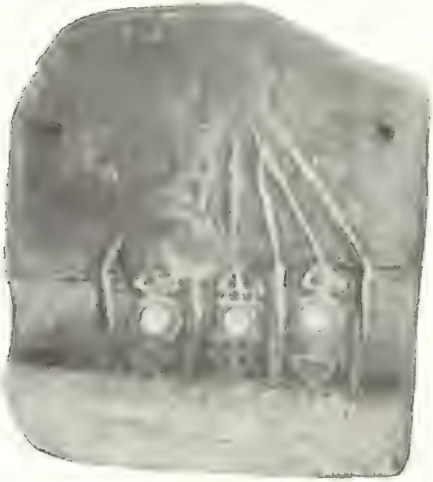
3

1

2

1 0 4 см

Таблица XLV



1 0 4 см

1 0
4 см

1 0 4 см

1 0 4 см

1 2 4 см

1 0 4 см

1 0 4см

1 0 4 см

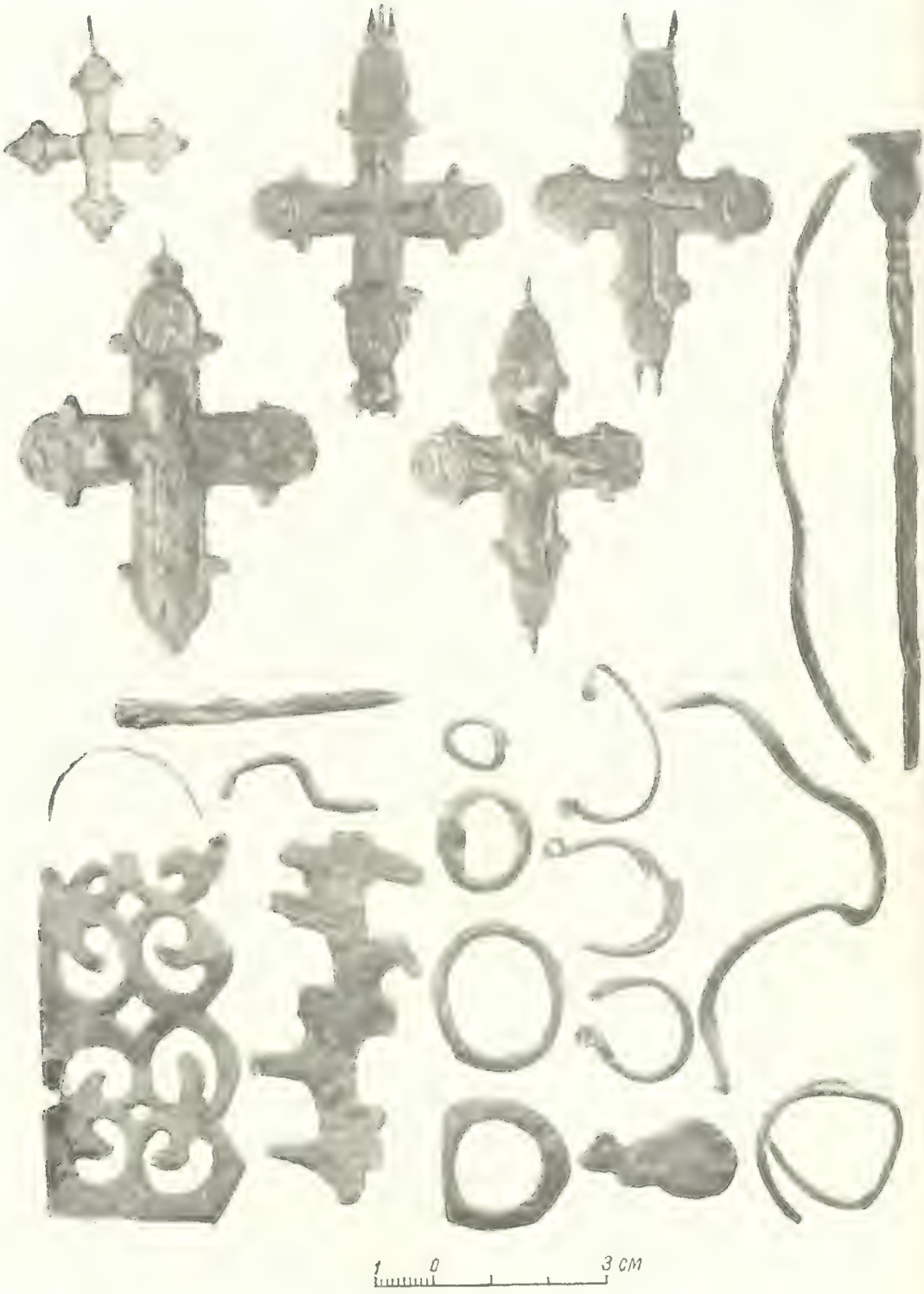
1
4 см

1 0 4 см

1 0 4 см

1 0 3см

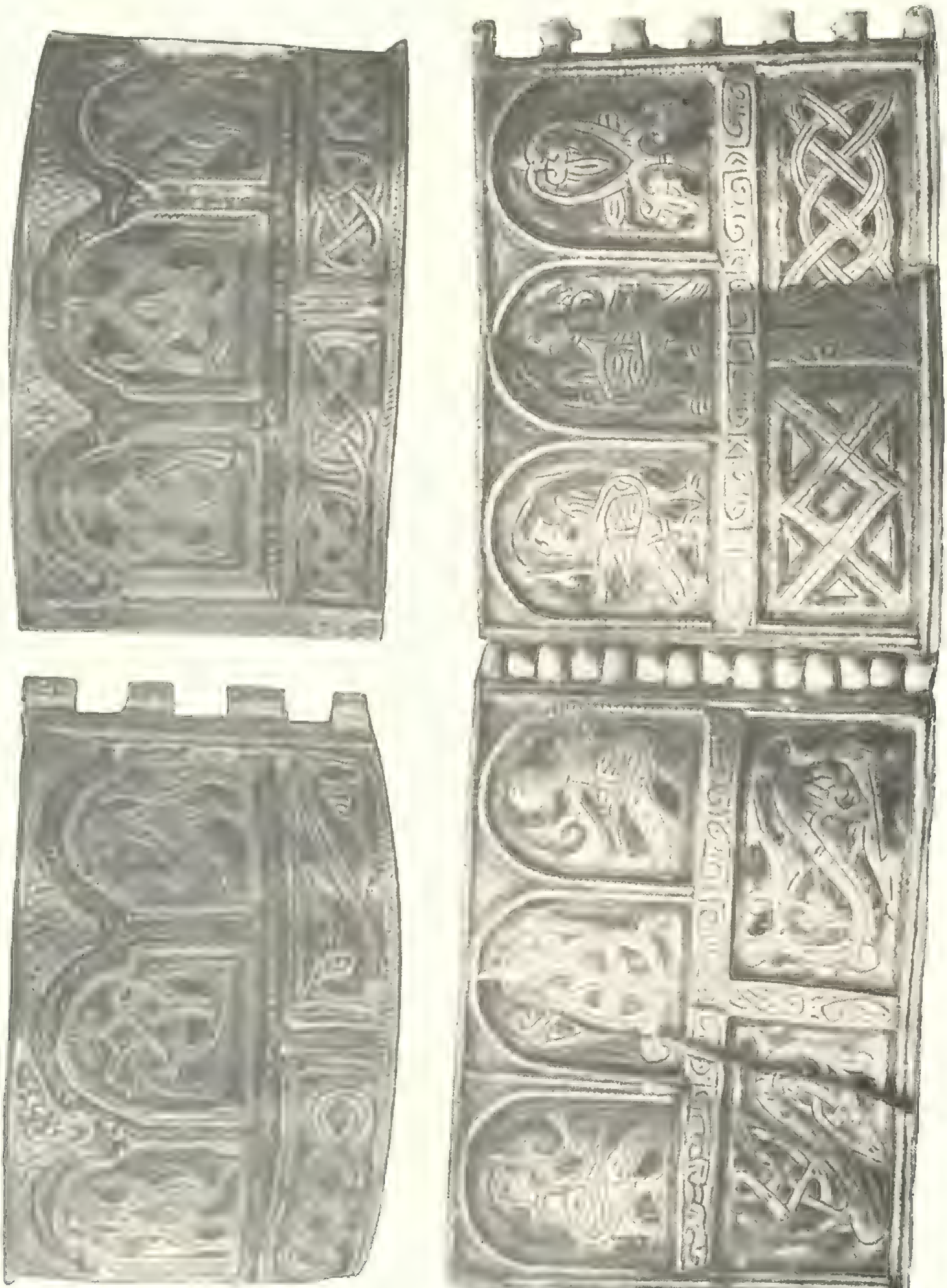
1 0 4 см

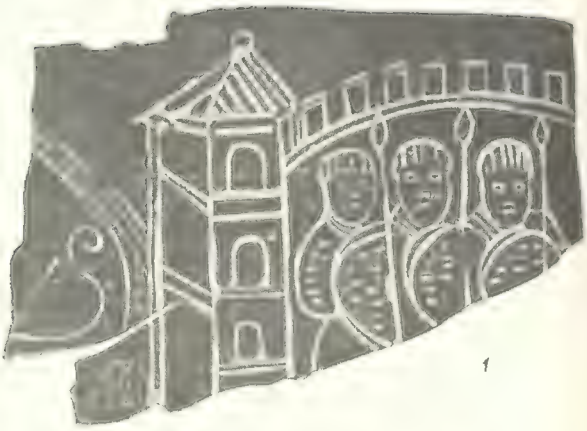

1 0 3 см

1 0 4 см

1 0
5см

Таблица LXI





1

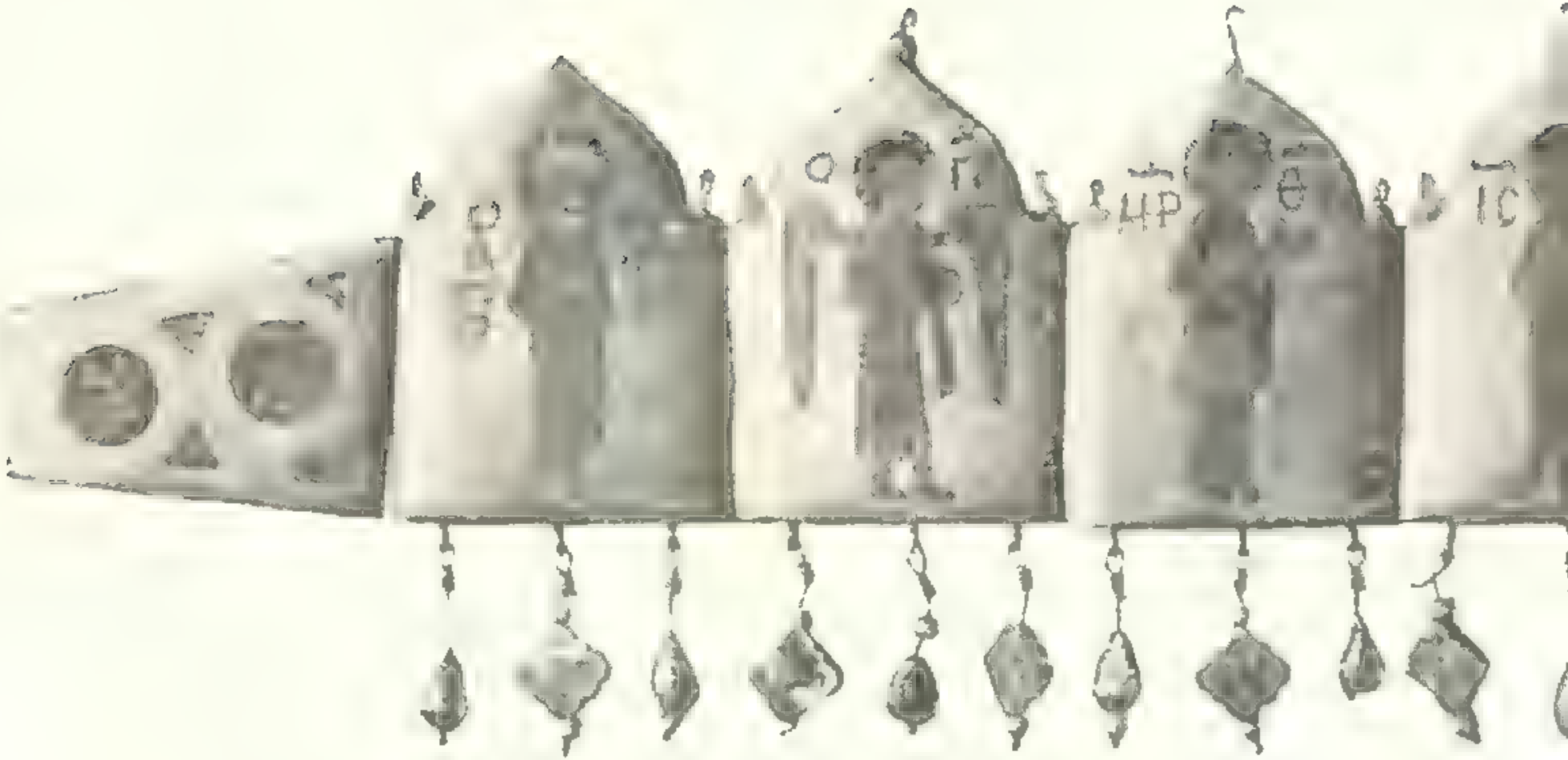
2

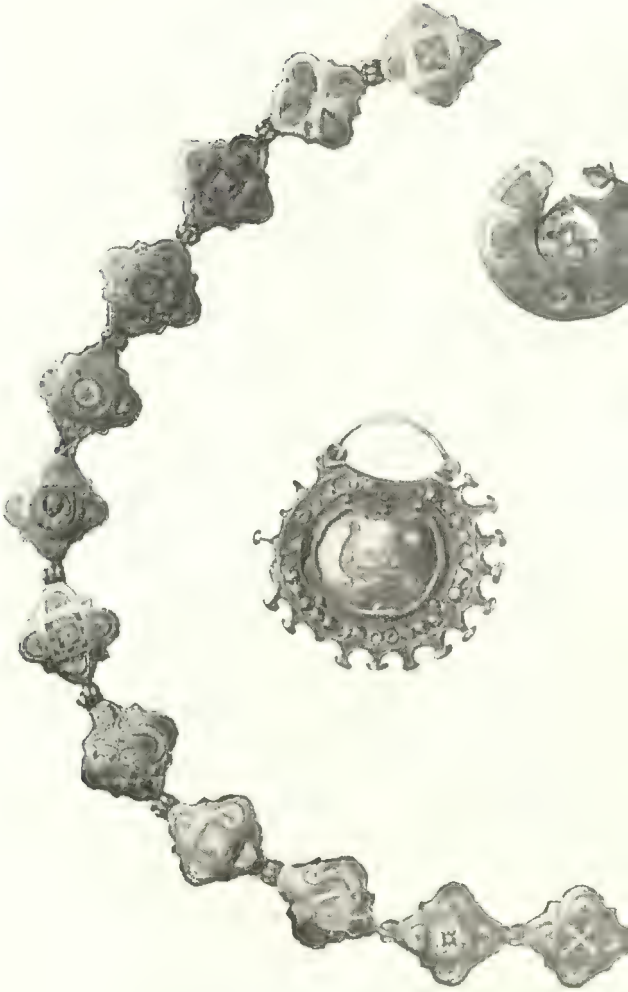
3

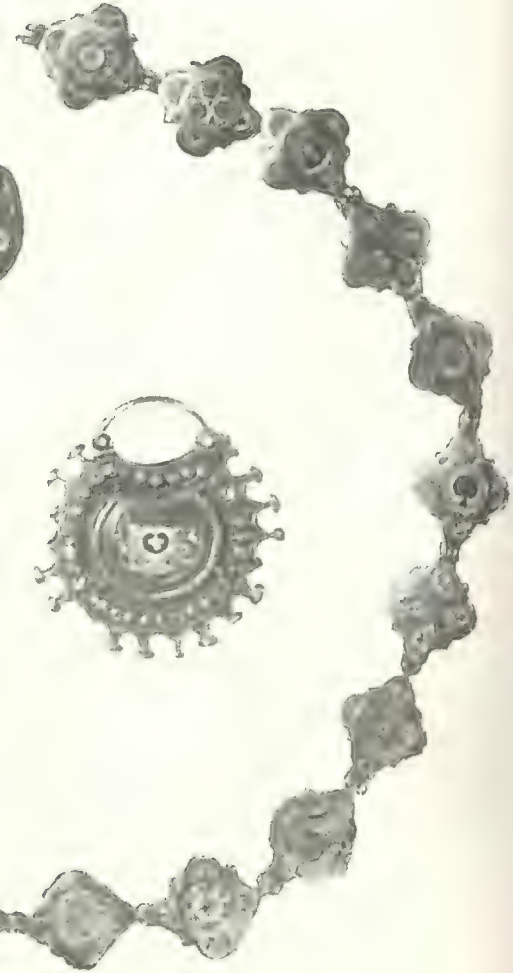
1 0 4 см

1 0 4 см

1 0 4 см







1 0 4 см

1 0 4 см

1
1 0 4 см

2

3
1 0 6 см

4
1 0 4 см

1

2

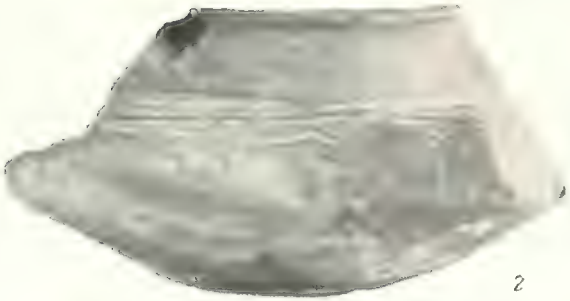
3

1

3

2

1



2

3

1 0 4 см

10 cm

1 0 4 см

1 0 4см

1 0 4см

1 0 4см

1 0 4см

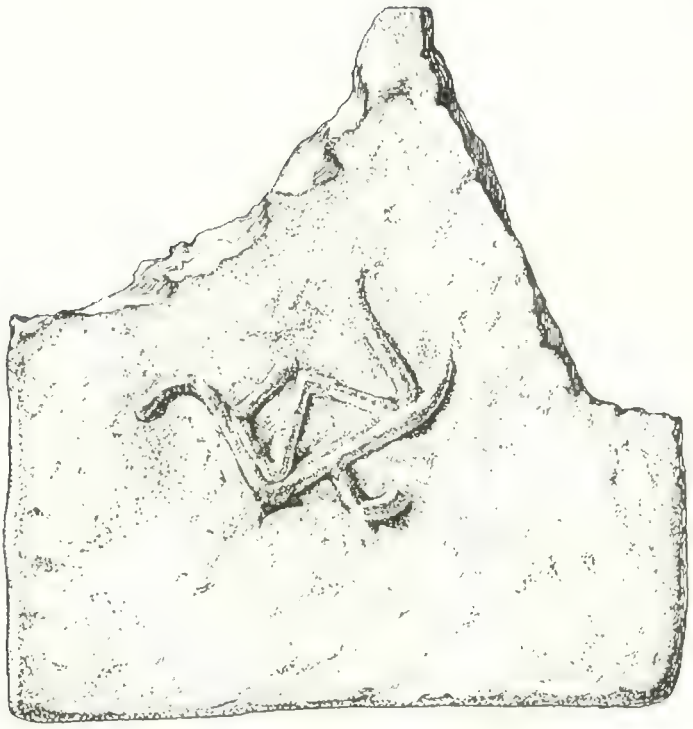
1 0 4 см

1
0
5см

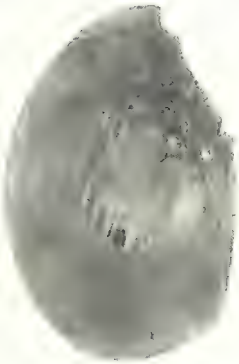
1 0 4 см

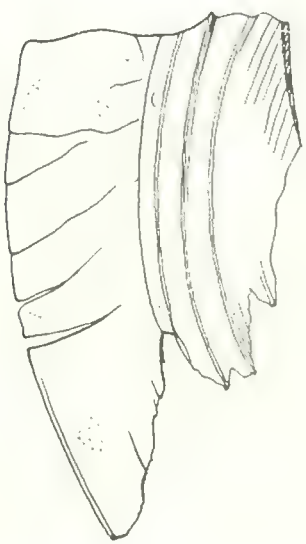
1 0 4 см

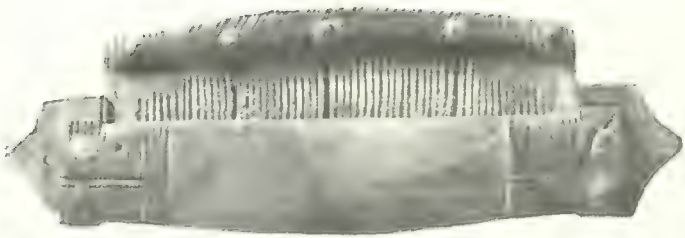
1 0 4см

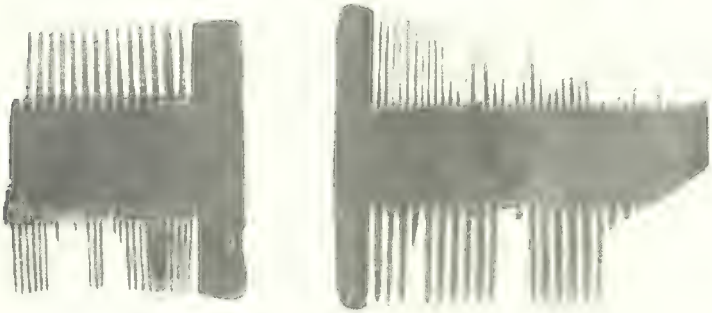


1 0 4 с.м









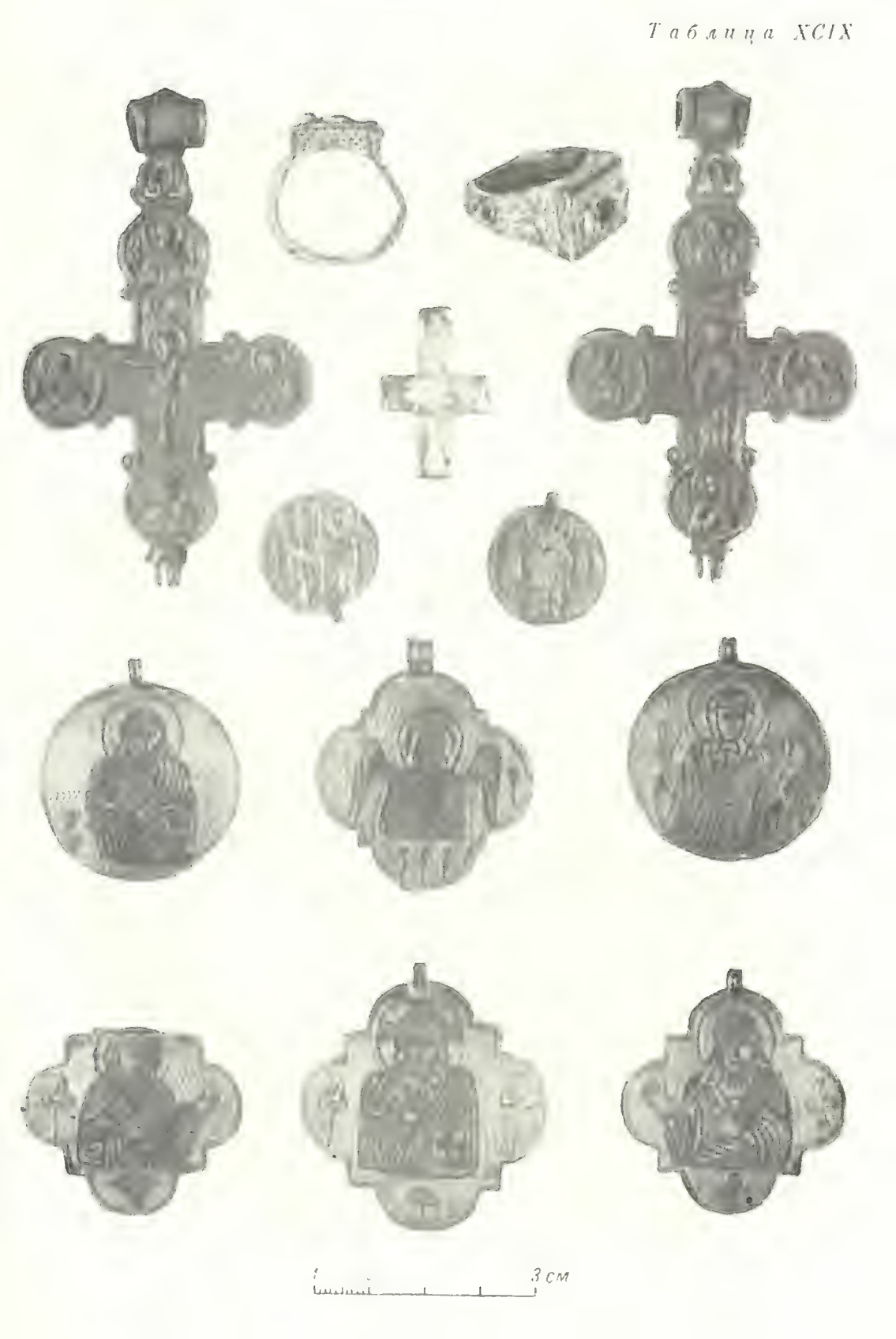
1 0 4см

1 0 4 см

1 0 3 см

1 0 1 см

1 0 4 см


3 см

1
0
4 см

ПЛАН ВЕРХНЕГО КИЕВА И ПОДОЛА

■ Памятники каменного зодчества X—XIII вв.

1 — Десятинная церковь; *2* — дворцовое здание, раскопанное в 1908 г.; *3* — дворцовое здание, раскопанное в 1911 г.; *4* — дворцовое здание, раскопанное в 1914 г.; *5* — церковь Андрея в Янчине монастыре; *6* — церковь Федора в Вотче монастыре; *7* — церковь Воздвижения; *8* — церковь Василия; *9* — Батыевы (Софийские) ворота; *10* — собор Софии; *11* — стена Митрополичьего двора; *12* — церковь, раскопанная в 1909—1910 гг. в усадьбе Митрополичьего двора; *13* — церковь Георгия; *14* — церковь, раскопанная в 1833, 1846 и 1913—1914 гг. на углу Б. Владимирской и Ириниской улиц; *15* — дворцовое здание, раскопанное в 1913—1914 гг. на углу Б. Владимирской и Ириниской улиц; *16* — Золотые ворота; *17* — «Жидовские ворота»; *18* — Лядские ворота; *19* — собор Дмитрия в Дмитриевском (Изяславле) монастыре; *20* — церковь Петра в Дмитриевском (Изяславле) монастыре; *21* — собор Михаила в Михайловском Златоверхом монастыре; *22* — церковь, раскопанная в 1947 г. на Вознесенском спуске (ныне ул. Смирнова-Ласточкина); *23* — церковь, раскопанная в 1947 г. в усадьбе Художественного института; *24* — церковь, раскопанная в 1887 г. в Кияновском переулке; *25* — церковь Успения на Подоле («Пирогощая»); *26* — церковь, обнаруженная при земляных работах в 1955 г. («Новгородская божница Михаила»?); *27* — церковь, обнаруженная при земляных работах в 1955 г. («Турова Божница»?).

□ Расположение раскопок жилищ горожан XI—XIII вв.

I — раскопки 1907—1908 гг. в усадьбе Г. Петровского; *II* — раскопки 1909 г. в усадьбе Митрополичьего дома; *III* — раскопки 1930 г. на горе Детинке; *IV* — раскопки 1933 г. на горе Киселевке; *V* — раскопки 1936—1937 гг. в усадьбе Художественной школы (бывш. усадьба М. Петровского); *VI* — раскопки 1938, 1940, 1948 и 1949 гг. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря; *VII* — раскопки 1946 г. в усадьбе д. 4 по Б. Житомирской ул.; *VIII* — раскопки 1948—1949 гг. в усадьбе Исторического музея (бывш. усадьба М. Петровского, позже — усадьба Художественной школы); *IX* — раскопки 1948 г. на горе Киселевке; *X* — раскопки 1950 г. на Подоле; *XI* — раскопки 1955 г. в усадьбе домов 7—9 по Б. Владимирской ул.

ОБОЛОНЬ
ПОДОЛ
ЛУКЬЯНОВКА
ТРУХАНОВ ОСТРОВ
ДНЕПР
ДНЕПР
ПЕЧЕРСК
0
1000 м

● Клады и отдельные находки римских монет

1 — две монеты, 1841 г., Александровская ул.; *2* — клад, 1846 г., Печерск; *3* — клад, 1876 г., Подол, вблизи Глубочицкого ручья; *4* — клад, 1887 г., около Кирилловского монастыря; *5* — несколько монет, 90-е годы XIX в., Подол; *6* — монета, 1890 г., Подол (место находки не уточнено); *7* — монета, 1893 г., Подол (место находки не уточнено); *8* — монета, Подол (дата и место находки не уточнены); *9* — монета, Подол, берег Глубочицкого ручья; *10* — клад, 1888 г., Подол, вблизи Глубочицкого ручья; *11* — клад, 1874 или 1875 г., Сенной базар; *12* — клад, 1911 или 1912 гг., Некрасовская ул.; *13* — отдельные монеты, район Десятинной церкви; *14* — клад, 20-е годы XX в., Караваевская ул.; *15* — монета, 1927 г., около Выдубицкого монастыря; *16* — клад, 1928 г., Лукьяновка; *17* — монета, 1936 г., Владимирская горка; *18* — монета, 1947 г., вблизи Глубочицкого ручья; *19* — монета — (кушанская), 1951 г., Лукьяновка ; *20* — отдельные монеты, Киселевка.

▲ Памятники культуры «полей погребений» и вещевые находки римского происхождения

1 — камея с изображением Венеры, 1910 г., сад Митрополичьей усадьбы; *2* — светильник глиняный, 1929 г., Лукьяновка; *3* — пять золотых блях с инкрустациями, 1901 г., угол Владимирской и Б. Житомирской улиц; *4* — фрагмент бронзовой фибулы с красной эмалью и фрагменты керамики зарубинецко-корчеватовского и черняховского типов, 1907—1908 гг., усадьба М. Петровского; *5* — два погребения черняховского типа, 1937 г., и остатки разрушенных погребений зарубинецко-корчеватовского и черняховского типов, усадьба Исторического музея; *6* — фрагменты керамики «полей погребений», 1932, 1940 и 1948 гг., Киселевка; *7* — погребение в урне и бронзовая фибула 1862 г., Батыева гора; *8* — фрагменты керамики зарубинецко-корчеватовского типа, 1910 и 1947 гг., возле церкви Спаса на Берестове; *9* — фрагменты керамики черняховского типа, Сенная площадь; *10* — фрагменты керамики зарубинецко-корчеватовского типа и фрагмент бронзовой шпильки, 1938 г., Кирилловская ул.; *11* — фрагменты керамики зарубинецко-корчеватовского типа, 1945 и 1947 гг., берег р. Почайны.

▲ Вещевые находки «аптского периода»

1 — бронзовая антропоморфная фибула и серебряный браслет, 90-е годы XIX в., М. Житомирская ул.; *2* — антропоморфная фибула, 1897 г., близ Щековицы; *3* — два серебряных браслета, «за Софийским собором».

● Клады и отдельные находки арабских монет IX—X вв.

1 — клад, 1706 г., Печерск; *2* — клад, 1845 г., близ Кирилловского монастыря; *3* — клад, 1851 г., Печерск; *4* — дирхем, 1854 г., возле Присутственных мест; *5* — клад, 1863 г., Иорданское кладбище; *6* — монета, 1885 г., возле Воздвиженской церкви; *7* — клад, 1889 г., Подол; *8* — клад, 1913 г., усадьба Н. Сикорского (Б. Подвальная ул.); *9* — дирхем, 1939 г., Киселевка.

● Клады и отдельные находки византийских монет IX—X вв.

1 — клад, 1885 г., Подол (место находки не уточнено); *2* — монета, 1843 г., близ Софийского собора; *3* — монета, 1882 г., Кожемяки; *4* — монета, возле Софийского собора; *5* — монета, 1876 г., Бессарабская площадь; *6* — монета, 1894 г., Киселевка; *7* — клад, 1899 г., усадьба Л. Бродского (Екатерининская ул.); *8* — монета, 1883 г., усадьба Н. Беляшевского (М. Владимирская ул.); *9* — клад, 1908 г., Киселевка.

■ Памятники каменного зодчества X—XIII вв.

1 — Десятинная церковь; *2* — дворцовое здание, раскопанное в 1908 г.; *3* — дворцовое здание, раскопанное в 1911 г.; *4* — дворцовое здание, раскопанное в 1914 г.; *5* — церковь Андрея в Янчине монастыре (местоположение не уточнено); *6* — церковь Федора в Вотче монастыре; *7* — церковь Воздвижения; *8* — церковь Василия; *9* — Батыевы (Софийские) ворота; *10* — собор Софии; *11* — стена Митрополичьего двора, раскопанная в 1948 г.; *12* — церковь, раскопанная в 1909—1910 гг. в усадьбе Митрополичьего двора; *13* — церковь Георгия; *14* — церковь, раскопанная в 1833 , 1846 и 1913—1914 гг. на углу Б. Владимирской и Ирининской улиц; *15* — дворцовое здание, раскопанное в 1913—1914 гг. на углу Б. Владимирской и Ирининской улиц; *16* — Золотые ворота; *17* — «Жидовские ворота»; *18* — Лядские ворота; *19* — собор Дмитрия в Дмитриевском (Изяславле) монастыре; *20* — церковь Петра в Дмитриевском (Изяславле) монастыре; *21* — собор Михаила в Михайловском Златоверхом монастыре; *22* — церковь, раскопанная в 1947 г. на Вознесенском спуске (ныне ул. Смирнова-Ласточкина); *23* — церковь, раскопанная в 1947 г. в усадьбе Художественного института; *24* — церковь, раскопанная в 1887 г. в Кияновском переулке; *25* — церковь Успения на Подоле («Пирогощая»); *26* — церковь, обнаруженная при земляных работах в 1955 г. (Новгородская божница Михаила?); *27* — церковь, обнаруженная при земляных работах в 1955 г. («Турова Божница?»); *28* — церковь на Иорданском ручье, раскопанная в 1835 г.; *29* — собор Кирилла в Кирилловском монастыре; *30* — церковь Николая (?); *31* — церковь Спаса на Берестове; *32* — Успенский собор в Печерском монастыре; *33* — надвратная церковь Печерского монастыря; *34* — собор Михаила в Выдубицком монастыре.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ . . . . . 5—8

Глава I. История археологических исследований древнего Киева . . . . . 11—62

1. Никон Печерский (XI в.) — первый историк и археолог древнего Киева (*11*).
2. Древности Киева в описаниях путешественников XVI—XVII вв. — С. Герберштейн (*23*). А. Гваньини (*23*). Э. Ляссота (*23*). Р. Гейденштейн (*24*). В. Боплан (*25*). Павел Алеппский (*25*). Первые описания киевских пещер. А. Целларий (*26*). С. Сарницкий (*26*). И. Гербиний (*26*). А. Кальнофойский (*26*).
3. Первые попытки научного изучения киевских древностей. — Описание Киева, составленное в 1760 г. по предложению Академии наук Киевской губернской канцелярией (*27*). Краткая записка о древностях Киева, составленная в 1785 г. в связи с поездкой Екатерины II «в полуденный край России» (*28*). Первые труды, посвященные «достопамятнейшим древностям» Киева, опубликованные в конце XVIII в. (*29*). Ученое путешествие по России К. М. Бороздина (1810 г.) и его атлас киевских древностей (*29*). Первая попытка создания плана-реконструкции древнего Киева (*30*). М. Ф. Берлинский и его труды, посвященные истории и древностям Киева (*31*).
4. Киевские археологи 20—30-х годов XIX в. — Подъем национального самосознания, вызванный победоносным окончанием Отечественной войны 1812 г. (*33*). Повышение интереса к историческому прошлому России и, в частности, к древностям Киева (*34*). Е. Болховитинов и его труды, посвященные древностям Киева (*34*). Археологические раскопки К. Лохвицкого (1824—1835 гг.) (*35*).
5. Киевские археологи 30—40-х годов XIX в. — Временный комитет изыскания древностей в Киеве и его деятельность (1835—1845 гг.) (*39*). Основание музея древностей (1837 г.) (*39*). Раскопки А. С. Анненкова (30—40-е годы) (*39*). Раскопки А. И. Ставровского (*41*). Киевская комиссия по разбору древних актов и ее археологическая деятельность (1843—1846 гг.) (*42*). А. И. Ставровский и его программа археологических исследований Киева (*43*).

6. Киевские археологи 60—90-х годов XIX в. — Прекращение археологической деятельности в Киеве в 50-х годах XIX в. (*44*). Раскопки киевских курганов Я. Волошинским (1860-е годы) (*44*). Киевские археологи и коллекционеры 70—90-х годов XIX в. Т. В. Кибальчич (*46*). И. А. Хойновский (*46*). В. Б. Антонович (*46*). III археологический съезд в Киеве (1874 г.) (*46*). XI археологический съезд в Киеве (1899 г.) (*47*). Падение интереса к археологическим исследованиям Киева (*47*).
7. Изучение вопросов исторической топографии и архитектурных памятников Киева. — М. А. Максимович (*47*). Н. Закревский и его «Описание Киева» (*48*). Крупнейшие знатоки исторической топографии древнего Киева Н. И. Петров и С. П. Голубев (*48*). Изучение архитектурных памятников Киева (70—90-е годы XIX в.) (*49*). Л. Даль (*50*). В. Прохоров (*50*). П. Лашкарев (*51*). П. Лебединцев (*51*).
8. Раскопки В. В. Хвойки в усадьбе М. Петровского (1907—1908 гг.). — Открытие руин княжеских дворцов, жилищ, ремесленных мастерских, погребений древнего Киева (*52*).
9. Раскопки Археологической комиссии под руководством Д. В. Милеева (1908—1914 гг.). — Раскопки в усадьбе Десятинной церкви (1908—1914 гг.) (*53*), в усадьбе Софийского собора (1909—1910 гг.) (*54*), в усадьбе Трубецкого (1900 г.) (*54*), в усадьбе Крестьянского банка (1910 г.) (*55*). Выдающееся научное значение раскопок Д. В. Милеева (*56*). Раскопки церкви Ирины (С. П. Вельмин) (*56*) и церкви Спаса на Берестове (П. П. Покрышкин) (*57*).
10. Археологические исследования Киева после Великой Октябрьской социалистической революции. — Всеукраинский археологический комитет и его деятельность по изучению Киева (*57*). Продолжение раскопок в усадьбе Трубецкого (С. С. Гамченко) (*58*). Раскопки Киевского исторического музея на Киселевке (1932—1933, 1939 гг.) (*58*). Раскопки Института истории материальной культуры АН УССР на территории Художественной школы (бывш. усадьба Петровского, 1936—1937 гг.) (*59*). Киевская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР и ИА АН УССР (1938—1952 гг.) (*59*). Экспедиция «Большой Киев» ИА АН УССР (1949—1952 гг.) (*60*). Архитектурно-реставрационные работы в Киеве (*60*). Основные итоги археологических исследований Киева за советский период (*61*).

Глава II. Древнейшие поселения и могильники на территории Киева . . . 63—97

1. Вопрос об основании Киева в русской историографии XVIII—начала XIX в. — М. В. Ломоносов (*63*). В. Н. Татищев (*64*). М. Щербатов (*64*). И. М. Болтин (*64*). Г. З. Байер (*65*). Г. Ф. Миллер (*65*). Н. М. Карамзин (*65*).
2. Киев и «Днепровский город» — мифическая столица Эрманарика (*66*).
3. Клады римских монет и отдельные вещевые находки римского происхождения на территории Киева. — Первые находки (1841 г.) (*73*). Печерский клад (1846 г.) (*73*). Оболонский клад (1876 г.) (*74*). Кирилловский клад (1887 г.) (*75*). Массовые находки римских монет на Подоле в связи с прокладкой канализации (90-е годы) (*75*). Клад, найденный на Сенном базаре (1874 г.) (*76*). Клад, найденный на Некрасовской ул. (1911 г.) (*77*). Случайные находки (*78*). Вещевые находки римского происхождения на территории Киева (*79*).

Стр.

4. Памятники культуры полей погребений на территории Киева. — Разрушенные погребения «зарубинецкого типа» в усадьбе Петровского (раскопки 1907—1908 гг.) (*82*). Погребения «черняховского типа» в той же усадьбе (раскопки 1937 г.) (*83*). Находки керамики полей погребений на Киселевке и в других районах города (*86*). Поселения первых веков н. э. на территории Киева и их топография (*88*).
5. «Антский период» в истории Киева. — Находки ювелирных изделий VII—VIII вв. (антропоморфных и пальчатых фибул и браслетов с расширяющимися полыми концами) на территории Киева (*92*). Вопрос о поселении VI—VIII вв. на Киселевке (*96*).

Глава III. Поселения VIII—X вв. на территории Киева . . . . . 98—126

1. Городище на Андреевской горе. — Ров, ограждавший городище и его раскопки (1909, 1912, 1936—1937, 1939 гг.) (*98*). Жилище-полуземлянка с лепной керамикой (раскопки 1939 г.) (*104*).
2. Капище и вопросы его реконструкции (*105*).
3. Остатки других городищ на территории Киева. — Городище на горе над Иорданской церковью (*112*). Городище на Киселевке (раскопки 1932 и 1940 гг.) (*112*). Керамика (*113*). Остатки жилищ (*114*). Три городища на территории Киева и легенда о трех братьях — основателях Киева (*115*).
4. Клады и отдельные находки арабских и византийских монет IX—X вв. на территории Киева. — Печерский клад (1706 г.) (*116*). Кирилловский клад (1845 г.). (*118*). Клад 1851 г. (*118*). Иорданский клад (1863 г.) (*120*). Клад 1889 г. (*121*). Клад в усадьбе И. Сикорского (1913 г.) (*121*). Киевские клады арабских монет как исторический источник (*122*). Клады и отдельные находки византийских монет на территории Киева (*124*).

Глава IV. Киевский некрополь IX—X вв. . . . . 127—230

1. История изучения киевского некрополя. — Я. Волошинский — первый исследователь киевских курганов (*127*). Раскопки Т. Кибальчича (*129*). Случайные открытия богатых погребений в усадьбах Марра и Риккерта (70—90-е годы) (*129*). «Раскопки» И. Хойновского в усадьбе Я. Кривцова (1892 г.) (*130*). Раскопки курганного могильника на Кирилловской ул. (В. Хвойка, 90-е годы) (*130*). Раскопки Д. В. Милеева в районе Десятинной церкви (1908—1914 гг.) (*131*). Раскопки С. С. Гамченко (*132*). Раскопки ИА АН УССР в усадьбе Киевского исторического музея (1936—1937 гг.) (*132*). Раскопки Киевской экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР (1938—1948 гг.) (*132*). Первые попытки обобщения материалов киевского некрополя (*133*).
2. Топография киевского некрополя. Основные виды погребений. — Могильник на Андреевской горе и его границы (*134*). Могильник на Кирилловских взгорьях (*135*). Могильник «салтовского типа» на Прорезной ул. (*136*). Основная классификация погребений по составу погребального инвентаря и обряду погребения (*137*).
3. Рядовые погребения киевского некрополя (трупоположения). — Ошибочная трактовка могильников древнерусских городов IX—X вв. как аристократических кладбищ дружинной знати (*138*). Рядовые погребения горожан и их значение для изучения истории Киева (*139*). Описание рядовых погребений (с ингумацией) (погребения 1—94) (*140*).
4. Погребальный обряд и инвентарь рядовых погребений. — Устройство могилы и особенности погребального обряда (*156*). Погребальный ин-

вентарь мужских и женских захоронений (*158*). Погребения рядовых дружинников и купца (*160*).

5. Рядовые погребения киевского некрополя (трупосожжения). — Трудности изучения этой группы погребений (*162*). Описание рядовых погребений (с кремацией) (погребения 95—102) (*162*). Биритуализм киевского некрополя (*165*).
6. Погребения знатных дружинников. — Описание погребений дружинников в деревянных подкурганных камерах с богатым инвентарем (погребения 103—118) (*166*). Описание богатых погребений с кремацией (погребения 119—121) (*195*). Классификация погребений по степени сложности погребального обряда (*198*). Погребальный инвентарь (*199*). Вооружение (*199*). Снаряжение боевого коня (*200*). Части одежды и украшения рабыни (*200*). Погребение юного представителя киевской знати (*201*). Киевский некрополь и вопросы о довладимировом христианстве в Киеве (*202*).
7. Погребения знатных женщин. — Описание богатых женских погребений в деревянных подкурганных камерах (погребения 122—125) (*205*). Инвентарь женских погребений (*211*).
8. Некоторые особенности погребального инвентаря киевской знати. — Деревянные ведра с железными обручами и деревянные ковши с серебряной оковкой (*212*). Стеклянные игральные «шашки» и кости (*214*). Привозные вещи, свидетельствующие о внешних связях Киева с Приуральем, арабским Востоком, Западной Европой и Скандинавией (*215*). Погребальный инвентарь киевского некрополя и «норманская проблема» (*217*).
9. Датировка киевского некрополя. Проблема этнической принадлежности погребений в подкурганных срубах (*220*).

Глава V. Оборонительные сооружения Киева XI—XIII вв. . . . . 231—262

1. История оборонительных сооружений Киева. — Летописные известия об оборонительных сооружениях Киева (*232*). Описания руин оборонительных сооружений путешественниками XVI—XVII вв. (*233*). Восстановление древних оборонительных сооружений московскими воеводами после воссоединения Украины с Россией (1654—1655 гг.) и дальнейшие работы по их усовершенствованию и модернизации (*234*). Постройка новой крепости на Печерске (1706 г.) (*239*).
2. Письменные и графические источники для реконструкции оборонительных сооружений Киева. — Изображения киевских укреплений на рисунках XVII в. (*241*). Планы Киева XVII—первой половины XIX в. (*241*). «Росписи», «сметные книги» и другие письменные документы XVII в. (*246*).
3. Реконструкция плана оборонительных сооружений Ярославова города (*247*).
4. Археологические исследования оборонительных сооружений Ярославова города. — Обнаружение отдельных частей Ярославова города при земляных работах (1872, 1935, 1947—1948 гг.) (*253*). Археологические раскопки вала Ярославова города (1952 г.) (*254*). Структура внутривальных срубов (*255*). Проблемы реконструкции деревянных наземных сооружений Ярославова города (*259*).

Глава VI. Княжеские и боярские дворы в Киеве . . . . . 263—284

1. Древнейшие летописные известия о дворах киевских князей. — Местоположение древнейших княжеских дворов в Киеве (*263*). Древнейшие постройки на княжом дворе (*266*).

2. Киевские княжеские дворы XI—XII вв. — Летописные известия о киевском княжом дворе в XI—XII вв. (*267*). «Великий Ярославов двор» (*268*). «Новый двор» (*272*). Княжеский двор в Берестове (*273*). Княжеский двор «под Угорским» (*274*).
3. Княжеские дворы — вотчины отдельных княжеских фамилий. — «Красный двор» Всеволода Ярославича на Выдубицком холме (*275*). «Брячиславль двор» полоцкого князя Брячислава Изяславича (*276*). «Мстиславль двор» (*276*). «Красный двор» Юрия Долгорукого (*277*). Жилые и хозяйственные постройки на княжих дворах (*277*).
4. Боярские дворы в Киеве. — Летописные известия XI в. о боярских дворах (*279*). Гордятин и Никифоров дворы (*280*). Дворы Воротиславль и Чюдин (*280*). Двор Коснячков (*281*). Боярские дворы XII в. (*281*). Двор Путятин (*281*). Ратьшин двор (*282*). Глебов двор (*282*). Бориславль двор (*282*). Дворы Лихачев и Радьславль (*282*). Боярские дворы — укрепленные внутригородские «хоромы» (*283*).

Глава VII. Жилища горожан XI—XIII вв. . . . . 285—368
1. Раскопки массовых городских жилищ в Киеве. — Городские жилища-мастерские в усадьбе Петровского (раскопки В. Хвойки, 1907—1908 гг.) и их интерпретация (*285*). Жилище в усадьбе Митрополичьего дома (раскопки 1909 г.) (*292*). Жилища на горе Детинка (раскопки 1930 г.) и на Киселевке (раскопки 1933 г.) (*293*). Жилища-мастерские в усадьбе Киевского исторического музея (раскопки 1936—1937 гг.) (*295*). Комплекс жилых и хозяйственных построек в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря (раскопки 1938, 1940, 1948—1949 гг.) (*298*). Жилища во дворе д. 4 по Б. Житомирской ул. (раскопки 1946 г.) (*328*). Жилища в усадьбе Киевского исторического музея (раскопки 1948—1949 гг.) (*340*). Жилища на Киселевке и на Подоле (раскопки 1948 и 1950 гг.) (*348*). Комплекс жилищ в усадьбах домов 7—9 по Владимирской ул. (раскопки 1955 г.) (*349*). Основной тип киевских городских жилищ XI—XIII вв. (*350*).
2. Массовые жилища в городах южной Руси. — Жилища полуземляночного типа на городищах Киевской земли XI—XIII вв. Княжа гора, Девичь-гора, Шаргород (*354*). Белгород (*356*). Райковецкое городище (*357*). Выгород (*357*). Коростень (*358*). Колодяжин (*358*). Жилища-полуземлянки на городищах Левобережья (*359*). Донецкое городище (*359*). Ницаха (*360*). Полтава (*360*). Любеч (*360*). Чернигов (*361*). Переяславль (*361*). Жилища-полуземлянки на городищах Галицко-Волынской земли. Коршив (*361*). Городница (*361*). Галич (*361*). Плеснеск (*362*). Полуземляночные жилища Старой Рязани и Суздаля (*363*).
3. Заключительные замечания. — Полуземлянка с глинобитными стенами на деревянном каркасе — основной тип массовых жилищ южнорусских городов (*364*). Генезис этого типа жилищ (*367*).

Глава VIII. Городское ремесло . . . . . 369—487
1. Вводные замечания. — Археологические материалы как важнейший источник для изучения киевского ремесла (*369*). Некоторые вопросы методики изучения ремесла (*371*). Проблемы датировки памятников (*372*).
2. Кузнечное дело. — Выделение кузнечного ремесла и его дальнейшая специализация (*373*). Районы расселения кузнецов в городах (*374*). Жилище кузнеца, найденное в Киеве (раскопки 1946 г.) (*374*). Виды изделий кузнечного ремесла IX—XIII вв. (*374*).

3. «Кузнецы злату, серебру и меди». — Высокое развитие обработки цветных и благородных металлов в Киеве (*375*). Важнейшие источники для изучения ювелирного ремесла (клады драгоценных изделий, остатки мастерских, находки инструментария и изделий ювелирного ремесла) (*376*). Важнейшие виды обработки цветных металлов (*377*). Литье по восковой модели с сохранением глиняной формы и по объемной модели с утратой формы (*378*). Литье в каменных формах (*380*). «Имитационные» формочки (*381*). Мастерская литейщика (раскопки 1948 г.) (*387*). Ковка и чекан (*392*). Техника сплошной позолоты и инкрустации (*392*). Техника золотой росписи на меди (*392*). Мастерские медных изделий на Киселевке (раскопки 1933 г.) и в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря (раскопки 1938 г.) (*393*). Тиснение на матрицах (*393*). Происхождение этой техники и ее преимущество (*394*). Изделия из медной, серебряной и золотой проволоки (*396*). Скань (*396*). Зернь (*396*). Чернь (*397*). Инкрустация (*397*). Перегородчатая эмаль (*397*). Мастерские по производству изделий с перегородчатой эмалью (раскопки 1907—1908 и 1936—1937 гг.) (*398*). Ассортимент изделий (*401*). Происхождение техники перегородчатой эмали (*402*). Выемчатая эмаль на бронзовой основе (*402*).
4. Стеклоделие. — Вопрос о стекловарении на Руси (*402*). Мастерские стеклянных изделий в Киеве (раскопки 1907, 1948, 1950, 1951 гг.) (*403*). Виды стеклянных изделий (*406*). Браслеты и вопрос о месте их производства (*406*). Перстни (*408*). Посуда (*408*). Мозаичные смальты (*410*). Оконное стекло (*410*).
5. Гончарное дело. — Гончарные изделия — наиболее многочисленная группа археологических памятников (*411*). Остатки керамических печей в Киеве (раскопки 1946 и 1948 гг.) (*414*). Гончарный круг (*414*). Глиняная посуда и ее разновидности (горшки, рукомойники, кувшины, ковши, сосуды для хранения зерна) (*415*). Амфоры (корчаги) для вина и вопрос о месте их производства (*421*). Клейма гончаров на донцах сосудов (*435*). Княжеские знаки (*444*). Поливная посуда и писанки (*446*). Расписная посуда (*448*). Светильники и фонари (*449*). Терракота и вопросы ее датировки (*451*). Производство строительных материалов (*453*). Кирпич (*453*). Печь для обжига кирпича (раскопки 1946 г.) (*458*). Черепица (*462*). Голосники (*464*). Майоликовые плитки (*464*). Мастерская поливных плиток (раскопки 1908, 1937—1938 гг.) (*466*).
6. Обработка дерева, кости и камня. — Киевские «древоделы» по письменным источникам (*468*). Деревянные изделия (*468*). Инструментарий (*469*). Изделия из кости (*470*). Костерезные мастерские, открытые в усадьбе Петровского (*470*). Костерезные мастерские на Киселевке (раскопки 1897 и 1928—1929 гг.) (*471*). Обработка камня (*471*). Заготовка строительных материалов (*471*). Резьба по камню (*472*). Камнерезная мастерская (раскопки 1908 г.) (*472*). Шиферные саркофаги (*472*). Жернова (*472*). Мелкие каменные изделия (*473*). Мастерская янтарных изделий (раскопки 1938 г.) (*473*). Мастерская (?) по изготовлению бус (*473*). Каменные иконки (*474*). Литейные формочки (*474*).
7. Обработка кожи, ткацкое и портняжное дело. — Кожевенные изделия и инструментарий кожевников (*474*). Ткани местного производства (*476*). «Швецы» (*476*).
8. «Книжное строение» и иконопись. — Древнейшие киевские рукописи (*477*). Книжные писцы (*477*). «Златописцы» (*477*). Иконописцы (*478*). «Мастерская художника» (раскопки 1938 г.) (*478*).

Стр.

9. Некоторые вопросы социального развития ремесла. — Вводные замечания (*479*). Формы сбыта ремесленной продукции (*479*). Вотчинные ремесленники на княжих, боярских и монастырских дворах (*480*). Организация вотчинного ремесла (*481*). Ремесленники городского посада (*484*). Районы сбыта ремесленной продукции (*484*).

Глава IX. Киев и монгольское нашествие . . . . . 488—518

1. Вводные замечания. — Вопрос о роли монгольского нашествия для последующих судеб Киева в русской и украинской историографии (*488*). Археологические источники для изучения этой проблемы (*493*).
2. Памятники трагической борьбы за Киев в декабре 1240 г. — Жилища-мастерские в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря (раскопки 1938 и 1949 гг.) (*496*). Жилища на Б. Житомирской ул. (*498*). Тайник под развалинами Десятинной церкви (раскопки 1939 г.) и аналогичные памятники (*498*). Братские могилы (*504*).
3. Летописное повествование об осаде Киева в свете археологических источников (*508*).
4. Киев после монгольского погрома (*515*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ . . . . . 519—543

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ . . . . . 544—545

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ . . . . . 546—553

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ . . . . . 554—559

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ, АРХИВОВ, МУЗЕЕВ, ВЫСТАВОК И КОЛЛЕКЦИЙ ДРЕВНОСТЕЙ . . . . . 560—561

СПИСОК РИСУНКОВ . . . . . 562—565

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ . . . . . 569—572

ТАБЛИЦЫ

ПЛАН КИЕВА

ПЛАН ВЕРХНЕГО КИЕВА И ПОДОЛА

Михаил Константинович Каргер

ДРЕВНИЙ КИЕВ

*

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

*

Редактор Издательства *К. И. Кочергин*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректоры *Н. Ф. Виноградова* и *Ф. Я. Леонова*

Сдано в набор 15/II 1958 г. Подписано к печати
26/V 1958 г. РИСО АН СССР № 119-9В.
Формат бумаги $82 \times 108/_{16}$. Бум. л. $21^1/_4$.
Печ. л. $42^1/_2 = 69{,}68$ усл. печ. л. + 5 вкл.
Уч.-изд. л. 51.86 + 5 вкл. (1.16). Изд. № 548.
Тип. зак. № 553. М-20685. Тираж 4000.
Цена 35 р. 10 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, В. О., Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, В. О., 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
82	21 снизу	имнению	мнению
118	7 сверху	т. е. в 651 г.	в 651 г.
171	19 снизу	15 × 15 см	1.5 × 1.5 см
185	подпись под рис. 33	душка	дужка
195	16 снизу	то	о
234	4 сверху	пей	в ней
252	2 снизу	питания	питанпя
273	16 сверху	являвшемся	являвшимся
276	18 »	Торжек	Торжок
294	7 »	Кожемякиным,	Кожемяками,
496	14 »	маленвкого	маленького
515	15 »	Польши государства.	Польши.
540	15 »	предметов	переплетов